

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

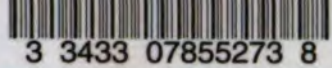
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07855273 8

1 11717

468

27/10
2557

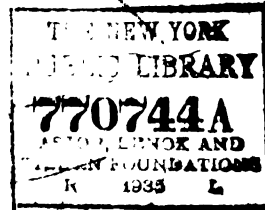
МОСКВИТЯНИЦЪ.

1849.

№ 17.

Сентябрь.

Кн. 1.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

НОЧЬ НА ИВАНОВЪ ДЕНЬ.

ПОВѢСТЬ.

Съ тѣхъ поръ, какъ сталъ себя помнить, я былъ охотникъ до всѣхъ охотъ. Я любилъ ловить птицъ, ходить съ ружьемъ, удить рыбу, ѣздить съ собаками. И однакожь, я любилъ охоту не столько для охоты собственно, сколько потому, что она помогала мнѣ проводить цѣлые дни въ лѣсу, въ полѣ, на берегу какой-нибудь рѣчки, гдѣ въ знойный, лѣтній полдень, такъ отрадно сидѣть подъ тѣнью ракиты, и прислушиваться къ однообразному шуму струи, переливающейся по камыщкамъ. Словомъ, я любилъ охоту, какъ проводника, сближающаго меня съ природою. Бывало, въ началѣ весны, отправишься, вечерней зарей, на тяжку вальшнеповъ, сторожить добычу гдѣ-нибудь въ кустахъ, между крупныхъ лѣсовъ, — и не налюбуеться чуднымъ весеннимъ вечеромъ! Молодая травка уже покрыла своей изумрудной зеленою луга и поляны; лѣсъ только что на-

Отд. 1.

1

PERL, JAN 21 1935

чалъ одѣваться. Тихо такъ, что ни одна вѣточка не колыхнется, и между тѣмъ какая-то свѣжесть дышетъ въ лицо запахомъ распускающихся листьевъ и разцвѣтающей черемухи и фіалки. И посреди этой тишины, то послышится пѣсня жаворонка, то рѣзкій крикъ коростеля, или перепела, въ кустъ; то, вдали, вечерняя хороводная пѣсня крестьянокъ, которая звонко и весело раздается въ ближнемъ селѣ, и отголоски которой далеко несутся въ тонкихъ струяхъ весенняго воздуха. А тутъ, смотришь, или вальдшнепъ пролетитъ надъ головой, или заяцъ мелькнетъ въ опушкѣ.... выстрѣлъ грянетъ, эхо понесетъ его перекатами по лѣсу, — и долго послѣ того голубоватый дымокъ стелется и лежитъ на травѣ, будто вечерній туманъ надъ рѣкой.... Въ Юнѣ мѣсяцѣ, охота на молодыхъ тетеревей и на дупелей выманиваетъ стрѣлка, еще на разсвѣтѣ, въ широкое раздолье луговъ, которые въ это время такъ роскошно украшены и волнами высокой, шелковистой травы, и милліонами полевыхъ цвѣтовъ. Объ осени нечего и говорить. Осенью пролетѣть дичи всѣхъ родовъ просто заставляетъ охотника, съ утра и до ночи, жить въ кустахъ и въ лѣсу, гдѣ яркая пестрота опадающихъ листьевъ и прельщаетъ взоръ, и наводитъ на душу невольную грусть, когда подумаешь, что этотъ великолѣпный осенній нарядъ лѣсовъ—нарядъ предсмертный.... Да, есть много людей, умѣющихъ понимать и цѣнить красоты природы; но только натуралистъ да охотникъ могутъ ихъ видѣть вполне; только ихъ глазъ можетъ подмѣтить всѣ малѣйшіе, безчисленные оттѣнки этихъ красотъ, и только имъ однимъ и въ шелестѣ вѣтерка по травѣ, и въ шумѣ лѣсовъ, и въ плескѣ волны слышится что-то знакомое, что-то привѣтливое, будто въ голосъ друга, съ которымъ они неразлучны....

На ружейную охоту я рѣдко бралъ товарища; но на ловлю перепеловъ, куда надобно тащить съ собой и дудки, и сѣть, и клѣтку съ накликной самкой, и когда притомъ, на этой охотѣ часто случается проводить цѣлую лѣтнюю ночь напролетъ, отъ вечерней зари до утренней, я приглашалъ иногда съ собой двороваго человѣка изъ сѣдняго

селенія, по ремеслу садовника, но по страсти такого же охотника, какъ и я самъ.

Это былъ человекъ съ небольшимъ лѣтъ сорока, довольно еще крѣпкій и проворный, но посѣдѣвшій, какъ лунь, и чрезвычайно худощавый. Звали его Алексѣй Петровъ. Онъ казался мнѣ какъ-то страненъ; но вообще былъ не глупъ, и подчасъ я любилъ потолковать съ нимъ и объ охотѣ и о садоводствѣ, въ которомъ, впрочемъ, большихъ практическихъ занятій ему не было; потому что въ то время, когда отдали въ его распоряженіе прежній, довольно обширный садъ, въ немъ ровно ничего не оставалась, кромѣ мѣста да названія. Господа Алексѣя Петрова никогда въ деревнѣ не жили; за садомъ, съ давнихъ лѣтъ, смотрѣніе было плохое; и когда, отъ холодныхъ зимъ и отъ мышей, большая часть яблонь погибла, посадить и наполнить садъ, на который ремонта не шло, рѣшительно было нѣ чѣмъ. Поэтому и Алексѣй Петровъ точно также только числился при имѣніи садовникомъ, какъ пустое мѣсто числилось садомъ. Работы ему ровно никакой не было, кромѣ того, что онъ каждую весну, и то съ помощью крестьянскихъ бабъ, которыя давались ему въ подмогу, засаживалъ нѣсколько грядъ картофелемъ, огурцами и кое-какимъ другимъ овощемъ, для продовольствія прикащика, дворни и своего собственнаго. Другой на мѣстѣ Алексѣя Петрова былъ бы очень доволенъ такой праздною жизнью, тѣмъ болѣе, что ему, какъ человеку совершенно одинокому, господскаго содержанья и жалованья было слишкомъ достаточно. Но онъ, не въ примѣръ большей части дворовыхъ людей, вообще страдающихъ лѣнью, любилъ дѣятельность, и въ свободное время, котораго такъ много оставалось у него, лѣтомъ ходилъ на охоту и рыбную ловлю, а зимой вязалъ тенета и рыболовныя и перепелиныя сѣти, которыя всегда умѣлъ сбывать довольно выгодно. Часто приносилъ онъ и ко мнѣ то дичь, то рыбу, то работу свою, и эта-то страсть его къ охотѣ и къ работѣ познакомила меня съ нимъ. Одинъ только былъ въ немъ порокъ — пьянство; но пьян-

ство не постоянное, не ежедневное, а периодическое и больше болзненное, чѣмъ прихотливое; онъ пилъ, какъ говорить у насъ, запоемъ. Бывало, мѣсяца три, иногда и полгода, хорошъ какъ нельзя больше, рюмки вина въ ротъ не возьметъ, духу его слышать не можетъ; но потомъ вдругъ найдеть на него блажь, и онъ пьетъ двѣ, три недѣли безъ просыпа. Жалѣя его, часто я ему говаривалъ, какъ постыдна и вредна эта страсть, совѣтовалъ оставить ее, и разспрашивалъ, отъ чего она въ немъ родилась; но онъ всегда, въ такомъ случаѣ, давалъ мнѣ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «Видно, ужъ таковъ мой грѣхъ. Господь Богъ послалъ на меня этого крестъ, Онъ одинъ и можетъ снять его.» Вообще онъ не любилъ этого разговора; всякій разъ старался какъ-нибудь замаять его, и отъ всѣхъ дальнѣйшихъ разспросовъ моихъ отдѣлывался молчаньемъ. Съ этимъ-то челоуѣкомъ пошелъ я однажды вечеромъ, въ концѣ Мая мѣсяца, на ловлю перепеловъ.

— Куда жъ мы пойдемъ? — спросилъ я его.

— Куда угодно.

— Къ Болотцу?

— Нѣтъ, — сказалъ Алексѣй Петровъ, — что тамъ дѣлать. Пойдемте лучше въ Поляны.

— Да вѣдь это далеко; туда надобно идти ужъ на цѣлую ночь.

— Такъ что жъ? Видите, какова заря-то; ночью, должно быть, погода не переизмѣнится, и, можетъ статься, утреннее поле будетъ еще лучше вечерняго.

Въ самомъ дѣлѣ, на небѣ не было ни одного облачка. Вечеръ былъ ясный, теплый и тихій; онъ обѣщаль такую же ночь и утро. На закатъ солнца, мы отправились версты за четыре отъ дома, въ мелкіе кусты, которые, занимая огромную луговую площадь, между лѣсовъ и полей, назывались Полянами.

Не смотря на благоприятную погоду, вечернее поле наше было неудачно, потому что, на этотъ разъ, въ кустахъ мы какъ-то мало нашли нужной намъ дичи.

Между тѣмъ заря совершенно потухла. Не стало слышно ни отдаленнаго говора въ селѣ, ни скрипа тельжныхъ колесъ по дорогѣ. Птицы также все смолкли. Короткая лѣтняя ночь, хоть не надолго, а все-таки взяла свое: глубокая, торжественная тишина настала повсюду. Охота наша должна была прекратиться до новой зари.

Мнѣ было досадно, что Алексѣй Петровъ завелъ меня въ пустыя мѣста и не пошелъ туда, куда я звалъ его, и гдѣ навѣрное нашъ ловъ былъ бы удачнѣе.

— Нѣтъ, здѣсь ночевать не для чего — сказалъ я ему; — мы и въ утреннее поле ничего здѣсь не поймаемъ. Надобно непременно идти къ Болотцу.

— Что вамъ далось это Болотцо, — замѣтилъ Алексѣй Петровъ съ неудовольствіемъ.

— Да вѣдь самъ же ты слышалъ давича, когда мы пришли сюда, что въ той сторонѣ кричатъ перепела. Это именно около Болотца.

— Слышать-то слышалъ, — сказалъ онъ съ разстановкой, — только мнѣ кажется, это гораздо правѣе, къ Лутоховой вершинѣ. Впрочемъ, коли вамъ угодно, уже на разсвѣтъ, мы можемъ податься туда; а теперь лучше соснемте немножко. Видите, какъ здѣсь, за лѣсомъ, хорошо и тепло; а тамъ мѣсто сырое, близко рѣки, того и гляди простудитесь. Свое здоровье дороже охоты, сударь.

Я давно замѣчалъ, что Алексѣй Петровъ не очень любить мѣсто, на которое я звалъ его. Теперь я видѣлъ также, что онъ всячески отъѣзживается идти туда, и мнѣ тѣмъ любопытнѣе было узнать причину такого отвращенія, что объ этомъ мѣстѣ носилось въ народѣ много чудныхъ преданій и суевѣрныхъ рассказовъ. Само по себѣ, мѣсто это не представляло ничего чуднаго и ужаснаго. Это была открытая луговина десятины въ двѣ, лежащая на отлогомъ скатѣ,

между пашень. На лужайкѣ росли рѣдкіе кусты; по срединѣ ея былъ ключъ; струи его, разбѣгаясь по полянѣ, образовали небольшое болотцо, имя котораго и носили на себѣ всѣ лужайки. Не вдалекѣ, у подошвы ската, протекала небольшая рѣка. На другой сторонѣ рѣки росъ березовый лѣсъ. Болотцо это было верстахъ въ трехъ отъ моей деревни. На немъ иногда, по ночамъ, видали блуждающіе огоньки. Окрестные жители были твердо увѣрены, что тутъ зарытъ кладъ, и это-то было источникомъ всѣхъ чудныхъ разсказовъ о таинственномъ Болотцѣ.

— Послушай, Алексѣй Петровъ,—сказалъ я моему товарищу, — я знаю, что ты не такой охотникъ, который бы промѣнялъ охоту на сонъ. Ты советуешь мнѣ уснуть здѣсь отъ того только, что боишься идти ночью къ Болотцу.

Онъ посмотрѣлъ на меня, какъ будто надумываясь, что отвѣчать.

— Боятся-то чего,—сказалъ онъ наконецъ;—а какъ-то жутко.

— Стало быть, ты слыхалъ объ этомъ мѣстѣ что-нибудь страшное?

— Какъ же не слышать-то; я чай, и вы слышали?

— И ты вѣришь этимъ разсказамъ?

Онъ задумался. — А Богъ знаетъ.... не знаю, какъ сказать.

— Случалось ли по крайней мѣрѣ тебѣ самому быть ночью на этомъ мѣстѣ?

— Однажды случилось.

— И ты видѣлъ что-нибудь?

Онъ опять задумался.

— Видѣлъ много,—сказалъ онъ потомъ, махнувъ рукой.

Я посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ. Любопытство мое разгорѣлось еще сильнѣе и я приступилъ къ нему, чтобъ онъ разсказалъ мнѣ, что именно онъ тамъ видѣлъ. Но онъ колебался.

— Послушайте, баринъ,—сказалъ онъ,—мнѣ тяжело будетъ рассказывать о томъ, что вы у меня спрашиваете, и я знаю, что отъ этого завтра же напьюсь пьянъ. А вы, пожалуй, будете еще смѣяться надъ моими рассказами.

Я сказалъ ему, что напиться пьянымъ я его не допущу, и увѣрилъ, что если съ нимъ действительно случилось что-нибудь неприятное, то скорѣй пожалуйю о немъ, нежели буду смѣяться. Наконецъ мнѣ удалось убѣдить его.

— Ну такъ и быть,—сказалъ онъ; — я васъ люблю; авось мнѣ будетъ легче, когда расскажу вамъ то, чего никому еще не рассказывалъ.

Мы услысь около куста, и Алексѣй Петровъ началъ:

— Мнѣ было, думаю я такъ, годовъ осьмнадцать или девятнадцать, когда меня взяли въ кучера. Взяли однакожь не съ деревни, а изъ двора же, гдѣ до тѣхъ поръ пырляли куда приведется. То въ садъ, бывало, пошлютъ работать, къ садовнику; то дровъ прикащику нарубить; то воды привезть; то кой-куда на посылки; ну, извольте знать, болтался то туда, то сюда, и самъ ужъ былъ радъ попасть къ одному мѣсту. Да и кучерская-то должность была у насъ небольшая. Господа и тогда здѣсь не жили; лошадей было не много; надо только было тѣдить съ прикащикомъ, потому что прежній кучеръ становился старъ. Вотъ меня и дали ему въ помощь.

Дядя Савелій — старый-то кучеръ, покойникъ, дай Богъ ему царство небесное! — былъ человекъ добрый. Маленькій, лысенькій старичекъ, да словоохотный такой, что иной разъ, бывало, слушаешь, слушаешь его, да и не переслушаешь. Онъ же прежде служилъ при баринъ; вездѣ съ нимъ бывалъ, всего насмотрѣлся; такъ о чемъ бы кто ни заговорилъ съ нимъ, онъ тутъ же, къ слову, расскажетъ такую диковинку, что и руками врозь.... Въ примѣръ вамъ сказать: былъ у насъ господскій быкъ; важный, заводскій быкъ, только ужъ такой злобный, что и

приступа нѣтъ. Бьетъ встрѣчнаго и поперечнаго. Вотъ дворовые наши и собрались между собой, и толкуютъ, что съ этимъ быкомъ будетъ не безъ грѣха, что онъ уходитъ кого-нибудь. А дядя Савелій и говоритъ скотнику:—стыдно тебѣ, говоритъ, что ты не съумѣешь справиться съ такимъ быкомъ! Когда мы, съ бариномъ, жили въ крѣпости (баринъ-то, изволите видѣть, былъ въ какой-то крѣпости комендантомъ), такъ я у него ходилъ и за лошадьми и за скотной. И былъ у насъ быкъ дикій, Киргизскій быкъ, такъ я и того какъ приучилъ: схвачу за рога, вспрыгну къ нему на шею, да въ стадо-то и ѣду на немъ верхомъ. А быкъ-то, говорю тебѣ, не такой быкъ, съ медвѣдемъ справлялся....

— Какъ съ медвѣдемъ? спросишь его.

— А вотъ какъ. Пошелъ я, какъ-то вечеромъ, за нимъ въ стадо; смотрю, быка-то моего нѣтъ. Спрашиваю у пастуха; должно быть, говоритъ, въ лѣсъ забрелъ. Я въ лѣсъ. Шелъ, шелъ, слышу вдругъ, быкъ мой реветъ, да слышу и медвѣжій ревъ. Я туда, глядь, огромный медвѣдь стоитъ на заднихъ ногахъ, а быкъ приперъ его рогами къ дереву, да такъ и держитъ. Медвѣдь-то и такъ, и сякъ, хочеть его прихватить передними лапами; да нѣтъ, ослабѣлъ, силы не хватаетъ. Вотъ, я схватилъ орясину, да и давай его гладить по косматой головѣ. Да какого мишку-то уходилъ, въ косую сажень ростомъ!....

Еще любилъ онъ похвастаться, что былъ, при баринѣ, во всѣхъ должностяхъ. И кучеромъ, и камардиномъ, и егеремъ, и поваромъ. Про охоту рассказывалъ, что въ походъ, когда дрови не хватить, ему пулей случалось бивать, съ разу, утокъ по тридцати. — Сноровлю, говоритъ, какъ онъ на озеръ сплывутся рядкомъ; да и пуцу пулю вдоль по линіи, такъ всѣхъ словно на нитку и нанижу. — А про поварское мастерство свое варивалъ, что въ военное время, когда бывало барину нечего кушать, онъ пойдетъ на мѣсто сраженія, отрубить кусокъ мяса отъ застрѣленной лошади, изобьетъ его, вмѣсто ножа, тесакомъ, изжарить, вмѣсто вертела, на штыкъ, да и

подасть барину такой бифстекъ , что лучше всякой говядины. Разъ какъ-то , прикащикова поваръ и заспорилъ съ нимъ; не повѣрилъ, чтобы баринъ сталъ кушать лошадиное мясо. А онъ глядитъ на него да качаетъ головой:—дуракъ ты, дуракъ, говорить, дивишься, что въ военное время, часто приходится и лошадиное мясо въ сласть; а самъ ничего не знаешь, что есть люди людоеды.

Чудакъ былъ, покойникъ! Теперь какъ вспомнишь все, что онъ рассказывалъ, такъ, иное мѣсто, смѣшно станеть. А въ ту пору я былъ малый молодой, нигдѣ не бывалъ, ничего не видалъ; къ тому же былъ не грамотный, такъ дивишься, дивишься, бывало, его словамъ, да и подумаешь: ну какъ не повѣрить человеку, который своими глазами видалъ такія диковинки, о какихъ мы и слыхомъ не слыхали!....

Вотъ какъ-то, увидѣлъ я у дяди Савелья, въ конюшнѣ на гвоздикъ, перепелиныя дудки.

— Дядя Савелій, — говорю я ему, — никакъ ты и перепеловъ лавливалъ?

— Эка штука, говорить, перепеловъ! Когда мы, съ бариномъ, жили въ крѣпости, такъ я и тетеревей кривалъ шатромъ, и куропатокъ кривалъ шатромъ красныхъ и бѣлыхъ. Да какъ? штукъ по пятидесяти разомъ.

— Ну это, я говорю, само по себѣ; а отъ чего жъ ты теперь не ходишь за перепелами?

— Нѣтъ, братъ Алеша, говорить, закаялся ходить на эту проклятую охоту; другу нѣ другу закажу, да и тебѣ не советую.

— Что же, молъ, такое случилось съ тобой?

— А вотъ что, слушай:

— Когда баринъ уволилъ меня сюда, на покой, вижу я, что здѣсь сторона вовсе ничтожественная; совсѣмъ не то, какъ живали мы въ Сибири или въ Польшѣ: ни звѣря, ни птицы никакой нѣтъ; не чѣмъ заняться. Я и сталъ отъ скуки перепелишекъ ловить. Ловлю я однажды, вече-

ромъ. Ловъ былъ чудный, такъ и валятся подъ сѣть. Наловилъ цѣлый мѣшокъ; близко къ полуночи; перестали кричать, а еще осталось много. Думаю: самъ ночую въ поле, да возму еще и утреннюю зарю. Прилегъ, задремаль. Вдругъ, подлѣ самого меня, какъ хватить перепелъ, инда я вздрогнулъ. Смотрю, темнехонько; какъ разъ полночь. Подумаль, ужъ не почудилось ли мнѣ съ просонковъ: какъ въ эту пору перепелу кричать? А онъ въ другой разъ; да перепелъ-то какой! словно молотомъ бьетъ; на охотника рублей пятидесяти стоитъ. Постой же, голубчикъ, говорю я себѣ, видно ты горяченькій, мы съ тобой справимся. Я въ дудку, а онъ фррръ отъ меня десятины на двѣ, да опять прокричалъ. Эхъ, молъ, птица-то обитая, пуганая, не скоро поймашь. А больно хорошъ, поймать хочется. Подался я не много къ нему, ударилъ въ дудку; а онъ опять отъ меня. Я къ нему, а онъ отъ меня, все дальше, да дальше, да и привелъ меня прямо въ Болотцо. Слышу, кричитъ въ кустъ, у самага ключа, и съ этого мѣста ужъ не трогается; ко мнѣ не идетъ и прочь не летитъ. Ужъ я бился, бился, подманивалъ его и такъ и сякъ—нѣтъ. Постой же, думаю, дай-ко я его наволокомъ покрою. Распустилъ сѣть, волоку, иду прямо къ нему, а онъ словно меня и не слышитъ: кричитъ себѣ, заливаётся все на томъ же мѣстѣ. Подошелъ я къ самому къ нему, сталъ наволакивать сѣть на кустъ, — какъ вдругъ изъ куста ерзанеть, да вмѣсто перепела, прямо мнѣ подъ ноги, кошка... Какъ ахну, да такъ и остолбенѣлъ; стою на одномъ мѣстѣ, и руки и ноги подкосились. И кошка стоитъ да на меня смотритъ, а глаза у нея такъ и горятъ, какъ огонь. Опомился я не много. Тѣфу ты, проклятая, говорю, испугала до смерти, чтобъ тебѣ провалиться! Глядь, а ея ужъ и нѣтъ, словно въ самомъ дѣлѣ сквозь землю провалилась. И перепелъ тутъ же пропалъ: и не кричитъ и изъ куста не вылетаетъ.... Жутко мнѣ стало; я поскорѣ домой, унеси только Господи отъ проклятаго мѣста. Однакожъ перешелъ черезъ рѣчку, отъ сердца-то поотлегло у меня. Дай-ко, думаю, остановлюсь да послушаю, не кричитъ ли гдѣ опять пере-

пель. Оглянулся назадъ, и вижу, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ пропалъ, горитъ огонекъ, какъ свѣчка.... Тутъ-то я спохватился, да ужъ поздно: это, братецъ ты мой, давался мнѣ кладъ. Кабы я кошку-то не проклялъ, а перекрестился бы да сказалъ: «Аминь, аминь, разсыпья!» тутъ бы и огребай денежки....

Въ другой разъ опять ловилъ я перепеловъ, подлѣ самой рѣчки, только ужъ на этой сторонѣ, а не на той, гдѣ Болотцо; туда ходить все какъ-то брала меня робость. Вотъ какъ совсѣмъ смерклося, какъ стала опять наступать глухая пора, и слышу я, въ Болотцѣ кричатъ тотъ же самый перепель. — Ахъ, думаю, вѣдь опять дается мнѣ кладъ.... И тянетъ меня идти туда, и страшно. Только, пока я раздумывалъ да разгадывалъ, слышу, ужъ перепель мой близехонько ко мнѣ подался: кричитъ на самомъ на берегу, только черезъ рѣчку перелетѣть. Ну, молъ, теперь это ужъ настоящая птица, а не оборотень. Я его поманилъ, и жду: вотъ сейчасъ перелетитъ.... А вмѣсто того, какъ бултыхнется кто-то въ воду, да и поплывъ прямо ко мнѣ; да такъ страшно плещется, что у меня инда волосъ дыбомъ сталъ.... Схватилъ я сѣть, да бѣжать; прибѣжалъ въ деревню, да такъ и отдохнуть не могу....

Кажется, довольно ужъ страху натерпѣлся, чего бы больше? такъ нѣтъ, и этимъ не пронялся. Недѣли черезъ двѣ, охота опять выманила. Только пошелъ я совсѣмъ въ другую сторону: къ осиновой рошѣ. Тамъ, думаю, мѣсто благополучное. И сижу, и ловлю перепела. Крикомъ какъ будто похожъ на того, который ужъ два раза подшутилъ надо мной, однакожъ есть какъ будто и разница; и идетъ такъ хорошо, какъ слѣдуетъ. Въ это время и набѣги облачко; сдѣлалась тьма такая, что зги не видать. А перепель, слышу, ужъ подъ сѣтью. Я только сталъ приподниматься, чтобы дернуть сѣть, а надъ самой надъ моей головой словно кто-то захохочетъ, да захопаеетъ въ ладоши такъ громко, что у меня въ ухахъ зазвенѣло.... Тутъ ужъ я и не помню, что было со мной; бросилъ въ полъ и сѣть и клятку съ самкой,

и прибѣжалъ домой съ одними дудками; да и тѣ не потерялъ отъ того только, что онъ въ рукѣ у меня такъ и замерли.... Съ тѣхъ поръ полно ходить на перепеловъ. Даже утромъ не пошелъ самъ за сѣтью, а послалъ ребятишекъ посмотреть, цѣла ли она. Куда! и слѣду нѣтъ; ни сѣти, ни самки какъ не бывало. Такъ вотъ, братъ, она какова, перепелиная-то охотка!....*

— Да кто жъ это, дядя Савелій, тебя пострацалъ и унесъ твою сѣть? — спросилъ я его.

— Чудакъ ты, чудакъ, — сказалъ онъ. — Развѣ ты не знаешь, что есть на свѣтѣ всякаго рода нечисть, и что лукавый принимаетъ на себя разныя личины для того только, чтобы соблазнить человѣка, напугать его и насмѣяться надъ нимъ? Извѣстное дѣло, что по водѣ плылъ ко мнѣ водяной, а подъ лѣсомъ хлопалъ надо мной въ ладоши лѣшій. И сѣть-то моя попала въ такія же руки. Послѣ, говорятъ, видѣли ее у Овечкинскаго мельника; а мельники всѣ колдуны; такъ тутъ нечего и спрашивать, отъ кого она къ нему попала.

— Ну, а отъ чего жъ ты не идешь отыскивать кладъ, когда знаешь навѣрное, гдѣ онъ положень?

— Экъ онъ шутить! — сказалъ дядя Савелій. — Нѣтъ, братъ, это легче сказать, чѣмъ сдѣлать. Кладъ бери, когда онъ дается, а коли ужъ не успѣлъ взять, такъ послѣ хоть сто человѣкъ приходи на это мѣсто и хоть копай они тутъ сто лѣтъ, все ничего не найдутъ. Либо онъ все будетъ дальше въ землю уходить, либо дороятся до такого камня, что его и цѣлая армія не вытащитъ, либо явится какое-нибудь страшилище, которое всѣхъ разгонитъ.... Знаю я, правда, одинъ секретъ, какъ добывать клады, — прибавилъ

* Вообще въ нашемъ простонародіи ходитъ много суевѣрныхъ разсказовъ о разныхъ чудесахъ и ужасахъ, встрѣчающихся на перепелиной охотѣ, во время ночной поры. Источникъ этихъ разсказовъ очень понятенъ: человѣку, кочующему въ полѣ, вдали отъ жилья и въ совершенномъ одиночествѣ, легко можетъ показаться или слышаться что-нибудь такое, чему суевѣрный страхъ придаетъ видъ явленія сверхъестественнаго.

онъ,—да больно ужъ страшно. Тутъ и грѣха много примешь на душу, и страшныя страсти увидишь, а, иное мѣсто, и голову тамъ положишь. Вотъ видишь ли, въ чемъ сила-то: въ ночь подъ Ивана Купалу, въ Юнѣ мѣсяцъ, всѣ травы цвѣтутъ, а въ томъ числѣ цвѣтетъ и трава папоротникъ. И цвѣтетъ она только одинъ часъ въ году, подъ Ивановъ день, въ самую полночь; и цвѣтъ на ней алый, и ночью какъ жаръ горить. Вотъ и надобно, въ эту ночь, пойдти куда-нибудь въ лугъ, гдѣ есть эта трава, и сѣсть и дожидаться, когда она зацвѣтетъ; да коли тебѣ удастся сорвать этотъ цвѣтокъ, такъ тутъ тебѣ и всякій кладъ, какой бы ты ни захотѣлъ, дастся самъ собой, и все, чего бы ты ни пожелалъ, много исполнится. Да сорвать-то его хитро. Только что онъ начнетъ разцвѣтать, а тутъ тебя и стануть кликать со всѣхъ сторонъ: и изъ травы, и изъ воды, и изъ лѣса, и все разными голосами. И чѣмъ ты ближе будешь подходить къ цвѣту, тѣмъ страшнѣе и громче стануть раздаваться голоса; и стануть являться всякія чудища и соблазны. И кузнечики съ лошадей, и лягушки съ корову, и люди съ лѣсъ, и русалки, всѣ нагія, выскочатъ изъ рѣки, и стануть тебя къ себѣ манить, — такъ тутъ-то и держи ухо востро. Если же чѣмъ-нибудь соблазнишься, или оглянешься назадъ, или только остановишься да захочешь послушать, кто тебя кличетъ, тутъ ужъ твой и конецъ пришелъ.... Туда тебя занесутъ, откуда не вынесешь ни праха, ни косточекъ....

Всѣ эти исторіи дядя Савелій рассказывалъ мнѣ вечеромъ, когда мы на сѣнникѣ ложились спать. Вотъ я лежу, да все думаю объ этомъ цвѣтѣ, съ которымъ даются клады и сбываются всякія желанія; и думаю я, какъ бы достать этотъ цвѣтъ. Да не для клада хотѣлось мнѣ достать его, — въ молодости человекъ на деньги мало зарится, — а вотъ для чего. Я уже вамъ докладывалъ, что я былъ дворовый. Дворня у насъ была большая; и много было дѣвушекъ, и славныя дѣвушки были, только ни къ одной изъ нихъ сердце у меня не лежало. А была у насъ на

деревнѣ дѣвушка Груша, бллая, румяная, глаза черные — просто красавица, — ту какъ бывало увижу, такъ сердце и хочеть выпрыгнуть. Летомъ, въ праздничные и въ воскресные дни, всегда собирались у насъ на улицѣ два хорова: одинъ дворовый, другой крестьянскій. Я ужъ всегда, бывало, уйду въ тотъ, гдѣ Груша. И замѣтилъ я, что и она умильно на меня посматриваетъ. И плясать со мной охотнѣе идетъ, чѣмъ съ другими, и въ горѣлки, когда стану ее ловить, поддается нарочно. А какъ станемъ вмѣстѣ бѣгать, такъ насъ до конца игры и не разобьютъ. Въ хоровадь, бывало, мы всегда ужъ рука съ рукой. И хоровадь кончится, и совсѣмъ стемнѣетъ, а мы все еще, гдѣ-нибудь за уголкомъ, шушу да шушу.... Ну, свыклись мы, полюбили другъ друга. Съ годъ продолжалось это; и такъ было мнѣ весело, и такъ мнѣ былъ красенъ тогда бѣлый свѣтъ, что, кажется, не взялъ бы барскаго барства. Только вдругъ, однажды, Груша мнѣ и говорить:

— Слышалъ ты, что староста хочеть просить меня за сына?

Меня какъ варомъ обдало.

— Какъ, говорю, за сына?

— Да такъ, говорить, хочеть просить, да и только.

— А ты пойдешь?

— Да что жъ мнѣ дѣлать-то? Отецъ съ матерью велеть, такъ пойдешь по неволь....

Тутъ только я спохватился, что полюбилъ Грушу, не спросясь съ разумомъ. Самъ я видѣлъ, что жениться мнѣ на ней нельзя. Къ какой стати стали бы брать крестьянскую дѣвку за двороваго чловѣка? И еще кабы я былъ чловѣкъ заслуженный, и сами бы господа были на лицо; а управляющій, если бы и хотѣлъ, такъ не могъ перемѣнить заведенныхъ порядковъ. Тутъ же былъ замѣшанъ староста; а разумѣется, для старосты скорѣй сдѣлають, чѣмъ для меня, какого-нибудь мальчишки. Горе взяло меня, а дѣлать нечего; хожу, словно камень на шеѣ. Одна только

оставалась отрада: тогда были Петровки, и старостинаго сына дома не было,—онъ жилъ въ Москвѣ, по паспорту,—такъ я и думаю, когда-то еще постъ пройдетъ, да когда-то старостинъ сынъ придетъ домой; а тамъ что Богъ дастъ. Въ это самое время случилось мнѣ разговориться съ дядей Савельемъ о томъ, что я сейчасъ вамъ рассказывалъ.

Онъ ужъ было задремалъ, а я опять сталъ его спрашивать.

— Какое же, моль, желаніе можетъ исполниться для того человѣка, которому удастся сорвать цвѣтъ парротника?

— Да всякое, говорить.

— Ну ежели бы я, примѣрно сказать, пожелалъ быть господиномъ?

— Такъ что жъ: нашель бы ты кладъ, откупился бы; а тамъ, съ денежками-то, нешто долго выйдти въ люди.

— Ну, а ежели бы я пожелалъ жениться?

— Эка хитрость какая! Стоитъ только кладъ найдти, а ужъ тамъ за невьстами дѣло не станеть. Пожалуй, иная и госпожа пойдетъ съ радостью.

— А если бы я вздумалъ жениться на крестьянкѣ?

— Тфу ты какой чудакъ! Да развѣ крестьянка милліоновъ стоитъ?

Въ самомъ дѣлѣ, подумалъ я, кабы мнѣ посчастливилось найдти кладъ, откупился бы я, внесъ бы деньги за Грушу, женился бы на ней, а тамъ.... а тамъ больше мнѣ ничего и не надобно.... — И точно, при одной мысли о томъ, что я могъ бы жениться на Грушѣ, мнѣ стало такъ весело, что я больше не могъ желать ничего.

— А вѣдь чай, дядя Савелій, сказалъ я опять, Ивановъ-то день скоро будетъ? Нынче у насъ, должно быть, Іюнь мѣсяць: Петровки.

— Ну конечно, что скоро. Пстой, дай Богъ память, которое нынче число? — И онъ началъ считать по пальцамъ:—20-е пятница, 21-е суббота, 22-е воскресенье, 23-е понедельникъ, 24-е вторникъ....ну такъ и есть, во вторникъ и будетъ. Али ты хочешь попробовать счастья, поискать кладовъ?

— Куда мнѣ, говорю, искать кладовъ! да и на что мнѣ они? А такъ, изъ любопытства разспрашиваю. — А самъ думаю: ужъ во чтобъ то ни стало, а пойду подь Ивановъ день искать чудный цвѣтъ; либо голову положу, либо Грушу добуду....

Вотъ и жду не дождусь Иванова дня; а между тѣмъ все хожу да высматриваю, въ какихъ мѣстахъ есть трава папоротникъ. Нашелъ я его и въ роцъ, около самаго селенія, — да нѣтъ, думаю, тутъ врядъ ли можетъ случиться что-нибудь чудное: больно близко къ жилью. И все что-то тянетъ меня къ Болотцу, проклятому мѣсту, гдѣ дядя Савелій своими глазами видѣлъ кладъ; и все думается, что на чудномъ мѣстѣ должна быть непременно эта травка, и что тамъ скорѣй совершатся всякія чудеса. И точно, нашелъ я и тамъ папоротникъ, да такой свѣжій, зеленый кустъ, что любо глядѣть; и чуть ли не на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ у дяди Савелья пропалъ перепелъ-оборотень. Ну, думаю, будь что будетъ, стану здѣсь искать своего счастья....

Еще гдѣ до полночи, подь Ивановъ день, пришелъ я къ Болотцу. Забрался въ самую чащу кустовъ, чтобъ меня кто не замѣтилъ, и засѣлъ въ такомъ мѣстѣ, откуда бы мнѣ съ глазъ не спускать кустъ папоротника. Ночь была тихая и теплая, но такая пасмурная, что не свѣтлѣе осенней. Долго сидѣлъ я, не видя и не слыша никакихъ чудесъ. Правда, въ травѣ трещали кузнечики, и около меня перелетали ночные жуки; въ поляхъ и кустахъ кричали коростели и перепела, а по рѣкъ далеко раздавалось кваканье лягушекъ; но ко всѣмъ этимъ голосамъ былъ я привыченъ; а только по временамъ слышалось мнѣ въ нихъ какъ будто

что-то необычайное, и меня бросало то въ жаръ, то въ ознобъ.... И вотъ, мало по малу, въ самомъ дѣлѣ эти голоса стали измѣняться: вмѣсто ночнаго жука, у меня надъ ухомъ, словно кто въ трубу трубитъ; въ рѣкѣ ужъ не лягушки квакаютъ, а какъ будто звонкимъ смѣхомъ хохочутъ дѣвки, купаются, плещутся въ водѣ, зовутъ играть съ собой. И изъ травы кто-то манитъ къ себѣ шепотомъ, и изъ лѣса вѣтеръ наноситъ ауканье.... Страшно стало мнѣ, сердце замерло.... смотрю, а на кустъ папоротника, какъ искорка, заалѣлся цвѣтъ.... И хочется мнѣ поскорѣе сорвать его, да не смѣю тронуться съ мѣста. А между тѣмъ цвѣтъ, съ каждой минутой, становится больше, все разгорается ярче; а крикъ, а шумъ, а голоса такъ и ревутъ вокругъ меня, инда волосъ дыбомъ становится. То кажется мнѣ, что на меня сзади бросается цѣлая стая собакъ и хочетъ разорвать меня; то кто-то стонетъ, словно чью душу губятъ и челоуѣкъ проситъ помощи; то въ лѣсѣ кто-то зоветъ меня, то въ рѣку кличетъ, да такимъ сладенькимъ голоскомъ, что такъ сердце и таетъ, словно Груша со мной перекидается.... Больше я не могъ оставаться на одномъ мѣстѣ и бросился къ цвѣтику; чтобы сорвать его поскорѣе. Я ужъ наклонился къ нему, ужъ казалось мнѣ, что онъ въ рукѣ у меня, а его будто вѣтромъ откачнуло: рука промахнулась, а цвѣтокъ стоитъ въ сторонѣ. Я опять протянулъ къ нему руку, онъ откачнулся въ другую сторону. Я хотѣлъ схватить его обѣими руками, смотрю, онъ ужъ на сажень отъ меня; на сколько я подвинусь къ нему, на столько и онъ отодвинется. Наконецъ я бросился на него со всего разбѣга; но чѣмъ скорѣе бѣжалъ за нимъ, тѣмъ проворнѣе и онъ убѣгалъ отъ меня; мелькалъ, вертѣлся вокругъ, какъ летучій огонекъ, никакъ не давался мнѣ въ руки, и до того закружилъ меня и измучилъ, что я ужъ не въ силахъ былъ больше бѣгать за нимъ. Духъ занялся, ноги подкосились; вижу, что мнѣ не догнать, не сорвать его. Остановился съ горя, и мнѣ пришла грѣшная, страшная мысль, взмолился не Господу Богу, а лукавому. «Лукавый, говорю, возьми мою душу;

только дай мнѣ сорвать цвѣтъ и исполни всѣ мои желанія!» И не успѣлъ я не только вымолвить эти слова, не успѣлъ даже помыслить, какъ вдругъ цвѣтъ остановился передо мной и самъ наклонился мнѣ въ руку. Я сорвалъ его, хотѣлъ поразсмотрѣть; а въ ту же минуту ко мнѣ подошелъ какой-то человѣкъ. Я вздрогнулъ: онъ какъ будто изъ земли передо мной выросъ, и мнѣ пришло на умъ, ужъ не самъ ли это лукавый. Смотрю однако: что жъ, въ немъ ничего вѣдь нѣтъ страшнаго: въ дорожномъ плащѣ, въ рукъ палка, на головѣ сѣрая, пуховая шляпа. Вижу, что онъ еще и не какой простой, а, должно быть, баринъ. Вотъ я и снялъ передъ нимъ шапку.

— Послушай-ко, любезный, сказалъ онъ мнѣ, ты откуда?

— Да вотъ, молъ, изъ Любикова.

— Ну это кстати, говорить; ты проводишь меня туда?

Я позамялся. — Вотъ, думаю, принесли нелегкая; теперь мнѣ бы отыскивать кладъ, а онъ мнѣ мѣшаетъ, да еще хочетъ увести съ собой. Пожалуй, все дѣло испортить.

— Проводить-то почему бы не проводить, говорю я; да, признаться сказать, мнѣ не время.

— Что жъ ты тутъ дѣлаешь?

— Да вотъ ловлю кое-какихъ птицъ.

— Неправда, братецъ, говорить, ты лжешь, съ тобой нѣтъ никакихъ птицеловныхъ снарядовъ. А у тебя другое на умъ.... Проводи-ко меня въ Любиково, я тебя награжу такъ щедро, какъ ты и не ожидаешь.

При этихъ словахъ такъ меня морозъ по кожѣ и подраля. Я опять посмотрѣлъ на незнакомца, и опять вижу: человѣкъ какъ человѣкъ; дьявольскаго ничего не замѣтно.

— Благодарю покорно. По милости барской я всѣмъ доволенъ. Сытъ, обуть, одѣтъ.

— Это само по себѣ; а у тебя есть невѣста на примѣтъ.... Такъ скажи ты мнѣ всю правду. Въ накладъ не будешь.

Тутъ онъ потрепалъ меня по плечу, да такъ ласково посмотрѣлъ на меня, что я, и самъ не знаю какъ, словно по неволѣ, все ему высказалъ и во всемъ признался.

— Ну, хорошо, говорить, это дѣло мы сдѣлаемъ, мигомъ женимъ на Грушѣ. Провожай же меня, ступай впередъ.

И чудно и страшно было мнѣ слышать эти слова. Пошелъ я однакожъ. Пришли мы въ село.

— Куда жъ прикажете проводить васъ? — спросилъ я его.

— Въ господскій домъ.

— Да вѣдь домъ занертъ, и ключъ у прикащика.

— Сходи къ прикащику, и скажи, чтобъ отперъ.

Я опять посмотрѣлъ на него.

— Прикащикъ, говорю, меня не послушаетъ.

— А если ты скажешь ему, что прѣхалъ помѣщикъ, такъ какъ же онъ не послушается?

— Такъ вотъ это кто! подумалъ я. Опрометью бросился къ прикащику; опрометью прѣбѣжалъ и прикащикъ отперъ домъ.

Войдя въ комнаты и поговоривъ съ прикащикомъ, баринъ опять потребовалъ меня къ себѣ.

Вхожу, и вижу: Груша стоитъ ужъ тутъ; да такая нарядная, какой я ее никогда и не видывалъ.

— Эта ли твоя невеста? — спросилъ баринъ.

Я упалъ ему въ ноги.

— Я хочу,—сказалъ онъ прикащику,—чтобъ они сейчасъ же были обвѣнчаны. — Потомъ велѣлъ подавать коляску, и везти насъ къ вѣнцу.

Тутъ онъ такъ мудро усмѣхнулся и глаза у него такъ сверкнули, что у меня и руки и ноги затряслись, и зубы защекали....

Чудно какъ-то было мнѣ вѣхать къ вѣнцу въ барской коляскѣ, и чудна казалась мнѣ и вся моя свадьба, безъ

сговора, безъ дѣвичника, безъ поѣзжанъ. Къ церкви одна-кожъ собралось много народа, но мнѣ казалось, что всѣ смѣются надо мной за тотъ почетъ, который мнѣ оказываютъ. — Ну, нашъ Алеша попалъ въ честь, — шептали между собой молодые ребята.

— Вижь, заломался въ коляску, — говорили другіе, — и сидѣть-то въ ней не умѣеть, — Народъ говорилъ между собой тихо, а между тѣмъ я такъ хорошо слышалъ всѣ эти слова, какъ будто бы кто-нибудь шепталъ мнѣ ихъ на ухо. Я боялся, что эти насмѣшки пристыдятъ и Грушу; взглянулъ на нее, а она, моя голубушка, стоитъ подъ вѣнцомъ, ничего не слышитъ, да такъ ласково мнѣ улыбається, что и я забылъ все на свѣтѣ, и словно былъ въ безпамятствѣ, пока настъ вѣнчали. Я только твердилъ безпрестанно: теперь она моя жена; теперь ужъ ее у меня никто не отниметь.

Когда мы пріѣхали отъ вѣнца, въ господской залѣ былъ накрытъ огромный столъ, какъ будто для барской свадьбы. За нами опять вошло множество народа, и староста тутъ же. Баринъ насъ встрѣтилъ, посадилъ за столъ и скалъ старость:

— Смотри жъ, угощай молодыхъ хорошенько, да съ ними и всѣхъ, кто тутъ есть, угости для моего пріѣзда.

Тутъ пошелъ пиръ горой. И пироговъ и вина и пива — всего въволю. Сижу, дивлюсь не надивлюсь, откуда все это взялось, такъ скоро? — Не даромъ, думаю, господа; имъ только слово сказать, и все готово.... Вдругъ баринъ пропалъ; у крыльца что-то загремѣло, и весь народъ повалилъ изъ залы. Остались только мы съ Грушей да староста.

— Гдѣ жъ баринъ? — спросилъ я.

— Уѣхалъ, — сказалъ староста, да такъ страшно захоталъ, что я по неволѣ вспомнилъ, какъ надъ дядей Савельемъ хохоталъ лѣпшій.

— Уѣхалъ, — повторилъ онъ, — и такъ какъ мнѣ приказано тебя угощать, такъ теперь пей же.

Онъ подалъ мнѣ стакацъ вина. Я не сталъ пить. Онъ хотѣлъ насильно мнѣ его вылить въ ротъ, я стиснулъ зубы. — Пей же, пей! — кричалъ онъ; — а коли не станешь пить, такъ все это вино и пиво я вылью тебѣ на голову. Ты отбилъ невѣсту у моего сына, такъ я тебя угощу же !....

Тутъ онъ схватилъ цѣлый кувшинъ пива и началъ поливать на меня. Мнѣ протекло за спину, стало холодно.... я вскочилъ.... смотрю: на дворѣ разсвѣтаетъ; а я на Болотцѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, куда пришелъ съ вечера; шапка съ меня свалилась, дождь льетъ мнѣ на голову, какъ изъ ведра, и гроза страшная....

Долго не могъ я опомниться, что такое было со мной. Наконецъ, когда я вразумился, что это былъ сонъ, тоска обуяла меня. Мнѣ стало грустно, что счастье видѣлось мнѣ только во снѣ; стало досадно на себя, что я проспалъ полночный часъ, въ который, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ цѣль папоротникъ; и наконецъ, когда я вспомнилъ, что хотя и во снѣ, а все-таки я готовъ былъ отдать душу свою не чистому, на меня напалъ ужасъ. Отъ всѣхъ этихъ мыслей и отъ дождя, который промочилъ меня насквозь, меня приняла битъ такая лихорадка, что я насилу дошелъ домой.

Съ этой ночи и до самаго Петрова дня пролежалъ я почти безъ памяти. Утромъ на Петровъ день мнѣ однакожъ полегчало, и я, хоть черезъ силу, а всталъ. — Пойду, думаю, къ обѣднѣ и помолюсь за грѣхи мои; а вечеромъ, въ хороводѣ, увижу Грушу и поговорю съ ней. Авось, у меня хоть немощко отляжетъ отъ сердца. — Только что я всталъ, прикащикъ и присылаетъ сказать, чтобъ я ѣхалъ съ нимъ къ обѣднѣ, кучеромъ. Я поѣхалъ. Во время обѣдни я попросилъ мужичка подержать лошадей, а самъ вошелъ въ церковь. Грѣшная мысль, пришедшая мнѣ во снѣ, тяжко лежала на душѣ у меня, и мнѣ хотѣлось хотъ сколько-нибудь очистить себя молитвой. Смотрю, въ церкви стоитъ старостинъ сынъ.

— Давно ли, — спросилъ я у одного нашего молодца, — пришелъ онъ изъ Москвы?

— Да ужь дни съ три, говорить. Нешто ты не зналь?

— Гдѣ жь знать, когда я лежалъ безъ памяти.

— Какъ же, говорить, нынче будетъ его и свадьба.

— Какъ свадьба, какая?

— Да вѣдь онъ женится на Грушкѣ на Власовой. Третьяго дня пропивали невесту,* а вчера былъ дѣвичникъ....

Такъ у меня сердце и упало. Ни живъ, ни мертвъ простоялъ я обѣдню; ни живъ, ни мертвъ и побѣхалъ отъ церкви. Вдемъ съ прикащикомъ по деревнѣ, мимо старости-наго двора, а онъ стоитъ у воротъ и кланяется:

— Батюшка, говорить, Иванъ Иванычъ, не проезжайте мимо; осчастливьте: пожалуйте въ мою хату.

— А зачѣмъ такъ? — спросилъ прикащикъ. Онъ, знаете, былъ у насъ изъ Нѣмцевъ.

— Да вотъ, говорить, снаряжаю сына къ вѣнцу, такъ въ такой великій часъ уважьте, не оставьте вашей милостью.

— Ну это карашо, говорить; почему не уважить.

Онъ пошелъ въ избу. Я остался съ лошадьми у воротъ. Сижу на козлахъ, и пока снаряжали да благословляли жениха, а меня опять такъ дрожь и колотить. Наконецъ отворили ворота. Женихъ съ дружкой выѣхали верхомъ. Подъ невесту выѣхала кибитка тройкой, съ колокольчикомъ и съ бубенчиками.

— Ну этотъ кибитка не карошъ для невесты, — говорить Иванъ Иванычъ. — Возми лучше моя повозка; покойнѣе.

Староста поблагодарилъ, поклонился, а прикащикъ и приказалъ ѣхать мнѣ за невестой.... Какъ онъ мнѣ это сказалъ, словно меня кто ножемъ въ сердце ударилъ. Ужь и

* Когда въ деревняхъ, въ крестьянскомъ быту, при сватовствѣ, дѣло сладится, родные и сваты съ жениховой стороны угощаютъ родныхъ невесты виномъ. Это называется: *пропить невесту*.

сваку посадили ко мнѣ, а я все еще стою, не трогаюсь съ мѣста. Хотѣлъ было сказатьсь большимъ, да не посмѣлъ; да и совѣстно было обличить себя передъ товарищами, что Груша такъ дорога мнѣ. Зло взяло меня. Я какъ будто хотѣлъ сорвать его на лошадахъ; разомъ вѣшилъ по шуту всей тройкѣ, и во весь духъ помчался къ Грушиному двору. Ее также ужъ благословляли. Въ избѣ вой и плачь страшный; и когда я слышалъ, что и Груша плачетъ, меня самого прошибли слезы. Когда изъ избы вышелъ кислый, т. е. тотъ человекъ, который ѣдетъ въ повзѣдъ невесты съ виномъ и съ пивомъ,* я не просилъ у него вина, и въ первый разъ въ жизни выпилъ его цѣлымъ стаканъ. До тѣхъ поръ, я ничего хмельнаго въ ротъ не бралъ. Меня отуманило, и когда невеста и сваха сѣли ко мнѣ въ повозку, я опять помчалъ ихъ во весь духъ до самой церкви. Пока Грушу вѣнчали, молодые ребята собрались около меня и стали мнѣ смѣяться.

— Знаешь, говорятъ, ты, Алеша, пѣсню :

Поилъ, кормилъ сударушку,
И прочилъ себѣ;
Досталася сударушка
Другому, не мнѣ....

— Да еще самъ и привезъ ее подъ вѣнецъ. То-то чай весело тебѣ ѣхать кучеромъ-то !....

* Въ некоторыхъ Вѣдикороссійскихъ губерніяхъ, въ крестьянскомъ быту, при повзѣдѣ невесты въ церковь и обратно, считается не должнымъ переѣзжать черезъ какую бы то ни было преграду, съ намѣреніемъ поставленную на дорогѣ, безъ того, чтобы не поподчивать тѣхъ, кто ее поставилъ. По этому случаю, молодежь и гуляки, иногда встаютъ на дорогѣ, по которой должна проѣзжать свадьба; загородиваютъ путь какой-нибудь жердью, а за неимѣніемъ ея, просто бросаютъ на дорогу палочку или врутиль. Тогда весь повзѣдъ останавливается. Людей, загородившихъ дорогу, подчуютъ виномъ и брагой. Эти, въ свою очередь, желаютъ свадьбѣ добраго пути, и тогда она ѣдетъ дальше, не страшась уже никакой *порги* и никакихъ *уроковъ*.

— Вотъ, думаю, сонъ въ руку : видѣлъ я, что ѣхалъ въ барской коляскѣ, и весь народъ смѣялся надо мной. И теперь, на яву, пріѣхалъ въ господскомъ экипажѣ, и надо мной въ самомъ дѣлѣ омяются. Хорошо же лукавый исполнилъ мое желаніе! По дѣломъ мнѣ эти муки! Господь Богъ справедливо наказываетъ меня за грѣхъ мой! Мнѣ казалось даже, что сама Груша ужъ не можетъ любить меня, за то, что я не отбилъ ее у старостинаго сына. Въ этомъ однакожъ я ошибался. Когда мы ѣхали въ церковь, я не могъ видѣть лица ея, потому что она была, какъ обыкновенно у насъ бывають невѣсты, покрыта фатой. Войти въ церковь, когда ее вѣчали, у меня неоставало силъ. Но когда я повезъ ее отъ вѣнца и на ней не было уже фаты, а женскій нарядъ,* я увидѣлъ, что она блѣдна какъ смерть, и что слезы ручьемъ бѣгутъ изъ глазъ у нея. Сердце мое разрывалось на части, и пока шелъ свадебный пиръ, я нѣсколько разъ готовъ былъ наложить на себя руки. Чтобъ заглушить чѣмъ-нибудь тоску, я пилъ да пилъ вино, покуда совершенно обезпамятѣлъ.... Съ атихъ-то поръ, — прибавилъ Алексѣй Петровъ съ глубокимъ вздохомъ, — запилъ я горькую чашу; а жизнь была еще горче.

Грушинъ мужъ былъ злобный, словно зверь какой; зналъ я, что онъ будетъ мучить ее за меня, придумывалъ какъ избавить ее отъ напасти.... да и придумалъ было!.... Страшно вспомнить, что на умъ было; да Господь сохранилъ.... молитва отвела отъ смертнаго грѣха....

Прибѣжалъ я къ прикащику, упалъ ему въ ноги.

— Это что? — спросилъ онъ меня.

Разсказалъ ему всю истинную правду, и просилъ, чтобъ онъ далъ мнѣ паспортъ. — А коли не пожелаете

* Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, при крестьянскихъ свадьбахъ, и теперь еще ведется обычай, тотчасъ послѣ вѣчанья, тутъ же въ трапезѣ церкви, снимать съ молодой дѣвичій головной уборъ, т. е. фату и повязку, и вмѣсто ихъ надѣвать на голову женскій нарядъ: иногда платокъ, иногда кичку, смотря по тому, что мѣстныя женщины носятъ.

паспорта, примолвилъ я, такъ отдайте хоть въ солдаты, или сошлите на поселеніе, только спасите душу.

Иванъ Ивановичъ былъ у насъ человекъ добрый. Ни слова не сказалъ, тотчасъ же выдалъ паспортъ.

Тяжело мнѣ было, въ первый разъ въ жизни, разстаться съ родиной, гдѣ прошли мои молодые годы, гдѣ я оставлялъ Грушу. Я готовъ былъ цѣловать каждый знакомый кустикъ, каждую травку. Когда перешелъ черезъ рѣчку, выбрался на гору, обернулся еще разъ взглянуть на свое село, слезы меня прошибли. Сердце чуло, что я долго не увижу родной стороны, что ворочусь въ нее ужъ не тѣмъ человекомъ, что ужъ прошлыя мои радости никогда ко мнѣ снова не воротятся.... И въ самомъ дѣлѣ такъ случилось; двѣнадцать лѣтъ прощлялся я по чужой сторонѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ пришлось взять Грушу къ вѣнцу, кучерской должности я терпѣть не могъ, и ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ идти въ кучера. Работая часто въ саду, я зналъ кое-что по огородной части, и выбралъ себѣ это ремесло. Я жилъ у Ростовцевъ и у Боровцевъ; ѣздилъ съ ними въ разныя мѣста снимать огороды, а зимой переходилъ въ лѣсныя губерніи, и приставалъ къ партіямъ охотниковъ, съ которыми ходилъ на зверей и на птицу. Кочевая жизнь мнѣ была по душѣ, кой-какъ мыкалъ свое горе. Гулять, я гулялъ и тогда, и временемъ напивался мертвецки; но такъ какъ должность свою исправлялъ честно и усердно, то всѣ хозяева любили меня и спускали мнѣ эту блажь, особенно узнавъ, что пью я не отъ шалости, а съ тоски смертельной. Оброкъ съ меня былъ положенъ небольшой; я платилъ его всегда исправно; паспортъ мнѣ высылали,— и во всѣ эти двѣнадцать лѣтъ я ни разу не былъ дома.

Наконецъ какъ-то случилось мнѣ пріѣхать на время въ Москву, и тамъ встрѣтиться съ однимъ нашимъ человекомъ. Обрадовались мы другъ другу; зашли въ трактиръ выпить чайку, онъ и сталъ мнѣ рассказывать, что у насъ дѣлается.

— А знаешь ли, говоритъ, твоя Груща-то овдовѣла.

— Какъ овдовѣла?

— Да. И къ тому же вольнымъ человекомъ сдѣлалась. Мужа-то ея еще въ прошломъ году отдали въ солдаты; а теперь она получила письмо, что онъ умеръ.

И разсказалъ онъ мнѣ, что староста съ прикащикомъ не поладили; что староста сдѣлалъ на прикащика какой-то доносъ, но прикащикъ его пересилилъ, и что сына его отдали въ солдаты, сколько по этому случаю, столько и потому, что онъ спился съ круга, и, не смотря на мое отсутствіе, билъ жену каждый день и совсѣмъ ея изкалечилъ. Сердце мое дрогнуло отъ радости, когда я услышала, что Груша избавилась отъ своего сопостата. Я ожилъ; я какъ будто опять помолодѣлъ десятью годами.

Скоро, какъ только могъ, разсчелся я съ хозяиномъ, и отправился домой. Это было лѣтомъ; я шелъ пѣшкомъ. Вхожу въ деревню и вижу, у избы, на завалинкѣ, сидитъ женщина и подлѣ нея мальчикъ лѣтъ десяти.

— А что, спрашиваю, тетка, гдѣ нынче живетъ Груня Власова?

Она нѣ хотя повернула ко мнѣ голову и пристально посмотрѣла на меня.

— Ахъ, говорить, не узналъ?...

Я тоже всматриваться, всматриваться, и не вѣрю глазамъ: это была Груша, только худая, желтая, испитая.... Я сѣлъ подлѣ нея.

— Правда ли, говорю, что ты овдовѣла?

— Правда.

— Стало быть, Господь сжалился надъ нами за все наше претерпѣніе, сказалъ я, и теперь хочеть наградить насъ. Съ молодую намъ не опредѣлено было жить вмѣстѣ, такъ обвиняемся теперь, Груша. Кто жъ намъ мѣшаетъ? Ты человекъ вольный, и мнѣ на тебѣ жениться позволяеть.

— Эхъ, Алексѣй, Алексѣй, — сказала она, покачавъ головой, — видно ты еще мало горя вытерпѣлъ и мало нужды перенесъ, коли тебѣ лезутъ такіе пустяки въ голову. По-

смотри-ко ты на меня хорошенько: куда мнѣ, больному, изувѣченному чловѣку, замужъ?... Не о замужствѣ думать мнѣ, а о душѣ своей, да вотъ объ этомъ сиротинкѣ (она указала на мальчика); только для него и жизнь-то дорога мнѣ, а то хоть бы сейчасъ въ могилу. Да и самъ-то ты хорошъ сталъ. Посмотри-ко на себя....

Все это проговорила она тихо, протяжно. Голосъ ея по временамъ прерывался тяжелымъ кашлемъ. И вовсе не по прежнему глядѣла она на меня и не улыбнулась даже, когда увидѣла меня и узнала.

Никакъ не ждалъ я такой встрѣчи и такого отвѣта. Груша не слушала никакихъ моихъ уговоровъ; стояла на своемъ да и только, — и это первое наше свиданіе, послѣ долгой разлуки, больно меня опечалило, особенно сгоряча. Но потомъ, чѣмъ чаще я видалъ Грушу и чѣмъ больше раздумывалъ самъ съ собой, тѣмъ все больше увѣрялся и самъ, что она говоритъ дѣло, что въ женидѣбѣ искать счастья намъ ужъ поздно, что оба мы люди мертвые. Она зачала съ тоски и съ побоевъ; горе и пьянство состарили меня. Мнѣ было съ небольшимъ тридцать лѣтъ, но съ вида казалось пятьдесятъ. Я посѣдѣлъ, какъ лунь, кожу на лицѣ стянуло, словно на старикѣ.... И понялъ я наконецъ, что ни во мнѣ, ни въ Грушѣ нѣтъ, да ужъ и не можетъ быть, прежняго горячаго сердца ...

Вотъ, послѣ Ильина дня минетъ девять лѣтъ, какъ я опять свидѣлся съ Грушей, и теперь смотрю на нее будто вовсе не на ту, которую прежде любилъ, а словно на какую-то другую. Когда мы сходимся вмѣстѣ, намъ какъ-то ужъ не вспоминается любовь наша, а вспоминается только то, что мы вытерпѣли за эту любовь, — и тогда ей отрада не я, а слезы, — мнѣ отрада не она, а вино.... Напиваюсь я еще пьянъ, когда мнѣ случится видѣть свадьбу или взять возжи въ руки и править лошадыю, — такъ вотъ и припомнится, какъ везъ Грушу къ вѣнцу.... О проклятомъ Болотцѣ нечего и говорить; и теперь еще самъ не знаю хорошенько, сонъ ли я видѣлъ тамъ, или въ самомъ дѣлѣ лу-

кавій морочилъ меня своимъ навожденіемъ. Я никогда туда не хожу, да и смотрѣть-то на это мѣсто мнѣ жутко....

Алексѣй Петровъ умолкъ.

— Что же эта Груша и теперь живетъ въ вашей деревнѣ?—спросилъ я его, желая когда-нибудь, изъ любопытства, взглянуть на предметъ первой любви Алексѣя Петрова.

— Аграфену солдатку знаете? — сказалъ онъ.

— Какую Аграфену?

— Ну вотъ, что каждое лѣто ходитъ по богомолямъ и обираетъ, по добрымъ людямъ, подавнѣе себѣ на дорогу. Чай, сколько разъ бывала и у вашей милости.

— Сухорукую?

— Ну вотъ это она-то самая и есть.

Я чуть не вскрикнулъ отъ удивленія и никакъ не могъ вообразить себѣ этотъ живой скелетъ, известный подъ именемъ Аграфены сухорукой, молоденькою и хорошенькою дѣвочкой, въ которую некогда влюблялись и которая любила сама.... Но еще больше дивился я силѣ обстоятельствъ и времени, такъ грозно сокрушившей эту любовь, отъ которой осталось — одному только пьянство, другой — сухая рука.

Я еще былъ погруженъ въ размышленія, какъ вдругъ прокричалъ перепелъ. Я обернулся, на востокъ была заря.

— Слышите? — сказалъ Алексѣй Петровъ.

Онъ проворно расправилъ сѣть; притаился; вытянулъ шею, прислушался, и началъ бить въ дудку со всей энергіей страстнаго охотника....

II. Сумароковъ.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ПЕРСІЮ

КНЯЗЯ А. Д. САЛТЫКОВА.

(Продолженіе.)

ТЕГЕРАНЪ. 22-го ноября 1858 года.

Недавно еще я въ Тегеранъ, а признаюсь — уже тошно, хотѣлось бы увхаты; но надо выдержать до весны, до половины Марта, по крайней мѣрѣ. Оно жестоко — правду сказать; но дороги портятся, начинаются дожди, и надо же извлечь какія-нибудь выгоды изъ этого мѣста, куда уже одинъ разъ пріѣхалъ. Шахъ присылалъ мнѣ сказать, что онъ желаетъ, чтобы я сдѣлалъ эскизъ съ него, и что онъ дастъ мнѣ сеансъ. Это приглашеніе было мнѣ очень лестно, и я просилъ доложить Шаху, что готовъ исполнить его желаніе, по его назначенію, въ какой день и въ какой часъ ему угодно. Между тѣмъ я не зналъ, что мнѣ дѣлать, какъ убить время; однообразіе было нестерпимо, и ктому же, я почти не имѣю квартиры, живу покуда въ посольствѣ, въ одной изъ комнатъ, принадлежащихъ доктору посольства. Наконецъ пришли ко мнѣ сказать, что нашли для меня хорошую квартиру за семь тумановъ въ мѣсяць, но ее отдають не иначе, какъ на шесть мѣсяцевъ и платитъ надо впередъ. Иду смотрѣть эту квартиру. Между тѣмъ Францъ, мой камердинеръ, уговариваетъ меня продолжать путь до Испани; онъ говоритъ, что это все равно, что быть въ Россіи и не видать Москвы. Однако же, когда я подумаю, что надо провести еще 15 дней въ дорогъ туда и потомъ 15 дней назадъ, — страшно.

Вчера вечеромъ, 25-го Ноября, я рѣшился на счетъ квартиры. Мнѣ ее отдали за 6 тумановъ въ мѣсяць и на 6 мѣсяцевъ — нечего дѣлать. Впрочемъ, въ Европѣ такъ же почти нельзя имѣть квартиру иначе, какъ на 6 мѣсяцевъ, а цѣны вообще гораздо значительнѣе. Нанимаю на полгода, хотя и не останусь болѣе 3 мѣсяцевъ. Комнаты хороши. Я также рѣшился отпустить Персіянину, котораго нанялъ въ Тавризъ за весьма недорогую цѣну, какъ здѣсь водится, то есть, за три Голландскихъ червонца въ мѣсяць. Эту цѣну однако же находили дорогою; обыкновенная цѣна два тумана въ мѣсяць; туманъ — золотая монета, почти то же, что нашъ червонецъ. Кромѣ этой посредственной платы, слугамъ въ обычаѣ давать одежду, — при вступленіи ихъ въ должность, въ новѣй годъ, и при отправленіи въ дорогу. Чтобы понять, какимъ образомъ Персіяне могутъ довольствоваться двумя туманами въ мѣсяць, надо взять въ соображеніе, что они питаются почти однимъ табакомъ. Кромѣ кальяна, который въ Персіи столь же необходимъ, какъ у насъ, въ нѣкоторомъ классѣ людей, самоваръ, простой народъ довольствуется однимъ хлѣбомъ съ хальвой — родъ патоки. Хлѣбъ въ Персіи, какъ съ виду, такъ и добротой своею похожъ на тотъ отличный сортъ бумаги, на которой у насъ въ Петербургѣ печатають театральныя афишки. Величина, толщина, цвѣтъ, духъ, и я думаю, даже вкусъ Тегеранскаго хлѣба разительно схожи съ нашими Петербургскими афишками. Смѣтливые люди завертываютъ въ него на дорогу сыръ, пилавъ, масло, и смѣло кладутъ въ карманъ; даже разные припасы, какъ напримеръ ветчину и всякое жаркое, можно безъ опасенія такимъ же образомъ брать въ дорогу. Но что хлѣбъ, то есть чурекъ, здѣсь такъ плохъ, объ этомъ нечего жалѣть, ибо пилавъ, или лучше сказать челоуъ (варенный просто въ водѣ рисъ) отлично замѣняетъ его.

Что сказать мнѣ о красотѣ женщинъ Тегерана? За нихъ я рѣшился удалить Тавризскаго своего Ферраша Абдула; онъ не исполняетъ главной кондиціи, на которой опредѣлился ко мнѣ. До сихъ поръ я видѣлъ только жалкихъ тварей, которыя

какъ тѣни скитаются здѣсь въ темныхъ саванахъ. Покрывала, въ которыхъ онѣ бродятъ по улицамъ, почти не видя подъ собой дороги и подвергаясь толчкамъ посреди грубой Тегеранской толпы *, называются по-Персидски *чадрами*. Вся женскія прелести ихъ точно также скрыты чадрами, какъ стѣной. Самая цвѣтущая дѣва въ чадръ представляется взору какъ страшное привидѣніе, какъ тѣнь нонны, возставшей въ Робертъ изъ могилы; и кромѣ того, въ Персіанкѣ подъ чадрой есть что-то похожее на сову; но подъ этимъ покровомъ кроется роскошный костюмъ, какой только можно себя вообразить, и красота, передъ которой меркнуть светила; но все это я догадываюсь, потому что не видалъ еще красавицъ-женщинъ въ Персіи. Относительно Ферраша Абдула должно замѣтить, что, кромѣ неисполненія главной кондиціи, онъ былъ чуждъ всѣхъ домашнихъ заботъ и ни чѣмъ не занимался, кромѣ приготовленія кальяна, до котораго самъ былъ страстный охотникъ. Странно, какъ вообще всѣ Персіане любятъ всеми средствами разслаблять себя; а въ Европѣ, напротивъ того, всѣ помывались на крепительныхъ средствахъ, и тѣмъ еще несравненно скорѣе разрушаютъ свой организмъ. Въ Персіи фруктъ, кислое молоко, прохладительные шербеты, свѣжій и пріятно утомляющій дымъ кальяна, замѣняютъ рѣбѣмъ, ветчину, портеръ, водку, вино и сигары; не говоря уже о перцѣ, горчицѣ, селедкѣ, сырѣ. За то въ Европѣ несравненно болѣе гнилыхъ зубовъ, исторченныхъ желудковъ, истощенія и немощи, и вообще разнородныхъ болѣзней. Персіане же, не смотря на кальянъ, которымъ сунать грудь и отъ котораго вѣроятно худѣютъ, не смотря на многоженство, которымъ почти съ младенчества себя истощаютъ, все-таки здоровѣе большей части Европейцевъ, исключая, можетъ быть, Англичанъ, которые довольно хорошо себя сохраняютъ умрѣенностію и наблюденіемъ діеты и моціона.

* На улицахъ Тегерана, а особливо подъ узкимъ, темнымъ и безколѣчнымъ сводомъ базара, толпу составляютъ верблюды, лошади, ослы, лошаки, Персіане, Аванцы, Туркмены и Армяне.

Избавившись отъ одного ферраша лгуна, надо однако же искать другаго, но уже безъ кондицій; а то при Европейскихъ нашихъ привычкахъ — держаться за слово и ставить на своемъ, привелось бы всякій день мѣнять людей. Здѣсь вообще обманъ въ ходу; безъ него жить нельзя; здѣсь всѣ и всѣхъ обманываютъ. Персіане и не думаютъ затрогиваться обманомъ; имъ казалось бы даже странно видѣть человека, который все говоритъ правду, стоитъ на словѣ, и исполняетъ его. Персіане никакъ не могутъ понять, какимъ образомъ мы не пользуемся языкомъ: языкъ для того и сдѣланъ, чтобъ скрывать свои мысли, говорятъ они, также какъ руки созданы для того, чтобъ брать. Шахскія приказанія, напримѣръ, никто и не думаетъ исполнять; каждый клянется только головой. И за это никто не въ претензіи, всѣ достигаютъ своихъ цѣлей какими-нибудь ухищреніями, или насиліемъ. Все, что говорится и слушается, ничего не значитъ, это всякій знаетъ, и всѣ стараются только проникать другъ друга. Разговоры въ Персіи ни что иное, какъ переливаніе изъ пустаго въ порожнее; не смотря на то, Персіане находятъ въ этомъ удовольствіе, имъ нравятся ласкательства и похвалы, которыя адресуются къ нимъ; имъ нравятся какія-нибудь ловкія выдумки, и они изоцряютъ умъ на отвѣтахъ.

Кромѣ ферраша, мнѣ нужно было нанять повара, и сверхъ того купить ковры, — потому что хозяинъ вынесъ изъ дому всѣ свои ковры, а безъ этой мебелировки надо сидѣть на голомъ полу. Здѣсь безъ ковровъ живутъ только одни нищіе, и то самые несчастные, у которыхъ нѣтъ даже кальяна; а «даже нѣтъ кальяна!» здѣсь означаетъ крайнюю нищету. Меня это удивляло. Я понимаю, что утонченный сластолюбецъ, въ дополненіе ко всей роскоши жизни, можетъ любить и кальянь; но не понимаю, какъ простой народъ въ Персіи, поселяне, предпочитаютъ всему на свѣтъ тянуть дымъ и находить въ этомъ какое-то своего рода упоеніе. Повсюду простой рабочій народъ любитъ всего

болѣ сытную пищу, крѣпительные напитки и отдыхъ, — изящныхъ же наслажденій не понимаетъ. Но въ Персіи даже женщины страстныя охотницы курить, и курятъ съ младенчества.

Среди хлопотъ и заботъ моихъ о недостаткахъ, я нѣсколько утѣшенъ былъ по крайней мѣрѣ прекраснымъ здѣшнимъ климатомъ. Погода почти постоянно хороша, и я чувствую себя совершенно здоровымъ.

Мнѣ предлагали еще другую квартиру, которую я и ходилъ смотрѣть; хозяйинъ ея, одинъ изъ безчисленныхъ внуковъ Фетъ-Али-Шаха, человекъ молодой, и нѣсколько кокетничаетъ, какъ женщина. Домъ его посреди прекраснаго сада, но комнаты такія уже развалины, что въ нихъ невозможно жить, и въ дополненіе, я былъ бы тамъ окруженъ множествомъ Персіанъ, и въ сосѣдствѣ съ гаремомъ его матери. Это значить, что всѣ мои движенія были бы предметомъ постоянного любопытства и толковъ.

24-го Ноября. Вчера пришли меня звать отъ Графа Симонича (который скоро отправляется въ Тифлисъ). Онъ былъ во дворцѣ, гдѣ только что простился съ Шахомъ, и послалъ за мной, чтобъ при этомъ случаѣ показать мнѣ царскія сокровища (*хазна*): тотъ извѣстный брилліантъ, который Шахъ въ торжественные дни носитъ на рукѣ, и который называется *блестящимъ моремъ*; его одежды унизанныя жемчугомъ; огромные куски изумруда и яхонта, и проч.; а также парадный мундиръ нынѣ царствующаго Магометъ-Шаха, въ родѣ казацкаго полукафтаны, синій, съ воротникомъ и обшлагами, вышитыми брилліантами, съ изумрудными пуговицами и эполетами, въ родѣ генеральскихъ, также изъ огромныхъ изумрудовъ съ привѣшенными къ нимъ нитками крупнаго жемчуга.

Мирза Масудъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, показывалъ намъ всю эту большую казну, подобную Московской древней Царской казнѣ.

При этомъ случаѣ, Графъ Симоничъ показаль мнѣ саблю, которую Шахъ ему только что подарилъ. На ней было нѣскольکو брилліантовъ и изумрудовъ. Сыну же его, 14 лѣтъ, пажу, который также прощался съ Шахомъ, Его Величество пожаловаль маленькую звезду, довольно плохо сдѣланную, съ небольшимъ количествомъ камней. Не буду описывать всѣхъ сокровищъ шахскихъ: это было бы скучно; но я еще не видалъ параднаго каляна и короны, которыя, какъ мнѣ сказали, сохраняются въ гаремѣ; а также и знаменитаго Трона-павлина (Тахты-Тоустъ), который, помнится, отнять Шахъ-Надиромъ у Великаго Могола, въ Дели.

Пересмотрѣвъ и свѣсивъ въ рукахъ всѣ огромные камешья, грубо обработанные, или въ натуральномъ видѣ, коекакъ оправленные, которые передъ нами навалены были кучами изъ сундуковъ, я проводилъ Графа Симонича къ меньшому сыну Магометъ-Шаха (старшій въ Тавриздъ), которому не болѣе четырехъ или пяти лѣтъ. Онъ, бѣдный, что-то хвораетъ. Графъ Симоничъ шелъ къ нему съ прощальнымъ визитомъ.

На дворѣ, возлѣ комнатъ маленькаго Мирзы, стояла осѣдланная для него лошадь, для катанья по двору. Мы вошли и сѣли съ Графомъ въ пріемной горницѣ; но Мирза Масудъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, не садился, равно какъ и еще два или три Персіянина, тутъ же находившіеся.

Маленькій Шахзадѣ сидѣлъ на полу, но сверхъ коверовъ подъ нимъ разостлана была кашемирская шаль, а за спиной у него были двѣ огромныя круглыя подушки изъ розовой кисеи. На черной его шапкѣ былъ прицѣпленъ алмазный знакъ отличія царской породы. Волосы у него длинныя и крашенные темнорыжимъ цвѣтомъ, лице блѣдное, черты незначительныя, еще не сформировавшіяся. На немъ былъ родъ коцавейки изъ шали на мѣху (то есть шубейка). Онъ приложилъ правую руку къ шапкѣ. Графъ Симоничъ спросилъ его чрезъ переводчика о здоровьи, но онъ ничего

не отвѣчалъ. Тогда Графъ Симоничъ спросилъ его, чѣмъ онъ занимается; онъ отвѣчалъ, что не знаетъ. Видя, что Шахзадэ неразговорчивъ, мы попросили у него позволенія удалиться. Вдругъ онъ началъ довольно живо что-то говорить, прикладывая руку къ шапкѣ; потомъ спросилъ насъ, поведемъ ли мы верхомъ. Мы отвѣчали, что поведемъ. И я такъ же повѣду, — сказалъ онъ. Мы удалились.

Когда по-Персидски спрашиваютъ о здоровьѣ, то говорятъ: *демаги шума чоъъ есть?* Это обыкновенный вопросъ учтивости и привѣтствія, по точному словесному переводу, значить: *носъ вашъ толстъ ли?* — какъ будто средоточіе здоровья находится въ носу. Сколько однакоже я ни разспрашивалъ, но не могъ добиться, почему здѣсь такъ выражаются.

На дняхъ я ходилъ къ Гаджи-Мирзѣ-Агасси, первому министру Шаха. Надо сказать, что онъ страстный охотникъ до пушекъ; теперь подъ его надзоромъ лють нѣсколько пушекъ огромнаго размѣра, которыми, по его словамъ, если поможетъ Богъ, намъренъ на будущей годъ взять Герать. Впрочемъ, онъ говоритъ, что и теперь бы ничего не было легче взять Герать, что это ничего бы не стоило, — чистые пустиакъ; да такъ — не хотѣли. (Шахъ и онъ только что на дняхъ возвратились изъ несчастной экспедиціи.) Гаджи-Мирза-Агасси хочетъ, чтобъ и похоронили его въ той самой ямѣ, гдѣ лють его огромныя пушки. Не смотря на этотъ воинственный духъ, онъ дервишъ секты Суфн. Говорятъ, что главное правило этой секты состоитъ въ томъ, что всякое дѣяніе позволено, какъ бы оно ни было сдѣлано, потому что всему можно найдти оправданія. Я забылъ сказать, что когда я спросилъ его, толстъ ли у него носъ, къ удивленію моему, онъ сказалъ, что нѣтъ, что носъ у него высохъ и перегорѣлъ отъ грусти (чего я однакожъ не замѣтилъ), что однимъ словомъ, онъ уже старъ и хворъ.

Онъ Татарскаго происхожденія, родина его Эривань. Сперва онъ былъ, какъ ученый дервишъ, учителемъ Ма-

гометъ-Мирзы, нынѣ царствующаго Магометъ-Шаха. Говорятъ, что Его Величество имѣетъ къ нему неограниченную довѣренность, и что всѣ дѣла государства въ его рукахъ. Но общіе отзывы объ немъ не лестны; вѣроятно, онъ и стоитъ этого, если въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ къ сектѣ, которая за правило поставляетъ не имѣть правилъ. Онъ, повидимому, терпѣть не можетъ Англичацъ, или по крайней мѣрѣ считаетъ приличнымъ, Богъ знаетъ зачѣмъ, всегда бранить ихъ при насъ самыми непристойными словами, безъ сомнѣнія, думая тѣмъ угодить Русскимъ. Я нѣсколько разъ имѣлъ удовольствіе быть у него, и всегда онъ заводилъ рѣчь объ Англичацахъ, совсѣмъ не кстати осыпалъ ихъ проклятіями, и повторялъ, что Персіане ихъ ни сколько не боятся, и что онъ считаетъ ихъ менѣе, нежели ни чѣмъ, что если однако они возьмутъ Персію, такъ что жъ? — онъ тогда поѣдетъ въ Россію, хотъ напрямѣръ въ Кизляръ (онъ другихъ Русскихъ городовъ, сколько я могъ замѣтить, не знаетъ, кромѣ Тифлиса, Кизляра и Петербурга); Московъ-Падишахъ дастъ ему тамъ уголокъ, и вѣрно ужъ положить тысячь двѣнадцать рублей въ годъ (4,000 тумановъ); ему этого довольно, и онъ будетъ благословлять Государя. Въ этомъ родѣ онъ мелетъ безъ остановки пронзительнымъ, рѣзкимъ голосомъ, то вздымая брови, то сморщивъ носъ, то пожимая плечами и постукивая клюкой; и слушая его, трудно воздержаться отъ смѣха. Иногда онъ заноситъ страшную дичь объ артиллеріи и подвигахъ Герата, или пускается въ разсужденіе о географіи, рассказываетъ, что Персія состоитъ изъ семи царствъ, соединенныхъ нодъ одинъ скипетръ, въ числѣ которыхъ считаетъ Арменію и Грузію; что теперь такая дружба между Ираномъ и Московіею или Россіею, что ужъ это составляетъ одно, и Шахчи и Урусъ Падиша ни что иное, какъ родные братья; а онъ одинаково служитъ обонмъ, и преданъ всей душой, и готовъ положить голову за обонхъ Падишаховъ.

Въ комнатѣ, которую я покуда занимаю въ домѣ посольства, есть клавикорды, совершенно испорченныя, при-

надлежавшія Г. Симоничу, и которыя онъ оставилъ нашему доктору Капгеру. Дезертиръ, Полякъ, поправляетъ ихъ, но мало надежды; однако можно извлекать изъ нихъ хотя нѣсколько звуковъ. Докторъ играетъ уже одинъ минорный вальсъ; не смотря на страшные диссонансы, знакомые звуки проникають въ сердце и пробуждаютъ желаніе возвратиться въ Европу.

Во время вечера, 60 дезертировъ, собранныхъ здѣсь стараніемъ храбраго Капитана Альбранта, и которому поручено вывести ихъ изъ Персіи, собираются обыкновенно на крыше или террасѣ съ фонарями, и поють хоромъ Русскія пѣсни съ бубнами и рожкомъ. Добрый и отличный Капитанъ Альбрантъ взойдетъ къ нимъ, заговоритъ о Россіи, о возвратѣ на родину, прослезится вмѣстѣ съ ними, и я не могу не плакать, прислушиваясь къ заунывному дружному хору родныхъ пѣсень, столь знакомыхъ душѣ. Меня томятъ мысли, что близкіе мои, можетъ быть, грустятъ, можетъ быть, нездоровы; мнѣ бы успокоивать, развлекать ихъ своимъ участіемъ; а я здѣсь вдали живу для одного разсѣянія самого себя.

На дняхъ, можетъ быть завтра, будетъ сюда консулъ въ Раштѣ, Г. Ходзько, говорятъ, очень умный чловѣкъ. Онъ ѣдетъ сюда по дѣламъ, для свиданія съ Полковникомъ Дюгамелемъ.

Я встрѣтилъ недавно на улицѣ ѣдущаго верхомъ Мирзу Абуль-Гассанъ-Хана, бывшаго въ 1816 году посломъ въ С.-Петербургъ. За нимъ шли пѣшкомъ два Негра и много Персіянъ. Эта встрѣча припомнила мнѣ самую давнюю старину. Мы остановились и обмѣняли нѣсколько комплиментовъ по-Англійски. Онъ мастеръ на комплименты: на дняхъ онъ сказалъ Шаху, что регулярная Персидская гвардія (похожая на толпу оборванныхъ нищихъ) несравненно превосходитъ и красивѣе Русской гвардіи, и поклялся, что Лондонскій арсеналъ не можетъ сравниться съ Тегеранскимъ,

гдѣ, между нами будь сказано, только три пушки и нѣсколько сломанныхъ ружьевъ.

Я описывалъ меньшаго сына Магометъ-Шаха, но о старшемъ, Валиатъ, то есть наследникъ престола, Насеръ-Эдинъ-Мирзъ, кажется, еще не упоминалъ. Я представлялся ему въ Тавризъ. Валиатъ сидѣлъ на Европейскихъ креслахъ, въ халатъ слишкомъ длинномъ для него, изъ желтой шали, съ отличнымъ рисункомъ. На его шапкѣ блистало брилліантовое перо, грудь его украшена была орденомъ Св. Андрея Первозваннаго на богатой брилліантовой цѣпи, пожалованнымъ ему недавно, вмѣстѣ съ означеннымъ брилліантовымъ перомъ, Государемъ Императоромъ, при встрѣчѣ въ Эривани съ Его Императорскимъ Величествомъ. Онъ гордо кивнулъ намъ головой и громко сказалъ по-Татарски: добро пожаловать! — Я былъ съ Полковникомъ Дюгамелемъ и переводчикомъ нашего Тавризскаго консульства Мирзэ-Али-Экберанъ. Когда мы вошли, Его Высочество сидѣлъ къ намъ бокомъ на другомъ концѣ залы, у окна огромнаго размѣра. При немъ стояло нѣсколько царедворцевъ. Противъ него сидѣлъ, также на креслахъ, его наставникъ, съ довольно невзрачною наружностію, однако же, говорятъ, ученый человекъ. Онъ, кажется, игралъ роль суфлера, тихонько подсказывая Валиату привѣты и отвѣты. По лѣвую сторону двери стоялъ маленькій сынъ Агаларъ-Хана, почетнаго Армянина, ровесникъ и пріятель Валиата, которому не болѣе 9 или 10 лѣтъ; впрочемъ въ Персіи не заботятся считать года. Наследникъ довольно хорошъ собой, умная наружность и нѣжный цвѣтъ лица, хотя довольно смуглый, глаза большіе и черныя, носъ орлиный, и вообще въ чертахъ его замѣтно болѣе Армянскаго, нежели Персидскаго или Татарскаго. Свѣтъ не ярко обрисовывалъ его, и мы сидѣли слишкомъ далеко, чтобъ удостовѣриться, были ли насурмлены его рѣсницы и брови, необыкновенно черныя. Онъ живетъ еще въ гаремъ, гдѣ сестры и тетки, вѣроятно, раскрашиваютъ его на свой вкусъ. Длинные волосы его были красны, какъ огонь.

27-го Ноября. По порученію моего брата, я искалъ въ городъ желѣзнаго щита. Комиссіонеръ мой Персіанинъ, изъ служителей нашего посольства, сказалъ мнѣ, что ему извѣстенъ такой щитъ, но что трудно его достать. Прошло нѣсколько дней въ тщетныхъ поискахъ, и я уже терялъ надежду, какъ вдругъ въ одно утро приносятъ мнѣ прекрасный булатный щитъ съ золотыми надписями и узорами, превосходной работы, въ подарокъ отъ Шахзаде-Кейхабадъ-Мирзы (сына Фетъ-Али-Шаха), котораго я вовсе не зналъ. Подаривъ нѣсколько червонцевъ посланному ко мнѣ отъ царевича, я поспѣшилъ на другое утро идти благодарить Его Высочество за лестное вниманіе и прекрасный предупредительный его подарокъ. Шахзаде Кейхабадъ живетъ бѣдно въ отдаленной части Тегерана. Онъ ожидалъ меня, и потому приготовилъ различныхъ фруктовъ и конфетъ, которыя на большомъ подносѣ стояли посреди, можно сказать, убогой комнаты, гдѣ онъ сидѣлъ на стулѣ, въ мундирѣ и съ тростью въ рукѣ. Онъ громко привѣтствовалъ меня, всталъ, протянулъ руку, вѣжливо сжалъ мою, и старался изъяснить радость, но, кажется, былъ нѣсколько смущенъ; потомъ приказалъ подать кальянъ, чай и кофе. У него благородное и важное лице, черты правильныя и тонкія, глаза большіе и черныя, но на одномъ зрачкѣ бѣльмо, брови широкія и густыя, цвѣтъ блѣдный, борода необыкновенной красоты. Вообще онъ показался мнѣ удивительно похожъ на отца своего, Фетъ-Али-Шаха, судя по портретамъ. Единственнымъ украшеніемъ пустой горницы, въ которой меня посадили противъ Кейхабада, было нѣсколько фамильныхъ портретовъ, и между прочимъ его собственный, въ парадномъ платьѣ, украшенномъ драгоценными камнями, со щитомъ въ рукѣ. Мой переводчикъ объяснилъ мнѣ, что Шахзаде былъ щитоносцемъ при покойномъ отцѣ, что подаренный мнѣ щитъ принадлежалъ Фетъ-Али-Шаху, и что этотъ самый щитъ изображенъ и на картинѣ въ рукахъ Кейхабада. Не смотря на убѣжденія переводчика, я не хотѣлъ соображаться съ общимъ обычаемъ Персіанъ оказывать презрѣніе къ полученному подарку, чтобъ доказать

тѣмъ, что достоинъ былъ получить болѣе, и поддержать или возвысить мнѣніе о своей важности. Напротивъ того, хотя провожатый мой то мигалъ мнѣ, то со стыдомъ за меня опускалъ глаза и краснѣлъ, я расхвалилъ щитъ, какъ только могъ, сказалъ, что никогда не видалъ такого прекраснаго щита, что совѣщусь и не знаю какъ возблагодарить за такое вниманіе и удивительный подарокъ, что я тронуть, и проч.; словомъ, я пустился въ такія тонкости изъясненій чувствъ благодарности, которыя врядъ ли въ состояніи былъ перевести смущенный переводчикъ мой Рагимъ, врядъ ли понималъ, а если и понималъ, то для моей же и своей чести не захотѣлъ бы переводить, и сверхъ того врядъ ли нашелъ бы выраженій на Персидскомъ языкѣ. Рагимъ, можетъ быть въ самомъ дѣлѣ, благодарность мою считалъ постыдной; а Шахзадэ находилъ ее неприличной и принималъ меня за неблаговоспитаннаго — не знаю; но я хотѣлъ и по своему мнѣнію считалъ нужнымъ изъяснить мою благодарность, и прибавить, что считаю за честь быть у Шахзадэ, какъ доказательство, что и въ Россіи умѣютъ чтить память Фетъ-Али-Шаха, отца его, какъ славнаго государя, и уважать его благородныхъ и достойныхъ потомковъ. Я тѣмъ болѣе старался польстить ему, что онъ показался мнѣ жалкимъ. Я никогда еще не видалъ принца царской крови въ такомъ бѣдномъ положеніи. Эти Шахзадэ, несчастныя дѣти гордаго Фетъ-Али, какъ будто скрываются здѣсь; при малѣйшемъ подозрѣніи съ ними поступаютъ жестоко, а первый министръ Гаджи-Мирза-Агасси презираетъ ихъ и ведетъ себя передъ ними надменно. Кейхабадъ казался мнѣ неспокоенъ; онъ говорилъ громкимъ, но не твердымъ голосомъ, сценическими выраженіями, что подарокъ его сущая беадыяца, что онъ извиняется, что такую малость прислалъ мнѣ, что у него еще много вещей, оставшихся послѣ отца, которыя онъ будетъ просить меня принять; что ему ихъ не нужно, что ему пріятно угодить мнѣ; но вмѣстѣ съ этими изъясненіями пріязни онъ пристально устремлялъ на меня смутный взоръ, и нѣсколько разъ повто-

рилъ, что онъ теперь не въ такомъ положеніи, какъ при отцѣ, что прежде онъ жилъ въ довольствѣ и уваженіи, а теперь въ совершенной бѣдности, что Шахъ ему не помогаетъ и не любитъ его.

Какъ понять эти жалобы? Возвратясь домой, я просилъ совета у товарищей, что мнѣ въ подобномъ случаѣ дѣлать. Оцѣнить щитъ и послать деньги Кейхабаду. — Я такъ и сдѣлалъ; велѣлъ привести съ базара двухъ оружейниковъ, изъ которыхъ одинъ оцѣнилъ щитъ въ 20, а другой въ 30 тумановъ. Запечатавъ въ пакетъ 40 червонцевъ, я послалъ моего камердинера Франца отнести ихъ къ Шахзадѣ; но посланный возвратился съ деньгами, Кейхабадъ, распечатавъ пакетъ, съ презрѣніемъ возвратилъ деньги, и сказалъ, что подарилъ щитъ изъ одного желанія подружиться со мной, что денегъ ему не надо; а что онъ открылъ пакетъ, въ одномъ предположеніи что въ немъ духи (*атръ*).

Но надо же было отдарить за такой дружескій подарокъ. На другой день я обошелъ весь Тегеранскій базаръ; но въ бѣдныхъ Армянскихъ лавкахъ ничего не нашелъ приличнаго для подарка, кромѣ золотыхъ часовъ и чайнаго сервиза, которые и послалъ немедленно. Но Шахзадѣ и это съ презрѣніемъ отправилъ назадъ, и безъ церемоній уже прислалъ своего *назира* или камердинера потребовать отъ меня триста червонцевъ, или взять щитъ назадъ. Разумѣется, что я удивился требованію и возвратилъ щитъ; однако же мой переводчикъ Рагимъ, чтобъ возбудить во мнѣ желаніе продолжать сношенія съ Кейхабадомъ, рассказалъ мнѣ, что у Шахзадѣ есть тѣмъ рѣдкостей, и между прочимъ, древняя булава, съ такимъ шаромъ на концѣ, что какъ ни руби его, хоть пополамъ, онъ въ ту же минуту самъ собою сростается. Воображая, что я повѣрилъ атой сказкѣ, Рагимъ прибавилъ, что у Кейхабада есть и щитъ такого же рода; что этому щиту нѣтъ цѣны, и сдѣланъ онъ изъ черной кожи какого-то древняго звѣря, котораго уже не существуетъ на свѣтѣ. Подобныя басни о заколдованныхъ оружіяхъ не въ первый уже разъ слышалъ я отъ Персіянъ.

Я вполне устроился на новой своей квартирѣ, и доволенъ ею, хотя вѣтеръ ходитъ у меня въ комнатахъ почти такъ же свободно, какъ и на улицѣ; но лучше этого дома трудно найти въ Тегеранѣ. Персіяне никогда не думаютъ укрываться отъ вольнаго воздуха, что конечно много способствуетъ къ сохраненію ихъ здоровья. У меня небольшой, но цѣлый двухъ-этажный домъ; въ немъ всего комнатъ съ пять, изъ коихъ одна только можетъ назваться комнатою въ Европейскомъ смыслѣ, т. е. съ окошками и каминомъ; кухня, двѣ террасы одна выше другой, съ которыхъ можно любоваться сырмъ видомъ Тегерана, свой мощный дворъ, обнесенный стѣной, а посреди двора небольшой четвероугольный прудъ. Одна изъ моихъ комнатъ довольно велика и красива, съ двумя рядами оконъ, изъ которыхъ верхнія изъ разноцветныхъ стеколъ, а нижнія съ одними только деревянными ставнями. Къ несчастію, каминъ въ ней фальшивый, хотя и весьма красивой формы. Бѣлая щекатурка и арабески вообще во всѣхъ Персидскихъ домахъ необыкновенно хороши.

Всѣми теперь описанными удобствами я имѣю удовольствіе владѣть, и могу, уходя со двора, все это заперать на ключъ, взявъ съ собою всю свою дворню, какъ это водится въ Персіи. Воровство въ домахъ здѣсь очень рѣдко, да и трудно попасть въ домъ, который укрѣпленъ какъ крѣпость, а чтобъ поддѣлать ключъ, отъ Персіянъ нельзя ожидать довольно смѣлости, искусства и ловкости, — это бываетъ въ Европѣ, а въ Азій не бываетъ.

Я получилъ изъ С.-Петербурга литографіи нашей гвардіи и портретъ нашего Государя со свитой, который и отнесъ къ Шаху въ подарокъ. Онъ долго смотрѣлъ на портретъ, велѣлъ мнѣ подойти ближе, распросилъ про всѣ лица, сопровождающія Его Величество, приказалъ своему министру иностранныхъ дѣлъ (который былъ тутъ же моимъ переводчикомъ), поставить подъ стекло картину, и потомъ спросилъ, что у меня въ портфель. Я отвѣчалъ, что въ немъ бѣлая бумага, но что я надѣюсь на ней представить *Центръ міра* (Шаха не называютъ иначе), если онъ сдѣлаетъ

мнѣ милость, посидитъ нѣсколько минутъ неподвижно передо мной. Онъ сказалъ, что готовъ, сколько я хочу, и спросилъ, не хочу ли я сѣсть на стулъ; но я отклонилъ эту честь, сѣлъ на полъ, вынулъ изъ кармана карандашъ и началъ чертить, признаться, дрожащею рукой. Мнѣ очень совѣстно было беспокоить столь снисходительнаго и столь вѣжливаго владыку. Шахъ сидѣлъ также на полу; сверхъ мягкаго войлока подъ нимъ была богатая кашемирская шаль, и сидѣлъ очень смиренно. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ я имѣлъ счастье уловить сходство Магометъ-Шаха, разумется, очеркомъ. Когда я всталъ съ своего мѣста и благодарилъ Его Величество, министръ иностранныхъ дѣлъ Мирза Масудъ положилъ передъ нимъ нѣсколько эскизовъ моего рисованья, какъ съ натуры, такъ и на память, и между прочимъ очерки Гаджи-Мирзы-Агаси, его любимца и перваго министра. Шахъ узналъ всѣхъ и похвалилъ мое искусство. Собравъ всѣ свои вещи, и не показывая послѣдняго моего рисунка, я сказалъ, что осмѣлюсь представить его только тогда, когда окончу дома. Добрый Шахъ, видя мое замѣшательство, изъявилъ готовность свою на столько свансовъ, сколько я пожелаю; но я не имѣлъ намѣренія еще беспокоить его, а хотѣлъ съ эскиза (для меня столь драгоценнаго) сдѣлать по возможности оконченный портретъ.

Мы удалились съ Мирзой Масудомъ, кланаясь нѣсколько разъ и какъ можно менѣе оборачиваясь задомъ къ *Центру міра*.

Я забылъ сказать, что когда Шахъ смотрѣлъ на портретъ нашего Императора, я упомянулъ, что выписалъ изъ Россіи также рисунки нашей гвардіи, но не принесъ ихъ, зная, что Его Величество ихъ уже имѣетъ. «Я имѣлъ ихъ, сказалъ Шахъ, но отдалъ брату Кахраманъ-Мирзѣ» Мирза Масудъ шепнулъ мнѣ, что надо ихъ представить Шаху. На другой же день я ихъ послалъ.

Выходя изъ царскаго покоя на дворъ, мы еще разъ повернулись, чтобъ отдать послѣдній поклонъ Шаху, кото-

рый еще видѣнъ былъ въ огромное окно. Онъ въ то время разговаривалъ съ своимъ докторомъ Мирзою Баба, который во время моего визита стоялъ на другомъ концѣ залы въ углу, сложа руки; но когда я выходилъ, Шахъ сдѣлалъ ему знакъ приблизиться. Никто никогда не садится передъ Шахомъ, кромѣ иностранныхъ министровъ, присвоившихъ себѣ это право, какъ представители своихъ государей. Первая встрѣча послѣ счастливаго моего успѣха была съ Хозревъ-Ханомъ, евнухомъ. Онъ нашелъ эскизъ Шаха очень похожимъ, равно какъ и многіе другіе изъ придворныхъ, которые все меня поздравляли. Съ радостію принималъ я ихъ поздравленія и былъ въ восхищеніи; но трудно будетъ сдѣлать что-нибудь интересное изъ этого эскиза, ибо наружность Магометъ-Шаха не живописна. Онъ толстъ, безъ выраженія, хотя очень любезенъ, учтивъ, пріятель и благороденъ въ обращеніи и манерахъ.

Кстати, дядя его Кейхабадъ-Мирза (теперь начинается другая исторія) на сихъ дняхъ явился вдругъ ко мнѣ. Я былъ въ постель. Послѣ страннаго его поступка со мной, я не хотѣлъ принять его, и велѣлъ сказать, что я въ постель и нездоровъ; но мнѣ воротились сказать, что онъ уже гуляетъ по двору и говорить, что непременно хочетъ меня видѣть, тѣмъ болѣе, что я нездоровъ. Нечего было дѣлать, я набросилъ халатъ и сошелъ къ нему съ видомъ какъ можно менѣе пріятливымъ. Я нашелъ его уже сидящаго въ моей холодной залѣ. Онъ пріѣтствовалъ меня громкимъ изъявленіемъ радости, дружескими жестами и безпокойствомъ на счетъ моего здоровья, и обративъ вниманіе на мой утренній костюмъ, сказалъ людямъ своимъ, стоящимъ, по обыкновенію, тутъ же въ комнатѣ: — мы старались одѣваться по-Европейски, а Европейцы принимаютъ нашъ старый костюмъ. — Гдѣ вы купили этотъ халатъ? — спросилъ онъ меня, съ видомъ знатока разсматривая ткань; — а щить, зачѣмъ же вы мнѣ возвратили его? — Вотъ этотъ человекъ, сказалъ я, указывая на его назира (управляющаго), который тутъ стоялъ, — приходилъ ко мнѣ взять его отъ вашего имени.

Хлань! закричалъ Кейхабадъ; т. е. ложь, и также указывая на улыбающагося назира, еще повторилъ: онъ солгалъ вамъ, онъ лгунъ, какъ вы могли ему повѣрить?

Я попросилъ людей выйти, и сказалъ ему, что лучше не говорить объ этомъ щитъ; но онъ продолжалъ: дайте мнѣ за него сто червонцевъ, и онъ вашъ. Но я не намѣренъ былъ давать болѣе 40 тумановъ. Кейхабадъ всталъ, продолжая уговаривать меня дать сто червонцевъ, и увидя въ углу горницы мою трость, попросилъ меня подарить ему ее, въ знакъ дружбы, что я съ охотой сдѣлалъ, и мы простились довольно дружески.

Я желалъ познакомиться ближе съ Персидскими женщинами. На дняхъ мнѣ доставили случай. Четыре женщины, закутанныя въ синія чадры, явились ко мнѣ въ гости, и разсылись на полу у камина. Изъ нихъ двѣ смѣло сбросили покрывала свои; одна была большаго роста, нѣсколько калмыковата, лѣтъ 20, а другая небольшая, лѣтъ 15, также очень смугла, но съ правильными чертами и съ пріятнымъ выраженіемъ. Густые и длинные черные локоны закрывали большую часть лица; исподняя одежда ихъ была коротка и вырѣзана такъ, что видна была изпещренная сивыми знаками грудь. Узкій и короткій архалукъ едва держался на плечахъ и стягивалъ ихъ назадъ (это мода въ Персіи, и довольно идетъ Персіянкамъ); на рукахъ, сверхъ узкихъ рукавовъ, браслеты съ свернутыми бумажками, на которыхъ начертаны были стихи изъ Корана. Шаравари шелковые, необыкновенной ширины, едва держались на бедрахъ, такъ что нижняя часть живота, также изпещренная, и нижняя часть спины, были голы. Босыя ноги окрашены были темнооранжевой краской, сбивающейся на черную (онъ сказали, что это также мода). Имъ принесли кальянъ, изъ котораго онъ всѣ наперерывъ страстно тянули дымъ. Двѣ другія женщины продолжали сидѣть въ чадрахъ; но при появленіи кальяна также по немногу открылись. Одна была Арабка, лѣтъ 30 а другая Персіянка, лѣтъ 40. Онъ попеременно говорили то по-Персидски, то по-Турецки;

(здесь вообще говорить на обоихъ этихъ языкахъ). Я почти ничего не понималъ, и онъ стали говорить громче, воображая, что отъ этого я лучше пойму. Онъ старались высказать опасность, которой подвергались при свиданіи съ христианами, и дѣлали знаки, что имъ за это могутъ отрезать голову. Не смотря на это, угощенія мои вѣроятно поправились имъ.

Черезъ два дни, во время обѣда у посланника, мнѣ дали знать, что гости снова пришли ко мнѣ. Возвратясь домой, я засталъ у себя цѣлый гаремъ: Персіанки расхаживали по террасамъ съ кальянами, пѣли и хохотали при свѣтѣ ясной луны. Я изумился ихъ безпечности и боялся, что онъ поднимутъ на ноги всѣхъ сосѣдей. Онъ истребили всю мою помаду, вылили на себя все мои духи.

Казалось бы, что это очень весело; но, не смотря на эти развлечения отъ скуки, меня тянетъ уже назадъ въ Россію.

Вотъ выпалъ первый сыгъ. Все заняты очищеніемъ террасъ. Съ моей террасы я снимаю виды Тегерана. Я воображалъ этотъ городъ печальнымъ, безлюднымъ и безмолвнымъ; но, напротивъ того, въ немъ довольно живости и шуму. Вчера Гаджи-Мирза-Агаси прислалъ мнѣ дичи въ родѣ рябчиковъ и маленькаго барана, которому надѣли ошейникъ, и онъ бѣгаетъ по двору, какъ собачка.

Моя лошадь, убранныя теперь по-Персидски, изъ лучшихъ въ Тегеранѣ. Все у меня есть, чего я желалъ, и все мнѣ удалось. Теперь остается воротиться въ Россію. Но я не покину Персію, безъ желанія когда-нибудь увидѣть ее опять. Чтобы быть здоровымъ, надо жить здѣсь. Воздухъ хорошъ, съѣстные припасы свѣжи, движеніе необходимо: нѣтъ другаго способа переноситься съ одного мѣста на другое, какъ верхомъ, или пѣшкомъ. О зубной боли я забылъ въ Персію, объ Американской болѣзни, которую лечатъ каломелемъ, здѣсь и не слышно. Я гораздо чаще бываю на воздухъ, чѣмъ въ комнату, и изъ одной комнаты въ другую не иначе могу переходить, какъ черезъ террасы, черезъ дворъ, или по лѣстницамъ; теплыхъ

переходовъ и лѣстницъ въ Персіи нѣтъ. Изъ моей квартиры въ наше посольство сперва надо съ трудомъ пробираться по темнымъ улицамъ, иногда столь узкимъ, что не болѣе двухъ человекъ могутъ идти рядомъ; потомъ выезжаешь въ базаръ, крытый, узкій и низкій, гдѣ толпится народъ, сквозь который трудно пробираться; потомъ вдругъ выезжаешь на Мейданъ, большую площадь, на которую выходятъ ворота шахскихъ палатъ. На этой площади постоянно бывають чауши; тутъ же стоятъ пушки и множество верховыхъ въ богатыхъ уборахъ лошадей, которыя тутъ обыкновенно дожидаются имѣющихъ прїездъ ко Двору.

Съ этой площади въездъ въ улицу довольно широкую, между двухъ стѣнъ (какъ всегда въ Персіи), и тутъ уже не далеко до низкихъ воротъ нашего посольства. Я обыкновенно ѣзжу туда обѣдать. Мы обѣдаемъ поздно, въ 7 часовъ, куримъ, разговариваемъ до нельзя, и потомъ при лунномъ свѣтѣ или при свѣтѣ фонаря, верхомъ или пѣшкомъ, я возвращаюсь домой по тѣмъ же улицамъ; но тогда улицы пусты, и мѣстами часовые останавливаютъ, спрашивая пароль, отвергаютъ нѣсколько воротъ, чтобъ пропустить меня. Какая противоположность на базарѣ: онъ такъ многолюденъ и шуменъ поутру, а ночью такъ пустъ, мраченъ и безмолвенъ, что напоминаетъ катакомбы. Я всегда радъ, когда наконецъ выйду изъ этого безконечнаго лабиринта. Я называю базаръ лабиринтомъ только потому, что онъ узокъ и теменъ, но переходы въ немъ не запутаны.

18 Декабря. Мои гости навѣщали меня нѣсколько уже разъ, и надѣли мнѣ.

Холодъ продолжается, вода вездѣ замерзла, то есть, стоячая вода, а воздухъ пронзительно холоденъ. Но въ теплой шинели на солнцѣ хорошо.

Въ день Байрама, мы были у Шаха съ поздравленіемъ. Онъ сидѣлъ на полу, въ шелковомъ халатѣ, шитомъ золотомъ, Гератской работы, вѣроятно единственномъ трофее его неудачнаго похода. Принявъ весьма вѣжливо поздравленіе нашего посланника, Шахъ завелъ разговоръ о Европѣ, изъ

котораго можно было замѣтить, что онъ довольно ученъ. Мы скоро откланялись. Шахъ пошелъ въ тронную залу, которая возвышается нѣсколько надъ главнымъ дворомъ. Передняя часть этой залы совсѣмъ открыта, такъ что она похожа на сцену театра. На дворъ въ этотъ день стояли регулярныя войска, военная музыка, ханы, придворные савонники, принцы крови и Аванскіе аманаты. Насъ помѣстили въ комнату рядомъ съ тронною залой, такъ что намъ видно было Шаха, сидящаго на высокомъ тронѣ изъ бѣлаго мрамора, съ странными изваяніями и позолотой, и поддерживаемомъ каріатидами, представляющими злыхъ и добрыхъ духовъ древней Персидской мифологіи. Зала расписана прекрасно, богато и съ большимъ вкусомъ, мелкими арабесками и изображеніями. Прекрасная архитектура и рисунки высокихъ сводовъ потолка, глубокихъ нишей, составляютъ гармоническую общность въ своемъ совершенно особенномъ восточномъ вкусѣ, а огромное окно позади трона похоже на разноцвѣтную кружевную ткань.

Все стояло неподвижно и безмолвно; наконецъ Шахъ произнесъ нѣсколько невнятныхъ словъ къ нѣкоторымъ изъ придворныхъ, стоящихъ на дворѣ въ отдаленіи. Не сходя съ своего мѣста, громкимъ крикомъ отвѣчали они на его милостивыя привѣтствія. Поэтъ вышелъ изъ рядовъ народа на среднюю аллею, и произнесъ стихи во славу Магометъ-Шаха. Пріятно было слушать гармоническіе и странные звуки Персидскаго языка, но по временамъ они заглушались: съ одной башни не подалеку отъ двора, гдѣ происходилъ селямъ (торжественный пріемъ), раздавалась музыка особеннаго рода, которая, я думаю, ведется со временъ Зороастра. Она составлена была изъ волюнокъ и длинныхъ трубъ безъ мѣры и безъ опредѣленнаго звука: каждый изъ музыкантовъ игралъ на свой ладъ, что попало, стараясь только дуть или бить какъ можно громче, и останавливался только для собственнаго отдыха. Эта дикая музыка гремитъ ежедневно на томъ же мѣстѣ, при восходѣ солнца и при закатѣ. По случаю же празднованія Байрама, она не умолкала въ продолженіе всего дня. Трудно понять, какимъ образомъ Шахъ,

который во всѣхъ отношеніяхъ похожъ на образованнаго человека, не приходитъ въ изступленіе отъ этой напасти. Мнѣ стало досадно за него: безжалостные музыканты какъ будто на зло ему дуютъ, мѣшаютъ говорить и слушать поэта.

21 Декабря. Холодъ продолжается, и я принужденъ, не смотря на яркое солнце, топить цѣлый день каминъ. Мы ожидаемъ почты нынче или завтра. Дай Богъ, чтобъ ко мнѣ были письма. Я сейчасъ ѣздилъ верхомъ за городъ и видѣлъ Шаха верхомъ съ огромною толпою всадниковъ. Между ними я нашелъ знакомыхъ и вмѣшался въ свиту. Шахъ остановился и смотрѣлъ на скачку.

28 Декабря. Уже давно я не имѣю никакихъ извѣстій изъ Россіи; день ото дня становится мнѣ тягостнѣе жить такъ далеко отъ своихъ, и я рѣшаюсь на сборы къ обратному пути, хотя теперь самое дурное время года для путешествія въ Персію; даже въ самомъ Тегеранѣ, и верхомъ и пѣшкомъ, трудно прокладывать себѣ путь чрезъ глыбы заваленныхъ снѣгомъ улицъ. Сегодня вечеромъ, когда я возвращался въ городъ изъ Тегеранской цитадели (по-Персидски *аркъ*), гдѣ живетъ Г. Дюгамель, часовой (по-Персидски *караулъ*) ударилъ прикладомъ провожавшаго меня моего слугу Армянина, и едва не задѣлъ меня самого. Въ слѣдствіе этого комендантъ цитадели не получить отъ меня ни чаю, ни сахару къ новому году.

3—15 Января 1839 г. Я перемогъ себя и рѣшился остаться недѣль на пять; по истеченіи этого времени непременно отправлюсь. А между тѣмъ настанетъ весна, и дороги, надѣюсь, будутъ не много лучше.

10—22 Января 1839. Слава Богу, наконецъ вчера утромъ я получилъ письмо изъ дому; теперь я спокойно могу ожидать весны. Жизнь моя все такъ же утомительно однообразна. Сегодня былъ я въ банѣ и выкрасилъ себѣ волосы красной краской, по совѣту доктора нашей миссіи, который полагаетъ, что краска эта (хэна) сохраняетъ и укрѣпляетъ волоса. Персіяне говорятъ, что и черная краска (*ренгъ*) имѣетъ тѣ же свойства, почему я и пригласилъ

одну женщину, по имени Ситарэ, чтобъ вычернила мнѣ голову. По сообщеннымъ ею свѣдѣніямъ, эти двѣ краски, ренгъ и хэна, имѣютъ множество достоинствъ; а именно: укрѣплять, отращать, густить, смягчить волоса, вытягивать жаръ, унимать головную боль, и наконецъ освѣжать ее; сверхъ того могутъ употребляться какъ лекарство отъ ревматизма. Здѣсь всѣ безъ исключенія употребляютъ эти краски, женщины и мужчины, старые и малые, бѣлокурые, сѣдые, черные и рыжіе — всѣ красятъ волосы.

Только сейчасъ съ базара, гдѣ открылъ Авганскую лавку, въ которой вышиваютъ шали золотомъ и серебромъ съ большимъ вкусомъ. Халатъ изъ хорошей кашемирской шали, вышитый такимъ образомъ, стоитъ около тысячи рублей (тумановъ сто.)

День прошелъ; но изъ десяти челоуѣкъ, обѣщавшихъ мнѣ разныя вещи, ни одинъ не сдержалъ слова. Это вещь обыкновенная въ Персіи, и составляетъ главную причину, по которой эта сторона такъ ненавистна. Быть всякій день по нѣскольку разъ обманутымъ въ своихъ ожиданіяхъ, несносно. Старуха обманула меня насчетъ Абиссинки, старикъ купецъ Казимъ, коммиссіонеръ мой, также не исполнилъ порученія, а пришелъ только сказать, что *нось сго перегорпль отъ гора* (обыкновенная Персидская фраза), что я назвалъ его вчера лгуномъ. Во всѣхъ лавкахъ, гдѣ должны были сегодня быть готовы для меня разные заказы, мнѣ сказали, что будутъ готовы завтра. Не достаточно ли причинъ, чтобъ спѣшить отсюда уѣхать? Персіяне народъ такой лживый, долговязый и обманчивый, что я опасаюсь, не сделаютъ ли они мнѣ какихъ-нибудь вовсе неожиданныхъ затрудненій при моемъ отъѣздѣ. Равнодушіе и безпечность людей моихъ также меня сердитъ; ихъ ни сколько не удивляютъ неисправности, которыя я терплю ежедневно. Они прехладнокровно докладываютъ, что такое-то дѣло, на которое я имѣлъ причину твердо надѣяться, не состоится; они удивляются, что я выхожу изъ себя отъ лжи и обмана. Это у нихъ вещь обычная, и если Персіянину случится невзначай сдержать слово, то онъ претендуетъ уже на награду, и менѣе

червонца не давай. Я все записываю, что приходится въ голову, чтобы по возвращеніи въ Россію ни слова не говорить о Персіи, какъ будто она не существуетъ; Персія не стоитъ того, чтобъ объ ней говорить.

Сегодня вечеромъ мнѣ нечего дѣлать, кромѣ какъ сидѣть дома. Я остаюсь въ моей маленькой комнатѣ у камина, но скучно въ ней одному. Обыкновенный дневной шумъ на улицѣ по немногу утихаетъ, и время моего обѣда или ужина приближается. Но я сегодня не такъ здоровъ, потому что мало ходилъ; улицы въ такомъ состояніи, что ходить нельзя.

Персія опошляла въ моихъ глазахъ уже тѣмъ, что Тегеранъ и окружающія его пустыни, и отдаленныя горы, все, что видно, въ продолженіе нѣсколькихъ недель было покрыто глубокимъ снѣгомъ; холодъ несносенъ. Дворъ мой на три аршина былъ погребенъ въ снѣгу. Настала оттепель, начало весны, улицы затоплены грязной водой. Въ моемъ узкомъ переулкѣ, куда рѣдко заглядываетъ солнце, снѣжныя глыбы еще не растаяли, и долго не растаютъ.

Я велѣлъ Францу собираться въ дорогу. Мнѣ необходимы будутъ по крайней мѣрѣ 8 вьючныхъ лошадей для поклажи и четыре для моихъ людей: Егора, Степана, Багара и Мурата. Для Франца и для меня есть двѣ собственныя мои лошади. Изъ трехъ вышепоименованныхъ служителей моихъ Армянъ—Степана, Багара и Мурата, первый *феррашъ*, т. е. тотъ, который подаетъ кальянъ, провожаетъ на улицѣ и при визитахъ, и исполняетъ комиссіи; второй *мехтеръ*, т. е. конюхъ, а третій поварь.

Отпраздновавъ здѣсь мой 53-й годъ отъ роду, я отправлюсь, и доѣду въ 20 дней до Тавриза; въ Тавризѣ пробуду 15 дней; изъ Тавриза въ Тифлисъ еще 20 дней пути, — что жъ это составитъ? около двухъ мѣсяцевъ — Февраль и Мартъ. Въ началѣ Апрѣля я буду въ Тифлисъ, гдѣ останусь, я думаю, 8 дней. Дай Богъ, чтобъ дорога по Кавказу была тогда проходима; я въ состояніи оставить карету и сѣсть въ какой-нибудь тарантасъ или въ пошевни. Въ Тифлисъ сейчасъ же примусь за отправленіе большей части моихъ вещей и оружія, купленныхъ

для моего брата, съ какой-нибудь вѣрной оказіей. Я уже говорилъ объ этомъ, и еще буду говорить съ Тифлисскими купцами, и надѣюсь, что они мнѣ это устроятъ хорошо. Потомъ поѣду какъ можно скорѣе въ Петербургъ, остановлюсь только въ Воронежѣ слушать органъ. Это страшное разочарованіе насчетъ Персіи конечно будетъ послѣдній ударъ для моего уже больнаго воображенія, ибо я чувствую всякій день, что способности мои слабѣютъ очевидно, и въ весьма скоромъ времени я совсѣмъ впаду въ прозу, и въ прозу, вовсе лишенную занимательности. Что дѣлать? Рано или поздно, нельзя не попасть въ это безцвѣтное положеніе, нельзя быть вѣчнымъ. Сегодня я довольно расположенъ видѣть вещи не съ худой стороны, потому что, по мѣрѣ, какъ пишу къ своимъ близкимъ, я успокоиваюсь насчетъ разочарованій и горестей жизни, развлекаюсь, воображаю, что разговариваю съ тѣми, кого люблю, и не думаю, что тѣ, къ кому я заочно обращаюсь съ рвчью, можетъ быть, уже не существуютъ.

23 Января. Съ тѣхъ поръ, какъ я получилъ пріятныя извѣстія изъ Россіи, я помирился съ Персіею, и если бы могъ каждыя двѣ недѣли имѣть письма изъ дому и довольно денегъ, я бы въ состояніи былъ остаться здѣсь еще мѣсяць или два, и болѣе, даже съѣздить въ Испагань и Ширазъ. Въ этомъ краю падшемъ (по-Персидски *харабъ*), то есть, во всѣхъ отношеніяхъ пришедшемъ въ упадокъ, надо много времени, чтобъ найти источники занятій и развлеченій. Теперь только Персіяне начинаютъ понимать меня и вѣрить моимъ словамъ. Недавно Шахъ прислалъ мнѣ сказать черезъ своего доктора, говорящаго по-Англійски, что онъ желаетъ дать мнѣ еще сеансъ. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ послать ему оконченный портретъ красками. Черезъ два дня докторъ снова пріѣхалъ ко мнѣ, а съ нимъ сынъ министра иностранныхъ дѣлъ, Мирза Али. Докторъ сказалъ мнѣ, что Его Величество желаетъ, чтобъ я нарисовалъ портретъ четырехлѣтняго его сына, но не спѣша, хорошенько, и въ величину, назначенную самимъ Шахомъ на бумажкѣ.

Слѣдующій день былъ назначенъ для начала. Мирза Алъ, сынъ Мирзы Масуда, говорящій по-Французски, сказалъ мнѣ при этомъ, что Его Величество нашель, что портретъ его не похожъ, и назначаетъ мнѣ сеансъ послѣ завтра, чтобъ начать другой, но также не спиша и красками. Разумѣется, я былъ и радъ, и встревоженъ, и озабоченъ этими двумя посланіями.

На другой день рано я поѣхалъ къ Мирзѣ Баба, чтобъ вмѣстѣ съ нимъ идти къ маленькому Аббасъ-Мирзѣ Наибъ-Султану. При входѣ во дворъ добраго медика (давно уже мнѣ знакомаго), моихъ людей остановили, что мнѣ показалось странно и непріятно. Меня впустили одного. Но какво было мое удивленіе, когда я увидѣлъ доктора посреди двора, окруженнаго своими женщинами, въ неглиже, безъ чадръ, и ни сколько не смущенныхъ моимъ приходомъ! Добрый Баба подалъ мнѣ руку, какъ будто ни въ чемъ не бывало; а женщины, между которыми инья были очень молоды и хороши собой, разошлись медленно въ разныя стороны, и стали въ дверяхъ для одного приличія, подавая видъ, что онѣ скрываются, но въ самомъ дѣлѣ такъ, чтобы видѣть и быть видными. Я не могъ воздержаться, чтобъ не благодарить доктора за доставленный мнѣ случай видѣть Персидскихъ дамъ. Но онъ какъ будто не понималъ меня, и извинялся, что онъ по обычаю скрылись. Никого не было на дворѣ, кромѣ этихъ женщинъ, нѣсколькихъ старухъ, дѣтей, Арабовъ и двухъ молодыхъ слугъ, лѣтъ 13, которые принесли завтракъ и вина и, разумѣется, кальянъ. Мы сидѣли, какъ водится, на полу, и подчиваніе состояло изъ риса, варенаго въ водѣ, соуса изъ тыквы (т. е. лучше сказать *баданджана*), изъ бараньяго супа, и проч.

Послѣ завтрака онъ вынулъ изъ ниша деревянную ложку, которую просилъ меня принять въ мою коллекцію Персидскихъ вещей. Потомъ вышелъ на дворъ и кого-то позвалъ. Премилая женщина, небольшая ростомъ, молодая и цвѣтущая, подошла къ нему, одѣтая просто въ ситцевомъ архалукъ и шараварахъ. Она что-то ему вручила, и

онъ оборотился ко мнѣ, подалъ шапку изъ синей шали, шитую бѣлымъ шелкомъ на подобіе жемчуга, и сказалъ, что дочь его дарить ее мнѣ.

Когда мы вышли на другой дворъ, чтобъ садиться на лошадей, нѣсколько бѣдныхъ больныхъ мужчинъ и женщинъ обступили доктора, и онъ сталъ раздавать имъ всѣмъ лекарства и совѣты, со вниманіемъ и участіемъ, которое еще болѣе возвысило мое мнѣніе о Мирзѣ Баба. Между прочими, тутъ была или былъ дервишъ женскаго рода, дервишествующая старуха.

Мирза Баба въ молодости долго жилъ въ Англіи, и потому въ немъ, кажется, нѣтъ тѣхъ предрасудковъ, въ которыхъ Персія закоренѣла.

Мы поѣхали во дворецъ.

Мой Туркменскій жеребецъ ржалъ болѣе обыкновеннаго, и старался бить и кусать всѣхъ встрѣчающихся намъ лошадей. Когда мы вошли къ маленькому Шахзадѣ, онъ уже былъ одѣтъ въ парадную одежду, обвѣшенъ драгоценными камнями, и сидѣлъ на шали, привалившись къ огромнымъ двумъ подушкамъ.

Во время сеанса онъ также что-то чертилъ на бумажкѣ, и нѣсколько разъ просилъ своего гувернера нарисовать ему куропатку.

На другой день рано я пришелъ для другаго сеанса, и надѣлъ мундиръ, потому что мнѣ назначено было идти послѣ къ Шаху. Дорисовывая портретъ маленькаго Шахзадѣ и куря по временамъ калянъ съ его дядькой, я ожидалъ шахскаго приказанія; но оно худо, кажется, было исполнено: пришли за мной очень поздно отъ Шаха, и спросили, есть ли со мной краски. Я торопливо схватилъ мой аппаратъ и портретъ Аббасъ-Мирзы, который довольно удался, и поспѣшилъ на шахскій пріемный дворъ. Тамъ было много ожидающихъ царедворцевъ, одинъ бѣлый евнухъ, преотвратительный старикъ, и нѣсколько генераловъ въ новомъ костюмѣ. Мнѣ сказали, что Шахъ давно ждетъ меня, но теперь ужъ при-

нялся за молитву, послѣ которой поѣдетъ со двора навѣстить какихъ-то священныхъ особъ. Это извѣстіе, разумется, подѣйствовало на меня какъ громовой ударъ. Я рѣшился по крайней мѣрѣ ждать, и стать на такое мѣсто, чтобъ Шахъ замѣтилъ меня, когда выйдетъ. Между тѣмъ одинъ Персидскій генераль, очень любезный чудакъ и, по отзывамъ, отличный человекъ (Гуссейнъ-Папша-Ханъ), сказалъ мнѣ на ухо: «то, что я вамъ обѣщаль, будетъ сегодня вечеромъ; я не лгунъ, я буду у васъ за часъ передъ закатомъ, и ужинаю у васъ.» За нѣсколько дней передъ этимъ, онъ дѣйствительно обѣщаль представить удивительный предметъ для моей кисти. Но зная уже всѣ Персидскаго слова, я, разумется, и не думаль вѣрить ему.

Шахъ вдругъ вышелъ въ довольно странномъ полу-Европейскомъ нарядѣ. Его неловкія тѣлодвиженія, толщина, большая голова, колеблющаяся походка (онъ хромаетъ отъ подагры, хотя ровесникъ мнѣ — 33 лѣтъ), и вообще неуклюжая наружность, составляли жалкую картину. Лице его было мрачно, и онъ казался недоволенъ, какъ будто смущенъ; но когда увидѣлъ меня, свойственная ему привѣтливость выразилась на лицѣ улыбкой; онъ остановился и сказалъ по-Турецки: *геджъ олды, — поздно сдѣлалось, оставимъ до другаго дня;* потомъ спросилъ, здоровъ ли я. Я отвѣчалъ, что по милости его здоровъ, и Шахъ пошелъ садиться на лошадь, но приказаль вслухъ, чтобъ мнѣ отнесли сахару и дичи.

Между тѣмъ Мирза-Али успѣлъ подбѣжать къ Шаху съ моимъ портретомъ маленькаго Шахзадэ; Его Величество однакоже былъ слишкомъ занятъ трудомъ своего шествія и трудомъ садиться на лошадь, чтобъ обратить вниманіе на рисунокъ. Онъ сказалъ, чтобъ оставить его во дворцѣ, повторилъ еще разъ: «послать ему сейчасъ дичи и сахару,» и поѣхаль тихимъ шагомъ на чаломъ конѣ, съ перомъ между ушей, знакомъ царскаго отличія. Множество скороходовъ со всѣхъ сторонъ окружали шахскую лошадь. Они были странно одѣты, съ перьями на шапкахъ и съ серебряными

деньгами, нашитыми на платьяхъ на груди, на спинѣ и на рукавахъ, что, вѣроятно, было символомъ шахскаго богатства. Чтобы придать торжественности шахскому поѣзду, загремѣла военная музыка. Я также съѣзъ на лошадь и отправился домой торжественно: передо мной шахскіе люди церемониально понесли упомянутый сахаръ и дичь. Сахаръ состоялъ изъ множества головъ желтаго цвѣта самаго низкаго сорта, разставленныхъ на огромномъ поднось; а дичь была *джейранъ* (родъ оленя), котораго четверо людей тащили за ноги, и десятка два куропатокъ. Придворныхъ людей набралась куча, въ надеждѣ сорвать съ меня могоарычъ за шахскую милость, однакоже я имъ далъ не болѣе ста рублей, чѣмъ они крайне остались недовольны. Въ Персіи впрочемъ въ обычаѣ всегда изъяслять недовольствіе тѣмъ, что даютъ, чтобы показать, что достойны получить болѣе. Удовольствоваться наградой въ Персіи значило бы унижить себя.

Гуссейнъ-Паша-Ханъ пришелъ въ назначенный часъ, съ толпой людей своихъ, которыхъ онъ тотчасъ же отправилъ домой, оставя при себѣ только одного молодаго челоуька. Онъ далъ ему какое-то тайное порученіе, и сталъ ходить по верхней террасѣ моего дома съ приметнымъ безпокойствомъ. Онъ, казалось, боялся, что если комиссія его не удастся, то онъ покажется въ нашихъ глазахъ лгуномъ; тѣмъ болѣе, что мы нарочно при немъ нѣсколько разъ уже высказывали презрѣніе къ лгунамъ; а онъ увѣрялъ, что въ этомъ отношеніи онъ не похожъ на своихъ соотечественниковъ. Гуссейнъ однакоже не имѣлъ намѣренія обмануть насъ; заранѣе разспросилъ онъ у меня, скромны ли мои люди, и какой націи, и очень былъ доволенъ, когда узналъ, что они всѣ Армяне.

Въ ожиданіи чуднаго предмета для моей кисти, мы смотрѣли, что происходило на сосѣднихъ террасахъ, что впрочемъ въ Персіи считается нескромностію. На ближайшей террасѣ сидѣла женщина молоденькая и хорошенькая собой, но бѣдно чинила тюфякъ. Вдругъ высокій и молодой вѣроятно мужъ ея или братъ,

вышелъ на террасу изъ своей берлоги, съ палкой въ рукахъ, и началъ бить хорошенькую женщину. Это однакоже была шутка, хотя и довольно чувствительная. Персіянка ловко уклонялась прыжками отъ ударовъ; а между тѣмъ мы преслѣдовали жадными взорами гибкій, обнаженный ея станъ. Гуссейвъ-Паша-Ханъ совѣтовалъ намъ не пристально смотрѣть на подобныя сцены, чтобъ не навлечь на себя какой-нибудь непріятности.

Солнце закатилось, волюнки и трубы перестали рычать. Безпокойство нашего гостя болѣе и болѣе увеличивалось; но вдругъ послышался стукъ въ двери; мы отворили, и посланникъ Гуссейна ввелъ женщину въ чадръ. Когда она сбросила ее — это-то обѣщанный перлъ Тегерана? — подумалъ я.

Недавно купилъ я, за 30 червонныхъ, у Шахзадѣ Магомета-Вели-Мирзы, щитъ подобный тому, который такъ благосклонно дарилъ мнѣ Кейхабадъ. Посредникомъ между мною и Магометомъ-Вели-Мирзой былъ купецъ Персіанинъ; онъ сказалъ мнѣ, получая съ меня деньги, что хотя Шахзадѣ и далъ ему слово отдать щитъ за 30 червонцевъ, но что нельзя на это полагаться, пока не вручены деньги. Вы знаете, прибавилъ онъ, что наши Шахзадѣ (т. е. царевичи) *совѣсть пропали*. Онъ выразился по Персидски: *«тамамъ харабъ»*. *Харабъ* имѣетъ много значеній: если дорога дурна, испорчена или грязна, то говорятъ, что она *харабъ*; если городъ опустѣлъ и развалился, онъ *харабъ*; если кто боленъ, потерялъ кредитъ, объднялъ, тотъ *харабъ*; платье изорвано, или что-нибудь сломано — все это выражается словомъ *харабъ*; а дѣтей Фетъ-Али-Шаха называютъ *харабъ*, потому что они бѣдны, безъ власти и безъ нравственности.

Я рѣшился отправиться изъ Тегерана въ самый день моего рожденія, когда мнѣ минетъ 33 года. Все уже готовится и расчитывается. Караванъ мой будетъ состоять не менѣе, какъ изъ 15 лошадей.

27 Января 1839. Вчера мы всѣ Русскіе ѣздили за городъ праздновать день рожденія Генерала Дюгамеля: онъ на дняхъ произведенъ въ Генераль-Маіоры. Мы ѣздили вер-

хомъ верстъ за 40, въ садъ, гдѣ посольство живетъ лѣтомъ. По возвращеніи домой я былъ весьма огорченъ. Шахъ присылалъ за мной, вѣроятно за тѣмъ, чтобъ рисовать его. Я совершенно былъ разстроень этимъ извѣстіемъ, что снова потерялъ случай услужить Шаху.

Одинъ изъ здѣшнихъ вельможъ, евнухъ Хозревъ-Ханъ, извѣстный своей силой и веселымъ характеромъ, узнавъ, что я собираю оружія для моего брата, подарилъ мнѣ щитъ изъ черной кожи; но онъ былъ обыкновененъ, и я отдалъ его моему Францу. Простой кинжалъ, подаренный мнѣ министромъ иностранныхъ дѣлъ, Мирзой Масудомъ, имѣлъ ту же участь.

29 Января. Послѣ завтра я собираюсь ѣхать; взялъ уже прогонныя деньги изъ посольства, нанялъ лошадей; паспортъ мой засвидѣтельствованъ. Я писалъ уже къ Мирзѣ Масуду, что желаю проститься съ Шахомъ. Говорятъ, что добрый Магометъ-Шахъ велѣлъ приготовить мнѣ двѣ шали, и хочетъ пожаловать меня орденомъ Льва и Солнца. Онъ очень милостивъ и добръ; не знаю, какъ ему изъявить мою благодарность; по крайней мѣрѣ изъ Петербурга надо будетъ что-нибудь послать въ даръ.

Сюда пріѣхалъ изъ Константинополя, курьеромъ, молодой Франкини, принадлежащій къ нашей миссіи въ Константинополь, съ необыкновенною скоростію: изъ Константинополя въ Требизондъ на пароходѣ, а изъ Требизонда сюда по почтѣ верхомъ черезъ Тавризь. Все это онъ проѣхалъ, кажется, въ 22 дни. Онъ привезъ мнѣ письмо отъ Г. Бутенева, посланника нашего въ Турціи.

30 Января. Какъ благодаренъ я Г. Дюгамелю. Онъ доставилъ мнѣ всѣ возможные удобства въ пути и пребываніи моемъ въ Персіи; я обязанъ ему за все вниманіе и расположеніе его ко мнѣ, хотя и свойственныя его благороднымъ чувствамъ въ отношеніи всѣхъ и cadaго.

Персидскій купецъ, мой комиссіонеръ, принесъ продавать трости для одного моего знакомаго. На замѣчаніе мое,

что на одной изъ тростей не держится набалдашникъ, купецъ отвѣчалъ мнѣ, что это ничего, потому что можно прибить гвоздемъ.

Мнѣ иногда приносятъ продавать платяя или матеріи изорванныя, и увѣряютъ весьма серьезно, что это ничего не значить, потому что можно зашить.

На дняхъ принесли шерстяные чулки съ разноцвѣтными букетами по бѣлому грунту. Я сказала, что не возьму ихъ, потому что, кажется, ихъ нельзя мыть; купецъ отвѣчалъ, что можно мыть ихъ, только не надо мыть на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ цвѣты. Послѣ этого я ужъ не знаю, какое понятіе въ Персіи имѣютъ о мытьѣ, и что они подѣ этимъ разумють. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь очень трудная вещь что-нибудь вымыть, даже самого себя трудно держать въ чистотѣ. Чистой воды не скоро добудешь въ Тегеранѣ; прачекъ нѣтъ, моютъ для насъ мужичины, — и разумѣется, очень плохо; Персіяне же почти ничего не моютъ изъ своего платяя, даже рубашекъ.

Хуррумдерэ. 9-го Февраля 1839 г.

Я въ избѣ въ деревнѣ Хуррумдерэ, почти задыхаюсь отъ дыма, и отъ нечего дѣлать принимаюсь за письмо. Выѣхалъ изъ Тегерана 2-го Февраля: 4-го числа въ самый день моего рожденія меня задержали въ Тегеранѣ, чтобы вручить отъ Шаха орденъ Льва и Солнца, двѣ шаля, весьма хорошія, и лошадь самую плохую. Двѣ шаля оцѣнили мнѣ около тысячи рублей, и, посоветовавшись въ посольствѣ, я далъ 15 червонцевъ человѣку, который ихъ мнѣ принесъ. Это былъ шахскій *гуламъ*, родъ комиссіонера, который крайне остался недоволенъ и какъ будто обиженъ. Орденъ принесъ мнѣ чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, которому я далъ за это 10 червонцевъ, и онъ, къ крайнему моему удивленію, удовольствовался, вѣроятно потому, что чаще имѣлъ дѣло съ Европейцами, и знаетъ, что болѣе не дадутъ. Орденъ, украшенный алмазами, оцѣнили мнѣ въ 30 или 40 червонцевъ. Что касается до лошади, которую при-

вели четыре человѣка, она была такъ дурна, что я далъ за нее только 8 червонцевъ, а она конечно, стоитъ и того меньше. Анекдотъ объ этой лошади довольно оригиналенъ. Я ѣхалъ въ посольство, впереди шелъ Армянинъ, мой конюхъ; вдругъ вижу, четыре человѣка торжественно ведутъ большую гнѣдую лошадь, хрошую и явно негодную, хотя она покрыта была большой попоной. Я догадался, что это для меня, и думалъ, какъ бы съ приличнымъ подобострастіемъ принять шахскую милость. Но мы еще не успѣли поровняться, вдругъ мой конюхъ, какъ вѣрный и преданный слуга, желая исполнить свой долгъ, началъ бранить шахскихъ людей, и кричать, что лошадь никуда не годится, что намъ не надо такой клячи, и что онъ ни за что ее не впустилъ въ мою конюшню. Я изумился, не зная, что дѣлать при плохомъ знаніи языка; по возможности, однакоже, уговаривалъ своего конюха; но онъ ни мало не обращалъ вниманія на мои возраженія. Въ увѣренности, что дѣлаетъ свое дѣло, онъ продолжалъ ругать посланцевъ. Не знаю, показалось ли имъ, что я подтверждаю слова моего конюха, — только они смутились, подумали и воротились съ лошадью въ шахскую конюшню. Мой Багаръ торжествовалъ. Пріѣхавъ въ посольство, я рассказалъ чиновникамъ и переводчикамъ это событіе, и просилъ ихъ, чтобы они мнѣ помогли. Черезъ 10 минутъ, привели другую лошадь отъ Шаха (т. е. отъ шахскаго шталмейстера, ибо Шахъ, разумеется, ничего этого не знаетъ) прямо на посольскій дворъ, сърую, можетъ быть еще хуже. Конюхъ мой опять было вооружился, Персіяне снова готовы были увести ее; но я вступился и кое-какъ объяснилъ, что принимаю съ благодарностію милость шахскую. Не смотря на это, они, вѣроятно, затронутые насмѣшками и бранью моего конюха, повели назадъ лошадь, сказавъ, что покажутъ ее первому министру Гаджи-Мирзѣ-Агасси, чтобъ онъ разсудилъ, достойна она быть подарена мнѣ, или нѣтъ. Такимъ образомъ надменность моего конюха дала высокое обо мнѣ мнѣніе. Однакоже черезъ полчаса привели ее снова, съ извиненіемъ, что у нихъ теперь нѣтъ лучше лошади, что когда я имъ

шала (дасть Богъ) прїѣду въ другой разъ, то ужъ мнѣ приготовить славную лошадь; но что впрочемъ и эта не худа, даже отлична, что онъ ее знаетъ. Когда я прощался съ Гаджи-Мирзой-Агаоси, онъ подтвердилъ уже сказанное мнѣ объ лошади, осыпалъ меня учтивостями и изъявилъ надежду опять увидѣть меня въ Персіи, съ моимъ старшимъ братомъ, въ чемъ я увѣрялъ его, слѣдуя Персидскому обычаю говорить что попало. Я благодарилъ его за милости Шаха; однакоже, передъ отъѣздомъ, я имѣлъ счастье лично быть у Его Величества. Онъ особенно былъ милостивъ ко мнѣ; спросилъ сперва о здоровьѣ, потомъ, со мной ли краски, потомъ велѣлъ подать два портрета, которые я ему сдѣлалъ прежде, чтобъ поправить ихъ съ натуры. Я почтительно расположился передъ нимъ на полу. Шахъ сидѣлъ прекрасно, и я поправилъ, что могъ, замѣтивъ, что на портретѣ волосы сдѣланы слишкомъ длинны, но что эту ошибку нельзя уже поправить. Онъ сказалъ, что это ничего, но что портретъ ему вообще кажется не конченъ, — не правда ли? — прибавилъ онъ, — но впрочемъ я не знаю, вы это лучше знаете.

Въ портретѣ, о которомъ шла рѣчь, не было ни ковра, ни грунта. Я сказалъ: конечно, онъ не оконченъ, и что съ позволенія Его Величества, я возьму его домой кончить, равно какъ и портретъ маленькаго Шахзадѣ, къ которому надо прибавить еще коверъ и подушки. Шахъ снисходительно хвалилъ портретъ маленькаго принца, находилъ похожимъ и говорилъ, что весьма трудно такъ скоро рисовать и схватить сходство. Я воспользовался его добрымъ расположеніемъ, чтобъ попросить его дать мнѣ еще короткій сеансъ. Онъ съ охотой согласился, сказалъ, чтобъ я ни мало не спѣшилъ, и сидѣлъ неподвижно минутъ 8 или 10. Сначала, повернувъ голову, онъ предложилъ мнѣ, не хочу ли я нарисовать профиль, что это легче; но я отклонилъ это, отвѣчая, что профиль не будетъ такъ интересенъ.

Во время сеанса, добрый и внимательный Шахъ, по Персидскому обычаю, не переставалъ хвалить меня, обра-

щаясь къ нѣкоторымъ изъ придворныхъ, стоявшихъ рядомъ на другомъ концѣ залы у стѣны. Шахъ выражался по-Татарски, вѣроятно предполагая, что мнѣ нѣсколько понятенъ этотъ языкъ. Онъ говорилъ, что много видалъ Европейцевъ, но такого, каковъ этотъ (т. е. я), еще никогда не видалъ. Эта фраза обыкновенно употребляется для всѣхъ привѣзжихъ въ Персію; но тѣмъ не менѣе, я съ признательностію слушалъ добраго Магометъ-Шаха, и рука моя ходила свободнѣе. Онъ продолжалъ, все обращаясь къ церемоніймейстеру и другимъ придворнымъ, что мое обращеніе ему очень нравится, что я изъ числа самыхъ отличныхъ людей, и проч. Такимъ образомъ благосклонный ко мнѣ *Центръ міра* постепенно возвышалъ гиперболы на мой счетъ, въ третьемъ лицѣ, какъ будто бы меня тутъ не было, и еслибъ я прорисовалъ еще съ четверть часа, то, смотря по прогрессіи шахскихъ похвалъ, вѣроятно былъ бы вознесенъ до небесъ. Присутствующіе къ каждому слову шаха прибавляли: *бэли* (да).

Последній эскизъ удался лучше перваго. Когда я сказалъ Его Величеству, что собираюсь ѣхать завтра или послѣ завтра, и пришелъ откланяться, онъ какъ будто удивился, и спросилъ, зачѣмъ такъ скоро. Я отвѣчалъ, что спѣшу рассказать въ Россіи, какъ я былъ осчастливленъ его милостію. Ему, кажется, понравилась эта учтивость; обратясь къ церемоніймейстеру, онъ еще разъ сказалъ, что ему нравится мое обращеніе, и спросилъ, приготовлены ли для меня подарки, и какіе. Ему отвѣчали, что приготовлены шали, орденъ и лошадь. Хорошо, сказалъ онъ, но чтобъ дорогіе были эти подарки, тумановъ въ 500. Я удалился, не обращиваясь спиной до двери. Легко можно себя вообразить, какъ я былъ доволенъ.

Вотъ всѣ мои походы въ Тегеранъ. На другой день мы пили послѣдній разъ шампанское у Г. Дютамеля за обѣдомъ, и я простился съ этимъ достойнымъ человѣкомъ.

2 Февраля въ 12 часовъ, т. е. въ полдень, я выѣхалъ. Со мной было 9 вьючныхъ лошадей, 5 чело­вѣкъ людей на

наемныхъ лошадахъ. Я вхалъ на одной изъ моихъ собственныхъ лошадей, а двухъ вели. Былъ маленькій дождь пополамъ съ снѣгомъ. Конюхъ Армянинъ жаловался, что лошадь, которую ему досталось вести, неспокойна, и что надобно ему на нее състь. Я не позволилъ этого, чтобъ сберечь ея силы для слѣдующаго перехода. Конюхъ нахмурился, и черезъ нѣсколько минутъ выпустилъ ее изъ рукъ, какъ будто не въ состояніи былъ ее удержать, и она поскокала вдоль по степи. Потомъ и самъ онъ спустился медленно на землю съ своей лошади, и ее упустилъ. Всѣ побѣжали за лошадыми, кромѣ конюха Багара, который медленно подымался съ недовольнымъ видомъ. Мнѣ показалась эта комедія очень не по нраву, и я счелъ нужнымъ для примѣра подѣхать къ нему и крайне его удивить, ударивъ раза два хлыстомъ по длинной его спинѣ.

На половинѣ перехода, когда уже стало темно, я отъ скуки перегналъ свой караванъ и увхалъ впередъ съ однимъ слугой, Армяниномъ Степаномъ (переходъ былъ длинный — 8 фарсаховъ, по 7 верстѣ фарсахъ), и наконецъ ужъ приходилось очень плохо: дороги я совсѣмъ не видѣлъ, а надо было часто переѣзжать въ бродъ по каменистымъ ручьямъ и по узкимъ развалившимся мостамъ, разумѣется, безъ перилъ, надъ глубокими рвами. Не знаю, какъ Богъ переносилъ; сколько разъ я сбивался съ дороги, и не понимаю, какимъ образомъ наконецъ попалъ въ развалины шахскаго дворца, называемаго Сулейманіа, въ глубокую уже ночь. Нѣсколько комнатъ еще существуютъ въ этомъ дворцѣ; большая зала, красиво расписанная и съ цвѣтными окнами.... (но я, помнится, упоминалъ уже объ этомъ прежде). Черезъ три дня я прибылъ въ Казвинъ, городъ въ 100 верстахъ отъ Тегерана. На дорогѣ былъ снѣгъ вездѣ. Когда ѣдешь изъ Тегерана въ Тавризъ, то почти все поднимаешься въ гору, и воздухъ постепенно дѣлается холоднѣе и вѣтры сильнѣе. Квартиры худы; мои ревматизмы возобновились. Въ Казвинѣ я остановился въ домѣ нѣкоего Шерифъ-Хана, который былъ въ отсутствіи, и меня приняли четверо его дѣтей, изъ кото-

рыхъ старшему было 11 лѣтъ. И такъ среди развалинъ Казбина (ибо всѣ Персидскіе города суть ничто иное, какъ развалины самыя жалкія, представляющія бѣдное и мрачное зрѣлище распадающихся стѣнъ изъ глины) мнѣ дали комнату съ каминомъ, съ позолотами; въ ней одна стѣна была стеклянная, какъ въ оранжереяхъ, но изъ самыхъ мелкихъ кусковъ разноцвѣтнаго стекла, регулярно перемѣшанныхъ съ деревянными дощечками, потому что стекло здѣсь дорого и рѣдко. Большая часть этихъ стеколъ была, разумѣется, какъ всегда, перебита. Рѣзкій и холодный вѣтеръ проникалъ отсюду въ скважины, и, потрясая бранный пріютъ мой, производилъ странный звукъ въ перебитыхъ стеклахъ и дощечкахъ. Другая стѣна почти вся состояла изъ одной двери и двухъ окошекъ, третья изъ двухъ дверей. Можно себя вообразить, что между этихъ трехъ стѣнъ нельзя ожидать много тепла зимой. Въ четвертой стѣнѣ однакоже, къ которой я привалился въ шубѣ, къ утѣшенію моему былъ каминъ, изъ котораго густыя облака дыма наполняли эфирную комнату, родъ бесѣдки, въ которой лѣтомъ, я думаю, жаръ долженъ быть нестерпимъ. Я старался согрѣть себя этою мыслью, но тщетно; и потому упросилъ, чтобы кое-какъ заткнули по крайней мѣрѣ главныя отверстія отъ мороза. Дѣти пришли и, церемонно расположились на полу, а наставникъ ихъ сталъ въ углу. Второй сынъ моего хозяина, 10-ти лѣтъ, былъ наследникъ титула и имѣнія отца, по благородному происхожденію матери. Кромѣ этихъ четырехъ дѣтей, въ домъ еще были четыре жены Шерифъ-Хана, пребывающаго въ Тегеранѣ на службѣ. Десятилѣтній мальчикъ, усѣвшись чинно и почтительно, сперва спросилъ меня, каково мое здоровье, а я спросилъ его, въ веселомъ ли онъ духѣ. Онъ отвѣчалъ, что въ моемъ присутствіи нельзя не быть веселымъ. Я подалъ ему кусокъ кулича, и спросилъ, хорошъ ли? Онъ отвѣчалъ, что все, что я даю, не можетъ быть худо, слѣдовательно хорошо, — ибо что вы кушаете, прибавилъ онъ, конечно должно быть отлично. У меня была шапка на головѣ, а другая на столѣ, и чтобъ поддержать разговоръ, я спросилъ его, которая лучше. Та,

которая вамъ болѣе нравится, конечно должна быть лучше, сказалъ онъ; впрочемъ обѣ прекрасны, все у васъ хорошо, потому что вы сами отличны. Послѣ столь интереснаго разговора, я попросилъ этого ребенка удалиться, и послалъ его матери, которая, по словамъ дядьки, была молода и хороша, чашку чаю. Въ отвѣтъ на эту учтивость она прислала попросить у меня фунтъ чаю, который я, разумѣется, не далъ. На другой день рано мнѣ пришли возвѣстить, что хозяинъ моихъ наемныхъ лошадей, въ противность нашему условію, не хочетъ сегодня выѣзжать въ дорогу, и рѣшился днѣвать въ Казбинѣ. Я сказалъ, что если такъ, то надо его оставить и искать другихъ лошадей, чтѣ и сдѣлали, и вмѣсто лошадей взяли лошаковъ, потому что они, говорятъ, сноснѣе. Однакоже я таки не могъ выѣхать въ тотъ день, — новые *чарвадары* (проводники) не успѣли собраться; но я имѣлъ по крайней мѣрѣ то утѣшеніе, что прогналъ обманщика. Въ продолженіе дня онъ пришелъ ко мнѣ, чтобъ заставить меня продолжать съ нимъ мой путь. Но только что приподнялась занавѣсъ моей двери и показался носъ бездѣльника и потомъ вся его фигура, я съ поспѣшностію бросился съ постели, на которой лежалъ, и далъ ему нѣсколько ударовъ хлыстомъ. Видя, что никакихъ переговоровъ не будетъ, онъ удалился молча и поспѣшно. Новые проводники наши были гораздо исправнѣе. Я выѣхалъ изъ Казбина, пробывъ тамъ около двухъ сутокъ въ безпрестанныхъ разговорахъ съ дѣтьми Шерифъ-Хана и съ ихъ дядькой, по-Персидски *лалл*. Они мнѣ дали лепешекъ съ сахаромъ и черносливу на дорогу, а я далъ по червонцу дядькѣ и назиру (управляющему домомъ). Въ Казбинѣ я купилъ большіе красные сапоги для дороги. Переходъ былъ не великъ, и я рано пріѣхалъ въ деревню *Сіодоунъ*. Тутъ мнѣ принесли винограду, не много уже поизсохшаго, но очень вкуснаго.

Въ Казбинѣ я приложилъ себѣ испанскую мушку, принималъ лекарство и ставилъ ноги въ золу, но напрасно; ходилъ смотрѣть баню, но не воспользовался ею, потому что передбанникъ былъ холодный. Въ дорогу надѣлъ фла-

целое исподнее платье, длинные шерстяные чулки, кашемировые большіе Казбинскіе сапоги и широкія суконныя шаравары, въ которыя, по-Персидскому манеру, вправилъ свой архалукъ; сверхъ архалука напялилъ сертукъ, потомъ макинтошъ изъ Англійскаго магазина, а голову запряталъ въ мѣховую Персидскую шапку, надвѣясь этимъ избавиться отъ головнаго ревматизма, который безпрестанно меня мучилъ съ тѣхъ поръ, какъ насталъ холодъ. При самомъ рѣзкомъ вѣтрѣ солнце пекло и сильно отражалось на снѣгу, глазамъ было больно, и голова у меня стала мокра отъ жара. Но чѣмъ дальше я ѣхалъ, тѣмъ болѣе подымался на гору, снѣгу на дорогѣ все прибавлялось, вѣтеръ становился рѣзче и холоднѣе, я совершенно продрогъ до костей, и выюга проникала сквозь всю мою кутанья; я скакалъ, какъ только могъ, выюки и люди оставались далеко назади, за мной слѣдовалъ только мой вѣрный Степанъ; бѣдная шахская лошадь выбилась изъ силъ. Я обыкновенно каждый день перемѣняю лошадей, чтобъ дать имъ отдыхъ, но она насилу тащилась. Я слѣзъ, и брелъ пѣшкомъ, бѣжалъ съ жестокою зубною болью. Переходъ былъ въ 8 или 9 фарсаховъ, и мнѣ казалось, что ему не будетъ конца. Я изрѣдка спрашивалъ у проезжихъ, нѣтъ ли гдѣ деревни по дорогѣ, гдѣ бы я могъ остановиться и согрѣться. Наконецъ вдали показалась деревня, и я побѣжалъ туда во всю мочь. Степанъ уступилъ мнѣ свою бурку, видя, что я ни живъ, ни мертвъ. На немъ оставалась овчинная пшуба. И слава Богу, я дотащился до хижины, гдѣ бѣдные поселяне усердно приняли меня; тотчасъ же приготовили мнѣ кальянь, зажгли огонь въ куренѣ своемъ. Густой дымъ окружилъ меня, и не выходилъ вонъ, не смотря на множество скважинъ, нарочно для того сдѣланныхъ. Добрые люди достали молока и вскипятили его. Я расположился, велѣлъ стеречь, когда поравняются съ этой деревней, лежащей довольно далеко въ сторонѣ отъ дороги, мои выюки, чтобы достать изъ нихъ денегъ и вина. Черезъ часъ мнѣ принесли все, что было нужно. Я согрѣлся, заплатилъ бѣднымъ хозяевамъ, и пре-

должалъ путь. Со мной былъ путешественникъ, ѣхавшій по той же дорогѣ, который указалъ мнѣ деревню.

Оставалось только полтора фарсаха до того мѣста, куда михиандаръ мой отправился для приготовленія ночлега. Лошадь моя, которая также отдохнула въ деревнѣ, шла теперь бодро. Дорога шла все въ гору, холодъ, вѣтеръ и снѣгъ увеличивались. Наконецъ къ ночи я доѣхалъ до станціи, деревни Хуррумдерэ, откуда и пишу теперь. Она почти лучше всѣхъ деревень, которыя довелось мнѣ видѣть въ Персіи. Будучи скрыта отсюда, Хуррумдерэ неожиданно является въ углубленіи измученному страннику. После продолжительнаго и труднаго пути (не меньше 12 часовъ) по голымъ хребтамъ, едва живой отъ вьюги, усталости и скуки, онъ вдругъ видитъ передъ собой лошину, и спускаясь въ нее, въѣзжаетъ въ долину тихую и прекрасную; дорога извивается по зеленымъ берегамъ ручья, вѣтру нѣтъ, снѣгъ, вьюга и стужа все осталось наверху; воздухъ становится теплѣе, чѣмъ болѣе спускаешься внизъ; открываются ряды высокихъ тополей, за ними густая зелень, и сельскіе дома въ глубинѣ мирной долины.

Въ комнату, приготовленную для меня, горѣлъ большой огонь въ каминѣ, но было холодно, вездѣ скважины; обилие кое-гдѣ войлоками, однако все-таки сквозить, и я сижу въ шубѣ. Хозяева дома, два брата, принесли мнѣ винограду, орѣховъ и изюму; потомъ младшій, съ большимъ замѣшательствомъ, сказалъ мнѣ, что есть и вино. Я очень благодарилъ его, велѣлъ сейчасъ же принести бутылку. Онъ почти дрожалъ отъ страха, полагая, что дѣлаетъ преступленіе гнусное и постыдное, предлагая вино. Вино однакоже оказалось негоднымъ, и не имѣло даже ни малѣйшаго виннаго вкуса. Такимъ образомъ я здѣсь по неволѣ лечусь однимъ виноградомъ, и нахожу, что виноградъ весьма полезенъ, но лѣтомъ предпочитаю виноградный сокъ. Въ холода и вообще зимой, вино мнѣ непріятно и вредно, и я употребляю его какъ лекарство, когда нужно согрѣться и привести въ движеніе кровь. Виноградъ вмѣ я съ жадностію, вѣроятно

потому, что наружный холодъ производитъ во мнѣ внутренній жаръ.

Я намѣревался уже продолжать путь, но мнѣ пришли возвѣстять, что нѣтъ возможности отправляться въ *Султанію*, слѣдующую станцію, потому что вьюга такъ сильна и столько снѣгу, что нельзя никакъ видѣть дорогу, что всѣ прочіе чарвадары остаются сегодня дневать, за совершенною невозможностью продолжать путь, что авось завтра утихнетъ вьюга. Не совсѣмъ довольный этимъ оборотомъ обстоятельствъ, я продолжалъ ѣсть виноградъ и грѣться у каминна; но между тѣмъ вознамѣрился переменить родъ путешествія, несноснаго уже для меня, рѣшился покинуть въ Хуррумдерѣ всѣхъ моихъ людей, лошадей и вещи, и пуститься самому *чапаромъ* (курьеромъ) на почтовыхъ, съ однимъ моимъ конюхомъ, взявъ только самыя необходимыя вещи для дороги; онъ всѣхъ проворнѣе изъ трехъ моихъ Армянъ, и на станціяхъ очень расторопечъ.

Догадавшись, наконецъ, что одна только бурка можетъ предохранять отъ страшнаго вѣтра, свирѣпствующаго здѣсь зимой на Султанійскихъ высотахъ, я купилъ бурку. Лѣтомъ въ Султанію, куда я завтра поѣду, климатъ, говорятъ, очень хорошъ, жару никогда нѣтъ. Это, я думаю, самое высокое мѣсто изъ всей Персіи, разумѣется, кромѣ вершинъ горъ, и потому Фетъ-Али-Шахъ обыкновенно въ жаркое время удалялся въ Султанійскій увеселительный свой замокъ, и по рассказамъ, охотился и жилъ въ лагерь на пространныхъ этихъ поляхъ, гдѣ теперь свирѣпствуетъ такая страшная зима, и путь для путешественника такъ труденъ и даже опасенъ отъ глубины снѣговъ и ослѣпляющей вьюги.

Такимъ образомъ я буду черезъ четыре дня въ Табризъ; а если бы продолжалъ путь съ моимъ караваномъ, то поспѣлъ бы туда не прежде, какъ въ 12 дней, и безъ сомнѣнія, при такой погодѣ еще болѣе: бѣдные лошаки съ сундуками на спинахъ едва бредутъ и безпрестанно падаютъ. Однакоже, такъ какъ ужъ надо было оставаться мнѣ сегодняшній день здѣсь, то я заказалъ себѣ завтракъ,

обѣдъ и ужинъ. Одинъ поселянинъ принесъ мнѣ свѣжей рыбы, форели, что весьма рѣдко въ Персіи; другой теплыя рукавицы своей работы, за которыя я очень былъ благодаренъ; третій два арбуза; но такъ какъ арбузамъ прошло уже время, то попортившіяся мѣста были заткнуты хлопчатой бумагой. Я съ удовольствіемъ раздавалъ деньги этимъ бѣднымъ людямъ, которые такъ усердно старались услужить мнѣ и не просили ничего. Вдругъ послышались ружейные выстрѣлы. Это мой феррашъ Степанъ вздумалъ стрѣлять какихъ-то жалкихъ птичекъ, и съ торжествомъ принесъ мнѣ своихъ жертвъ.

До *Султаніэ* отсюда, говорятъ, 6 фарсаховъ, если не больше. Тамъ я перемѣню лошадей, и проѣду еще 6 фарсаховъ до *Зенгана*, гдѣ хочу остановиться на ночлегъ; потому что *Зенганъ* хорошее мѣсто, и тамошній правитель города весьма привѣтливъ.

Между тѣмъ дыры, служащія въ моей избѣ вмѣсто оконъ, заткнуты, и у меня день и ночь горятъ свѣчи. Я пробовалъ выходить изъ избы, чтобъ воспользоваться ясной погодой, но холодный вѣтеръ прогонялъ меня назадъ.

11-го Февраля. Вчера утромъ, покинувъ свои выюки, всѣхъ лошадей, моего Нѣмца Франца и весь свой караванъ, рано, до свѣта, съ Багаромъ, сквозь страшную выюгу и глубокой снѣгъ, отправился я со всевозможною скоростію въ *Султаніэ*, и прибылъ туда въ 1 часу по полудни. Разстояніе было около 40 верстъ. Тутъ я вошелъ въ сарай станціи; мнѣ развели огонь, принесли кальянъ, кислаго молока и хлѣба. Отдохнувъ съ часъ и побесѣдовавъ съ почтовыми служителями, очень услужливыми и внимательными, я перемѣнилъ почтовую лошадь, и проѣхалъ верстъ 40 до города *Зенгана*, куда прибылъ очень поздно. Ночь застала меня еще на послѣдней четверти дороги. Почтовые служители въ *Зенганѣ* вышли мнѣ на встрѣчу, и помогли влѣзть на возвышенное мѣсто сарая, довольно обширное, гдѣ всѣ люди спятъ вмѣстѣ и гдѣ есть каминъ. Сильный запахъ навоза не даетъ разводиться здѣсь насѣкомымъ; тутъ я спалъ.

очень хорошо, и отправляюсь далье, не посѣтивъ правителя города, чтобъ не терять времени.

12-го Февраля. Сегодня мои именины. Я праздновалъ ихъ въ Міань. Міана есть извѣстный вертепъ разбойниковъ—клоповъ. Конюхъ мой набралъ этихъ смертоносныхъ животныхъ, называемыхъ *малл*, завернулъ ихъ въ несколько бумажекъ, и безъ всякаго опасенія засунулъ въ свою шапку, и такимъ образомъ путешествуетъ со мной, и смѣется, что клопы шумятъ у него на головѣ.

До Тавриза осталось два дня ѣзды. Я въ деревнѣ Туркманчаъ, гдѣ ночую также въ почтовомъ сараѣ. Смотритель пріятный старикъ. Онъ за мной ухаживаетъ, какъ за сыномъ, и велѣлъ своимъ женамъ приготовить славный ужинъ, долго разсуждая, какой жиръ положить въ пилавъ.

Я очень радъ, что покинулъ своихъ Нѣмцевъ, Русскихъ, Армянъ, лошадей и лошаковъ, которые ждутъ хорошей погоды, чтобъ проѣхать Султанійскія степи. Слишкомъ было бы жестоко зимовать съ ними. Кромъ того, этотъ Донкихотскій походъ меня забавляетъ, хотя и трудно ѣхать около 50 верстъ, а иногда болѣе, отъ станціи до станціи. Въ день я проѣзжаю по двѣ. Рано утромъ сажусь на лошадь и скачу во всю мочь, на сколько позволяетъ трудность дороги и достоинство лошади, рысью, въ галопъ и во весь духъ, и то не прежде часу по полудни пріѣзжаю на первую станцію. Тутъ курю кальянъ, что-нибудь ѣмъ, и черезъ часъ снова пускаюсь въ путь. Чтобъ проскакать 45 или 50 верстъ, надо по крайней мѣрѣ ѣхать 6 или 7 часовъ, и я пріѣзжаю на ужинъ и ночлегъ не прежде, какъ часамъ къ 9 вечера.

Не ожидалъ я видѣть Персію покрытою глубокимъ снѣгомъ, чрезъ который лошади съ величайшимъ трудомъ могутъ пробираться.

ТАВРИЗЪ.

15-го Февраля. Я пріѣхалъ сюда вчера очень рано, проѣхавъ почти всю ночь. Консулъ прекрасный человекъ,

и я у него какъ дома. Такъ какъ со мной нѣтъ ни одного порядочнаго платья, потому что все осталось во व्यюкахъ, которые придутъ сюда не прежде 8 или 10 дней, то я и не предпринимаю дѣлать визитовъ къ намѣстнику Шаха, брату его Кахраманъ-Мирзѣ, Эмиръ-Низаму, правителю Тавризской области (называемой Азербиджанъ), ни къ доброму моему пріятелю Армянину Седикъ-Хану, который некогда со мной путешествовалъ отъ Ставрополя до Москвы.

18-го Февраля. Ожидаю своихъ вещей, людей и лошадей; я здѣсь ужъ 5 дней. Эмиръ Низамъ и Кахраманъ-Мирза дѣлаютъ мнѣ всевозможныя одолженія, а я еще не могу къ нимъ явиться въ старомъ сюртукѣ и изорванной шапкѣ. Бдучи курьеромъ по почтѣ, ничего не лзя брать съ собой, потому что все портится. По пріѣздѣ моемъ Эмиръ-Низамъ прислалъ ко мнѣ Тавризскаго градоначальника приветствовать и узнать о здоровьѣ; потомъ прислалъ своихъ людей съ двумя живыми баранами въ подарокъ, 20 куропатокъ, 3 большія бутылки лимоннаго соку, столько же помаранцеваго и множество блюдъ съ фруктами на большомъ деревянномъ поднось. На другой день Кахраманъ-Мирза прислалъ мнѣ своего управляющаго узнать объ здоровьѣ, и потомъ людей своихъ съ нѣсколькими блюдами конфетъ разныхъ сортовъ. Англичане, находящіеся здѣсь, консуль Бонамъ, нѣсколько военныхъ и купцовъ навѣстили меня.

28-го Февраля. Не могу еще совсѣмъ оправиться отъ усталости, которую перетерпѣлъ въ послѣднюю поѣздку; но ревматизмы мои совершенно прошли на второй день курьерской моей ѣзды изъ Хуррумдера сюда. Это странно, что такая сильная, продолжительная и почти застарѣвшая болѣзнь не могла устоять передъ вліаніемъ воздуха и чрезмѣрнымъ движеніемъ. Но этотъ моціонъ для моего сложенія былъ чрезъчуръ силенъ, и я еще не могу оправиться совершенно, хотя уже прошло болѣе 10 дней. Вьюки пришли, — я былъ у Эмиръ-Низама и у Кахраманъ-Мирзы; могъ бы продолжать путь, но я сдѣлалъ имъ учтивость предложить шарисовать ихъ; такимъ образомъ надо подождать,

пока они назначать мнѣ сеансы. Кахраманъ назначилъ сеансъ завтра; а Эмиръ-Низамъ просилъ меня нарисовать шахскаго наслѣдника, который находится здѣсь, и котораго я въ первый мой провѣздъ чрезъ Тавризь собирался рисовать, но по скорому отъѣзду не успѣлъ. При всемъ этомъ я назначилъ отъѣздъ мой въ Тифлисъ черезъ 6 дней. Седикъ-Ханъ, давно знакомый мнѣ Армянинъ, въ первый провѣздъ мой находился въ отсутствіи. Въ небольшомъ разстояніи отъ Тавриза, въ горахъ ему была поручена разработка мѣдныхъ рудъ и литье пушекъ. Теперь его, бѣднаго, требуютъ въ Тегеранъ на расправу — дать отчетъ въ суммахъ, отпущенныхъ ему Персидскимъ правительствомъ на 80 пушекъ, вмѣсто которыхъ оказалось у Седикъ-Хана только 12, а деньги вышли всѣ.

ТИФЛИСЬ. 2-го апрѣля 1839 г.

Принужденъ еще отложить мое отправленіе въ Петербургъ по случаю затрудненій пути чрезъ Кавказъ. Получилъ письмо отъ Г. Дюгамеля, который пишетъ, что уже мнѣ не нужно ничего ожидать отъ него, и что могу ѣхать. Сегодня воскресенье, — авось въ среду выѣду.

Здѣсь я познакомился съ Адъютантомъ Г. Перовскаго, Виткевичемъ, который на дняхъ прибылъ изъ Авганистана, провѣзжалъ чрезъ Тегеранъ, и привезъ мнѣ письма, между прочими письмо отъ Мирзы Масуда, министра иностранныхъ дѣлъ, по-Французски. Вотъ переводъ съ него :

Тегеранъ. 3 Зехходжа. 1254.

«Мой любезный другъ !

«Я сожалью очень, что вы уѣхали, не хотѣвъ проститься со мной, какъ водится между друзьями. Я подозреваю, что вы недовольны вашимъ путешествіемъ по Персіи, и въ особенности вашими сношеніями со мной. Если я не ошибся въ последнемъ предположеніи, то прошу у васъ прощенія и желаю вамъ всякаго счастья.

«Вы такъ спѣшили насъ оставить, что даже не хотѣли взять отвѣтъ мой на письмо Князя Долгорукова, которое

онъ черезъ васъ доставилъ мнѣ. Посылаю вамъ оный при семъ и прошу доставить. Клянюсь вашему почтенному семейству и всѣмъ друзьямъ моимъ, которые помнятъ обо мнѣ, и имѣю честь пребыть

Вашимъ покорнымъ слугою,
Мирза Масудъ.»

Отвѣтъ мой на письмо Мирзы Масуда:

Владикавказъ. 16-го Апрѣля 1839.

«Я имѣлъ честь получить письмо Вашего Превосходительства черезъ Г. Виткевича, и не премину доставить зяго моему, Кн. Долгорукову, письмо ваше къ нему. Не смѣю оправдывать себя передъ Вашимъ Превосходительствомъ; вы мнѣ выговариваете, слѣдовательно я долженъ быть виноватъ; скажу только, что мнѣ очень прискорбно, если навлекъ на себя ваше неудовольствіе, и еще болѣе, если вы сомнѣваетесь въ благодарности моей. Могу ли не цѣнить участіе и благосклонное вниманіе, которое вы обратили на меня во время пребыванія моего въ Тегеранъ, и не признать, что вамъ единственно обязанъ за всѣ милости Шаха. Вы привлекли на меня снисхожденіе Его Величества. Я прошу Ваше Превосходительство повѣрить, что я вполне чувствую благодарность за гостепріимство, которымъ я вообще пользовался въ Тегеранъ и особенно отъ Вашего Превосходительства.

«Имѣю честь пребыть,» и проч.

СТИХОТВОРЕНИЯ.

РУСАЛКИ.

(КАРТИНА.)

Ночь. Мѣсяць отражается въ дѣвпѣрь. Надъ рѣкой мрачное ущелье. Русалки выносятъ изъ воды дѣвушку-утопленницу, разоблачаютъ ее и расчесываютъ ей косу.

Водь-лазоревыхъ жилища,
Пробудись краса моя,
Наша новая сестрица,
Наша свѣтлая струя!

Къ жизни чувствами воскресни,
Плавай съ нами и рѣзвись,
Пой плѣнительныя пѣсни,
Въ пѣву бѣлую рядись!

Наслаждайся нѣгой праздной,
Омутъ краше всѣхъ хоромиъ:
Обнесень стѣной алмазной,
И унизанъ жемчугомъ.

Всѣхъ, кто жизни шлетъ проклятья,
Пылко, страстно полюби,
Замани въ свои объятья,
И въ пучинѣ утопи!

В.

НОВОБРАЧНОЙ.

Я слышалъ, — правда ли, — не знаю,
Вы вышли замужъ? — Въ добрый часъ!
Я счастья вамъ не обещаю
И потому, что знаю васъ.

Я зналъ когда-то васъ дитю,
Вы были рѣвое дитя,
Тогда жъ сдружились вы со мною,
И это живо помню я.

Мнѣ были странны ваши ласки,
Когда бывали мы вдвоемъ,
И ваши свѣтленькіе глазки
Сверкали чувствомъ и умомъ.

Потомъ надолго мы разстались:
Вы жили въ свѣтѣ, — я въ глуши;
Не знаю, какъ вы развивались
Могучей силою души;

Но я васъ встрѣтилъ, — вы блистали
Невыразимой красотой;
Вамъ всё блаженство предрекали:
Вы чаровали всѣхъ собой!

Вы были дѣвственно-прекрасны,
 Васъ лучъ небесный освѣщаль,
 И свѣтъ коварный вамъ напрасно
 Свое блаженство обѣщаль.

Я видѣлъ все, — и жаль мнѣ было,
 Что васъ замѣтилъ шумный свѣтъ:
 Мнѣ чувство тайное открыло,
 Что въ свѣтъ вамъ блаженства нѣтъ!

И я желалъ въ иное время,
 — О, не сердитесь на меня!
 Чтобы мишурной жизни бремя,
 Скорѣй вы сбросили съ себя.

Чего жъ теперь вамъ пожелаю?
 Вы вышли замужъ, — въ добрый часъ!
 Но вы страдаете, — я знаю,
 И горько, грустно мнѣ за васъ!

Страдайте жъ много, если должно
 Страдать среди чужихъ страстей,
 И уклоняйтесь осторожно
 Отъ *счастья свѣта* и людей!

Тогда васъ только свѣтъ погубить,
 Когда случится мнѣ узнать
 Что васъ улыбка приголубить,
 И вы забудете страдать!

И. Милютинъ.

ОБЛАКА.

Волнистой чертой отдѣлились
Отъ поздней зари облака,
И грозно, какъ горы, столпились,
И свѣтитъ зря, какъ рѣка.
Съ тоской безотчетною взоры
Глядятъ на разливъ той рѣки,
На эти воздушныя горы....
И мысли мои далеки.
И снится рѣка мнѣ иная:
Угрюмыя горы надъ ней,
На берегѣ роща большая
Съ роскошною тѣнью вѣтвей;
Деревья за рощею темной,
Тамъ церковь съ крестомъ золотымъ
И домъ одинокій, огромный,
Закутаный садомъ густымъ.
По прежнему церковь бѣлѣтъ,
И бѣдныя избы стоять,
Но домъ опустѣлый дряхлѣтъ
И глохнетъ заброшенный садъ.
Въ томъ домѣ, гдѣ людно такъ было,
Теперь, какъ въ гробу, тишина....
Въ разбитыя окна уныло
Вечерняя свѣтитъ луна.
Въ саду заросла та дорожка,
Гдѣ часто, какъ спрячется день,
Бродила прекрасная ножка
И бѣлая видѣлась тѣнь.

М. Михайловъ.

* * *

Нѣтъ ни лести въ рѣчахъ,
Нѣтъ ни слезки въ очахъ,
Моя грудь холодна, будто камень.

Нужно сильной душѣ,
Нужно дивной красѣ
Пробудить въ ней таящійся пламень.

Я спокоенъ! — И вотъ
Отъ чего я, какъ мотъ,
Свои дни беззаботные трачу;

И не радуюсь я,
Какъ веселый дитя,
Но за то очень мало и плачу.

Я доволенъ судьбой,
Я доволенъ собой,
Что такъ съ жизнью холодъ сосваталъ;

Лишь сержусь на себя,
Для чего отъ тебя
Свое сердце подальше не спряталъ.

С. Ступишинъ.

МОСКВИТЯНИНЪ.

1849.

№ 18.

Сентябрь.

Кн. 2.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ЦАРСКАЯ НЕВѢСТА.

ДРАМА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ:

ВАСИЛІЙ СТЕПАНОВИЧЪ СОБАКИНЪ, Новгородскій купецъ.

КАЛИСТЪ } его дѣти.

МАРГА }

ГРИГОРІЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ГРЯЗНОЙ

ВАСИЛІЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ГРЯЗНОЙ

КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ТЕМГРЮКОВИЧЪ

МАЛЮТА ГРИГОРЬЕВИЧЪ СКУРАТОВЪ

КНЯЗЬ ИВАНЪ ГВОЗДЕВЪ-РОСТОВСКІЙ

ВОЯРИНЪ МАТВѢЙ ЛЫКОВЪ, Нарвскій воевода.

ВОЯРИНЪ ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ЛЫКОВЪ, его племянникъ.

ЛЮБАША.

ЕЛИСЕЙ ВОМЕЛІЙ, Царскій лекарь.

ДОМНА ИВАНОВНА САВУРОВА, купеческая жена.

ДУНЯША, ея дочь.

ПЕТРОВНА, работница Собакиныхъ.

КУМЪ САВЕЛІЙ.

КУМЪ ПАРФЕНЪ.

ИСТОПНИКЪ.

СѢННАЯ ДѢВУШКА.

Опричники, пѣсенники, плясуньи, слуги, прохожіе, бояре и боярыни.

*Дѣйствіе происходитъ
въ Александровской слободѣ, въ 1572 году.*

Отд. 1.

6

ДѢЙСТВІЕ I.

П И Р У Ш К А.

Большая горница въ домѣ Григорія Грязнаго. На заднемъ планѣ ивсѣйская дверь и подлѣ нея поставецъ, уставленный кубками, чарками и ковшами. На правой сторонѣ сцены три красныя окна и противъ нихъ длинный столъ, накрытый скатертью; на столѣ свѣчи въ высокихъ серебряныхъ подсвѣчникахъ, солонка и судокъ. На лѣвой сторонѣ сцены дверь и широкая лавка съ узорнымъ полавочникомъ; къ стѣнѣ приставлена рогатина; на стѣнѣ виситъ самострѣлъ, большой ножъ, разное платье и медвѣжья шкура. По стѣнамъ и по обѣимъ сторонамъ стола лавки, крытыя краснымъ сукномъ.

С Ц Е Н А I.

Д В Л Е Н І Е I.

Григорій Грязной и Князь Иванъ Гвоздевъ-Ростовскій сидятъ за столомъ другъ противъ друга; передъ ними два кубка и стопа.

КН. ИВАНЪ ГВОЗДЕВЪ-РОСТОВСКІЙ.

Такъ хороша?... А кто она такая?

ГР. ГРЯЗНОЙ.

Собакина, купеческая дочь....

КН. ГВОЗДЕВЪ-РОСТОВСКІЙ.

Постой, постой! Да не ея ль отецъ
Изъ Повгорода въ Слободу пріѣхалъ
Съ заморскими товарами?

ГР. ГРЯЗНОЙ.

Онъ самый.

КН. ГВОЗДЕВЪ-РОСТОВСКІЙ.

Домъ на углу у церкви? Знаю, знаю:
У старика-то я вчера купилъ
Себѣ парчи узорчатой на ферязь....
Зачѣмъ онъ дочь сюда привезъ съ собою?

ГР. ГРЯЗНОЙ.

Зачѣмъ?... Ты знаешь, Государь велѣлъ
Со всѣхъ концовъ и городовъ красавицъ
Свезти сюда, и лучшую изъ нихъ
Себѣ въ супруги выбрать хочеть....

КН. ГВОЗДЕВЪ-РОСТОВСКІЙ.

Слышалъ.

ГР. ГРЯЗНОЙ.

И вѣришь ли, мой другъ любезный Ваня?
Мнѣ кажется, что лучше Марѣ нѣтъ,
Что на роду ей суждено Царицей,
А не простой боярынею быть.

КН. ГВОЗДЕВЪ РОСТОВСКІЙ.

Тебѣ во всемъ повѣрю я, Григорій!
А вотъ своимъ глазамъ такъ я не вѣрю.

ГР. ГРЯЗНОЙ.

А что?

КН. ГВОЗДЕВЪ-РОСТОВСКІЙ.

Да такъ.... Гляжу я на тебя:
Куда ты измѣнился, Гриша, право!
Бывало мы, чуть дѣвица по сердцу,
Нагрнаемъ ночью, дверь съ крюка сорвали,
Красавицу на тройку — и пошелъ!
А нынче мы болтаемъ, словно бабы..
Что тутъ дремать? Друзья какъ разъ помогутъ.

ГР. ГРЯЗНОЙ.

Нѣтъ, Князь! Къ чему насиліе?... Не прихоть,
Любовь крушить мнѣ душу, да и Марѣ
Скорѣй наложить руки на себя,
Чѣмъ дать себя въ обиду.... Слушай, Князь:
Я честію хотѣлъ покончить дѣло
Къ Собакину я сватовъ засылалъ.

КН. ГВОЗДЕВЪ-РОСТОВСКІЙ.

Ну что жъ?

ГР. ГРЯЗНОЙ:

Ведьль сказать мнѣ наотрѣзь :
«Благодаримъ боярина за ласку,
А дочь свою я обручилъ другому.»

КН. ГВОЗДЕВЪ-РОСТОВСКІЙ.

Кому жь другому ?

ГР. ГРЯЗНОЙ.

Лыкову Ивану.

КН. ГВОЗДЕВЪ-РОСТОВСКІЙ.

Да ты бы самъ съ отцомъ поговорилъ.

ГР. ГРЯЗНОЙ.

Я говорилъ, такъ онъ поеть другое :
Мы съ дядей нарѣченнаго, Михайлой
Матвѣвичемъ, ужь дѣло порѣшили.

КН. ГВОЗДЕВЪ-РОСТОВСКІЙ.

А молодой-то Лыковъ хоть куда !
Такой красивый, говорить такъ складно :
Не даромъ былъ онъ два года у Нѣмцевъ.

ГР. ГРЯЗНОЙ.

Не говори мнѣ про него... Сегодня,
Скрѣпивши сердце, звалъ его я съ дядей
Откушать хлѣба-соли : погляжу,
Какой онъ басурманщины набрался ?
Чай то-то онъ невѣсть нагородить...
Проклятый !

КН. ГВОЗДЕВЪ РОСТОВСКІЙ.

Эй, послушайся меня :
Возьмемъ силкомъ — и поминай, какъ звали !

ГР. ГРЯЗНОЙ.

Нѣтъ, не хочу...

(Встаетъ.)

Но Лыкову Ивашкѣ
Не обходить кругомъ наложь съ Марей !

кн. ГВОЗДЕВЪ-РОСТОВСКІЙ.

Да что жъ ты хочешь дѣлать ?

гр. ГРЯЗНОЙ.

Самъ не знаю....

А жаль мнѣ, что ты Марѣ не видалъ :

Ты знаешь толкъ....

кн. ГВОЗДЕВЪ-РОСТОВСКІЙ.

Да кто его не знаетъ ?

На что ужъ Нѣмецъ Елисей Бомелій —

И тотъ смекаетъ! Встрѣтились намерни ,

Онъ и давай хвалить твою Любашу:

«У твоего пріятель славна дѣвка!»

Да, къ слову молвить. Развѣ ты Любашу

Ужъ разлюбилъ?.... А кажется, что дѣвки

Такой искать — не скоро и отыщешь :

Поеть, что птичка, брови колесомъ,

Глаза, какъ искры, и коса до цытокъ!

гр. ГРЯЗНОЙ.

Она мнѣ надѣла.

кн. ГВОЗДЕВЪ-РОСТОВСКІЙ.

Что такъ скоро ?

И полгода, кажися, не прошло,

Какъ мы ее въ Каширу подцѣпили....

гр. ГРЯЗНОЙ.

Я не люблю ее.

кн. ГВОЗДЕВЪ-РОСТОВСКІЙ.

Напрасно, братъ!

А впрочемъ, какъ пройдетъ угаръ, полюбишь....

Давай-ка выпьемъ.

(Наливаетъ кубки. За дверью слышнень шумъ.)

Чу! никакъ и гости

Идутъ... Кого ты звалъ къ себѣ сегодня ?

ГР. ГРЯЗНОЙ.

Все нашихъ же.... Ну, Лыковы придуть,
Хотѣлъ быть Калпсть, Марейнъ братъ, гуляка
И балагуръ, хотъ тотчасъ въ скоморохи.
Придетъ Бомелій....

КН. ГВОЗДЕВЪ-РОСТОВСКІЙ.

Онъ зачѣмъ ?

ГР. ГРЯЗНОЙ.

Мнѣ нужно.

С Ц Е Н А II

Я В Л Е Н І Е I.

*Тѣ же, Малюта Скуратовъ, Князь Михайло Темрюковичъ,
въ богатомъ кафтанѣ, съ кинжаломъ за поясомъ, слуги.*

ГР. ГРЯЗНОЙ.

Добро пожаловать !

МАЛЮТА.

Здорово, Гриша !

И я пришелъ къ тебѣ попить,
На старости медку хлебнуть немножко....
Съ собой взялъ Князя....

ГР. ГРЯЗНОЙ.

Милости прошу.

А вотъ и медъ тебѣ.

(Гостямъ подносятъ кубки.)

МАЛЮТА.

Что дѣло — дѣло !

Мы съ Княземъ шли къ тебѣ, да и продрогли.

Ну, будь здоровъ !

(Пьетъ и кланяется Грязному.)

ГР. ГРЯЗНОЙ *(откланиваясь)*.

Благодарю, Малиута!

ЯВЛЕНИЕ 2.

Тъ же, Василий Грязной, Калисть, Елисей Бомелій и нѣскольکو опричниковъ. На Бомелію длинная черная мастиа, на Калисть полукафтанье, на прочихъ кафтаны. Михайло Матвѣевичъ и Иванъ Сергѣевичъ Лыковы.

ГРЯЗНОЙ *(идеть на встрѣчу гостямъ)*.

Прошу покорно, гости дорогіе!

(Цѣлуется съ ними по очереди.)

(Лыковымъ).

Бояре!

(В. Грязному).

Братъ, здорово!

(Калисту).

Здравствуй, Калисть!

(Бомелію).

Благодарю тебя за честь, Бомелій!

Спасибо вамъ, что вспомнили меня.

(Служи подносятъ каждому изъ гостей по кубку; гости пьютъ и кланяются хозяйину, который откланивается.)

Ну, дорогіе гости! за трапезу

Прошу садиться.... Только не взыщите:

Чѣмъ Богъ послалъ....

М. ЛЫКОВЪ.

Мы лаской будемъ сыты,

А старая присловица гласитъ,

Что слаще меду ласковое слово.

ГР. ГРЯЗНОЙ.

Другая поговорка есть, бояринь,
Что баснями не кормят соловья...
Прошу покорно!

*(Гости садятся за столъ; слуги начи-
наютъ ставить кушанья.)*

МАЛЮТА (М. Лыкову).

Разскажи-ка намъ,
Какъ въ Нарвѣ воеводствуешь, бояринь?

М. ЛЫКОВЪ

Да, слава Богу, у меня все тихо:
Магистръ и Нѣмцы, словно барсуки,
Сидятъ въ норахъ и выглануть не смѣютъ.

МАЛЮТА.

За умъ взялись, а то куда сварливы!
(Ис. Лыкову.)

Ты, молодецъ, на Нѣмцевъ насмотрѣлся:
Что, какъ у нихъ тамъ заморемъ живутъ?

ИВ. ЛЫКОВЪ.

Какъ и вездѣ: гдѣ хорошо, гдѣ худо.

ВОМЕЛІЙ.

Не правда! Очень, очень хорошо!

КН. ГВОЗДЕВЪ-РОСТОВСКІЙ.

Зачѣмъ же вы къ намъ жалуете въ гости?
Ты знаешь: отъ добра добра не ищутъ!

ВОМЕЛІЙ.

За нами плетъ великій Государь,
Чтобъ васъ учить.

КН. ГВОЗДЕВЪ-РОСТОВСКІЙ.

Ну да! Вы научили

Какъ вашу жъ братью нужно колотить:
Спасибо и на томъ!

ВОМЕЛІЙ.

Какъ научили?

кн. ГВОЗДЕВЪ РОСТОВСКІЙ.

Наслали намъ пищадей и снарядовъ
И пушкарей. А то вѣдь наши дѣды,
Бывало, вашихъ лыцарей бивали
Простымъ дубьемъ: оно вѣдь и устанешь!
Вотъ вамъ отъ насъ за это и спасибо!

МАЛЮТА.

А третіе спасибо — за вино.

КАЛИСТЪ.

И подлинно: какъ Нѣмцы вина гонять,
Такъ Русскимъ ихъ навѣрно не гонять!
(Гости смѣются.)

ГР. ГРЯЗНОЙ.

Четвертое спасибо! Ай-да Калистъ
Люблю за то, что во-время и кстати
Вернулъ словцо!

(Слугамъ).

Эй, Фряжскаго сюда!

ив. ЛЫКОВЪ.

А я скажу, что многое отъ Нѣмцевъ
Не худо бы намъ, Русскимъ, перенять.

кн. ГВОЗДЕВЪ-РОСТОВСКІЙ.

А что такое?

ив. ЛЫКОВЪ.

Первое — порядокъ

Вездѣ, во всемъ, въ домахъ и въ городахъ,
Терпѣніе, досужество въ работахъ
И рвеніе неусыпное къ трудамъ.
У Нѣмцевъ нѣту росписей мѣстамъ,
У нихъ одинъ другому не укащикъ,
А всякій самъ блюдетъ себя и мѣсто.
За то у нихъ холопъ ужъ не полззеть
Въ боаре, и бояринъ не поидеть
Въ холопья, а живутъ себѣ смиренно,

Какъ тамъ кому пришлось, и за тѣмъ
У нихъ повсюду, смотришь — тишь да гладь,
Да Божья благодать!

МАЛЮТА.

И дѣло: всякій

Сверчокъ знай свой шестокъ!

БОМЕЛІЙ.

Да: свой шестокъ!

КН. ГВОЗДЕВЪ-РОСТОВСКІЙ (*Бомелію*).

Нѣтъ, ты молчи: тебѣ мы не повѣримъ!
Малюта намъ пословицу сказала,
А я тебѣ скажу другую: всякій
Куликъ свое бодото хвалить! Понялъ?

(*Бомелій отворачивается отъ Кн. Гвоздева - Ростовскаго. Слуш вносятъ вино и начинаютъ малмезать кубки.*)

ИВ. ЛЫКОВЪ.

Еще скажу: хваленъ Государю,
Который, какъ отецъ, о насъ печется
И хочетъ, чтобы мы у иноземцевъ
Понаучились доброму!

ГР. ГРЯЗНОЙ.

Аминь!

(*Поднимаетъ кубокъ.*)

За здравіе Отца и Государя!
Да здравствуетъ на вѣки Государь!

(*Всѣ встаютъ и осушаютъ кубки.*)

Да здравствуетъ на вѣки Государь!

КН. МИХАЙЛО ТЕМГРЮКОВИЧЪ.

Хозяинъ! приказалъ бы ты позвать
Сюда твоихъ гуслировъ, да заставилъ
Ихъ Благю Царя поведичать.

ГР. ГРЯЗНОЙ.

Они готовы.

(*Слукамъ.*)

Пѣсенниковъ! живо!

КН. МИХАЙЛО ТЕМГРЮКОВИЧЬ.

И пѣсенницъ ! Онѣ пстомъ попляшуть ,
А мы на нихъ съ Малютою посмотримъ.

МАЛЮТА.

Смотри, а мнѣ такъ, что-то надоѣло....

КН. МИХАЙЛО ТЕМГРЮКОВИЧЬ.

Не притворяйся : знаю я тебя !

Я В Л Е Н І Е 3.

*Тѣ же. Гусларь, пѣсенники и плясуньи. Войдя въ горницу,
они кланяются гостямъ и становятся около поставца.*

ГР. ГРЯЗНОЙ.

Ребята ! Дорогихъ гостей потѣшите
Моей любимой и заветной пѣсней —
Во славу Православнаго Царя !

МАЛЮТА.

И мы подтянемъ.

(Гусларь настраиваетъ инструменты.)

ГР. ГРЯЗНОЙ.

Ну, друживъй, ребята !

Х о р ъ.

Слава на небѣ солнцу высокому ,

Слава !

На землѣ Государю Великому

Слава !

Его борзые кони не ѣзятся ,

Слава !

Его платья цвѣтныя не носятя ,

Слава !

А бояре и слуги не старятся ,

Слава !

*(При последнемъ словѣ гости встаютъ
и поднимаютъ кубки.)*

МАЛЮТА.

Гдѣ старѣться — намъ только молодиться!
 И то сказать, бояре, что невольню
 Съ такимъ Царемъ, какъ нашъ, помолодѣешь.
 Его еще на свѣтъ не бывало,
 А ужъ о немъ пророки провѣщали!

В. ГРЯЗНОЙ.

А что жъ они вѣщали?

МАЛЮТА.

Аль не знаешь?

Былъ юродивый старецъ Доментьянъ;
 Когда его покойная Княгиня
 О дѣтищѣ, зачатомъ ей, спросила:
 «Что имамъ я родити?» Онъ сказалъ:
 — «Родится Титъ — широкій умъ!» — И точно:
 Не мимо шли правдивыя слова
 И вѣщее сбылося предсказанье!

В. ГРЯЗНОЙ.

Широкій умъ — по царству! Чай, его
 И басурманы хвадать?

ИВ. ЛЫКОВЪ.

Не вездѣ.

МАЛЮТА.

Такъ, не вездѣ! Худителей не мало!
 Но кто они? Презрѣнные рабы,
 Которые владыкъ измѣнили,
 И, совѣсть прокаженную продавши,
 Согласниками стали сатаны:
 Князь Курбскій и другіе! А за ними
 Стрекочуть иноземцы, какъ сороки....
 Ну, чѣмъ они корятъ Царя Ивана?

ИВ. ЛЫКОВЪ.

Прискорбно повторять мнѣ злыя рѣчи,
 А говорить, что Царь нашъ грозенъ....

МАЛЮТА.

Грозень!

Да, грозень онъ, какъ Божія гроза,
 Которая караетъ лиходѣевъ,
 А праведнымъ — вѣщаетъ благодать!
 Нѣтъ! Это скудоумные навѣты
 Предателей, злословящихъ Царя.
 За что? За то: зачѣмъ, дескать, онъ понялъ,
 Что Царь казнить и жаловать воленъ
 И что ему, вѣнчанному владыкѣ,
 Не гоже подъ приставниками быть!
 Онъ грозень! Охъ! Гроза то милость Божія!
 Гроза гнилую сосну изломаетъ,
 Да цѣлый боръ дремучій оживить!

В. ГРЯЗНОЙ.

Вотъ рѣчь, такъ рѣчь! Ужъ подлинно: не даромъ
 Ты носишь шубу съ Царскаго плеча!

МАЛЮТА.

И вамъ, бояре, то же вѣдь не даромъ
 За сѣдлами Царь метлы привязалъ:
 Мы выметемъ изъ Руси православной
 Весь соръ!

В. ГРЯЗНОЙ.

Вѣстимо! Гойда!

*(Поднимаетъ кубокъ.)*ОПРИЧНИКИ *(поднимаютъ кубки.)*

Гойда! Гойда!!

ГР. ГРЯЗНОЙ.

Теперь еще одинъ застольный кубокъ,
 И кончена смиренная трапеза.
 Прошу васъ не прогнѣваться, бояре,
(Слуги напеваютъ кубки.)

КН. МИХАЙЛО ТЕМГРЮКОВИЧЬ.

Благодаримъ, хозяинъ, за хлѣбъ за соль!

(Гости пьютъ и кланяются Гр. Грязному.)

ГР. ГРЯЗНОЙ *(откланиваясь)*.

Хозяину гостей благодарить.

(Иные из гостей встают из-за стола и расходятся по горнице; другие остаются за столом. Слуги снимают пустые блюда.)

В. ГРЯЗНОЙ *(подходя к Гр. Грязному)*.

Братъ! Чтò твои гуслары приуныли?
Не худо бы гостей повеселить!

ГР. ГРЯЗНОЙ.

Да чьмъ велите....

МАЛЮТА.

Ну-ка, плясовую!

КН. МИХАЙЛО ТЕМГРЮКОВИЧЬ.

Вишь, вишь! А говорилъ, что надобно!

МАЛЮТА.

А ты и радъ накинуться на слово!

ГР. ГРЯЗНОЙ *(пѣсенникамъ)*.

Ребята, пой, а дѣвушки попляшутъ.

Хоръ начинается:

«За рѣченькой яръ-хмѣль
Вкругъ кустика вѣтся» ...

(На середину выходятъ двѣ дѣвушки и начинаютъ пляску. Гости составляютъ полукругъ. Калисть приближается ближе и ближе къ плясуньямъ и наконецъ приплясываетъ и припѣваетъ.)

МАЛЮТА.

Спасибо! Лихо! Чтò твои лебедки!

(Указывая на Калиста).

Гляди: и молодца расшевелили,
А то сидитъ себѣ такой понурый....

(Калисту).

Чтò, косточки небось заговорили?

КАЛИСТЬ.

Люблю, бояринъ, пѣсню плясовую!
На сердцѣ легче, какъ ее заслышишь:

Такъ по тебѣ мурашки и пойдутъ,
А подъ ногами словно кто подсыпалъ,
Горячихъ угольевъ — такъ вотъ и ходятъ!

ВОМЕЛІЙ.

Не пѣсенки, а дѣвушекъ онъ любитъ!
Мужчина молодой: жениться хочетъ....

КАЛИСТЬ.

Женюся, у другаго не спрошуся
И ни къ кому съ поклономъ не приду.

ВОМЕЛІЙ.

Ко мнѣ придешь.

КАЛИСТЬ.

За снадобьями что ли?

ВОМЕЛІЙ.

За снадобьями, да. Ты любишь дѣвку,
А дѣвка — нѣтъ. Вотъ ты идешь ко мнѣ,
А я тебѣ травы даю....

КАЛИСТЬ.

Морочишь :

Будь у тебя, братъ, корень приворотный,
Порѣже бѣ ты развязывалъ кису!
А то я знаю....

ВОМЕЛІЙ.

Что ты знаешь?

КАЛИСТЬ.

Пѣсню!

ВОМЕЛІЙ.

Какую пѣсню знаешь?

КАЛИСТЬ.

А такую,

Какъ шарни привораживаютъ дѣвокъ.
Пропѣлъ бы я тебѣ ее, да жалко —
Не про тебя ее сложили! Вотъ что!
Въ толкъ не возьмешь!

ГР. ГРЯЗНОЙ.

А что же, спой-ка, Калисть!

Мы въ толкъ бы взди.

КАЛИСТЬ.

Богъ съ тобой, боляринъ!

Куда мнѣ пѣть!

(Указывая на Бомерию).

Я съ нимъ—вотъ пошутить,

МАЛЮТА.

Добро; добро! Отвѣкваться поздно:
 Самъ посудилъ, такъ волей или неволей,
 А пой, любезный!

КАЛИСТЬ.

Нѣчего ужъ дѣлать:

Давайте балалайку.

(Одинъ изъ пусляковъ подаетъ ему балалайку; Калисть перебираетъ нѣсколько ладовъ.)

Слушай, Нѣмецъ!

П о е т ь:

Ты — краса ли моя дѣвчья,
 Ты коса ли моя трубчатая!
 Не на радость ты мнѣ, дѣвчѣ,
 Не въ утѣху доставалася:
 Что тебѣ ли, русой косынькѣ,
 Люди добре завидуютъ,
 За тебя ли, косу русую,
 Извели меня младешеньку,
 Опомли горемычную
 Зельемъ — лютою отравою....
 Охъ, не зельемъ извели меня,
 Опомли не отравою,
 А извели меня соколий глазъ,
 Опомли рѣчь медовая!

МАЛЮТА.

Ай, Калисть! Вотъ утѣшилъ, такъ утѣшилъ!
 Да какъ же ты на пѣсни-то гораздъ!

ИВ. ЛЫКОВЪ.

Благодарю тебя, любезный Калисть!
 Мнѣ за моремъ все сердце истомилъ
 Нѣмецкія докучливыя пѣсни:
 Ты Русской пѣсней душу мнѣ отведь!

ГР. ГРЯЗНОЙ.

Спасибо, братъ!

КАЛИСТЬ (*кланяясь*).

Да смилуйтесь, бояре,

Не надѣвайтесь.

МАЛЮТА.

Ну, полно, полно!

Что хорошо, то хорошо!

(Треплетъ его по плечу.)

КН. ГВОЗДЕВЪ-РОСТОВСКИЙ.

Съ Любашей

Ему бы спѣть: ужъ вотъ была бы пара!

МАЛЮТА.

Аль память у меня виномъ отшибло?

(Гр. Грязному.)

Григорій! гдѣ же крестница моя?
 Никакъ ты, братъ, свою голубку держишь
 На заперти? Небось, не улетить!

ГР. ГРЯЗНОЙ.

Не знаю, что она найдеть.

(Слугамъ.)

Скажите

Игнатьевнѣ, чтобъкликнула Любашу.

МАЛЮТА.

Давно бы такъ!

М. ЛЫКОВЪ (*тихо Малютѣ*).

А кто это.... Любаша?

МАЛЮТА (*тихо*).

Любовница Грязнаго, чудо-дѣвка!
 Мы изъ Коширы увезли ее...

(Вслухъ.)

Отд. 1.

7

Я крестницей зову ее за тѣмъ,
 Что за нее порядкомъ шестоперомъ
 Я окрестилъ Каширскихъ горожанъ
 Такіе злые — лѣзутъ, да и только!

кн. ГВОЗДЕВЪ-РОСТОВСКІЙ (*отводитъ въ сторону Калиста*).

Послушай, подразни маленько Пѣмца:
 Вишь онъ, какъ сычъ, насунился!

КАЛИСТЪ.

Пожалуй.

(*Подходитъ къ Бомелію*.)

Что пріунылъ? Аль пѣсня не по сердцу?

БОМЕЛІЙ.

Я ваши пѣсни плохо понимаю.

КАЛИСТЪ.

А сказки понимаешь что ли?

БОМЕЛІЙ.

Сказки?

Я сказокъ не слыхалъ еще....

КАЛИСТЪ.

Такъ хочешь,

Я присказку скажу?

БОМЕЛІЙ.

Скажи.

КАЛИСТЪ.

Ну, слушай.

(*Кн. Гвоздевъ-Ростовскій и нѣкоторые изъ юстей подходятъ ближе.*)

«Я маленькій былъ смѣль: жеребеночка съѣлъ, съѣлъ да и похваля....»

Что, хорошо?

(*Бомелій киваетъ головой; юсти смѣются.*)

А дальше лучше будетъ!

«Вотъ ѣду я, ѣду, а самъ ни гугу! Вижу — на рѣчкѣ, не то на лугу, плаваютъ три утки, а можетъ три галки... вотъ я себя и выломилъ три палки: первую-то бросилъ да не добро-

силъ, вторую-то кинулъ да не докинулъ, а третьей и такъ мѣ-
тилъ да не попалъ! Дѣлать нечего: надо ловить руками....)

(*Бомелій слушаетъ со вниманіемъ.*)

—
ЯВЛЕНІЕ 4.

Тѣ же и Любаша выходятъ изъ боковой двери; на ней
цвѣтная тильогрѣя; волосы ея заплетены въ двѣ косы.

Увидя ее, Калистъ останавливается.

БОМЕЛІЙ.

Ну?

КАЛИСТЪ.

Улетѣли!

(*Отворачивается отъ Бомелія.*)

БОМЕЛІЙ.

Какъ же улетѣли?...)

(*Оборачивается и не договариваетъ.*)

МАЛЮТА.

А пташечка-пѣвунья прилетѣла!

(*Любаша*)

Здорово, крестница!

ЛЮБАША (*кладяся юстямъ, которые отъпадаютъ
на ея поклонъ.*)

Здорово, крестный!

МАЛЮТА.

Что позамѣшкалась? Небось съ постели?

Глазенки словно заспаны....

ЛЮБАША (*взглядывая на Грязнаю*).

Ахъ, что ты:

Я не спала, а голова болѣла

Не много

МАЛЮТА.

Вздорь! Вотъ ты намъ спой-ка
пѣсню,

Такъ боль всю какъ рукою снять!

7 *

ГР. ГРЯЗНОЙ.

Что же —

Сухая ложка ротъ дереть, бояре!
Прикажете по чарочкѣ меду?
За кубками и пѣсни слушать лучше.

КН. МИХАЙЛО ТЕМГРЮКОВИЧЬ.

Хозяинъ! медъ-то твой не въ мѣру хмѣленъ!

ГР. ГРЯЗНОЙ.

Какой ужъ есть: изъ Царскихъ погребовъ!

КН. МИХАЙЛО ТЕМГРЮКОВИЧЬ.

Инь прикажи по чарочкѣ....

ГР. ГРЯЗНОЙ (*слухамъ*).

Эй, меду!

ЛЮВАША (*Малютъ*).

Послушай! я просить тебя хотѣла....

МАЛЮТА.

Что, пѣночка!

ЛЮВАША.

Какъ Царь жениться будетъ,
Ты наряди меня тогда на свадьбу—
Хоть свиной дѣвушкой къ невѣстѣ. Слышишь!

МАЛЮТА.

Изволь. А ты намъ пѣсню затяни.

ЛЮВАША.

Какую же?

МАЛЮТА.

Да знаешь.... попротяжнѣй,
Чтобъ за сердце хватала!

ЛЮВАША.

Погоди:

Сейчасъ спой

(*Гуслярамъ*).

А вы мнѣ подыграйте.

(*Садится къ столу. Слушъ обновляетъ
застѣй чарками.*)

ЖАЛЮТА (*беретъ чарку и садится возлѣ*
Любаши).

Хозяину веселье!

(*Пьетъ; Грязной кланяется.*)

Ну, болре!

Прошу прислушать: крестница поеть!

(*Гусляры подстраиваютъ инструменты.*)

ЛЮБАША.

Ты крестницу самъ къ пѣснѣ привеволилъ,

Такъ за нее ужъ самъ и отвѣчай.

(*Гости окружаютъ Любашу.*)

П о е т ъ :

Снаражай скорѣй, матушка родимая,
Подъ вѣнецъ свое дитятко любимое!
Я гнѣвить тебя ниче зарекалася:
Отъ сердечнаго друга отказалася....
Расплетай же мнѣ косыньку шелковую,
Уложи меня на кровать тесовую;
Принакрой меня пеленою бѣлою,
На груди скрести руки посинѣлыя,
Въ головахъ зажги свѣчи воску яраго
И зови ко мнѣ жениха-то стараго:
Пусть войдетъ старикъ, смѣотрѣть да дивуется,
На красуль мою дѣвичью лубуется!

ГОСТИ.

Благодаримъ! Спасибо! Славно! Славно!

М. ЛЫКОВЪ.

Отмѣнно!

КН. МИХАЙЛО ТЕМГРЮКОВИЧЪ.

Знатная пѣвица!

БОМЕЛІЙ.

Да!

(*Любаши кланяется.*)

КН. ГВОЗДЕВЪ-РОСТОВСКІЙ.

Что, да? Небось теперъ ты понялъ?

БОМЕЛІЙ.

Понялъ.

МАЛЮТА (*встает*).

Ну, крестница, позволю поцеловать!

(*Целует Любашу.*)

Вотъ какъ постъ, что сердце замираетъ!

Эхъ! время-то поздненько, а не то

Я безъ другой бы пѣсни и не вышелъ....

ГР. ГРЯЗНОЙ.

Ты собрался никакъ домой?

МАЛЮТА.

Да время:

Пора гостямъ и со двора, хозяинъ!

ГР. ГРЯЗНОЙ.

Да подожди.

МАЛЮТА.

А ты и позабылъ,

Что мнѣ пора идти на колокольню?

Чай, Государь изволилъ пробудиться;

Смотри — какъ разъ къ заутренѣ ударю

И васъ врасплохъ застаю всѣхъ. Прощай.

(*Гости встаютъ и берутся за шапки.*)

ГР. ГРЯЗНОЙ.

И вы, бояре? Нѣтъ, ужъ извините,

А такъ я васъ домой не отпущу!

(*Слугамъ.*)

Живѣй, вина!

(*Гостямъ.*)

По чаркѣ на прощанье!

МАЛЮТА.

Ну, будь по твоему.

(*Гостей обносятъ чарками; они пьютъ, и раскланиваются съ Грязнымъ.*)

Теперь ужъ, братъ, прощай!

(*Любашъ, которая подходитъ къ дверямъ.*)

Прощай, Любаша!

ГР. ГРЯЗНОЙ.

Ну, прощай, Малюта!

(*Гости прощаются съ Грязнымъ.*)

КН. МИХАЙЛО ТЕМГРЮБОВИЧЪ.

Пора хозяину покой дать.

М. ЛЫКОВЪ.

За хлѣбъ, за соль!

ГР. ГРЯЗНОЙ.

Прошу впередъ къ намъ жаловать, бояре!

ИВ. ЛЫКОВЪ.

Прошу тебя и насъ не забывать.

(Бомелій въ это время смотритъ на Любашу, которая кланяется гостямъ.)

ГР. ГРЯЗНОЙ *(Калисту)*.

Отцу съ сестрою поклонися, Калисть!

(Любаша дѣлаетъ шагъ назадъ.)

КН. ГВОЗДЕВЪ-РОСТОВСКІЙ *(Грязному, не видя Любашу)*.

Мы въ церкви вѣдь увидимся съ тобой?

Я радъ, что ты повеселѣлъ и Марѳу

Васильевну Собакину забылъ.

(Любаша вздрагиваетъ.)

ГР. ГРЯЗНОЙ.

Забылъ! Скажи: забылся. До свиданья!

(Бомелій хочетъ уйти; Грязной, удерживая его, слугамъ и пѣсенникамъ)

Ступайте! Мнѣ не нужно васъ....

(Слуги, пѣсенники и плясуньи уходятъ, Любаша прячется за медвѣжьей шкуру.)

Я В Л Е Н І Е 5.

Г. Грязной, Бомелій, Любаша за медвѣжьей шкурой.

ГР. ГРЯЗНОЙ.

Бомелій!

Мнѣ важное есть дѣло до тебя.

(Указывая на скамью)

Садися здѣсь и выслушай, Бомелій!

(Бомелій садится.)

Сегодня ты съ гостями молодыми
 Про двушекъ про красныхъ говорилъ,
 И, помнишь, рѣчь о корнѣ приворотномъ
 У васъ зашла, и ты шутиль, Бомелій!....

БОМЕЛІЙ.

Нѣтъ, не шутиль.

ГР. ГРЯЗНОЙ.

Какъ? Ты и вправду знаешь —
 Чамъ двушку къ себѣ приворожить!

БОМЕЛІЙ.

Да.

ГР. ГРЯЗНОЙ.

Ты смѣешься.

БОМЕЛІЙ.

Нѣтъ.

ГР. ГРЯЗНОЙ.

А можешь

Приворожить къ другому?

БОМЕЛІЙ.

Все равно.

ГР. ГРЯЗНОЙ.

Такъ я тебѣ, Бомелій, поклонюся:
 Есть у меня пріятель.... зазнобила
 Ему сердечко красная дѣвица....
 Нельзя ли какъ помочь бѣднягъ?

БОМЕЛІЙ.

Можно.

ГР. ГРЯЗНОЙ.

Да вотъ бѣда: случилось, что иного
 Она влюбила, а его не любить....

БОМЕЛІЙ.

Его полюбить.

ГР. ГРЯЗНОЙ.

Ты не лжешь?

ВОМЕЛІЙ.

Не лгу.

ГР. ГРЯЗНОЙ.

Нѣтъ, поклянись мнѣ....

ВОМЕЛІЙ.

Да повѣрь, бояринъ!

ГР. ГРЯЗНОЙ.

Послушай! Я... пріятель мой богатъ
И домъ его, по милости Царевой,
Какъ чаша, полонъ; въ кладовыхъ довольно
И золота, и камней самоцвѣтныхъ,
И жемчугу, и всякаго добра:
Бери любое, сослужи лишь службу,
Приворожи къ нему ту лиходѣйку,
Которая его приворожила!

ВОМЕЛІЙ.

Изволь. Я дамъ ему лихаго зелья:
Какъ выпить дастъ, такъ дѣвка и полюбитъ.

ГР. ГРЯЗНОЙ.

Что жъ, это зелье, стало быть, напитокъ?

ВОМЕЛІЙ.

Нѣтъ, порошокъ. Насыпать ей въ вино.
Пусть выпьетъ самъ, а то и не полюбитъ.

ГР. ГРЯЗНОЙ.

Ну, выплеть.... А потому что нужно дѣлать?

ВОМЕЛІЙ.

Поговорить.... сказать, что много любить....

ГР. ГРЯЗНОЙ.

О! Я скажу!.... Я знаю, что онъ скажетъ....
Когда жъ ты это зелье приготовишь?

ВОМЕЛІЙ.

Для черезъ три.

(Встаетъ.)

Пока прощай, бояринъ!

Спокоенъ будь.

ГР. ГРЯЗНОЙ (*удерживая его*).

А если не полюбить?

ВОМЕЛІЙ.

К чему мнѣ лгать?

ГР. ГРЯЗНОЙ.

Такъ я къ тебѣ зайду,

И если ты пріятелю поможешь,

Озолочу тебя.

ВОМЕЛІЙ.

Прощай! Полюбить!

ГР. ГРЯЗНОЙ.

Прощай! Пстой, я провожу тебя.

(Провождаетъ Вомелія за дверь. Любаша выходитъ изъ-за шкуры и прокрадывается въ боковую дверь.)

—

ЯВЛЕНІЕ 6.

Грязной, потомъ Любаша.

ГРЯЗНОЙ (*идетъ, потупя голову*).

И вѣрю, и не вѣрю.... Мудрено,

А можетъ быть: сильна его наука!

Что, если не солгалъ онъ?...

ЛЮБАША (*тихо растворяя дверь и подходит къ Грязному*).

Ты одинъ?

ГРЯЗНОЙ.

Любаша!

ЛЮБАША.

Ну? чего ты испугался?

ГРЯЗНОЙ.

Зачѣмъ ты?

ЛЮБАША.

И спросить тебя хотела,

Пойдешь ли ты къ заутренѣ?

ГРЯЗНОЙ.

Пойду.

(Садится къ столу и закрываетъ лицо руками. Молчаніе.)

ЛЮБАША *(подходитъ къ Грязному)*.

Скажи : за что ты на меня сердить?

(Грязной не отвѣчаетъ.)

Чѣмъ, глупая, тебя я прогнѣвила,

Что ты словечка вымолвить не хочешь?

ГРЯЗНОЙ *(не поднимая головы)*.

Отстань.

ЛЮБАША.

Охъ, надоѣла я тебѣ!

Давно пора! Чего ты хочешь, дѣвка?

Тобою понатѣшились довольно,

И выбросать, какъ старую тряпицу!

Ты надоѣла: есть другая, лучше,

Привѣтливый....

ГРЯЗНОЙ *(оборачиваясь)*.

Ложися спать, Любаша!

ЛЮБАША.

Когда бы ты любилъ еще Любашу,

Ты зналъ бы, спать она иль нѣтъ! Спасибо!

Ты позабылъ, какъ двери отворять

Ко мнѣ въ свѣтелку.... Господи! давно ли

Я думала, что любить онъ меня,

Давно ли онъ любилъ? Отъ поцѣлуевъ

Его и щеки даже не простыли....

(Бросается къ Грязному.)

Нѣтъ, быть не можетъ! Ты меня не кинешь!

Я прогнѣвила чѣмъ-нибудь тебя,

Ты верно полюбилъ съ сердца другую?

Оставь ее! Она тебя не любить,

Я, я одна тебя люблю! Ты вспомни:
 Я для тебя девичий стыдъ забыла,
 Забыла мать, отца, и родъ и племя,
 Объ нихъ слезы не выронила я —
 Все для тебя, а ты меня покинешь!

(Падаетъ на колѣнн.)

Не погуби души моей, Григорій!

(Слышитъ ударъ колокола.)

ГРЯЗНОЙ *(встаетъ).*

Заутреня....

(Идетъ отъ уюта, надъясаетъ рясу и тафью.)

ЛЮБАША.

Постой, не уходи!

Скажи мнѣ, что я брежу, что ты любишь
 Меня, а не ее, не эту.... Да скажи же
 Мнѣ что-нибудь!

(Второй ударъ.)

ГРЯЗНОЙ *(уходя).*

Прощай!

ЛЮБАША *(блеститъ за нить).*

Постой, куда ты!

—

ЯВЛЕНИЕ 7.

Любашиа *(возвращаяся).*

Упелъ!.... И даже не взглянуть ни разу!

(Третій ударъ.)

Небось, на ту глядеть, не наглядится!
 И зелья для нея просилъ у Нѣмца,
 И золота сумилъ ему за зелье....
 Она его приворожила, видишь!

(Еще ударъ.)

Охъ!.... Отыщу же я твою колдунью
 И отъ тебя ее отворожу!

(За сценой блещетъ.)

ДѢЙСТВІЕ II.

ПРИВОРОТНОЕ ЗЕЛѢ.

КАРТИНА I.

Поцьлуй.

Улица въ Александровской Слободѣ. Налѣво церковь съ обширными монастыремъ, обнесеннымъ оградой; подлѣ нея, на углу, домъ въ три окна на улицу, ворота и заборъ; у воротъ, подъ окнами, деревянная лавка. Направо—длинный рядъ домовъ; изъ-за заборовъ выглядываютъ кой-гдѣ голыя деревья. На заднемъ планѣ, вдалекъ, хоромы Царя Иоанна и часть Слободы. На авансценѣ раскидистое дерево и подъ нимъ большой камень. Улица идетъ нѣсколько въ гору. Осенній вечеръ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Петровна, потомъ Марѳа.

(Петровна выходитъ изъ каминки и смотритъ изъ-подъ руки на улицу.)

МАРФА *(за сценой)*.

Что? не видать, Петровна?

ПЕТРОВНА.

Не видать,

Родимая!... Никѣмъ кого...

(Изъ-за монастыря выходитъ аскетина.)

Постой-ка:

У церкви вонъ идетъ купецъ.... Диватко,
Не тятенька. Взгляни сама, родная!
Глазенки у тебя моложе

МАРФА *(выглядывая изъ каминки)*.

Что ты,

Петровна? Это женщина.

(Женщина выходитъ въ однихъ изъ домовъ.)

ПЕТРОВНА.

Ахти!

А мнѣ вѣдь покажись купецъ.... Старенька,
Старенька я, родная : плохо вижу.

МАРФА (*смотритъ еще нѣсколько времени
на улицу и потомъ кричитъ въ калитку*).

Дуняша!

ДУНЯША (*за сценой*).

Что ты?

МАРФА.

Выйдемъ за ворота,

Да посидимъ на лавочкѣ.

ДУНЯША.

Пожалуй.

Я только вотъ фату себѣ возьму.

МАРФА.

Возьми и мнѣ.

(*Садится на лавочку*).

ПЕТРОВНА.

Эхъ, старость-то не радость,

Бывало, ночью, словно кошка, видишь,

А нынче.... ровно кто песку насыпалъ

Тебѣ въ глаза....

ЯВЛЕНИЕ 2.

Тѣ же и Дуняша (выходитъ изъ калитки).

Да какъ тепло и тихо!

(*Подаетъ Марѣ фату*).

Вотъ и фата тебѣ.

МАРФА (*нахлывая фату*).

Присядемъ, Дуня!

Петровна намъ про старшну расскажетъ.

(*Дуняша садится возлѣ Марѣ. Петровна стоитъ у калитки, опершись рукой объ щекъ*).

ДУНЯША.

Петровна! Чай, тебѣ годовъ ужъ много?

ПЕТРОВНА.

Многонько, моя матушка, многонько!
Да вотъ мнѣ съ Госпожинокъ-то пошѣлъ
Седьмой, не то ужъ и осьмой десятокъ.

ДУНЯША.

Ну, пожила же ты на бѣломъ свѣтѣ!

ПЕТРОВНА.

Давно живу, чужой вѣкъ заживаю:
Пора костюмъ и на покой, родная!
(Вздыхаетъ.)

Вѣкъ пзжила, а ведра не видала....
Ненастья съ горемъ вдоволь насмотрѣлась!

МАРГА.

А говорятъ, что встарь все лучше было!

ПЕТРОВНА.

Вѣстимо лучше! Нынче все не то:
И люди-то, и время-то. Бывало
О-сю-пору снѣжокъ ужъ порошокъ.
Пришелъ братъ Божій Яковъ — и крупица
Повыпадетъ, водица освѣжится.
Грязь закуетъ, а тутъ, глядишь, и зимка:
Егорій съ мостомъ, да Микола съ гвоздемъ.
А нынче вотъ и Яковъ Божій братъ,
А вишь какая нѣпогодъ! Поутру
И крыши не бѣлѣютъ: все туманы....
Теплынь какую Господи даетъ!

ДУНЯША.

Что жъ? Паръ костей не ломить вѣдь, Петровна?

ПЕТРОВНА.

Тепло-то не ко времени, родная!

ЯВЛЕНИЕ 3.

Ты же, кумъ Савелій и кумъ Парёень выходятъ изъ
противоположнаго дома.

КУМЪ САВЕЛІЙ.

Слышь, баить, пить не надо, кумъ Парёень!

КУМЪ ПАРЁЕНЬ.

Не надо, кумъ, вотъ видите Богъ, не надо!
Что жъ? Человѣкъ недужный.... гдѣ тутъ пить!

ПЕТРОВНА (тихо).

Знать къ Нѣмцу за лекарствами ходили.

КУМЪ САВЕЛІЙ (останавливаясь).

Съ чего оно прикинулось? знать съ вѣтру!

КУМЪ ПАРЁЕНЬ.

А кто ихъ знаетъ! Можетъ, гдѣ продрогъ!
Вздохнуть не даетъ: вотъ грудь всю заложило —
Смерть да и только! Я ужъ и бодягой,
И солью теръ, и въ баню-то ходилъ:
Все нѣтъ отдышки — рѣжетъ, какъ ножами,
Дай, молю, схожу я къ Нѣмцу. Вотъ, спасибо,
Какой-то даль травы:

(Показываетъ свертокъ.)

Авось поможетъ.

(вздыхаетъ.)

А про вино заказывалъ на-строго:

«Не пей: умрешь, коль будешь пить! Смотри же,
«Не пей вина!»

КУМЪ САВЕЛІЙ (покачиваетъ головою).

Ой, врать же онъ, собака

Чтобъ такъ съ вина и умеръ человѣкъ?

Да вонъ ко мнѣ какая лихоманка

О Оминой недѣлѣ привязалась:

Чего-чего не дѣлалъ — все трясеть.

А какъ съ сердцовъ я ткнулъ красоудю,

Слышь, какъ рукой все сняло! Ей-же Богу!

КУМЪ ПАРЁЕНЬ.

Что жъ Нѣмецъ баить...

КУМЪ САВЕЛИЙ.

Эва! что за знахарь?

Онъ нашего вина чай и не нюхаль:

У нихъ другое за моремъ-то гонять.

КУМЪ ПАРЕНЬ.

Другое?

КУМЪ САВЕЛИЙ.

Да. Ну, ихнее вино,

Пожалуй, что въ недугъ не годится,

А наше.... нѣтъ! шалишь, поджарый нехристь,

Оно — тово!

КУМЪ ПАРЕНЬ.

И въ правду, кумъ Савелий!

Ужъ будто съ чарки что и приключится?

КУМЪ САВЕЛИЙ.

Чему тутъ быть! Пойдемъ-ка, кумъ, въ кружало,

Да выпьемъ на алтынъ-другой!

КУМЪ ПАРЕНЬ.

Не шгò!

(Идутъ.)

КУМЪ САВЕЛИЙ.

А траву-то затымъ несешь съ собою?

Брось — ну ее! Какая тамъ она?

Лихая, можетъ! Брось подъ подворотню!

КУМЪ ПАРЕНЬ.

И то! Почему узнаешь: можетъ, зелье!

Вишь, Немець, снадобьевъ какихъ даешь!

На! подавись своей травой поганой!

(Бросаетъ свертокъ и уходитъ, обнявшись съ кумомъ.)

ЯВЛЕНИЕ 4.

Тѣ же, кромъ кумовьевъ.

ДУНЯША.

Вотъ глупый-то народъ: возьметъ лекарство,

А послѣ самъ же бросить на дорогъ!

Ужъ не ходилъ бы къ Нѣмцу, коль не вѣрять.

Отд. 1.

ПЕТРОВНА.

Оборони Господь имъ вѣрить!

ДУНЯША.

Что же?

ПЕТРОВНА.

И, матушка! Повѣрь-ка басурману,
Такъ онъ тебя сейчасъ и изведетъ.

(*Плечетъ.*)

Стрясись надъ нимъ! отъ слова не случится.
(*Марья*)

Ну, ясочка! Ты тятеньки дождешься,
А я пойду кой-что поприберу!

(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 5.

Тѣ же кромѣ Петровны.

ДУНЯША.

Предобрая старуха!

МАРЯ (разсыпая).

Да.

(*Помолчавъ.*)

Дуняша!

Ты не видала Вани?

ДУНЯША.

Гдѣ же видѣть?

Я у тебя гошчу вторые сутки.

МАРЯ.

Да, я забыла: онъ вчера вѣдь не былъ....

Сегодня вотъ увидишь: онъ придетъ!

ДУНЯША.

Вотъ говорить-то правду, что невѣсту
Сейчасъ узнаешь: только и рвѣй,
Что про милова друга!

МАРҢА.

Смѣйся , смѣйся !

Придетъ твоя пора — сама полюбишь.
 А мнѣ Ванюшу — грѣхъ и не любить :
 Мы съизмада другъ къ другу привыкали.

ДУНЯША.

Такъ стало , вы давно знакомы ?

МАРҢА.

Съ дѣтства.

Вотъ видишь ли, мы въ Новгородѣ жили
 Дворъ объ дворъ съ Лыковымъ , съ отцомъ Ванюши :
 Покойникъ съ батюшкой друзьями были,
 И насъ , дѣтей , сдружили межъ собой ,
 И называли женихомъ съ невѣстой.
 У Лыковыхъ былъ садъ , такой тѣнистый ,
 И ягодъ въ немъ бывало много.... Мы
 Туда съ утра позаберемса съ братомъ
 И рѣзвимса до сумерекъ съ Ванюшей.
 Обѣдать кличуть , кличуть — не идемъ :
 Запрячемса куда-нибудь въ малину,
 И притаимса , словно насъ и нѣтъ !
 Начнемъ играть и бѣгать до упаду ,
 Что хватить силъ.... А я тогда была
 Прерѣзвая : отъ мальчиковъ , бывало ,
 Не отстаю !.... Мы эдакъ проиграли
 Лѣтъ пять иль шесть. Тутъ Ваню засадили
 За грамоту , и насъ учить ужъ стали ;
 Тутъ померъ старый Лыковъ , а Ванюшу
 Къ себѣ взялъ дядя , Нарвскій воевода :
 Такъ мы и не видались долго , долго....
 Тутъ слухъ прошелъ , что Царь услалъ Ванюшу
 Въ чужія земли.... Какъ мнѣ было горько !
 Наплакалась я вдоволь.... Слава Богу ,
 Что понапрасну !.... Нынѣшней весною
 Мы въ Слободу пріѣхали , и съ Ваней
 Опять сведъ Богъ....

ДУНЯША.

Ты, чай, и не узнала?

МАРФА.

Куда узнать! Как мнѣ тогда сказали,
 Что Ваня здѣсь и къ намъ зайдти хотѣлъ,
 Я все и жду: вбѣжить кудрявый мальчикъ
 Ко мнѣ въ свѣтелку — и давай рѣзвиться!
 Да думаю: чай, выросъ вѣдь Ванюша?
 Вотъ разъ сижу за пальцами поутру,
 Петровна входитъ. — Тятенька зоветъ;
 Велѣлъ сказать: «пришелъ, дескать, старинный
 Знакомецъ нашъ, Иванъ Сергѣичъ Лыковъ.»
 Я, какъ была, сбѣгаю внизъ, смотрю:
 Стоитъ какой-то молодецъ, высокій,
 Пригожій, статный — я и обомлѣла.
 Отецъ смѣется: «что, Иванъ Сергѣичъ!
 Узналъ Марѣушу?» Я стою, какъ дура:
 Не то уйдти, не то остаться? Стыдно,
 Такъ стыдно, хоть сквозь землю провалиться!

ДУНЯША.

А онъ?

МАРФА.

Да я не помню. Говорилъ онъ

Мнѣ что-то: ничего не поняла!
 Такъ и ушелъ.... Потомъ бывалъ онъ часто:
 Ну, тутъ ужъ я осмѣлилась и стала
 Глядѣть и говорить, а больше — слушать.
 Чего-чего онъ намъ не рассказалъ
 Про стóрону заморскую, Дуняша!

ДУНЯША.

Чай, за моремъ диковинокъ не мало?

МАРФА.

Иное все — и люди, и земля.
 Зима у нихъ не долго, а морозовъ
 Большихъ и не слышать; за то ужъ лѣто
 Тамъ хорошо! А горы тамъ такія
 Высокія, что глазомъ не окинешь.

Такъ въ небо и уходятъ , говорить .
 А города большіе — пребольшіе ,
 И все изъ камня сложено : и церкви ,
 И башни , и хоромы ; а мосты
 Предлинныя , и тоже все изъ камня .
 Въ домахъ убранство чудное : и стекла
 Цвѣтныя все , и комнаты обиты
 Цвѣтнымъ сукномъ . А сами Нѣмцы ходить
 Богато , да и женъ нарядно водять ,
 И въ заперти не держать , какъ у насъ
 Болрынь и болрышень , а вздять
 Все въ золоченыхъ колымагахъ , гусемъ ,
 И кони всѣ въ узорныхъ чапракахъ
 И въ длинныхъ перьяхъ....

ЯВЛЕНІЕ 6.

*Тѣ же , В. Собакинъ и Ив. Лыковъ показываются на
 концѣ улицы.*

ДУНЯША.

Вонъ и твой отецъ ,

И съ нимъ еще какой-то....

МАРФА (быстро оборачивается).

Это Ваня!

(На сценѣ качкаетъ темлеть.)

ДУНЯША.

Какой же онъ дородный и пригожій :

На диво , что его ты полюбила !

МАРФА

Пойдемъ на встрѣчу.

(Хочетъ встать. По улицѣ идетъ про-
 жожій.)

ДУНЯША (удерживая ее).

Полно ; Богъ съ тобою !

Увидеть кто — пожалуй и осудить :

Вонъ , скажетъ , двѣки бѣгаютъ однѣ !

МАРӨА.

Я пошутила; мнѣ и здѣсь-то стыдно.
Уйдемъ домой!

ДУНЯША.

Зачѣмъ же уходить?

МАРӨА.

Дуняша! сердце что-то замираетъ....
Что, смотреть онъ?

ДУНЯША.

Еще бы не смотреть!

МАРӨА.

А близко?

ДУНЯША.

Близко.

МАРӨА (*вскрикиваетъ*).

Я пойду на встрѣчу!

В. СОБАКИНЪ.

Я говорилъ тебѣ, Иванъ Сергѣичъ,
Что будетъ дожидаться!

ИВ. ЛЫКОВЪ (*плачется дльщамъ*).

Здравствуй, Марөа

Васильевна!

МАРӨА (*откланиваясь*).

Иванъ Сергѣичъ!

(*Отцу*)

Что ты

Замѣшкался?

В. СОБАКИНЪ.

Вотъ къ жениху зашелъ.

МАРӨА (*не смотря на Лыкова*).

Женихъ свою невѣсту забываетъ:
Вчера и глазъ не показаль....

ИВ. ЛЫКОВЪ.

Напрасно!

Женихъ зашелъ поутру, такъ невѣста
Ушла съ своей подругою куда-то.
А вечеромъ придти нельзя мнѣ было:
Насъ въ гости звали съ дядею....

В. СОВАКИНЪ.

Къ кому?

ИВ. ЛЫКОВЪ.

Къ боярину Грязному. На пирушкѣ
И Калисть былъ, да какъ же всѣхъ потѣшилъ:
Лихую пѣсню спѣлъ!

В. СОВАКИНЪ.

На что другое,

На пѣсни умудрилъ его Господь!

(Марья)

Что, дома онъ?

МАРЯ.

Не знаю.

В. СОВАКИНЪ.

Гдѣ быть дома!

Ему бы все шататься по кружаламъ,
Да въ зернь играть съ боярскими дѣтьми,
А дома не сидится, да и только!

ЯВЛЕНІЕ 7.

Тѣ же и Калисть выходитъ изъ калитки съ красной рубахъ и кафтанъ на одно плечо.

Анъ, вотъ же дома!

(всѣ смѣются, Калисть кланяется Собуровой.)

Здравствуйте, Авдотья

Богдановна!

(Лыкову)

Здорово, братъ Иванъ!

В. СОБАКИНЪ.

Ну, диво, что ты дома.

КАЛИСТЪ.

Эко диво!

Вотъ диво, если ты куда уйдешь.

В. СОБАКИНЪ.

Да что мы у воротъ разговорились:

Пойдемъ въ избу.

(*Лыкову*)

Какая есть вишневка!

КАЛИСТЪ.

Изрядная....

В. СОБАКИНЪ.

Вотъ Калиста спроси!

(*Калисту*)

А столъ накрыть?

КАЛИСТЪ.

Накрыть.

В. СОБАКИНЪ (*Лыкову и другимъ*).

Покорно просимъ.

(*Уходятъ. На сценѣ почти темно. Въ некоторыхъ домахъ начинаются мелькать огоньки. Сцена нѣсколько времени пуста.*)

ЯВЛЕНІЕ 9.

Изъ-за церковной ограды выходитъ Любаша, въ шубкѣ и фатѣ, и останавливается противъ дома Собакиныхъ, гдѣ зажигаютъ огонь,

Развѣдала!... Такъ вотъ гнѣздо голубки?...

Посмотримъ на красавицу твою!

(*Подходитъ къ дому и смотритъ въ окно.*)

Не разглядишь никакъ.... А? вижу, вижу....

Да.... недурна.... Румяна и бѣла,

И глазки съ поволокой.... Это Марea?

Мнѣ про нее другое говорили....

(*Отходитъ отъ окна.*)

Отъ сердца отлегло: разлюбить скоро
 Григорій эту дѣвочку! И чѣмъ
 Его пльннить умѣла? Просто прихоть.
 Взгляну еще....

(Подходитъ опять къ окну.)

А!.... Это кто?... Ихъ двѣ!

(Отскакиваетъ отъ окна.)

Вотъ, вотъ она, Любашина злодѣйка,
 Черноволосая, съ собольей бровью!

(Закрываетъ лицо руками.)

Охъ, хо-ро-ша!

(Помолчавъ.)

Не чудится ли мнѣ?

(Подходитъ къ окну.)

Не чудится.... Какая красота!

Что за плеча, какія косы, косы....

Длинный мойхъ!.... Нѣтъ, этой не разлюбить!....

Да ужъ и я ее не пощажу!

(Идетъ на другую сторону улицы.)

Какъ душно мнѣ!.... Кровь къ сердцу приливаетъ
 И голова горитъ....

(Сбрасываетъ фату и осматриваетъ дома.)

Гдѣ этотъ нехристь?

Да.... вонъ его лачуга.... Постучу.

(Подходитъ къ одному изъ домовъ и стучитъ въ окно.)

ВОМЕЛІЙ *(за сценой).*

Кто тамъ стучить?

ЛЮБАША.

Открой окно — увидишь!

(Черезъ нѣсколько времени окно поднимается, и на лицо Любаши падаетъ свѣтъ отъ фонаря.)

ВОМЕЛІЙ *(за сценой).*

Любаша!

ЛЮБАША.

Выходи ко мнѣ скорѣе.

(Слышится стукъ затвора.)

ДѢЙСТВІЕ 9.

Любаша и Бомелій выбѣгаетъ изъ калитки съ фонаремъ.

БОМЕЛІЙ.

Прошу войдти въ покой !

ЛЮБАША.

Не кричи !

Сосѣдей всѣхъ переполошишь , Нѣмецъ

БОМЕЛІЙ *(тихо)*.

Войдемъ ко мнѣ : здѣсь холодно и сыро.

(Беретъ Любашу за руку)

ЛЮБАША *(вырываетъ руку)*.

Да не пойду къ тебѣ я ни за что !

Вотъ отойдемъ подальше....

(Отходитъ подъ дерево; Бомелій идетъ за нею.)

Да закрой же

Фонарь покой : народъ къ себѣ приманишь !

БОМЕЛІЙ *(закрываетъ фонарь)*.

Зачѣмъ пришла ? Я радъ служить....

ЛЮБАША.

Увидимъ.

Ты дашь мнѣ то , чего я попрошу ?

БОМЕЛІЙ.

Для дѣвушки пригожей все готово !

ЛЮБАША *(вздыхаетъ ему)*.

Смотри же : чуръ потомъ не отпираться !

А я тебѣ ужъ буду благодарна....

БОМЕЛІЙ.

Все сдѣлаю.

ЛЮБАША.

Послушай же , Бомелій !....

Я слышала , что ты досужій знахарь ,

Что вѣдаешь недуги и лекарства ,

И снадобья отвсюду добываешь....

На травы , на волшебные коренья

Тебя нечистый , можетъ , натываетъ....

Скажи же мнѣ: ты можешь ли составить
Своими чарами такое зелье,
Чтобъ не совсѣмъ сгубило человѣка,
А извело бы только красоту....
И то не вдругъ, а по немногу.... Понялъ?

(Бомелій киваетъ головою и смотритъ пристально на Любашу.)

Такое зелье, чтобъ глаза потускли,
Чтобы сбѣжалъ съ лица румянецъ алый,
Чтобъ волосокъ по волоску повыпалъ,
И высохла вся наливная орудь!

БОМЕЛІЙ.

Такое зелье я могу составить
Сейчасъ пожалуй.

ЛЮБАША.

Что же, это зелье

Какое?

БОМЕЛІЙ.

Просто бѣлый порошокъ,

Какъ сахаръ.

ЛЮБАША.

Ну, а еслибъ я хотѣла

Приворожить къ себѣ милова друга,
Ты что бы далъ?

БОМЕЛІЙ.

Такой же порошокъ.

Тебѣ его не надобно.

ЛЮБАША.

Не надо.

Дай мнѣ другой!

БОМЕЛІЙ.

Зачѣмъ тебѣ?

ЛЮБАША.

Не хочешь?

БОМЕЛІЙ.

Пожалуй дамъ , но порошокъ мой дорогъ!
Его давать опасно : какъ узнають ,
Меня казнить....

ЛЮБАША.

На пытку не скажу —

Откуда я взяла его!

БОМЕЛІЙ *(продолжал пристально смотреть на Любашу).*

А нужно ?

ЛЮБАША.

Дай только , а потомъ проси съ меня ,
Что хочешь !

БОМЕЛІЙ.

Дорогъ , очень , очень дорогъ!

ЛЮБАША *(поднимая руку къ лицу).*

Гляди сюда — вотъ перстень изумрудный :
Его Дебахъ за дорогую цѣну
Боярину Грязному уступилъ....
Возьми его за зелье....

(Бомелій качаетъ головою.)

Мало ?

БОМЕЛІЙ.

Мало.

ЛЮБАША.

Ну , у меня есть ожерелье: жемчугъ
Такъ радугой и отливаешь.... Хочешь —
Возьми его ?

БОМЕЛІЙ *(опять качаетъ головою).*

Все мало ?

БОМЕЛІЙ.

Не продажный

Мой порошокъ!

ЛЮБАША.

Завѣтный что ли ?

БОМЕЛІЙ.

Да!

ЛЮБАША *(слыится)*.

А что же ты завѣту хочешь?

БОМЕЛІЙ.

Что же?

Съ тебя? Съ тебя не много....

(Схватываетъ ее за руку.)

Поцѣлуй!

ЛЮБАША *(вырываетъ руку)*.

Что—о, Нѣмецъ? Ты ряхнулся!

БОМЕЛІЙ.

Поцѣлуй.

Ты дѣвушка пригожая! Не надо
Мнѣ отъ тебя ни жемчугу, ни камней:
Я самъ богатъ, самъ подарю тебя.
Боишься? твой бояринъ не узнаеть!
Узналъ, такъ что же? Приходи ко мнѣ:
Мы заживемъ съ тобой, Любаша, знатно,
Я запирать не стану, какъ собаку....

(Любаша смѣется.)

Чему же ты смѣешься? Я люблю
Тебя, какъ увидалъ.... Не вѣришь?
Люблю, люблю и много разъ люблю!

ЛЮБАША.

Бомелій, подло! Что это за шутки?

БОМЕЛІЙ.

Я не шучу, а правду говорилъ....
Пойдемъ ко мнѣ: я зелье приготовлю,
И подарю тебѣ серегъ и колець...
Въ накладѣ не останешься!

(Беретъ ее за руку.)

ЛЮБАША *(вырываетъ руку)*.

Отстанъ же,

Не то скажу боярину!

БОМЕЛІЙ (*возвѣщая голосъ*).

И я

Скажу, что ты за зельемъ приходишь.

ЛЮБАША (*съ смущеніемъ*).

Тебѣ онъ не повѣрить...

БОМЕЛІЙ.

Нѣтъ, повѣрить.

Я видѣлъ перстень, расскажу какой,
Я знаю, гдѣ онъ купленъ былъ, я знаю,
Какое ожерелье у тебя....
Почемъ я зналъ?

ЛЮБАША (*смущаясь еще болѣе*).

Что жъ ?.. Говори пожалуй!

Мнѣ пошутить хотѣлось надъ тобой

БОМЕЛІЙ.

И я шутилъ: я зелья дать не смѣю.

ЛЮБАША.

Прощай, коли не смѣешь! Я найду
Другаго, поговорившій....

(*Перебѣгаетъ на другую сторону улицы;
Бомелій бѣжитъ за ней*)

БОМЕЛІЙ.

Не трону, только завтра

Все расскажу боярину Грязно́му:
Онъ за тобою присматривать начнетъ,
Запретъ тебя!

(*Любаша вздрагиваетъ и остано-
вливается.*)

Скажу: зачѣмъ ей зелье?

Кого она имъ хочетъ извести?

ЛЮБАША (*жестоко*).

Самъ бѣсъ тебя, проклятый, научаешь

(*Вслухъ*);

Тебѣ я вѣрно мало посулила....

Скажи: чего ты хочешь отъ меня?
 Возьми съ меня послѣднюю трапицу,
 Самъ положи цѣну твоей заслугѣ:
 Я выплачу, а въ кабалу пойду....
 Ну, говори!

БОМЕЛИЙ.

Люби меня Любаша!

(Въ это время сквозь окна дома Собакинныхъ слышны веселые голоса и жеманскій смѣхъ.)

ЛЮБАША *(быстро оборачивается)*.

Смѣется.... О! заплатишь же ты мнѣ
 За этотъ смѣхъ!

(Бомелию)

Ступай готовить зелье!

(Бомелий стоитъ въ нерешимости.)

Я покупаю.... слышишь! Я согласна....
 Я постараюсь полюбить тебя!

(Бомелий отропьемъ бросается домой.)

ЯВЛЕНІЕ 10.

Любаша идетъ подъ дерево и садится на камень.

Вотъ до чего я дожила.... Григорій,
 Господь тебя осудить за меня!

Смѣялася! Ей весело, ей любо:
 Ее чествовать, съ нее и глазъ не сводять!....
 И на меня, бывало, любовались,
 И я бывала тоже весела!

Ну что же? Да: она меня красивый....
 Да любить ли она его какъ я?
 Сейчасъ съ другимъ смѣялася!.... Не любить....
(На дворъ у Собакинныхъ слышны шумъ.)

ЯВЛЕНИЕ 11.

*Любаша. Ив. Лыковъ и Калистъ выходятъ изъ калитки;
В. Собакинъ держитъ фонарь. Любаша накидываетъ фату
и прижимается къ дереву.*

В. СОБАКИНЪ.

Прощай, Иванъ Сергѣичъ! заверни же
Къ намъ завтра и Грязнаго приводи.

ИВ. ЛЫКОВЪ.

Придемъ, придемъ.

В. СОБАКИНЪ.

А ты куда же, Калистъ?

КАЛИСТЪ.

А я его маленько провожу....

В. СОБАКИНЪ.

Ну, добрый путь! Калитку я оставляю:
Придешь запри.

КАЛИСТЪ.

Небось, никто не влѣзетъ!

*(Уходитъ съ Лыковцемъ; В. Собакинъ
притворляетъ калитку.)*

ЯВЛЕНИЕ 12.

Любаша, потомъ Бомелій.

ЛЮБАША.

Ушли! Такъ здѣсь Григорій завтра будетъ?
Спрошу его: посмотримъ, что онъ скажетъ....

(Встаетъ.)

Что жъ этотъ окаянный не идетъ?

БОМЕЛІЙ *(выходитъ изъ дому и крадется
къ дереву).*

Ты здѣсь?

ЛЮБАША.

Принесъ ты зелье ?

БОМЕЛІЙ.

На, готово.

ЛЮБАША.

Давай сюда....

(Бомелій даетъ ей порошокъ.)

Но если ты обманешь

Иль станешь гдѣ хвалиться, берегись :

Самой себя тогда не пожалѣю,

А ужъ тебя голубчика сгублю !

БОМЕЛІЙ.

Нѣтъ, я тебя обманывать не стану....

А ты меня ?

ЛЮБАША.

И я не обману !

(Оборачивается къ дому Собакиннѣхъ.)

Ты на меня, красавица, не сѣтуй :

Купила я красу твою, купила,

Но заплатила дорого.... позоромъ !

(Бомелію)

Тащи меня въ свою конуру, Нѣмецъ !

КАРТИНА 2.

ДРУЖКО.

Горница въ домѣ Собакина. Направо три красныя окна; налѣво, въ углу, жарцовая печь; подлѣ нея, ближе къ авансценѣ, сѣнная дверь. На заднемъ планѣ по серединѣ дверь; на правой сторонѣ столъ передъ лавкою; на лѣвой, у самой двери, поставецъ. Подъ окнами широкая лавка.

ЯВЛЕНІЕ 1.

В. Собакинъ, Ив. Лыковъ и Гр. Грязной сидятъ на лавкѣ у стола; на Собакинѣ рубаха, на прочихъ кафтаны.

В. СОБАКИНЪ.

Что Господа гнѣвить, Иванъ Сергѣичъ !

Семейка насъ изрядная : вѣдь трое,

Отд. 1.

9

Да въ Новѣгородѣ еще осталось
 Съ полдюжины — побольше молодцовъ.
 Бывало, при покойницѣ хозяйкѣ,
 Всегда за столъ сажуся самъ-двѣнадцать.
 Вотъ пожениль ребятъ, такъ стало меньше :
 Своимъ домкомъ ужъ зажили.... Известно :
 Женатый сынъ отрезанный ломоть !

ИВ. ЛЫКОВЪ.

Вѣдь у тебя женатыхъ двое ?

В. СОВАКИНЪ.

Двое :

Борисъ съ Семеномъ. И у нихъ ужъ дѣтки !
 Семеновы еще не великоньки,
 А у Бориса старшему сынишкѣ
 Съ поста пойдетъ двѣнадцатый годокъ.

ИВ. ЛЫКОВЪ.

Когда же дочь-то ты пристроишь къ мѣсту ?
 Пора бы намъ, названный тестъ, веселымъ
 Пиркомъ да и за свадебку !

В. СОВАКИНЪ.

Пора бы,

Да вишь еще покаместъ не до свадьбы.

ИВ. ЛЫКОВЪ.

Что жъ такъ ?

В. СОВАКИНЪ.

Какъ что ? Да развѣ ты не знаешь ?....

Аль не слыхалъ ?.... И то вѣдь не слыхалъ !
 Я и забылъ, что ты въ Москву-то ѣздилъ....

ИВ. ЛЫКОВЪ (*безпокойно*).

Да что такое ? Говори скорѣе !

В. СОВАКИНЪ.

Намедни Государь приговорилъ
 Смотрѣть всѣхъ дѣвокъ, что сюда свезены.
 Мою Марѳушу теже прописали....

ИВ. ЛЫКОВЪ *(оскакиваетъ)*.

Ее? зачѣмъ? Она моя невѣста!

В. СОБАКИНЪ.

Ау, дружокъ!

ИВ. ЛЫКОВЪ.

Ты шутишь что ль, Василій Степанычъ? Я всего-то былъ въ отлучкѣ Дня три: когда жъ успѣли прописать?

В. СОБАКИНЪ.

Успѣли вотъ! Не вѣришь, такъ спроси Григорія Григорыча: онъ знаетъ.

ГРЯЗНОЙ.

Да.... знаю!

В. СОБАКИНЪ.

И Сабурову Дунашу

Тоже прописали! Мать ее водила Три раза ужъ на Царскій дворъ.... Мареуша Поскажете: всѣхъ-то дѣвокъ прежде было Двѣ тысячи, а послѣ вишь осталось Двѣ дюжины, а нынче вотъ пошло На перечеть двѣнадцать....

(Грязной встаетъ изъ-за стола.)

Что съ тобою,

Бояринъ?

ГРЯЗНОЙ.

Жарко.... звать, ты на дрова

Не послушался?

В. СОБАКИНЪ.

Больно торовать!

Да здѣсь и печь не топлена сегодня.... Должно быть такъ съ чего-нибудь тебя Въ жаръ кинуло?

ГРЯЗНОЙ.

Должно быть такъ.... Пройдетъ.
(Ходитъ по горнице.)

В. СОБАКИНЪ *(треплет по плечу Лыкова).*

Иванъ Сергѣичъ! Полно, не кручинься!

Ты думаешь, что у тебя невесту

Съ руками оторвуть? Есть и получше!

(Лыковъ качает головой.)

Что головой трясешь? Небось она

Пригоже всѣхъ?

ИВ. ЛЫКОВЪ.

Пригоже всѣхъ, Василій

Степанычъ!

В. СОБАКИНЪ.

Да.... смазлива-то смазлива....

И умница, и добрая такая....

(Помолчавъ.)

Какъ женишься, такъ можешь похвалиться,

Что, «вотъ дескать, моей милой хозяйки

Изъ дюжины не выкинешь!»

ИВ. ЛЫКОВЪ.

Женюсь!

Богъ вѣсть женюсь ли? Чуеть ретивое

Недобро....

В. СОБАКИНЪ.

И думать не могли!

И думать-то о чемъ другомъ, такъ страшно!

Я такъ съ тобой про свадьбу говорилъ,

Что радъ бы радостью покончить дѣло,

Да обождать приходится маленько....

Вотъ Государь всѣхъ дѣвокъ пересмотритъ,

Тогда и мы свою сыграемъ свадьбу.

ГРЯЗНОЙ *(подходя къ столу).*

А я ужъ самъ и въ дружки назвался!

В. СОБАКИНЪ.

Ну! дружка есть, приданое готово,

За свахами у насъ не станетъ дѣло,

За короваемъ тоже....

ЛЫКОВЪ.

Будь, что будеть!

И болѣе души своей люблю
Мою невѣсту, и безъ ней не долго
Промаяться мнѣ на бѣломъ свѣту....
Но.... я — слуга Царю и Государю!

В. СОВАКИНЪ.

Да кто же не слуга ему!.... Пстой-ка,
Иванъ Сергѣичъ! Семъ-ка я Петровнѣ
Велю медку изъ погреба достать:
По чарочкѣ да по другой мы выпьемъ,
Тѣмъ временемъ Мареуша подойдетъ.

ГРЯЗНОЙ.

А съ кѣмъ она пошла туда?

В. СОВАКИНЪ.

Да съ Домной

Ивановной Сабуровой....

(Лыкову)

Позволь-ка!

(Встаетъ изъ-за стола и уходитъ въ
среднюю дверь.)

ЯВЛЕНІЕ 2.

Тѣ же, кромѣ Собакина.

ЛЫКОВЪ.

Бояринъ! что ты скажешь?

ГРЯЗНОЙ.

Что сказать?

Сегодня все узнаемъ.

ЛЫКОВЪ.

Еслибъ также,

Какъ я, ты былъ просватанъ и невѣсту
Свою любилъ, какъ я, ты что бы сдѣлалъ?

ГРЯЗНОЙ.

Да ничего. Во всемъ будь воля Божья!

Не наложить же руки на себя!
 Вотъ я и самъ взлюбилъ твою невесту
 И сватался, да получилъ отказъ,
 Такъ что жъ тутъ дѣлать? Развѣ дѣвокъ мало?
 Не эта, такъ другая — все равно!
 Я самъ еще къ вамъ въ дружки набиваюсь,
 И мнѣ же любо ваше милованье:
 Пошли Господь совѣтъ вамъ да любовь!

ИВ. ЛЫКОВЪ.

Охъ, тяжело подумать....

ЯВЛЕНІЕ 3.

Тъ же и В. Собакинъ несетъ стопу меда.

ГРЯЗНОЙ.

И не думай!

Самъ давеча промолвилъ: будь, что будетъ!

В. СОБАКИНЪ (*Лыкову*).

А ты все про свою бѣду!

(*Ставитъ стопу на столъ.*)

Постой-ка!

Тамъ въ поставцѣ есть чарочка.... Авось ли
 Она тебя развеселитъ маленько!

(*Идетъ къ поставцу и наливаетъ двѣ чарки.*)

Ну, цѣлыхъ двѣ!

(*Наливаетъ чарки и подаетъ одну Грязному.*)

Прикушай-ка, бояринъ!

(*Подноситъ Лыкову.*)

Иванъ Сергѣичъ! прихлебни, голубчикъ!

ГРЯЗНОЙ (*выпиваетъ чарку*).

Эхъ, знатный медъ!

В. СОВАКИНЪ.

Забористый!

(Лыкову)

Да пей же,

Иванъ Сергѣичъ! Чтоже ты не пьешь?

(Наливаетъ себя чарку.)

Дай чокнемся!

(Чокаются.)

Вотъ такъ-то, будь здоровъ!

(Пьютъ.)

Такой-то медъ, что чарочки смѣются:

Одна другую такъ и подзываютъ!

(Подходитъ къ окну.)

Чай, скоро и Сабуровы съ Марѳушей

Вернутся.... Вонъ и солнышко ужъ село....

Прикажете, бояре, по другой?

ЛЫКОВЪ.

Нѣтъ, подождемъ ужъ ихъ....

В. СОВАКИНЪ.

Ну, подождемъ.

(Садится.)

Да, что-то тамъ? Кого Господь пошлетъ?

Теперь бы хотъ Сабурова Дуныша....

Такъ ничего! купеческая жъ дочь,

Какъ и мол: а кто узнаеть?...
*(Помолчавъ.)**(Помолчавъ.)*

Чу!

Никакъ онъ? Калиткой кто-то хлопнуль.

(Прислушивается.)

ЯВЛЕНІЕ 4.

Тъ же и Домна Сабурова, въ охабнѣ и шапкѣ.

В. СОВАКИНЪ.

Онъ и есть! Легки же на поминъ,

Легки! Добро пожаловать къ намъ, Домна

Ивановна! Ну что, какія вѣсти?

Д. САВУРОВА (*кляпалась юстями и зозлами*).

Охъ, батюшка! дай духъ перевести!

В. СОВАКИНЪ.

А гдѣ же дѣвки?

Д. САВУРОВА.

Да пошли въ свѣтлицу

Снять охабни. Сейчасъ сюда придуть.

ЛЫКОВЪ (*тихо Грязному*).

А я ужъ думалъ....

ГРЯЗНОЙ (*тихо*).

Говориль — не думай!

В. СОВАКИНЪ (*Савуровой*).

А ты что жъ не снимаешь? Аль прозябла?

Такъ вотъ медкомъ погрѣемъ!

Д. САВУРОВА.

Что ты, что ты?

Ужъ стану я вино пить?

В. СОВАКИНЪ.

Не вино,

А медъ.... Да что ужъ тутъ! Садись-ка, Домна Ивановна!

Д. САВУРОВА (*снимаетъ охабенъ*).

Присѣсть-то я присяду.

Куды устала: все вѣдь на ногахъ.

(*Садится.*)

В. СОВАКИНЪ.

Ну, какъ вы тамъ?

Д. САВУРОВА.

Ахъ, батюшка Василій

Степановичъ! Мнѣ радость-то какую

Послалъ Господь!

В. СОВАКИНЪ.

А что такое, Домна

Ивановна?

Д. САБУРОВА.

Да какъ же, мой кормилецъ!

Вѣдь Государь съ Дуляшею говорилъ!

В. СОВАКИНЪ.

Нѣтъ! Расскажи-ка.... Только стой: ужь чаркой

Не обижать ховлина!

Д. САБУРОВА.

Не пью.

В. СОВАКИНЪ.

Медь не виное что: не охмѣлѣешь!

Ужотко мы и дѣвкамъ поднесемъ.

(Наливаетъ чарку и подноситъ Сабуровой.)

Д. САБУРОВА.

Ну, развѣ ужь подчарочки....

В. СОВАКИНЪ.

Подчарки?

Нѣтъ, нить, такъ пить ужь дѣлаю: у насъ

Такоуъ обычай!

(Сабурова беретъ чарку, кланяется хозяйку и пьетъ.)

То-то! на здоровье!

Поразскажи же намъ: какъ, что тамъ было?

*(Садится.)*Д. САБУРОВА *(ставитъ чарку на столъ и откланивается).*

Вотъ, батюшка, пришли мы въ половицу

Царицину, впустили насъ въ хоромы:

Въ хоромахъ пресвѣтло-свѣтло, иконы,

Какъ жаръ, горять, всѣ въ золотыхъ оюладахъ,

А на полу-то послана камна

Червлѣная. Вотъ, супротивъ камки

Уставили всѣхъ дѣвокъ въ рядъ....

В. СОВАКИНЪ.

И нашихъ?

Д. САВУРОВА.

И напихъ тутъ же: Дуня-то стояла
 Такъ, съ краешка, Марушенька подальше....
 Ну, — ужъ и дѣвки! нечего сказать:
 Всѣ на подборъ, одна другой красивѣй!
 И какъ же всѣ разряжены, Василій
 Степанычъ! Тутъ и бархатъ, и атласъ!
 Что жемчугу! Когда бы весь осыпать,
 Ну, право, наберется четверикъ!
 На Колтовской одной такъ даже страшно....
 Ну вотъ, сгода маленько, входитъ Нѣмецъ,
 Знать лекарь, что ли.... Обошелъ всѣхъ дѣвокъ,
 Иную за руку возьметъ, поддержать,
 Подержитъ и опуститъ, на другую
 Такъ глянетъ межъ бровей и отойдетъ....
 Тутъ поглядимъ еще — бѣгутъ бояре:
 «Царь, Царь идетъ!» Мы на-земь повалились,
 А какъ ужъ встали, видимъ: Государь
 И съ нимъ Царевичъ, а кругомъ бояре!
 На Государь золотной кожухъ
 На соболяхъ и поясъ золотой,
 Весь кованный, Царевичъ въ аксамитномъ
 Качтанѣ: такъ по золотому цолю
 И поразсыпалися алые цвѣточки!
 Ну — солнце красное и свѣтлый мѣсяцъ!
 Какъ глянетъ Государь, что ясный соколъ,
 Въ хоромахъ-то какъ словно посвѣтлѣетъ!
 Вотъ мимо дѣвокъ разъ прошелъ, другой
 И третій.... Съ Колтовской шутить изволилъ,
 Что жемчугъ ей чай руки оттянулъ,
 Спросилъ Дуняшу: чья она такая,
 Откудова, который ей годокъ,
 И грамотъ смекаетъ ли? Да много
 Разспрашивалъ, а самъ все улыбался!
 А на твою-то посмотрѣлъ такъ зорко....

В. СОБАКИНЪ.

Что жъ, говорилъ?

Д. САБУРОВА.

Нѣтъ, батюшка, ни слова.

Въ запрошлый разъ поговорилъ порядкомъ,
А нынче нѣтъ. Такъ.... будто бы хотѣлъ
Сказать ей что-то, да нахмурилъ брови
И отвернулся.... Тутъ они и вышли.

ГРЯЗНОЙ.

Такъ, стало быть, не кончены смотры?

Д. САБУРОВА.

Не знаю ужъ, кормилецъ мой, не знаю....

(Собакину)

Вотъ страхъ-то былъ, какъ Государь съ Дуняшей
Заговорилъ! Ну, думаю, пропала
Моя головушка! Какъ зарыбило
Въ глазахъ: ночь-ночью, ничего не вижу,
А самое такъ сподымя и бѣтъ!
Дуняша-то сначала заробѣла,
Да пошептомъ бормочетъ про себя....
А онъ все съ лаской, такъ это съ улыбкой
И таково прокладно говорить....
Гляжу — совсѣмъ оправилась дѣвка:
И говорить и, почитай, смѣется,
Глазенки такъ и свѣтятся, сама
Вся раскраснѣлась, ясочка моя,
Ну, маковъ цвѣтъ алѣетъ, да и полно
А я-то, мой голубчикъ, я-то плачу:
Вѣдь дочка, не чужая кто, кормилецъ!

В. СОБАКИНЪ.

Вместе такъ.... А что же? Вѣдь на милость
Нѣтъ образца! Ну, если такъ случится,
Что взыщеть Богъ?

Д. САБУРОВА.

Куды ужъ намъ, родимый!

Какія есть боярышни, княжны!

Гдѣ съ ними намъ тягаться худороднымъ?

В. СОВАКИНЪ.

Все такъ, все такъ.... А ежели бы, Домна Ивановна?... Какъ знать? Ты вотъ у насъ, А къ твоему хозяину-то, можетъ, Пришли боляре съ Царскимъ словомъ! А?

Д. САВУРОВА.

И!.... Полно, батюшка! Какія рвчи Негожіа повель: да къ намъ боляре И въ избу не заглянуть, а не то что Съ Царевымъ словомъ приндуть.

В. СОВАКИНЪ.

Ну, смотри,

Не прозъвай!

Д. САВУРОВА.

Нѣтъ, батюшка, зачѣмъ же?

По цѣлымъ днямъ сижу все у окна. Да все глажу, не идуть ли боляре? Глаза все проглядѣла!

(Смѣется.)

Ахъ ты, старый!

Шути, шути! А еслибъ довелось, Пришелъ бы самъ съ поклономъ....

В. СОВАКИНЪ (плачется).

Не оставь

Своею лаской.

Д. САВУРОВА.

Полно же, Василій

Степанычъ! Грѣхъ съ тобою только!

(Встаетъ.)

Пойди пугнуть мнѣ дѣвокъ: заболтались, А мнѣ съ Дунашей время ко дворамъ.

В. СОВАКИНЪ (встаетъ).

Ступай пугни, а я пугну Петровну: Вельдь кой-что повынуть — не несетъ.

(Уходитъ отъ разъяр. двери.)

ЯВЛЕНИЕ 6.

Ты же, кромь Собакина и Сабуровой.

ГРЯЗНОЙ.

Напрасно тесть твой нареченный шутить
Съ Сабуровой.... Я знаю Государя :
И слова онъ задаромъ не промолвить ,
А тутъ съ Дунашей долго говорилъ.

ЛЫКОВЪ.

Неужели Дунаша ?.... Быть не можетъ ?

ГРЯЗНОЙ.

А почему жь ты думаешь, что нѣтъ?
Вѣдь за свою невесту-же боялся!

ЛЫКОВЪ.

Ну, Марса....

ГРЯЗНОЙ.

Что ? красива ? и Дунаша

Нельзя похантъ : чѣмъ она не дѣвка ?

ЛЫКОВЪ.

Все ужъ не те!

ГРЯЗНОЙ.

Вотъ то-то же ! Не надо

Заранѣ тужить и горевать...

Признаться, самъ я давеча потрусилъ,

Да видно, но пустому....

ЛЫКОВЪ.

Полно, такъ ли ?

ГРЯЗНОЙ.

А такъ-то по пустому, что на свадьбѣ

Твоей мнѣ быть хмѣльному ! Развѣ въ дружки

Не позовешь....

ЛЫКОВЪ.

Богринь, въ этой чести

Ты не откажешь мнѣ !

ГРЯЗНОЙ.

И посмотри,

Иванъ Сергѣичъ, что́ за дружка буду!

Вотъ дай войдти сюда твоей невѣсть,

Я нынче же поздравлю васъ, а кстати

И медъ здѣсь есть.... Да что и въ самомъ дѣлѣ?

Налю-ка я двѣ чарки пополнѣ,

Да жениху съ невѣстой поднесу!

*(Беретъ стопу.)*ЛЫКОВЪ *(встаетъ изъ-за стола).*

Налей, налей.

ГРЯЗНОЙ.

Да не пролей, пріятель!

Вишь какъ темно....

ЛЫКОВЪ *(ходитъ по комнатѣ).*

Ты отойди къ окну.

ГРЯЗНОЙ.

И то!

(Отходитъ къ окну и наликаетъ одну чарку.)

Ну вотъ и женихова чарка.

(Ставитъ чарку на столъ.)

Теперь невѣсть....

(Беретъ другую чарку.)

Что это: изъ двери

Несетъ какъ будто ?

(Дѣлаетъ шагъ къ двери.)

ЛЫКОВЪ.

Ты ужъ наливай:

Я дверь прихлопну.

ГРЯЗНОЙ.

Потрудись, бояринъ!

*(Лыковъ идетъ къ двери; Грязной поспѣшно вынимаетъ изъ-за пазухи порожокъ и дыллетъ въ чарку.)*ЛЫКОВЪ *(затворяя дверь).*

И то вѣдь дверь растворена.

ГРЯЗНОЙ *(наливая чарку).*

Готово!

Все дѣло за невѣстою....

ЛЫКОВЪ *(прислушиваясь).*

Идутъ.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Тѣ же, В. Собакинъ съ двумя свѣчами, Петровна съ двумя тарелками.

В. СОБАКИНЪ.

Ужъ не взыщите, гости дорогіе,

Что васъ въ потьмахъ оставилъ.

ГРЯЗНОЙ.

Ничего:

Другъ друга знаемъ.

(Собакинъ ставитъ на столъ свѣчи.)

В. СОБАКИНЪ *(Петровна).*

Ставь на столъ, Петровна!

(Петровна ставитъ тарелки и уходитъ.)

Для дѣвушекъ орѣшковъ да постилки

Поприготовимъ — пусть ихъ поѣдятъ.

(Увидя налитыя чарки, Лыкову и Грязному)

А вы-то что же? Налили по чаркѣ,

А пить не пьете!

ГРЯЗНОЙ.

Это я, хозяинъ,

Для жениха съ невѣстою припасъ!

В. СОБАКИНЪ.

Ай, друженько! Постой же, вѣдь не такъ же

Имъ подавать! Честь-честью — на поднось!

(Идетъ къ поставцу и вынимаетъ поднось.)

ГРЯЗНОЙ.

Давай, давай.

(Усталая кладет чарки на поднось.)

В. СОВАКИНЪ.

Вотъ такъ-то, поваряднѣй!

ЯВЛЕНІЕ 7.

Тѣ же, Сабурова, Марѳа и Дулягинъ.

САБУРОВА.

Ну, дѣвки, тутъ и угощенье!

(Дѣвцы раскладываютъ съ Грязнымъ и Лыковымъ.)

В. СОВАКИНЪ.

Просимъ

Покорно: всѣ и поджидали только!

Присядьте, да полакомьтесь маленько.

(Сабурова удаиваются на лавку.)

Марѳуша, подчуй дорогихъ гостей!

ГРЯЗНОЙ.

Нѣтъ, ужъ дозвожь, ховяинъ, по порядку!

Я перво-на-перво по чаркѣ обнесу.

В. СОВАКИНЪ.

И это рѣчь. Какъ думаешь ты, Домна Ивановна! Поздравить не мѣшаетъ?

САБУРОВА.

Кого, родимый?

В. СОВАКИНЪ *(указывая на Лыкова и Марѳу).*

Жениха съ невестой.

САБУРОВА.

Святое дѣло, батюшка, святое!

В. СОБАКИНЪ *(Лыкову и Марю)*.

Что жь, становитесь рядомъ-то ?

(Лыковъ встаетъ, Маря не трогается съ мѣста.)

Маруша!

Что покраснѣла ? Нечего стыдиться:

Ступай, ступай!

(Маря становится возлѣ Лыкова.)

Ну, подноси, Григорій

Григорьевичъ !

ГРЯЗНОЙ *(подходитъ къ Лыкову съ подносомъ и кланяется).*

Побольше жениху.

(Лыковъ пьетъ и кланяется. Грязной подходитъ къ Марю)

Поменѣ невѣстѣ !

(Маря прихлебываетъ, ставитъ чарку на подносъ и кланяется.)

Нѣтъ ужь, Маря

Васильевна ! изволь всю чарку выпить ,

Какъ изстари ведется....

(Маря беретъ чарку.)

Всю до дна ,

Чтобъ полнымъ домомъ жить....

(Маря допиваетъ и кланяется.)

Вотъ такъ до капли !

(Беретъ стопу, наливаетъ чарки и подноситъ Собакину.)

Теперь тебѣ, хозяйнѣ ?

В. СОБАКИНЪ.

Опослѣ.

Гостей поподчуй :

(Грязной подноситъ чарки Сабуровымъ.)

Д. САБУРОВА *(принимая чарку и кланяясь жениху съ невѣстой).*

Дай вамъ Богъ согласья !

ДУНЯША *(беретъ чарку).*

И радости !

(Пьютъ. Лыковъ и Маря кланяются Грязной подноситъ чарку Собакину.)

Отд. 1.

В. СОБАКИНЪ.

Теперь и мой чередъ.

Ну, дѣти, поздравляю васъ!

(Пьетъ; Лыковъ и Марѳа кланяются ему въ поясъ.)

А дружкѣ

Пускай сама невѣста поднесетъ.

МАРѢА (подходя къ Грязному и принимая отъ него подносъ);

Дозволь тебя благодарить, бояринъ!

*(Наливаетъ чарку и подноситъ съ поклономъ Грязному.)**ГРЯЗНОЙ (беретъ чарку).*

Я говорилъ ужъ давеча Ивану

Сергичу: советъ вамъ да любовь!

(Пьетъ и кланяется; Лыковъ и Марѳа откланиваются. Грязной ставитъ чарки на столъ.)

В. СОБАКИНЪ.

И благодать Господня!

ЯВЛЕНІЕ 8.

Тѣ же и Калистъ въбѣгаетъ въ попыхахъ.

КАЛИСТЪ.

Батѣка, батѣка!

(Гости вздрагиваютъ; Марѳа роняетъ подносъ.)

В. СОБАКИНЪ.

А, чтобъ тебя! Чего ты раскричался?

Аль угорѣлъ?

КАЛИСТЪ.

Какое угорѣлъ!

Къ тебѣ идутъ болре съ Царскимъ словомъ!

(Общее движеніе испуга.)

В. СОБАКИНЪ.

Кѣ мнѣ? Да ты ряхнулся?

КАЛИСТЪ.

Не ряхнулся :

Ступай встрѣчать... Чу! вонъ они въ сѣняхъ !

(Отходитъ въ сторону.)

ЯВЛЕНІЕ 9.

Тѣ же , Малюта и нѣсколько бояръ , въ богатыхъ кафтаняхъ и высокихъ собольихъ шапкахъ . Войдя въ комнату , они становятся въ два ряда , Собакинъ и прочіе кланяются имъ въ полъ .

МАЛЮТА Ю (выходя впередъ , Собакину).

Васпій! Нашъ Великій Государь,
Царь и Великіѣ Князь Иванъ Васильичъ
Всея Руси пожаловалъ тебя ,
Велѣлъ сказать тебѣ :

(Собакинъ становится на колѣни и кланяется въ землю.)

Велѣнемъ Божьимъ ;

Молитвами родителей моихъ,
Изволи Богъ мнѣ нынѣ сочетаться
Законнымъ бракомъ, и себѣ въ супруги
Понять твою, Васильеву, дочь Марѳу !

ДѢЙСТВІЕ III.

НЕВѢСТА.

Проходная палата въ Царскомъ теремѣ. Налѣво дверь въ Царицынъ покои; направо дверь въ сѣни. На заднемъ планѣ три окна съ позолоченными рѣшетками. Палата обита краснымъ сукномъ; лавки съ узорными полавочничками. На авансценѣ, съ лѣвой стороны, парчевое „мѣсто“ Царевны. Съ потолка, на позолоченной цѣпи, спускается хрустальное паньякадло; изъ двери въ дверь узкій коверъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

*В. Собакинъ стоитъ неподалеку отъ Царевнина „мѣста“,
Д. Сабурова выходитъ изъ двери, что направо.*

В. СОБАКИНЪ *(шепотомъ)*.

Что, какъ она!

Д. САБУРОВА.

Изволила забыться :

Авось-либо теперь полегче будетъ....

(Покачавъ головой.)

А то въ жару металась да стонала,
Моя голубка, такъ что вчужь жутко!

В. СОБАКИНЪ.

А Нѣмецъ былъ?

Д. САБУРОВА.

Былъ.... Говорить, пройти!

Не надо только трогать, а оставить
На волю Божью.... Это вишь припадокъ
Какой-то тамъ: пройти и самъ собою.
Чего тутъ трогать! По запрошлой ночью
Царевна встала да пошла ходить
По сѣннику, такъ мы, не то что тронуть,
Забились въ уголь и дохнуть не смѣемъ!
Такой-то страхъ!

В. СОБАКИНЪ.

Что жъ, бредить?

Д. САБУРОВА.

Все-то бредить :

И говорить все съ кѣмъ-то, и смѣется....
 А то навзрыдъ заплачетъ да застонетъ,
 Инда морозъ по кожѣ подереть !

В. СОБАКИНЪ.

Бѣда, бѣда !.... Вѣдь вотъ какое горе
 Наслалъ Господь мнѣ за мои грѣхи !....
 Не думаль, не гадалъ я: дочь — Царевна !
 Я самъ — бояринъ, сыновья — бояре !
 Чего еще ? Во снѣ-то даже счастье
 Такое не приснится никому....
 А тутъ поди ты ! Гдѣ бы веселиться,
 А ты горюй !

Д. САБУРОВА.

Грѣшно намъ горевать :

На старости мы взмысканы съ тобою !
 Твою самъ Царь, а Дунюшку Царевичъ
 Въ невѣсты выбралъ....

В. СОБАКИНЪ.

Да тебѣ-то что !

Твоя Княгиня не хвораетъ, Домна
 Ивановна !

Д. САБУРОВА.

Богъ милостивъ, Царевна

Оправится.... Ну, дѣло молодое :
 Такъ что-нибудь !,

В. СОБАКИНЪ.

Нѣтъ, видно, что не такъ !

Ей не съ чего, кажись бы, вдругъ свернуться....
 А люди добрые сыскались....

Д. САБУРОВА.

Кто же ?

В. СОБАКИНЪ.

Да тотъ же Лыковъ ! Что ни говори,
 Былъ женихомъ, ну и любилъ Марѳушу....

Д. САБУРОВА.

И, что ты! Скромный вѣдкій дѣтина,
Смиреникъ, да тихонюшка такой....

В. СОБАКИНЪ.

Тихонюшка! Гляди ему въ глаза....
А знаешь: въ тихомъ омутѣ то черти!

Д. САБУРОВА.

И то сказать: чужая-то душа
Потѣмки!....

В. СОБАКИНЪ.

На него и подозрѣнье:

Когда съ Марѳушей сдѣлался припадокъ,
Его тогда жъ схватили и къ допросу
Водили....

Д. САБУРОВА.

Не признался?

В. СОБАКИНЪ.

Не признался....

Да вотъ розыщутъ: если что такое,
Не отвертится! Только жаль — Царевна
Про это знаетъ....

Д. САБУРОВА.

Знаетъ?

В. СОБАКИНЪ.

То-то знаетъ!

Сама идти хотѣла къ Государю
Просить за Лыкова.

Д. САБУРОВА.

Уговорили?

В. СОБАКИНЪ.

Да просто обманули — вотъ и все:
Сказали, что и такъ онъ оправдался.
Ужъ тутъ и ложь во спасенъе....

Д. САБУРОВА.

Извѣстно...

А что, про свадьбу не слыхать, Василий
Степанычъ?

В. СОБАКИНЪ.

Какъ же! Государь Малютъ
Вельвъ нарядъ вѣнечный снарядить.

Д. САБУРОВА.

Ну кто же дружки?

В. СОБАКИНЪ.

Годуновъ Борисъ,
Мой Калисть, твой Иванъ, да самъ Малюта.

Д. САБУРОВА.

А свахи кто же?

В. СОБАКИНЪ.

Годунова Марья,
Моя невѣстка, да твоя невѣстка...
Кто бишь еще?.. Игнатьева жена!..
Въ отцово мѣсто самъ Царевичъ Федоръ
Ивановичъ, а въ тысяцкихъ Царевичъ
Иванъ Иванычъ... съ чарою да съ гребнемъ
Пойдетъ Собакинъ Дмитрій, со овѣчами...

ЯВЛЕНІЕ 2.

Тѣ же, спящая дѣвушка и потомъ истопникъ.

Спящая дѣвушка (Д. Сабуровой).

Боярыня! Царевна пробудилась!

Д. САБУРОВА.

Сейчасъ, сейчасъ...

(Спящая дѣвушка уходитъ.)

А въ материнѣ мѣсто

Кому же?

В. СОБАКИНЪ.

Да кому жъ коль не тебѣ?

Д. САБУРОВА.

Ну ужъ и мнѣ!

В. СОБАКИНЪ.

Да слышишь ты: Малуца

Мнѣ говорилъ.

(Въ спякъя двери входитъ истопникъ.)

ИСТОПНИКЪ.

Бояре съ Царскимъ словомъ!

Д. САБУРОВА.

Пойдти скорѣе, доложить Царевнѣ!...

(Уходятъ съ истопникомъ въ разныя двери.)

Я В Л Е Н И Е 3.

В. Собакинъ, Грязной и Кн. Гвоздевъ-Ростовскій. На Грязномъ и Кн. Ростовскомъ низенькія собольи шапки и суконныя полукафтаныя, стянутыя цвѣтными кушаками; за кушаками воткнуты большіе ножи въ серебряныхъ оправахъ. Войдя въ палату, бояре снимаютъ шапки, кланяются Собакину и опять надѣваютъ шапки.

ГРЯЗНОЙ.

Большой поклонъ боярину Василью Степанычу!

СОБАКИНЪ *(откланиваясь)*.

Поклонъ и вамъ, бояре!

ГРЯЗНОЙ.

Великій Государь своихъ холоповъ
Прислалъ съ поклономъ къ дочери твоей,
А нашей Государынѣ Царевнѣ.

В. СОБАКИНЪ.

Иду сейчас Царевнѣ доложить.

Она не можетъ: цѣлый день тоскуеть,
А ночь не спитъ... все мечится да бредитъ...

Сегодня легче...

ГРЯЗНОЙ.

Доложи Царевнѣ,

Что лиходѣй ея во всемъ сознался,
И Государевъ чужеземный знахарь
Берется излечить ея недугъ.

В. СОБАКИНЪ.

Ты говоришь, что лиходѣй сознался...

А кто же онъ?

ГРЯЗНОЙ.

Мы говоримъ тебѣ,

Что намъ сказать указано. Ступай же
И доложи Царевнѣ.

(Собакинъ кланяется и уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ 4.

Тѣ же кромѣ Собакина.

ГРЯЗНОЙ *(кладетъ руку на плечо Кн.
Гвоздева-Ростовскаго).*

Князь Иванъ!

Слыхалъ ли ты, что если кто полюбитъ
Кого, то день и ночь по немъ тоскуеть,
И плачетъ, и во снѣ-то даже видитъ
Милова друга?

Кн. ГВОЗДЕВЪ-РОСТОВСКИЙ.

Много разъ слыхалъ.

Тебѣ знать лучше: ты и самъ недавно
Такой-то былъ... Что, дурь твоя прошла?!

ГРЯЗНОЙ.

А что? вѣдь Царь нашъ на больной Царевнѣ
Не женится... Какъ думаешь ты, Князь?

КН. ГВОЗДЕВЪ-РОСТОВСКІЙ.

Богъ вѣсть! Нарядъ вѣнечный снаряжаютъ,
А впрочемъ самъ ты знаешь, что Царевна
Изведена.

ГРЯЗНОЙ.

А если излечится?

КН. ГВОЗДЕВЪ-РОСТОВСКІЙ *(взглядываетъ на него пристально)*.

Никакъ ты все еще изволишь бредить?

ГРЯЗНОЙ.

Иванъ! ты другъ мнѣ и меня не выдашь.
Когда бъ ты зналъ.... Нѣтъ, этого не въ силахъ
Я вымолвить.... Скажу тебѣ одно:
За то, чтобъ разъ еще взглянуть на Марю,
Я по локоть себѣ отсѣчь дамъ руку.

КН. ГВОЗДЕВЪ-РОСТОВСКІЙ.

Опомнися, Григорій, не ребячься....

(Въ покояхъ Царевны слышны шумъ и голоса.)

ГРЯЗНОЙ.

Постой, постой. Что тамъ у нихъ за шумъ?

МАРФА *(за сценой)*.

Пустите! я сама хочу ихъ видѣть!

ЯВЛЕНІЕ 5.

Тѣ же, Марфа, В. Собакинъ, Сабурова, боярины, стлыя
дѣвушки. Марфа блѣдна и встревожена, лытчикъ ея въ
беспорядкѣ, волосы растрепаны, на голову небрежно
накинутъ золотой вѣнецъ.

Д. САБУРОВА *(блжеть за Марфой)*.

Помилуй, Государыня Царевна!

Напрасно беспокоиться изволишь,
Сама идешь къ боярамъ: имъ не слѣдъ бы
Увидѣть очи ясныя твои

МАРФА.

Оставь меня.

*(Садясь на мѣсто, Грязному и Кн.
Гвоздеву-Ростовскому)*

Бояре! подойдите —

Я слушаю.

ГРЯЗНОЙ *(выходя вперед)*.

Великій Государь,

Царь и Великій Князь Иванъ Васильичъ
Всея Руси пожаловалъ тебя:
Къ тебѣ прислать изволилъ насъ съ поклономъ
И наказалъ спросить о твоёмъ
Здоровьѣ, Государыня Царевна!

МАРФА *(встаетъ)*.

Да я здорова, я совсѣмъ здорова!
Кто говорить, что я была больна?
Я слышала — сказали Государю,
Что будто бы испортили меня....
Все это — ложь! Вы слышите, бояре!
Все это — ложь и выдумка!

ГРЯЗНОЙ.

Дозволь

Держать другую рѣчь.

*(Марфа наклоняетъ голову въ знакъ со-
гласія и спокойно взглядываетъ на
Грязнаго.)*

Ивашко Лыковъ

Покался въ намѣренъи бѣсовскомъ
Тебя поганымъ зельемъ извести,
А Государь велѣлъ его казнить....

Холопъ твой Гришка бьетъ тебѣ челомъ
И просить службу вѣрную попомнить!

(Кланяется въ землю. Марья вскрикиваетъ и падаетъ безъ чувствъ.)

ГРЯЗНОЙ *(вскакивая).*

Что съ ней?

СОВАКИНЪ *(подбѣгая къ Марѣ).*

Опять припадокъ!

САБУРОВА *(удерживая Собакина).*

Полно, что ты!

Теперь ее избави Боже тронуть!....

Голубушка! блѣхонька, какъ пласть!

Вотъ такъ-то съ нею и намедни было:

Глаза закрыла, губы посинѣли,

Дыханья нѣтъ — отходить да и полно!

КН. ГВОЗДЕВЪ-РОСТОВСКИЙ.

Теперь Царевна видно испугалась....

САБУРОВА.

И есть съ чего! Хорошо былъ женишокъ-то!

Ужъ удружилъ невѣсть.... Да ему

И казни мало! Кабы мнѣ да воля,

Разорвала бъ въ куски его, собаку!

ГРЯЗНОЙ *(тихо).*

И такъ довольно: не просилъ прибавки!

САБУРОВА *(Грязному и Кн. Ростовскому).*

Бояре! вы бы шли, а здѣсь не гоже

Вамъ оставаться....

ГРЯЗНОЙ.

Нѣтъ, мы не пойдёмъ,

А подождёмъ, чѣмъ кончится припадокъ,

Чтобъ было намъ о чемъ и доложить.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Ть же, Мамота и нѣсколько бояръ. Войдя въ палату, они
останавливаются невдалекѣ отъ Царевнина «мѣста»

В. СОБАКИНЪ (Сабуровой).

Не вспрыснуть ли водову? Что-то долго
Лежить безъ чувствъ....

САБУРОВА.

Не вѣрно, Василій

Степанычъ!

В. СОБАКИНЪ.

Ну, за Нѣмцемъ-то пошли:

Нельзя же такъ ее оставить.

САБУРОВА.

Стой-ка!

Никакъ она очнулась?

(Марѣа поднимаетъ голову и протираетъ
глаза.)

ГРЯЗНОЙ (подбѣгая къ Марѣе).

Очнулась!

МАРѢА.

Ахъ! что со мной?

(Увидя Грязнаго, подбѣгаетъ къ нему.)

Ты живъ, Иванъ Сергѣичъ!

Такъ это сонъ?

(Грязной дѣлаетъ шагъ назадъ; Марѣа
хватаетъ его за руку.)

Поди, поди ко мнѣ!

Дай на тебя мнѣ вдоволь наглядѣться!

Ты живъ, ты живъ!

ГРЯЗНОЙ (вырываетъ руку).

Царевна, образумься!

Вглядись въ меня: я — не Иванъ Сергѣичъ.

МАРФА.

Ахъ, Ваня, Ваня! Что за сны бывають!
 Сегодня я за пальцами вздремнула
 И вижу... Охъ! и вспомнить-то такъ страшно!
 Приснилось мнѣ, что будто я Царевна,
 Что Государь меня въ невѣсты выбралъ,
 Что насъ съ тобой, Ванюша, разлучили....
 Меня убрали въ Царскія одежды,
 И золотой вѣнецъ надѣли будто....

(Хватается руками за голову.)

Вотъ и теперь онъ голову мнѣ давить!

ГРЯЗНОЙ.

Опомнись, Государыня Царевна!

САБУРОВА *(подходя на цыпочкахъ и держа
Грязнаго за рукавъ).*

Оставь ее, не поперечь, бояринъ!
 За Нѣмцемъ ужъ послали....

СОБАКИНЪ *(ломая руки).*

Что съ ней будетъ!

САБУРОВА.

Опомнится, опомнится, не бойся!

МАРФА.

И говорятъ мнѣ будто бы: «Царевна!
 Вѣдь прежній твой женихъ-то — лиходѣй:
 Онъ извести тебя поганымъ зельемъ
 Хотѣлъ, за тѣмъ ты и хворать изводишь....
 Его за вто судять....» Что тутъ было!
 И грудь мнѣ жгло, и въ голову стучало....
 Какъ я съ тоски во снѣ не умерла!
 А тутъ приснилось, что въ палатѣ Царской
 Сидѣла я, и что кругомъ стояли
 Сабурова, отецъ, боярыни.... и ясно,
 Такъ ясно все, какъ будто на яву!
 Постой!

(Блуждаетъ къ „мѣсту“.)

Сидѣла я на этомъ мѣстѣ,

Вотъ такъ.... Они....

(Оборачивается къ боярамъ и боярынямъ.)

Да вотъ они стоять!

(Подблѣзаетъ къ Грязному и хватаетъ
его за руку.)

Ты видишь ихъ, ты видишь ихъ, Ванюша?

Охъ страшно!.... Лучше не гляди туда:

Тебѣ приснится тоже сонъ тяжелый!

(Отворачивается и закрываетъ лице
руками.)

ГРЯЗНОЙ (задыхающимся голосомъ).

Нѣтъ силъ снести! Такъ вотъ недугъ любовный!

Ты обманулъ меня, проклятый Нѣмецъ!

МАРГА (отнимая отъ лица руки и болез-
ливо озирался кругомъ).

Прошло!....

(Помолчавъ.)

А я, должно быть, нездорова:

Въ груди все жжетъ.... Про что я говорила?

Про что бишь, дай Богъ память?.... Да!

Приснилось мнѣ, что будто бы въ палату

Отъ Государя приходилъ Грязной

И говорилъ, что онъ тебя зарѣзалъ!

(Смѣется.)

Вѣдь вотъ во снѣ-то глупости какія

Привидятся... Грязной еще хвалился,

И службу вѣрную просилъ попомнить.

Хорошъ же дружокъ! Хвалится невѣсть,

Что жевиха зарѣзалъ.... Ай, Грязной!

Увижу, — расскажу ему до слова —

Какъ онъ меня изволилъ тышить....

(Смѣется.)

ГРЯЗНОЙ.

Ой-ли!

Грязной тебя сейчасъ еще потышить!

(Боярамъ)

Бояре! Я.... я — грѣшникъ окаянный!

Я Лыкова оклеветалъ напрасно:

Въ Царевниномъ недугъ онъ невиненъ....
Я погубилъ невесту Государя!

(Общее изумленіе.)

МАЛЮТА.

Григорій! Что ты, что ты? Богъ съ тобою!

КН. ГВОЗДЕВЪ-РОСТОВСКІЙ *(подблгая къ Грязно́му)*.

Григорій! Ты себя погубишь!

ГРЯЗНО́Й.

Князь!

Малюта! Я въ своемъ умѣ, и снова
Себя я обвиняю передъ вами:
Я погубилъ невесту Государя!

МАРФА *(вслушивалась)*.

Ты говоришь, что снамъ не надо вѣрить:
Не вѣрю.... Только сонъ-то не простой!

(Помолчавъ.)

Однако я съ тобой заговорила
И къ пальцамъ не притронулась сегодня,
А мнѣ еще ширинку надо кончить....

*(Садится на мѣсто и дѣлаетъ руками
разныя движенія, будто принималась
вышивать съ пальцагъ.)*

ГРЯЗНО́Й.

Страдалица! и я тебя сгубилъ,
И самъ еще поднесъ тебѣ отраву!
Бояре! я давно влюбилъ Царевну
И сватовъ засылалъ къ ея отцу,
Да опоздалъ, другой хватился прежде:
Она была ужъ Лыкова невестой.
Тогда у Нѣмца я промыслилъ зелье,
И съ женихомъ сдружился, какъ Іуда,
И назвалъ ему на свадьбу въ дружки,
И самъ поднесъ ей зелья въ чаркѣ меду!

В. СОБАКИНЪ.

Разбойникъ, душегубецъ!
Я самъ ему и чарку вынималъ!

САВУРОВА.

И я тогда была съ Дуняшей: точно
Онъ подносилъ Царевнѣ чарку меда!

МАЛЮГА.

Безумный! Что ты сдѣлалъ?

ГРЯЗНОЙ.

Да, безумный.

Она меня давно свела съ ума!
Но видитъ Богъ, что самъ я былъ обмануть:
Я зелья приворотнаго просилъ,
Приворожить къ себѣ хотѣлъ Царевну,
Затѣмъ, что я любилъ ее, люблю,
Люблю, какъ буйный вѣтеръ любить волю!

В. СОБАКИНЪ.

Молчи, злодѣй! Ты смѣешь про Царевну
Такъ говорить! Бодрѣ, уведите
Его отсюда! Именемъ Царя
Я говорю вамъ: уведите!

(Нѣкоторые изъ бодрѣ подходятъ къ Грязному.)

ГРЯЗНОЙ (болрамъ).

Стойте!

(Собакину)

Бодринъ! я въ винѣ своей сознался,
И гибну самъ, чтобъ дочь твою спасти!
Сознался вольной волей, а неволей
Ты изъ меня не выжмешь ничего!
Тутъ нечего кричать, а лучше слушать....

(Бограмъ)

Спросите у Бомедія, какого
Онъ зелья далъ? Спросите подъ ножами!
Покается проклятый басурманъ!

МАРФА.

Нѣтъ, полно шить! Игла изъ рукъ валится....
Такая лѣнь сегодня.... да и жарко....

Отд. 1.

11

Иванъ Сергѣичъ! хочешь въ садъ пойдемъ?

(Встаетъ, и, пройдя нѣсколько шаговъ, дѣлаетъ движеніе рукою, будто открываетъ дверь.)

Каковъ денекъ! Такъ зеленью и пахнетъ.

(Будто останавливается на порогѣ.)

Иванъ Сергѣичъ! помнишь — мы дѣтьми

Рѣзвились и бѣгали съ тобою?

Не хочешь ли теперь меня догнать?

Я побѣгу вотъ прямо по дорожкѣ....

(Оглядывается.)

Э, не плутуй! зачѣмъ же ты подходишь?

Ты отойди подалѣе, вотъ такъ....

Ну!..

(Хлопаетъ въ ладоши.)

Разъ, два, три!

(Блжтитъ; болре и болрыми въ испугъ разступаются передъ нею. Добжавъ до конца сцены, Марѳа оборачивается.)

Ага, братъ, не догналъ!

Что? каково теперь я стала бѣгать?

(Идетъ назадъ.)

А вѣдь совсѣмъ задохлась съ непривычки....

(Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, потупя голову, и вдругъ наклоняется, будто срываетъ цепьтокъ.)

Ахъ, посмотри — какой же колокольчикъ

Я сорвала! Лазоревый, а жилки,

Какъ шелковинка аленькая.... Правда,

Что онъ звенить въ Ивановскую ночь?

(Покачиваетъ головою.)

Про эту ночь Петровна говорила

Мнѣ чудеса....

(Указывая рукою наверхъ.)

Вотъ вѣтъ кусть заря...

Мнѣ подарила Дунюшкина мать.

И славная заря, чудесный запахъ!

(Будто срываетъ епанчу и жметъ ее въ рукавъ.)

Я его мою руки по утрамъ.

(Идетъ дальше.)

А какова смородина, Ванюша?

(Будто приподнимаетъ вѣтку.)

Такъ вѣтку ягоды и клонять къ землѣ....

И яблочки по лѣту много будетъ....

(Указываетъ направо.)

Вотъ эта яблонь вся была въ цвѣту:

Такъ и бѣлѣла, словно одуванчикъ....

Отецъ подъ нею и скамью поставилъ,

Самъ сколотилъ.... Не хочешь ли присѣсть?

Я такъ устала что-то: знать, со сна.

(Садится на мѣсто.)

Охъ! этотъ сонъ!

(Помолчавъ.)

Какъ поглядишь на небо,

Подумаешь — какъ Богъ его соткалъ!

Вотъ ровно синій бархатъ! Что, Ванюша,

Вездѣ такое небо, какъ у насъ?

И облака такія?.... Погляди-ка —

Вонъ облочка — ни дать, ни взять — вѣнецъ!

На насъ съ тобою такіе-то надѣнуть....

(Задумывается.)

Грязной.

Нѣтъ, не стерпѣть!

(Малюта.)

Веди меня, Малюта,

Веди меня на грозный судъ! но прежде

Последнюю мнѣ службу сослужи:

Дай мнѣ себя потышить, дай мнѣ съ Ныцемъ

Развѣдаться!

ЯВЛЕНИЕ 7.

*Ть же, и Любаша выбьгаетъ изъ толпы спящихъ дьвушекъ
и хватаетъ Грязнаго за руку.*

ЛЮБАША.

Развѣдайся со мною!

ГРЯЗНОЙ.

Любаша!

ЛЮБАША.

Да, опять-таки Любаша!

Ты про меня и позабылъ, голубчикъ?
Забывчивъ сталъ! Что, на тотъ свѣтъ собрался,
Такъ на тебѣ! Не хочеть и проститься
Съ своею полубовницей!.... А жалко,
Куды тебя мнѣ жалко! По напрасну
Сгубилъ себя: красавицу твою
И вылечать, да лекарь-то могила!
Что? Ты меня не разумѣешь? Стой же,
Я все тебѣ по пальцамъ расскажу.
Ты помнишь, какъ просилъ у Нѣмца зелья?
Я слышала тогда весь разговоръ,
Да на другой же день сама я къ Нѣмцу
Пошла и тоже выпросила зелья....
Ты за свое отсыпалъ много денегъ,
Я за свое дешевле заплатила....!
Извѣстно что ужъ! Съ дѣвокъ взятки гладки!
А только зелье будетъ похитрѣ:
Съ него какъ равъ захахнетъ человекъ!

ГРЯЗНОЙ.

Что ты сказала?

ЛЮБАША.

Человекъ захахнетъ,

Потомъ умереть.... Тутъ нечему дивиться!
Вотъ подивись: я зелье подмѣнила,

А ты его на мѣсто своего
Поднесъ моей разлучницѣ!....

(Грязной отшатывается назадъ.)

Чай, то-то

Быль радъ! А тутъ, какъ выбрали въ невесты,
И начала прихварывать она,
Трухнулъ было? Да скоро спохватился:
Дай Лыкова оговорю, а можетъ,
Царь на больной не женится, тогда
На нашей улицѣ и будетъ праздникъ!

Грязной (хватается за ножъ).

Проклятая!

ЛЮБАША.

Постой, постой: успеешь

Дай досказать.... Тебѣ бы все браниться,
А нѣтъ того, чтобъ похвалить Любашу!
Ужъ, кажется, придумала я знатно
И ты еще мнѣ долженъ поклониться:
Приворожилъ по милости моей!

(Слыется.)

МАРФА.

Иванъ Сергѣичъ! Съ кѣмъ это Дуняша
Разговаривалась?

ЛЮБАША.

Слышишь-ли! зоветь!

Ступай, ступай скорѣе, полюбуйся!
И есть на что: что дальше — будетъ лучше!

(Грязной заматывается на нее ножомъ.)

Ну что жъ, убей! Ты загубилъ мнѣ душу,
Ни слезъ моихъ, ни просьбъ не пожалѣлъ....
Губи же вдалась!

(Бросается къ Грязному.)

Рѣжь меня, разбойникъ!

Грязной (ударяетъ ее ножомъ).

Такъ на жъ тебѣ!

ЛЮВАША (падал).

Спасибо : прямо въ сердце !

(Кн. Ростовскій, Сабурова, Малюта и слѣпыя дзвезушки подбѣгаютъ къ Любашѣ.)

САБУРОВА.

Ахъ, батюшки, заръзалъ !

ГРЯЗНОЙ.

Да, заръзалъ !

Собака и собачья смерть !

МАЛЮТА (наклоняясь къ Любашѣ).

Бѣдняжка !

(Бояре бросаются на Грязнаго и обезоруживаютъ его.)

В. СОБАКИНЪ.

Скрутите руки, руки-то скрутите,
Да отнимите ножъ ! вѣкъ перерѣжете !

ГРЯЗНОЙ (борясь).

Пустите ! Я не трону никого
И не уйду.... Вы слышали, бояре,
Вы слышали, какого я ей зелья
Поднесъ !.... Она умереть, умереть ! Пустите !

(Вырывается и подбѣгаетъ къ Марѣ.
Бояре его догоняютъ и сватываютъ слова.)

В. СОБАКИНЪ.

Тащите вонъ его, скорѣй тащите !

ГРЯЗНОЙ.

Не троньте, дайте мнѣ проститься съ нею !

(Вырывается и бросается передъ Марѣй
на колѣни.)

Страдалица невинная, прости !

МАРѢА. (встаетъ).

Иванъ Сергѣичъ ! Ты ужъ и уходишь !
Куда же ты ? Сейчасъ отецъ придетъ....

ГРЯЗНО́Й.

Прости меня! Когда придешь ты въ память
И про меня они тебѣ расскажутъ,
Ты проклянешь кромѣшника.... Кляни,
Кляни его! Но о душѣ проклятой
Хоть разъ одинъ усердно помолися!

МАРѢА.

Не уходи.... Какой ты несговорный,
Ни мало не похожъ на жениха:
Придетъ къ своей невѣстѣ въ кои вѣки
И только повернется!.... Будешь завтра?

ГРЯЗНО́Й.

Прости меня! За каждую слезинку,
За каждый стонъ, за каждый вздохъ твой, Марѣа,
Я щедрою рукою заплачу:
Самъ буду бить челомъ Царю Ивану
И вымолю себѣ такія муки,
Какихъ не будетъ грѣшникамъ въ аду!

(Встаетъ; его уводятъ.)

Прощай! прощай!

МАРѢА *(кричитъ ему вслѣдъ)*.

Приди же завтра, Ваня!

ПОСЛѢСЛОВІЕ,

«Скучая вдовствомъ, Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный уже искалъ себѣ третью супругу. Впаденіе ханское прервало сіе дѣло; когда же опасность миновалась, Царь снова занялся онымъ. Изъ всѣхъ городовъ свезли невѣсть въ Слободу, и знатныхъ и незнатныхъ, числомъ болѣе двухъ тысячъ: каждую представляли ему особенно. Сперва онъ выбралъ 24, а послѣ 12, коихъ надлежало осмотрѣть доктору и бабкамъ, долго сравнивалъ ихъ въ красотѣ, въ пріятностяхъ, въ умѣ; наконецъ предпочелъ всѣмъ Марю Васильевну Собакину, дочь купца Новгородскаго, въ то же время избравъ невѣсту и для старшаго Царевича, Евдокію Богдановну Сабурову.... Но Царская невѣста занемогла, начала худѣть, сохнуть: сказали, что она испорчена злодѣями, ненавистниками Іоаннова семейнаго благополучія. Разыскивали, вѣроятно, страхомъ и лестию домогались истины или клеветы.... Не знаемъ всѣхъ обстоятельствъ; знаемъ—кто и какъ погибъ въ сію «пятую» эпоху убійствъ. Открылись казни много рода: злобный клеветникъ, докторъ Елисей Бомелій предложилъ Царю истреблять лиходѣевъ ядомъ, и составлялъ, какъ увѣряютъ, губительное зелье съ такимъ искусствомъ, что отравляемый издыхалъ въ назначаемую минуту. Такъ Іоаннъ казнилъ одного изъ своихъ любимцевъ Григорія Грязнаго, Между тѣмъ Царь женился 28-го Октября (1572 г.) на больной Марѣ... чрезъ шесть дней женилъ и сына на Евдокіи; но свадебные пиры заключились похоронами: Марья 13-го Ноября скончалась, бывъ или дѣйствительно жертвою человѣческой злобы, или только несчастною виновницею казни безвинныхъ».

Вотъ лѣтописныя указанія, собранныя Карамзиннымъ о третьей бракѣ Царя Іоанна Васильевича Грознаго: онъ послужилъ историческою

канвою для моей драмы. Завязка, развязка и весь ходъ драмы, раз-
уѣтся, вымыселъ; но вымыселъ, основанный на «могло быть», и вы-
веденными въ драмѣ лица, по возможности, исторически вѣрны. Скажемъ
объ этомъ нѣсколько словъ.

Семейный бытъ нашихъ предковъ, не смотря на усильные труды
любителей старины, все еще не вполне разгаданный вопросъ. Въ нашихъ
лѣтописяхъ одни голые факты, одиѣ описанія нѣстичества бояръ, Цар-
скихъ опалъ, Царскихъ цершествъ и т. п., и очень мало о внутренней
жизни народа. Иностранцы, очевидцы быливъ Святой Руси, говорятъ ино-
гда о нравахъ и обычаяхъ «полудикихъ Москвитянъ», но сообщаемыя ими
свѣдѣнія—въ половину грубыя выдумки, въ половину указанія на то, что
выдалось бы уголомъ въ собственномъ икъ семейномъ и гражданскомъ быту,
да и эти указанія для насъ весьма незначительны. Остается—возсодать
былую жизнь по аналогіи съ нынѣшней жизнью народа, остается
еще изустная, переходящая изъ рода въ родъ лѣтопись: пословицы и
пѣсни. Въ пословицахъ, этой обиходной фидософіи нашихъ предковъ,
отпечатлѣлся глубокой, затѣливый Русскій умъ, въ пѣсняхъ выдмлось
горячее Русское сердце, и въ особенности — сердце женщины. Мер-
твая, едва замѣтная въ лѣтописи, Русская женщина является въ пѣснѣ
живою, повсемѣстною двигательницею страсти. Злѣе она — то лютая
свекровь, которая «ходя-похваляется: хорошо учить чужихъ дѣтей,
нероженыхъ, нехоженыхъ, невоспоевныхъ, невоскормленныхъ;» то печаль-
ная невѣстка, «думаящая крѣпкую думу о томъ, какъ вчера ея милъ-
сердечный другъ загадалъ неотгадливую загадку, повѣдалъ ей про
свою затыю — застрѣлить ея нелюба въ зеленѣмъ саду: не тужить
она о постыломъ, о постыломъ своемъ мужѣ, а тужить о любимыхъ,
о любимыхъ своихъ дѣтяхъ»; «то душа красная дѣвица, отъ кото-
рой огнемъ горить ретивѣе сердце молодецкое»; то—разгульная жена,
которой «стряпня—рукавастряхня, которой «доспѣхъ—всѣмъ на смѣхъ.»
Такова-то въ пѣснѣ Русская женщина, а «изъ пѣсни слова не выкинешь».

Въ моей драмѣ два главныя женскія лица: Марea и Дюбаша.

О Марeѣ говоритъ самъ Іоаннъ: «Благословенный Митрополи-
томъ Кирилломъ, я долго искалъ себѣ невѣсты, испытывалъ, наконецъ
избралъ; но зависть, вражда погубили Марeу, только именемъ Царицу:
еще въ невѣстахъ лишилась она здравія и чрезъ двѣ недѣли супру-
жества преставилась дѣвою.»

Марea — одинъ пѣсенный типъ: робкая, застѣчивая дѣвушка,
покорная волѣ отчей, покорная своему жеребью. Безотчетно, безъ бѣ-

шевыхъ порывовъ страсти, полюбила она, безотвѣтно, безъ порывовъ отчаянія, склонила побѣдную голову подъ яремъ горя. Подъ кикомъ жены она могла позволить себѣ однѣ слезы, однѣ тихіе упреки :

«И я батюшкѣ говорила,
И н свѣту своему доносила :
Не давай меня, батюшка, замужъ,
Не давай, государь, за неровню,
Не мечись на большое богатство,
Не гляди на высоки хоромы :
Не съ хоромами жить — съ челоуѣкомъ,
Не съ богатствами жить мнѣ — съ совѣтомъ.»

У нея не достало силъ наложить на себя руки при разставаньи съ милымъ, но не достало бы также и силъ — пережить этой разлуки :

«Я въ-тѣ-поры милѣ друга забуду
Когда засыплются глаза мои песками,
Закроются бѣлы груди досками!»

Она и безъ зелья истаяла бы, «какъ свѣча воску ярова.»

«Не жидца я на бѣломъ свѣту
Безъ тебя, моя надеженька!»

По этому-то и сумасшествіе ея — тихая мономанія, отчужденіе всего, кромѣ задушевной мысли, постоянное присутствіе друга передъ очами души.

Любашиа — другой типъ, другая олицетворенная пѣсня, начинающаяся жалобами красной дѣвицы на заѣзжаго добра молодца, «что сманилъ онъ ее отъ батюшки и матушки, завезъ на чуже-дальнюю сторону, а завезши хочетъ кинуть.»

Продолжающаяся упреками :

«Хорошо тому на свѣтъ жить,
У кого нѣту стыда въ глазахъ,
Нѣтъ стыда въ глазахъ, ни совѣсти :
Нѣтъ у молодца заботушки,
Въ ретивомъ сердцѣ зазнобушки....
Зазнобилъ меня сердечный другъ,
Зазнобилъ, сердце повмсушилъ,
Безъ краснова солнца высушилъ,
Безъ мороза сердце вызнобилъ.....»

Кончающаяся угрозами :

«Я сама дружка повысушу
 Не зельями, не кореньями,
 Безъ мороза сердце вызноблю,
 Безъ краснова солнца высушу!
 Скорою тебя, мой миленькій,
 Въ зеленомъ саду подъ грушею,
 Я сама сяду — послушаю:
 Не стонеть ли мать сыра-земля,
 Не вскрывается ль гробова доска,
 Не встаетъ ли мой сердечный другъ?
 Зарости, моя могилушка,
 Ты травушкой-муравушкой!
 Не достанься, мой любезный другъ,
 Ни дѣвушкамъ, ни молодушкамъ,
 Ни своей змѣѣ — полюбовницѣ!»

Вотъ два прѣсенные первообраза, по которымъ имѣ хотѣлось создать Марю и Любушу. О Любушѣ нужно еще замѣтить, что она была воспитанницей Александровской Слободы, одной изъ обитательницъ слободскихъ гнѣсеевъ, и потому не могла быть разборчивой на средства къ достиженію своей цѣли: голодъ страсти легко долженъ былъ заглушить въ ней чувство стыда.

Перейдемъ къ другимъ дѣйствующимъ лицамъ.

Понятно, что такой характеръ, какъ характеръ Грязнаго, могъ вылиться въ эту эпоху смуть, козней и казней. Грязной не былъ однимъ изъ тѣхъ опричниковъ, которыхъ Курбскій называетъ «претвуснодѣйными, богомерзкими кровѣшниками, тмы-тмами горшными палачей.» Нѣтъ. Онъ былъ, говоря словами Курбскаго же, однимъ изъ «согласующихъ Царю ласкателей и товарищей трапезы,» однимъ изъ молодевъ, жалованныхъ Іоанномъ за отвагу и преданность, однимъ изъ тѣхъ, которые могли похвалиться:

«Было, братцы, попито-поѣдено,
 Въ краснѣ-хорошѣ похожено,
 Съ одного плеча платья поношено.»

Прихотливый, избалованный удачами, уже утомленный наслажденіями, Грязной полюбилъ Марю всѣми силами буйной души. Препятствія только раздражили его страсть. Безъ раскаянія, безъ сожалѣнія, погубилъ онъ Лыкова, земскаго врага по сердцу и по долгу, не поща-

дмилъ прежней полюбовницы, но не пощадилъ и себя.... Безумная страсть и дикая сила воли вели его до конца, и онъ выкупилъ свой проступокъ страшными муками тѣла и души! Смерть Висковатаго, Шибанова, Митькова и сотни другихъ, свидѣтельствуя объ унорныхъ правахъ нашихъ предковъ, подтверждаетъ возможность существованія «вымышленнаго» Грязно́го.

О Лыковѣ не стоило бы упоминать, если бы вводъ его въ драму не былъ анахронизмомъ. Курбскій, рассказывая о казни Михаила Матвѣевича Лыкова, Нарвскаго воеводы, говоритъ, что Царь убилъ съ нимъ «ближняго сродника его, юношу зѣло прекраснаго, въ самоѣ наусію, иже посланъ былъ на науку во Ермаѣю и тамо навѣкъ добръ Алеманскому языку и писанію: бо тамъ пребывалъ, учась, и объѣздилъ всю землю Нѣмецкую и возвратился былъ къ намъ во отечество».... Но Лыковы казнены за годъ до смерти Маремъ. Еще одно замѣчаніе. Въ первомъ дѣйствіи Лыковъ защищаетъ Нѣмцевъ и хвалитъ ихъ жизнь: эти доклады относятся собственно къ внутреннему устройству Германіи и семейному быту Германцевъ, а тишиным и спокойствіемъ въ эти года не могло быть въ Германіи.

Лицо Бошелія, извѣстное исторически, представляетъ много затрудненій относительно языка: я предпочелъ ломанныя фразы некаждому выговору. Эта роль вся въ рукахъ актера.

Прочія лица драмы незначительны, но, кажется, очерчены вѣрно.

Вотъ краткая отвѣдь на нѣкоторые вопросы, могущіе возникнуть при чтеніи моей драмы. Повторяю: основное ея слово — могло быть.»

Л. Мей.

МОСКВИТЯНИНЪ.

1849.

№ 19.

Октябрь.

Кн. 1.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧЪ ВОГОЛОВСКІЙ.

(Князь Андрей родился около 1110 года, и былъ вторымъ сыномъ Князя Юрья Владимировича Долгорукаго отъ перваго брака, съ Половецкой Княжной, Аепной дочерью, Осеновой внукой, на которой женилъ его отецъ въ 1107 году.

Юрій получилъ въ удѣлъ Суздальское княжество очень рано, жилъ тамъ почти безвыѣздно лѣтъ тридцать слишкомъ; тамъ, слѣдовательно, должны были родиться, или, по крайней мѣрѣ, провести молодость всѣ его дѣти, и между ними Князь Андрей.

Андрея женилъ онъ послѣ 1130 года на дочери богатаго боярина Степана Ивановича Кучка, владѣльца береговъ Москвы рѣки, казеннаго имъ, какъ говорить преданіе, справедливо или нѣтъ, за какую-то дерзость.

Въ 1146 году, по смерти старшихъ братьевъ Юрья, великое княжество Кіевское, подвластное на время Князю изъ чужаго, Олегова рода, Всеволоду, сдѣлалось предметомъ спора между соперниками, не имѣвшими на него вовсе никакого права: Изяславомъ Мстиславичемъ, племянникомъ Юрья, и Олеговичами, братьями послѣдняго Князя.

Юрій, который привязанъ былъ душею къ Югу, не смотря на свое долгое пребываніе на Сѣверѣ, и окружалъ себя здѣсь Кіевскими и прочими Русскими названіями, давая ихъ новымъ городамъ своимъ въ Суздальской области, — который хотѣлъ промѣнить ее еще прежде брату Ярополку, — рѣшился теперь, какъ сынъ Мономаховъ, предъявить свое право, и, воспользуясь благоприятными обстоятельствами, испытать счастье. Онъ принялъ съ удовольствіемъ предложеніе Святослава Ольговича, и подалъ тотчасъ помощь, чтобъ выручить ему брата Игоря, а себѣ помскать Кіева.

Первый личный его походъ относится къ 1149 году. Всѣ сыновья должны были ему сопутствовать. Счастіе помогло Юрью: онъ одержалъ подъ Переяславлемъ совершенную побѣду надъ своимъ племянникомъ, занялъ Кіевъ и роздалъ сыновьямъ удѣлы: Ростиславу Переяславль, Андрею Вышгородъ, Борису Бѣлгородъ, Глѣбу Каневъ, Васильку Суздааль.

Но всего этого ему показалось еще мало. Выгою Изяслава и перейму волость его, сказалъ онъ, и пошелъ съ воиномъ племянника въ наследственный удѣлъ его, Володимиръ Волинскій.

Въ этомъ-то походѣ является въ первый разъ на позорницѣ Исторіи Князь Андрей, бывший тогда уже въ лѣтахъ зрѣлаго мужества, и мы отсюда начнемъ описаніе его подвиговъ, сколько ихъ сохранили современныя лѣтописи.)

....Юрій, выступая въ походъ, послалъ къ Луцку старшихъ сыновей, Ростислава и Андрея, съ Половцами. Они расположились у Муравицы¹. Андрей стоялъ впереди, за нимъ Ростиславъ. Вдругъ, ночью, всполошился станъ, неизвестно по какой причинѣ. Половцы бросились бѣжать съ воеводою своимъ Жирославомъ. Ростиславъ, испуганный, послалъ звать брата, торопя его скорѣе назадъ. Тотъ не тронулся съ мѣста. Собственная дружина приступила къ нему: «чего ты ждешь, Князь? Отъѣзжай прочь, или хочешь добыть себѣ сорама?» Твердый Андрей не послушался никого, стерпѣлъ весь пополохъ, и дождался свѣта. Поутру, увидя,

¹ Нынѣ мѣстечко Волинской губерніи, Дубенскаго повѣта, по дорогѣ изъ Дубна въ Луцкъ.

что Половецъ никого нѣтъ, и что ему одному дѣлать нечего, онъ отошелъ спокойно къ брату, куда съѣхались и всѣ ихъ Князья.

Рѣшено было воротиться къ Дубну и ждать помощи отъ Великаго Князя.

Между тѣмъ Юрій заходилъ уже къ Луцку съ другой стороны. Младшіе Князья, узнавъ объ его прибытіи, двинулись туда двумя дорогами.

Приближаясь къ городу, они точно увидѣли стяги своего отца, а дружину городскую, выходящую напастъ на его товары¹. Андрей вздумалъ ударить тотчасъ на Лучань.... братьямъ это было не въ догадъ, даже стягъ его не былъ взволоченъ².... Стремительно бросился онъ, сопровождаемый дружиною, на непріятельскихъ пѣщевъ³ и изломалъ копье въ первомъ супротивнѣ. Пѣщы, не выдержавъ его натиска, оборотились назадъ по гроблѣ къ городу; Андрей въ запальчивости погнался за ними, уже одинъ, безъ дружины, потерявшей его въ схваткѣ изъ виду. Только изъ меньшихъ дѣтскихъ⁴ двое увидѣли издали своего Князя, попадающаго въ бѣду, и поскакали къ нему на помощь, — а онъ уже былъ обступленъ врагами, двумя копьями пораненъ былъ его конь, третье ударилося въ лукъ сѣдельный; одинъ Нѣмчинъ напиралъ на него съ рогатиною.... Тогда только онъ опомнился! Вотъ хочеть мнѣ быть смерть Ярославча⁵, помыслилъ онъ въ сердцѣ, обратился съ молитвою къ мученику Феодору (котораго память въ тотъ день праздновалась), выхватилъ мечъ, и оборонился отъ удара, — все это происходило въ мгновеніе ока, — одинъ изъ дѣтскихъ его уже убить, а онъ какъ-то ловко успѣлъ поворотить коня, и тотъ,

¹ Стягъ назывался товарами. Стягъ — знамя.

² Т. е. знамя его не было поднято и распущено.

³ Пѣщы — пѣшіе воины, пѣхота.

⁴ Дѣтскіе, отроки — младшая дружина.

⁵ Ярославъ Ярополковичъ былъ такъ убитъ подъ Володимиромъ въ 1123 году.

весь истекая кровью, вынесъ его изъ толпы враговъ. Домчавъ до стана, вѣрный конь палъ мертвый отъ ранъ на землю. Отецъ Юрій, дядя Вячеславъ и всѣ братья обрадовались безъ памяти, увидя его живаго, спасшагося чудесно отъ видимой смерти; «мужи отни дали ему похвалу великую, зане мужески сотвори, паче всѣхъ бывшихъ ту.» Андрей велѣлъ погребсти коня своего надъ рѣкою Стыремъ, жалуя его удали.

Андрей смолоду былъ столь же мягкосердеченъ, какъ и мужественъ: когда Изяславъ, послѣ шестинедѣльной осады Луцка, доведенный до крайности, подъ грозою Галицкой помощи Юрью, началъ просить мира, Андрей старался подвигнуть отца къ великодушію, между тѣмъ какъ старшій его братъ Ростиславъ, лично обиженный Изяславомъ, и особенно Юрій Ярославичъ, вслѣски побуждали его къ войнѣ. «Отче господине,» — говорилъ ему Андрей, «милостивый на свой родъ, а болѣе всего на христіанъ, — помани слово писанія: се коль добро и красцо еже жити братіи вкупъ; не слушай Ярославича, примири къ себѣ сыновца¹, не губи своей отчины. Миръ стоитъ до рати, а рать стоитъ до мира.» — Отецъ исполнилъ его просьбу.

Когда, въ слѣдующемъ году, Кіевъ былъ взятъ обратно Изяславомъ, мы видимъ Андрея, помогающаго, по приказанію отца, брату Ростиславу, при нападеніи Изяслава сына Мстислава на Переяславль.

Потомъ, когда Кіевъ опять достался Юрью, вслѣдствіе стѣсненія Изяслава Юрьевымъ сватомъ, Владимиркомъ Галицкимъ, Андрей посыланъ былъ отъ отца въ Переяславль примирить тамъ союзныхъ Половцевъ, которые опустошали страну, не смотря ни на чьи убѣжденія, въ чемъ онъ и успѣлъ и вскорѣ получилъ себѣ новый удѣлъ, — Туровъ, Пинскъ и Пересопницу.

Сюда приходилъ къ нему, какъ прежде къ брату его Глѣбу, «розирая нарядъ его, и какъ городъ стоитъ», неуго-

¹ Т. е. братняго сына — племянника.

миный Изяславъ , но долженъ былъ уйти безъ успѣха , потому что Андрей, осторожные брата, утвердилъ городъ и совокупилъ дружину. Впрочемъ онъ принялъ на себя опять посредничество, и просилъ отца о надѣлень Изяслава , но безъ успѣха.

Тогда Изяславъ обратился, по родству, къ союзникамъ своимъ Венграмъ, собрался съ новыми силами, и взялъ Кіевъ почти изъездомъ, успѣвъ уйти отъ Владимирка Галицкаго и сопутствовавшего ему Андрея.

Юрій не могъ перенести равнодушно своей потери : во что бы то ни стало, ему надо было Кіева , и онъ, въ слѣдующемъ году , сѣдавъ съ своими сыновьями , началъ новую войну, въ коей Андрей долженъ былъ принять, разумѣется, дѣятельное участіе.

Послѣ многихъ движеній и оборотовъ, они явились наконецъ подъ Кіевомъ, и лѣтопись сохранила здѣсь еще черту необыкновенной его, даже въ то бранное время, храбрости.

Долго бившись вмѣстѣ съ племянникомъ Володимиромъ черезъ Лыбедь, Андрей не вытерпѣлъ, переправился черезъ рѣку съ Половцами, и погналъ съ ними ратныхъ (а Володимира, еще отрока, не пустилъ его кормилецъ). Онъ доскакалъ почти до ихъ полковъ, уже одинъ одинехонекъ, и могъ бытъ захваченъ ; на счастье его случился тутъ какой-то Половчинъ, увидѣлъ опасность Андрееву, схватилъ коня его за узду, и отвелъ назадъ «лая» свою братью Половцевъ, которые давно уже оставили Князя. Такъ спасся Андрей въ другой разъ отъ гибели, и возвратился къ своимъ невредимый.

Но тѣмъ не кончились Андреевы подвиги въ этотъ славный для него, трудный и несчастный для отца его, походъ.

Когда они принуждены были отойти отъ Кіева, потомъ отъ Бѣлгорода, и на Перепѣтовомъ полѣ, притѣсненные со всѣхъ сторонъ, должны были принять сраженіе, Андрей, тогда уже старшій между братьями (Ростиславъ не задолго предъ тѣмъ умеръ), былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ ; онъ поспѣвалъ вездѣ : изрядилъ полкъ отца

своего, потомъ отъѣхалъ къ Половцамъ и укрѣпилъ ихъ на брань, потомъ воротился къ своей дружинѣ и ободрилъ ее. Полки между тѣмъ сходились между собою. Андрей, всегда одинаково горячій, былъ впереди. Онъ сѣхался прежде всѣхъ со врагомъ, и изломалъ копье въ первой схваткѣ. Коня его ранили въ ноздри, и страдающее животное начало метаться. Шлемъ упалъ съ головы Андреевой, щитъ былъ сорванъ.... Онъ ничего не замѣчалъ и бился.... Но не смотря на все чудеса его храбрости, Изяславъ, непримиримый врагъ ихъ, столь же мужественный, столь же искусный, побѣдилъ, и старшій Юрій долженъ былъ бѣжать съ своими дѣтьми въ Переяславль. Изяславъ не далъ ему покоя и здѣсь: приступалъ къ городу и требовалъ отъ дяди совершеннаго удаленія въ Суздаль.

Андрей еще прежде выпросился туда у отца: «теперь намъ нечего дѣлать въ Русской землѣ,» говорилъ онъ, «уйдемъ затѣпло.» Отцу не хотѣлось отпустить его, но онъ ушелъ въ свой домъ, Володимиру, отдохнуть послѣ поднятыхъ трудовъ и избѣгнутыхъ опасностей.

Не долго впрочемъ они отдыхали, и на слѣдующій годъ: старикъ, котораго какъ будто тянуло что на Русь, опять пошелъ мѣряться съ своимъ грознымъ врагомъ, сражавшимся уже изъ-за стрія Вячеслава, старшаго брата Юрьева, и тѣмъ снискавшимъ себѣ видъ права. Изяславъ сжегъ послѣднее достоянне Юрьево на Руси, Городецъ Остерскій. «Я отожду ему противу,» грозился Юрій, и повелъ полки съ сыновьями.

Они осадили Черниговъ, гдѣ собрались все союзные противъ нихъ Князья. Черниговцы бились изъ города крѣпко; Князья замѣтили, что ихъ дружины и Половцы слабо противодѣйствуютъ, потому что сами они не тѣдятъ съ своими воями. Андрей вызвался начать первый, и въ слѣдующій день, когда непріятельскіе пѣшцы вышли стрѣляться изъ города, онъ бросился на нихъ съ дружиной и Половцами, однихъ избилъ, другихъ вогналъ въ городъ. Прочіе Князья,

соревнуя ему, стали ѣздить также подъ городъ, и пѣшцы не смѣли болѣе показываться оттуда, запуганные. Впрочемъ Юрій не могъ ничего сдѣлать болѣе, и, услышавъ, что къ осажденнымъ идетъ новая помощь съ самимъ Изяславомъ, долженъ былъ снять осаду, и до заморозовъ спѣшить домой въ ожиданіи новыхъ и лучшихъ обстоятельствъ.

Онъ наступили въ самомъ дѣлѣ, потому что главнаго противника, Изяслава Мстиславича, въ слѣдующемъ году не стало (1184). Мѣсто его занялъ-было на время брать Ростиславъ, все изъ-за старшаго дяди Вячеслава, но сей послѣдній вскорѣ также умеръ; Кіевляне призвали Изяслава Давидовича, но Юрій, старшій теперь въ родѣ, шелъ уже изъ Суздаля со всѣми своими войми и полнымъ правомъ. Ростиславъ, по дорогѣ, предоставилъ ему старейшинство. Давидовичъ не могъ противиться, и старому Князю Суздальскому достался наконецъ возлюбленный ему Кіевъ безъ всякаго прекословія. Онъ сѣлъ на столъ отца своего и дѣда, и роздалъ на Руси удѣлы сыновьямъ: Старшій, Андрей, получилъ отъ него опять Вышгородъ, но остался жить тамъ не долго.

Ему надоели, кажется, эти нескончаемыя, безплодныя войны за Кіевъ; онъ разсчелъ, что его отцу, уже семидесятилѣтнему, не долго оставалось жить на свѣтѣ, а послѣ этой близкой смерти Кіевъ ему достаться никакъ не могъ при такомъ множествѣ соискателей, изъ которыхъ иные имѣли и права гораздо больше, чѣмъ онъ, а именно всѣ старшіе двоюродные братья, не говоря объ Изяславѣ Давидовичѣ, уже сидѣвшемъ на Кіевскомъ престолѣ, и о Святославѣ Ольговичѣ, имѣвшемъ притязаніе даже прежде Изяслава и Юрья. А тѣмъ еще издали глядѣли съ жадностію на Кіевъ ретивые дѣти Изяславовы... Борьба съ ними со всѣми, вмѣстѣ или по одиначкѣ, притомъ безъ права, не предвѣщала вѣрнаго успѣха, а трудовъ множество; въ Суздальскомъ же княжествѣ ожидало его владѣніе обширное, почти безспорное; онъ родился тамъ, или, по крайней мѣрѣ, провелъ лучшіе годы жизни, привыкъ къ землѣ, людямъ

и обычаямъ. Жена его была оттуда родомъ, и предпочитала, разумеется, ту спокойную страну новой, незнакомой, исполненной непрерывныхъ опасностей; ея братья, Кучковичи, близкіе къ Андрею, твердили безпрестанно объ ихъ родинѣ, и убъждали сестру и зятя туда переселиться.

Какъ бы то ни было, Андрей, вскорѣ по водвореніи въ Вышгородъ, рѣшился оставить этотъ удѣлъ, и въ 1155 году, безъ отней воли и даже вѣдома, тайно, ночью, съ женою, дѣтьми и Дворомъ, отправился на нашу далекую, зальскую сторону, взявъ съ собою изъ Руси только древнюю икону Богоматери, икону, которая впоследствии получила такое важное значеніе въ Русской Исторіи, и нынѣ составляетъ первую Московскую святыню, подъ именемъ Владимирской.

Благочестивое преданіе сообщаетъ объ этомъ, важномъ, по своимъ слѣдствіямъ, переселеніи нѣсколько любопытныхъ подробностей....

Случилось Андрею, думавшему уже долго о своемъ отъѣздѣ, разговориться въ искренней бесѣдѣ съ близкими людьми о святыхъ иконахъ, отъ коихъ бывають чудеса — исцѣленія, указанія, пособія, и другія. Бояре сообщили ему, что здѣсь въ Вышгородъ носится слухъ о Греческой иконѣ Божіей Матери, привезенной купцемъ изъ Царяграда, и поставленной Княземъ Юрьемъ въ Дѣвичьемъ монастырѣ, будто она не хочетъ здѣсь оставаться. Крылошае разсказываютъ-де, что они увидѣли ее однажды ставшую среди церкви на воздухъ. Они осмѣлились перенести ее на прежнее мѣсто, и тогда обратилась она лицомъ къ олтарю. Священники отнесли ее въ олтарь и поставили за святою трапезой, но послѣ она явилась опять о себѣ, внѣ трапезы.

Андрей, слыша эти рѣчи, разгорѣлся духомъ, какъ говорить преданіе: ему представилось, кажется, что слугница, покровительница, заступница для задуманнаго имъ дѣла, нашла, — онъ поспѣшилъ въ монастырь: ликъ Святой Дѣвы сіялъ въ его глазахъ паче всѣхъ иконъ. Князь палъ предъ нимъ ницъ и взмолился усердно: «Владычице, аще

кощепи, можешь помощницею быти намъ въ Ростовской землѣ, идѣ же тщимся шествовати, прости руцѣ свои на мольбу сыну своему, сохрани и заступи ны отъ всякаго зла.»

Снарядившись, ночью, путники пришли всѣ въ церковь и отслужили со слезами молебное пѣніе; Князь Андрей взялъ образъ на свои руки, и всѣ, помолясь, отправились въ далекій путь. Крылошане церковные, священникъ Никола и зять его, Нестеръ, слѣдовали за ними.

Многими чудесами ознаменовалось путешествіе святой иконы, предъ которою по всей дорогѣ пѣлись молебны: тамъ, на Лузѣ, Андрей послалъ всадника искать броду, и несчастный вдругъ сталъ невидимъ, въ переполнившейся рѣкѣ. Князь, обвиняя себя въ его гибели, обратился съ молитвою къ Божественной Спутницѣ, и въ то же мгновеніе утопающій всплылъ живой и невредимый; тамъ, на поляхъ Рогожскихъ, взбѣсившійся конь сбиль съ себя служителя, и затопталъ жену священника Николы, которая слезла предъ тѣмъ съ своего воза. Мужъ палъ со слезами передъ иконою, и увѣчная очнулась во здравіи. Наконецъ, не доходя до Володимира, на берегу рѣки Клязьмы, кони, везшіе святую икону, вдругъ остановились. Никакими усилиями нельзя было побудить, чтобъ они двинулись съ мѣста. Перепрягли другихъ, и тѣ стали какъ вкопанные. Князь Андрей уразумѣлъ, что Владычицѣ не угодно шествовать далѣе, остановился на этомъ мѣствѣ, назвалъ его Боголюбимымъ и обѣщавъ построить церковь. Доселѣ преданіе.

Андрей совершилъ благополучно путь и водворился въ Володимиръ. Ему было тогда подъ пятьдесятъ лѣтъ. У него было нѣсколько дѣтей — два взрослыхъ сына и дочь. Отецъ оставилъ его, кажется, въ покоѣ. Хотя старику тяжело было лищиться такой твердой опоры, но подлѣ него оставалось еще много доблестныхъ сыновей.... Онъ впрочемъ не долго прожилъ въ Кіевѣ безъ Андрея, и чрезъ два года скончался, накануне новой опасности, когда новый врагъ стоялъ уже передъ Кіевскими воротами (1187). Андрей сотворилъ по немъ великую память.

Ростовцы и Суздальцы посадили Андрея на отнемъ столъ въ Ростовъ и Суздали, «занеже», сказано въ летописи, «бѣ любимъ всеми за премногую его добродѣтель, юже имъваше къ Богу и ко всемъ сущимъ подъ нимъ». А впрочемъ эти княжества, по завѣщанію Юрья, должны были принадлежать меньшимъ его дѣтямъ. Сихъ послѣднихъ Андрей вскорѣ выгналъ, вмѣстѣ съ мачихой, второю женой Долгорукаго, и передними мужами отцовскими, «желая быть самовластецъ всей земли», а можетъ быть вмѣстѣ и въ исполненіе воли избравшихъ его городовъ. Княгиня, Гречанка родомъ, отправилась въ родной свой городъ Константинополь, и сынъ ея, Василько, получилъ себя въ удѣлъ отъ Императора четыре города по Дунаю.

Десять лѣтъ прожилъ Андрей спокойно въ своемъ княжествѣ, приводя въ порядокъ хозяйскія дѣла, ладясь съ сосѣдями, укрѣпляя силы для будущихъ дѣйствій, строя церкви и украшая зданіями столичный свой городъ.

Въ 1158 г. заложилъ онъ въ Володимирѣ церковь Успенія Божіей Матери обѣ единомъ верхъ, и далъ ей много имѣнія, слободы купленные съ даньми, лучшія села, десятину въ стадахъ своихъ и десятый торгъ. Черезъ два года она была совершена. Андрей украсилъ ее дивно много-различными иконами, сосудами и драгими камнями, а верхъ ея позлатилъ. Изъ всѣхъ земель, сказано въ летописи, по вѣрѣ его и по тщанію къ Святой Богородицѣ, пришли къ нему мастера и украсили ее паче всѣхъ церквей. Черезъ годъ она была расписана. На икону Покровительницы своей онъ всковалъ болѣе 30 гривенъ или фунтовъ золота, кромѣ серебра, великаго жемчуга и камня дорогаго, и поставилъ ее въ новозданномъ храмѣ.

Въ 1164 году соорудилъ онъ церковь на Золотыхъ воротахъ, построенныхъ имъ по образцу и въ воспоминаніе о Ярославовыхъ Золотыхъ воротахъ въ Кіевѣ.

Онъ также окончилъ церковь Святаго Спаса, начатую его отцемъ, и нѣсколько монастырей.

Городъ Володимиръ заложилъ болѣе прежняго.

Десятилѣтнее спокойное княженіе его въ Володимирѣ было возмущено только ересью Леонтыя, Епископа, котораго изгналъ онъ прежде вмѣстѣ съ братьями, а потомъ принялъ въ Ростовѣ, вмѣсто Суздаля: Леонтій началъ за-прещать скоромное въ господскіе праздники, даже въ Рождество и Крещеніе, коли они придутся въ среду или пятницу. Великій Князь просилъ у него разрѣшенія на мясо отъ Воскресенія до недѣли Всѣхъ Святыхъ. Епископъ дозволялъ только на Святой недѣлѣ. Прозошла великая тяжба между духовными передъ Княземъ и всѣми людьми. Суздальскій Епископъ Феодоръ доказывалъ Леонтію неосновательность его заповѣди, но тотъ не хотѣлъ слушать и уѣхалъ за рѣшеніемъ въ Царьградъ. На Дунаѣ, въ ставкѣ Императора Мануила, въ присутствіи пословъ Суздальскаго, Черниговскаго, Переяславскаго, Кіевскаго, рѣшено было, къ удовольствію Князя Андрея, Болгарскимъ святителемъ Адрианомъ, это важное преніе, растревожившее весь Русскій православный міръ. Леонтій однако не былъ убѣжденъ, и противорѣчалъ столь дерзко, что вельможи Греческіе хотѣли утопить его въ Дунаѣ (1164).

Другой Ростовскій Епископъ Феодоръ ослушался послѣ Андрея, не хотѣвъ ѣхать въ Кіевъ ставиться. Лѣтописи рассказываютъ ужасы объ его жестокостяхъ: много пострадали люди, говорятъ онъ, въ его держаніе, не только простцы, но даже монахи, игумены, священники: онъ брилъ имъ головы и бороды, выжигалъ глаза, вырѣзывалъ языки, распиналъ по стѣнѣ, заточалъ, предавалъ работѣ и мучилъ немилостивно, хотя восхитити отъ всѣхъ имѣнія, несытій какъ адъ. Въ отвѣтъ на увѣщанія Князя, онъ затворилъ всѣ церкви въ Володимирѣ и ключи взялъ къ себѣ, такъ что не было нигдѣ ни звона, ни пѣнія, даже у самой Богородицы Володимирской. Князь, вышедъ изъ терпѣнія, послалъ Феодора судиться къ Митрополиту Константину въ Кіевъ. Тотъ обвинилъ его всѣми винами, велѣлъ отвести на Песій островъ, гдѣ отсѣкли ему правую руку, вырѣзали языкъ и вынули очи, зане хулу измолви на Святую Богородицу (1164).

Изъ внѣшнихъ дѣйствій Андреевыхъ во все это время примѣчательна только война противъ Волжскихъ Болгаръ, сильныхъ и богатыхъ его сосѣдей съ юго-восточной стороны (1164). Желая ли обезопасить себя съ ихъ границы и внушить страхъ отъ Русскаго имени, которое здѣсь давно не было слышно, или вслѣдствіе какой-нибудь распри и за добычею, Андрей, съ сыномъ Изяславомъ и Муромскимъ Княземъ, взявъ съ собою чудотворный образъ, отправился за Оку и Волгу. Передъ сраженіемъ онъ приобщился Святыхъ Таинъ и обратился съ молитвою къ своей Божественной Помощницѣ. Вслѣдъ за Княземъ, всѣ воины ударили челомъ передъ иконою, и облобызавъ ее, пошли смѣло противъ враговъ. Болгаре были разбиты, и Великій Князь Андрей съ конниками преслѣдовалъ ихъ далеко. Пышцы остались на полчищъ подъ знаменами, около Божіей Матери. Князья, воротясь, пали ницъ предъ нею, хвалу воздаю со слезами и радостию великою. Андрей взялъ еще три города и наконецъ столицу Болгарскую, на берегахъ Волги, знаменитый Бряхимовъ, котораго обширныя развалины мы видимъ теперь въ верстахъ уже двадцати отъ рѣки. Съ богатой добычей и славою возвратился Великій Князь Суздальскій въ отчизну, и устроилъ праздновать своей Покровительницѣ, въ благодарное воспоминаніе о счастливомъ походѣ, 1 Августа, что совершается православною Церковію и до сихъ поръ.

Въ дѣлахъ собственной Руси Андрей не принималъ во все это время никакого участія, если только мы исключимъ малую помощь, посланную имъ въ 1160. году, съ сыномъ Изяславомъ, по просьбѣ союзника его Изяслава Давидовича, для его племянника, Князя Вщижскаго, Святослава Володимеровича, за котораго выдалъ дочь свою. Но онъ готовился къ дѣйствіямъ.

Сосѣдніе Князья, Рязанскіе, Муромскіе, Смоленскіе, Полоцкіе, такъ или иначе, признали надъ собою волю Андрееву, и во всѣхъ слѣдующихъ его предпріятіяхъ находились въ числѣ его воевъ.

Первымъ предметомъ его замысловъ былъ Новгородъ , богатое и сильное , не подверженное раздѣленію и междоусобіямъ , цвѣтущее торговлею , княжество , съ котораго не спускалъ онъ глазъ съ самаго своего водворенія въ Володимирь.

Андрей тогда еще (1160) послалъ сказать Новгородцамъ : «вѣдомо вамъ буди , что я хочу искать Новгорода добромъ и лихомъ ; цѣлуйте мнѣ крестъ на томъ , чтобъ имѣть мене отцомъ себѣ , а мнѣ желать вамъ добра.» Съ техъ поръ , замѣчаетъ летописецъ , начали Новгородцы «мястися и часто творить вѣча.» Почуяло ихъ сердце , что заходить на нихъ отъ близкаго Володимира туча , какой не видывали они еще отъ Кіевской далекой Руси , и что придется имъ когда-то потерять свою дорогую волюшку. Андрей , сказавъ это слово , ступилъ первый шагъ къ Новгороду , проложилъ дорогу , по которой пошли неукоснительно его преемники , Князья Володимирскіе , а еще шибче Московскіе , и съ котораго Ивану Третьему досталось ступить только одинъ шагъ , уже послѣдній , до Святой Софіи. Но мы на прежнее возвратимся.

Въ слѣдующемъ году , чтобъ умиловить Андрея , Новгородцы прислали просить у него сына. Сына онъ по чему-то не давалъ , а предлагалъ брата , отъ котораго тѣ отказывались , ибо онъ княжилъ уже у нихъ и не угодилъ имъ ; тогда онъ далъ племянника Мстислава Ростиславича , разумѣется , на условіяхъ , на какихъ хотѣлъ , или , какъ говорилось тогда , на всей волѣ своей (1160)

Но вскорѣ перемѣнилъ свое рѣшеніе , и вывелъ племянника изъ Новгорода , урядясь съ старшимъ своимъ двоюроднымъ братомъ , Великимъ Княземъ Кіевскимъ , Ростиславомъ Мстиславичемъ , который прислалъ туда сына своего Святослава , не безъ особливыхъ выгодъ для Андрея , уступая ему , кажется , Двинскую дань (1161).

Святославъ жилъ у нихъ долго , но наконецъ они разсорились , и Новгородцы , по старой привычкѣ , указали ему путь отъ себя , поцѣловавъ Святую Богородицу , «яко

не хотѣти его.» Андрей заступился за Святослава, какъ за своего подручника, и отправилъ къ нему помочь на Волгу, куда тотъ удался. Выгнанный Князь сожегъ Новый Торгъ, а прочіе союзники, Смольняне и Полочане, по волю Князя Андрея, Великіе Луки. Они ходили-было къ Русь, но не дошедши, воротились, какъ услышали о приготовленной встрѣчѣ (1167). Новгородцы избрали къ себѣ на столъ сына Великаго Князя Кіевскаго Мстислава Изяславича, Романа, союзники перехватили пословъ, и заняли весь пути, чтобъ до него не могло дойти никакой вѣсти о происходившемъ. Андрей, «силою мѣстаче»¹ своего подручника, говорилъ Новгородцамъ: нѣтъ вамъ другаго Князя, кромѣ Святослава. Новгородцы, не привыкшіе къ такому языку, возмущались, убили Посадника и другихъ чиновниковъ, державшихъ перевѣтъ къ изгнанному Князю, и наставляли на своемъ выборѣ. Новые послы, съ Даньславомъ Лазутиничемъ, успѣли пробраться окольными дорогами, мимо всѣхъ засадъ, въ Кіевъ, и привезли наконецъ Князя, котораго Новгородцы ожидали отъ Семена дня до Велика, сидя объ одномъ Посадникѣ Якунѣ (1168). Новгородцы обрадовались своему хотѣнію, — но вознегодовалъ на нихъ Андрей за упорство и ослушаніе, вознегодовалъ еще болѣе на Кіевскаго Мстислава, какъ тотъ осмѣялся, вопреки ему, дать сына строптивому городу.

Онъ рѣшился наказать и Мстислава и Новгородъ, и начать съ перваго, котораго не любилъ издавна. Ему досадно было, что этотъ младшій Князь, хотя и по условію съ старшими, занялъ великое княжество Кіевское, къ коему самъ онъ, Андрей, по праву былъ ближе сына Изяслава. Прочіе Русскіе Князья также завидовали ему, начали снашивать рвчьи на него съ Андреемъ, и утвердились крестомъ между собою.

Многочисленная рать собралась по зову Андрееву. Къ полкамъ Ростовскимъ, Суздальскимъ, Володимирскимъ, съ

¹ Т. е. насилью помѣщая — на столъ Новгородскій.

старшимъ сыномъ его Мстиславомъ, присоединились Романъ изъ Смоленска, Глебъ изъ Переяслава, Олегъ Святославичъ и братъ его Игорь Черниговскіе, Володимиръ изъ Дорогобужа, Рюрикъ изъ Вручаго, Давидъ изъ Вышгорода, братъ его Мстиславъ, братъ Андреевъ Всеволодъ Георгіевичъ, племянникъ Мстиславъ Ростиславичъ, всего 11 Князей. Главнымъ воеводою посланъ былъ Борисъ Жидиславичъ. Самъ Андрей не пошелъ, увѣренный, что дѣло обойдется успешно и безъ него.

Всѣ полки снялись въ Вышгородъ, и на второй недѣль поста оступили Кіевъ. Мстиславъ затворился и бился крѣпко изъ города. Помощниковъ у него не было никого, кромѣ Торковъ и Берендѣевъ, и тѣ льстили подъ нимъ. Три дня приступали полки, и собственная дружина его ослабѣла. «Что, Князь, стоишь? говорила ему, намъ ихъ не перемочи». Мстиславъ не могъ противиться долѣе: съ четвертаго приступа городъ былъ взятъ, и Мстиславъ, прискорбный, долженъ былъ оставить Кіевъ. Бастыева чадь потѣналась къ Василеву, стрѣляя въ плеча ему, и захватила много отъ его дружины: Дмитра хоробраго, Олекса дворскаго, Сбыслава Жирославича, Ивана Творинирича, Рода, тїуна его, и многихъ другихъ. За Уновью Мстиславъ соединился съ братомъ Ярославомъ, и оба поспѣшили въ Володимиръ, а жена его и дѣти достались въ плѣнь побѣдителямъ.

Кіевъ былъ взятъ въ Мартъ, на второй недѣль поста (1169). Сборная рать бросилась грабить по горѣ и подолью, Суздальцы, Смольяне, Черниговцы и Олегава дружина хватала ризы, иконы, книги, колокола изъ Деслтинной церкви, отъ Святой Софїи. Дома, церкви и монастыри загорѣлись. Въ монастырь Печерскомъ показался-было огонь, но пожаръ былъ потушенъ. «И бысть въ Кіевѣ,» говоритъ тамошній лѣтописецъ, «стенавіе и туга и скорбь неутишимая и слезы непрестанныя. Сїя же вся содѣяшася грѣхъ ради нашихъ.» А Суздальскій лѣтописецъ почитаетъ это бѣдствіе наказаніемъ за Митрополичью неправду. Какая же была эта неправда? Митрополитъ не задолго предъ тѣмъ запретилъ

Печерскаго игумена Поликарпа, не веля ему ѣсть молока и мяса въ господскіе праздники, что казалось страшнымъ грѣхомъ, привлечшимъ обще тяжелое наказаніе.

Мстиславъ, разумется, по мысли и волѣ своего отца, посадилъ въ Кіевъ дядю Глѣба Юрьевича; никто не смѣлъ противиться, хотя и были еще двое старшихъ двоюродныхъ братьевъ. Слабые, они радовались, что по крайней мѣрѣ у Мстислава Кіевъ былъ отнятъ. Сынъ Андреевъ возвратился въ Володимиръ съ честію и славою великою.

Отецъ его былъ очень доволенъ, исполнивъ свое желаніе — наказать примѣрно ослушника и принять въ свое распоряженіе древнюю Русскую столицу. Братъ ее себѣ онъ не думалъ, утвердя мѣстопробываніе навсегда въ любимомъ ему Володимирѣ.

Теперь чередъ дошелъ до Новгорода. Лѣтописатели раздѣляютъ негодованіе Андреево: имъ всемъ было какъ будто оскорбительно, зачѣмъ Новгородцы живутъ не какъ прочіе, и могутъ распоряжаться въ своихъ Князяхъ по произволенію. «Нельзя,» говорятъ, «оправдывать Новгородцевъ тѣмъ, что они освобождены правдами Князей нашихъ. Пусть это такъ, но развѣ передніе Князи велики имъ преступать крестъ и соромлять своихъ внуковъ или правнуковъ, цѣловать имъ крестъ и послѣ взмѣнять присягъ? Злое невѣрствіе въ нихъ вкоренилось. До которыхъ поръ Богу терпѣть надъ ними! Вотъ и навелъ онъ наказаніе на нихъ рукою благоговѣрнаго Князя Андрея.»

Новгородцы между тѣмъ успѣли сходить съ молодымъ своимъ Княземъ на волости союзниковъ Андрея, Полоцкія и Смоленскія, пожгли и пополонили ихъ. Давникъ ихъ, Даньславъ Лазутиничъ, тотъ, который ходилъ въ Кіевъ за Романомъ, посланъ былъ съ дружиною, по сту мужей отъ конца, за Волокъ собирать дань съ Двинской области, предавшейся Андрею, и разбилъ Суздальскій полкъ, чтоъ высланъ былъ къ нему на встрѣчу, взялъ всю дань, а съ Суздальскихъ смердовъ другую.

Новыя причины къ прогнѣвленію Андрея, который не любилъ спускать обидъ. Давно уже онъ кликнулъ кличь, и собрались у него полки Ростовскіе, Суздальскіе и Володимирскіе; Князь Рязанскій прислалъ къ нему сына съ полкомъ; Князь Муромскій прислалъ сына съ полкомъ. «Толико бысть мвожество вой,» говоритъ лѣтописецъ, «что и числа ихъ нѣтуть.» Авдрей поручилъ ихъ опять сыну своему Мстиславу, побѣдителю Кіева, и главнымъ воеводою назначилъ прежняго, Бориса Жидиславича.

Лишь только вступила рать въ предѣлы Новгородскіе, какъ и начала предавать все огню и мечу; жгли села, убивали людей, полонили женъ и дѣтей, похищали имѣніе. На пространствѣ трехъсотъ верстъ все было разорено и опустошено.

Новгородцы рѣшили у себя защищаться. Молодой ихъ Князь, тотъ славный Романъ, чтѣ покорить впоследствии всю Вольню и весь Галичь, приведетъ въ ужасъ Литву, запрягши ее въ плугъ, и распространить свои владѣнія за Дунай и Карпаты, тогда еще юноша, у котораго, разумется, билось еще сердце на подвигъ и рука рвалась на ударъ, ободрялъ ихъ къ сопротивленію. Ему уже хотѣлось попытать своей силы, потѣшиться въ битвѣ, помѣряться съ могучимъ противникомъ.

Бивъ съ Посадникомъ Якуномъ, такимъ же удалымъ молодцемъ, принялись они твердить городъ, устраивать острогъ, укрѣплять ворота, разставлять сторожей, рядить ратныхъ людей, въ ожиданіи непріятелей.

И вотъ они явились. Начались приступы. Суздальцы, увѣренные въ побѣду, подвѣляли уже въ умѣ между собою Новгородскія улицы. Три дня возобновлялись сѣчи. Романъ отражалъ успѣшно всѣ нападенія, однако силы его начали ослабѣвать, число воиновъ уменьшалось; враги напирали плотнѣе и плотнѣе, казалось, что городу нельзя будетъ держаться долго.

Но у Новгородцевъ былъ еще иной защитникъ, иной воетель. Это Архіепископъ Іоаннъ, мужъ праведный, который славился въ народѣ многими великими подвигами веры. Между тѣмъ какъ его соотечественники бились, проливали

кровь и принимали смерть за Святую Софію, Іоаннъ молился, молился дивно и ношно. Вдругъ на молитвѣ, въ тишинѣ, ночью, послышался ему голосъ: иди въ церковь на Ильинѣ улицѣ, возьми образъ Божіей Матери, поставь его на забралѣ города, и вы узрите спасеніе.

Поутру онъ повѣдалъ людямъ о полученномъ свыше откровеніи. Всѣ исполнились радости и надежды, одушевились вѣрою, пошли соборомъ на Ильинну улицу. Митрополитъ совершилъ молебное пѣніе передъ святою иконою. Потомъ повергнулся передъ нею на колѣни, и, плачущій, рыдающій, проѣзнь моливу: «о Пречистая Мати! Ты упованіе наше! Грѣшныя, мы молимся Тебѣ со слезами — не предай насъ!» Съ сими словами онъ взялъ ее на руки; казалось, она сама о себѣ подвигнулась. Народъ въ умиленіи, въ восторгѣ, не могъ выговорить ни слова, и только восклицалъ: Господи помилуй! Архіепископъ передалъ икону двумъ діаконамъ, и торжественнымъ ходомъ, со всемъ духовенствомъ, подъ вѣлніемъ хорутвей, въ сопровожденіи народа, отнесли ее къ укрѣпленіямъ, и поставили на стѣнѣ. Битва отчаянная тамъ кипѣла. Стрѣлы, какъ дождь, сыпались за стѣны. Вдругъ одна ударилась въ икону, и икона, рассказываютъ, оборотилась къ городу. Слезы потекли изъ очей Божіей Матери, кои Архіепископъ принялъ на свой фелонь. Новгородцы получили «якобы нѣкую силу дерзости;» въ то же время туманъ покрылъ Суздальцевъ: они, не видя, начали убивать другъ друга. Новгородцы бросились изъ укрѣпленій и довершили пораженіе. Вся осаждающая рать предалась поспѣшному бѣгству (1170).

Какъ бы то ни было, Суздальцы не взяли города и принуждены были бѣжать. Множество попало ихъ въ плѣнъ, такъ что продавались они въ Новѣгородъ по двѣ ногаты¹. Остальные возвращались по мѣстамъ разореннымъ, терпѣли ужасный недостатокъ въ продовольствіи: иные умирали съ голода, другіе въ великій постъ ѣли конское мясо.

¹ Съ небольшимъ пятнадцать коп. сереб.

Новгородцы приписали свое спасеніе отъ такой многочисленной рати заступленію Пресвятыя Богородицы, и въ изъявленіе своей благодарности, положили праздновать ежегодно 27 Ноября ея честному Знаменію, что послѣ исполнялось ими вмѣстѣ уже со всею православною Церковію, — однакожь долго кромѣ Суздаля!

Андрей не достигъ своей цѣли, рать его была разбита, онъ, казалось, долженъ былъ уступить, — нѣтъ, побѣжденный, онъ все-таки остался побѣдителемъ, и уступили Новгородцы, а не онъ. Сила его не зависѣла уже отъ случайностей: Новгородцы вскорѣ должны были указать путь отъ себя храброму своему защитнику, Князю Роману, и прислали къ Андрею просить его о мирѣ и Князь. Ужасная дороговъ возникла у нихъ вслѣдствіе разоренія, недостатка въ подвозѣ изъ сосѣднихъ, Андрею подчиненныхъ областей, или неурожая: кадъ ржи продавалась почти по 4 гривны, хлѣбъ по двѣ ногаты, а пудъ меду по 10 кунъ¹.

Андрей, довольный ихъ покорностію, далъ имъ Рюрика, брата умершему между тѣмъ Святославу Ростиславичу, за котораго онъ началъ войну.

Андрей посылалъ тогда еще рать на Болгарь съ сыномъ Мстиславомъ и воеводою Борисомъ Жидиславичемъ, державшимъ весь нарядъ. Рязанскій и Муромскій Князья выставили также полки съ своими сыновьями. Всѣмъ же любъ былъ походъ: зимою воевать Болгарь непогодѣ, но хотя-вѣхотя всѣ пошли въ исполненіе воли Андреевой. Князья соединились на устьѣ Оки, постояли двѣ недѣли, и не дождавшись всѣхъ воевъ, пустились впередъ съ переднею дружиною. Они напали на Болгарь врасплохъ, взяли шесть селъ, седьмой городъ, извѣкли мужей, полонили женъ и дѣтей, и отправились съ богатою добычею назадъ. Болгаре опомнились, что ихъ было мало, пустились-было

¹ Кадъ = 4 четверти. Гривна = 1½ руб. сер. Ногата = около осьми к. сер. Куна = съ небольшимъ 5 к. сер. См. Кар. III, пр. 8.

въ 6 тысячахъ въ погоню, но не догнали двадцати верстъ: Мстиславъ, отпустившій впередъ дружину, былъ уже на устьѣ, и могъ свободно убраться во свояси (1172). Онъ вскорѣ умеръ въ Володимирѣ.

Между тѣмъ не стало въ Кіевѣ брата Андреева, Гльба (1172). Ростиславичи, княжившіе въ городахъ окружныхъ, соблюдая свои выгоды, осмѣлились безъ вѣдома Андреева призвать на великое княженіе — Владимира Мстиславича, изъ Дорогобужа, дѣйствительно старшаго изъ потомковъ Мономаховыхъ. Андрей приказалъ Владимиру идти вонъ изъ Кіева назадъ въ Дорогобужъ, а Роману приказалъ идти изъ Смоленска въ Кіевъ, пославъ сказать Ростиславичамъ: «вы нарекли меня отцемъ, и я хочу вамъ добра; я даю Кіевъ вашему брату Роману.» Романъ Смоленскій, по слову Андрееву, пришелъ въ Кіевъ, а Владимиръ между тѣмъ умеръ (1172).

Новгородцы, прогнавшіе своего Рюрика, который началъ было дѣйствовать несогласно съ Андреемъ, отнявъ посадничество отъ преданнаго ему Жирослава, просили опять себя Князя у него. Андрей прислалъ сперва посадничать того же Жирослава, прибѣжавшаго отъ Рюрика подъ его покровительство, а потомъ далъ сына своего меньшаго, Георгія (1172). Новгородцы слушались его во всемъ, и самъ Архіепископъ Іоаннъ, который столько прославился во время послѣдней осады города, приходилъ къ нему Владимиру на всю правду.

Но вдругъ одинъ нечаянный слухъ нарушилъ его спокойствіе: ему сказали, что братъ его Гльбъ въ Кіевѣ умеръ не своею, а насильственной смертью, изведенный такими-то Кіевскими боярами, и онъ потребовалъ ихъ у Ростиславичей: «выдайте мнѣ Григоря Хотовича, Степанца и Олексу Святославца, — это враги всѣмъ намъ.» Ростиславичи не хотѣли ихъ выдать, и отпустили Григоря отъ себя. Разсерженный Андрей прислалъ сказать Роману: «ты не ходишь въ моей волѣ съ братьею своею — иди же изъ Кіева, а Давидъ изъ Вышгорода, Мстиславъ изъ Бѣлгорода. Сту-

пайте въ Смоленскъ и тамъ дѣлитесь между собою. Кіевъ я отдаю брату Михалку.»

Такъ былъ силенъ Андрей, что одного своего слова онъ считалъ достаточнымъ, дабы выслать многихъ Князей изъ ихъ княжествъ, и произвести совершенно новое между ними размѣщеніе.

И этого слова было въ самомъ дѣлѣ достаточно: Романъ, услышавъ его, собрался и безпрекословно выѣхалъ изъ Кіева, а Рюрикъ, Давидъ и Мстиславъ огорчились, и рѣшились попытаться, не успѣютъ ли перемѣнить гнѣва на милость. Они послали сказать Андрею: «братъ! правда, мы нарекли тебя отцомъ своимъ, цѣловали крестъ тебѣ, и стоимъ въ крестномъ цѣлованіи, хотяче добра тебѣ, а ты брата нашего Романа вывелъ изъ Кіева, и намъ кажешь путь изъ Русской земли, безъ всякой со стороны нашей вины. Но Богъ и сила крестная надъ всеми!»

Андрей не давалъ имъ никакого отвѣта.

Между тѣмъ Михалко, которому онъ назначилъ Кіевъ, не пожелалъ переезжать туда, а послалъ меньшаго брата Всеволода съ племянникомъ Ярополкомъ.

Ростиславичи, видя, что имъ отъ Андрея надѣяться нечего, сгадавше, напали ночью на Кіевъ изъѣздомъ, захватили Всеволода и его племянника, всѣхъ бояръ, и отдали Кіевъ брату Рюрику, уговорясь съ Михалкомъ.

Ольговичи Черниговскіе, не терпѣвшіе Ростиславичей, рады были этому случаю, и послали своихъ мужей къ Андрею, поводяче его на ослушниковъ: «кто тебѣ ворогъ», говорили они, «тотъ и намъ ворогъ; мы готовы съ тобою.»

Андрей уже и самъ «разжегся гнѣвомъ», и послалъ Михна мечника съ новымъ приказомъ въ Кіевъ: «поѣзжай къ Ростиславичамъ, и скажи Рюрику, пусть онъ идетъ въ Смоленскъ къ брату въ свою отчину; Давиду скажи: пусть идетъ въ Берладъ; а Мстиславу скажи: все отъ него, я не вѣдоу ему быть въ Русской землѣ!»

Мстиславъ , навыкшій отъ юности не бояться никого , кромѣ Бога , какъ говоритъ лѣтописецъ , выслушавъ этотъ грозный приказъ , велѣлъ передъ собою остричь голову и бороду Андрееву послу. «Иди же теперь къ своему Князю,» сказалъ онъ, «и донеси ему: мы считали его до сихъ поръ отцемъ себѣ, по любви; но если онъ прислалъ тебя съ такими рѣчьми ко мнѣ, не какъ Князю, а какъ подручнику и простому челоувьку, то я не хочу знать его. Чтѣ умыслилъ онъ, пусть и дѣлаетъ тѣ, а Богъ за всѣмъ!»

Обруганный, обезчещенный, посолъ явился во Владимиръ. Когда Андрей увидѣлъ его въ такомъ положеніи, остриженнаго, безъ бороды, «образъ лица его потускивлъ», говоритъ лѣтописецъ, «и взострился на рать, и бысть готовъ».

Всѣ вои собралися на его зовъ: и Ростовцы, и Суздальцы, и Владимирцы, Переяславцы, Бѣлозерцы, Муромцы, Рязанцы. Сами Новгородцы пришли съ юнымъ сыномъ его Георгіемъ. Рать поручилъ Андрей опять испытанному воеводѣ Борису Жидиславичу, и велѣлъ ему — Рюрика и Давида выгнать изъ своей отчины, «а Мстислава, взявши, не троньте, и приведите ко мнѣ.»

Лѣтописецъ, передавая эти слова, самъ, кажется, вострепеталъ, и такъ при нихъ разсуждаетъ: «Андрей Князь, толикъ умникъ сы во всихъ дѣлѣхъ, добль сы, и погуби смьслъ свой невоздержаніемъ, распалѣвся гнѣвомъ, такова убо слова похвальна испусти!»

Когда ополченіе проходило мимо Смоленска, Князь Романъ выслалъ сына съ своими полками, принужденный идти противъ родныхъ братьевъ, страха ради Андреева.

Потомъ, по дорогъ, получивъ приказъ, присоединились Князья Полоцкіе, Пинскій, Туровскій, Городенскій; потомъ Ольговичи съ полками Черниговскимъ и Новгородъ-Сѣверскимъ; наконецъ братья Андреевы, Михалко и Всеволодъ, предъ тѣмъ выпущенные изъ плѣна, племянники Ярополкъ и Мстиславъ Ростиславичи, Володимиръ Глѣбовичъ Переяславскій.

Всѣ Князья и вои остановились у Князя Черниговскаго Святослава Всеволодовича, по указу Андрееву, для совѣщанія, и потомъ пошли на Кіевъ.

Кіевъ былъ уже пустъ: Ростиславичи оставили его и разъѣхались по своимъ городамъ: Рюрикъ затворился въ Бѣль-городъ, Мстиславъ въ Вышгородъ, а Давидъ уѣхалъ въ Галичь, просить помощи у родственнаго имъ Ярослава.

Князья, занявъ оставленный Кіевъ, поспѣшили къ Вышгороду, гдѣ засѣлъ главный противникъ Андреевъ, Мстиславъ, котораго должно имъ было представить живаго Суздальскому Великому Князю.

Святославъ Всеволодовичъ Черниговскій, старшій между всеми Князьями, которыхъ числомъ было двадцать, отрядилъ впередъ Всеволода Юрьевича и Игоря съ молодыми Князьями. Мстиславъ не унывалъ. Увидя подходящую рать, изрядилъ полки свои, и вышелъ къ ней встрѣчу на болоньѣ. Полки тѣ и другіе ждали боя. Стрѣльцы спшиблись и начали стрѣляться, гоняясь между собою. Примѣтивъ замѣшательство между своими, Мстиславъ подскочилъ къ дружинѣ и воскликнулъ: «братья, ударимъ, надѣясь на помощь Божью и святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба!» Противники стояли на три полка: Новгородцы и Суздальцы, а по срединѣ Всеволодъ Юрьевичъ. Мстиславъ бросился на средину и потопталъ ее; а дружина Мстислава, увидя, что онъ вмалѣ, окружили его, и все перемѣшалось. «И было ужасное смятеніе», говоритъ лѣтописецъ «и стонъ, и крикъ, и голоса незнаемые, ломъ копійный и стукъ оружиный; отъ множества праха не видать ни конниковъ, ни пѣшцевъ.» Крѣпко бились враги и разошлись къ ночи; впрочемъ убитыхъ, къ удивленію, оказалось не много, а больше раненыхъ. Таковъ былъ бой перваго дня на болоньѣ у Мстислава, съ Всеволодомъ, Игоремъ и другими молодыми Князьями. А на завтра пришли всѣ силы, окружили городъ, и начали приступать ежедневно; изъ города также выбѣгали биться часто. Мстиславъ держался. Много было въ его дружинѣ раненыхъ и смертныхъ добрыхъ мужей, но онъ не думалъ сдаваться. Девять недѣль продолжалась осада.

На десятой недѣлѣ приходитъ на Ростиславичей же Ярославъ Изяславичъ Луцкій со всею Волынской землею, но вмѣстѣ требуетъ себя старейшинства предъ Ольговичами, которымъ Андрей предоставлялъ Кіевъ. Ольговичи не уступаютъ ему Кіева, и своенравный Ярославъ вступаетъ въ переговоры съ Ростиславичами, урывается о Кіевъ, и переходитъ на ихъ сторону.

Между осаждающими разнесся слухъ, что Галичане идутъ еще на помощь къ Ростиславичамъ, и что Черные Клобуки готовы перейти на ихъ сторону.

Какъ бы то ни было, по справедливой или мнимой причинѣ, полки Черниговскіе устрашились, и не дождавшись свѣта, бросились черезъ Днѣпръ въ великомъ смятеніи, такъ что и удерживать ихъ никому было невозможно, и множество потонуло въ рѣкѣ. За ними послѣдовала и осталная рать Суздальская. Мстиславъ, увидѣвъ такое внезапное бѣгство, никому не гонящу, вывхалъ изъ города съ дружиною, ударилъ на станъ, и взялъ множество колодниковъ.

Много пота утеръ онъ и много мужества показалъ онъ съ своею дружиною, за то и наградилъ его Богъ побѣдою, паче всякаго чаянія.

Вся сила Андреева со стыдомъ возвратилась въ Володимиръ. Тяжело было Великому Князю, на старости лѣтъ, потерпѣть такое униженіе, — но Ростиславичи, — кто бы подумалъ, — чувствуя его силу, видя, что Кіева, переходившаго послѣ изъ рукъ въ руки, отъ Ярослава Луцкаго къ Святославу Черниговскому, получить они не могутъ безъ воли и помощи Андреевой, смирились передъ нимъ, и послали къ нему, съ повинной головою, просить стольнаго города Русскаго брату ихъ Роману.

Андрей отвѣчалъ: «подождите, я послалъ къ братьямъ въ Ярославль. Когда будетъ вѣсть отъ нихъ, я дамъ отвѣтъ.»

Андрей разсуждалъ съ собою, простить ли Ростиславичей, или наказать ихъ и послать на нихъ новую рать, разсуждалъ, чего требовать отъ нихъ, или кому отдать Кіевъ, —

онъ разсуждалъ, а между тѣмъ дни, или лучше, часы его были изочтены, и въ темнотѣ ночной точилося уже то острее, конимъ пресвѣтится завтра нить его жизни.

Старый Князь разсердился за что-то на одного изъ Кучковичей, своихъ шурьевъ, которые находились всегда при немъ со времени его женитьбы, провожали его въ Кіевъ, уговорили переселиться отсюда въ Суздальскія области, и пользовались особенною его милостью. Онъ велѣлъ взять виноватаго и казнить. Братъ его Якимъ, услышавъ о такомъ приказѣ, передалъ его своимъ роднымъ, и всѣ вспыхнули злобою. Въ пятницу, наканунѣ Петра и Павла, послѣ обѣдни собрались они у Петра, Кучкова зятя, зазвавъ къ себѣ и другихъ слугъ княжескихъ — Анбала ключника, Ефрема Монзовича, и прочихъ, человекъ двадцать. Якимъ началъ: «нельзя намъ стерпеть этого: Князь казнить нынче одного, а завтра доберется пожалуй и до насъ. Добра ждать нечего. Надо же подумать о себѣ....» Всѣ согласились съ нимъ, и, ни сколько не откладывая, рѣшились на другую ночь убить своего кормителя и господина.

Въ десяти верстахъ отъ Володимира, вправо, на берегу рѣки Нерли, которая здѣсь, живописно извиваясь по обширной долинѣ, впадаетъ въ Клязьму, на холму, стоитъ уединенная обитель, подъ сѣнію древнихъ широколиственныхъ липъ и дубовъ. Близъ нея возвышается старый валъ, прорытый большой дорогою Нижегородскою. Поодаль въ сторонѣ, вы видите ряды деревянныхъ избъ съ косятчатymi окнами, съ узорными коньками. Эта обитель — Успенская, гдѣ соборная церковь построена Великимъ Княземъ Суздальскимъ Андреемъ; это село — Андреевъ городъ Боголюбовъ, гдѣ жили его дворяне и служители; эти узкія окна подъ тоненькими столбиками, между церковью и колокольнею, принадлежали къ его покоямъ. Отсюда разсылалъ онъ указы къ Князьямъ, кому идти на княженъе, кому сходить съ княженъя; отсюда распоряжался онъ и Кіевомъ и Новгородомъ; сюда, по его призыву, собирались къ нему полки Ростовскіе, Суздальскіе, Володимирскіе, Рязанскіе и пр.

Смерклось. Шумъ постепенно утихаетъ. Горожане, отслушавъ всеночную, разошлись спокойно по домамъ. По широкой улицѣ не видать уже болѣе никого изъ прохожихъ. Православные, каждый у себя, готовятъ къ новому празднику. Вотъ наступаетъ и ночь. Огни погасли. Все ложатся спать. Одни только заговорщики не смыкаютъ глазъ, каждый въ своемъ дому готовясь къ замышленному кровавому дѣлу. Вотъ смолкло все и на дворѣ княжескомъ: затворены тесовые ворота, заперты двери. Остались только ходить дозоромъ сторожа. Старый Князь, совершивъ по обычаю вечернюю молитву, отошелъ ко сну, одинъ; подлѣ него, въ другой горницѣ, спитъ дѣтскій — вотъ вся его прислуга.

Заговорщики вылезаютъ изъ логовищъ, сходятся, и, видя, что весь городъ спитъ уже крѣпкимъ сномъ, и никто помышлять имъ не можетъ, идутъ съ оружіемъ къ княжескому двору.

Они убили сторожей, выломали двери въ сѣняхъ, бросились къ спальнѣ — и вдругъ отшатнулись, испугались, сами не зная чего. Трепетъ пробѣжалъ по ихъ жиламъ. Тихо отошли они прочь, не зная еще, на что имъ рѣшиться. »Зайдемъ въ медушу,« сказалъ кто-то. Они пошли въ княжюю медушу, напился вина и крѣпкаго меду, хмѣль началъ разбирать ихъ, и они, уже смѣлѣе, воротились въ сѣни. Одинъ подошелъ къ ложницѣ, гдѣ спалъ Андрей, постучался и началъ кликать: »господине, Княже великій!« »Кто тамъ?« — спросилъ Андрей, проснувшійся на шумъ. »Прокофій,« отвѣчалъ тотъ. »Нѣтъ, это не Прокофьевъ голосъ,« сказалъ Андрей. Тогда подскочили къ двери прочіе, выломали ее, и двое вошли. Въ горницѣ было темно. Андрей, удивясь необыкновенному шуму, вскочилъ уже съ постели, и искалъ своего меча, меча Святаго Бориса, — а меча не было: его унесъ уже прежде ключникъ Анбалъ. Злодѣи напали на него. Андрей сталъ бороться и повалилъ одного на землю, а другой, думал, что поваленъ Князь, въ темнотѣ, ударилъ мечемъ товарища и убилъ. Тотъ закричалъ, прочіе,

ждавшіе въ снѣгахъ, прибѣжали на крикъ, какъ звѣри свирпые, и напали все на Князя. Онъ все еще оборонялся, потому что былъ силенъ, и вопилъ: «злѣдѣи, за что вы хотите убить меня? Что я вамъ сдѣлалъ? Богъ отомститъ вамъ за меня и за мой хлѣбъ. Вы забыли о Горясѣрѣ.» Они били его мечами и саблями, и наконецъ думая, что онъ уже испустилъ духъ, схватили поспѣшно трупъ своего сообщника, и выбѣжали, а Андрей еще былъ живъ. Очнувшись отъ ударовъ, но все еще безъ полной памяти, онъ побѣжалъ за убійцами и стоналъ громко отъ боли. Тѣ услышали голосъ и воротились. Андрей спрятался подъ снѣгами за столпомъ восточнымъ. «Гдѣ онъ?» — спрашивали убійцы въ испугъ другъ у друга. «Кажется, сказалъ одинъ, Князь сходилъ съ снѣгой внизъ.» — «Посмотрите тамъ, гдѣ мы его били,» сказалъ другой. Нѣкоторые побѣжали вверхъ, и тотчасъ воротились, принеся въ отвѣтъ, что тамъ его нѣту. «Мы пропали, кричали прочіе. Огня!» — Засвѣтили огонь, зажгли свѣчи, одни пошли со свѣчами опять въ спальню, и оттуда уже по слѣдамъ крови нашли подъ столпомъ несчастнаго Андрея, который, увидя ихъ приближеніе, успѣлъ только обратиться съ молитвою къ Богу о грѣхахъ своихъ. Они поразили его мечами, а Петръ отсѣкъ ему правую руку.

Убивъ Князя, злѣдѣи отошли въ другую горницу, и убили любимаго Андрея дѣтскаго, Прокофья, а потомъ поднялись на свни, забрали все имѣніе княжее, золото, серебро, жемчугъ, каменье дорогое и всякое узорочье, сложили на княжихъ коней, и услали все, еще до свѣта, прочь.

Горожане Боголюбскіе, проснувшись, ждали праздничнаго благовѣста къ обѣднѣ, чтобъ идти въ церковь, какъ услышали, что Князь убитъ. Они изумились и не знали, что дѣлать. Страхъ обнялъ всехъ. Ждали еще, что будетъ. Вступиться въ дѣло было некому: сынъ его, послѣдній, княжилъ въ Новгородѣ, братья на Руси, передніе люди сами участвовали въ заговорѣ.

Убийцы, обобравъ княжее оружіе, что раздавалось воинамъ, старались приманить на свою сторону его дворянъ, опасаясь, чтобъ не вышла на нихъ дружина Володимирская, и совокупили наконецъ полкъ; тогда послали они сказать Володимирцамъ: «не помышляете ли вы что на насъ? Лучше сговориться намъ всѣмъ вмѣстѣ. Дума была не одна наша; вы были въ той же думѣ.» Володимирцы отвѣчали: «кто съ вами въ думѣ, тотъ вашъ, а намъ не надо,» — но не предпринимали никакихъ дѣйствій. Сообщники были тому и рады, принялись грабить домъ княжъ, избивши дѣтскихъ его и мечниковъ, опустошили ихъ дома, отняли все имѣніе у дѣлателей, что пришли строить церковь. Смотри на нихъ, принялись грабить и другіе. Унимать было некому. Грабежъ распространился тотчасъ въ Володимиръ и въ волости. Дома посадниковъ и тиуновъ вездѣ были разоряемы. Люди не разбираютъ, говоритъ летописецъ, что гдѣ законъ, тамъ и обидъ много. Страхъ напалъ на народъ, и никто не понималъ, что дѣлается. Произошло общее смятеніе. Уже попу Микулицъ пришла въ голову благая мысль, одѣвшись въ ризы, взять чудотворную икону Божіей Матери и ходить съ нею по городу. Тогда только прекратился грабежъ въ Володимиръ, и утихло смятеніе.

Между тѣмъ тѣло Андреево лежало забытое, не погребенное. Кіевлянинъ Кузмище осмѣлился наконецъ войти на княжой дворъ, чтобъ поклониться покойнику, и не видя нигдѣ тѣла, спрашивалъ, гдѣ оно. «Валяется на огородъ,» ему отвѣчали, «не моги брать его. Кто его приметъ, тотъ намъ врагъ, мы и того убьемъ.» Кузмище однакожъ пошелъ, отыскалъ убиеннаго, и началъ плакать надъ нимъ, причитая: «Господине мой! Что случилось съ тобою, отъ чего ты не очутилъ скверныхъ ворожбитъ своихъ, отъ чего же ты не домыслилъ побѣдить ихъ, какъ побѣдилъ Болгаръ?»

Анбалъ, одинъ изъ заговорщиковъ, любимецъ княжій, которому Андрей далъ ключъ отъ всего дома и волю надо всѣмъ, родомъ Ясинъ, проходилъ мимо. «Анбале вороже,» сказалъ, увидѣвъ его, Кузмище, «брось коверъ, прикрой тѣло господина нашего.» — «Поиди прочь,» закричалъ въ отвѣтъ

Анбаль, «мы хотимъ выверечи его псомъ.»—«Ахъ ты окалпный!» воскликнулъ Кузмище, «ужъ ты хочешь выверечи псомъ! Помнишь ли, въ какомъ рубищѣ пришелъ ты, и теперь ходишь въ оксамитъ, а Князь лежитъ нагой? Смилуйся, сбрось же что-нибудь.» Анбаль сбросилъ коверъ и корзно. Кузмище обвертѣлъ тѣло и понесъ въ церковь. Она была заперта. — «Отоприте,» говорилъ онъ. «Кинь тутъ на паперти, чтобъ тебя лихо взяло,» отвѣчали слуги, всѣ пьяные. «Уже и парубки твои не узнаютъ тебя, господине,» плакалъ Кузмище, — «а бывало придетъ какой гость изъ Царяграда или изъ другихъ странъ Русской земли, Латинянинъ, Христіанинъ, ты приказывалъ отводить всякаго въ церковь, на полати: пусть онъ посмотритъ славы Божіей и церковнаго украшенія, — а теперь тебя самого не пускаютъ въ церковь твою!» Кузмище долженъ былъ оставить тѣло Андреево на паперти, прикрывъ корзномъ.... Оно лежало тутъ два дня и двѣ ночи. Наконецъ уже игумень Арсеній отъ Козмы и Демьяна, тщетно дожидавшись старшихъ, пришелъ въ церковь и сказалъ: «долго ли же Князю лежать здѣсь? Отомкните божницу, положимте его въ колоду или гробъ, и отпоемъ надъ нимъ, а когда престанетъ злоба сія; тогда придутъ изъ Володимира и отнесутъ его туда.» Крылошане Боголюбскіе взяли тѣло, вложили въ каменный гробъ, отнесли въ церковь, и отпѣли надъ нимъ погребальное вмѣстѣ съ игуменомъ Арсеніемъ. А въ шестой день образумились дѣйствительно и Володимирцы. «Нарядите носилцы, поѣдемъ взять Князя и своего господина,» сказали они игумену Феодулу и Лукѣ демественику Пресвятой Богородицы. А Микулицъ велѣли собрать поповъ, и, облокашеса въ ризы, выйти съ Пресвятою Богородицею за Серебряные ворота: «тутъ дожидаетея Князя.» Когда Володимирцы съ крылошанами поѣхали по Князя въ Боголюбовъ, люди всѣ высыпали встрѣчать его за городомъ. Долго смотрѣли они въ ту сторону, откуда должно было показаться погребальное шествіе.... И вотъ изъ-за горы «поча выступати стягъ отъ Боголюбого». Тогда всѣ зарыдали, и вопль слышать было далече. Народъ плакалъ

и причиталъ : «въ Кіевъ ли ты ѣдешь, господине, тѣми ли вороты Золотыми, въ ту ли дерковъ, что хотѣлъ поставить на великомъ дворѣ на Ярославомъ, въ память всему твоему отечеству?» Тихо приближался гробъ. Всѣ люди заливались слезами. Тѣло было принесено и положено съ честію и пѣснями богохвальными у Святой Богородицы Золотоверхой, что онъ самъ создалъ.

Если вы будете въ Володимирѣ, ступайте въ Кремль поклониться этому древнему зданію зодчества въ Русскомъ царствѣ. На правой сторонѣ отъ сѣверныхъ дверей стоитъ серебряная гробница, и не далеко отъ нея виситъ древній шитый образъ во весь ростъ усопшаго. Помолитесь ему, и поклонитесь мощамъ благовѣрнаго Князя Андрея. Это былъ самый смысленный Князь своего времени, который умѣлъ захватить въ свои руки власть почти надъ всею своею братьею, котораго слушались равно и Кіевъ, и Новгородъ, и Ростовъ, и Суздаль, и Володимиръ, Князя Смоленскіе, Полоцкіе, Волынскіе, и прочіе. Но не тѣмъ онъ заслужилъ себѣ особливую память въ лѣтописяхъ отечества, а вотъ чѣмъ : онъ оборотилъ средоточіе Русской государственной тяжести въ другую сторону, онъ вывелъ на позорище Истории другое племя, Великорусское, самое младшее изъ всѣхъ племенъ нашихъ, изъ всѣхъ племенъ Славянскихъ, и, второй Рюрикъ, положилъ основаніе другому княжеству, которое приметъ въ одинъ изъ меньшихъ городовъ своихъ всѣ прочія и заключить въ себѣ судьбы отечества. Но долго еще должно страдать оно...

Потомство Андреево пресѣклось, и никто ему не наследовалъ. Два старшихъ сына, слуги его побѣдъ, Изяславъ и Мстиславъ, умерли еще при его жизни. Внука, Мстиславова сына, Василія, слѣдъ пропалъ въ лѣтописяхъ, гдѣ записано только его рожденіе и кончина. Меньшаго сына, Георгія, Новгородцы тотчасъ по смерти Андреевой выгнали отъ себя, и онъ, по какому-то удивительному стеченію случайностей, очутился въ Грузіи, супругомъ знаменитой Царицы Тамари, славной своими побѣдами и любовью къ

исторіи, стихотворству, просвѣщенію, и потомъ изгнанный, скончался неизвѣстно гдѣ.

А куда дѣлася Андреева сила?

Андреева сила разсыялась вмѣстѣ съ его смертію, какъ разсыяется грозная туча, постигнутая вихремъ. Ея какъ будто и не бывало, и всѣ труды его пропали вмѣстѣ съ нимъ. Какъ наследовать было некому, такъ и наследовать было нечего, развѣ наследникъ или преемникъ, самъ своею особою, съумѣетъ сдѣлаться тѣмъ же, чѣмъ былъ Андрей.

А что сдѣлалось съ его убійцами?

Отъ Володимира въ семи верстахъ вверхъ по Клязьмѣ, не далеко отъ рѣки, на лѣвой по теченію ея сторонѣ, есть озеро, заросшее отъ береговъ мохомъ, которое прозывается Пловучимъ. По этому озеру всегда плаваютъ какія-то темныя глыбы, и переносятся часто вѣтромъ съ одного конца на другой. Однажды въ году изъ глубины этого озера слышатся, говорятъ, человѣческой стонъ. Это бываетъ 29 Іюня, на память Святыхъ Апостоловъ Петра и Павла, въ день убіенія Андреева. Простой народъ думаетъ, что тѣла убійцъ Андреевыхъ, которые были казнены впоследствии братомъ его Михалкомъ, защиты въ короба и брошены здѣсь въ воду.

Узнавъ о княжей смерти, Ростовцы и Суздальцы, Переяславцы и вся дружина, отъ мала и до велика, съхались въ Володимиръ и думали на вѣчь: «Князь нашъ убитъ, а дѣтей у него нѣтъ, — одинъ сыночекъ малъ въ Новѣгородѣ, — братья его въ Руси. Кого жъ намъ взять къ себѣ въ Князья?» Рязанскіе послы Дѣдилецъ и Борисъ указывали на братьевъ своей Княгини. «Въ самомъ дѣлѣ такъ,» разсудили думцы, «Рязанскіе Князья, что Муромскіе, у насъ въ сосѣдствѣ: они могутъ пойти ратью на насъ, пока нѣтъ Князя. Пошлемъ лучше къ Глѣбу и скажемъ: Князя нашего Богъ полялъ, и мы хотимъ твоихъ шурьевъ Ростиславичей, Мстислава и Ярополка.»

Эти Князья были племянниками Андрея, — сыновья старшаго брата Ростислава. Избиралъ ихъ, граждане преступали,

какъ прежде, при избраніи Андрея, свое крестное цѣлованіе Юрью на меньшихъ его дѣтяхъ.

Всѣ утвердились Святою Богородицею и послали сказать Гльбу: «тебѣ твой шурина, а наша Князя, шлемъ къ тебѣ пословъ, и просимъ, ты приставь къ нимъ своихъ, и пусть ѣдутъ вмѣстѣ за нашими Князьями.»

Гльбу было очень любо, что вскладываютъ на него честь, и хотять его шурьевъ. О, если бѣ онъ зналъ, сколько бѣды принесетъ эта честь ему и всему его роду! Онъ исполнилъ Суздальское желаніе.

Послы нашли избранныхъ вмѣстѣ съ ихъ дядями Юрьевичами въ Черниговѣ, и сказали молодымъ Князьямъ: «вашъ отецъ добръ былъ, когда жилъ у насъ; повзжайте къ намъ княжить, а другихъ мы не хотимъ.» Мстиславъ и Ярополкъ отвѣчали: «спасибо дружинѣ, что не забываетъ любви отца нашего.» Посовѣтовавшись между собою, подъ влияніемъ Святослава Черниговскаго, который былъ имъ покровителемъ, они сказали дядямъ: «либо лихо, либо добро всѣмъ намъ, а поѣдемте всѣ четверо вмѣстѣ.» И утвердись между собою предъ святымъ крестомъ у Черниговскаго Епископа Антонія, они поѣхали — Юрьевича два и Ростиславича два, Михалку, по соглашенію, держащу старѣйшинство.

Двое поѣхали впередъ — Михалко Юрьевичъ и Ярополкъ Ростиславичъ, и прибыли въ Москву, перепутье между старой Русью и новой, Малой и Великой.

Ростовцы, услышавъ, что кромѣ избранныхъ ими Князей, ѣдутъ еще двое дядей, вознегодовали, и велѣли Ярополку продолжать путь одному, а Михалку пождать мало. Ярополкъ уѣхалъ отъ него тайно Переяславлю.

Михалко, лишь только узналъ объ его отъѣздѣ, какъ и самъ поѣхалъ Володимиру, и былъ принятъ Володимирцами.

Ростовцы, поцѣловавшіе крестъ Ярополку, взволновались, какъ тѣ смѣли принять Князя къ себѣ вопреки ихъ рѣшенію. «Это холопы наши каменьщики,» кричали они,

мы сождемъ ихъ и посадимъ у нихъ опять Посадника. Володимиръ пригородъ нашъ.» Володимирцы не могли сносить такой обиды и рѣшились стоять на своемъ, хотя ихъ дружина, въ числѣ полуторы тысячи, вышла еще прежде на встрѣчу къ Князьямъ, и въ Перелславлѣ должна была цѣловать крестъ Ярополку, вмѣстѣ съ прочими. Когда тѣ пришли съ Рязанцами и Муромцами принудить ихъ силою къ покорности, они затворились въ городъ и начали биться. Семь недѣль продолжалась осада, и Князья не могли одолѣть города. Но голодъ измѣнилъ дѣло. Они сказали Михаилу: «мирись или промышляй о себѣ.» «Дѣлать нечего,» отвѣчалъ сынъ Юрьевъ, «не погибать же вамъ изъ-за меня,» и, простясь съ ними, уѣхалъ въ Русь.

Ярополкъ и Мстиславъ, утвердясъ крестнымъ цѣлованіемъ съ жителями, чтобъ не дѣлать имъ никакаго зла, вступили въ городъ. Володимирцы не имѣли впрочемъ ничего противъ этихъ Князей, замѣчаетъ летописецъ, но не хотѣли только поддаться Ростовцамъ, которые хвалялись передъ ними безпрестанно: «мы старшіе, что намъ любѣ, то и сотворимъ.»

Князья утѣшили ихъ, и раздѣлили между собою волости: Мстиславъ сѣлъ въ Ростовъ, а Ярополкъ въ Володимиръ. Сына Мстиславова приняли къ себѣ Новгородцы.

Но они усидѣли не долго. Роздавъ посадничества Русскимъ дѣтскимъ, которые начали притѣснять народъ продажами¹ и вирами, и Князья возбудили противъ себя общее неудовольствіе. Они были молоды и слушали своихъ бояръ, а бояре учили на многое иманіе. Изъ соборной церкви они даже взяли серебро и золото, отняли города ея и данн. Володимирцы вышли изъ терпѣнія. «Мы вольные люди,» говорили они, «пріяли сами Князя къ себѣ, а они поступаютъ какъ будто не въ своей волости, не рядятъ, а грабятъ; грабятъ не только волость, но и церкви. А промышляйте, братья!» Они, впрочемъ, послали сперва къ Ростовцамъ и

¹ Продажа — пеня, штрафъ; вира — пошлина.

Суздальцамъ явить свою обиду. Тѣ на словахъ были за нихъ; а дѣломъ были далече, и бояре крѣпко держались Князей. Но Володимирцы стояли твердо, и послали прямо въ Черниговъ звать къ себѣ Михаила: «ты, старшій въ братья своей, иди къ намъ. Если Ростовцы и Суздальцы изъ-за тебя замыслятъ что-нибудь на насъ, то какъ съ нами Богъ дастъ и Святая Богородица».

Михалко и братъ его Всеволодъ отправились, и подѣ Московю были встрѣчены Володимирцами.

Племянники, сдумавше съ своей дружиною, рѣшились не допускать ихъ до Володимира. Ярополкъ пошелъ въ встрѣчу съ полкомъ своимъ, преградить имъ путь, но, къ счастью, они минулися дорогами: Михалко ушелъ къ Володимиру, а Ярополкъ прибылъ въ Москву. Тогда онъ рѣшился оборотиться и ударить на него сзади, а Мстиславъ, которому даль онъ знать, — спереди, отъ Володимира. Мстиславъ, получивъ эту вѣсть отъ брата, поскакалъ на Михалко съ дружиною, «какъ на зайцевъ», и встрѣтилъ его уже въ пяти верстахъ отъ Володимира, больнаго, несомата на носилкахъ. Ростовцы бросились на Володимирцевъ, «какъ будто съѣсть хотѣли;» но тѣ такъ дружно приняли натискъ, что, они, бросивъ стягъ, принуждены были бѣжать. Сраженіе происходило почти подѣ Володимиромъ, и всѣ люди, съ духовенствомъ и крестами, вышли послѣ встрѣтить братьевъ-побѣдителей.

Радость въ городѣ была несказанная. «Ямись за правду мизенніи люди Володимерскіе», говоритъ лѣтописецъ, «не убоялись двоихъ Князей, бывшихъ въ ихъ волости, положили ни во что прещенія бояръ, семь недѣль оставались безъ головы, говоря, либо найдемъ себѣ Князя Михаила, либо головы свои положимъ, — и Богъ имъ помогъ, и увидѣли они у себя опять Князя всея Ростовскія земли.»

Суздальцы прислали сказать Михалку: «мы, Князь, на полку томъ не были съ Мстиславомъ, а были съ нимъ только бояре; ты лиха на насъ за то не держи, и пріѣзжай къ намъ.»

Михалко поѣхалъ въ Суздаль , а изъ Суздаля въ Ростовѣ, и сотворилъ вездѣ людямъ нарядъ, утвердился крестнымъ цѣлованіемъ и принялъ честь со многими дарами отъ Ростовцевъ.

Посадивъ брата своего Всеволода въ Переяславль, онъ ходилъ къ Рязани войной на Глѣба; но Глѣбъ умилилъ его, признавъ себя виноватымъ и обѣщаясь воротить все до золотника, что взялъ у своихъ шурьевъ, равно какъ и образъ Божія Матери.

Михалко жилъ не долго. Онъ умеръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, и Володимирцы поцѣловали крестъ меньшему его брату, Всеволоду, а Ростовцы воротились къ прежней своей думѣ. Они послали за Мстиславомъ въ Новгородъ извѣстить, что Михалко умеръ, и что они не хотятъ никого, кромѣ его.

Мстиславъ пріѣхалъ въ Ростовъ, и совокупивъ Ростовцевъ, бояръ и гридбу, пасышковъ и всю дружину, пошелъ къ Володимиру.

Всеволодъ вышелъ на встрѣчу съ остальными боярами, и послалъ сказать ему: «Братъ, тебя привела старѣйшая дружина, Ростовцы, а меня привели Володимирцы. Я останусь въ Володимирѣ, а ты ступай въ Ростовъ, и мы оттуда возьемъ миръ. Суздаль же пусть останется пока у насъ общимъ: кого похотятъ они, тотъ и будетъ имъ Князь.»

Мстиславъ выслушалъ рѣчь эту и склонялся, но бояре сказали ему: «хоть бы ты далъ ему миръ, но мы не даемъ.» Особенно возставали Матяшъ Бутовичъ, Добрыня Долгій, и другіе злые люди. Мстиславъ ихъ послушался.

Всеволодъ передалъ между тѣмъ Переяславцамъ свои переговоры, и тѣ ему отвѣчали: «ну что же, Князь, ты хочешь ему добра, а онъ ловить твоей головы. Стой крѣпко.»

Соперники сразились на полѣ Юрьевскомъ, и Всеволодъ побѣдилъ: Мстиславъ бѣжалъ, Добрыня Долгій, Иванко Степановичъ убиты, множество Ростовцевъ и бояръ взяты въ плѣнъ. Володимирцы повязали плѣнниковъ, взяли ихъ села, погнали скоть и коней Володимиру.

Мстиславъ бѣжалъ въ Ростовъ, а изъ Ростова въ Новгородъ, но Новгородцы уже не приняли : «ты, Князь,» сказали ему, «ударилъ пятою Новгородъ, и ушелъ къ Ростовцамъ съ ихъ подговору, на дялю своего Михалка, — ну вотъ Михалка Богъ взялъ, а Всеволода Богъ разсудилъ съ тобою : что же тебѣ дѣлать у насъ?»

Мстиславъ обратился тогда къ зятю, Рязанскому Глѣбу, и старался склонить его на свою сторону. Тотъ пришелъ на Москву и сжегъ ее. Всеволодъ хотѣлъ-было самъ тотчасъ напасть на него, но былъ удержанъ Новгородцами, Милонъжковой чадью, которые совѣтовали ему дожидаться ихъ помощи, и возвратился въ Володимерь. На зиму, получивъ помощь изъ Руси, отъ Святослава Всеволодовича, и отъ племянника Глѣба изъ Переяславля, онъ пошелъ Рязаню. Когда уже былъ въ Коломнѣ, пришла къ нему вѣсть, что Глѣбъ съ Половцами пришелъ другимъ путемъ къ Володимиру, пожегъ села боярскія, а женъ, дѣтей и товаръ отдалъ поганымъ на щить, запалилъ многія церкви.

Всеволодъ воротился отъ Коломны, и нашелъ Глѣба на Колокшѣ, съ Половцами и полономъ. Они стояли другъ противъ друга мѣсяць, потому что нельзя было перейти рѣки твердью. Наконецъ Всеволодъ рѣшился дать полкъ, и на мяслиницѣ пустилъ возы на Глѣбову сторону рѣки. Рязанскій Князь нарядилъ людей съ Мстиславомъ на возы, а самъ съ сыновьями и Ярополкомъ перешелъ Колокшу ко Всеволоду, на Прусову гору. Между тѣмъ Мстиславу не удалось около возовъ, къ которымъ Всеволодъ прислалъ въ помощь нѣсколько дружины съ Переяславцами: онъ не выдержалъ и бѣжалъ. Глѣбъ, увидя его бѣгство, обробѣлъ, постоялъ немного, и также бѣжалъ. Всеволодъ погнался за ними, убивая и плѣняя. Тогда самого Глѣба взяли руками, и сына его Романа, шурина Мстислава Ростиславича, всю его дружину, всѣхъ его думцевъ. Здѣсь попался и Борисъ Жидиславичъ, знаменитый воевода Андреевъ, Дѣдялецъ, Олѣстивъ, и множество другихъ. Половцы всѣ были избиты оружіемъ.

Всеволодъ воротился въ Володимиръ съ побѣдою и славою. Князь Рязанскій, бояре и дружина приведены плѣнниками, а свои освобождены. Радость въ Володимиръ была великая.

На третій день сдѣлался мятежъ: встали бояре и купцы, и приступили къ Всеволоду: «Князь, мы хотимъ добра тебѣ и кладемъ за тебя свои головы, а ты держишь вороговъ своихъ на свободѣ: роги твои и наши, — Суздальцы и Ростовцы. Либо казни ихъ, либо слѣпи, либо отдай намъ.» Всеволоду не хотѣлось поступить такъ жестоко, и онъ, для утишенія мятежа, посадилъ колодниковъ въ порубъ, а между тѣмъ послалъ въ Рязань за остальнымъ врагомъ, Ярополкомъ: «у васъ мой ворогъ, отдайте его, не то приду къ вамъ.»

Рязанцы подумали: «Князь нашъ и братья наши погибли изъ-за чужаго Князя,» и согласились: поѣхали въ Воронежъ, взяли тамъ Ярополка, и выдали руками Всеволоду. Тотъ велѣлъ посадить его вмѣстѣ съ прочими.

Между тѣмъ Глѣбова жена молилась о своемъ мужѣ. Мстиславъ Новгородскій, зять Глѣбовъ, убѣждалъ Святослава Всеволодовича, союзника Всеволодова, вступить за Ростиславичей. Князь Черниговскій присылалъ Епископа Ефрема и игумена къ Володимирскому Князю ходатайствовать за плѣнниковъ, и просить ихъ въ Русь. Но Глѣбъ самъ не согласился, и сказалъ: «лучше здѣсь умру, а не пойду.» Онъ въ самомъ дѣлѣ вскорѣ умеръ, а Романъ, сынъ его, былъ, наконецъ, по долгомъ моленіи, за крестомъ, отпущенъ. Освобождены были и Ростиславичи изъ поруба, будто ослѣпленные.

Такимъ образомъ братъ Андреевъ, Великій Князь Суздальскій Всеволодъ, освободился отъ всѣхъ своихъ враговъ, и сила Андреева, разсылавшаяся по его смерти, собралася, хотя отчасти, опять въ одной рукѣ....

М. Погодина.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

ПИСЬМА ОБЪ ИНДІИ.

КНЯЗЯ А. Д. САЛТЫКОВА.

Мальта, 17го Февраля 1841.

Сегодня утромъ я вышелъ здѣсь на берегъ. Переездъ до Гибралтара былъ дурень. Сего же дня я ѣду въ Александрію, откуда и буду писать. Адресуйте письма свои ко мнѣ, въ Мальту, на имя Русскаго консула Тагліаферро, или на имя агента Ротшильда, Белль и Комп. Общество мое на *Great Liverpool*, съ которымъ я ѣхалъ изъ Сутамптона было прекрасно. Прощайте.

Съ борта парохода Берениса въ Черномъ морѣ.

Я выѣхалъ изъ Суеца вчера вечеромъ, совершивъ въ двое сутокъ путь изъ Александріи въ Каиръ по Нилу, на маленькомъ пароходѣ, и переправившись черезъ пустыню, изъ Каира въ Суецъ въ два съ половиною дня, верхомъ, въ сопровожденіи трехъ верблюдовъ съ моими пожитками. Весь этотъ переходъ изъ Александріи въ Суецъ прекрасно устроенъ Англичанами. Въ Александрійской Англійской гостинницѣ снаряжаютъ путешественниковъ въ Каиръ, или въ Суецъ, освобождая ихъ отъ всѣхъ заботъ и хлопотъ: какъ по волшебству, являются лошади, верблюды, пароходы, даже повозки, крытыя полотномъ и запряженныя верблюдами, маленькія наскоро сдѣланныя *татерваны*, то есть сидѣлки на долгихъ шестахъ, прикрѣпленныхъ между двумя ослами и также крытыя отъ солнца и вѣтра; но вѣтра нѣтъ вовсе. Бездѣ предлагаютъ портеръ, англійское пиво (*ale*),

содовую воду, свѣжее мясо, кофе, чай, разныя овощи и даже шампанское. Пустыня, отдѣляющая Каиръ отъ Суеца, имѣетъ 120 верстъ разстоянія и семь приваловъ, въ Суецъ осьмой. Это маленькіе, построенные Англичанами домики, въ которыхъ пьютъ, ѣдятъ и спятъ, очень привольны; за все, по прибытіи въ Суецъ, платится 18 фунтовъ стерлинговъ съ особы и по $7\frac{1}{2}$ за каждаго служителя; выборъ упомянутыхъ экипажей предоставленъ на волю путниковъ. И вотъ, я обрѣтаюсь въ Чермвомъ морѣ, на прекрасномъ пароходѣ Англійской Компаніи. Продовольствіе очень хорошо, каюты не душны и порядочно освѣщены, прислуга исправна. Весь экипажъ состоитъ изъ Индійцевъ, Гебровъ, Нубійцевъ и проч. Общество безподобно. Англичане, молодые люди очень приличные и ни сколько не натянутые; купцы, промышленяющіе кофеемъ; нѣсколько молодыхъ дѣвицъ очень милыхъ, вѣсслыхъ, безъ жеманства; нѣсколько Англійскихъ военныхъ старцевъ, любящихъ пожить. Все это общество, сбросивъ ледяную оболочку приличій, становится обходительно съ пристойною воздержностію и обязательно безъ докучливости. Одно только непріятно, какъ Египетская язва: это тѣмъ *кокороакоев*, огромныхъ черныхъ насѣкомыхъ, которыя обитаютъ во всѣхъ Индійскихъ судахъ, и нѣтъ никакого средства отъ нихъ избавиться, потому что они зарождаются и живутъ въ деревѣ.

Я направляюсь въ Бомбай и тамъ рѣшу мои распоряженія впредь. Этотъ переездъ утомительно длиненъ, до осмнадцати дней, а иногда до двадцати и даже до двадцати двухъ, я разумью отъ самаго Суеца, дряннаго мѣстечка, за исключеніемъ порядочной Англійской гостинницы. Море спокойно, мы идемъ безъ малѣйшей качки, и не вышли еще изъ Суецскаго залива. Я взглянулъ на термометръ: 20° въ тѣни по Реомюру и 60° по Фаренгейту, подъ чистымъ небомъ и почти безъ вѣтра.

Александрія довольно любопытное мѣсто; Англійская гостинница Гиль, впрочемъ довольно плохая, расположена у пальмовой рощи. Арабы народъ очень смышленный и

услужливый; они уже несколько говорят по-Английски и по-Итальянски. По дорогѣ изъ Александріи въ Каиръ, сперва по каналу, а далѣе по Нилу, видъ береговъ однообразенъ, только изрѣдка встрѣчаются селенія, мечети и пальмовыя рощи. Пароходъ идетъ такъ близко отъ берега, что можно разглядѣть, какъ нельзя лучше, жителей.

Каиръ великолѣпнѣе, и превзошелъ мое ожиданіе; къ несчастію, мнѣ надо было поторопиться выѣздомъ въ Суецъ, чтобы успѣть къ отплытію парохода, и едва я вступилъ на бортъ, какъ колеса начали работать. Если бы я опоздалъ несколько минутъ, мнѣ бы надо было прождать цѣлый мѣсяцъ до отправленія другаго парохода въ Бомбай, что и случилось съ нѣкоторыми изъ нашихъ спутниковъ и спутницъ (изъ Сутамптона), которые не могли, подобно намъ, воспользоваться маленькимъ пароходомъ, предоставленнымъ Пашею Мехмедъ-Али въ распоряженіе сэръ Кампбеля, на Ниль. Стяну объ ихъ участи, мы однакожь скоро утѣшились, потому что и безъ нихъ было слишкомъ тѣсно.

Такимъ образомъ мнѣ удалось провести въ Каирѣ не болѣе семи часовъ; срокъ едва достаточный на то, чтобы посѣтить баню, увидѣться съ банкиромъ, пробѣжать на скоро верхомъ на ослѣ улицы и базары, и сдѣлать нѣсколько незначительныхъ покупокъ. Однако, не смотря на этотъ поверхностный обзоръ, всѣ впечатлѣнія глубоко врѣзались въ память. Толпа, сквозь которую я проѣхалъ, ни съ чѣмъ не можетъ сравниться, до того, что я съ трудомъ вѣрилъ собственнымъ глазамъ. Вообще Египетъ сохранилъ въ себѣ на столько свой первообразъ и неприкосновенность въ породѣ людей, въ одеждѣ и обычаяхъ, что воображеніе невольно уносится за три тысячи лѣтъ. Я не имѣлъ достаточно времени, чтобы научиться распознавать племена, которыя встрѣчались мнѣ: черные, смуглые и краснокожіе люди мелькали передо мною; одни съ длинными бородами, другіе съ совершенно гладкимъ подбородкомъ, и всѣ на столько отличны другъ отъ друга, по цвѣту и по чертамъ лица, что, кажется, будто природа собрала здѣсь въ одно мѣсто

обранники всехъ главныхъ племенъ. Я зашелъ на рынокъ невольницъ, гдѣ видѣлъ непонятное зрѣлище: черныхъ и смуглыхъ женщинъ, выставленныхъ для покупателейъ, въ темномъ и зловонномъ сараѣ, въ родѣ клева.

На возвратномъ пути, съ трудомъ могъ я пробраться сквозь странныя скопища народа по лабиринту узкихъ улицъ до гостиницы Вагхорна, гдѣ ожидало меня явленіе другаго рода. Толпа Англичанъ и Англичанокъ, старыхъ и молодыхъ, дурныхъ и красивыхъ, съ дѣтьми всехъ возрастовъ, суетились вокругъ чемодановъ и наскоро утоляли голодь *сандвичами*, портеромъ и пивомъ, а хозяинъ распорядился стадомъ верблюдовъ, ословъ и арабскихъ полудикихъ лошадей. Проворно взваливали на верблюдовъ громадныя выюки, съ надписями: въ Бомбай, въ Мадрасъ и Калькутту; запрягали въ разнородныя кареты и повозки ословъ, верблюдовъ и лошадей. Казалось, что Каиръ и его диковинки не существовали для этого народа, торопящагося въ Индію. Влекомый общимъ движеніемъ, и я выбралъ себѣ лошадь, довѣрилъ пожитки свои Вагхорну, отсчиталъ ему десятка три фунтовъ стерлинговъ, и мы отправились въ пустыню.

Насъ было до сорока Европейцевъ, до осмидесяти верблюдовъ и цѣлая орда черного и смуглаго народа Арабовъ, Абиссинцевъ, Нубійцевъ, полунагихъ, или облеченныхъ въ одежды особеннаго покроя и въ живописныя складки тканей. Все это съ поспѣшностію переходило пустыню, стѣсняясь въ кучу изъ предосторожности противъ Бедуиновъ. Когда я отставалъ на нѣкоторое разстояніе, чтобы полюбоваться общимъ видомъ, это зрѣлище казалось мнѣ чуднымъ сномъ въ родѣ дикихъ охотъ *die wilde Jagd* изъ Германскихъ среднихъ вѣковъ. Особливо на утренней и вечерней зарѣ эта картина представляла что-то таинственное.

Вышедъ изъ стѣнъ Каира, мы миновали обширный лагерь войскъ Ибрагимъ-Паши, которые возвратились изъ Сиріи съ войны противъ Султана. Далѣе мы встрѣтили нѣсколько другихъ отрядовъ этой арміи. Бѣдные солдаты

имѣли жалкій, болезненный видъ и сидѣли по двое на верблюдахъ. Вся дорога отъ Каира до Суеца усыяна трунами лошадей и верблюдовъ, отъ которыхъ каждая пять минутъ мы были вынуждены закрывать носъ платками. Войска Ибрагима посылали эти трупы; между которыми мы видѣли трехъ солдатъ раздѣтыхъ до-нага и положенныхъ рядомъ; они, казалось, принадлежали племени Нубійцевъ или Абиссинцевъ и походили другъ на друга какъ братья. Черты лица ихъ не были еще обезображены: они лежали тутъ вѣроятно не болѣе сутокъ. Изнеможенныхъ усталостію, бросили ихъ и отдали послѣдній долгъ, уложивъ рядомъ.

Приближаясь къ Суецу, до восхожденія солнца, проводники верблюдовъ и стража Паши, которую мы имѣли съ собою, объявили намъ, что мы подходимъ къ самому опасному мѣсту пустыни, самому удобному для набѣговъ Бедуиновъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ первыми лучами солнца мы увидѣли, что степь перемѣнила видъ свой. Бесплодная, нагія горы обступили дорогу, и мы стали подходить къ тѣснинѣ. Тутъ всѣ, кто только былъ вооруженъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, стали прислушиваться, пріостанавливаться, держа ружья на-готовъ; однакожъ ни одинъ набѣдникъ не показывался. Только одна Бедуинка пристала къ нашему каравану, куря трубку и догоняя лошадей и верблюдовъ нашихъ. Она шла въ Суецъ и, казалось, не хотѣла отстать отъ нашего отряда, опасалась, можетъ быть, попасть въ руки Арабовъ, враждующихъ съ ея племенемъ. Она была молода, но изнурена усталостію. Отъ времени до времени она бросалась на нѣсколько секундъ на песокъ и лежала какъ мертвая, собираясь съ духомъ; потомъ снова догоняла насъ. Я далъ ей апельсинъ и монету въ два піастра; даръ не богатый, но со мною не было ничего больше. Одинъ изъ нашихъ спутниковъ, Англичанинъ, обронилъ пистолетъ и вѣроятно потерялъ бы его, но скороходка нашла и подала ему, за что и получила незначительную награду, которую однакоже она приняла безъ всякаго выраженія благодарности: эта странность обычна, какъ я замѣтилъ, на Востокъ.

Прерываю письмо по случаю обѣденной трапезы, на которой отвѣдалъ Индійскихъ плодовъ и блюдъ, совершенно для меня незнакомыхъ. Нѣсколько олужителей, которыхъ еще я не видывалъ, явились при столѣ, въ бѣлой Индійской одеждѣ и въ чалмахъ, формы также мнѣ неведомой. Большая часть изъ нихъ были Гебры, живущіе въ Индіи и особливо въ Бомбаѣ, съ тѣхъ поръ, какъ ихъ богослуженіе изгнано изъ Персіи. Море стоитъ какъ зеркало, и зной чувствительно увеличивается. Большая часть пассажировъ, въ томъ числѣ и я, спимъ на палубѣ подъ открытымъ небомъ. Впрочемъ это лучшая сторона моего странствія; а вотъ и обратная. У меня осталось только до тридцати фунтовъ стерлинговъ въ карманѣ и кредитное письмо Штиглица изъ С.-Петербурга въ 28,000 франковъ на имя Гармана въ Лондонѣ. Это письмо адресовано Гарманомъ въ Мальту на имя банкира Белла. Банкиръ Беллъ адресовалъ его въ Александрію. Александрійскій же банкиръ переслалъ въ Каиръ; но ни въ Мальтѣ, ни въ Александріи, ни въ Каирѣ не находится ни одного банкира, имѣющаго денежныя сношенія съ Бомбаемъ. Выѣзжая изъ Лондона, я не располагалъ посѣтить этого города, и только дорогой допустилъ спутникамъ увлечь себя на эту поѣздку, столь неожиданно, что по кратковременности моего пребыванія въ Александріи и Каирѣ не успѣлъ отъ мѣтнаго банкира снабдить себя достаточнымъ числомъ денегъ для совершенія пути изъ Суеца въ Бомбай, на что требовалось 80 фун. стерлинговъ лично для меня и по 20 на каждого изъ двухъ людей моихъ. Одинъ изъ моихъ товарищей странствія, некто Вильберъ, меньшой сынъ Лорда Жерселя и адъютантъ Генерала сэръ Кампбелля, заплатилъ за переѣздъ мой и предложилъ мнѣ въ случаѣ нужды поручительство въ кредитномъ письмѣ моемъ у Англійскихъ банкировъ Бомбая. Вотъ что могутъ дѣлать люди совершенно незнакомые, которыхъ случайно встрѣчаешь на дорогѣ. Каирскій банкиръ, не смотря на отказъ свой перевести письмо мое въ Бомбай, не имѣя тамъ корреспондента, увѣрялъ меня однакоже, также какъ и сопутствующіе мнѣ Англійскіе негоціанты, что я не встрѣчу

никакаго затрудненія въ полученіи 28,000 франковъ, предъявивъ громкія имена Штиглица и Гармана, особливо послѣдняго, пользующагося обширнымъ кредитомъ въ Индіи. Видишь, милый другъ, въ какія я попалъ хлопоты. Не смотря на всѣ увѣренія, я не могу быть спокойнымъ. Это письмо отправится изъ Адена, принадлежащаго Англичанамъ; тутъ у нихъ складъ каменнаго угля. Представь себѣ, что завтра или послѣ завтра мы достигнемъ до вершинъ Джеды, которая отстоитъ не болѣе какъ на сутки вѣзды отъ Мекки. Говорятъ, что нѣсколько Англичанъ пытались проникнуть туда изъ Джеды, но этого имъ не удалось. Арабскій фанатизмъ воспрепятствовалъ ихъ намѣренію. Мы пройдемъ мимо маленькаго городка Мока, известнаго своимъ кофе. На такомъ же разстояніи въ Средиземномъ морѣ я видѣлъ Алжиръ. Онъ показался мнѣ нѣсколько сходнымъ съ Неаполемъ, со стороны квартала Санта-Лучія или Пуччуоли; только Алжиръ втрое обширнѣе, и въ окрестностяхъ его видны были Французскіе загородные дома, бѣлые, подъ плоскими кровлями, на зеленыхъ склонахъ холмовъ.

Пишу къ управителю о высылкѣ мнѣ еще около двадцати тысячъ франковъ черезъ Штиглица и Гармана въ Бомбай, откуда мнѣ будетъ легко получить ихъ вездѣ. Если же осуществится отказъ Бомбайскихъ банкировъ выдать мнѣ слѣдующую по кредитному письму сумму, я буду вынужденъ возвратиться тѣмъ же путемъ въ Египетъ, подвергая себя опасности умереть отъ зноя, скуки и досады, и занимая, тамъ и сямъ, по сотнѣ фунтовъ стерлинговъ, что впрочемъ очень возможно; или, выбирая изъ двухъ золъ, могу рѣшиться жить на счетъ своихъ спутниковъ; пересылка кредитнаго письма или векселя въ Бомбай не потребуетъ много времени чрезъ банки Гармана или Ротшильда. Изъ Петербурга въ Лондонъ осемь дней; изъ Лондона въ Александрію, пятнадцать; изъ Александріи въ Бомбай двадцать три или двадцать пять, всего дней пятьдесятъ не болѣе.

По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, оказывается, что жизнь въ Индіи дешевле, нежели во Франціи и въ Англіи.

28,000 франковъ, если я получу ихъ, достаточно мнѣ на полгода. Цѣны на пароходъ чудовищны; ѣда порядочна, за то напитки не смѣютъ называться виномъ. Намъ подаютъ ихъ подъ всѣми фирмами — шампанскаго, бордо, хереса, портъ-вейна; но все это, увы! постыдный подлогъ, горькая насмѣшка! Я начинаю болѣе и болѣе удостовѣряться, что живу не на кораблѣ, а въ обширномъ гнѣздѣ кокродовъ, которыя отравляютъ все мои минуты, особливо ночью. Передо мной еще до пятнадцати или шестнадцати дней постоянного сожителства съ этими отвратительными насѣкомыми; вѣроятно, по прїездѣ въ Бомбай, отъ меня останется одинъ скелетъ.

4 Марта.

Мы все еще въ Черномъ морѣ, въ настоящую минуту противъ Моки; но не смотря на то, что все видятъ городъ какъ нельзя яснѣе, я ничего не вижу, хотя и хвастаюсь хорошимъ зрѣніемъ. Сегодня ввечеру мы пройдемъ чрезъ проливъ Баб-эль-Мандебъ, и завтра будемъ въ Адень; оттуда, какъ говорятъ, двѣнадцать дней пути въ Бомбай. Вѣтеръ усиливается, дуетъ съ Индійскаго океана и приноситъ нѣкоторую прохладу; за то все эти дни жаръ стоялъ до удушья, особливо въ соединеніи съ чадомъ, который наносилъ на насъ противный вѣтеръ. Дамы падали въ обморокъ одна за другою, не смотря на то, что это были Англичанки и, слѣдовательно, женщины сносливыя. Жаль было смотреть на этихъ свѣженькихъ молодыхъ дѣвушекъ, блѣднѣвшихъ со дня на день, увядая подъ атмосферой тропическаго зноя и угольнаго угара. Съ каждымъ днемъ лица ихъ болѣе и болѣе подходили подъ мертвенный цвѣтъ лицъ всѣхъ Европейцевъ въ Индіи, и, безъ сомнѣнія, этотъ цвѣтъ остается на цѣлую жизнь.

Бомбай, 18-го Марта 1841.

Какъ видишь, я въ Индіи. Сорокъ дней отъ Лондона, тридцать девять отъ Сутамптона и изъ нихъ два на сухомъ пути: говорятъ, что это скоро. Можетъ быть; но мнѣ дорога показалось и длинной и скучной. И какъ подумаешь,

что такая же мука ожидает меня через годъ, дрожь пронимаетъ.... Раньше году я не могу возвратиться; тебя я найду конечно въ Петербургъ? Не правда ли?... Здесь я ужъ несколько дней, но все странно въ этомъ новомъ мѣрѣ. Никакъ не соберу мыслей, чтобъ написать тебѣ обо всемъ, о чемъ бы мнѣ хотѣлось; чувствую потребность писать, но нѣтъ силъ передать вполне мои ощущенія.

Обширный городъ Бомбай раскинутъ посреди пальмоваго лѣса. 280,000 Индійцевъ и Гебровъ населяютъ его.... Передъ вами — люди полунагіе, въ бѣлыхъ полостяхъ, съ мѣднымъ цвѣтомъ лица, съ разрисованными плечами и руками, въ чалмахъ бѣлыхъ, алыхъ, желтыхъ или зеленыхъ. Передъ вами женщины, также едва облеченныя въ разноцвѣтныя прозрачныя, какъ паутина, ткани, разукрашенныя золотыми и серебряными ожерельями, кольцами, подвѣсками, на шеѣ, на рукахъ, на ногахъ, серьгами въ ушахъ, въ ноздряхъ, раздушенныя благовонными цвѣтами, вплетенными въ волосы.... Окинувъ бѣглыхъ взоромъ этотъ роящійся народъ, вы торопитесь взглянуть на странныя капища, уставленныя безчисленнымъ множествомъ истукановъ: тутъ толпы факировъ, увѣчныхъ, изсохшихъ, худыхъ, какъ оглоданныя кости, съ длинными крючковатыми ногтями на рукахъ и на ногахъ; тутъ безобразныя старухи, волосы растрепаны, взоры дики. Тутъ обширныя пруды съ каменной набережной, — въ нихъ обмываютъ покойниковъ. Далѣе безмолвныя часовни Гебровъ, шумныя пагоды Индійцевъ, — тяжелый запахъ мускуса отъ множества «musk-rats»*, живущихъ подъ землею, разлитъ по воздуху; странные звуки неумолкающей музыки.... Вотъ что съ перваго раза овладѣетъ вниманіемъ путешественника. Проходя по улицамъ, часто видишь рѣшетчатыя зданія, въ которыхъ горитъ тѣма свѣчей: это храмы Индійцевъ, гдѣ совершаютъ обряды свадьбы: женятъ десяти или двѣнадцати-лѣтнихъ мальчиковъ на пяти или шести-лѣтнихъ дѣвочкахъ. Женихъ и невѣста почти нагіе,

* Мускусовыхъ мышей.

но обвѣшанные кольцами, ожерельями, обмазанные желтой краской, окруженные множествомъ народа. Ихъ то обмываютъ, то окрашиваютъ снова, и это продолжается безпрестанно три или четыре дня, при громъ барабановъ и скрипокъ, день и ночь, и превосходить всякое описаніе. Здѣсь все игрушка, кромѣ пальмовыхъ лѣсовъ. Въ городѣ и въ окрестностяхъ, по всемъ направленіямъ и по всему острову, проведены превосходныя шоссе, впрочемъ островъ не великъ. Выѣзжая въ коляскѣ за городъ и видя разбросанныя кругомъ красивыя дачи Англичанъ, выстроенныя въ Итальянскомъ вкусѣ, можно подумать, что находишься въ Палермо; но посмотришь на этихъ голыхъ, длинноволосыхъ людей, отдѣляющихся отъ свѣтлой зелени банановъ, отъ темныхъ листьевъ кокосовыхъ пальмъ и стройныхъ арекъ, и тотчасъ же переносишься воображеніемъ въ Южную Америку.

Губернаторъ Бомбала живетъ въ великолѣпномъ дворцѣ, выстроенномъ посреди роскошнаго сада и называемомъ «Parel.» На лѣстницѣ сидятъ Индійцы, одѣтые въ Англійскія ливреи. Вы входите въ огромную и высокую залу; во всю ея длину виситъ опахало, утвержденное по срединѣ потолка: это деревянный щитъ съ полотняной бахромой, безпрестанно приводимый въ движеніе. Окна закрываются сторами, сплетенными изъ благовонныхъ травъ, постоянно смачиваемыхъ. Въ комнатахъ, не смотря на наружный душливый зной, всегда прохладно. Губернаторъ, сэръ Джемсъ Кэрнакъ, въ настоящее время оставилъ этотъ дворецъ, и живетъ на взморьѣ, въ прелестномъ загородномъ домѣ, выстроенномъ на возвышенности, называемой «Malabar-Point.» Домъ окруженъ пальмами, постоянно колеблемыми свѣжимъ морскимъ вѣтеркомъ. Сэръ Д. Кэрнакъ почтилъ меня ласковымъ пріемомъ и пригласилъ на праздникъ, дѣлаемый имъ по случаю прибытія сэра Колина Кампбеля. Онъ предлагалъ мнѣ даже поселиться у него въ Парель; но мнѣ хотѣлось жить въ городѣ, и я отказался. Непростительный промахъ, за который я потѣмъ дорого поплатился, вынося долгую пытку отъ страшнаго жара и различныхъ насѣкомыхъ.

Сегодня у губернатора балъ. По словамъ сэра Кёрнака, въ числѣ гостей будутъ Индійцы и Гебры. Англійское общество въ Бомбатъ очень многочисленно. Здѣсь нѣтъ хорошихъ гостинницъ, и по этому я занимаю верхнее жильё одного выморочнаго Гебрскаго дома; внизу помѣстился Баронъ Лёве-Веймаръ: мы наняли домъ по поламъ. Домъ нашъ состоитъ изъ огромныхъ ветхихъ покоевъ, безъ дверей, безъ оконъ, съ нѣсколькими террасами. Птицы летаютъ по моимъ комнатамъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и, кажется, не намѣрены оставить для меня своихъ привычекъ. Рядомъ съ нами празднуютъ свадьбу: барабаны и скрипки гудятъ день и ночь. Миссъ Эмма Робертсъ, въ своемъ занимательномъ сочиненіи, справедливо замѣчаетъ, что въ Бомбатъ круглый годъ праздникъ: точно — праздникъ, но преварварскій. Вечеромъ бываютъ у меня обыкновенно странныя сцены: пляски баядерокъ, за которыми можно посылать во всякое время. Баядерки составляютъ особую касту, касту очень многочисленную; единственные ихъ занятія — пляска, пѣніе и жеваніе «бетелл», вяжущихъ ротъ листьевъ, которые, говорятъ, очень полезны для желудка и отъ которыхъ сильно краснѣютъ губы. Эти плясуньи ловки и милы; платья на нихъ изъ бѣлой, розовой или малиновой дымки съ золотыми и серебряными узорами, на обнаженныхъ ихъ ногахъ навѣшены металлическія кольца и цѣпи, которыя, во время пляски производятъ звукъ, похожій на бряцаніе шпоръ, только нѣсколько серебристѣе. Приемы баядерокъ такъ отличны ото всего, что я прежде видѣлъ, такъ восхитительно-свободны, такъ своеобразны, пѣсни такъ плачевны и дики, движенія такъ мягки, сладострастны и живы, сопровождающая ихъ музыка такъ «раздирательная», что трудно обо всемъ этомъ дать приблизительное понятіе. Съ баядерками обыкновенно ходятъ мужчины суроваго вида, которые, во время пляски, слѣдятъ за плясуньями, какъ тѣни, трезвоня на своихъ инструментахъ и безпрестанно топая ногами. Невольно задумаешься о таинствахъ чудесной Индіи при мысли, что эта пляска, значеніе которой утрачено, вѣроятно, восходитъ до самой глубокой древности и

что плясуньи повторяютъ ее безсозпательно въ продолженіе тысячелѣтій. Балдерки занимаютъ цѣлыя улицы; дома ихъ высоки, легкой постройки и напоминаютъ Китайскую архитектуру. Вечеромъ они освѣщены, въ нихъ гремитъ музыка; входъ свободенъ для всякаго. Но Англичане не умѣютъ цѣнить этихъ Индійскихъ терпсихорь. Вчера у меня, во время пляски, Англичане схватили этихъ нѣжныхъ дѣвъ и начали съ ними кружить вальсъ. Это такъ ихъ обидѣло, что онѣ бросились на землю, расплакались, долго не соглашались плясать и хотѣли уйти.

Слишкомъ заняты положительными интересами, Англичане ни сколько не наслаждаются тѣмъ, что составляетъ роскошь, изящество и очарованіе Индіи. Для нихъ все это кажется пошлымъ и обыкновеннымъ. Вообще они презираютъ все, что не укоренено въ предразсудкахъ ихъ отечества, все, что не сходно съ привычными ихъ понятіями. Тщетно раскрывается передъ ними природа Индіи пылнательная, простодушная и вмѣстѣ съ тѣмъ дикая и величественная: въ отношеніи «съни» они допускаютъ только парки. Близъ Англійскихъ зданій все отстранено, что напоминаетъ Азію. Первая забота при разведеніи садовъ и парковъ состоитъ въ томъ, чтобы истребить пальмы и всю прочую растительность Индіи, посадить «cassarinas» дерево, похожее на сѣверную сосну, и подлѣть поляны, содержимыя съ необыкновенною тщательностію. Вотъ до какой крайности доходитъ патріотизмъ Англичанъ. Чѣмъ это объяснить — тоской по родинѣ? Эти люди, которые даже чувствуютъ по непреложнымъ, установленнымъ правиламъ, пренебрегаютъ природой, изумительной въ своей первобытной простотѣ, въ безконечно-разнообразномъ сочетаніи цвѣтовъ и линий — предметомъ неистощимаго наслажденія художника. Безъискусственная грація туземцовъ — для Англичанъ Еврейская грамота: простота не нравится уму, привыкшему къ вычурности. А между тѣмъ, что можетъ быть плачевнѣе смѣшныхъ нарядовъ, безобразящихъ нашихъ дамъ, въ сравненіи съ чудной первобытной одеждой Индіянокъ, скроенной и прилаженной самой природой! Представь себѣ, что мнѣ

дѣлають честь заботливо показывать «доки» монетный дворъ, паровыя машины и даже крѣпостныя строенія. Не правда ли, какъ любопытно смотрѣть на эти Европейскія рѣдкости въ Индіи?

Здѣшнее правительство — въ полномъ смыслѣ «ratgopising.» Туземцамъ, магометанамъ и Гебрамъ остается только заботиться о своихъ удовольствіяхъ и религіозныхъ обрядахъ: о безопасности ихъ печется превосходно составленная полиція.

Послѣ завтра я ѣду въ Цейланъ. Путешествіе (я ѣду моремъ) продолжится десять дней. На Цейланъ думаю пробыть не долго, можетъ быть, мѣсяць. Оттуда проѣду въ Калькутту, черезъ Мадрасъ, и тоже моремъ. Переездъ между Цейланомъ и Калькуттою можетъ продолжаться тринадцать, четырнадцать дней. Изъ Калькутты я отправлюсь по Гангу на пароходъ въ Агру, на это положимъ пятнадцать дней, а изъ Агры въ Дели. Изъ Дели въ Бомбай, сухимъ путемъ — мѣсяць, недѣль шесть, много два мѣсяца, смотря какъ поѣдешь — въ паланкинѣ, на лошади или на верблюду. Изъ Бомбая я могу воротиться подъ родимый кровъ или чрезъ Персію, или прежнимъ путемъ, или Бассорою, Багдадомъ, Дамаскомъ, Бейрутомъ и Средиземнымъ моремъ. Вотъ какія поѣздки задумалъ я, по совѣту многихъ странствователей. Боюсь только, чтобы вмѣсто путешествія не пришлось мнѣ забраться на какую-нибудь гору, во избѣжаніе страшной жары. Только что успѣлъ я сюда прѣхать, получилъ непродолжительную холеру, которая такъ потрепала меня. Но такъ какъ она прошла, мнѣ еще остается маленькое утѣшеніе — именно то, что и прочіе мои спутники заплатились тѣмъ же, одинъ за другимъ. Ночи бываютъ иногда удушливы: ни струйки вѣтерка. Говорять, въ Калькуттѣ еще душнѣе, но за то тамошніе дома расположены со всевозможнымъ удобствомъ для избѣжанія гибельной Индійской духоты. Притомъ я постараюсь выбрать время.

Теперь меня занимаетъ одно предположеніе, хоть это еще только воздушный замокъ: хочется мнѣ, по прибытіи

въ Дели, отправиться въ Лагоръ, и еще далѣе въ Кашемиръ. Это верхъ моихъ желаній. Денно и noctно преслѣдуетъ меня мысль — разоблачить непроницаемую тайну, покрывающую эту страну, такъ мало изслѣдованную. Вотъ въ чемъ дѣло: я узналъ, что Англичане посылаютъ войска въ Лагоръ и Кашемиръ*, и мнѣ кажется, что въ подобныхъ обстоятельствахъ легко можетъ представиться случай съѣздить туда. Тогда мое путешествіе продлится еще годъ, только врядъ ли достанетъ у меня на это духу. Вѣроятно, и мной овладѣетъ тоска по родинѣ. Желаніе скорѣе увидѣться съ тобой и съ нѣкоторыми изъ моихъ знакомыхъ, наконецъ невозможность устроить мои денежные дѣла, все это можетъ разстроить мои предположенія. Подумай, мой другъ, о моемъ положеніи и помощи, если можешь. Прощай.

P. S. Я ничего не писалъ тебѣ объ Аденѣ. Это мѣсто довольно своеобразное, дикое и пустынное, посѣщаемое шайками Африканцевъ и Арабовъ, совершенно первобытныхъ. Англичане устроили тамъ складочныя магазины каменнаго угля, пересылаемого изъ Англіи черезъ мысъ Доброй Надежды. Отъ того-то уголь чрезвычайно дорогъ, также какъ и переездъ изъ Суеца въ Индію. Слава Богу, Бомбайскій банкиръ принялъ мои вѣрющія письма, и я спокоенъ, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время.

На корабль, между Бомбаемъ и Цейланомъ, 28 Марта 1841.

Мы уже нѣсколько дней, сколько именно не знаю, на купеческомъ корабль; все держимся Малабарскаго берега, при постоянномъ штилѣ. Вотъ уже два дня не можемъ потерять изъ виду клочка земли, называемаго Мангалоръ. Духота нестерпимая; спимъ на палубѣ, почти раздѣтые. Днемъ, изъ приличія и уваженія къ дамамъ, надѣваемъ платье баснословной легкости, какую можно встрѣтить только въ Индіи: панталоны, рубашки и жилетъ бѣлые изъ «gass-cloth», родъ батиста; все это прозрачно, какъ только мо-

* Слухи были ложны.

жетъ позволить приличіе (Европейское). Впрочемъ очень хорошо, что такъ жарко (27° Р. въ тѣни и 37 на солнцѣ), хорошо потому, что каюты биткомъ набиты огромнѣйшими кокроаками. Нашъ капитанъ, очень достойный человекъ, оказываетъ намъ всевозможное уваженіе и вдоволь угощаетъ портеромъ и пивомъ. Мое общество уменьшилось; нѣтъ никого, кромѣ сэра Колина Кампбеля, его дѣтей и свиты, все людей крайне порядочныхъ и любезныхъ. Очень мнѣ жалко Барона Лѣве-Веймара, который остался въ Бомбаѣ, въ надеждѣ съѣсть на корабль, отправляющійся въ Бассору или Багдадъ. По рассказамъ, Цейланъ прелюбопытный островъ, покрытъ горами и непроходимыми лѣсами; дикихъ слоновъ на немъ развелось неисчислимое множество. Говорятъ, что тамошній климатъ, особенно въ столицѣ острова Канди, лучшій во всей Индіи. Мнѣ бы не слѣдовало говорить съ тобой о Цейланѣ, не выдавши его, но что дѣлать: «*far niente*» заставляетъ болтать. Говорятъ также, что на Цейланѣ очень много крокодиловъ, жабъ и, кажется, ихневмоновъ, не считая уже тысячи породъ змѣй, что немножко неприятно. Сегодня я видѣлъ одного довольно большого морскаго змѣя и, первый разъ въ жизни, издали кита и еще какую-то чудовищную рыбу, названіе забылъ. У насъ на борту маленькая обезьяна, пойманная въ Бомбаѣ, маленькая черепаха и хорекъ, котораго держатъ для крысъ, расплодившихся въ страшномъ множествѣ по всѣмъ каютамъ. До меня это не относится, потому что съ каютами у меня ничего нѣтъ общаго (по крайней мѣрѣ ночью); схожу я внизъ только завтракать и обѣдать. Я въ Бомбаѣ купилъ складную кровать съ кисейной занавѣской отъ комаровъ, и расположился на палубѣ. Теперь пишу къ тебѣ изъ моего уголка, а мои спутники сидятъ за своимъ «*lunch*,» вторымъ завтракомъ, состоящимъ изъ бисквитъ, хереса и водки. Англичане никогда не измѣняютъ заведенному порядку: та же ветчина, тотъ же фаршированный гусь, тѣ же копченныя сельди, «*Sauceppe-perreg*,» плумпуддингъ, сыръ, орѣхи и водка. Оттого они только и дѣлаютъ, что принимаютъ лекарства: каломель, «*Epsom-salts*» и т. п. У каждого есть свой

«medicine-chest» походная аптечка, начиная съ капитана, а капитанъ — толстый двадцатипяти-лѣтній парень, который постоянно наѣдается старой ветчиной и саломъ, и вслѣдъ за тѣмъ неизмѣнно принимаетъ содовые порошки въ винъ.

Читаю Сенанкурова «Обермана», который мнѣ очень нравится. Но болѣе всего занимають меня мои замыслы, довольно обширные. Не могу удержаться, чтобы не поговорить о нихъ съ тобою. Но прошу тебя, пожалуйста, не разрушай въ своихъ письмахъ моихъ воздушныхъ замковъ, не говори мнѣ, что мои предположенія безразсудны, бесполезны и невозможны. Дѣло идетъ о путешествіи въ Калькутту, по Гангу въ Бенаресь, потомъ въ Агру, Дели, Лагоръ и Кашемиръ. Последнее слово заставляетъ меня трепетать отъ радости, но вмѣстѣ съ тѣмъ я боюсь, что мои мечты — химера, за которую я ухватился отъ нечего дѣлать. Это меня и смущаетъ и приводитъ въ отчаяніе. Какъ бы то ни было, мнѣ очень хочется осуществить мою мечту. Не правда ли, чудесно увидать себя на яву, а не во снѣ, въ этомъ Кашемирѣ, въ этой таинственной долинѣ Гималая, отчужденной отъ остальнаго міра и почти неизвѣстной. Въ этомъ есть неодолимое обаяніе. Изъ Кашемира я возвращусь по Инду въ Бомбай, а оттуда поѣду по старой дорогѣ, — Египтомъ или Персидскимъ заливомъ, и въ такомъ случаѣ возвращусь въ Россію чрезъ Ширазъ и Испанію, или наконецъ, посмотрѣвъ на тотъ и другой, сверну опять къ Египту и поѣду въ Петербургъ. Все это будетъ очень много зависть отъ твоихъ предположеній и совѣтовъ. Но я боюсь, что ты меня запишешь въ отчаянные туристы. Конечно, правда: много реблческаго тщеславія во всемъ моемъ бродяжничествѣ и въ моихъ разсказахъ. — Меня очень тѣшитъ мысль, что ты будешь знать мое мѣсто-пребываніе, будешь мнѣ желать исполненія моихъ желаній и счастливаго возврата. Я знаю, что ты человекъ снисходительный и не сдунешь моихъ карточныхъ домиковъ. Если и есть во мнѣ Донъ-Кихотизмъ, ты, который столько видѣлъ и перечувствовалъ въ своей жизни, ты понимаешь,

что, освободившись отъ этого Донъ-Кихотизма, человекъ гаситъ въ себѣ послѣднія искры воображаемаго счастья и юныхъ грѣзъ. Я храню этотъ огонь, какъ Гебръ, боюсь того мрака и той пустоты, въ которые со временемъ должна погрязнуть моя душа, а можетъ быть, уже и погрязла, хотя мнѣ страшно сознаться въ этомъ самому себѣ.... Я, въ этомъ случаѣ, похожъ на умирающаго, который хочетъ разувѣрить самого себя, что послѣдняя его минута близка. Но встороню эти вѣчныя и скучныя повторенія одного и того же, и подождемъ того времени, когда я буду въ состояніи написать тебѣ о чемъ-нибудь позанимательнѣе.

31 Марта.

Опять обращаюсь къ тебѣ, любезный другъ. Пожалуй меня: я чувствую въ Индіи страшную пустоту; о музыкѣ здѣсь и поминѣ нѣтъ; нѣтъ даже людей, которые ее понимаютъ. Въ этомъ отношеніи цѣлый міръ ощущеній закрытъ для Англичанъ. Правда, у Бомбайскаго губернатора бывала за обѣдами военная музыка; но, увы! это было слабое подобіе музыки, и даже было бы лучше, еслибъ ее совсѣмъ не было. Нынѣшнюю ночь безотрадный сонъ перенесъ меня въ страну, гдѣ есть музыка, и гдѣ живутъ тѣ, къ которымъ я такъ привыкъ и такъ привязанъ. Во многомъ я отказалъ себѣ, чтобы посмотреть на Индію.... Мы все еще у Малабарскаго берега. Проезжали мимо многихъ городовъ, мимо Гоа, Мангалора, Кананора, Каликута, Котчина, и ни одного не видали. Прибрежные Индійцы подъзжаютъ къ намъ въ своихъ утлыхъ лодочкахъ, для продажи рыбы, раковъ, плодовъ, овощей и домашней птицы. Разумѣется, чѣмъ они вѣжливѣе и покорнѣе, тѣмъ презрительнѣе и грубѣе обходятся съ ними наши матросы.

4 или 5 Апрѣля.

Числа хорошенько не помню; знаю только, что уже шестнадцать дней я на корабль, да и шестнадцатый день близокъ къ концу. Говорятъ, что мы въ пятнадцати вер-

стахъ отъ Цейлана, но заштилъло* ; жара доходить до 29° Р. въ тѣни и до 40 на солнцѣ. Меня это ни сколько не беспокоитъ; я напротивъ нахожу, что жаръ очень пріятенъ и здоровъ. Мои спутники, Англичане, готовятъ мундиры для торжественнаго входа въ Коломбо, куда мы пристанемъ. Это подаетъ мнѣ надежду и оживляетъ меня: подумай, какая мнѣ скука — быть невольнымъ зрителемъ виста, котораго я не понимаю, но который тянется шестнадцать дней непрерывно. Къ нашему кораблю пристають суда удивительно легкія и необыкновенной постройки: онѣ идутъ изъ Цейлана. Гребцы мнѣ неизвѣстной породы, о которой я ничего не могу сказать.

Цейланъ, Коломбо, 14 Апрѣля 1841.

Коломбо, главный городъ Цейлана, болѣе похожъ на пространный лѣсъ или огромный садъ. Онъ населенъ Чингалами, Малабарцами, Малайцами и Маврами, которые живутъ въ хижинахъ, подъ густыми навѣсами кокосовыхъ, орѣховыхъ и другихъ деревьевъ. Взоръ Европейца невольно поражается всей этой природою, съ необычайными ея растеніями, и ему кажется, что онъ видитъ ботаническій садъ огромнаго объема.

Вчера, между пятью и семью часами, я катался, съ здѣшнимъ моимъ лакеемъ, Малайцемъ, въ закрытой каретѣ, запряженной въ одну лошадь; возлѣ лошади бѣжалъ кучеръ Чингалъ, весь голый, какъ дикарь, съ длинными, распущенными волосами. Я видѣлъ трехъ слоновъ: два стояли подъ зеленымъ навѣсомъ пальмъ, третій купался въ прудѣ. Чингалы охотно провели ихъ нѣсколько разъ возлѣ меня, и я рисовалъ съ нихъ маленькій очеркъ. Воздухъ былъ тяжелъ;

* Мы простояли еще шесть дней, до прибытія въ Коломбо, главный морской городъ Цейлана. Такимъ образомъ изъ Бомбая въ Коломбо мы прибыли въ 23 дня. Говорятъ, что въ благопріятную погоду этотъ путь можно бы сдѣлать въ осемь, десять дней.

небо изкрасна-сѣроватаго цвѣта; часто сверкала молнія; вдали гремѣлъ громъ. Я продолжалъ прогулку, не смотря на накрапывавшій дождь, который впрочемъ освѣжилъ удушливый воздухъ. Малаецъ немного болталъ по-Англійски, и я спросилъ у него, стѣитъ ли осмотрѣть что-нибудь въ видѣвшемся вдали лѣсѣ, который казался мнѣ мрачнѣе всего окружающаго. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что это такъ называемый «jungle,» что тамъ людей нѣтъ, а есть тигры и гѣены; слоновъ также нѣтъ: они водятся внутри острова. Увидавши далѣе пустынную и таинственную дорогу, я спросилъ, куда она ведетъ. Малаецъ сказалъ, что это дорога въ Канди, столицу Цейлана; но онъ мнѣ не совѣтовалъ туда ѣхать, потому что эта страна сѣверная, очень холодная, и Чингалы тамъ менѣе образованы; носятъ большія бороды и длинные нечесанные волосы. Было уже поздно; возвращаясь по другой дорогѣ, я спросилъ, что за огоньки мелькаютъ тамъ и сямъ между пальмами. Это были деревенскіе храмы Будды, сдѣланные изъ бамбука и кокосовыхъ листьевъ. Приблизившись къ одному изъ этихъ зданій, я увидалъ при свѣтѣ лампы изъ кокосоваго орѣха грубый истуканъ «Шагимуни,» называемаго здѣсь Буддою. Я помню, что наши Астраханскіе Калмыки называютъ «Шагимуни» такое же изображеніе. Другой истуканъ былъ съ слоновымъ хоботомъ. Возлѣ меня стояли два или три Чингала, которые казались очень довольными тѣмъ, что я рассматриваю ихъ храмъ, но, можетъ быть, не позволили бы мнѣ войти въ него. Впрочемъ, можетъ быть, это были и не Чингалы. Я до сихъ поръ не привыкъ еще различать ни породъ, ни религій этой страны.

Сейчасъ прервалъ мое письмо Малаецъ, принесшій цинковки и различныя плетенья изъ соломы. Малайцы приходятъ ко мнѣ часто: здѣсь все открыто для чистоты воздуха, и поэтому входъ свободенъ для всякаго. Принесли мой завтракъ: рисъ, ананасы, бананы (немного прѣсноватые, но здоровые и вкусные плоды) и всегда темно-зеленые апельсины, даже въ самой зрѣлости. Есть еще огромные

апельсины, величиной съ небольшою арбузъ, красноватые внутри, немного кисло-сладкіе, но вкусомъ оцѣ хуже маленькихъ апельсиновъ. Этотъ плодъ называется «помело.» Здѣсь безчисленное множество другихъ плодовъ, и прѣсноватыхъ, и сладкихъ; всѣ они, разумѣется, растутъ въ дикомъ состояніи, какъ ананасъ, который служитъ потравою кабанамъ. Чтобы имѣть здѣсь огурцы и капусту, нужно завести не теплицы, а «холодницы.»

Англичане недавно проникли во внутренность острова, и это стоило имъ много трудовъ: лѣса непреходимы и затканы паутиной, такъ что Англичанамъ нужно было подвигаться впередъ шагъ за шагомъ и постоянно быть насторожѣ отъ Чингаловъ, всегда готовыхъ напасть въ располхъ и перерезать смѣлыхъ путешественниковъ. Прибѣгнули къ помощи Малайцевъ, нарочно вывезенныхъ изъ Явы, и тѣ проползли лѣсными чащами, какъ дикіе звѣри, перебили множество Чингаловъ своими ядовитыми «криссами» (оружіе) и покорили Англичанамъ внутренность Цейлана. Съ тѣхъ поръ были образованы Малайскіе полки. Всѣ эти свѣдѣнія я получилъ отъ моего Малайца; мнѣ положительно извѣстно только то, что Чингалы очень боятся Малайцевъ.

Прогулка моя не кончилась, и по временамъ, сквозь вѣтви деревьевъ, одѣтыхъ мракомъ, я видѣлъ большіе огни: это поселеніе жгли навозъ. Но огонь ночью, и притомъ въ лѣсу, всегда чаруетъ воображеніе, думаю потому, что невольно при этомъ приходитъ въ голову мысль о разбойникахъ, волшебницахъ, бродящихъ цыганахъ, и т. д. Часть города, въ которой я живу, имѣетъ характеръ чисто Голландскій, и не мудрено, потому что Коломбо принадлежалъ прежде Голландіи. Возвратясь домой, я пошелъ обѣдать къ новому Цейланскому губернатору, съ которымъ я пріѣхалъ и который принимаетъ меня какъ роднаго. Послѣ обѣда я отправился съ нѣсколькими пріятелями въ казармы Англійскаго полка, и тамъ одинъ офицеръ рассказывалъ мнѣ, что на одной изъ охотъ въ окрестностяхъ Канди ему случи-

лось убить сорокъ слоновъ*. Истребленіе этихъ живѣтнхъ очень полезно, потому что они опустошаютъ поля и опасны; по своему огромному числу, превышающему народонаселеніе острова, не только путешественникамъ, но даже и поселянамъ. Статистическія данныя о Цейланѣ до того невѣрны, что иные полагаютъ народонаселеніе острова до полутора, а другіе до пяти милліоновъ жителей. Первая цифра болѣе принята.

На другой день вечеромъ я отправился на взморье, подъ пальмы, въ Индійскую хижину, жилище четырехъ Индіанокъ, изъ которыхъ одна была недурна. Она была еще молода, еще полна жизни, полна врожденной граціи, но въ приѣмахъ ея было что-то обезьянье, на всей на ней лежала печать тупоумія и ранняго отцвѣтанія. Мужчины Чингалы женоподобіе самихъ женщинъ. Съ поясицы до ногъ они укутаны въ бѣлыя или узорчатыя ткани, которыя такъ плотно прилегаютъ къ тѣлу, что связываютъ движенія. Грудь и спина иногда обнажены, а иногда на плечи накинута бѣлая тонкая куртка: по ея уродливости, я догадываюсь, что это Голландское нововведеніе. Всякое смѣшеніе Европейской одежды съ Индійскою безобразно и отличается отсутствіемъ изящества. Иной разъ Чингалы надѣваютъ платочекъ, какъ Европейки, но на голую грудь. Длинныя ихъ волосы собраны на затылкѣ подъ одинъ а иногда и подъ два гребня, высокіе, красиво выдѣланные изъ черепахи. Это очень смѣшно, особенно въ Англійскихъ домахъ, гдѣ всѣ слуги одѣты или въ Голландскія ливреи, съ высокой тальей, съ узенькими фалдами въ родѣ ласточ-

* Въ послѣдствіи я узналъ, что одинъ изъ Англійскихъ чиновниковъ, знаменитый охотникъ, проводившій большую часть времени въ «джонгляхъ», убилъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ до 700 слоновъ. Когда я, четыре года спустя, встрѣтилъ его на Цейланѣ, въ спискахъ его стоялъ уже тысяча одинъ убитый слонъ. Говорятъ, онъ порядочно выручалъ денегъ за клыки, посылаемые въ Англію. Пара хорошихъ клыковъ продается по 60 ф. стерлинговъ. Зубы тоже въ цѣнѣ.

кина хвоста, и съ эполетами, или въ старыя Голландскіе камзолы. Но весь этотъ костюмъ и даже Китайская прическа, — принадлежности образованныхъ Чингаловъ и преимущественно въ Коломбо. Въ другихъ мѣстахъ они пускаютъ свои длинныя волосы на вѣтеръ и ходятъ почти нагіе. Чингалы, обитающіе въ глубинѣ острова, пробираютъ волосы на лбу, а сзади сплетаютъ въ косы или просто закидываютъ на спину, — что довольно красиво.

Бенгальскіе факиры, находящіеся въ Цейланъ, заворачиваютъ свои волосы на головѣ въ видѣ чалмы. Молодые Малайцы покрываютъ свою голову платкомъ, свитымъ чалмою, а по вискамъ ихъ сбѣгаютъ пряди волосъ, курчавыхъ и черныхъ, какъ вороново крыло. Черты ихъ лица Калмыкскія. Я съ удивленіемъ узналъ, что они Монгольскаго происхожденія, но исповѣдуютъ магометанскую вѣру. Какимъ образомъ прокрался Исламизмъ въ эти отдаленныя страны, я еще не берусь объяснить. Старики Малайцы отвратительны; ихъ губы, языкъ, десны и зубы словно окровавлены отъ безпрестаннаго жеванія бетеля. Эта несчастная привычка влечетъ за собою еще то неудобство, что онъ нея крошатся зубы, и красный ихъ цвѣтъ со временемъ обращается въ черный. Рѣдко можно встрѣтить молодую дѣвушку, лѣтъ 18 и менѣе, у которой зубы не были бы испорчены бетелемъ. На сѣверъ Индіи другое дѣло; тамъ употребленіе бетеля рѣже, потому что бетель растеніе тропическое.

Бѣдные туземцы и дѣти, приносящіе свои рукодѣля изъ слоновой кости, чернаго дерева и финиковыхъ листьевъ, свободно входятъ въ комнаты, не подозрѣвая въ этомъ никакого неприличія, и бывають очень изумлены, когда слуги выгоняють ихъ вонъ. Ты понимаешь, что я съ своей стороны стараюсь принимать ихъ какъ можно ласковѣе. Мнѣ жалко, когда ихъ выгоняють: по ихъ лицамъ разлиты такое простодушіе и кротость, они такъ тихи, спокойны и покорны. Мнѣ кажется всегда, что эти бѣдныя дѣти природы, удаляясь медленными шагами отъ негостеприимнаго

порога, думаютъ о томъ, какаго труда стоила имъ работа и какъ мало оцѣнили этотъ трудъ.... И возвращаются они въ свою хижину, подъ пальмы и ареки, къ бѣдной своей семьѣ, у которой нѣтъ куска хлѣба: у нихъ только и есть, что ананасы. По этому-то, послѣ многихъ лѣтъ терпѣнія и тщетной надежды на состраданіе ближняго, туземцы измѣняются, взглядъ ихъ становится безпокойнымъ и тускнѣетъ, черты лица осовываются, бетель портитъ имъ зубы, и становятся они отвратительны своимъ безобразіемъ, и истребляется въ ихъ душѣ всякое состраданіе къ другимъ людямъ. Человѣкъъ вездѣ одинъ и тотъ же!

Одинъ изъ моихъ спутниковъ, на чье общество я болѣе всего рассчитывалъ, приходитъ въ совершенное отчаяніе. Что за страна! Ни висту, ни скачекъ, ни клубовъ, ни порядочныхъ домовъ! Да еще и задыхаешься отъ жару! Собственно для меня всѣ эти лишенія рѣшительно ни почемъ, какъ ты и самъ догадаешься... Узналъ я, что Малайцы — Монголы, закинутые сюда во время великаго переселенія Монголовъ или Манчу, точно также, какъ шайки Аттылы забрели въ Венгрію, Россію, и т. д.

Цейланъ, Коломбо, 20-го Апрѣля 1841.

На дняхъ, прогуливаясь по лѣсу, я замѣтилъ Малабарскую женщину пріятной наружности. Она была въ красной одеждѣ, и стояла подлѣ хижины съ нѣсколькими мужчинами. Привлеченный этой живой картиной, обрѣмленной въ зелень, я подошелъ къ нимъ. Въ хижинѣ, подлѣ открытаго сундука, стоялъ человѣкъ на колтняхъ и вытаскивалъ изъ него, какъ будто на пересмотръ кучу различныхъ украшеній изъ цвѣтныхъ камней и стекла—бусъ, нанизокъ, нашивокъ на золоченыхъ или раскрашенныхъ пластинкахъ разной формы, странныхъ головныхъ уборовъ, масокъ, поручней, оплечій, ожерелій, огромныхъ серегъ, и пр. и пр. Это — хижина одной Малабарской баядерки съ ея труппой и шайкой комедіантовъ. Первою мыслию, которая пришла мнѣ въ голову,

было заказать на другой же день къ вечеру представленіе комедіи, за 10 рупій. Такимъ образомъ, на другой же день, стойчески отказавшись отъ приглашенія губернатора къ объѣду, я явился въ семь часовъ вечера къ хижинѣ баядерки и нашель, что мѣсто представленія было уже освѣщено лампами изъ кокосовыхъ орѣховъ, разставленныхъ на бамбуковыхъ подставкахъ. Меня пригласили сѣсть на пень кокосоваго дерева. Двое изъ полуобнаженныхъ, со свѣточами въ рукахъ, растянули передо мной бѣлый пологъ, за которымъ собрались дѣйствующія лица представленія. Барабанъ забарабанилъ, колокольчики зазвенѣли, и весь лѣсъ, до того мирный и безмолвный, вдругъ оживился толпами дикарей, подкрававшихся со всѣхъ сторонъ — взглянуть на любопытное зрѣлище. Безчисленное множество ребятъ и женщинъ расположились вокругъ на циновкахъ, а между деревьявъ выставились мѣдныя, суровыя лица нагихъ, длинноволосыхъ мужчинъ, освѣщаемыхъ гробовыми свѣточами. Изумленный взоръ блуждалъ еще по этимъ привидѣніямъ, появившимся во мракѣ лѣса, какъ вдругъ занавѣсъ упалъ, и я съ новымъ изумленіемъ былъ пораженъ блескомъ, роскошью, разнообразіемъ одеждъ, украшеній, чудными, странными положеніями открывшейся передо мною труппы новыхъ лицъ. Главнымъ лицомъ былъ древній Индійскій Раджа, или Царь, великолѣпно разряженный, съ раскрашеннымъ лицомъ, подобно Индійскимъ божествамъ. Въ рукахъ его былъ «криссъ», которымъ онъ производилъ различныя мановенія. Подлѣ была Царица, вся въ золотѣ и цвѣтныхъ камняхъ, дѣлала странныя, быстрыя движенія руками, ногами и всѣмъ гибкимъ станомъ. Она была очень худошавая, но пріятной наружности, и пѣла визгливымъ голосомъ, который ни сколько не согласовался съ хоромъ. Тутъ же былъ царскій вельможа, также съ криссомъ въ рукахъ, и шутъ съ длинной бородой и съ отромнымъ брюхомъ; потомъ еще мужчина, богато разряженный и представлявшій супругу вельможи; наконецъ молодой человекъ, въ фантастическомъ нарядѣ, также сходнымъ съ облаченіями Индійскихъ бо-

жествъ. Всѣ эти лица разыгрывали мнѳологическую Индїйскую драму. Вся группа плясала; тѣлодвиженїя великаго Раджи походили на подергиванїя и очень мало соответствовали его сановной длинной одеждѣ. Черты его лица были ярки и блестящи; лицо было расписано желтой краской, въ означенїе высокаго сана; рѣчь его дышала важностью; глаза блистали, и онъ потрясалъ въ рукахъ криссъ изъ золоченнаго дерева. Вдругъ выбѣжало на сцену нѣсколько обнаженныхъ человекъ съ деревянными криссами. Въ слѣдъ за ними явился Раджа — непрїятель съ своею ратью, точно также блестяще облаченный, съ тою разницею, что за спиной его былъ раскинутъ павлиній хвостъ, а въ рукахъ его были павлиньи перья, которыми онъ махалъ, какъ изступленный. Началось сраженїе. Пришлецъ побѣдилъ, сорвалъ вѣнецъ съ побѣжденнаго и возсѣлъ на его тронъ на витыхъ ножкахъ. Началось поклоненїе похитителю. Потомъ явился чародѣй, въ остроконечной шапкѣ, полуобнаженный, огромный ростомъ, съ длинными ниспадающими волосами, съ широкими ожерельями до пояса; лицо исписано таинственными знаками желтой краской. Неистовыя пѣсни и пляски продолжались еще, когда я отправился домой, гдѣ меня ожидалъ скромный ужинъ изъ остатковъ утки и курицы. Описанное мною зрѣлище происходило верстахъ въ семи или осми отъ Коломбо.

Цейланъ, 20-го Мая 1841.

Я—въ тридцати пяти миляхъ отъ Канди, въ уединенномъ домѣ; лежу на кровати, тщательно закрытой занавѣской; по высокой, обширной комнатѣ пробѣгаетъ вѣтерокъ; сторы еле-еле пропускаютъ дневной свѣтъ. Въ моемъ уединенїи царствуетъ унылая тишина, взрѣдка прерываемая жужжанїемъ насѣкомыхъ, крикомъ попугавъ и обезьянъ. Кругомъ на далекое пространство раскинулись тѣнистые лѣса кокосовъ, бамбука, арѣкъ, джагаръ, зонтичной пальчатки, кофейныхъ деревьевъ, коричневыхъ лавровъ и раз-

личныхъ ползучихъ растений.... Страшно носиться думой по этимъ вечно-зеленымъ, мрачнымъ лабиринтамъ, гдѣ бродятъ безчисленные стада слоновъ, гдѣ свирѣпыя тигры рыскаютъ по влажнымъ джонглямъ и гдѣ змѣи скользятъ въ ананасовыхъ кустарникахъ.

Въ этомъ тѣнистомъ островѣ сумракъ воздуха полонъ электричества. Блестанье молніи необыкновенно часто; оно поминутно освящаетъ вершины горъ и глубины пропастей, поросшихъ густыми непроходимыми лѣсами. Безмолвіе прерывается отдаленными раскатами грома, съ приближеніемъ равноденственныхъ бурь, и ушлой стукотней тамтама бонзовъ, раздающейся въ чащѣ лѣсовъ, потому что нерѣдко въ самой непрístupной густотѣ ихъ сокрыты таинственные храмы, гдѣ отправляется древній Буддизмъ во всей своей первобытной странности. Если воображеніе повлечетъ васъ по сырой тропѣ, подѣ навѣсомъ вѣтвей, сквозь которыя никогда не проникаетъ солнце, къ одному изъ такихъ сельскихъ храмовъ, васъ встрѣтятъ тамъ степенные, привѣтливые жрецы, въ желтыхъ хламидахъ, съ бритой головой и бородой, и введутъ подѣ кровль. Здѣсь запахъ рѣдчайшихъ цвѣтовъ наполняетъ атмосферу, и мерцаніе лампы съ теплящимся кокосовымъ масломъ освѣщаетъ огромнаго Будду, высѣченнаго въ скаль и раскрашеннаго яркими красками, предпочтительно оранжевой или желтой. Будда, стоя или лежа, занимаетъ всю высоту или всю длину храма. Эти жрецы, одушевленные добротнымъ, простосердечнымъ гостепріимствомъ, тотчасъ же предлагаютъ чисто изготовленную трапезу, состоящую изъ растительныхъ припасовъ. Дѣти, воспитанныя при храмахъ, окружаютъ съ ребяческимъ любопытствомъ чужеземца. Одни вѣютъ на него опахалами и предлагаютъ студеной воды, другія зажигаютъ огонь и наскоро готовятъ сигаретки изъ нарванныхъ въ саду листьевъ, или подчуютъ бетелемъ, сахарной тростью, или какими-нибудь чудовищными плодами, которые, кажется, могутъ только присниться. Одинъ изъ нихъ, замѣтивъ, что прядь моихъ волосъ ниспадала на глаза, тихонько вынулъ

изъ-за пояса гребешокъ и предложилъ мнѣ его очень серьезно и не говоря ни слова. (Чингалы обращаютъ большое вниманіе на волосы, которые носятъ очень длинными.) Угощеніе совершается съ безмолвной почительностію.... Эти лѣсные священнодѣйствователи внушаютъ ученикамъ своимъ благосклонность и кротость, образуя изъ нихъ спокойныхъ и добрыхъ людей. Этими свойствами отличаются Чингалы—уроженцы Цейлана, которые проводятъ жизнь добродетельно и однообразно. Люди, живущіе въ этой чудно-прекрасной странѣ, счастливо созданы: черты лица ихъ благородны, выраженіе кротко и простоудушно; они отличаются статностію, высокимъ ростомъ, пріятностію тѣлодвиженій, роскошью длинныхъ черныхъ волосъ, которые ниспадаютъ волнистыми прядями или заплетенными косами на темномѣдвяныя плеча. Простая одежда ихъ состоитъ изъ бѣлой, красной или пестрой ткани, которая красиво облегаетъ поясну.

Иногда ввечеру необычайный грохотъ поражаетъ изумленного чужестранца; нестройный звукъ грубыхъ орудій потрясаетъ воздухъ и оглашаетъ лѣса. Глусливый голосъ Тибетскаго фагота терзаетъ слухъ, но блескъ зажженныхъ факеловъ освѣщаетъ процессію торжественнаго переезда на слонахъ останковъ Будды изъ одного храма въ другой. Смоляные факелы распространяютъ запахъ похороннаго опиума. Это фантастическое шествіе, при барабанномъ боѣ, которому слабо вторятъ колокольчики, украшающіе упряжь чудовищныхъ животныхъ, и строгое выраженіе лицъ, озаренныхъ пламенемъ горячей смолы, представляютъ фантазмагорію, которая, съ удаленіемъ этого поѣзда, кажется сновидніемъ. Совершивъ свой узаконенный кругъ, процессія возвращается обратно въ храмы, и первый слопъ входитъ на ступени, гдѣ съ него снимаютъ священную ношу. Въ это время жрецы охотно показываютъ сокровища храма, исчисляя странныя имена Раджей, обогатившихъ его своими приношеніями. Массы золота покрываютъ знаменитый зубъ Будды, обладаніе которымъ означаетъ обладаніе Чингалами Цейлана. Теперь этотъ зубъ находится во власти Англичанъ,

подъ крѣпкой Малайской стражей, готовой осыпать ядовитыми стрѣлами каждаго, кто пожелаетъ изъяснить поклоненіе священному зубу на слишкомъ близкомъ разстояніи. Жрецы принимаютъ въ благосклонное расположеніе иностранца, съ уваженіемъ разсматривающаго ихъ святыню. Они хотѣли оказать мнѣ особенное уваженіе, предложивъ возсѣсть на слона, едва освобожденнаго изъ-подъ бремени Будды: помѣстили меня на спину животного и повезли по одной изъ улицъ Канди. — Корнакъ вооруженъ тяжелымъ желѣзнымъ зубцомъ, потому что слонъ предательское и хитрое животное, у котораго ничего не прочтешь на лбу, всегда мрачномъ, какъ Цейланскіе лѣса. Современемъ я долженъ привыкнуть къ слону, какъ къ каретѣ, потому что въ сѣверныхъ провинціяхъ рѣдко представляется другой способъ перемѣщенія. Перейдемъ теперь къ предметамъ болѣе занимательнымъ, хотя и болѣе плачевнымъ.

Въ «джонгляхъ» живутъ полудикія женщины, почти нагія, дѣти, старики, цѣлыя семейства изгнанниковъ, которымъ со временъ жестокихъ Кандійскихъ Царей единственнымъ кровомъ служатъ пальмовыя листья. Это поколѣніе падшихъ вельможъ подвергнуто проклятію, но не смотря на свое уничтоженіе, сохранило и красоту лица и роскошь формъ. Англійское правосудіе приняло теперь этихъ несчастныхъ подъ свое покровительство. Въ моихъ прогулкахъ я часто встрѣчалъ одну изъ женщинъ этого класса. Она обыкновенно выбѣгала изъ кустарниковъ, просила у меня денегъ, и каждый разъ я отдавалъ ей все, что бывало при мнѣ: такъ велико было ея обаяніе и такъ она была бѣдна. Однажды эта женщина, которой обликъ, плѣнительныя движенія и блестящій взглядъ и теперь еще передо мною, повела меня въ свою хижину, взяла у меня всѣ деньги и стала просить еще. Я съ важнымъ видомъ объяснилъ ей, что передалъ ей все мое состояніе и самъ сдѣлался бѣднякомъ. Тогда она, бросивъ на меня пытливый взглядъ, вышла изъ хижины и воротилась съ пригоршней серебряныхъ

монетъ. Не правда ли, эта простодушная, легковѣрная доброта трогательна въ полудикомъ существѣ? Я хотѣлъ-было возвратить ей ея сокровище, но три ея мужа, мать и отецъ вырвали у меня деньги изъ рукъ; я былъ одинъ, и о сопротивленіи нечего было и думать. Впрочемъ мужа не только не ревнивы, но даже навязываютъ своихъ женъ желающимъ. Отцы и матери точно также поступаютъ съ дочерями.

Плѣнительная красота и таинственность этого волшебнаго острова чаруютъ воображеніе и погружаютъ душу въ сладостныя грезы, а между тѣмъ мысль безпрестанно улетаетъ въ холодную страну, въ сосновый боръ, въ знакомые города, однообразныя деревни, въ страну мнѣ дорогую, потому что въ ней въ первый разъ забилось мое сердце дружбой, благодарностью, любовью и горемъ.

Прим. Отрывки изъ путешествія по Индіи отчасти уже знакомы нашимъ читателямъ (см. NN 11 и 12); но мы не исключили здѣсь этихъ мѣстъ, чтобъ не нарушить общности повѣстической картины всей страны и порядка описанія.

СТОКГОЛЬМЪ.

(ГЛАВА ИЗЪ ДНЕВНИКА , ВЕДЕННАГО ВЪ ШВЕЦИИ.)

ПЕРЕЪЗДЪ ИЗЪ ФИНЛЯНДИИ. — ПРИВЪТІЕ ВЪ СТОКГОЛЬМЪ. — ВЪЗНЪШНЯЯ ФИЗИОНОМІЯ ГОРОДА. — ЭКИПАЖИ. — ПУБЛИЧНЫЙ САДЪ. — ЮЖНОЕ ПРЕДМЪСТЬЕ. — МОНСБЕВА ГОРА. — РУССКОЕ ПОДВОРЬЕ. — ПЕРВЫЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКІЯ СНОШЕНІЯ МЕЖДУ РОССІЕЮ И ШВЕЦІЕЮ. — КОРОЛЕВСКІЙ ДВОРЕЦЪ.

Вечеромъ сдѣлалось такъ темно , что капитанъ нашъ въ десять часовъ рѣшился бросить якорь противъ Аландскаго острова *Дегербю* , гдѣ безъ того надобно было остановиться , потому что тамъ Финляндская таможня. Когда я проснулся рано утромъ , мы плыли уже по Аландскому морю , которое на разстояніи 75 верстъ отдѣляетъ оставшійся за нами архипелагъ отъ Шведскихъ шкеровъ. Переплывъ это открытое пространство , вошли мы въ проливъ *Фурузундъ*. Тутъ на берегу видно нѣсколько зданій: это Шведская таможня и обойная фабрика. Мы опять стали , и капитанъ на шлюпкѣ отправился туда для предъявленія списка бывшихъ съ нимъ пассажировъ и товаровъ. Во время его отсутствія , къ пароходу приблизилось нѣсколько маленькихъ лодокъ; въ нихъ сидѣли оборванные мальчишки , которые обрадовались случаю попросить милостыни. «Дайте мнѣ монетку», раздавалось жалобно и протяжно , то съ одной , то съ другой лодки , и мѣдныя деньги полетѣли съ парохода. Вскорѣ капитанъ воротился; съ нимъ были двѣ дамы , которыя присоединились къ нашему обществу. Мы пустились далѣе.

Намъ оставалось четыре часа плаванія. «Теперь въ Стокгольмъ уже знаютъ, что мы здѣсь,» сказалъ мнѣ маіоръ О., возвращавшійся домой изъ Петербурга, куда онъ отвезъ пароходъ, заказанный въ Швеціи. Онъ прибавилъ, что о прибытіи парохода всякій разъ извѣщаетъ столицу телеграфъ, построенный въ Фурузундѣ, рядомъ съ таможеней. Справа уже видна была твердая земля Швеціи — берегъ области Рослагена. Отчизна Рюрика и Варяго-Руссовъ! привѣтствую тебя! Такъ на моемъ мѣстѣ сказали бы Баэртъ, Шлецеръ, Карамзинъ. Я считаю вопросъ о родинѣ Варяго-Руссовъ еще нерѣшеннымъ, но въ такомъ почетномъ обществѣ какъ не сказать того же? И я повторилъ про себя невольное привѣтствіе. Разсѣянные тутъ шкеры не такъ голы и безжизненны, какъ со стороны Финляндіи, но часто покрыты даже листовымъ лѣсомъ, изъ-за котораго показываются красныя домики и пасущіяся коровы. Между тѣмъ и на твердой землѣ являются то крестьянскія жилища, то помѣщичьи усадьбы, построенныя по большой части въ старинномъ вкусѣ, котораго отличительныя черты — громадность, просторъ и прочность.

Вотъ вдали виднѣется высокая круглая башня съ остроконечною крышею: это крѣпость *Фредриксборгъ*, основанная уже послѣ царствованія Карла XII, но въ послѣдствіи признанная бесполезною по своему положенію, почему нынче и служить она только пороховымъ магазиномъ. Вотъ, при крутомъ поворотѣ, вдругъ открылась крѣпость *Ваксгольмъ*, главнымъ своимъ зданіемъ похожая на предъидущую. Она первоначально построена была еще Густавомъ Вазою, чтобы служить оплотомъ столицѣ, и занимаетъ небольшой островъ близъ берега, при самомъ входѣ въ заливъ, оканчивающійся у стѣнъ Стокгольма. Противъ крѣпости на твердой землѣ городокъ или мѣстечко *Ваксгольмъ*; на красномъ домикѣ, у самой воды, читается надпись: *кожевенный заводъ*. Передъ нимъ стоялъ цѣлый рядъ работниковъ, выбѣжавшихъ полюбоваться стройнымъ видомъ быстро и шумноплывущаго судна.

Изъ зданій Стокгольма прежде всѣхъ показалась вдали церковь Св. Екатерины, стоящая надъ возвышенностями южной части города. Но до того мы долго неслись мимо такъ называемаго Звѣринца (Djurgården), острова, служащаго любимымъ гульбищемъ столичныхъ жителей; берегъ, лежавшій вправо отъ насъ, былъ унизанъ красивыми дачами. Наконецъ открылся передъ нами цѣлый амфитеатръ домовъ, и я могъ уже собственными глазами повѣрить молву о чудномъ мѣстоположеніи Стокгольма. Въ самомъ дѣлѣ, оно необыкновенно живописно: съ трехъ сторонъ представляется взорамъ берегъ, обстроенный каменными домами, и на крутыхъ высотахъ, налѣво, опять громоздится зданіа. За густымъ рядомъ домовъ поднимаются въ воздухъ шпицы трехъ церквей: Большой, Нѣмецкой и Риддаргольмской. Стокгольмъ расположенъ частью на твердой землѣ, частью на островахъ. По одну сторону озера Мелара лежитъ *сѣверное*, по другую—*южное* предместье; между ними большой островъ составляетъ собственно такъ называемый *городъ*: вотъ три главныя, основныя части Стокгольма. Съ восточнаго края островъ или *городъ* (Staden) омывается заливомъ морскимъ, а съ западнаго водами озера, которое тутъ и начинается. Къ острову, съ юга и съ сѣвера, проведены мосты: изъ нихъ особенно замѣчательнъ наиболѣе посѣщаемый *Сѣверный мостъ* (Norrbro). За этимъ мостомъ, по сѣверному предмѣстью тянутся двѣ длинныя и прямыя улицы, лучшія въ цѣломъ городѣ: *Королевина* (Drottningsgata) и *Правительственная* (Regeringsgata). На сѣверномъ берегу острова красуется величественный королевскій дворецъ. Противъ него пристань, у которой остановился нашъ пароходъ. Тутъ явилось къ намъ нѣсколько таможенныхъ досмотрщиковъ. Они исполняли свое дѣло скоро и для всѣхъ насъ очень покойно. Сначала я приписывалъ это ихъ деликатности; но скорѣе переѣнилъ свое мнѣніе, увидѣвъ, какъ одинъ изъ пассажировъ сунулъ монету въ руку досмотрщика. Я не захотѣлъ послѣдовать такому примѣру, однакожъ потомъ раскаялся, когда мнѣ сказали, что всѣ эти люди народъ бѣдный, и что нужда не позволяетъ имъ отвергать сострадательность пассажировъ

На берегу стояло множество носильщиковъ съ мѣдными бляхами на шляпахъ. Какъ скоро кто-нибудь сходилъ съ парохода, они окружали его, предлагая свои услуги, и начинали спорить, кому нести вещи. Я обратился къ первымъ двумъ, какіе мнѣ попались. «Эти уже разъ носили сегодня,» сказалъ въ толпѣ одинъ изъ ихъ товарищей, и полицейскій, ходившій тутъ въ гражданскомъ сертукѣ, назначилъ мнѣ другихъ. Они взвалили поклажу мою на носилки и пошли со мной въ Королевицу улицу, гдѣ я намѣренъ былъ поселиться въ Hôtel garni, какъ въ лучшей Стокгольмской гостинницѣ. Во время этого перехода возмъ меня все шелъ какой-то человекъ, съ виду немножко почище лакея, и усердно совѣтовалъ лучше отправиться въ Hôtel d'Angleterre, трактиръ, который, по его словамъ, правда, нѣсколько подальше, но гдѣ за то комнаты отдаются гораздо дешевле. Въ Hôtel garni все было занято, кромѣ не многихъ конурокъ подъ небесами, и потому я дѣйствительно предпочелъ Hôtel d'Angleterre, гдѣ мнѣ показали во второмъ этажѣ нѣсколько очень чистыхъ и хорошо убранныхъ покоевъ, окнами на улицу. Я взялъ двѣ комнаты, за которыя, какъ сказалъ мнѣ здѣшній лонъ-лакей (человекъ, провожавшій меня отъ парохода), буду я платить $6\frac{1}{2}$ риксдалеровъ, т. е. 9 руб. асс. въ недѣлю. «А если я пробуду здѣсь менѣ недѣли?» О, отвѣчалъ мнѣ лонъ-лакей, а за нимъ то же повторила и служанка: наша хозяйка лишняго ни съ кого не возьметъ: вы можете быть покойны! — Скоро явилась сама хозяйка съ другою дамой; извиняясь, что комнаты не совсѣмъ въ порядкѣ, потому что здѣсь наканунѣ какой-то проѣзжій справлялъ свадьбу, она занялась залогомъ, покрыла диваны чехлами и вскорѣ все привела въ наилучшее устройство. Носильщики, уходя, потребовали и получили по риксдалеру на брата (по 1 р. 20 к.); лонъ-лакей замѣтилъ, что съ ними напередъ надобно было порядиться, потому что это безсовѣстный народъ.

Въ Стокгольмѣ квартира и столъ рѣдко бываютъ соединены въ одной и той же гостинницѣ. Такъ и въ Hôtel d'Angleterre не даютъ постояльцамъ ничего, кромѣ кофею, чаю и т. п.

Я пошелъ обѣдать въ Hôtel de Suède, одну изъ гостинницъ на Королевиной же улицѣ; ихъ здѣсь четыре или пять, въ томъ числѣ есть и Hôtel de Russie. Общаго стола въ этомъ городѣ не знаютъ, и въ Hôtel de Suède я нашелъ множество посѣтителей, расположенныхъ вдоль стѣнъ за маленькими столами; въ другой комнатѣ былъ, правда, и большой столъ, но за нимъ также обѣдали по картѣ. Опрятныя прислужницы проворно исполняли всѣ требованія. Кушанья были приготовлены просто, но хорошо, и отпускались щедрой рукой. Въ главной залѣ у конторки сидѣлъ прикащикъ; къ нему по окончаніи обѣда всѣ приходили расчитываться, исчисляя, что кому было подано. Меня удивила здѣшняя дешевизна. Кофей пьютъ Шведы вообще не тотчасъ послѣ стола, а спустя часа два или болѣе. Служанка объявила мнѣ, что и въ этой гостинницѣ можно получить его не прежде, какъ въ 6 часовъ.

Передъ уходомъ взялъ я въ руки лежавшій на окнѣ листокъ газеты Stockholms Figaro, и первыя слова, бросившіяся мнѣ на глаза, были: *Некрологъ. Французъ Михаилъ Францѣнъ*. Въ нихъ заключалось неожиданное и прискорбное для меня извѣстіе о кончинѣ старца-поэта, котораго я собирався навѣстить въ Гернезандъ, гдѣ онъ былъ епископомъ. Я зналъ его лично и нѣсколько лѣтъ тому назадъ переписывался съ нимъ; его помнятъ многіе Русскіе литераторы, которые въ 1840 были въ Гельсингфорсѣ на университетскомъ юбилей. Францѣнъ, какъ старинный питомецъ Финляндскаго университета, участвовалъ въ торжествѣ. Кн. Одоевскій, П. А. Плетневъ, Гр. Солмогубъ, полюбили тихаго и ласковаго старичка. Для него самого открылся тогда новый міръ въ личномъ знакомствѣ съ нѣкоторыми представителями малоизвѣстной литературы сосѣдняго народа. И какъ онъ дорожилъ этимъ знакомствомъ, видно изъ того, что когда я попросилъ его написать что-нибудь въ мой альбомъ, онъ внесъ въ него отрывокъ изъ «Сильфиды» Кн. Одоевскаго, которую читалъ тогда въ Нѣмецкомъ переводѣ, и прибавилъ нѣсколько строкъ, показывающихъ его уваженіе къ таланту автора. Тогда же Фран-

цѣнъ взялъ съ меня обѣщаніе, что я навѣщу его въ Швецію; до Гернезаанда отъ Стокгольма, говорилъ онъ, почти не далѣе, какъ отъ С.-Петербурга до Гельсингфорса. И вотъ я наконецъ собрался явиться на приглашеніе старца, какъ вдругъ, едва ступивъ на Шведскій берегъ, случайно узнаю, что его уже нѣтъ. Съ грустнымъ чувствомъ прочелъ я некрологъ поэта. Авторъ отдавалъ полную справедливость высокому его таланту, сознавая, что Францѣвъ своими непринужденными, граціозными стихотвореніями началъ новую эпоху въ Шведской поэзіи, которая до него совершенно подчинилась-было вліянію ложнаго, Французскаго вкуса. Густавъ III, подражая своему великому дядѣ, хотѣлъ самъ быть Французомъ, и примѣръ его увлекалъ всѣхъ Шведовъ, пока Францѣвъ не далъ имъ почувствовать свѣжихъ красотъ оригинальной поэзіи. Много литературныхъ утратъ понесла Швеція въ послѣднее время; въ исходѣ прошлаго года она лишилась Тегнера, въ началѣ нынѣшняго умерли Гейеръ и Ерта. Не удалось мнѣ увидѣть ни пѣвца Фритіофа, ни гениальнаго историка Швеціи! Теперь отъ стараго поколѣнія поэтовъ ея не осталось почти ни одного.

Но посмотримъ на эту группу молодыхъ Шведовъ, которые весело разговариваютъ, убирая жареную рыбу съ салатомъ и изъ которыхъ одинъ такъ лукаво улыбается проходящей мимо Густавъ.... Но кто угадаетъ, чтò на душѣ у этого молодаго челоуѣка, который одинъ сидитъ въ углу и какъ будто занятъ какою-то тяжелою думой?.... А тамъ къ двери проворными шагами подходитъ насытившійся юноша въ модномъ сертучкѣ, въ пестрыхъ палатонахъ, съ интересною прической. Какъ ловко надѣваетъ онъ свою шляпу и какое граціозное даетъ ей положеніе! Большая собака догоняетъ его; онъ самодовольно закуриваетъ сигару; о, это мой старый знакомый: я, кажется, тысячу разъ встрѣчалъ его на берегахъ Невы, хотя вѣроятно онъ самъ и не бывалъ тамъ....

И такъ онъ, выходя изъ трактира, закурилъ сигару: въ Стокгольмѣ, со времени холеры, позволено курить сигары на улицахъ. Какъ упустилъ случай покурить на чи-

стомъ воздухъ подъ небомъ Стокгольма! Я закурилъ сигару и пошелъ съ намѣреніемъ наблюдать. Мнѣ надобно было отправить письмо, и я захотѣлъ самъ отнести его на почту. Сосѣдъ мой въ гостинницѣ, какой-то молоденькій Шведъ, который собирался туда же, вызвался быть моимъ проводникомъ. Для сокращенія пути, мы не пошли по Северному мосту, а сѣли въ лодку, и двѣ женщины перевезли насъ въ городъ, т. е. на островъ. Здѣсь женщины гораздо болѣе, нежели у насъ, участвуютъ въ промышленномъ быту: онѣ прислуживаютъ въ трактирахъ и кондитерскихъ, торгуютъ въ магазинахъ и въ лавкахъ, раздаютъ билеты въ театръ и въ купальняхъ, служатъ перевощицами на переправахъ. Но, говорятъ, что Шведки, по крайней мѣрѣ въ Стокгольмѣ, плохія хозяйки, и даже въ среднемъ классѣ не любятъ заниматься домашней работой. Въ сѣняхъ почтового зданія всѣ стѣны увѣшаны были такъ называемыми здѣсь картами, т. е. реестрами писемъ, полученныхъ на почту. Мѣстами висѣли толстыя пачки такихъ росписаній; къ нимъ безпрестанно подходили люди, справляясь, нѣтъ ли для нихъ чего на почту. На особыхъ спискахъ означены были въ алфавитномъ порядкѣ имена лицъ, не взявшихъ во время адресованныхъ къ нимъ писемъ.

Не надобно представлять себѣ Стокгольма большою столицею, хоть въ родѣ Берлина или Вѣны. Въ столицѣ Швеціи не болѣе 86,000 жителей, и образъ жизни во многихъ отношеніяхъ носитъ еще слѣды первобытныхъ нравовъ, о чемъ отчасти свидѣтельствуетъ и дешевизна на многіе предметы первыхъ потребностей. Впрочемъ должно прибавить, что здѣсь дѣло идетъ только о внѣшней сторонѣ быта; если заглянуть глубже, то, по словамъ свѣдущихъ людей, откроется зрѣлище весьма неутѣшительное. Постараюсь сообщить главныя черты наружной фізіономіи Стокгольма. Улицы въ немъ отчасти прямыя и длинныя, но всѣ довольно узкія; Королевина и Правительственная тянутся на огромномъ разстояніи въ совершенно-прямомъ направленіи, но и онѣ не широки. Городъ вымощенъ, какъ Петербургъ, булыжникомъ, но тротуаровъ почти вовсе нѣтъ,

а гдѣ изрѣдка и попадаются, тамъ они обыкновенно состоятъ изъ узенькихъ полосъ тесаного камня. Поэтому пѣшеходы встрѣчаются по всей ширинѣ улицы, чтѣ, впрочемъ, при довольно незначительной ѣздѣ (по крайней мѣрѣ, въ вынѣшнюю, лѣтнюю пору), не составляетъ большого неудобства. Высокіе каменные дома, часто четырехъ-этажные и вообще крытые черепицей, идутъ сплошною стѣной; рѣдко попадаются строения новой, изящной архитектуры. Отличительная черта Стокгольмскихъ домовъ состоитъ въ томъ, что окна почти вездѣ находятся совершенно въ уровень со стѣною, и темныя ихъ рамы рѣдко окружены какимъ-нибудь украшеніемъ. Фонари висятъ надъ серединой улицы на желѣзныхъ прутьяхъ, проведенныхъ отъ одного ряда домовъ къ другому. Вывѣсокъ очень много, но онѣ отличаются простотою: на темномъ или черномъ грунтѣ написано слова два желтыми буквами, и больше ничего. Это отсутствіе всякаго лишняго щегольства и желанія приманивать покупателей наружною роскошью замѣтно и въ самыхъ магазинахъ. Двери и ставни у нихъ, по большей части, еще деревянныя, однако иногда уже обиты желѣзнымъ листомъ. Трактировъ, харчевенъ и питейныхъ домовъ множество; на нѣкоторыхъ рестораціяхъ для простонародья читается надпись: «трактиръ трезвости,» чтѣ тутъ же объяснено словами: кофей, чай, шеколадъ и проч.

Изъ экипажей всего чаще встрѣчаются маленькія коляски или родъ крытыхъ дрожекъ въ одну лошадь; ихъ здѣсь и называютъ *droska*. Коляски и кареты богатыхъ людей могутъ похвалиться болѣе удобствомъ и прочностью, нежели изящнымъ видомъ и легкостью; на козлахъ сидятъ кучера въ ливрѣ. Очень употребительны также одноколки чрезвычайно разнообразнаго устройства. Вообще въ экипажахъ, какъ и во всемъ, видно мало роскоши; между ними попадаются нѣтъ-то рѣшительно безобразныя, особливо маленькія дрожки, пренеудачное подражаніе Русскимъ, — иногда украшенныя, вмѣсто козелъ, чѣмъ-то въ родѣ низенькаго барабана. На площадяхъ Густава Адольфа и Бруцкебергъ стоятъ наемные экипажи — одноколки и дрожки

разныхъ размѣровъ; для каждаго разстоянія назначена такса, известная публикѣ. Есть также омнибусы различныхъ замысловатыхъ формъ, какъ-то круглые въ видѣ ротонды, лодкообразные и проч., но вообще довольно безобразные, вопреки мнѣнію моего парходнаго товарища, маіора О., который увѣрялъ меня, что Петербургскіе дилижансы и омнибусы — ничто передъ Стокгольмскими. За то послѣдніе щеголяютъ названіями: каждый такой экипажъ, подобно кораблю, носитъ особое имя, выписанное на немъ крупными буквами: это Оскары, Густавы и т. п. Жаль только, что и искусство возницъ не соответствуетъ блеску этихъ именъ: васъ везутъ во весь опоръ по ужасной мостовой, не обращая вниманія ни на повороты, ни на какія бы ни было неровности дороги; вы ѣдете какъ будто въ самой тряской телѣгѣ, и благословляете судьбу свою, когда наконецъ сидящій передъ Оскаромъ фаэтонъ остановитъ прыткихъ коней своихъ.

На парходѣ познакомился я съ Mr. Claude G., уроженцемъ Ліонскимъ, который еще въ 1808 г. поселился въ Стокгольмъ. Онъ далъ мнѣ свой адресъ, и я легко отыскалъ его въ сѣверной Кузнецкой улицѣ, гдѣ у него собственный домъ. Я засталъ его за партією tric-trac (игрою, которая въ Швеціи еще не вывелась изъ употребленія); онъ игралъ съ другимъ Французомъ, бывшимъ метръ-д'отелемъ покойнаго Короля Карла Іоанна. G. принялъ меня съ искреннимъ радушіемъ. Когда, по уходѣ другаго гостя, мы остались одни, онъ предложилъ мнѣ идти въ публичный садъ, гдѣ на этотъ вечеръ объявлена была музыка съ фейерверкомъ. Дорогою, по Королевиной улицѣ, онъ показалъ мнѣ огромный каменный домъ, который прежде принадлежалъ ему же, но недавно проданъ. Mr G. одинъ изъ богатѣйшихъ людей въ Стокгольмѣ, гдѣ у него долгое время была шелковая фабрика. Онъ женился на Шведкѣ, но вскорѣ остался вдовцемъ съ тремя сыновьями. Онъ говоритъ по Шведски, но въ произношеніи его легко узнать Француза, Миновавъ еще нѣсколько домовъ, я увидѣлъ садъ; по обѣ стороны рѣшетки, отдѣляющей его отъ улицы, построено

два красивых домика, где на время посещения сада публичною располагается одинъ изъ городскихъ кондитеровъ. Внутри эти домики были устроены и убраны съ большимъ вкусомъ; со стороны сада при каждомъ находится просторная галлерей. Купивъ по билету, мы вошли въ садъ. Онъ былъ освѣщенъ à la Kia-King; по срединѣ его возвышалась ротонда въ Китайскомъ вкусѣ, подъ навѣсомъ; тутъ стоялъ хоръ музыкантовъ, прїѣхавшихъ изъ Германіи. По аллеямъ, особливо около ротонды, толпилась публика. Для меня очень любопытно было разсматривать группы гуляющихъ и иногда слышать долетавшіе до меня случайно отрывки разговоровъ. Въ Стокгольмѣ, ни на улицахъ, ни въ публичныхъ собраніяхъ, никогда не услышишь другаго языка, кромѣ Шведскаго, и потому, если какъ-нибудь раздается иноземное слово, оно тотчасъ обратитъ общее вниманіе на того, къмъ было произнесено. И часто на такого чловѣка даже взглянуть какъ-то косо. Въ старину было не то: при Густавѣ III, да еще и при сынѣ его, слухъ Шведовъ былъ пріученъ къ иноземному лепету. Избраніе Французскаго маршала на престолъ Карловъ и Густавовъ много способствовало къ возбужденію въ націи патріотическаго чувства: опасеніе, что чуждые элементы легко могутъ пріобрѣсти господство, заставило ее усерднѣе прежняго обратиться къ своему собственному языку и всячески остерегаться иноземнаго вліянія. Въ наружномъ видѣ публики не могъ я замѣтить ничего характеристическаго, кромѣ развѣ того, что поражаетъ здѣсь прїѣзжаго вообще въ общественныхъ собраніяхъ: это — большое число людей, хорошо сложенныхъ, высокихъ и красивыхъ собою, особливо мужчинъ. Превосходство древняго Скандинавскаго племени не изгладилось еще и въ отдаленномъ потомствѣ. Когда музыкантами сыграна была первая пьеса, въ публикѣ раздались со всѣхъ сторонъ громкія ура и bravo; это иногда повторялось и послѣ. Фейерверкъ освѣтилъ тѣсныя ряды народа, окружившаго садъ; не только на улицѣ, за рѣшеткою, толпились любопытные, но и на заборахъ, на крышахъ, на всѣхъ возвышеніяхъ торчали головы вскарабкав-

Наконецъ мы достигли вершины горы, известной всѣмъ посѣтителемъ Стокгольма по прекрасному виду съ нея не только на весь городъ, но и на его окрестности. Ее зовутъ *Моисеевой горой* (Mosebacke). По ветхой деревянной лѣстницѣ, мимо старенькаго домишка, взошли мы на небольшую террасу, обсаженную деревьями, и долго любовались отсюда обширной, великолѣпной панорамой. Я разложилъ передъ собою планъ Стокгольма, и такимъ образомъ изучаю мѣстность, сличая мертвую копию съ живымъ оригиналомъ. Къ тремъ главнымъ, названнымъ мною прежде частямъ города примыкають, другія, изъ которыхъ иныя расположены на островахъ, но, для избѣжанія сбивчивости въ изображеніи, о нихъ не стоитъ упоминать особо, пока не представится случай. Готовясь итти далѣе, увидѣлъ я на стѣнѣ краснаго домика доску съ надписью: «позвоните — такъ явится прислуга.» И хотя мы не имѣли надобности въ прислугѣ, а потому и не звонили, однакожь на крыльцо домика вдругъ вышла какая-то Христина или Лотта, и объявила съ приветливой улыбкой, что всѣ посѣтители Моисеевой горы обложены податью въ нѣсколько шиллинговъ. Нельзя было отказать въ исполненіи такого справедливаго требованія; довольная Дриада граціозно присѣла и скрылась. Деньги взыскиваются владельцемъ террасы. На обратномъ пути по южному предмѣстью замѣтилъ я на углу двухъ главныхъ улицъ огромное зданіе, называемое Ратушей (Stadshuset); нынѣ въ немъ тюрьма для государственныхъ преступниковъ, но оно для Русскихъ любопытнѣе въ другомъ отношеніи. Оно построено Карломъ XI на мѣстѣ, которое называлось *Русскимъ подворьемъ*; тутъ наши купцы, посѣщавшіе Стокгольмъ, складывали свои товары. До новѣйшихъ временъ находилась въ этомъ домѣ и Русская церковь, лѣтъ десять тому назадъ переведенная въ сѣверное предмѣстье. Вѣроятно, что тутъ же въ старину приставали и Русскіе послы. Много историческихъ воспоминаній пробудилось во мнѣ при этой мысли. Правильныя дипломатическія сношенія между Россіей и Швеціей начались въ малолѣтство Іоанна Грознаго, и первымъ Русскимъ посломъ

въ Стокгольмъ является тогда Шарапъ-Замыцкій. Но замѣчательнѣе было пребываніе здѣсь Воронцова и Наумова, присланныхъ отъ имени Царя съ требованіемъ, чтобы ему выдана была Екатерина Польская, супруга Герцога Іоанна III, заключеннаго вмѣстѣ съ нею въ Гринсгольмской темницѣ. Тогда царствовалъ въ Швеціи виновникъ ихъ несчастія, братъ Іоанна, Эрикъ XIV. Безразсудное поведеніе его наконецъ возбудило мятежъ: онъ долженъ былъ уступить престолъ Іоанну, а самъ занять его прежнее мѣсто въ темницѣ. Во время бунта Стокгольмская чернь ворвалась и въ посольскій дѣмъ, гдѣ находились Воронцовъ и Наумовъ; жизнь ихъ была въ опасности; но молодой братъ Королей, Принцъ Карлъ, подоспѣлъ въ время въ жилище Русскихъ пословъ и спасъ ихъ. Въ странномъ требованіи Воронцова и Наумова было отказано еще при Эрикѣ; тѣмъ менѣе теперь порученіе Царя могло быть выполнено, и они успѣли возвратиться въ отечество. — Іоаннъ Грозный въ сношеніяхъ съ Швеціею показывалъ явное презрѣніе къ ея Государямъ за низкое происхожденіе Густава Вазы, который, по словамъ Царя, прежде «торговалъ животиною.» Поэтому Іоаннъ никакъ не соглашался, чтобы Шведское правительство сносилось прямо съ нимъ, и настаивалъ, чтобъ оно во всѣхъ дѣлахъ обращалось къ Новгородскому намѣстнику. Когда Шведы оскорблялись тѣмъ, Русскіе отвѣчали имъ, что «Свейскому Королю не безчестіе, а честь имѣть дѣло съ Новгородскими намѣстниками, которые сами происходятъ отъ Государей.» Но въ концѣ своего царствованія Іоаннъ, видя успѣхи Шведскаго оружія, перемѣнилъ тонъ своихъ сношеній съ Дворомъ Стокгольмскимъ, и съ тѣхъ поръ потомки Густава обращались уже непосредственно къ Московскимъ Царямъ. Любопытно, какъ прежде того Іоаннъ, оспоряя у самого Густава Вазы это право и упрекая его въ гордости, сравнивалъ Стокгольмъ съ Новгородомъ, и однажды писалъ къ Королю: «спроси у своихъ купцовъ: они скажутъ тебѣ, что каждый изъ Новгородскихъ пригородовъ больше твоей *Стекольной.*»

Перейдя опять на островъ , мы по набережной приблизились къ королевскому дворцу. Это безспорно лучшее зданіе въ Стокгольмѣ и одно изъ прекраснѣйшихъ въ цѣлой Европѣ. Путешественники давно , прославили его своими описаніями , и въ самомъ дѣлѣ , нельзя безъ особеннаго наслажденія смотрѣть на это замѣчательное произведеніе архитектуры. Оно соединяетъ въ себѣ стройное величіе съ благородной простотой и отсутствіемъ всякихъ мелочныхъ украшеній , которыя , развлекая вниманіе , могли бы только ослабить впечатлѣніе цѣлаго. Это зданіе выстроено въ чистомъ Итальянскомъ вкусѣ ; оно образуетъ квадратъ ; подъ плоской крышей возвышаются въ легкихъ размѣрахъ гладкія , сѣрыя стѣны. Главный фасадъ обращенъ къ сѣверу ; его огибаютъ полукружіемъ красивая набережная залива ; передъ подъездомъ съ обѣихъ сторонъ подымается выложенный гранитомъ покатыи склонъ , надъ которымъ стоятъ два бронзовые льва ; вылитые въ царствованіе Карла XII. Вензель этого Короля читается на цвѣтныхъ вазахъ вдоль небольшого сада передъ восточною стѣною дворца. Съ обѣихъ концовъ главнаго фасада выдаются симметрически два флигеля , изъ которыхъ правый занятъ королевскою библіотекою , а лѣвый музеемъ. Жаль , что только фундаментъ изъ тесаннаго камня , а все остальное изъ кирпича ; еслибъ не это — Стокгольмскому дворцу ни въ чемъ не оставалось бы завидовать превосходнѣйшимъ памятникамъ Европейской архитектуры. Планъ его составленъ былъ еще при Карлѣ XI и тогда же начата постройка. Но едва Карлъ умеръ , какъ и новыя стѣны и остатки прежняго дворца сдѣлались добычею пожара ; съ трудомъ успѣли вынести тѣло Короля невредимымъ изъ пламени. Дворецъ былъ снова начатъ при Карлѣ XII , по плану архитектора Никодима Тессина , но оконченъ не прежде 1753 года.

Отсутствіе королевской фамиліи , путешествующей по Норвегіи , доставило мнѣ возможность осмотрѣть дворецъ и внутри. Лѣстница его поразила меня своей простотой : она идетъ вдоль стѣны изъ песчаника , и только узенькими полосами проглядываетъ мраморъ. Человѣкъ , на которомъ не

было никакихъ признаковъ придворной должности, очень вѣжливо вызвался показать намъ дворець. Прежде всего ввелъ онъ насъ въ длинную, нынѣ увеличиваемую, бальную залу, гдѣ стѣны выложены гипсомъ, полированнымъ подъ мраморъ. Въ одной изъ слѣдующихъ комнатъ есть такая же стѣна, сдѣланная Русскими каменщиками, нарочно для того выписанными въ 1828 году. Къ сожалѣнію, тутъ мѣстами образовались трещины. Изъ остальныхъ покоевъ упомяну только о самыхъ замѣчательныхъ. Въ спальнѣ покойнаго Короля, Карла Іоанна, все сохраняется въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ было при кончинѣ его. Убранство этой комнаты просто, какъ у частнаго человѣка; на столахъ разложено множество книгъ, между которыми я замѣтилъ біографію Карла Іоанна на Французскомъ языкѣ, — оттискъ статьи, помѣщенной въ біографическомъ словарѣ. Въ углу, у печки, стояло нѣсколько шпагъ и сабель разнаго рода; между ними были: шпага Густава III и Турецкая сабля, подаренная ему Императрицею Екатериною II. На простой, узенькой кровати бѣлье оставалось тоже самое, на которомъ лежалъ Карлъ Іоаннъ въ послѣднія минуты жизни. Все дышетъ здѣсь присутствіемъ великаго человѣка и наполняетъ душу размышленіями о чудной судьбѣ его. Изъ всѣхъ людей, возвышенныхъ Наполеономъ, Бернадоту выпалъ самый многозначительный жребій; всѣ, кого влекла за собою колесница счастливца, пали въ тотъ самый мигъ, какъ она опрокинулась; звѣзды, зажженные его солнцемъ, погасли вмѣстѣ съ нимъ, и цари, имъ созданные, были минутные цари, какъ самъ онъ. Но Бернадотъ, по волю Провидѣнія и независимо отъ воли Наполеона, шелъ давно своимъ путемъ. Умѣренность и великодушіе доставили ему любовь отдаленнаго народа и престолъ бѣднаго, но просвѣщеннаго и вѣкогда славнаго государства. Твердость воли и мудрость дали ему возможность оправдать блистательно довѣренность избравшей его націи, и на концѣ своего долгаго поприща, онъ передалъ сыну королевскую власть непоколебимую. Неблагодарность меньшаго числа подданныхъ нерѣдко огорчала Карла Іоанна, но не въ силахъ была побудить его къ отступленію

еть правилъ, которыя и умъ и опытность являли ему невредимыми. Въ Карлѣ Юаннѣ физическая крѣпость была такъ же замѣчательна, какъ и духовная. До предсмертной болѣзни сохранялъ онъ почти всю прежнюю бодрость и свѣжесть. Только за годъ до кончины, ушибъ ноги имѣлъ некоторое вліяніе на походку осьмидесятилѣтняго старца. Въ послѣдніе годы жизни Король большую часть зимнихъ мѣсяцевъ проводилъ безвыходно во дворцѣ; но вдругъ отправлялся въ далекое путешествіе, и хотя былъ одѣтъ чрезвычайно легко, — никогда не подвергался простудѣ;

Въ другой комнатѣ, нѣсколько обширнѣе спальни, Карлъ Юаннъ любилъ заниматься. Стѣны здѣсь покрыты старинными шелковыми обоями малиноваго цвѣта, еще мало пострадавшими отъ времени. Здѣсь, за низенькими перилами, у задней стѣны, Карлъ Юаннъ кончилъ жизнь на той самой кровати, которую мы видѣли въ спальнѣ. Особенно достопамятна эта комната по бывшему въ ней, въ 1838 году, первому свиданію Государя Императора Николая Павловича съ Карломъ Юанномъ. Король ожидалъ одного Государя Наслѣдника; о пріѣздѣ же самого Августѣйшаго Родителя Его услышалъ только за минуту передъ входомъ въ залу, куда въ одно съ нимъ время вступилъ изъ другихъ дверей Императоръ. Можно представить себѣ, какими чувствами и радости и смущенія забилось сердце Карла Юанна, когда одинъ изъ его приближенныхъ, вбѣжавъ къ нему, поспѣшно возвѣстилъ, что неожиданный Августѣйшій Гость уже на лестницѣ! Высокіе путешественники, тотчасъ по прибытіи, отъ пристани, лежащей противъ самого дворца, отправились въ королевскіе чертоги. Прекрасенъ и торжественъ былъ мигъ, когда великій обладатель полувселенной братски заключилъ въ свои объятія мудраго обновителя малой державы Густавовъ. Донынѣ свѣжо впечатлѣніе, произведенное на жителей Стокгольма появленіемъ Русскаго Императора и Его Сына. Всѣ были еще болѣе поражены Ихъ личностію, исполненною величія и благоволенія, нежели блескомъ, Ихъ окружавшимъ, хотя и новымъ для Швеціи. Кто-то изъ здѣшнихъ поэтовъ сочинилъ тогда три стихотворенія, изъ-

данныя вмѣстѣ подѣ заглавіемъ: *Посѣщеніе Царя* (*Szagens besök*). Въ одномъ изъ нихъ мальчикъ рассказываетъ дѣду все, что онъ видѣлъ удивительнаго при этомъ случаѣ, и въ концѣ каждаго куплета приговариваетъ: «Ахъ, еслибъ я былъ Русскимъ!»

Въ ряду комнатъ, пройденныхъ нами далѣе, двѣ ознаменованы горестными воспоминаніями: одна изъ нихъ — спальня Густава III, гдѣ онъ и скончался, бывъ раненъ пистолетнымъ выстрѣломъ Анкарстрема на маскарадѣ въ оперномъ домѣ; въ другой — сынъ его, Густавъ IV, арестованъ былъ Адлеркрейцомъ и принужденъ сложить съ себя санъ королевскій. — Произведенія многихъ знаменитыхъ художниковъ въ оригиналѣ украшаютъ дворецъ. Нельзя не остановиться передъ каждымъ изъ развѣщенныхъ мѣстами портретовъ Королей Швеціи. Прекрасна картина, изображающая Карла Іоанна со всѣми членами его Дома. Какъ здѣсь, такъ и вездѣ, вдовствующая Королева его, Дезидерія, представлена въ томъ видѣ, въ какомъ снята была еще до прибытія въ Швецію. Въ новомъ отечествѣ своемъ поселилась она окончательно не прежде 1830-го года (когда совершилась и коронація ея), уже въ пятидесятилѣтнемъ возрастѣ, и никому не давала снимать вновь поргрета своего, не желая перейти къ потомству съ чертами позднихъ лѣтъ. Такимъ образомъ всѣ ея изображенія озарены сіяніемъ юности и красоты. Въ здѣшнемъ дворцѣ портреты всѣхъ особъ династіи Бернадота принадлежатъ кисти Шведскаго художника Вестина. Многія прекрасныя статуи сдѣланы соотечественникомъ его Бюстремомъ. Превосходны также порфирныя вазы съ Эльфадальскаго завода (въ Далекарліи). Но лучшее въ этомъ родѣ украшеніе дворца составляютъ вазы изъ Сибирской яшмы и малахита, присланныя Карлу Іоанну въ даръ Императорами Александромъ и Николаемъ. Два зеркала во всю высоту залы подарены Екатериною II знаменитому ея современнику на Шведскомъ престолѣ.

Сопровождавшій насъ камерлакей — или, выражаясь по здѣшнему, вахмистръ — съ большою готовностью объ-

яснялъ намъ всѣ предметы, и иногда вмѣшивался въ разговоръ, который мы вели по-Французски. По этому и по рассказамъ его изъ Шведской Исторіи, почти передъ каждою картиною, видно было, что онъ не безъ знаній и кое-что прочиталъ. Таковы вообще вахмистры при публичныхъ зданіяхъ и учрежденіяхъ въ Швеціи; не только сами эти люди, но и жены ихъ въ состояніи посвятить васъ во всѣ тайны того, что поражаетъ ваше вниманіе. Исключенія рѣдки. Когда мы осмотрѣли всѣ комнаты, бывшія въ вѣдѣніи нашего камерлакея, онъ передалъ насъ другому, въ своемъ родѣ очень оригинальному челоуѣку. Этотъ рослый и дюжій малый былъ въ свѣтло-синемъ сюртукѣ, съ серебряными галунами на воротникѣ и обшлагахъ и съ государственнымъ гербомъ на пуговицахъ. Въ рѣчи его слышны были всѣ особенности Стокгольмскаго выговора и припѣва; выраженіемъ лица и своими отвѣтами онъ давалъ разумѣть, что за его словами скрывается цѣлая бездна невысказываемой премудрости. Черезъ рядъ маленькихъ покоевъ вошли мы въ залу аудіенцій, гдѣ въ случаѣ приѣма важныхъ особъ ставится тронъ съ балдахинномъ. Теперь стоялъ здѣсь, по срединѣ комнаты, столъ, окруженный двѣнадцатью голубыми табуретами. На этомъ столѣ было разбросано нѣсколько книгъ въ красномъ сафьянномъ переплетѣ; на другомъ стояли такіяже книги въ нѣсколько рядовъ: это были законы Швеціи. «Сегодня поутру», сказалъ камерлакей, «было здѣсь засѣданіе государственнаго совѣта. Это» прибавилъ онъ съ значительной улыбкой, «тѣ табуреты, о которыхъ такъ много пишутъ; всѣ хотятъ сидѣть на нихъ, а какъ сядутъ, такъ и увидятъ, какъ трудно на нихъ сидѣть.» Шведскій Король овсѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ предварительно разсуждаетъ съ государственнымъ совѣтомъ, состоящимъ изъ десяти избираемыхъ имъ членовъ. Семеро изъ нихъ завѣдываютъ, каждый, управленіемъ или департаментомъ: юстиціи, иностранныхъ дѣлъ, сухопутныхъ военныхъ силъ, морскихъ силъ, гражданскихъ дѣлъ, финансовъ и духовныхъ дѣлъ. Изъ этихъ главноначальствующихъ разными частями двое первыхъ носятъ званіе министровъ, а

остальные называются государственными советниками. При рассмотрѣніи дѣлъ по управленію юстиціи, въ советъ за-сѣдаютъ, кромѣ членовъ его, два члена верховнаго суда, и вотъ отъ чего всѣхъ табуретовъ передъ нами было двѣ-надцать.

Двѣ залы служили собственно библіотекою Короля Оскара; по столамъ разбросано было нѣсколько книгъ и иныя были раскрыты. Нынѣшній Король извѣстенъ основательною ученостью и любовью къ литературѣ. Утомлен-ные прогулкою и внимательнымъ осмотромъ дворца, мы уже спѣшили, и, проходя съ третьимъ камердинеромъ по ком-натамъ вдовствующей Королевы въ нижнемъ этажѣ, я могъ только замѣтить, что онѣ отличались и бдльшимъ просто-ромъ и особеннымъ великолѣпіемъ.

Я. Гротъ.

МОСКВИТЯНИНЪ.

1849.

№ 20.

Октябрь.

Кн. 2.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ

ПОЧЕРПНУТЫЯ ИЗЪ МОРЯ ЖИТЕЙСКАГО.

ЧУДОДѢЙ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

XXII.

И ему стало жаль ее.

Но что жъ изъ этого? Прошелъ цѣлый часъ — и картинное положеніе, казалось, не измѣнялось, какъ будто нарисованное.

Чарова сидѣла на одномъ диванѣ, закрывъ рукою лицо; Ранъевъ на другомъ, перебирая листы книги.

Наконецъ Ранъевъ снова посмотрѣлъ на часы, и сказалъ: мнѣ надо вѣхать!

— О, Боже мой, что за человекъ! онъ меня выгоняетъ! — проговорила Чарова, вскочивъ съ мѣста.

Отд. 1.

18

Казалось, что она хотѣла выбѣжать; но Ранѣевъ опустил книгу, взглянулъ, Чарова остановилась, устремила на него пытающій взоръ и долго стояла безмолвно. Лицо ея горѣло.

Ранѣевъ снова опустил глаза на книгу.

— Donec, adieu!

Ранѣевъ всталъ, протянулъ руку.

Молча, медленно посмотрѣла она на него, отдернула руку и вышла вонъ.

Ранѣевъ провелъ рукой по лицу, тревожно прошелся назадъ и впередъ по комнатѣ, посмотрѣлъ въ окно, и потомъ велѣлъ подавать лошадей.

— Сани Сергѣя Павловича давно уже у подъезда, — отвѣчалъ Гаврила.

Только что Ранѣевъ вышелъ въ сѣни, какъ вдругъ кто-то со стороны отвѣсилъ ему поклонъ.

— Ахъ Боже мой, что вамъ еще угодно?

— Извините меня, Владимиръ Петровичъ, позвольте касательно моей жены.... такъ какъ она прекрасно шьетъ бѣлье....

— Ступай! — крикнулъ Ранѣевъ, не обращая вниманія на слова господина, и садясь въ сани.

Пріѣхавъ къ Даянову, онъ тихонько вошелъ въ его спальню.

Даяновъ лежалъ, какъ умирающій, въ совершенномъ забытѣ. Яковъ стоялъ у дверей съ листомъ бумаги въ рукахъ, какъ будто въ ожиданіи какого-то приказанія.

Ранѣевъ сѣлъ на стулъ, и сидѣлъ молча, также въ какомъ-то ожиданіи, и смотрѣлъ на блѣдное лицо молодаго своего пріятеля. Такъ прошло нѣсколько минутъ, больной вздохнулъ тяжело и охнулъ.

Ранѣевъ покачалъ головой.

Яковъ подалъ ему знакъ, что, де-скасть, вѣрно заснулъ, и легонько поправилъ въ ногахъ отвернувшійся конецъ одѣяла.

Ранѣевъ хотѣлъ-было привстать и выйдти изъ комнаты; но вдругъ Даяновъ открылъ глаза и уставилъ ихъ на Якова.

— Здравствуй, душа моя, — сказалъ тихо Ранѣевъ, чтобъ избѣжать обычнаго упрека за громкій свой голосъ.

— Ну, переписалъ платье и бѣлье? — спросилъ больной слабымъ голосомъ.

— Переписалъ сударь, — отвѣчалъ Яковъ.

— Подай сюда!.... Ну! — проговорилъ Даяновъ, смотря на листъ бумаги, — это что такое?.... а? что это такое написано верхъ ногами?

— Какъ это можно, сударь, верхъ ногами писать, — отвѣчалъ Яковъ; — я написалъ какъ слѣдуетъ быть....

— Это какъ слѣдуетъ быть? Это не верхъ ногами написано?

— Никакъ нѣтъ-съ, это листъ перевернулся верхъ ногами....

— Ну, на; возьми! переверни!

Яковъ перевернулъ листъ и подалъ его снова барину.

— Здравствуй, душа моя, — повторилъ Ранѣевъ громче, успокоясь нѣсколько на счетъ больнаго.

— Фу! это удивительно что за голосъ! Человѣкъ умираетъ, а онъ вдругъ: ууу! изъ за угла!

— Любезный другъ, я не съ намѣреніемъ же тебя испугалъ.... Ты прислалъ за мной....

Даяновъ долго молчалъ, отворотясь къ стѣнѣ.

— Это что такое? — вскрикнулъ онъ наконецъ, взглянувъ на составленную Яковомъ опись платья и бѣлья, — что такое: бѣлье, коего не имѣется?

И онъ захохоталъ-было; но вдругъ закрылъ глаза, уперся ногами въ кровать и такъ вытянулся, что задокъ затрещалъ.

— Охъ! скотина, онъ уморить меня!.... Посмотри, братецъ, опись бѣлья, коего у меня не имѣется.... Вотъ это имѣется, а это не имѣется.

Ранѣевъ взялъ листъ и сталъ пересматривать его.

— Да помилуйте, Сергѣй Павловичъ, — сказалъ Яковъ, — вѣдь я за все въ отвѣтъ, если что пропадетъ; а гдѣ жъ платъе-то и бѣлье, которое вы изволили взять въ дорогу?.... Я почему знаю гдѣ оно.... Вотъ я и написалъ....

— Слышишь? — крикнулъ Даяновъ къ Ранѣеву, — слышишь, что онъ написалъ?

— Да какъ же, сударь; халатъ шелковый, два новыхъ сюртука, три фрака....

— Слышишь? Ну, три фрака, два халата, — еще что?

— Нѣтъ, одинъ, а не два халата.... Богъ ихъ знаетъ гдѣ, — продолжалъ Яковъ, — домой-то, чай, вы изволили воротиться въ чужомъ платъѣ.

— Слышишь? въ чужомъ платъѣ. Цѣлый чемоданъ набилъ мнѣ своими потрохами и сальниками, а я въ чужомъ платъѣ!

— Да какъ же, сударь; извольте посмотреть, ваше ли это, — сказалъ Яковъ плачевнымъ голосомъ, торопливо выходя изъ комнаты.

— Стой! — крикнулъ Даяновъ.

— Нѣтъ, извольте посмотреть, — повторилъ Яковъ въ дверяхъ, и чрезъ мѣсяцъ у воротился съ кучей платъя въ рукахъ. — Вотъ, извольте посмотреть, ваши ли это, полосатые.... когда жъ у васъ были полосатые?....

— Ой! умру! — крикнулъ Даяновъ, умру! — и сѣрзуновъ на край постели, онъ выбилъ ногой что-то полосатое изъ рукъ Якова. Оно полетѣло къ потолку, и опустилось какъ разъ на плеча, въ родъ пелерины съ длинными концами, вошедшему въ двери какому-то homme ganté, въ очкахъ.

— Bon jour, mon cher Dajanoff, — сказалъ онъ оглядываясь и не понимая, что надъ нимъ мелькнуло.

— Ой! умру! — крикнулъ снова Даяновъ, схватясь за животъ и застучавъ ногами въ кровать.

— Что такое? — спросилъ homme ganté.

— Ничего, сударь, — сказалъ Яковъ, сдернувъ съ плечь его пелерину.

— Какъ ничего? что это значить? — спросилъ онъ съ изумленіемъ.

— Поди, поди, поди! — крикнулъ Даяновъ.

— Что съ нимъ сдѣлалось?

— Поди! — крикнулъ снова Даяновъ, и, схвативъ подушку, швырнулъ въ своего знакома. Шляпа выпала у него изъ руки, испуганный, онъ выбѣжалъ вонъ.

Яковъ поднялъ шляпу и вынесъ.

— Каковъ? — проговорилъ Даяновъ, охая. — Я знаю, пріѣхалъ занимать денегъ.... не дадутъ умереть спокойно!

И онъ сморщилъ лицо и охнулъ.

— Что ты чувствуешь, душа моя? — спросилъ Ранѣвъ, смотря на него съ участіемъ.

— Хмъ! что чувствуешь! медицинскій глупый вопросъ! Что чувствуешь!.... Это удивительно: кажется, человекъ умный, образованный — спрашиваетъ: что чувствуешь!.... Ну что, ну что, ну что я могу чувствовать?.... Чудакъ!.... Это престранно: есть же люди, которые сами ничего не чувствуютъ, а спрашиваютъ только другихъ, что чувствуютъ!.. Ну что я чувствую? Чортъ знаетъ, что чувствую!

— Но, милый мой, у тебя разстроены нервы.

— Нервы! Ну какіе нервы, откуда тутъ нервы? Все нервы, нервы! Тьфу, эскулапъ!

— Любезный другъ, нельзя же....

— Да молчи, братецъ! Это ей-Богу ни на что не похоже! Не дадутъ человеку просто умереть!

Ранѣвъ замолокъ, а Даяновъ закрылъ глаза, сложилъ на груди руки и едва внятно охалъ, какъ умирающій.

Ранѣвъ былъ самъ нервическій человекъ, не могъ переносить непріятныхъ впечатлѣній, и мысль, что Даяновъ въ самомъ дѣлѣ близокъ къ смерти, его взволновала, онъ хотѣлъ выйти вонъ.

— Послушай, душа моя,—проговорилъ Даяновъ, какъ будто вдругъ оживъ, — ты меня не понимаешь.

— Можетъ быть,—отвѣчалъ Ранѣвъ, успокоясь снова на счетъ положенія Даянова.

— Можетъ быть! терпѣть не могу во всемъ сомнѣвающихся людей!.... Если я говорю: *не понимаешь*, такъ это и значить *не понимаешь*, а не *можетъ быть*.... Дрянъ Софи также меня не поняла!.... Чего же тутъ ожидать!.... Я люблю, я умру отъ этой проклятой любви, а въ мальчики къ ней не пойду!....

— Я тебя, любезный другъ, говорилъ.... — началъ было Ранѣвъ.

— Ну что говорилъ? Ну что ты мнѣ говорилъ? — перервалъ его вспльчиво Даяновъ, — что я не понимаю, что ли, ничего, что мнѣ нужно обо всемъ говорить?.... Наставленія, нравственныя изреченія, мораль.... ну, начинай, что у тебя есть готоваго въ запасъ, чего не напечатано еще въ азбукахъ?....

Ранѣвъ молчалъ.

— Да ну же, говори, братецъ!

— Что жъ мнѣ тебя говорить?

— Да вѣдь ты началъ что-то говорить?.... Терпѣть не могу, когда начнутъ что-нибудь и не кончаютъ!

— Хорошо говорить, когда слушаютъ....

— Ну, сдѣлай одолженіе, не говори!

Даяновъ долго лежалъ молча; но едва Ранѣвъ присталъ и хотѣлъ выйти, воображая, что больной забылся сномъ, онъ вдругъ захохалъ и заметался на кровати.

— О, Боже мой, нѣтъ это невыносимо! слабость какая!... рука какъ ледъ... попробуй... А? какъ ледъ?

— Я этого не вижу.

— Не вижу! хмъ! онъ пробуешь глазами, холодна ли рука!... Вся оконечности похолодѣли.... Возьми бумагу и пиши!

— Что писать? — спросилъ Ранъевъ.

— Пиши!...

— Ну.

— Пиши: чувствуя приближеніе смерти,.... или какъ тамъ.... конца дней моей жизни, что ли?

Ранъевъ положилъ перо.

— Написалъ?... Я нижеподписавшійся завѣщанію моему.... Постой! мое все; или все мое недвижимое имѣнье.... состоящее....

— Помилуй, любезный другъ....

— Сдѣлай одолженіе, не безпокойся, вѣдь не ты умираешь.... Завѣщанію все недвижимое имѣнье.... Фу! какая слабость!

И онъ провелъ рукой по лицу своему.

— Попробуй, совершенно холодный уже потъ.... дай руку, чувствуешь?

Взявъ руку Ранъева, онъ приложилъ ее ко лбу своему.

— Чувствуешь?

— Ничего, любезный другъ, не чувствую.... здѣсь въ комнатѣ холодно, — отвѣчалъ Ранъевъ, содрогаясь отъ неприятнаго ощущенія.

— Холодно! хмъ, холодно!.... дохнуть нельзя, а ему холодно!.... Написалъ: недвижимаго имѣнія?... Надо выписать изъ описи.... Достань, вотъ въ этомъ ящикѣ.... вотъ-вотъ-вотъ, вотъ въ этомъ! Нѣтъ-нѣтъ-нѣтъ, не въ этомъ!.... Фу, и этого-то не понимаетъ!.... Ну? открой!

Ранъевъ открылъ ящикъ и вынулъ изъ него связку бумагъ.

— Дай сюда, покажи.... Ничего не вижу!.... Приподними стору.... Фу! какой свѣтъ! — И Даяновъ заслонилъ глаза рукой отъ солнечныхъ лучей. Но они какъ будто нарочно сосредоточились на золотомъ кольцѣ, которое у него было на рукъ. Онъ отвелъ руку, и, держа ее передъ собой, долго смотрѣлъ на кольцо.

— Послушай, ты знаешь Marie Канееву?

— Канееву? — спросилъ съ изумленіемъ Ранъевъ, припомнивъ увѣренія Чаровой, что Даяновъ сосватанъ съ Канеевой и даже женился на ней, — а ты почему жъ ее знаешь?

— Видишь?—сказалъ Даяновъ, показывая на кольцо, — *mia cara, mia cara, Maria!*.... *Tu vedi in me la vittima! vittima, vittima!*.... Душа моя!

И съ этими словами, продолжая повторять *tu vedi in me la vittima*, онъ вскочилъ съ постели, обхватилъ Ранъева обѣими руками и повисъ у него на шеѣ; потомъ вдругъ зарыдалъ, оттолкнулъ отъ себя Ранъева, бросился на подушку, закинулъ голову, вытянулся, какъ мертвецъ, и замолкъ.

Чуть-чуть не задушенный имъ, Ранъевъ вздохнулъ, пожалъ плечами и сталъ собирать съ пола разбросанными бумаги. Между ними увидѣлъ онъ портретъ премоленской дѣвушки; но лицо ея было совершенно ему незнакомо.

Между тѣмъ, какъ онъ смотрѣлъ на него, Даяновъ открылъ глаза.

— Что это такое?

— Чей-то портретъ.

— Какой портретъ? Что за портретъ? Дай сюда!

Ранъевъ передалъ ему.

— Наташа! душка! — вскричалъ Даяновъ, взглянувъ на портретъ съ умиленіемъ, — Наташа!

И онъ поцѣловалъ его.

— Посмотри, братецъ; вотъ дѣвочка, вотъ душка! Это первая моя любовь, первая, — понимаешь? Это не то, что какая-нибудь здѣшняя *chère*, *âme*, у которой ни *chair*, ни *âme*, и которая хрюкаетъ по-Французски: *ah! je vous aime!* — *ah! que le diable vous emporte!....* Это душа моя не то, слышишь? Не то! Это природа, это самоучка любви.... Какъ я ее любилъ! Какъ она меня любила!....

И Даяновъ вскочилъ, снова бросился на Ранѣва, обхватилъ, сжалъ въ объятіяхъ, такъ что у него налились кровью глаза и занялся духъ.

— Помилуй! — вскрикнулъ Ранѣвъ, когда Даяновъ наконецъ оттолкнулъ его отъ себя.

— Знаешь что? — проговорилъ Даяновъ.

Изъ глазъ его катились крупныя слезы.

— Знаешь что? — повторилъ онъ, смотря снова на портретъ.

— Нѣтъ, не знаю, — отвѣчалъ Ранѣвъ.

— Душка! я тебя обманулъ!.... Послушай, она вѣрно умерла! вѣрно умерла! Я это чувствую!.... Я обѣщала на ней жениться.... Какъ ты объ этомъ думаешь? а? да говори же!

— Да что мнѣ говорить?

— Вѣдь я убилъ ее! а? да говори же!.... О, Боже мой, да этого нельзя переносить! Это мука, это чортъ знаетъ что!

И снова онъ бросился на постель, вцѣпился себѣ въ волосы, и началъ возить голову по подушкѣ. Портретъ полетѣлъ на полъ.

Ранѣвъ поднялъ портретъ и положилъ на столъ.

Перекинувшись поперегъ постели, Даяновъ долго лежалъ въ этомъ положеніи; потомъ съѣлъ, приподнялъ ноги, положилъ голову на обѣ руки на колѣна.

— Десять разъ нельзя любить, — проговорилъ онъ вдругъ, — а? Ранъевъ, нельзя?

— Я полагаю.

— Полагаю! чортъ знаетъ сколько живетъ на свѣтъ, и все полагаетъ!.... Гдѣ она? Подай! Ну, посмотри, какая душка.... видишь?

— Очень миленькая головка, — отвѣчалъ Ранъевъ, взявъ портретъ въ руки и смотря на него пристально.

— Только? Головка? Подай сюда! Ты, братецъ, чудакъ; для тебя все рисовальная головка!

— Кто жъ это такая? Ты мнѣ никогда объ ней не говорилъ?

Въ это время вошелъ Яковъ съ подносомъ.

— Марья Степановна, — сказалъ онъ, — прислала ухи на пискарикахъ, да компотъ.

— Кто такая? — крикнулъ Даяновъ въ отвѣтъ на вопросъ Ранъева, не обращая вниманія на Якова.

— Марья Степановна, — повторилъ Яковъ.

— Дуракъ! мистеръ Джемсъ! осель! Я нешто съ тобой говорю?.... Кто такая! Право предосадно: кто такая! Надо ему знать: кто такая! Никто и не такая!.... Давай!

Яковъ подошелъ съ подносомъ, на которомъ стояли двѣ миски.

— Ну, ставь сюда, — сказалъ Даяновъ, показывая себя на колъна.

Онъ попробовалъ уху.

— Очень хороша! чудо какъ хороша! славная юшка.... и хлѣбъ какой славный! Отъ чего у насъ не берутъ такого хлѣба? а? слышишь ты?

— Помилуйте, Сергѣй Павловичъ, хлѣбъ-то нашъ....

— Дуракъ Федотъ никогда не сваритъ мнѣ такой ухи, — продолжалъ Даяновъ, не слушая Якова. — По-

смотри, какая чистая.... А онъ, остолопина, вѣчно грязь подаетъ!.... Луковица цѣликомъ, только для духу, а не такъ какъ у него, дурака, крошеной лукъ какъ въ тюрю.... Чудная юшка, попробуй!

И Даяновъ протянулъ къ Ранъеву ложку уха; но Ранъевъ уклонился, боясь, что онъ его оболеть.

— Вѣрю, вѣрю, я вижу, что хороша.

— Это удивительно! — вскрикнулъ Даяновъ вспльщиво, бросивъ ложку и расплескавъ уху на Ранъева, — у него вмѣсто всего глаза; все видитъ: видитъ тепло или холодно, вкусно или не вкусно, пахнетъ или воняетъ—онъ все это видитъ!....

— Помилуй, любезный, на что жъ это похоже, ты меня всего облилъ,—проговорилъ чистоплотный Ранъевъ, вскочивъ съ мѣста и отирая платкомъ рукавъ фрака и жилетку;— мнѣ надо вхатъ.... а теперь я долженъ воротиться домой и переодѣваться....

— Ну, еще что? далѣе—декламируй! надо вхатъ переодѣваться.... Ну, повзжай, переодѣвайся!... Эй!.... ну, что же ты смотришь?

— Что прикажете? — спросилъ Яковъ.

— Гдѣ ложка? подай чистую ложку.

Яковъ принесъ другую ложку, и Даяновъ принялся за уху и компоть.

— Я поѣмъ и, можетъ быть, сосну, слышишь?.... Юшка меня подкрѣпила.... Если кто-нибудь придетъ, скажи, что я сплю.

— Слушаю-съ!

— Прощай, — сказалъ Ранъевъ, подходя къ кровати и протягивая руку.

— Я сплю, — отвѣчалъ Даяновъ.

Ранъевъ невольно улыбнулся и вышелъ.

XXIII.

Домъ, къ которому принадлежалъ флигель, гдѣ жилъ Далновъ, занимали двѣ очень замѣчательныя особы.

Войдемъ въ него.

Въ передней сидитъ человекъ на лавкѣ, сложа руки, ротъ на-распашку, — дрыхнетъ. Подлѣ него стоитъ и ворчитъ дѣвка.

— Да ну, говорятъ тебѣ, Семень!

— Ну, что?

— Пошелъ, говорятъ тебѣ, узнай, всталъ ли Сергѣй Павловичъ. Барыня велѣла скорѣй! Ну! Семень!

— Ну! разнукалась! ну, что узнать? Сколько разъ узнавать?

— Ну, мое дѣло было сказать, что барыня приказала, да и чортъ съ тобой! — крикнула дѣвка и ушла.

Между тѣмъ, въ одной изъ комнатъ дома, которую, судя по огромному турецкому дивану, можно было называть диванной, расхаживала, взадъ и впередъ, въ ватномъ изношенномъ халатѣ, въ ермолкѣ и въ женскихъ истоптанныхъ башмакахъ, довольно пожилая особа, съ ястребинымъ взоромъ и орлинымъ носомъ.

Другая особа, — въ утреннемъ капотѣ и чепчикѣ изъ-подъ котораго высунулось нѣсколько съдыхъ клочковъ, также отчасти съ марциальной наружностію, но съ дѣвственной томностію въ очахъ, у которыхъ отъ рѣсницъ остались красныя обводочки, съ плѣнительной улыбкой на устахъ, у которыхъ нижняя большая губа была какъ будто немножко поджарена, и вообще съ нѣжнымъ, упительнымъ выраженіемъ лица, которому придавали выразительность нѣсколько бородавокъ, — раскинулась на диванѣ, глубоко вздыхала, и поглядывала на свою ногу, обутую въ прювелевыя полу-сапожки.

— Это удивительно! пошелъ и съѣлъ !.... Неужели онъ до сихъ поръ не вставалъ? — проговорила она.

— Ты право, кажется, ты влюблена въ этого Даянова, Маша; да чорта ли тебѣ въ этомъ молокососѣ? — сказала особа въ ватномъ халатѣ, хлопавшая по комнатѣ туфлями, запахивая распахнувшуюся полу, пыхнувъ облакомъ дыма, и потомъ проводя кулакомъ подъ носомъ, вѣроятно для того, чтобъ пригладить усы.

— Ахъ, какія странныя у тебя выраженія, Вѣрочка! — отвѣчала грустная особа, съ сердцемъ.

— Сама бѣгаетъ на кухню, варить ему кашку, какъ ребенку, нянчится съ нимъ !.... Да ты чай и кормишь его сама съ ложечки: подуешь, попробуешь, не горячо ли, чтобъ не обжогся, голубчикъ мой, да и въ ротъ....

— Ну да, ну кормлю изъ роту, ну что жъ такое? ну влюблена въ него!

— Чортъ знаетъ что !.... Я конечно не опытна въ мужчинахъ....

— Ну, такъ и не говори!

— Да это что жъ за мужчина ?.... Пѣфу!

— Совсѣмъ не пѣфу! ни сколько не пѣфу! для тебя пѣфу, а для меня не пѣфу!

— Пѣфу! — повторила особа, курившая трубку, расплевавшись, — это чортъ знаетъ, что за гадость вѣзла въ ротъ !.... пѣфу?

— Ахъ, какъ ты плюешь, Вѣрочка! Это ужасъ! Ну велѣла бы вычистить трубку !....

— Представь себѣ: весь табашный кремъ-брюле....

— Ахъ, да не говори!

— Не говори! Какая ты странная, Маша !.... По мнѣ плевать; да я къ чему начала: къ тому, что право въ тебѣ всѣ понятія перемѣнились.

— Мои понятія перемѣнились? Никогда!

— Да какъ же! Я помню, что ты только и мечтала, что о герояхъ, да воинственныхъ мужахъ съ усами.

— Все-таки я не переѣзилась, а обманулась, — это такъ. Довольно было и одного перваго замужства, чтобъ разочароваться; а тутъ еще нелегкая понесла за втораго дурака.

— А гдѣ жъ у тебя были глаза?

— Ахъ, Боже мой! Молоденькой дѣвушкѣ, которая только что вышла изъ пансіона, ни въ чемъ толку не знаетъ, вдругъ предлагаетъ руку баронъ, всѣ говорятъ, что у него въ Германіи рыцарскій замокъ, — удивительно ли, что я сунулась въ Германію, какъ куръ во щи, и чуть-чуть не изчахла!.... Но Богъ избавилъ; воротилась въ Россію, поправилась здоровьемъ — сватается генералъ, — кто жъ бы, кажется, не пошелъ?... Я думала, что мой Семень Осиповичъ не какой-нибудь пріѣзжій нѣмчура, а Русскій генералъ, бригадный командиръ; анъ вышелъ хуже всякой бабы. И притомъ никакого уваженія ко мнѣ; только и дѣла, что ѣсть, пьеть, икаетъ, да ходитъ въ конюшню....

— Я не о томъ говорю, Маша; чортъ съ нимъ; ну что мнѣ: живешь ты съ нимъ, — хорошо; а нѣтъ, такъ для меня еще лучше.

— Чтобъ я съ нимъ жила! Никогда! Разстроилъ только мое состояніе; вмѣсто того, чтобъ ѣхать самому на прінски, да привести все въ отчетъ и въ порядокъ, послалъ управляющаго, этого несноснаго Дмитрицкаго.

— А! вотъ что! Давно ли Василій Павловичъ сталъ несносенъ?

— Ахъ, Боже мой, Вѣрочка, ты скажешь пожалуй, что я и въ него влюблена.

— А Богъ васъ знаетъ, что у васъ съ нимъ было; только ты хотѣла передать прінски въ управленіе Петру Петровичу, а какъ явился Василій Павловичъ, такъ вмѣсто отказа, вдругъ вздумала передать ему прінски на посессию на десять лѣтъ.

— Что жъ такое? я разсчитала, что это будетъ гораздо умнѣе: Петръ Петровичъ не поѣдетъ жить въ степи; тамъ все-таки надо держать управляющаго, да платить десять тысячъ; а изъ чего, какъ иной годъ неудача.... Да впрочемъ, я это еще не рѣшила, я еще подумаю.

— Не рѣшила? написала контрактъ, да не рѣшила.

— Извини, контракта я еще не подписывала.

— То-то я и говорю, что вѣтеръ перемѣнился.

— Скажи, пожалуйста, нашла вѣтреность; да впрочемъ что жъ, ну я вѣтрева, влюблена! что жъ такое? Я не могу не любить, я такъ создана, я не виновата, что во мнѣ пламенные чувства, и душа не терпитъ одиночества!....

— Скажи, пожалуйста, какая причудливая душа: только что разгорѣлась на одного: такой, сякой, сухой, не мазаный,— вдругъ изъ-подъ камышка струя бѣжить, изъ-подъ бѣлаго холодная!

— Ахъ, полно, Вѣрочка! уши вянуть, слушать тебя! право! Человѣкъ не испыталъ ни любви, ни замужства, а туда же говорить!.... Ты какая-то безчувственная.

— Ну, объ этомъ еще поспоримъ, — сказала мужественная Вѣрочка, поправляя халатъ, съѣхавшій съ плечъ,— поспоримъ, кто изъ насъ болѣе способенъ любить.

— О, что касается до халата Константина Ивановича Касталина, то я и спорить не буду: ты въ него страстно влюблена; и онъ взаимно тебѣ согрѣваетъ сердце, — не даромъ бѣдный протерся насквозь!

— Ужъ тамъ кого ни люблю, да люблю постоянно, безъ всякихъ нѣжностей, страданій и воздыханій; да мнѣ чортъ съ ними; довольно и того, что на тебя помотришь.

— Ахъ Боже мой, да что жъ дѣлать, Вѣрочка, что не всѣмъ Богъ далъ такую неприступную скалу вмѣсто сердца! Ну, не могу, не могу; я должна любить! Какъ человѣкъ, ищу сердца, которое бы билось подлѣ моего; а не халата,— извини.

И вмѣстѣ съ этими словами нѣжная особа вынула изъ ридикюля табакерку, понюхала, чихнула и обдала мужественную особу.

— Фу! экая скверность нюхать табакъ! — сказала она, отираясь.

— Ужъ гораздо лучше, чѣмъ курить. Тебя вотъ занимаетъ же трубка; а я не могу находить въ этомъ удовольствіи, и опять таки скажу, что мнѣ нуженъ человекъ съ любящимъ сердцемъ.

— Да по мнѣ ты хоть всѣхъ перелюби; да не теряй разсудка. Добро бы человекъ, а то какой-то взбалмашный. Сама говоритъ, что влюбленъ въ двухъ и страдаетъ отъ любви; а ты-то что, въ третью хочешь попасть?

— Право стыдно тебѣ, Вѣрочка, такъ говорить. Если я принимаю особенное участіе въ Сережѣ, такъ это только потому, что ему необходимо это нѣжное, родное участіе. Я его люблю, какъ сестра; онъ бы пропалъ безъ меня. Вѣдь ты не знаешь, что это за молодой человекъ, какъ онъ сознательнъ ко мнѣ.

— Да помилуй, что за чортъ, въ двухъ влюбленъ!

— Это-то и значить, что онъ ни ту, ни другую не любитъ; это-то и значить, что его завлекли. Одну я не знаю, — какая-то Marie; онъ самъ мнѣ сознался, что занялся ею потому только, что прекрасно поетъ, и съ отчаянія, что ему измѣнила Малинская. А Малинскую я очень знаю: это кокетка. Да и что за любовь у него къ ней? За что ты ее полюбилъ, Сережа: вѣдь она старше тебя, не особенная красавица, кокетка? спрашиваю я его. Какъ ты думаешь, что онъ отвѣчалъ?

— Ну?

— Ахъ, Машенька, говоритъ, что мнѣ до лѣтъ и до красоты, плевать мнѣ на нихъ: я не могу, говоритъ, любить то, что уходитъ; но ножка, ножка, говоритъ. Чудакъ, право; ну что жъ дѣлать: ужасно какъ пылокъ! Для него

взаимность — все на свѣтъ. — Помилуй, говорю я ему, Сережа, другъ мой, ножка ли составляетъ главное у женщины?....

— Да, разумѣется, конечно: то-то ты хлопотала сегодня о своей ножкѣ, — сказала Вѣрочка, поправивъ палецъ въ трубку, и потомъ плюнувъ на обожженный палецъ.

— Ну, ты рада привязываться! Что жъ въ самомъ дѣлѣ, небось, худа у меня нога?

— Кулька! — крикнула Вѣрочка, вмѣсто отвѣта на предложенный вопросъ, — подай-ко мой стаканъ чаю, да вычисти трубку.

— Ахъ, Боже мой, да что жъ это мнѣ ничего не скажутъ: ходилъ ли Степанъ? Всталъ Семень Павловичъ? — спросила у вошедшей Кульки Марья Степановна.

— Семень! — крикнула дѣвка, приотворивъ дверь въ залу.

— Чего изволите? — отозвался изъ передней хриплый голосъ.

— Что жъ ты? Всталъ Сергѣй Павловичъ?

— Вѣдь я докладывалъ!

— Кому ты докладывалъ?

— Какъ, кому?

— Семень! — крикнула и Марья Степановна.

— Семень! ступай къ барынѣ, — повторила горничная.

Семень прошагалъ тяжелымъ шагомъ чрезъ залу и выставилъ голову въ двери.

— Ну? что жъ ты? — прикрикнула Марья Степановна!

— Чего изволите? — спросилъ Степанъ равнодушно.

— Тебя посылали узнать, всталъ ли Сергѣй Павловичъ.

— Я и ходилъ.

— Ну, что жъ?

— Да вѣдь я докладывалъ ; сколько жъ мнѣ разъ докладывать-то ?

— Кому ты докладывалъ ? что ты докладывалъ ?

— Кому ! я виноватъ, что у нихъ память не пришта къ хвосту ! Чай я пришелъ, да и сказалъ Параскѣ.

— Эй, Параска ! — крикнула Марья Степановна.

Изъ двери высунулась вмѣсто Параски Кулька.

— Чего изволите ? — спросила она.

— Нешто тебя кличутъ ? Гдѣ Параска ?

— Не могу знать-ст.

— Да кто жъ можетъ знать ? дура ! кликни !

Между тѣмъ Семень преспокойно отправился назадъ въ переднюю.

— Эй ! — крикнула снова Марья Степановна, — ушелъ !... Семень !

— Чего изволите ? — спросилъ Семень , воротясь и выставивъ голову въ двери.

— Куда жъ ты ушелъ, дуракъ !

— Да вѣдь не меня кликали ?

— Чего изволите ? — спросила вошедшая съ противной стороны Параска.]

— Ты что жъ, моя милая, забыла мое приказаніе ?

— Какое, сударыня ?

— Тебѣ что сказалъ Семень ?

— Семень ? да я съ нимъ разговариваю, что ли ? что мнѣ съ нимъ разговаривать-то ?

— Вотъ изволите видѣть: отпирается ! — сказалъ Семень, — вотъ всегда такъ, сударыня.... вотъ оно что ; а тутъ за всѣхъ ихъ отвѣчай !

— Въ чемъ отпирается ? въ чемъ я отпираюсь ? сусло эдакое, прости Господи !

— Ахъ ты, Сидорова коза, прости Господи !

— Какъ вы смѣете ругаться при мнѣ! — крикнула Марья Степановна.

— Поди, поди, поди! — прикрикнула и Вѣра Яковлевна.

— Позвольте, сударыня, Вѣра Яковлевна, я не перенесу обиды отъ эдакихъ захлюстаныхъ хвостовъ, прости Господи!.... Извольте видѣть, я сижу въ передней, да дѣло дѣлаю....

— Пошелъ вонъ! — прикрикнула снова Марья Степановна.

— Позвольте, сударыня, Марья Степановна, доложить всю истинную правду....

— Пошелъ добромъ! — прибавила и Вѣра Яковлевна.

— Позвольте, сударыня, Вѣра Яковлевна, вы же изволили приказать башмачки почистить.... я ихъ ваксией смазала.... а она приходитъ, да говорить, что барыня приказала навѣдаться, всталъ ли Сергѣй Павловичъ; я и пошелъ; вѣдь я ослушаться, сударыня, не смѣю....

— Ты пошелъ? — вскричала Параска.

— А какъ же, небось не пошелъ?

— Ахъ, Боже мой, да они уморятъ меня!... Вѣрочка, выгони этого мерзавца!... Пошелъ! сейчасъ узнай, всталъ ли Сергѣй Павловичъ!

— Да сколько же разъ узнавать-то сударыня? Вѣдь я докладывалъ, что всталъ.

— Давай мнѣ скорѣе одѣваться, — крикнула Марья Степановна, торопливо вскочивъ съ дивана и уходя въ спальню.

— Вѣдь вотъ, сударыня, Вѣра Яковлевна, вотъ оно и служи вѣрой и правдой.

— Ну, ступай, ступай себѣ; да возьми почисти трубку, — сказала Вѣра Яковлевна, отдавая трубку Семену.

Семень снялъ трубку, и подулъ въ чубукъ.

— Да вѣдь онъ чистъ, сударыня; вамъ вѣрно худо наложили эти дряни, прости Господи!

— Какое чистъ, такъ сокъ въ горло и лъзеть.

Семень еще разъ продуль чубукъ.

— Никакъ нѣтъ-съ.... Вотъ извольте, я наложу вамъ трубочку.

И Семень пошелъ накладывать трубку для Вѣры Яковлевны, которая между тѣмъ спросила себѣ другой стаканъ чаю. А мы между тѣмъ займемся біографіей двухъ подругъ.

XXIV.

Нѣкогда, еще до появленія на небѣ кометы, предвѣщавшей нашествіе Наполеона на Россію, вышеупомянутыя двѣ особы воспитывались вмѣстѣ въ одномъ изъ Французскихъ пансіоновъ, куда Марью Степановну отдали родители, а Вѣру Яковлевну благодѣтели, отдали собственно для Французскаго языка, танцевъ и самыхъ лучшихъ въ свѣтъ церемоній, составляющихъ контрастъ Китайскимъ. Въ то время, точно также какъ и въ слѣдующее, необходимо было дѣвушкамъ пріобрѣтать въ приданое это *je ne sais quoi*, или, какъ выражались въ старину: «чортъ знаетъ что».

Въ пансіонѣ мадамъ Розаліи, дѣвушки дѣлали необыкновенныя успѣхи, и изъ барышень превращались быстро въ *demoiselles*, становились чудо какими миленькими субретками, и до того походили на настоящихъ Парижскихъ, что мужъ *M-me* Розаліи, *M-r* Habler, часто ошибался въ иныхъ, и ничего не упуская для полнаго образованія, какъ истинный художникъ, нѣсколькими *coup-de-mètre* заключалъ науку. Самъ онъ, лично, преподавалъ міеологію, по курсу Демутье: «*Lettres à Emilie sur la Mithologie*». Міеологія болѣе всѣхъ наукъ необходима была въ то время для свѣтской дѣвушки и дамы, которыхъ въ сердечномъ изліяніи величали не иначе, какъ деэссами, граціями и музами. Не зная этихъ названій, можно было, по Русской, простотѣ, принять ихъ за брань, обидѣться и вскричать: «какъ вы, сударь, смѣете называть меня граціей! вы забываетесь!»

Такимъ образомъ курсъ заключался нерѣдко экзаменомъ, послѣ котораго можно было сказать, вмѣстѣ съ Демутье:

Une lumière plus pure
 Semble éclairer la beauté :
 Son désordre est sa parure ,
 Son fard sa timidité.
 Un doux vermillon colore
 Son teint brûlant de plaisir ;
 Et son coeur novice encore ,
 Râpate de souvenir.

Машенька и Вѣрочка составляли однакоже исключеніе изъ всѣхъ пансіонерокъ : къ нимъ нельзя было приписать ни одного прекраснаго стиха. Машенька была такъ худошава, невзрачна, и притомъ изнѣжена и плаксива, что Хаблеръ недаромъ прозвалъ ее мадемуазелью *сапажу*; но сапажу подѣ часъ забавна; а Марья Степановна ни сколько : она была, напротивъ, мечтательна. Вѣра Яковлевна съ малолѣтства смотрѣла уже Азіатцемъ, который любить кейфъ и больше ничего. Хотя въ нихъ, казалось, ничего не было общаго; но ихъ сдружила взаимная ненависть къ миеологіи, безъ сомнѣнія по сознанію, что эпитеты богинь, грацій и музъ къ нимъ ни сколько не относятся. Но онѣ страстно любили исторію; потому что ея преподавалъ Русскій учитель, котораго всѣ прочія пансіонерки называли *монстромъ* и просто учителемъ, въ отличіе отъ прекрасныхъ *метровъ*. Машенька и Вѣрочка терпѣть не могли метровъ.

— Я ненавижу этихъ миндальныхъ, обсахаренныхъ метровъ, говорила Вѣрочка, передразнивая, какъ они хорошенькую Гюстину, называютъ M-lle Justine, какъ эффектно нѣжно произносятъ : j'aime, tu aimes, и очень счастливы, воображая, что дѣвицы учатъ урокъ только изъ любви къ нимъ. — То ли дѣло *нашъ*: по крайней мѣрѣ безъ всякихъ манеровъ, безъ любезностей и безъ прически хохла; небось никогда не скажетъ Гюстиной : M-lle Justine, soyez donc si aimable de dire votre leçon ! vous êtes trop timide, M-lle

Гүстина. Timide! дуралей!.... То ли дѣло нашъ : ну, ба-
рышни, знаете урокъ? Ну, хорошо! прекрасно! Извольте
вы, госпожа Гүстина, сказать : кто основалъ Ассирійскую
монархію?.... Что жъ вы молчите? отвѣчайте по крайней
мѣрѣ, что вамъ дѣла нѣтъ до того, кто основалъ Ассирій-
скую монархію, такъ оно и будетъ хорошо и прекрасно!
Молодецъ!

— И я его люблю,—сказала Машенька, — у насъ съ
тобой общее сердце; потому что мы любимъ одного.

— Ужъ конечно, что я тебя люблю не такъ какъ дру-
гія,—сказала Вѣрочка; — всѣ онѣ тогда только и любятъ,
когда тебѣ пришлютъ изъ дому конфетъ и варенья.... объ-
вѣдятъ тебя, да и прощай : надъ тобой же смѣются!.... Очень
нужно ихъ подчивать!

— Ахъ, Вѣрочка, да вѣдь я даю тѣмъ, которыя и
мнѣ даютъ.

— Даютъ! одну облизаную конфетку, чтобъ отъ тебя
выманить горсть! Терпѣть не могу такой подлости!

Въ самомъ дѣлѣ Вѣрочка терпѣть этого не могла.
Она была самый ревнивый другъ и не спускала Машенькѣ
ласковаго слова съ кѣмъ-нибудь.

— Что это значить, Вѣрочка, что ты отворачиваешься
отъ меня? — спросить Машенька, послѣ какого-нибудь не-
осторожнаго дружескаго измѣненія къ другой.

— Ничего, — отвѣчаетъ Вѣрочка.

— Какъ ничего?

— Такъ, ничего : дружись себѣ съ этой дрянью, и
сама будешь такая же дрянь.... Только ужъ пожалуйста меня
не знай!.... отстань отъ меня, мнѣ ничего твоего не нужно!

Этого достаточно было, чтобъ привести Машеньку въ
отчаяніе : ея самолюбіе никакъ не могло выносить отвер-
женія. Дома, сердце ея привыкло къ постоянному теплу;
слабая мать даже распарила его своими ласками и потвор-
ствомъ. Въ пансіонѣ, подняли на смѣхъ эту изнѣженность.

Върочка на первыхъ же порахъ приотила къ себѣ и защитила ее отъ подругъ, экзаменовавшихъ ея свойства и качества: терпѣлива ли она, не имѣетъ ли склонности къ жалобамъ и фискальству, до какой степени развернулись ея понятія о любви и какія свѣдѣнія она имѣетъ о мужчинахъ.

Заступничество Върочки было причиной, что Машенька привязалась къ ней, тѣмъ болѣе, что видѣла въ ней что-то мужественное, надежное для защиты слабого пола.

Мы уже сказали, что между ними было соревнованіе къ исторіи; но мужественная Върочка любила исторію про героинь, представляла себя на ихъ мѣстѣ, критиковала ихъ, и мечтала о воинственныхъ подвигахъ, которые она бы совершила, еслибъ была на мѣстѣ Семирамиды.

Машенька, напротивъ, любила героевъ. Сначала влюбилась она въ Александра Великаго, и говорила, что еслибъ она была его женой, то никакъ не допустила бы до того, чтобъ онъ простудился и схватилъ лихорадку. Однакоже, узнавъ, что у Александра Великаго были разные глаза, одинъ голубой, а другой черный, размыслила, что это должно быть ужасно какъ безобразно, и сказала: фи! нѣтъ, я ни за что бы не пошла замужъ за разноглазаго. Въ слѣдствіе этого рѣшенія, она тотчасъ же разлюбила Александра Великаго, и на другой же день влюбилась въ Святослава, когда Русскій учитель читалъ по Елагину: «подобно парящему орлу, пролеталъ непріятельскія земли, и яко леопардъ жестокимъ стремленіемъ упорство сокрушалъ враговъ.»

Машенька едва сидѣла на мѣстѣ отъ проникавшаго ея чувства любви; но когда дошло до простоты воинственныхъ нравовъ: «обозовъ съ запасами, ниже котла къ варенію пици не имѣлъ онъ съ собою. Мясо коневье и говяжье, только изрѣзанное и на угліяхъ испеченное, вкушалъ для насыщенія, и потный изъ-подъ сѣдла войлокъ былъ ему одромъ для успокоенія....»

— Фи! — вскрикнула Машенька, — коневье: мясо!

— Да, коневье мясо, что жъ такое? сказалъ учитель, коневье мясо и хорошо, и прекрасно; но тутъ еще пропу-

щено зѣршиное: у Нестора сказапо: конину ли, зѣрину ли, или говядину на углехъ испекъ ядыше.

— Фи! — повторила Машенька, — это удвительно, въ цѣлой исторіи нѣтъ порядочнаго героя!

Никто ей вполнѣ не нравился, даже Геркулесъ.

— Что это за герой, — говорила она, — съ дубиной пѣшкомъ ходить!

Телемакъ пѣшилъ-было ее. Она достала гдѣ-то исторію про Телемака, и начала читать съ наслажденіемъ; но ей тотчасъ же надоѣла переодѣтая мужчиной Миверва.

— Вотъ привязалась! вѣчно тутъ! шагу нельзя сдѣлать! во все мѣшается!... Бѣдная Калипсо любила-любила Телемака, и онъ ее любилъ; а эта дрянъ гувернантка разлучила ихъ! Да и онъ, что за герой: точно ребенокъ, безъ гувернантки ни шагу!

— Плевать на него! — прибавила Вѣрочка, у которой была привычка къ этому присловью, — у тебя вѣчно въ головѣ герои.... Терпѣть не могу! чтобъ я пошла замужъ за какого-нибудь героя, ни за что! да я лучше сама буду героиней. Папинька бывало уйдетъ куда-нибудь, а маминька ждетъ-ждетъ его цѣлую ночь, возьметъ меня на руки да и начнетъ плакать: бѣдная ты, бѣдная: хоть бы ты уродилась мальчикомъ, такъ бы мнѣ не столько было горя. — Да я ни за что, маминька, дѣвочкой не останусь, говорила я ей; и сдержу слово. Плевать мнѣ на дѣвочекъ; ужъ если быть, такъ быть героиней: это поллучше еще, чѣмъ быть героемъ, даже Римскимъ.

— Ну, нѣтъ, Вѣрочка, что толку, когда герой и героиня порознь: хорошо тогда, когда героиня выйдетъ замужъ за героя.

— Покорно благодарю — замужъ! у васъ у всѣхъ только и въ головѣ, что замужъ! Будь я Семирамидой, я бы непремѣнно завоевала Европу, и выдала бы васъ, всѣхъ до одной, женщинъ замужъ.

— Всѣхъ? Гдѣ жъ бы ты нашла столько жениховъ? Знаешь ли ты, сколько всѣхъ женщинъ на свѣтѣ? За штатскихъ-то не слишкомъ бы пошли; а военныхъ-то много ли?

— Не все за военныхъ, и за учителей.

— Э, нѣтъ, извини : и за учителей бы не пошли. Пойди замужъ за учителя , да слушай цѣлый вѣкъ его лекціи, — очень весело ! Все будетъ задавать, да спрашивать уроки, — покорно благодарю !

— Ну, я всѣхъ мужчинъ бы произвела въ офицеры.

— А, вотъ это дѣло другое ; только не въ прапорщики : въ прапорщичьемъ чинѣ никто ни женится.

— Ну, мало ли чего нѣтъ !

— Да, вишь ты какая ! а сама, небось, вѣрно бы вышла за генерала ?

— Да, конечно, поди-ко-сь, безъ приданаго-то. Маминька по этому и горевала обо мнѣ, что у меня нѣтъ приданаго ; умереть, говорить, тебѣ въ дѣвкахъ ! — Не беспокойтесь, маминька, не умру въ дѣвкахъ ; да я и замужъ-то не пойду ! да и не пойду ! плевать мнѣ на всѣхъ мужчинъ !

— Хмъ ! Вѣрочка, хорошо тебѣ плевать на нихъ, какъ у тебя приданаго нѣтъ ; а вотъ мнѣ маминька ужъ готовить приданое : рубашки, простыни, наволочки, ночные чепчики, кофты, и мало ли что — нѣсколько сундуковъ. Я не понимаю для чего это ? для чего это все женихамъ ?

— Ахъ, да плевать мнѣ на нихъ, Маша ; очень я знаю для чего ! Маминька всегда бранила мужчинъ, за то, что они безъ приданаго не берутъ.

— Если за меня будетъ свататься какой-нибудь мужчина, и будетъ просить руки и приданаго, — извините, скажу я ему, что-нибудь одно выбирайте : или руку, или приданое !

— А отъ меня никто и руки не дождется ! плевать мнѣ на нихъ ! — заключила Вѣрочка.

Мечты Машеньки о замужствѣ и Вѣрочки о мужествѣ созрѣвали вмѣстѣ съ ними. И вотъ, одной двадцать лѣтъ, другой за двадцать. Надо же когда-нибудь кончить курсъ, или поприще ученія. Притомъ же Вѣрочка такъ

возмужала, что хоть въ рекруты. Благодѣтельница ея однакоже не было въ Москвѣ, и потому до пріѣзда ея она должна была оставаться въ пансіонѣ.

Между тѣмъ Машенька вышла изъ пансіона. Отецъ и мать ея умерли и она жила у Гусецкихъ, съ родни, людей, прожившихъ свое состояніе, и которые рады были ей, какъ кладу, и потворствовали до нельзя. Машенька пожелала, чтобъ подруга ея Вѣрочка, до пріѣзда благодѣтельница своей, жила вмѣстѣ съ ней, и желаніе ея было исполнено.

Здѣсь на свободѣ и на почвѣ невоздѣланной, но рыхлой, жирной и тучной, развивались ихъ наклонности и пріобрѣтались произвольныя, причудливныя привычки. Обычныя съ малолѣтства самоволіе и изнѣженность Машеньки были стѣснены въ пансіонѣ; но въ домѣ Пелагеи Ивановны и супруга ея, Петра Петровича, раскинулись на просторѣ. Ей угождали, ее забавляли, тѣшили, за ней ухаживали, носили хвосты. Добрякъ, Петръ Петровичъ, былъ двоюродный братъ отцу Машеньки, который откупамъ нажилъ огромное состояніе. Петръ Петровичъ и самъ имѣлъ до женидбы изрядный достатокъ; но не умѣлъ жить; и потому Пелагея Ивановна озаботилась поставить домъ мужа на приличную ногу, завела приличныя знакомства, отгѣснила мужнины неприличныя, дала всему вѣсъ и тонъ; посадила Петра Петровича за ломберный столъ, и домъ его славился гостепріимствомъ и любезностію хозяйки. Такое во всемъ изобиліе, довольствіе, роскошь, выѣзды, приемы, что надо было удивляться умъцою Пелагеи Ивановны жить въ свѣтѣ. Когда недоставало для расходовъ доходовъ, тогда какъ будто изъ-подъ земли являлись радушныя, предупредительныя заимодавцы, просили братъ сколько угодно, и не безпокоятся на счетъ уплаты. Самая пріятная вещь братъ деньги, издерживать ихъ, тратить, сыпать, бросать, мотать; но удивительнѣе всего то, что должники никогда не измѣняются, всегда готовы здорово брать; а съ заимодавцами, самыми добродушнѣйшими, радушными, щедрыми, случается какой-то припадокъ; вдругъ: подай ему назадъ, не только то, что

бралъ, да и то чего не бралъ; подай сейчасъ, вынь да выложи; иначе нѣтъ пощады ни къ привычкѣ жить въ роскоши и довольствіи, ни къ счастливой безпечности, ни къ способности проживать миліоны, ни къ совершенной неспособности беречь деньги, копить ихъ, считать ихъ, сидѣть надъ ними, думать о капиталѣ, о процентахъ, о ростѣ, о выгодахъ.... Увы! Нечистая сила идетъ если не за душою, такъ за всѣмъ, что есть за душою!

Почти до этого положенія дошли-было дѣла по части управленія Пелагеи Ивановны. Петръ Петровичъ удивился-было отъ чего это такъ; но Пелагея Ивановна объяснила ему:

— Чему ты, батюшка, удивляешься! Съ твоей безпечностію могло ли иначе быть? Не заботься я обо всѣмъ, давно бы пришлось идти по міру!....

Къ счастію, племянница Машенька поступила подъ кровъ Пелагеи Ивановны, и все пошло снова прекрасно.

XXV.

Нельзя же, чтобъ Пелагея Ивановна не озаботилась поставить предложенный богатой наслѣдницѣ кровъ на приличную ногу, не устроила приѣмы и выѣзды, и не обзавелась кавалерами, молодыми людьми, и тому подобными вещами, необходимыми для двушки-невѣсты. Такъ какъ Машенька.... Но ее даже Пелагея Ивановна звала уже Марьей Степановной.... Такъ какъ Марья Степановна считала себя въ числѣ изящныхъ созданій, произведенныхъ на свѣтъ для баловъ, гуляній, театровъ и, главное, для любви, неозабоченной пошлостями домашней жизни, то распорженія тетке ей были по сердцу. Въ первый же выѣздъ на балъ, она не замедлила влюбиться, и, возвратясь домой, не утерпѣла, чтобъ не вскричать:

— Ахъ Вѣрочка, Вѣрочка, я влюблена!

— Въ кого?

— Въ одного кавалера; ахъ, какой онъ! ахъ, еслибъ ты видѣла! Я тебѣ непременно покажу его! Онъ будетъ у насъ на балу.

И показала.

— Ну—ужь, признаюсь, есть въ кого влюбиться!— сказала Вѣра Яковлевна: — подходитъ къ дамамъ точно какъ нашъ буфетчикъ съ конфетами.

Марья Степановна подумала-подумала, и тотчасъ же влюбилась въ другаго кавалера.

— Этотъ ужь не подходитъ съ конфетами къ дамамъ, — сказала она Вѣрѣ Яковлевнѣ, показывая на новую свою любовь.

— Этотъ? — да этотъ совершенно похожъ на Мг Хаблера?

— Извини, у Мг Хаблера нѣтъ усовъ!

— Что жъ такое; если Мг Хаблеръ отроститъ, такъ совершенно будетъ похожъ на него.

— Въ самомъ дѣлѣ, — подумала Марья Степановна, — ои! чтобъ я влюбилась въ Хаблера!

Между тѣмъ, какъ Марья Степановна прибирала къ сердцу кавалеровъ, и плясала отъ восторга, что будетъ танцевать, что ангажирована впередъ на десять кадрилией, — Вѣра Яковлевна говорила, что плюетъ она на балы, что это смертная тоска. Она по инстинкту сознавала, что ей балыня платья ни сколько не къ лицу; что она гораздо милѣе въ капоть. Въ то время не знали еще чудесныхъ дамскихъ блузъ, мѣшковъ и пальто; а носили просто капоты съ *фалбарой*, въ три полотнища, не шире и не длиннѣ Англійскихъ сюртуковъ; известное дѣло, что то время было — время варварства, и дамы, во тѣмъ невѣжествѣ, Богъ знаетъ что носили, и никакого не имѣли понятія о бурнусѣхъ, о камзляхъ, визиткахъ, *пардессю*, просто и на ватѣ, и прочихъ нарядахъ и уборахъ, свойственныхъ просвѣщенному вѣку. Въ то время просто называли бы утопией полдюжины юбокъ на одной дамѣ, юбокъ накрахмаленныхъ, какъ слоновая бумага,

тканыхъ на бичевкахъ, юбокъ волосяныхъ, съ обручами, съ шивными ватными сосисонами, юбокъ на проволокъ, и т. д.

Но еслибъ въ то время носили юбки, то Вѣра Яковлевна не посмотрѣла бы на это; она даже не носила и косы, дѣвичьей красы: она привыкла въ пансіонѣ къ стриженной головѣ, отреклась отъ косы на вѣки, особенно, примѣривъ для опыта передъ зеркаломъ накладную косу и накладные локоны Пелагеи Ивановны.

До кометы съ страшнымъ хвостомъ 11-го года и до другой кометы съ хвостомъ дванадцати языкъ, 12-го года, у насъ курили трубку только Нѣмцы, да военные и штатскіе гусары и драгуны. Курили въ то время, или, лучше сказать, *сосали*, Голландскій кнастеръ, непременно изъ пѣнковыхъ трубокъ съ коротенькими витыми чубуками, съ бисернымъ чехломъ, съ роговымъ изогнутымъ дугой *мундштукомъ*.... мундштукомъ! Въ иную соску входилъ цѣлый *капшукъ* табаку, — суточная пропорція. Пѣнковыя трубки, дивное изобрѣтеніе по удобству и легкости держать соску въ зубахъ, были кромѣ того и предметомъ особеннаго знанія толку въ трубкахъ, и особенныхъ заботъ обкуривать ихъ; это составляло въ то время родъ славы; иные знатоки собирали огромныя коллекціи разнокалиберныхъ и разноформенныхъ пѣнковыхъ трубокъ, и курили табакъ единственно для обкуриванія трубки; иные отдавали трубки, тщательно обшитыя въ лайку, обкуривать особеннымъ художникамъ по этой части.

Петръ Петровичъ былъ собственно любитель трубокъ. У него была чудная коллекція, за которой другіе любители и знатоки волочились, какъ антикваріи за какой-нибудь рѣдкостью въ родѣ отломка отъ Вавилонской башни, или манускрипта, писаннаго до изобрѣтенія письма. По крайней мѣрѣ полсотни трубокъ покоились у Петра Петровича въ особенномъ ящикѣ подъ стекломъ, на бархатныхъ ложахъ. Его *пфейф-кабинетъ* также былъ замѣчателенъ для знатоковъ дѣла, какъ для нумизматовъ какой-нибудь монетно-кабинетъ.

Сначала Вѣра Яковлевна удивлялась, какъ это можно курить трубку, и спрашивала у Петра Петровича, для чего курять табакъ ?

На этотъ вопросъ Петръ Петровичъ не нашелся что отвѣчать; но сказалъ, вмѣсто отвѣта, что курять трубку Турки, и что по этой причинѣ и называются они Турками. — А вотъ у меня двѣ, — прибавилъ онъ, — видите ли на нихъ вырѣзаны Турки: султанъ, да султанша.

— Вижу.

— Ну, вотъ это пастоящія Турецкія.

— Стало быть, изъ нихъ курили Турки? Какая гадость курить послѣ Турокъ! — сказала Вѣра Яковлевна.

— Э, нѣтъ, изъ нихъ еще никто не курилъ; еслибъ они были обкурены, имъ бы цѣны не было.

— Дайте-ко я покурю.

— Ахъ, какъ это можно, — сказалъ Петръ Петровичъ.

— Вотъ прекрасно: султанши курять, отъ чего жъ я не могу курить!

На это Петръ Петровичъ ничего не могъ сказать.

Вѣра Яковлевна закурила трубку, немножко опьянѣла, и ей это очень понравилась.

— А, я теперь понимаю удовольствіе курить трубку, — сказала она, и съ этой поры принялась обкуривать султана и султаншу.

Петру Петровичу въ свою очередь это было очень пріятно. Пелагея Ивановна запрещала ему много курить; а Петру Петровичу ужасно какъ хотѣлось скорѣе обкурить султана и султаншу. Самъ накладывалъ онъ трубку для Вѣры Яковлевны; а она курила трубку за трубкой, хуже всякаго Турки и Нѣмца. Надымить по всемъ комнатамъ страшнымъ образомъ.

— Помилуй, на что это похоже, приучилъ дѣвку курить трубку! цѣлый день пушить табакъ, хотъ вонъ изъ дому!

— Помилуй, душа моя, что жъ мнѣ дѣлать, когда просить?

— Какъ это вы курите, Вѣра Яковлевна,—проговорила Пелагея Ивановна, обращаясь къ Вѣрѣ Яковлевнѣ.

— Какъ это вы нюхаете, Пелагея Ивановна?—отвѣчала Вѣра Яковлевна.

Послѣ этого дальнѣйшихъ упрековъ не было; но Петръ Петровичъ, чтобъ успокоить жену, удерживалъ Вѣру Яковлевну, покуда она курила трубку, разными ухищреніями у себя въ кабинетъ, и между тѣмъ какъ Пелагея Ивановна, взявъ на свое попеченіе Машеньку, преподавала ей на практикѣ всѣ познанія въ наукѣ раядиться и являться въ свѣтъ, Петръ Петровичъ, отъ нечего дѣлать и отъ необходимости удерживать Вѣру Яковлевну въ кабинетъ, училъ ее играть въ шашки. Это занимало и его и ее; потому что она терпѣть не могла выѣздовъ и вообще женскихъ занятій.

Пелагея Ивановна пробовала-было ее употребить на что-нибудь въ дѣло, иногда вмѣсто своей головы, чтобъ посмотреть, хорошо ли сидитъ сзади чепчикъ, или такъ ли приколото шу, иногда вмѣсто моталки подержать мотокъ шерсти; но Вѣра Яковлевна отучила ее восклицаніями: ахъ, какая тоска!

Такимъ образомъ, не участвуя ни въ чемъ, она курила трубку, играла въ шашки, смотрѣла на все критически, все считала глупостью, нелѣпостью, пошлостью и безобразіемъ; говорила рѣзко, утвердительно, была необыкновенно какъ интересна безпечностью, сужденіями, приговорами, безцеремонностью, носила чужіе капоты, набрасывала на себя чужую кацавейку, сморкалась въ чужой платокъ.

Все это чрезвычайно какъ шло къ ней; никто вслухъ не смѣлъ на нее сердиться, и только за глаза говорили: это ужасъ, что за несносная старая дѣвка. Никто и вѣрить не хотѣлъ, чтобъ ей было не болѣе двадцати пяти лѣтъ отъ роду.

Особенно обижалась ея рѣзкими сужденіями одна тощая прихожанка въ домъ, старая дѣва, Анна Александровна, которая, посѣщая Пелагею Ивановну, давала себѣ въсь и значеніе разказами, что такая-то княгиня жить безъ нея не можетъ, что такая-то графиня куска безъ нея не съѣсть

что такая-то генеральша предлагаетъ ей домъ свой, да она въ чужомъ домъ жить не привыкла, что, слава Богу, у ней и свой уголь есть и свой кусокъ хлѣба.

Она ужасно какъ злилась на Вѣру Яковлевну, называла ее нищей, и говорила, что ее и самъ Богъ съ ней не сравнилъ.

— Помилуйте, Пелагея Ивановна, — начала она однажды, когда Пелагея Ивановна проговорилась, что ей надоѣла эта Вѣра Яковлевна, — помилуйте, да что это такое, въ самомъ дѣлѣ; вѣдь ужъ я долго терпѣла, ничего не говорила.... Что это такое: дѣвка ни съ лица, ни съ знанки, а ни къ кому уваженія не имѣеть!.... Даже къ хозяйкѣ дома! Изъ милости живетъ, а словно какъ одоужаетъ!.... Ахъ ты Господи! Сидѣть бы въ углу; а она, смотри пожалуй, какъ рассказываетъ! А ѣсть-то какъ: такъ и пицить за зубами! Подлинно драгунъ! И привычки-то всѣ солдатскія.... Только и знаетъ, что курить трубку да въ шашки играетъ.... Ужъ извините, Пелагея Ивановна, на нашемъ мѣстѣ, я бы не позволила безвыходно сидѣть въ кабинетъ, да обкуривать трубочки.... Неровенъ часъ, мало ли какихъ вещей на свѣтѣ бываетъ.... Пословица не даромъ молвится: «полюбится сатана лучше яснаго сокола».... А она, что вы думаете, — «въ одну сторону Черемись, а въ другую берегись!»....

Выслушавъ эти рѣчи, Пелагея Ивановна призадумалась: — что-нибудь да есть, — помыслила она, — стала ли бы даромъ говорить Анна Александровна!....

— Да, матушка, Пелагея Ивановна, — прибавила Анна Александровна, — я бы ей отъ воротъ дала поворотъ!

— Полно, Анна Александровна, какъ тебѣ не стыдно: ты ужасъ какой подозрительный челоуѣкъ!

— Да, да, да, подозрительный, что говорить!

Извѣстное дѣло, что когда набросится тѣнь на предметы, то они становятся рельефнѣе или вышуклѣе, эффектнѣе или поразительнѣе.

Посмотримъ, что изъ этого вышло.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

ПИСЬМА ОБЪ ИНДИ.

КНЯЗЯ А. Д. САЛТЫКОВА.

(Продолженіе.)

На морь, между Цейланомъ и Мадрасомъ.

8 Юня 1841 года.

Я сторговался съ однимъ Португальцемъ, владѣтелемъ маленькаго судна въ 37 тоннъ: за сорокъ фунтовъ стерлинговъ онъ обязался доставить меня изъ Коломбо въ Мадрасъ, и по дорогѣ останавливаться вездѣ, гдѣ я захочу. Я устроилъ себѣ на палубѣ кровать собственнаго изобрѣтенія: она защищаетъ и отъ солнца, и отъ вѣтра, и отъ дождя. Въ каютѣ страшное множество «кокороковъ», не смотря на обязательство капитана истребить ихъ всѣхъ до одного.

Цейланъ мнѣ приглядѣлся, и я рѣшилсѣ съѣсть на корабль, который обгибаетъ теперь Коромандельскій берегъ.

Два дня не сходилъ я съ постели, пригвожденный къ ней страшной бурей, которая не рѣдки въ этомъ «Тихомъ» океанѣ. Впрочемъ теперь самая пора урагановъ и дождей. Мы бросили якорь передъ Мавританской деревушкой Каликари, возложивъ всю надежду на якорныя веревки, что было не совсѣмъ безопасно. Высокія пальмы, раскинутыя по песчаному берегу, заманили меня подъ свою сѣнь; но на берегу, особенно въ полдень, было такъ жарко, что у

меня замирало сердце и кружилась голова. Я поспышал на борть. Сильный морской ветеръ едва не сорвалъ нашего якоря, и бѣдный лоцманъ, послѣ тщетныхъ двудневныхъ попытокъ, съ трудомъ успѣлъ вывести корабль изъ гряды маленькихъ прибрежныхъ скалъ. Я присталъ къ небольшому острову, который лежитъ между Цейланомъ и Индѣйскимъ полуостровомъ и называется Рамиссерамъ. Мнѣ хотѣлось посѣтить здѣшній знаменитый храмъ. Ступивъ на берегъ въ селеніи Помбэнъ, я былъ очень ласково принятъ двумя Англійскими офицерами и одной Англичанкой, которые имѣютъ здѣсь постоянное мѣстопробываніе. Меня накормили, приняли и доставили всѣ удобства для поѣздки въ храмъ, находящійся миляхъ въ девяти отъ селенія. Я отправился туда на другой день утромъ, въ паланкипъ. Дорога, вымощенная каменными плитами, тянется по песчаной почвѣ, поросшей колючимъ кустарникомъ. Мѣстами попадаются пріюты, устроенные для отдохновенія богомольцевъ — низенькія террассы, подпертыя столпами, и четырехъугольные пруды съ каменными спусками.

Приближаясь къ сырмъ стѣнамъ храма, я замѣтилъ стоявшаго на дорогѣ слона и нѣсколько далье другаго. Они двинулись намъ на встрѣчу, въ сопровожденіи толпы туземцевъ, предводимыхъ браминами и баядерками, которыя приближались, приплясывая подъ звуки трубъ и цимбаловъ. При встрѣчѣ, насъ осыпали пучками и вѣнками изъ благовонныхъ цвѣтовъ. Народъ, музыканты, баядерки, брамины, слоны и вся толпа двинулась вмѣстѣ съ нами подъ великолѣпную колоннаду, образованную изъ мѣологическихкихъ чудовищъ, которыхъ въ это мгновеніе озарило вечернее солнце огненнымъ, будто подземнымъ, свѣтомъ.

Двери храмовой сокровищницы распахнулись передъ нами. Головные уборы, запястья, литыя массы золота, грубо отчеканенныя, представились намъ въ безчисленномъ множествѣ. Однако не всѣ тайники раскрылись передъ нами: въ этихъ мрачныхъ убѣжищахъ мелькали огоньки; отъ

времени до времени скрывалась туда храмовая плясунья, или выходила оттуда тихой, мѣрной поступью, и до нашего слуха долетали глухіе звуки священной трубы.

Три дня я прожилъ здѣсь, бродя по обширнымъ подземельямъ и перебѣгая по безконечнымъ кровлямъ храма. Глядя съ этихъ кровель на храмовыя зданія, на разбросанныя пагоды, на купы кокосовыхъ пальмъ, невольно поражаешься своеобразностью вида: такъ и вѣтъ Индіей! Когда я первый разъ ступилъ на храмовую кровлю, кругомъ меня поднялась цѣлая туча зеленыхъ попугаевъ и шумно перенеслась въ ближайшій пальмовый лѣсокъ. Я шелъ по бѣлымъ плитамъ, озареннымъ лучами вечерняго солнца; странные куполы пагодъ, подымавшіеся въ уровень со мною, отливали золотомъ, и я мечталъ, что, можетъ быть, также буду прогуливаться по висячимъ садамъ Лагора. Передо мною высилась мрачная, пострѣвшая башня, которая рѣзко отдѣлялась отъ свѣтлыхъ, веселенькихъ пагодъ и садовъ, и повивалась сумраками ночи. Я направился къ этой башнѣ; мои шаги глухо раздались по пыльнымъ ступенямъ маститой лѣстницы и переполошили летучихъ мышей и совъ, которыя заройлись надъ моей головой. Сойдя опять на кровлю, я спустился по маленькой лѣсенкѣ во внутренность храма: тамъ все было мракъ и безмолвіе. Изрѣдка въ темнотѣ мелькала одна изъ дѣвушекъ, посвященныхъ храму и разврату браминовъ, и терлась въ глубинѣ крытыхъ переходовъ....

На другой день я былъ на свадьбѣ. Женихъ и всѣ его родственники, взрослые и дѣти, старики и молодые, взгромоздились на одного слона. Меня ввели въ домъ. Жениху казалось на видѣ лѣтъ двадцать; невѣста, осьмнадцатилѣтняя дѣвушка, очень недурная собой, но черезчуръ смуглая, была на-снось. Это удивило меня одного, потому что здѣшніе обычаи, кажется, позволяютъ жениху вступать въ свои права до брака.

Оставивъ съ сожалѣніемъ Рамиссерамъ, я видѣлъ мелко островъ Яфону, на Коромандельскомъ берегу городъ

Негапатамъ , принадлежащій Англичанамъ , и въ мѣстечкѣ Нигуръ Мавританскую часовню съ высокими минаретами. На все это любовался я съ борта моего корабля. Потомъ мы подплыли къ Датскому городу Транквебару : завидѣвъ издали правильно выровненные, крашенные дома, я не принялъ на себя труда сойти на берегъ.... Вотъ наконецъ и Пондишери : здѣсь мы бросаемъ якорь.

Пондишери — хорошенькій городъ, болѣе похожій на Итальянскій, нежели на Французскій. Я представился губернатору, почтенному старику, и имѣлъ честь у него обѣдать; за столомъ было человекъ двадцать Французовъ, но большей части — уроженцевъ Африки и Индіи.... Остановился я въ очень порядочной харчевнѣ.... Цвѣтное народонаселеніе Пондишери чрезвычайно красиво. Здѣшнія Индіянки отличаются живописной небрежностью одежды и прически, осанкой и плѣнительной естественностію обращенія. На всѣхъ ихъ приѣмахъ лежитъ печать простодушія и достоинства; ихъ лица оживлены грустно-обворожительнымъ выраженіемъ, неизвѣстнымъ въ Европѣ. Появляясь въ темной зелени пальмъ и банановъ, онѣ кажутся сверхъестественнымъ явленіемъ, вызваннымъ чарамъ древнихъ волшебниковъ. Кромѣ Индіянокъ, я видѣлъ въ Пондишери Португалецъ и Голландокъ; онѣ носятъ Европейскія одежды, но всѣ безъ исключенія смуглы, всѣ уроженки Индіи и говорятъ только по-Индійски.

Велоръ, 26 Іюня 1841 года.

Велоръ—древняя Индійская крѣпость, верстахъ во сто отъ Мадраса. Въ этой крѣпости содержатся жены и дѣти Типпо-Саиба и остатки семейства его отца, Гайдера-Али.

Эти несчастливцы томятся въ неволѣ лѣтъ сорокъ, и женщины, разумѣется, не въ первой молодости. Въ крѣпости заключены еще другія Индійскія семейства, и въ томъ числѣ, семейство послѣдняго Цейланскаго царька, который былъ плѣнень, лѣтъ двадцать тому, и умеръ здѣсь. Его сынъ, хорошенькій пятнадцатилѣтній мальчикъ, въ своемъ

парадномъ одѣяніи очень похожъ на тrefоваго короля... Вообрази, что крѣпость окружена глубокимъ рвомъ, въ которомъ кишмя-кишатъ крокодилы! Нынче утромъ видѣлъ я нѣсколько штукъ: выползли изъ воды и грѣются на солнцѣ, огромные, уродливые, а другіе возятся въ травѣ. Какъ тебѣ нравится эта идея? Чтобы плѣнники не спаслись вплавь и не имѣли ни съ кѣмъ сообщенія, приставили къ нимъ сторожами — крокодиловъ!... Я посылалъ заключенныхъ вмѣстѣ съ моимъ хозяиномъ, комендантомъ крѣпости, полковникомъ Нэпиромъ, который многимъ изъ несчастливцевъ несъ радостныя вѣсти. Одной очень набожной старухѣ, у которой въ носу продѣто было огромное кольцо съ висячей жемчужиной, Нэпиръ объявилъ, что ей дозволено избрать мѣстомъ жительства храмъ Джагарнатъ, около Калькутты. По словамъ Нэпира, эта старуха, принадлежащая съ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій, недавно оплакала единственную дочь, которая добровольно сожгла себя на погребальномъ кострѣ своего мужа. Жены и наложницы Типпо-Саиба не слишкомъ привлекательны, а племянницы и двоюродныя сестры Гайдеръ-Али еще менѣе: вотъ почему онѣ не прячутся отъ любопытныхъ взоровъ, не смотря на то, что онѣ магометанки, и что покорители Индустана, Типпо и Гайдеръ, были мусульмане. Сами евнухи этихъ госпожъ провели насъ къ нимъ. Тѣмъ, которыя были помоложе, комендантъ при мнѣ разрѣшилъ выйти изъ темницы и вступить въ замужество, по ихъ благоусмотрѣнію. Старухи тутъ же приступили къ коменданту съ просьбами объ увеличеніи жалованья. Впрочемъ съ плѣнниками обходятся человѣколюбиво. Маленькому Кандійскому царьку дано позволеніе идти на всѣ четыре стороны; но онъ не хочетъ оставить крѣпость, потому что здѣсь его содержать хорошо, а идти ему нѣкуда. Онъ могъ бы воротиться въ Цейланъ, но объ этомъ нечего и думать: его отецъ былъ страшный тиранъ и даже въ темницѣ обращался съ своими людьми безчеловѣчно-жестоко. Послѣ этихъ утреннихъ посѣщеній, я набросалъ на бумагу нѣсколько очерковъ, и укрылся отъ жару въ красивомъ и покойномъ домѣ коменданта. Съ балкона видъ прекрасный;

по вечерамъ, на лужайкѣ передъ домою, играетъ стройная полковая музыка: страшнымъ стеченіемъ обстоятельствъ сюда заброшенъ превосходный капельмейстеръ. Представь себя: я слушаю «*Лучію ди Ламмермуръ!*» Понимаешь, какое впечатлѣніе произвели на человѣка, такъ давно лишеннаго музыки, эти чудные звуки?

Я пробылъ здѣсь два дня; сегодня вечеромъ собираюсь въ дорогу.

Такъ-то я провожу здѣсь время. По ночамъ меня несутъ въ паланкинѣ, потому что днемъ это было бы слишкомъ тяжело и для носильщиковъ и для меня. Добрые Индійцы окружаютъ меня истинно-материнскими заботами: предупреждаютъ малѣйшія мои желанія.

Вообще Индійцы, даже самый низшій классъ народа, и смысленіе и ловче Итальянцевъ. Европейцамъ, какъ всемогущимъ своимъ повелителямъ, Индійцы покорны безусловно; но самая ихъ покорность проникнута какимъ-то спокойнымъ благородствомъ. По этому-то здѣшніе Англичане отдаютъ полную справедливость угодливости, честности и толковитости туземцевъ. Вообще Англичане не употребляютъ во зло своей власти и обходятся какъ нельзя лучше съ этимъ мирнымъ народомъ, который готовъ перенести безъ малѣйшей жалобы все, кромѣ нарушенія обычныхъ законовъ кастъ. Не смотря однако же на врожденную тихость нрава, Индійцы, изъ которыхъ набраны здѣсь полки, поражаютъ своей безукоризненной храбростію. Всѣ здѣшніе солдаты вступили въ военную службу охотою, принадлежатъ къ лучшимъ кастамъ, и очень довольны своимъ званіемъ. Но ежели ихъ подвергаютъ наказаніямъ, которыя могутъ обезчестить ихъ въ глазахъ соотчичей, могутъ послужить поводомъ къ изгнанію изъ касты, Индійцы нерѣдко лишаютъ себя жизни. Впрочемъ самоубійства случаются между Индусами заурядъ; даже женщины, увлеченныя несчастной страстью, очень часто налагаютъ на себя руки. Не знаю, до какой степени вѣрны эти подробности; онѣ основаны на личныхъ наблюденіяхъ неопытнаго путешественника, плохо ознакомленнаго

съ языкомъ страны, и на разказахъ особъ, заслуживающихъ довѣренность.

Въ Аркотъ, между Мадрасомъ и Велоромъ, я присутствовалъ на ученъи полка конныхъ сипаевъ. Миѣ показалось, что они исполняли свою обязанность почти также хорошо, какъ наши гвардейскіе гусары: разумѣется, менѣе отчетливости, менѣе красоты въ движеніяхъ. Они вели правильную атаку въ величайшемъ порядкѣ и безъ малѣйшаго замѣшательства.

Не помню, писалъ ли я тебѣ о Мадрасѣ. Это обширный, многолюдный, но не слишкомъ занимательный городъ. Англичане называютъ «черный» городъ Мадраса «городомъ хижинъ, *the city of huts*»; и дѣйствительно: Мадрасъ огромное сборище шалашей. Правда, есть нѣсколько пагодъ, но пагоды гораздо величественнѣе въ уединенномъ мѣстѣ, въ лесу. Завтра я собираюсь осмотрѣть одну изъ пагодъ. Англичане живутъ въ превосходныхъ загородныхъ домахъ, разбросанныхъ далеко одинъ отъ другаго: вѣроятно, имъ нужно побольше воздуха, свободы и уединенія. Чтобы сдѣлать два-три визита, нужно проѣхать верстъ десять или пятнадцать, что отнимаетъ много времени. Я съ своей стороны не поѣду съ визитами, тѣмъ болѣе, что здѣсь у меня нѣтъ никого почти знакомыхъ. Поселился я у здѣшняго губернатора, Лорда Эльфинстона. Это въ высшей степени порядочный и добрый человекъ: не будучи со мной знакомъ, онъ принялъ меня какъ нельзя радушнѣе и вѣжливѣе, и предоставилъ въ полное мое распоряженіе лучшіе покои своего дворца, въ которомъ царствуетъ невозмутимая тишина. Слышится только плескъ воды, которою смачиваютъ плетенныя сторы, не пропускающія ни солнечнаго луча, ни знойнаго вѣтра. Комнаты освѣщены слабо, и порой до меня долетаетъ струйка вѣтерка, освѣженнаго водой и пропитаннаго благоуханіемъ душистыхъ травъ: пахнетъ и кипарисомъ, и сандаломъ, и только что скошеннымъ сѣномъ.

Всѣ губернаторскіе адъютанты и секретари находятся въ его домѣ; нынѣ отдыхаютъ, измученные страшнымъ

жаромъ, другіе занимаются дѣломъ. Многочисленные Индійскіе служители, босоногіе, одѣтые тонкою кисеею, снуютъ взадъ и впередъ по обширнымъ заламъ. По всѣмъ угламъ солдаты въютъ опахалами изъ пальмовыхъ листьевъ; огромныя щиты, укрѣпленные по срединѣ потолка, движутся незримой силой (по стѣнамъ протянуты шнурки, и этими-то шнурками щиты и приводятся въ движеніе). Кажется, что самое одѣяніе Индійцевъ, волнистое, бѣлое, какъ снѣгъ, способствуетъ освѣженію воздуха въ этомъ уединенномъ жилищѣ, гдѣ царствуютъ порядокъ и безмолвіе.

Поездка изъ Мадраса наводитъ меня на мысль предпринять другую поездку, и я въ нерѣшимости — отправиться ли мнѣ на днѣхъ въ Калькутту, или продолжить мое пребываніе на югѣ. Можетъ быть, характеръ здѣшней жвстности совершенно отличенъ ото всего того, что придется мнѣ увидать, и мнѣ будетъ досадно, что я не изучилъ его довольно основательно. Въ Калькуттѣ я надѣюсь найти твои письма; ты знаешь, что они будутъ первыя, которыя я получу изъ Европы.

Въ теперешнюю мою осмидневную или десятидневную поездку я пустился одинъ. Францискъ и Федоръ остались въ Мадрасѣ, въ губернаторскомъ домѣ; впрочемъ внимательные Индійцы заставляютъ меня забывать отсутствіе моихъ слугъ. Для каждаго Европейскаго слуги нуженъ паланкинъ, и следовательно однѣ и тѣ же издержки, какъ и для барина. Желаютіе могутъ путешествовать въ почтовомъ паланкинѣ, то есть, перемѣняя носильщиковъ каждыя часъ: это путешествіе на половину такъ же скоро, какъ ѣзда въ почтовой каретѣ. Въ паланкинѣ можно спать, открывая или закрывая его дверцы и окошечки, по усмотрѣнію. Я замѣтилъ, что расходъ на паланкинъ обходится каждую версту въ рубль ассигнаціямъ, а каждую Англійскую милю въ одинъ шиллингъ. Паланкинъ несутъ шестеро носильщиковъ; другіе шестеро бѣгутъ по сторонамъ, для смѣны. Ночью прибавляется еще одинъ носильщикъ съ факеломъ; и такъ путешественникъ имѣетъ въ своемъ распо-

рженіи двѣнадцать челоувѣкъ днемъ и тринадцать ночью. Черезъ каждыя двѣнадцать верстъ носильщики смѣняются всѣ безъ исключенія; разумется, все это относится къ почтовымъ паланкинамъ.

Но очень часто, ежели путешествіе непродолжительно, носильщиковъ не мѣняютъ, а нанимаютъ на все время путешествія; въ такомъ случаѣ носильщики дѣлаютъ въ день верстъ по сорока и болѣе, особенно если путешествовать ночью, избѣгая палящаго дневнаго зноя. Отъ этихъ труженниковъ никогда не услышишь ни одной жалобы: они исполняютъ свою обязанность неизмѣнно-охотно и ободряютъ другъ друга таинственными словами и однообразными пѣснями. Эти трудолюбивые, мирные люди, согласные какъ братья, довольны своимъ ремесломъ, потому что оно—принадлежность ихъ касты, обычное занятіе, переходящее съ незапамятныхъ временъ отъ отца къ сыну. Ни за что на свѣтѣ они не рѣшатся приняться за другое дѣло, иначе сама религія заклеймитъ ихъ безчестіемъ. Ихъ простая и легкая пища состоитъ изъ рису, нѣсколькихъ плодовъ, овощей и сахарныхъ тростей. Законъ касты дозволяетъ имъ употребленіе баранины; но я еще не видалъ, чтобъ они ѣли мясо, хотя я имъ даю довольно прибавочныхъ денегъ.

Индійскій жаръ похожъ на Русскій морозъ: у насъ можно отморозить себѣ носъ, руки, ноги, и наконецъ совсѣмъ замерзнуть; здѣшній жаръ также опасенъ, только наоборотъ—можно изжариться, а не замерзнуть; но и здѣсь, какъ у насъ въ Россіи, умѣютъ принимать предосторожности.

Обращаюсь опять къ крокодиламъ или алигаторамъ. Мнѣ рассказывали, что, давно тому, поймали одно изъ этихъ чудовищъ, связали, надѣли ему на морду кольцо и бросили опять въ воду: сорокъ лѣтъ спустя, онъ еще прогуливался съ кольцомъ. Другой крокодилъ схватилъ недавно ребенка; въ эту гадину успѣли выстрѣлить и убить наповалъ, но уже было поздно: ребенокъ былъ проглоченъ. Бросили неводъ, вытащили алигатора, разрѣзали ему животъ, и нашли въ его желудкѣ мертвaго ребенка, нѣсколько зацѣпій и

колець, носимыхъ Индіянками на ногахъ. Было ясно, что чудовище растерзало нѣсколько женщинъ, но когда именно и случайно ли, или вслѣдствіе жестокости прежнихъ властителей Велорской крѣпости — разумется, это осталось тайной. Нынѣшній комендантъ Велора, полковникъ Нѣвиръ, не способенъ пробавлять крокодиловъ подобной potravой. Если бы я не побоялся подвергать себя дневному жару, я могъ бы видѣть много этихъ отвратительныхъ пресмыкающихся, потому что днемъ они преимущественно плаваютъ на поверхности воды и вышолзаютъ на берегъ. Сегодня утромъ мы съ однимъ Англійскимъ офицеромъ разсматривали изъ-за стѣнныхъ зубцовъ одно изъ этихъ страшлищъ, которое грѣлось на солнцѣ и растянулось передъ нами во всю длину. Англичанъ велѣлъ принести утку и потихоньку бросилъ ее крокодилу; но шумъ, произведенный упавшей уткой, испугалъ пресмыкающееся, и оно, не обративъ вниманія на лакомый кусокъ, скользнуло въ воду, извиваясь своими стальными чешуями. Бѣдная утка была въ неописанномъ страхѣ: офицеръ сжалился надъ нею и приказалъ вытащить ее изъ воды. Въ самую жаркую пору здѣсь имѣютъ обыкновеніе бросать крокодиламъ всѣхъ бродячихъ, безхозяйныхъ собакъ, которыя попадутся подъ руку.

Конджеверамъ, 27 Июля, вечеромъ.

Прошлую ночь я провелъ въ паланкинѣ, а сегодня утромъ прибылъ въ Конджеверамъ. Это только прогулка, и послѣ завтра утромъ я возвращусь въ Мадрасъ. Конджеверамъ — небольшой городокъ, разсѣянный въ священномъ лѣсу; въ немъ пятьдесятъ тысячъ жителей (въ томъ числѣ десять тысячъ браминовъ) и безчисленное множество пагодъ. Я остановился въ удивленномъ, чистенькомъ домикѣ, выстроенномъ для путешественниковъ. Мадрасскій губернаторъ, Лордъ Эльфинстонъ, выслалъ мнѣ туда трехъ служителей съ различными съѣстными припасами; передъ завтракомъ я, по обыкновенію, взялъ ванну. Предваренные о нашемъ приѣздѣ, брамины выслали къ намъ слоновъ и танцовщицъ,

молоденькихъ, хотя вовсе некрасивыхъ. Одна изъ нихъ, довольно впрочемъ хорошенькая, играла на странномъ инструментѣ изъ кокосоваго орѣха, звукъ котораго походилъ на гобой и вмѣстѣ съ тѣмъ на плачь маленькаго ребенка. Эта малютка, играя, дѣлала большія усилія, къ которымъ вынуждала ее мать, толстая, смуглая мегера. Я выгналъ мать изъ комнаты, а дочери подарилъ нѣсколько рупій, давъ себѣ обѣщаніе попросить Лорда Эльфинстона, чтобы онъ принялъ мѣры къ прекращенію такого ревностнаго обученія юности.

Слоны, отдѣлявшіеся отъ зелени пальмъ и лужаекъ, были необыкновенно красивы, и вся толпа, наполнившая мои комнаты, носила на себѣ какой-то особенный отпечатокъ. Разумѣется, этотъ народъ пришелъ ко мнѣ за подаваніемъ, и я принужденъ былъ сыпать рупіи пригоршнями.

Я осмотрѣлъ одну пагоду, потомъ другую. Оба зданія великолѣпны, величественнаго зодчества, съ самыми странными украшеніями, съ изображеніями вымышленныхъ чудовищъ; и все это перемѣшано пальмами, огромными бананами, крытыми ходами и переходами, двориками, площадками. Толпа браминовъ, молодыхъ и старыхъ, полунагихъ, испещренныхъ желтой и бѣлой краской на лицѣ и на груди, была погружена въ моленіе; одни, служители Шивы, истребителя, лежали ницъ, другіе, служители Вишну, сохранителя, молились стоя. Всѣ они поклоняются Брамъ, верховному существу, творцу міра. — Баядерки плясали подѣ звуки оглушительной музыки; слоны слѣдили за мною повсюду, какъ тѣни. Вся эта картина, и въ цѣломъ и въ подробностяхъ, была волшебно-очаровательна.

Мнѣ показывали сокровища храма*, принадлежности отдѣлнй и украшеній идоловъ, которыхъ, отъ времени до

* Англичане совѣтовали мнѣ осмотрѣть эти сокровища, какъ единственную достопримѣчательность Конджеверама: все остальное, по ихъ словамъ, было — *«native dirt and beastliness»*, нигде не годилось. Еще доказательство, какъ осторожно слѣдуетъ вѣрить на слово: сравнительно съ великолѣпіемъ всей картины, храмовыя сокровища точно нигде не годились.

времени, возять по городу въ огромныхъ колесницахъ, украшенныхъ странными деревянными изваяніями и изображеніями уродливыхъ божковъ: и здѣсь пришлось мнѣ поплатиться нѣсколькими десятками рупій. Впрочемъ, это мои единственныя издержки: правительство, или лучше сказать, Лордъ Эльфинстонъ даетъ мнѣ помѣщеніе и столъ даромъ. Если бы Лордъ Эльфинстонъ не былъ такъ внимателенъ ко мнѣ и не снабдилъ меня лакомыми блюдами своей безукоризненной кухни и цѣлой баттареей бутылокъ, вынутыхъ изъ его превосходнаго погреба, можетъ быть единственнаго въ цѣлой Индіи, я былъ бы въ крайнемъ затрудненіи. Пришлось бы вѣсть одни кокосовые орѣхи: все, что можно найти на Конджеверамскомъ базарѣ, и всѣ баснословныя кушанья браминовъ до того противорѣчатъ нашимъ понятіямъ о съдобномъ, что ни одинъ человекъ въ мірѣ, исключая кореннаго Индійца, не отважится на подкрѣпленіе себя подобною пищею. Туземный столъ состоитъ изъ плодовъ и овощей, но до того приправленныхъ духами, маслами и сахаромъ, что становится тошно. Возьмешь кусокъ въ ротъ и подумаешь, что раскусилъ или мускусъ подъ ламповымъ масломъ, или фіалковую помаду, или Неаполитанское мыло. Въ этомъ отношеніи здѣсь нельзя подражать туземцамъ, какъ я это дѣлывалъ въ Турціи, Италиі, Персіи, Грузіи и даже Сициліи.

Въ Конджеверамъ держатъ очень много обезьянъ; ихъ видишь повсюду, и въ домахъ, и на кровляхъ, и въ храмахъ, и всѣмъ имъ оказываютъ бѣльшее или меньшее уваженіе. Первое, что бросилось мнѣ въ глаза при моемъ пріѣздѣ въ Конджеверамъ, были эти обезьяны, а потомъ — огромный прудъ съ превосходной гранитной набережной и спусками. По набережной двигался почтенный слонъ... Нужно замѣтить, что здѣшнимъ слонамъ проводятъ на лбу горизонтальныя или перпендикулярныя линіи, смотря по тому, посвящено ли животное Вишну, или Шиву. На описываемомъ мною слонѣ сидѣлъ выбрѣтый до-гола браминъ, поклонникъ демона; въ рукахъ у брамина былъ медный сосудъ съ пучкомъ зеленыхъ листьевъ. Впереди шли

музыканты, вхалъ на коровъ мальчикъ, и изо всѣхъ силъ колотилъ въ цимбалы, что доставляло ему видное удовольствіе; къ слону были привѣшены колокольчики, два колокола и что-то въ родъ рога, или трубы. Я вылезъ изъ паланкина и любовался этимъ важно-шутовскимъ шествіемъ. Однако пора кончить. Прощай.

Р. S. Я остался въ Конджеверамъ до вечера и случайно попалъ на праздникъ. Представъ себѣ.... посреди странной Индійской архитектуры, при свѣтъ факеловъ, колоссальный, позолоченный истуканъ, поставленный на подмостки и движимый толпою людей, казалось, шествовалъ самъ собою, окруженный браминами. Къ этому надо прибавить бѣснующихся музыкантовъ, сидящихъ верхомъ на коровахъ. Такимъ образомъ кумиръ обошелъ кругъ во внутренности храма, по обширнымъ дворамъ, и вышелъ изъ портика высокой гранитной башни, превосходящей размѣрами Московскую колокольню Ивана Великаго, и считающей, по сказаніямъ, четыре тысячи лѣтъ. Шествіе двигалось по улицамъ Конджеверамъ и по перелѣскамъ, посреди пѣнія и грома, по распростертымъ богомольцамъ, при блестящихъ потѣшныхъ огней.

Танджоръ, 25 Юля, 1841 года.

Прибывъ сюда, я испросилъ дозволеніе представиться Раджѣ. Меня предупреждали, что онъ не въ духъ, по случаю нѣкоторыхъ недоразумѣній съ Индійскою Компаніею, сидитъ нѣсколько дней взаперти и не хочетъ никого видѣть. Но, вспомнивъ нашу пословицу: попытка не шутка, спросъ не бѣда, я подумалъ, что для такого рѣдкаго явленія, какъ Русскій, Раджа можетъ сдѣлать исключеніе. И въ самомъ дѣлѣ: мнѣ принесли учтивый отвѣтъ на Англійскомъ языкѣ (при Дворѣ Раджи находится секретарь Англичанинъ), и въ этомъ отвѣтѣ значилось, что Раджа готовъ сдѣлать мнѣ послѣ завтра торжественный пріемъ.

Отецъ нынѣшняго Раджи очень пострадалъ отъ своего дяди, который отнялъ у него престолъ, бросилъ его въ тем-

лицу и спаввалъ одуряющими зельями. Тогда въ Танджорѣ былъ Нѣмецкій миссіонеръ, по имени Шварцъ. Этотъ Шварцъ приходилъ утѣшать маленькаго Раджу въ темницѣ, и защищалъ его отъ нападковъ жестокаго дяди, который болелся прекословить миссіонеру, уважаемому всѣми. Однажды юному плѣннику удалось вырваться на свободу; онъ убѣжалъ въ Мадрасъ, исходатайствовалъ у Англичанъ покровительство, и Компанія снова возвела его на престолъ.

Въ настоящее время Танджоръ принадлежитъ Англичанамъ и управляется Англійскими чиновниками. Раджа неограниченный повелитель только въ своей крѣпости и въ ея окрестностяхъ на разстояніе пушечнаго выстрѣла; этотъ лоскутокъ земли населенъ десяткомъ тысячъ жителей. Компанія ежегодно выплачиваетъ Раджѣ до трехъ милліоновъ франковъ, т. е. пятую часть доходовъ провинціи. Отецъ нынѣшняго Раджи былъ преданнымъ другомъ Европейцевъ. По смерти Шварца, онъ долго былъ неутѣшенъ и поставилъ миссіонеру прекрасный мраморный памятникъ: на памятникъ Шварцъ представленъ умирающимъ, а благодарный Раджа держитъ его за руку и обливается слезами. Этотъ памятникъ поставленъ въ христіанской церкви, выстроенной Раджею на собственныя деньги, въ угодность Германскому пастору*. Я имѣлъ честь представляться сыну этого добраго Раджи. Позволь рассказать тебѣ все въ подробности.... прелюбопытно!

При моемъ входѣ въ крѣпость, выстрѣлили изъ пушки. Меня ввели на обширный дворъ, на которомъ тамъ и сямъ разставлены были слоны: я насчиталъ ихъ до осьмнадцати;

* Приобрѣты подобной терпимости не рѣдки между Индусами и, кажется, дозволяются ихъ религіей. Я зналъ оченъ набожныхъ Раджей, которые не запрещали своимъ служителямъ мусульманамъ торжествовать магометанскіе праздники. Гольваръ, въ Иадорѣ, со всѣмъ своимъ семействомъ и Дворомъ, одѣвается иногда мусульманскимъ эакиромъ и совершаетъ различные магометанскіе обряды, ни сколько не нарушая этихъ уставовъ своей религіи.

за железною рѣшеткой я замѣтилъ семь тигровъ и пять леопардовъ. Одинъ изъ тигровъ былъ рѣдкость: весь сѣрый.

У Раджи въ крѣпости всего сорокъ слоновъ; нѣкоторые принадлежать его женамъ (женъ у Раджи триста); другіе назначены на служеніе при великолѣпномъ крѣпостномъ храмѣ. Огромныя гранитныя башни этого храма поднимаются до облаковъ; посрединѣ высится чудовищный быкъ, высѣченный изъ одного куска черного камня. Кругомъ храма разбросаны купы пальмъ и стелется коверъ цвѣтовъ, необходимыхъ для религіозныхъ обрядовъ.

Я перешелъ на другой дворъ, гдѣ цѣлый строй солдатъ отдалъ мнѣ честь. На третьемъ дворѣ были также солдаты, стояла цѣлая толпа народа, играла музыка, а посрединѣ тянулася маститая Индійская колоннада, въ глубинѣ которой на тронѣ изъ слоновой кости, подъ пурпуровой сѣнью, въ парчевомъ одѣяніи, сидѣлъ самъ Раджа. На его груди и на чалмѣ страннаго, невиданнаго мною доселѣ покроя, сіяли крупные драгоценныя каменья, и между прочимъ, огромный изумрудъ, который свѣшивался съ чалмы къ переносью Раджи и блестялъ, какъ третій глазъ. Подлѣ Раджи стоялъ его пасынокъ, молодой человекъ, одѣтый почти такъ же, какъ Раджа. Множество служителей стояли за трономъ, въявъ золочеными опахалами и отгоняли павлиньими перьями комаровъ. На ступеняхъ трона курились благовоиѣ, и герольдъ прославлялъ громкимъ голосомъ величіе, могущество и добродѣтели своего повелителя, его красоту, мужество, силу и т. п. Словомъ, все соединилось, чтобъ придать торжественность этому приему, который напоминалъ и театральныя подмостки, и сѣдую древность, и ребяческую забаву. Раджа, довольно тучный, тридцатилѣтній мальчикъ, съ радушнымъ видомъ пошелъ мнѣ на встрѣчу, поцѣловалъ меня, взялъ меня подъ руку, пасынка подъ другую, умѣстивъ меня на сѣдалищѣ подлѣ трона и возсѣлъ самъ. По обѣимъ сторонамъ трона были повѣшены лукъ, колчанъ, полный стрѣлъ, литые изъ золота, и украшенная драгоценными каменьями сабля. Выраже-

не лица Раджи приветливое и приятное. Онъ говорить по-Английски. Я спросилъ его о здоровьѣ и поблагодарилъ за честь, мнѣ оказанную. Онъ отвѣчалъ, что сегодня же надѣется отплатить мнѣ посѣщеніемъ. Послѣ этого между нами начался занимательный и глубокомысленный разговоръ о нашемъ взаимномъ здоровьѣ, объ удовольствіи видѣть другъ друга и о жаркой погодѣ. Истощивши эти три источника разговора, я попросилъ позволенія удалиться: тогда Раджа осыпалъ меня съ ногъ до головы цвѣтами, окропилъ розовою водою и помазалъ какимъ-то сильно пахучимъ чернымъ масломъ. За тѣмъ я отправился домой дожидаться посѣщенія Раджи. Во все время аудіенціи, герольдъ провозглашалъ титулы и достоинства повелителя.

Въ пять часовъ вечера пріѣхалъ ко мнѣ Раджа, съ большою пышностію. Онъ былъ въ паланкинѣ; впереди шли семь слоновъ, изъ которыхъ два были огромнаго роста, покрыты тигровыми шкурами, съ башенками на спинѣ; четыре — средней величины и седьмой маленькій; за ними выступали два верблюда. Раджу сопровождало конное и пѣшее войско. Беадники, по большей части старики, были въ парчевыхъ одеждахъ, и сидѣли, вмѣсто сѣделъ, на чепракахъ, къ которымъ съ четырехъ концовъ были привѣшены хвосты Тибетскихъ коровъ.

Раджа Сиваджи, — это его имя, — и его пасынокъ были въ серебряномъ парчевомъ одѣяніи. Я отдалъ Раджѣ тѣ же почести, какія онъ оказалъ мнѣ, то есть, поцѣловалъ его въ оба плеча, и, взявши подъ руку, провелъ отъ паланкина до софы. При концѣ посѣщенія, я подалъ ему и каждому изъ его свиты по огромной вязи пахучихъ цвѣтовъ, обмылъ ихъ руки масломъ и розовою водою, на руки надѣлъ цвѣтныя записки, на шею цвѣтныя ожерелья и въ руки далъ по пучку цвѣтовъ. — Раджа, большой любитель всѣхъ этихъ церемоній, помогалъ мнѣ все время съ великимъ удовольствіемъ и благосклонно улыбался, видя мою неловкость. На другой день онъ прислалъ своего живописца, свѣтъ съ меня портретъ, обѣщая мнѣ подарить взаменъ

свое изображение. Цѣлый день я долженъ былъ сидѣть передъ живописцемъ; впрочемъ мнѣ это было не трудно, потому что въ этотъ день мною овладѣла какая-то лѣнь, да и жара на дворѣ была нестерпимая. Желая мнѣ польстить, живописецъ нарисовалъ меня съ большимъ брюхомъ; но такъ какъ для окончанія своей работы онъ непременно требовалъ отъ меня пряди волосъ, а я не соглашался на его требованіе, то портретъ остался незаконченнымъ.

Я стоялъ въ домѣ Англійскаго резидента, находящемся болѣе чѣмъ на пушечный выстрѣлъ отъ города. Кстати о пушкѣ: въ Танджорѣ есть пушка изумительной величины, но она валется за немнѣишемъ лафета, лежитъ на пескѣ. Въ то время, какъ съ меня снимали портретъ, сюда прибыли слоны, посланные Раджею за мѣсячною податью, которую ему платитъ Индійская Компанія. Ихъ нагрузили мѣшками съ золотомъ и серебромъ.

Оканчивая это письмо, я долженъ сказать, что въ настоящее время я нахожусь во владѣніяхъ другаго Раджи, болѣе независимаго, Раджи Пудукотскаго, у котораго есть и своя маленькая земля и свой городъ. Онъ еще мальчикъ; я его увижу нынче вечеромъ. А въ ожиданіи, я помѣщенъ въ отдельномъ, очень красивомъ и удобномъ домикѣ, построенномъ нарочно для Европейцевъ, желающихъ видѣть Раджу. Fa un caldo zgravante (жара нестерпимая). Я замѣтилъ, что въ этихъ странахъ въ комнатахъ постоянно бываетъ около 90° по Фаренгейту, не смотря на сторы, постоянно смачиваемыя для освѣженія воздуха.

Пудукота, 27 Іюля 1844.

Я былъ представленъ маленькому Раджѣ; онъ очень милъ. Онъ былъ одѣтъ такъ, какъ на нашихъ Европейскихъ театрахъ представляютъ Турокъ и особенно Багдадскихъ Калифовъ. — Вообще я былъ очень изумленъ, увидѣвъ въ Индіи, что большая часть маскарадныхъ и театральныхъ нарядовъ, которые въ Европѣ называютъ Турецкими и колъ

торые я считалъ выдуманнѣми, на самомъ дѣлѣ происходили изъ этой отдаленной страны. Раджѣ одиннадцатѣ лѣтъ, но онъ очень хорошо говоритъ по-Англійски, также какъ и его бѣдный братъ, кривой, десятилѣтній ребенокъ. Каждый изъ нихъ держалъ въ рукѣ по золотой саблѣ; на Раджѣ были превосходныя изумрудныя и жемчужныя украшенія. Тутъ же были выровнены въ рядъ восемь слоновъ съ серебряными и золотыми или вызолоченными сѣдалищами весьма страннаго вида. Были и лошади, очень хорошія и богато убранныя, съ перьями на головѣ. Чалма молодаго Раджи, украшенная пучкомъ аистовыхъ перьевъ, была очень красива. Раджа не переставалъ обращаться ко мнѣ съ различными фразами, которыя въ полголоса подсказывалъ ему его наставникъ, старый Маратъ, стоявшій позади трона. Со мной были три Англичанина: медикъ, военный и гражданскій чиновникъ, нѣчто въ родѣ покровителей и посредниковъ между Индійскою Компаніею и двумя Раджами, Танджорскимъ и Пудукотскимъ. Раджѣ захотѣлось показать намъ портретъ покойнаго своего отца. Онъ поспѣшно сошелъ съ своего маленькаго трона, взялъ насъ за руки, повелъ по деревяннымъ лѣстницамъ наверхъ, въ комнату, наполненную портретами его родственниковъ, и разсказалъ намъ исторію каждого. За этимъ наступила церемонія отъѣзда. Къ великому моему удовольствію, хлопотавшійся Раджа опрокинулъ розовое масло, которымъ надо было насъ помазать. Принесли розовой воды въ кропильницѣ, сняли съ нея крышку, и тотчасъ же тонкой струйкой забилъ фонтанъ до самого потолка. Раджа умильно попросилъ насъ омочить въ кропильницѣ руки. Для него было истиннымъ удовольствіемъ надѣвать на насъ тяжелыя цветочныя ожерелья и запястья, и раздавать намъ золоченыя листья бетеля. На дворѣ дворца, на улицахъ города и предмѣстья, по которымъ пришлось намъ проходить, стояли голые воины, иные держали въ рукахъ сабли, но большая часть была вооружена копьями и ружьями. Начальники были все верхомъ, въ бѣлыхъ, розовыхъ и желтыхъ одеждахъ, которыя резко отдѣлялись отъ ихъ своеобразныхъ лицъ:

точно дикіе звѣри и морскія чудовища въ кисейныхъ уборахъ! Я невольно вспомнилъ остовы Палермитянокъ въ тюлевыхъ платьяхъ и въ цвѣтахъ, видѣнные нами въ тѣхъ skleпахъ, откуда я никакъ не могъ тебя вытащить: такъ они тебѣ понравились.

Вечеромъ Раджа отдастъ мнѣ визитъ: повторятся тѣ же церемоніи. За тѣмъ я буду обѣдать съ тремя Англичанами, и сяду въ паланкинъ часовъ въ девять или въ десять вечера, а поутру въ семь часовъ буду въ *Триччинополи*, въ пятидесяти верстахъ отсюда. Триччинополи изрядный городъ, въ которомъ хорошо дѣлаютъ золотыя вещи; здѣшнія цѣпочки попадаютъ и въ Европѣ. Въ Триччинополи мнѣ знакомъ одинъ Англійскій офицеръ: онъ писалъ ко мнѣ и просилъ, чтобы я у него остановился. Кстати, я напередъ забылъ выслать тебѣ списокъ музыкальныхъ пѣснь, игравныхъ при мнѣ въ Цейланѣ, за обѣдомъ, который давало общество офицеровъ 91 Англійскаго полка. Вотъ этотъ списокъ. Не удивительно ли, что Норма и Сомнамбула прокатились такъ далеко? Но еслибъ зналъ ты, въ какомъ видѣ! Боже мой!.... Одываюсь къ обѣду.

Раджа былъ у меня съ цѣлыми сотнями слугъ; его принесли въ великолѣпномъ паланкинѣ; всѣ его слоны, роскошные парадные зонтики, лошади, затѣйливо и богато навьюченныя, — все это слѣдовало за нимъ.... Такъ жарко, что пишу къ тебѣ раздѣгый почти дѣ-гола, не смотря на то, что всѣ окна и двери открыты настежь, а ихъ такъ много въ моей комнатѣ, что стѣны похожи на рѣшетки. Замѣть еще, что ночь.

Между прочими нелѣпостями, въ поѣздѣ Раджи были огромныя трубы, въ которыя музыканты дули съ похвальнымъ рвеніемъ: эти трубы просто оглушили меня. Рядомъ же съ паланкиномъ Раджи несли, не знаю ради чего, большаго попугая, выточеннаго изъ дерева и позолоченнаго, на длинной палкѣ. Рѣшительно эти Индійцы придумываютъ Богъ знаетъ что, чтобы пустить пыль въ глаза.

*На дорогѣ между Триччинополи и Мадурой.**1 Августа 1841 года.*

Въ Триччинополи я купилъ у туземныхъ художниковъ очень дешево премиленькіе рисунки на слюдѣ и на бумагѣ. Присутствовалъ на смотре Англійскихъ и Англо-Индійскихъ войскъ, который дѣлали нарочно для меня: Генералъ Шоуэрсъ непременно хотѣлъ почтить меня этой церемоніей; послѣ смотра я объѣдалъ съ офицерами. Полковникъ Страттонъ, у котораго я остановился, осыпалъ меня ласками и снабдилъ необходимыми указаніями для продолженія путешествія. Я теперь на полпути отъ Триччинополи къ Мадурѣ, гдѣ надѣюсь осмотрѣть превосходные храмы и замѣчательный Индійскій дворецъ. Сдѣлаю маленькій крюкъ, но за то ужъ не пропущу ничего достойнаго примѣчанія. Теперь я пишу къ тебѣ изъ красиваго и удобнаго дома, принадлежащаго Англійскому губернатору. Двое расторопныхъ Индійскихъ слугъ исполняютъ малѣйшія мои желанія съ видимымъ удовольствіемъ, и въ добавокъ ничего за это не требуютъ. Вчерашнюю ночь я сдѣлалъ въ паланкинѣ пятьдесятъ верстъ: это еще ничего, дѣлаютъ и больше, смотря по числу станцій.

Въ Триччинополи я въ первый разъ въ жизни видѣлъ, какъ курятъ Индійскую «гуку.» Мнѣ показалась странною привычка курить вмѣсто хорошаго табаку сахарный песокъ и банановую постилу, вспрыснутые розовымъ масломъ. Впрочемъ, кажется, что эта привычка укоренилась во всей Индіи. Бананъ — хорошій плодъ, здоровый и удобоваримый, похожъ на большой огурецъ. Я до сихъ поръ предпочитаю его ѣсть, а не курить.

Недалеко отсюда есть деревушка. Сегодня утромъ двигалось оттуда погребальное шествіе подъ звуки пѣсенъ, барабана и трубы. На носилкахъ, устланныхъ пальмовыми листьями, несли трупъ женщины, вѣроятно, по здѣшнему обычаю, на костеръ. Мадраесскій губернаторъ, Лордъ Эль-

Финстонъ, показывалъ мнѣ однажды на морскомъ берегу мѣсто, назначенное для сожиганія труповъ. На костеръ бѣдняковъ идетъ коровій пометъ, на костеръ богатыхъ сандалное дерево. Я небольшой охотникъ присутствовать при подобныхъ сценахъ, и по этому не искалъ случая поглядѣть на обрядъ сожиганія поближе. Говорятъ, что когда вѣтеръ съ моря, отъ погребальнаго костра доносится запахъ жареныхъ бараньихъ котлетъ, точно отъ кухни. Хорошо еще, если бы жгли только мертвыхъ, а то здѣсь поджариваютъ иногда и живыхъ. Мать моего цоваго знакома, Пудукотскаго Раджи — очень умная и очень добрая женщина, любить своихъ дѣтей безъ памяти, а когда умеръ ея мужъ, непременно хотѣла взойти на костеръ; насилу отговорили ее отъ этого намѣренія именемъ дѣтей. Но при смерти Танджорскаго Раджи дѣло обошлось не такъ просто: его жена сожглась съ удивительнымъ хладнокровіемъ. Едва-едва могли уговорить ее, чтобы она не всходила на костеръ, гдѣ лежалъ трупъ ея мужа, и избавилась отъ мученія умереть на маленькомъ огнѣ: она согласилась и бросилась въ яму съ пылающихъ хворостомъ, гдѣ испепелилась въ одно мгновеніе. Передъ смертью она простилась съ домашними и съ министрами, которымъ поручила своихъ дѣтей. Впрочемъ мнѣ говорили, что этотъ обычай ведется только въ высшихъ классахъ, и то во владѣніяхъ Раджей; въ областяхъ, принадлежащихъ Остъ-Индской Компаніи, онъ давно вывелся изъ употребленія. Лордъ Эльфинстонъ писалъ вдовѣ Пудукотскаго Раджи убедительное письмо, въ которомъ упрасивалъ ее не слѣдовать безумному обычаю, и его настоянія могли послужить ей достаточнымъ извиненіемъ въ глазахъ соотечественниковъ. Въ простомъ народѣ женщины никогда не сожигаются.

Я теперь на дорогѣ въ Траванкоръ, сижу на станціи. Люди, сопровождавшіе поутру погребальное шествіе, подошли къ моему дому съ своими барабанами и трубамы и хотятъ войти въ мою комнату: всѣ они пьяны, кромѣ двухъ или трехъ, которые противятся ихъ желанію. Ты знаешь, что это за люди: голые, подпоясанные какой-то тряпкой, чер-

ные, какъ Негры, но съ длинными волосами; ушныхъ полголовы выбрито и оставленъ длинный чубъ. Всѣ они Малабарцы, или иначе Тамулы, говорятъ на Малабарскомъ нарѣчїи, отрасли Санскритскаго языка, какъ меня увѣрили. Кромѣ различїя племенъ, есть еще различїе кастъ, какъ ты очень хорошо знаешь, и каждая каста считаетъ себя отдѣльнымъ народомъ. Вообще нужно замѣтить, что не годится изучать касту со словъ ея членовъ: вмѣсто надлежащихъ указаній, вамъ наговорятъ нелѣпости, подсказанныя заблужденіемъ и преубѣжденіями.

Мадура, 2 Августа 1841 года.

Очаровательное мѣсто. Великолѣпная, бѣлая пѣгода поднимается посреди обширнаго пруда, окаймленнаго зеленью; по берегамъ прогуливаются и перелетываютъ павлины. Пѣгода эта за городомъ. Другія пѣгоды, величественныя, считающія, по сказаніямъ, болѣе трехъ тысячъ лѣтъ, находятся въ городѣ, въ которомъ до тридцати тысячъ жителей и старинный дворецъ прежнихъ Раджей. Рассказываютъ, что этотъ дворецъ выстроенъ, лѣтъ двѣсти тому, Итальянскимъ зодчимъ. Одинъ изъ Мадурскихъ Раджей, которому приписываютъ множество чудесъ и которому воздвигнута статуя съ вздернутымъ носомъ и страшными усами, имѣлъ престранное имя: Трамалъ-Наякъ. Въ главной городской пѣгодѣ бездна клѣтокъ съ попугаями, голубыми, красными, бѣлыми и зелеными: мнѣ рассказывали, что это—усердныя приношенія богомольцевъ изъ различныхъ областей Индіи. Позабылъ я тебѣ сказать, что здѣшнія обезьяны, точно такъ же, какъ въ Тричинополи, Конджеверамъ и, помнится, въ нѣкоторыхъ кварталахъ Мадраса, не имѣютъ хозяевъ, а живутъ сами по себѣ, однѣ на кровляхъ, а другія на дворахъ; при встрѣчѣ, дворныя дерутся съ кровельными, да и нельзя: разныхъ породъ, разныхъ кастъ! Вѣроятно, онѣ перебрались въ городъ изъ лѣсовъ, хотя около Тричинополи нѣтъ большихъ лѣсовъ, а обезьяны цѣлыми гурьбами цѣпляются по кровлямъ, какъ кошки.

Я въ маленькомъ затрудненіи: по ошибкѣ, разставили вѣсильщиковъ паланкина по другой дорогѣ и заставили меня сдѣлать тридцать осемь Англійскихъ миль крюку. Поправить этого было нельзя, но такъ какъ я потерялъ цѣлый день даромъ, хочу наверстать проигранное время и пробить здѣсь, вмѣсто предположенныхъ двухъ дней, нѣсколько часовъ.

6 Августа.

Былъ я въ мѣстечкѣ Паламкоттъ; имя не дурно, но мѣсто незанимательно. Теперь я въ Курталемъ: гористая, холодная мѣстность; очень вѣтрено, немножко сыро; небо постоянно въ тучахъ, изрѣдка дождикъ. Сырость послѣ такой жары была бы умѣстна, но я ея не люблю. Въ Курталемѣ есть прекрасный храмъ; часть его сгорѣла года два тому. Отсюда я отправляюсь завтра раннимъ утромъ, миль за шестьдесятъ, въ Кэлонъ, по горной тропинкѣ, проложенной въ густомъ лѣсу, по здѣшнему «джонгль»; въ лѣсу множество слоновъ и прочихъ маленькихъ звѣрковъ, въ особенности обезьянъ. Говорятъ даже, что ночью безрассудно пускаться въ эту дорогу: легко наткнуться на стадо слоновъ, которые бродятъ по ночамъ и способны раздавить и паланкинъ, и все, что ни попадетъ имъ подъ хоботъ; днемъ они на дорогу не выходятъ. Есть еще другая опасность: слонъ вообще животное кроткое, никогда не нападаетъ первый, но иногда подверженъ бышепству. Взбѣсившійся слонъ выгоняется изъ стада своими товарищами, приходитъ въ ярость, съ ревомъ бѣгаетъ по лѣсу, вырываетъ деревья, и горе всему, что встрѣтится ему на пути! Англійскій полковникъ Эвлокъ рассказывалъ мнѣ, что разъ выбѣжалъ на него изъ лѣсу взбѣсившійся слонъ. Полковникъ былъ верхомъ, и еле-еле успѣлъ ускакать отъ раздраженнаго животнаго, бросивъ за собой сначала шляпу, а потомъ сюртукъ: слонъ два раза останавливался, чтобы изорвать и то и другое въ клочки; почти то же самое случилось съ Лордомъ Эльфинстономъ. Но такъ какъ по этой

дорогъ ѣздить же другіе, и даже Англичанки^в (къ слову молвить, очень храбрыя дамы), я тоже рѣшился побхать. Притомъ же мнѣ дадутъ проводниковъ, которые поднимутъ кругомъ паланкина шумъ и гамъ, будутъ стрѣлять изъ пистолета, трубить, барабанить, и навѣрно запугаютъ звѣрей такъ, что они и носу не покажутъ. Ежели выбрать другой путь, придется сдѣлать большой крюкъ и ѣхать нѣсколько дней по скучной дорогѣ къ Коморинскому мысу. Изъ Калона я отправлюсь въ Травандрумъ. Прогулка по этому естественному звѣринцу мнѣ очень улыбается, а опасность — быть обезпокоену дикими звѣрями, по моему, ни сколько не болѣе опасности быть на корабль во время бури и на пароходъ во время пожара. Англичане готовятся къ большой охотѣ за слонами; хорошо бы было, если бы они отправились со мной въ одно время, да врядъ ли успѣютъ. А впрочемъ — Богъ знаетъ, будетъ ли это хорошо: они переполошатъ всѣхъ звѣрей — и тогда уже навѣрное должно ожидать нападенія. Ты можешь подумать, что я нарочно интересничаю и хочу запугать тебя, но это несправедливо. Я буду продолжать мое письмо во время и послѣ побѣдки, а пока не собрался еще въ путь, поговоримъ о другомъ.

Въ Мадурѣ я познакомился съ однимъ Англичаниномъ, который присутствовалъ при кончинѣ Пудукотскаго Раджи. Добряку Англичанину стоило страшнаго труда отговорить жену и шесть наложницъ покойника отъ непреклоннаго ихъ намѣренія сжечься на кострь. Королеву онъ успѣлъ кое-какъ убѣдить; но наложницы и слушать его не хотѣли, кричали, что онъ желаютъ смерти, что если королева забыла стыдъ и совѣсть, такъ по крайней мѣрѣ онъ не обезчестяетъ себя ни за что на свѣтъ. Тогда, не говоря ни слова, онъ заперъ ихъ всѣхъ въ комнату, а ключъ положилъ къ себѣ въ карманъ и продержалъ ихъ въ заперти до окончанія погребальнаго обряда. Теперь эти бѣдняжки живутъ въ нищетѣ и униженіи, и когда Англичанинъ проѣзжаетъ къ Пудукоту повидаться съ маленькимъ Раджей и его кривымъ братцемъ, которымъ онъ спасъ мать и которые по

этому называютъ его дядюшкой, наложницы всегда осыпаютъ его упреками изъ-за своей перегородки. (Благородныя Индійцы держатъ своихъ женъ взаперти, какъ Магометане.) «Ты насъ обезчестилъ, — говорятъ наложницы, — повергъ въ нищету, дай же намъ по крайней мѣрѣ денегъ!» Въ самомъ дѣлѣ ихъ кормятъ очень плохо; онѣ должны брить головы до самой смерти. Мнѣ кажется, что Индійцы скупы до мелочности и способны на дурное обхожденіе съ такими, по ихъ понятію, презрительными существами, какъ эти бѣдныя женщины.

Храмъ содержится, подъ надзоромъ сборщика Мадурской провинціи, на счетъ Остъ-Индской Компаніи, которая ежегодно отпускаетъ для этого небольшую сумму. Храмы содержатся точно такимъ же образомъ вездѣ, къ великому негодованію миссіонеровъ. Я слышалъ, что въ Англіи образовалось большое общество, имѣющее цѣлью исходатайствовать у правительства прекращеніе этого обычая. Если это общество успѣетъ привести свое намѣреніе въ исполненіе, въ чемъ, кажется, нельзя сомнѣваться, искусство и художества потеряютъ много: брамины, оставленные на собственный произволь, не будутъ въ состояніи поддерживать храмовъ въ надлежащемъ ихъ видѣ*. Впрочемъ ни одинъ Англійскій чиновникъ не смѣетъ проникнуть въ святилище храма, и даже туземцамъ, не принадлежащимъ къ кастѣ браминовъ, не позволено входить туда**. Святилище — маленькій темный вертепъ, биткомъ набитый идолами, которые еще уродливѣе, еще болѣе испещрены всевозможными красками, чѣмъ истуканы, стоящіе въ остальныхъ частяхъ храма.

12 Августа.

Я проѣхалъ по лѣсу верстъ осемьдесятъ, но ни одинъ дикій звѣрь не разсудилъ показаться. Посреди этой пустыни какой-то Англичанинъ или Шотландецъ выстроилъ себѣ

* Общество достигло своей цѣли, и Компанія не содержитъ болѣе Индійскихъ храмовъ.

** Это запрещеніе уважается самими Раджами.

деревянный домикъ, и живетъ въ немъ съ женою, съ дѣтьми и съ дюжинами двумя Индйцевъ и Индйнокъ. Онъ разводитъ кофе, сахарный тростникъ, мускатные орѣхи, гвоздику, кардамонъ, красный перецъ и т. п. Почва, отънесенная густымъ лѣсомъ, благопріятна для этихъ растеній, которыя плантаторъ посылаетъ въ Европу и продаетъ очень выгодно. Предваренный о моемъ проѣздѣ, онъ ждалъ меня на крыльцѣ за приготовленнымъ завтракомъ, предложилъ мнѣ содовыхъ порошковъ, теплую ванну, превосходную закуску, красное и бѣлое вино, до котораго я впрочемъ не дотронулся, потому что было очень рано. Онъ исполнилъ все эти обязанности хозяина какъ-то лѣнливо, въ его взглядѣ и на всемъ лицѣ написаны были грусть, забота, расположеніе къ сплину. Жаловался мнѣ, что слоны опустошаютъ его виноградники. Вчерашнею ночью онъ былъ пробужденъ внезапнымъ трескомъ, подбѣжалъ къ окошку съ ружьемъ и увидѣлъ слона, который забавлялся надъ одной изъ колоннъ крыльца: обвивъ колонну хоботомъ, слонъ такъ сильно потрясалъ ее, какъ будто бы хотѣлъ повалить цѣлый домъ. Животному вѣроятно удалось бы вырвать колонну, какъ дерево съ корнемъ, если бы ему не помѣшалъ хозяйскій выстрѣлъ. Однако же нужны были многіе выстрѣлы, чтобъ прогнать его въ лѣсъ. Шотландецъ прибавилъ, что боится пускать дѣтей на нѣсколько шаговъ отъ дому, и по этому его дѣти блѣдны, слабы и какъ-то вялы.

Боюсь, что все мои описанія слишкомъ однообразны. Сегодня у насъ 13 или 14^е. Я въ Кэлонтъ на Малабарскомъ берегу. Воздухъ освѣженъ недавними дождями; зелень словно помолодѣла. Я ѣзжу въ Европейскіе дома, и окруженъ Европейцами и Англичанами.

Вчера я воротился изъ моей поѣздки въ Травандрумъ, столицу Траванкора и мѣстопребываніе независимаго Раджи. Траванкоръ никогда не принадлежалъ ни Голландцамъ, ни Португальцамъ, но и тѣ и другіе завели здѣсь конторы, имѣющія большое вліяніе. Голландцы, вѣрные своимъ привычкамъ, провели въ Траванкоръ множество каналовъ, пере-

свѣжающихъ зеленія поля по всѣмъ направленіямъ; а Португальцы оставили по себѣ прекрасное воспоминаніе, гробницу знаменитаго мореплавателя Васко-де-Гама, который умеръ въ здѣшнихъ окрестностяхъ.

Изъ Калона ѣздилъ я въ Травандрумъ, частію въ паланкинѣ, частію водой; сдѣлалъ всего верстъ пятьдесятъ. Траванкорскаго Раджу, его брата и перваго министра, по разговорамъ, ни чѣмъ не отличивъ отъ Европейцевъ. Раджа принялъ меня на своемъ тронѣ, въ бѣлой кисейной одеждѣ, вышитой золотыми блестками; надъ его чалмомъ, украшенномъ драгоценными каменьями, вѣялъ пучокъ перьевъ; вообще и видомъ и одеждою онъ немного похожъ на нашего купца. Раджа объясняется по-Английски, чрезвычайно вѣжливъ, но говоря со мною, былъ въ необыкновенномъ замѣшательствѣ и видимо робѣлъ. Я полагаю, что эта робость—болѣзненное настроеніе духа: Раджъ нечего было робѣть передо мной; я и самъ-то не зналъ — какъ мнѣ быть въ его тронной залѣ. На видъ ему лѣтъ двадцать пять или двадцать семь. Его братъ гораздо смѣлѣе, влюбленъ въ Европейскіе обычаи и очень досадуетъ, что законы касты не дозволяютъ ему ближайшихъ сношеній съ нами. Министръ или диванъ очень образованъ и очень порядоченъ. Всѣ они ходятъ по-Индійски и въ комнатахъ босикомъ; но умъ ихъ настроенъ чисто на Европейскій ладъ, по крайней мѣрѣ такъ покажется съ перваго взгляда. Братъ Раджи, котораго я посетилъ, выдумалъ даже себѣ полу-Венгерскій нарядъ и очень въ немъ смѣшенъ. Иногда онъ присутствуетъ на Европейскихъ объѣдахъ, въ сопровожденіи своей голой свиты, но ничего не можетъ ѣсть и только жуетъ бетель, къ которому получилъ неодолимую привычку. Раджа и онъ подарили мнѣ списки съ своихъ портретовъ, писанныхъ какимъ-то Австрійскимъ живописцемъ, который проѣздомъ снялъ портреты во весь ростъ съ цѣлаго семейства Раджи. При здѣшнемъ Дворѣ меня честили какъ нельзя болѣе, присылали мнѣ слоновъ съ башенками, и я сдѣлалъ нѣсколько снимковъ съ этихъ животныхъ. Братъ Раджи присылалъ мнѣ ежедневно кушанье со своего стола, состоящее единственно изъ плодовъ и овощей, но превосход-

ныхъ, и являлся ко мнѣ самъ подчивать этими лакомствами, которые подаются здѣсь на банановыхъ листьяхъ, замѣняющихъ посуду. Подарилъ онъ мнѣ также два Индійскіе рисунка; на одномъ былъ изображенъ: *сшій богъ съ своей бѣлой кормилицей*, а на другомъ: *взятіе Цейлана обезьянами Рамы*. Кроме того, онъ сообщилъ мнѣ, но къ крайнему сожалѣнію уже поздно, а именно, когда я собрался въ дорогу и сѣлъ въ паланкинъ, что ему хотѣлось угостить меня театральнымъ представленіемъ и пляской, изображавшими: *Исторію Адама, который, въ главѣ цѣлаго войска обезьянъ, является въ Цейланъ и Траванкоръ*. По крайней мѣрѣ такъ онъ объяснилъ мнѣ содержаніе этой пѣсы и показалъ при этомъ употребляемые въ ней наряды, которые хранятся въ его маленькомъ дворцѣ. Въ жизнь свою ничего не видалъ я несообразнаго и смѣшнаго этого фантастическаго гардероба. Впрочемъ я не теряю надежды, что гдѣ-нибудь мнѣ еще придется поглазѣть на эту *Исторію Адама*. Никогда не забуду ласковаго приѣма, сдѣланнаго мнѣ въ Траванкоръ.

При Травандрумскомъ Дворѣ, какъ и вездѣ въ Индіи, держатъ тигровъ и леопардовъ; здѣшніе помѣщены въ особыхъ клеткахъ, рядомъ съ конюшнями.

Резидентъ при Траванкорскомъ Раджѣ — человекъ очень любезный, скромный, добрый и ученый. Въ каждомъ городѣ здѣшней страны онъ имѣетъ по дому, съ мебелью, съ необходимой прислугой и со всеми удобствами жизни: все это отдано въ мое распоряженіе съ безграничнымъ радушіемъ. Резидента посетилъ я въ Курталемѣ, а въ Кэлонѣ замѣняетъ его капитанъ Россъ, который принялъ на себя трудъ доставить мнѣ все необходимое для дальнѣйшаго путешествія и вмѣстѣ съ тѣмъ возможность отдохнуть въ его спокойномъ и удобномъ домѣ. Онъ меня представилъ своей женѣ, молоденькой и очень хорошенькой дамѣ. Изъ ихъ дома превосходный видъ на лагуну (паровое болото, по Англійски — «back-watter») и на кокосовый лѣсъ. Къ сожалѣнію, я сейчасъ же долженъ оставить это пріятное об-

щество: когда мысли заняты однимъ путешествіемъ, нечего терять время, а не то какъ разъ опустишь благопріятный случай. Англичане; принимающіе меня съ такимъ радушіемъ, очень хорошо понимаютъ, что ласковѣй ихъ пріемъ только сокращаетъ время, необходимое для приготовленій къ дальнѣйшимъ повѣздамъ.

Мизоръ, 5 Сентября 1841 года.

Картинка на первой страничкѣ этого письма снята съ окрестностей Мадраса, но я пишу къ тебѣ изъ Мизора. Я провелъ осемь дней на горахъ Нильгерри (по-Англійски Neelgharrees), т. е. на *Синихъ горахъ*, названныхъ, вѣроятно, потому, что Индійцамъ, живущимъ на долинахъ, онѣ кажутся синими, а на самомъ-то дѣлѣ эти горы одѣты вѣчною зеленою. Мнѣ сказывали, что слово: *ниль* означаетъ и синій и зеленый. Мѣсто на этихъ горахъ, застроенное множествомъ Англійскихъ домиковъ, называется *Утакамандъ* (по-Англійски Ootacamund). Вообще это мѣсто напоминаетъ минеральныя воды и особенно Кисловодскія на Кавказѣ, только здѣсь больше строеній. Всѣ путешественники, истомленные жаромъ, останавливаются здѣсь для отдыха.

Въ Утакамандѣ я поселился у одного очень замѣчательнаго Англичанина, доктора Бѣкея, и принужденъ былъ остаться у него дней осемь: очень было трудно найти носильщиковъ, потому что эти возвышенныя и холодныя страны бѣдно населены и очень рѣдко посѣщаются Индійцами. Въ горахъ обитаетъ малочисленное племя, называемое *Тода*; всѣ они исключительно буйволовые пастухи.

Въ самомъ уединенномъ, въ самомъ сыромъ, холодномъ и туманномъ ущельѣ этихъ горъ, Мадрасскій губернаторъ, Лордъ Эльфинстонъ, выстроилъ себѣ дачу; меблировка этой дачи, оконныя стекла, которыя могутъ выдержать пулю, изящныя мраморныя камины и Англійскія матеріи, употребленныя на отдѣлку комнатъ, обошлись ему

тысячи въ четыре фунтовъ стерлинговъ. Въ саду растутъ чайныя деревья. Я очень радъ, что попалъ сюда: влажная жара Малабарскаго берега истомила меня до такой степени, что я не могу ни спать, ни ѣсть, ни ходить, ни дышать свободно. Здѣсь дѣло другое! Здѣсь я какъ разъ получилъ такой Европейскій насморкъ, о которомъ на тропическихъ долинахъ не имѣютъ и понятія.

Французскія вина, привозимыя сюда, необыкновенно дешевы: нѣтъ бутылки дороже двухъ рупій. Правду сказать, что они не слишкомъ хороши. Говорятъ, что ихъ большею частію выдѣлываютъ на Мысь Доброй Надежды, а не во Франціи; притомъ же здѣшній климатъ очень скоро портитъ тонкія вина, а въ добавокъ различныя насѣкомыя точатъ пробки. Они точатъ также и сигары, и, что всего страннѣе, болѣе всѣхъ муравьи! Наемные слуги, туземцы, обходятся здѣсь очень дешево: за пятнадцать франковъ въ мѣсяцъ вы имѣете проворнаго слугу, который очень доволенъ своимъ положеніемъ, кормится и одѣвается на эти деньги, и еще содержитъ семейство и престарѣлыхъ родителей.

Главнѣйшее удобство этихъ гористыхъ странъ — возможность выходить днемъ на солнце и на воздухъ, которые такъ губельны для Европейцевъ въ равнинахъ. Мой хозяинъ, докторъ, зналъ нашего родственника Князя N. D., когда тотъ былъ чрезвычайнымъ посломъ въ Персію. Докторъ бывалъ и въ Россіи, а теперь собирается путешествовать. Я тебѣ сказалъ, что онъ очень умный человѣкъ и болѣе всего любитъ порядокъ и точность. вмѣстѣ со мной оставившись у доктора капитанъ Остъ-Индскихъ войскъ, Макдональдъ. Онъ не такъ-то здоровъ, но тоже умный и любезный человѣкъ. Въ Индіи прожилъ онъ цѣлыя двадцать пять лѣтъ, и, не смотря на свою хворость, собирается прожить еще пять, чтобъ имѣть право на ежегодную пенсію въ семнадцать тысячъ франковъ; если бы ему вздумалось выйти въ отставку въ настоящее время, пенсія простиралась бы только до двѣнадцати тысячъ. Болѣзнь при-

нудила его взять отпускъ и поселиться въ этихъ горахъ на нѣсколько мѣсяцевъ. За отпускъ производится легкій вычетъ изъ жалованья. Когда-то капитанъ объѣздилъ Европу, и бредитъ Парижемъ.

Гражданскимъ чиновникамъ выдается больше жалованья, чѣмъ военнымъ. Въ области, населенной миллиономъ жителей, начальники департаментовъ административнаго и суднаго, т. е. сборщикъ податей (онъ же магистратъ, collector and magistrate) и судья получаютъ отъ Компаніи одинаковое жалованье: тысячь до семидесяти франковъ въ годъ.

Я упомянулъ тебѣ о докторѣ и г. Макдональдѣ, потому что они прелюбезные люди, и я надѣюсь еще увидѣться съ ними. Въ Индіи, какъ и вездѣ, господствуетъ посредственность, и одинокому путешественнику отраднo сойдтись съ людьми образованными и умными.

Въ Утакамандѣ меня продержали до вечера, а я предполагалъ выгнать сегодня утромъ. Причина этому была слѣдующая: по дорогѣ долженъ встрѣтиться лѣсъ, по которому мнѣ пришлось бы проѣзжать ночью, а здѣшніе сторожилы предупредили меня, что въ этомъ лѣсу слоновъ нѣсть числа, что они бродятъ преимущественно въ эту пору, и что, слѣдовательно, носильщики не рѣшатся пуститься въ путь. Дѣлать было нечего: я остался.

Хотѣлось мнѣ порисовать немножко, да мускиты роются надо мною и мѣшаютъ; принимаюсь за перо.

Мизорскій резидентъ въ отлучкѣ, и я поселился въ его великолѣпномъ домѣ, при которомъ находится обширный садъ. Двое его чиновниковъ здѣсь, въ Мизорѣ. Одинъ изъ этихъ чиновниковъ — судья. Съ девяти часовъ утра до шести часовъ вечера онъ лежитъ въ обширной залѣ, рядомъ съ моей комнатою, и передъ нимъ стоитъ цѣлая толпа Индійцевъ, которые вѣшаютъ другъ на друга страшныя неблыщы.

Мизоръ довольно большой и занимательный городъ; климатъ здѣсь изрядный, потому что городъ лежитъ на двѣ

тысячи футовъ надъ уровнемъ моря. Область управляется Англичанами, которые покорили Мизоръ при Типпо-Сайбѣ, и посадили на тронъ одного изъ потомковъ прежнихъ Раджей. Раджа очень дурно управлялъ своими владѣніями, вошелъ въ неоплатные долги, и принужденъ былъ уступить правленіе комиссарамъ, назначаемымъ верховнымъ правительствомъ Индіи.

Прежде всего я отправился взглянуть на парадную карету Раджи; она похожа на раззолоченную и раскрашенную бесѣдку, поставленную на четыре огромные колеса; въ нее запрягаютъ шесть слоновъ. Этотъ экипажъ показывается публично однажды въ годъ, во время большаго праздника. Я осмотрѣлъ и карету и слоновъ.

У Раджи слоновъ очень много. Хотѣлось мнѣ взглянуть на чернаго тигра, который, по сказкамъ, находится въ звѣринцѣ Раджи: тигра я не видалъ, потому что онъ околѣлъ, а клетку его мнѣ показали. Впрочемъ я слышалъ, что черные тигры здѣсь не рѣдкость. Ты понимаешь, что я интересуюсь этими животными только потому, что они входятъ въ составъ Двора Раджей, а съ Раджами я чрезвычайно угодливъ и ласкателенъ. Показывали мнѣ дворецъ: низенькія комнаты, биткомъ набитыя уродливыми украшеніями, игрушками, безчисленнымъ множествомъ всевозможныхъ идоловъ съ человѣческимъ туловищемъ и слоновою головою, съ деревянными изваяніями женщинъ, раскрашенныхъ и обвѣщенныхъ поддѣльными драгоценными каменьями; при этомъ удушливый запахъ отъ цвѣтовъ и не знаю отъ чего еще. Раджа не показался: можетъ быть, это не въ обычаѣ. За тѣмъ меня свели съ лѣстницы и повели показывать священныхъ коровъ Раджи. На дворѣ стояло чучело строуса. Мнѣ показали въ длинной конюшнѣ болѣе ста коровъ и быковъ, самыхъ лучшихъ, самыхъ горбатыхъ; у нѣкоторыхъ коровъ были высеребрены рога, а шеи опутаны серебряными цѣпочками. Нѣсколькимъ коровамъ но-

* Въ Индіи нѣтъ безгорбыхъ коровъ, по крайней мѣрѣ я не видалъ ни одной въ продолженіе двухлѣтняго моего путешествія.

дѣланы стояла на крыльцѣ дворца ; кормятъ ихъ на убой, и поэтому входъ во дворецъ содержится не совсѣмъ въ безукоризненной чистотѣ и опрятности.

Меня предупредили , что вечеромъ на дворцовой площади будутъ народныя увеселенія . Я отправился на площадь послѣ обѣда, часовъ въ десять, и моимъ взорамъ представило странное зрѣлище: толпа какихъ-то уродовъ съ зажженными факелами, два слона и на нихъ барабаны, въ которые немилосердо колотятъ голые люди ; яркій свѣтъ на площади передъ покоями сына Раджи. Я пошелъ на свѣтъ и увидѣлъ актеровъ, въ личинахъ и въ уродливыхъ нарядахъ, похожихъ на тѣ, которые изображены на рисункахъ, подаренныхъ мнѣ Траванкорскимъ Раджей. Актеры представляли въ лицахъ *Исторію о Вампирѣ*. Посреди позорища копошилось какое-то черное чудовище съ поддѣльными зубами и клыками, загнутыми, какъ у кабана ; это чудовище лежало на другомъ уродѣ и сосало его кровь. Я подошелъ какъ можно ближе (мѣсто представленія было оцѣплено веревкой), и увидѣлъ подъ разорванной одеждой жертвы грубое подобіе обнаженныхъ костей, крови и разорванныхъ жилъ. Насосавшись вдоволь, людоедъ легъ и заснулъ. Пришелъ какой-то толстякъ , съ женой, начали изъяснять знаки сожалѣнія , припались плясать кругомъ мертвеца и убійцы, котораго видимо побаивались и ничѣмъ не тронули. Потомъ женщина также заснула. Людоедъ проснулся и при видѣ трупа почувствовалъ угрызеніе совѣсти, въ отчаяніи бросился на трупъ и расточалъ ему всевозможныя ласки. Однако же жажда крови начинала въ немъ снова пребуддаться , онъ забѣгалъ вокругъ спящей женщины, скрежеталъ своими поддѣльными зубами , потиралъ желудокъ и готовился къ новой закускѣ , выражая свой неутолимый голодъ сладострастной дрожью и громкимъ, дикимъ свѣхомъ. Онъ уже возилъ свои когти въ грудь жертвы и наклонилъ окровавленную пасть , какъ вдругъ съ дворцоваго балкона послышался крикъ : это былъ знакъ прекратить представленіе. Въ то же мгновеніе балконъ задержали огромнымъ занавѣсомъ и потушили лампы. Актеры

вдругъ остановились и также потушили свои факелы. Слоны медленно удалились, толпа разошлась, и я отправился въ своемъ паланкинѣ домой по пустымъ улицамъ Мизора, раздумывая объ однообразной и скучной жизни семейства Раджи въ этихъ низкихъ, удушливыхъ покояхъ, при этихъ варварскихъ развлеченіяхъ, доставляемыхъ грубымъ язычествомъ. Мнѣ пришло въ голову, что на языческой Руси Князья вели такую же жизнь, какъ Индійскіе Раджи. Улицы были мрачны и пусты; мнѣ сгрустнулось.

Въ Мизорѣ опять окружила меня роскошная растительность, по которой я вздыхалъ въ горахъ, поросшихъ только зеленымъ дубнякомъ и рододендронами; рододендроны здѣсь огромныя деревья, осыпанныя превосходными пунцовыми цвѣтами. Но ты не любишь ботаники.

Каннаноръ на Малабарскомъ берегу, 10 Сентября.

Изъ Мизора я отправился по бамбуковому лѣсу, но слововъ не видалъ ни одного.

По живописной дорогѣ я добрался до Тиличери на Малабарскомъ берегу. — Тиличери — деревушка, состоящая изъ хижинъ и палатокъ, обитаемыхъ полуобнаженными туземцами; женщины здѣсь очень красивы. Теперь я въ Каннанорѣ, который похожъ на Тиличери, но съ тою только разницею, что въ немъ стоитъ много солдатъ. Отсюда я отправдосъ въ Маркару, недавно покоренную Англичанами и мало извѣданную, такъ что я ничего не могу сказать о ней, кромѣ того, что она лежитъ на моемъ пути. Я очень плохо распорядился на счетъ переписки и не имѣю рѣшительно никакого извѣстія изъ Европы; со времени моего выѣзда изъ Лондона, я получилъ отъ тебя только одно письмо, посланное изъ Парижа. Впрочемъ въ последнее время я принялъ свои мѣры, и ежели есть на мое имя письма въ Бомбаѣ, или Калькуттѣ, я получу ихъ дней черезъ двѣнадцать въ Бангалорѣ, въ который думаю пріѣхать дней черезъ семь, взглянувъ мелькомъ на Маркару и Серингапатамъ.

Съ борта купеческаго корабля «Серинганатажъ», между
Мадрасомъ и Калькуттой, 9 Октября.

Послѣ четырехъ или пятидневнаго плаванія на прекрасномъ купеческомъ кораблѣ, прибыли мы въ страшную жару къ одному изъ многочисленныхъ устьевъ Ганга, называемому Гугли. Въ срединѣ устья находится Тигровый островъ, необитаемый и покрытый густымъ лѣсомъ. Капитанъ рассказывалъ мнѣ, что одинъ изъ его товарищей имѣлъ неосторожность бросить якорь не вдалекѣ отъ этого острова, и что тигры, подплывъ ночью къ кораблю, похитили нѣсколькихъ матросовъ.

По обоемъ берегамъ тянутся Бенгальскія равнины, одѣтыя яркою зеленью лѣсовъ. Лодки Бенгали пристають къ нашему кораблю съ съѣстными припасами, Калькуттскими журналами и аффишами. Всѣ пассажиры съ жадностью бросаются на печатные листки, горя нетерпѣніемъ прочесть новости изъ Китая и узнать въ Калькуттѣ цѣну продающихся экипажей, лошадей, индиго, опиума, и т. д. Наводятъ зрительныя трубы на суда, вступающія въ рѣку или выходящія изъ рѣки, на поверхности которой зыблются по временамъ человѣческіе трупы. Здѣсь существуетъ обычай сожигать покойниковъ, или бросать ихъ въ Гангъ.

Мы плывемъ мимо пагоды, стоящей уединенно въ лѣсу и до половины разрушенной. Однако же въ этой пагодѣ празднуется ежегодно торжество, привлекающее цѣлыя тысячи народа, такъ что около храма мгновенно возникаетъ обширный станъ. Мнѣ рассказывали, что существовалъ некогда обычай приносить въ этотъ праздникъ человѣческія жертвы, и что даже матери бросали иногда своихъ дѣтей въ воду. Но съ тѣхъ поръ, какъ Англичане укоренились въ этой странѣ, Англійская полиція не дремлетъ и хватается этихъ дѣтоубійць, съ которыми поступаютъ, какъ съ убійцами вообще, или какъ съ тѣми, которые взводятъ на костеръ женщинъ. Во всей остальной Индіи, не принадлежащей Англичанамъ, варварскій обычай сожиганія существуетъ въ полной силѣ. Многіе полагаютъ, что вдовы всходятъ на костеръ подъ вліяніями опиума, которымъ под-

держивается ихъ слаббющее мужество. Но я съ своей стороны допускаю это средство, какъ исключеніе: мнѣ не хочется уменьшать достоинства этихъ несчастныхъ жертвъ.

Мы приближались къ Калькуттѣ и перебрались на пароходъ. На берегахъ рисуются загородные домики Англичанъ, выстроенные въ Итальянскомъ вкусѣ. Отъ устья рѣки до Калькутты не болѣе ста миль, и этотъ переездъ совершается въ два, три, а иногда и въ четыре дня, потому что нужно посылать за пароходомъ, и притомъ по ночамъ плаванья не бываетъ. Вчера вечеромъ случилось происшествіе. Къ нашему пароходу прицѣплена была маленькая Бенгальская лодочка, въ которой сидѣли четыре Индійца, употребляемые нами для разсылокъ. Вдругъ, при быстромъ поворотѣ парохода, лодка опрокинулась. Трое изъ Индійцевъ уцѣпились за обшивку парохода, но четвертый былъ унесенъ быстрымъ теченіемъ рѣки. Впрочемъ онъ плавалъ какъ утка, и ему угрожала единственная опасность попасть въ зубы акулы или крокодила. Спущенная шлюпка поспѣшила на помощь несчастнымъ.

Мы бросили якорь передъ Калькуттой. Съ перваго взгляда городъ похожъ на Петербургъ: рѣка, широкая какъ Нева, ряды Европейскихъ зданій съ большими промежутками, низменная мѣстность и цѣлый лѣсъ мачтъ. *Ma che calore, che sudata!*

Наконецъ я въ Калькуттѣ, въ гостинницѣ «Spence.» Тотчасъ же по пріѣздѣ я послалъ къ банкиру Бэгшау и К^е, освѣдомиться о письмахъ. Ты помнишь, что я просилъ тебя адресовать твои письма въ Бомбай, на имя Лекки и К^е, а имъ поручилъ пересылать въ Калькутту къ Бэгшау и К^е; но до сихъ поръ еще нѣтъ ни одного письма. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ я обратился съ подобными же просьбами къ Е... и къ моему управляющему, а все ничего.... Не понимаю, что это значить?

Г. Ө. КВЕТКА О СВОИХЪ СОЧИНЕНІЯХЪ*.

9-я книжка «Русскаго Вѣстника» у насъ, въ Харьковѣ, получена только въ первое число Декабря, и отъ того не могъ я ранѣе прочитать статьи, помѣщенной въ ней, касательно моихъ сочиненій. На меня и прежде напали-было литературныя шавки, но какъ это было только *лай*, то я призналъ приличнѣйшимъ

«За лай, молчащемъ мстить.»

И хотя я, соглашаяся съ общимъ мнѣніемъ, что всякій судить по своимъ понятіямъ, и что трудно кого-нибудь заставить мыслить сходно съ нами, долженъ бы промолчать и на статью «Русскаго Вѣстника;» но въ ней находятся такія *вещи*, о которыхъ неловко было бы съ моей стороны не пояснить причинъ, породившихъ ихъ. Начавши же объяснять, непременно обращаешься къ началу статьи. Въ ней говорится, что «благодаря печатной нескромности одного изъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Харьковъ, мы знаемъ теперь, что подъ псевдонимомъ «Основьяненко» скрывается имя одного изъ литераторовъ, который давно началъ писать и печатать, и, должно признаться, въ началъ не имѣлъ успѣха на литературномъ поприщѣ.»

Странно для меня читать, что будто Гг. издатели Рус. Вѣстника отъ печатной нескромности узнали настоящее мое имя, тогда какъ я отнюдь и не скрывался съ нимъ. Напи-

* Изъ оставшихся бумагъ. Доставлено И. Ю. Бецкимъ.

савъ нѣсколько повѣстей на Малороссійскомъ языкѣ, я, по обычаю добрыхъ земляковъ моихъ — кромѣ своего настоящаго прозвища принимать другое, или по имени отца (напр. Петренко, Василенко), или по мѣсту жительства (напр. Зайченко, Боровенко, — такая ужъ у нихъ натура!) чтобы вполне поддѣлаться подъ ихъ натуру, взялъ себѣ прозвище по мѣсту жительства: живу въ селѣ Основѣ, и такъ — да буду «Основьяненко,» и пошелъ такъ писаться. Что же изъ этого вышло?... Я не имѣлъ чести быть знакомымъ ни съ однимъ изъ Гг. издателей всѣхъ нашихъ журналовъ и нигдѣ не объявлялъ своего имени, какъ гляжу — многіе изъ нихъ относятся ко мнѣ, адресуясь на мое крещеное имя и настоящую фамилію, и оказываютъ мнѣ отличное вниманіе, приглашая меня участвовать въ ихъ изданіяхъ. (NB. Это началось съ 1838 года, а настоящее мое имя, «благодаря печатной нескромности,» сдѣлалось извѣстнымъ въ 1840 году.) Умолчу о другихъ, а упомяну только о комъ рѣчь, о Гг. издателяхъ Рус. Вѣстника, помѣстившихъ статью въ 9 кн. сего года. Г. Полевой, чрезъ одного С.-Петербургскаго книгопродавца, поручалъ мнѣ сказать *то и то*, и просилъ доставлять статьи въ издаваемый имъ тогда Рус. Вѣстникъ: стало, онъ зналъ, что я Основьяненко (подъ собственнымъ именемъ, въ теченіе двадцати лѣтъ, я ничего не печаталъ, какъ будетъ сказано ниже). Теперешній «Столбиковъ» былъ отъ меня послаць въ С.-Петербургскій цензурный комитетъ; онъ тогда носилъ другую фамилію. Г. Кукольникъ, нынѣшній издатель Рус. Вѣстника, оказалъ лестное вниманіе къ этой повѣсти моей, помѣстилъ въ своемъ «Новогодникѣ» одну главу изъ нея, и весьма лестно отозвался обо всемъ сочиненіи. Но объ этомъ послѣ; а дѣло въ томъ, что, по выходѣ Новогодника, онъ сдѣлалъ мнѣ честь, выславъ экземпляръ книги съ надписью на мое настоящее имя. Стало быть, двоимъ изъ Гг. издателей Рус. Вѣстника, гораздо прежде «печатной нескромности», извѣстно было настоящее мое имя? Зачѣмъ же такъ писать? — Тс-то же!.... Далѣе: Гг. издатели напрасно въ статьѣ почитаютъ долгомъ признаться, что я «въ началѣ не имѣлъ успѣха на

литературномъ поприщѣ.» Такъ ли? Не прежде мое настоящее имя явилось въ печати, какъ въ 1816 году. Я несъ, съ другими двумя, имя издателя «Украинскаго Вѣстника,» издававшася въ Харьковѣ, и въ немъ помѣщались статьи подѣ настоящихъ моихъ именемъ, и нѣкоторыя подѣ вымышленнымъ, какъ это дѣлалось и нынѣ дѣлается, по примѣру Биттерліана въ комедіи Коцебу: «Ненависть къ людямъ и раскаяніе.» Не могу сказать ничего вообще о «Украинскомъ Вѣстникѣ», и въ особенности о статьяхъ моихъ; но не упушу похвалиться, что съ того времени знаемъ извѣстными у насъ литераторами, издававшими тогда журналы: Н. И. Гречемъ, М. Т. Каченовскимъ и С. Н. Глинкою. Отъ первыхъ двухъ господъ имѣлъ лестные отзывы. Какъ же это происходило давно, еще не на памяти двухъ изъ Гг. издателей Рус. Вѣстника, то они не могли знать и о бывшемъ до нихъ. Зачѣмъ же должно было имъ признаваться въ томъ, чего не было?—Вотъ я, такъ долженъ замѣтить, что подѣ чѣмъ не подписано имя сочинителя, того нельзя ему гласно написать, при всей фактовой увѣренности. Кажется, такъ.

Вотъ то-то и есть, что я не имѣю чести лично быть знаемъ Гг. издателями всѣхъ журналовъ; тогда бы они увѣрились, что я очень далекъ отъ того, чтобы стараться, чтобы мнѣ посчастливилось на литературномъ поприщѣ, и что будто я, принимаясь за перо, «становлюся на литературныя подмостки.» Господь съ вами! Чго вы это на меня выдумываете? Куда мнѣ за вами карабкаться! Я старъ и слабъ, не могу подражать другимъ. Началъ, продолжалъ и буду продолжать писать, какъ мнѣ придется, какъ вздумается, что на мысль придетъ. Извѣстности, похвалъ не искалъ и не забочусь пріобрѣсти ихъ; охудевія пропускаю мимо ушей, все-таки помня, что всѣмъ не угодишь, и трудно заставить другихъ мыслить по нашему. Есть добрые люди, читають мои повѣсти, хорошо; поймутъ цѣль, къ чему что сказано, я утѣшенъ, а до прочаго мнѣ нужды мало. Да вотъ всего ближе, расскажу—къ рѣчи пришлось—отъ чего «изъ-подѣ пера моего посыпалися повѣсти, повѣсти и повѣсти», какъ сказано въ вышеупомянутой статьѣ.

Съ прекращеніемъ Украинскаго Вѣстника, я, отъ своего имени, нигдѣ ничего не печаталъ. Чтобы доказать одному невѣрующему, что на Малороссійскомъ языкѣ можно писать иужное, трогательное, я написалъ *Марусю*; просили напечатать ее. Чтобы остановить рецензентовъ толковать о незнакомомъ для нихъ, я написалъ «Солдатскій портретъ», и прибавивъ еще нѣсколько повѣстей и преданій, пустилъ ихъ въ свѣтъ, по сказанной причинѣ, подъ именемъ разсказовъ Основьяненка. Въ слѣдъ за этимъ, книгопродавецъ потребовалъ еще части: «требують-де.» Изволь, батюшка, вотъ тебѣ и вторая часть. Что говорено о сихъ повѣстяхъ, еще не забыто; дѣлалось недавно. А что повѣсти, театральныя піесы, печатаются вторымъ и третьимъ изданіями, такъ это да увѣритъ Гг. издателей Рус. Вѣстника, что они ошиблись въ своемъ заключеніи, будто Малороссійскій языкъ доступенъ весьма немногимъ читающимъ. Зачѣмъ же въ повѣстяхъ, комедіяхъ, вводятъ его Велико-русскіе писатели?

Проезжаетъ чрезъ нашъ городъ писатель, цѣнитель, судья, наставникъ и учитель истиннаго Русскаго языка. Отыскалъ меня, потребовалъ переложить Малороссійскіе мои разсказы, слово въ слово, не перемѣняя ихъ, на *теперешній* Русскій языкъ, чтобы выставить особенныя обороты, силу и оригинальность Малороссійскаго языка. Я вручилъ ему цѣлыя тетради, написанныя по его предположенію. Безъ моей просьбы и настоянія, переложенные на Русскія слова разсказы мои были печатаемы въ Современникѣ. Судь о нихъ изрекли Гг. издатели Русск. Вѣстника въ вышеупомянутой статьѣ. Зачѣмъ же провозглашать, что я въ началѣ не имѣлъ успѣха на литературномъ поприщѣ, и что для своей утѣхи написалъ *Марусю*! Охъ, Господи Боже мой!.... Вотъ тутъ-то журналисты, по словамъ Гг. издателей Рус. Вѣстника, впились въ меня, какъ голодные комары. Вотъ тутъ-то Г. Полевой просилъ у меня статей въ свой журналъ; Г. Кукольникъ помѣстилъ въ свой Новогодникъ отрывокъ изъ моей повѣсти; Г. Краевскій помѣстилъ меня въ число сотрудниковъ начинающихся издаваться

Отеч. Записокъ. Я послалъ ему отрывокъ изъ «Халевскаго» и «Головатаго»; въ Современникъ помѣщались всѣ мои статьи.... «Головатый» и нѣкоторыя статьи въ Современникъ (не именую: Гг. издатели Рус. Вѣстника знаютъ ихъ, какъ очень замѣтно) вовсе не повѣсти, и потому зачѣмъ же Гг. издатели сказали въ своей статьѣ, что изъ-подъ пера моего посыпались повѣсти, повѣсти, и повѣсти? — Охъ, Господи Боже мой!

Меня — такъ пишутъ Гг. издатели Рус. Вѣстника въ своей статьѣ — стали читать менѣе и менѣе, принимать холоднѣе и холоднѣе (а между тѣмъ Гг. журналисты у меня продолжали спрашивать статей!), и я принялся за театр — идетъ худо. Охъ, вриды ли такъ! Небольшое число моихъ театральныхъ пьесъ только и играютъ на провинціальныхъ театрахъ, и, кажется, содержатели ихъ получаютъ отъ нихъ выгоды: сужу потому, что просятъ еще пьесъ. Одна комедія, вовсе безъ моего старанія и вѣдома, взята была С.-Петербургскихъ театровъ артистомъ П. И. Григорьевымъ и дана въ его бенефисъ. Взгляните въ Репертуаръ Русскаго театра, сколько разъ она дана? Зачѣмъ же провозглашать, что идетъ худо? Охъ, Господи Боже мой!

Теперь по порядку дошла очередь до самыхъ неприличныхъ разсужденій Гг. издателей Рус. Вѣстника, гдѣ они, оставивъ разбираемое сочиненіе, принялись за самого автора. Кто далъ имъ право судить о дарованіяхъ, сильныхъ или слабыхъ, автора? разбирать, получилъ ли онъ высшее образованіе? мало ли, много ли видѣлъ, замѣчалъ? Нѣтъ, господа, кажется, не такъ. Взяли, и говорите о книгѣ, судите ее: авторъ для васъ долженъ быть невидимъ, незнаемъ, неизвѣстенъ. Кажется, что того требуетъ знаніе истинныхъ правилъ критики, приличіе, пристойность, благоразуміе.... и мало ли чего требуетъ непозволенное. Вижу теперь, что справедливо сказалъ одинъ мой знакомый, что писатель есть самое жалкое существо по своей беззащитности. Писателя какъ ни разругайте, какъ ни кощунствуйте надъ его особою, склонностями, привычками, занятіями, даже

посмѣйтесь надъ наружностію , все позволено , потому-де , что разбирается его сочиненіе. А когда такъ , такъ и такъ. Должно быть , что такое благоразумное правило принято во время сильного литературнаго переворота , на который указываютъ Гг. издатели Рус. Вѣстника.

Гг. издатели Рус. Вѣстника въ той же статьѣ опровергаютъ мнѣніе , что будто-де я выписался , а утверждаютъ , что я записался. Грѣшенъ , какъ человекъ , которому невозможно одинаково ходить , сирѣчь , заниматься одною мыслию , а потому и писать одинаково. Эту истину они знаютъ и на себѣ. Первѣйшіе , такъ называемые , драматурги , а и у нихъ драма въ драму не приходитъ , сказка сказкѣ не равняется , и счастливое потомство , — увы , не мы ! — принявъ обѣщанныя части Исторіи Русскаго Народа , также найдеть , что не всѣ части ея написаны въ одномъ духѣ и съ одинаковою силою. Это участь человека. Не только мы , но и ученые , отличнѣйшіе писатели не равны въ своихъ сочиненіяхъ. Пишется , что Богъ на мысль послалъ , была бы цѣль нравственная , назидательная , а безъ этого какъ красно ни пиши , все вздоръ , хоть брось. Пиши о людяхъ , видимыхъ тобою , а не вымышляй характеровъ небывалыхъ , неестественныхъ , странныхъ , дикихъ , ужасныхъ.... указаль бы ,

Да вы ушны — смѣкайте сами!

Пишите собственное , не отыскивайте стародавнихъ , чужеземныхъ брошюрокъ для обработки ихъ по своему и выдачи за свое , будто уже читающіе такъ темны , что не отыщутъ и не разгадаютъ , не поймутъ , что это только переводъ съ вашимъ украшеніемъ. Указаль бы ,

Да вы ушны — смѣкайте сами!

Такъ что объ этомъ и говорить!

Хоть бы и въ «Маргаритѣ Прокофьевнѣ» неужели нѣтъ цѣли? Мнѣ хотѣлось въ одномъ ея лицѣ показать дѣйствія , хитросплетенныя умствованія всѣхъ и во всеиъ лицемѣрствующихъ; сего рода люди намѣреніе свое. — поживиться малу-толику отъ ближняго , прикрываютъ благовидною при-

чною, обѣщаютъ блаженство, спокойствіе, утѣху, полученіе отличныхъ книгъ, и сѣ и то... и все обѣщаютъ въ будущемъ, а денегъ требуютъ теперь же. Вотъ и встречаемъ Маргаритъ вездѣ.

Такъ въ «Столбиковѣ», «Халывскомъ» и въ каждой моей повѣсти, гдѣ расчеты сзади (?) не входятъ, я старался показать цѣль, для чего и почему пишу; удалось ли, не мое дѣло судить. Сравнить Столбикова съ Совѣстдраломъ и другими известными Гг. издателямъ Рус. Вѣстника похождениями, потому, что и Столбикова похождения?... Охъ, Господи Боже мой! А на цѣль-то вы, Гг., и не взглянули?

Про слогъ мой: и тутъ не взглянули, что въ заглавіи стоитъ: «рукопись XVIII вѣка.» То-то же. Вотъ Столбиковъ и пишетъ, какъ писали въ девяностыхъ годахъ, нѣчто между Ломоносовымъ и Карамзинымъ. Написалъ бы онъ по вашему... что бы вышло? Старинная Французская повѣсть, худо переведенная, съ новѣйшими Русскими украшениями! Подражать не люблю и не хочу, и потому-то не лѣзу за другими на литературныя подмостки. И теперешній слогъ ожидаетъ та же участь, какая постигла слогъ Столбикова. Подождемъ и дождемся; заря занимается. Пишу, не вѣря похваламъ покуннымъ и своекорыстнымъ, и очень понимаю, какіе Флюгера — всѣ люди, хвалящіе писателя, когда онъ надобенъ хвалителямъ, какъ изложено мною въ началѣ статьи. Правилемъ слогъ, который понятенъ, а....

Да вы умны — смѣкайте сами.

Заграничныхъ людей въ свои повѣсти не беру, излагать и объяснять старину не пускаюся: я не жилъ тогда. А пишу, что встрѣтится мнѣ. Въ высшемъ кругу единообразіе, утонченность, благоприличіе, высокія чувства, тамъ живутъ, дѣйствуютъ, и они свойственны людямъ, составляющимъ его, по воспитанію и по понятіямъ; нѣтъ пищи для замѣчаній, наблюдений, нечего выставять всѣмъ видимое и всѣмъ известное. Вотъ въ простомъ классѣ людей необразованномъ, гдѣ люди дѣйствуютъ не по внушеннымъ

имъ правиламъ, не по вложеннымъ въ нихъ понятіямъ, а по собственному чувству, уму, разсудку, если замѣчу. что такое, пишу; вотъ и выходятъ мои Маруси, Оксаны, Наумы, Мироны, Сотниковны, и проч. и проч. Какой еще тамъ выдумали Русско-Малороссійскій слогу? А! это Халавскаго. Да онъ иначе не долженъ уметь и говорить, какъ не своимъ природнымъ, по мѣстности, языкомъ. При семъ слѣдовало бы спросить: гдѣ же у насъ чистый Русскій слогу? А. пишетъ такъ, Б. иначе, В. Г. и.... и проч., всякій по своему, и всякій утверждаетъ, что его правда. За всѣми не угоняешься; пиши по своему. Гдѣ вы тамъ нашли любовниковъ-резонеровъ, прости Господи!.... И не знаю, что это за народъ такой, не Русскій. И отъ того, не записался и не выписался, потому что матеріалы не истощились. Липъ выкинешь, замѣтишь, глады — и повѣсть. И сколько ихъ еще у меня! — Будете читать, когда захотите.

Ей-Богу, не хотѣлъ ничего писать, по сказанной въ началѣ причинѣ, да вздумалось открыть *ошибочки*, сказанныя въ началѣ статьи Гг. издателей Рус. Вѣст., да, да, да, да и заговорился или записался, да и отвѣтилъ на все. Впередъ такъовъ не буду. Хотя что бы ни писали противъ моихъ сочиненій, я ни слова: трудно заставить другихъ мыслить сходно съ нами. Но при сей вѣрной оказіи, мнѣю честь покорнѣе просить, особу автора оставить въ покоѣ, а то не ровень часъ, какъ и вамъ кто, забывъ также пристойность, приличіе, благоразуміе, отвѣтитъ тѣмъ же, но безъ всякихъ выдумокъ и поклеповъ, такъ....

Вы умны — снѣжайте сами!

СТИХОТВОРЕНІЯ.

РУСНАЦКАЯ ПѢСНЯ.

У сосѣда смѣль-мелодчикъ,
Хата съ хатой рядомъ,
У сосѣдки дочь-красотка,
Садъ сошелся съ садомъ.

Вѣсть вѣтеръ съ полуночи —
Старики за сказки,
Вѣсть вѣтеръ со полудня —
Молодежь за ласки....

Милый по саду гуляетъ,
Смотритъ къ намъ въ окошки,
Я, дѣвица, вышла въ сѣни,
Стала на порожки.

Съ милымъ другомъ перемовитъ
Слово я хотѣла,
Да отецъ въ саду работаетъ:
Я и не поспѣла.

Сизый голубь по застрехѣ
 Ходитъ да воркуеть,
 Сизу голубю Люта,
 Сибючійсь, толкуеть :

— Охъ, голубчикъ сизокрылый,
 Ворковать умѣешь,
 А небось къ намъ подъ окошко
 Прилетѣть не смѣешь !

Для тебя ли, голубочка,
 Для воржуньи-птички,
 На окошкѣ я рассыплю
 Проса и пшенички.

Ты не бойся, мой голубчикъ,
 А какъ сидеть солнце,
 Прилетай ко мнѣ, дѣвицѣ,
 Прямо подъ оконце !

Голубочку на застрехѣ
 И отцу сѣдому
 Не въ домѣкъ дѣвчьи рѣчи,
 Да въ домѣкъ милому !

Не смѣлъ клевать пшеничку
 Голубь сизокрылый,
 А пришелъ со мной, дѣвицей,
 Цѣловаться-милый !....

Л. Май.

КЪ “.

(Съ Польскаго.)

I.

На жизненномъ пути различные судьбой —
Какъ въ морѣ двѣ ладьи, мы встрѣтились съ тобой!

II.

Твоя, ласкаема покорными волнами,
Извѣстной глубиной увѣренно плыветъ,
И съ флагомъ боевымъ, съ крутыми парусами
Къ надежной пустыни свершаетъ свой полётъ!

III.

Моя жъ, опалена небесными грозами,
Безъ веселья и руля, среди незнакомыхъ водъ,
Съ клочками паруса, съ набитыми бортами,
Черезъ рифы и бурунь летитъ въ водоворотъ!

IV.

Разстанемся — прости! Увидимся ль съ тобою?....
Мнѣ — не догнать тебя; ты — не пойдешь за мною!

ИЗЪ ВАЙРОНА.

Въ альбомъ.

Какъ надянься стринная на камнѣ гробовомъ
Стижаетъ путника невольное вниманье,
Такъ пусть, прекрасный другъ, тоскующимъ стихомъ
Живится обо мнѣ у васъ воспомнанье!

И если мнѣ Творецъ пасть въ битвѣ присудилъ,
То затвердите стихъ печалью вдохновенный!
Въ чужбинѣ будетъ тлѣть мой трупъ окровавленный,
Но сердце я свое у васъ похоронилъ!

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ВАСАНТАЗЕНА.

ДРЕВНЕ-ИНДИЙСКАЯ ДРАМА.

(Переводъ съ Сانسритскаго.)

Изъ всѣхъ известныхъ драматическихъ произведеній древней Индiи, Васантазена или Глиняная повозочка (*Мриггакалалика*) есть самая древняя. Она написана царемъ Сӯдракомъ, жившимъ, по розысканiямъ Англiйскихъ ученыхъ, между периодомъ Чандрагупты и Викрамадityи. Эти ученые розысканiя утверждаютъ также, что Сӯдракъ покорилъ своему скипетру цѣлый полуостровъ Индiи, и что столицею его былъ городъ Уджджайни (нынѣ Уджджейнъ).

Основываясь на многихъ данныхъ, выводимыхъ изъ содержанiя этой драмы, Вильсонъ полагаетъ, что она написана за 100 лѣтъ до Р. Х. (т. е. почти за 50 л. до Императора Викрамадityи).

Въ ней изображена яркими красками общественная и частная жизнь Индустана въ эпоху поэта. Вотъ главная причина, побудившая меня перевести ее на Русскiй языкъ.

Санскритскiй подлинникъ «Глиняной повозочки» былъ напечатанъ первый разъ въ 1829 г., въ Калькуттѣ, тамошнимъ Комитетомъ Народнаго Просвѣщенiя; а на Англiйскiй языкъ она была переведена съ рукописи еще прежде и издана въ свѣтъ, въ 1827-мъ году, знаменитымъ Вильсономъ. Трудолюбивому Герман-

скому Санскритисту Г-ну Штенцлеру мы обязаны новымъ прекраснымъ изданіемъ этой драмы въ Боннѣ (въ 1846—47 г.) Г. Штенцлеръ сравнилъ въ своемъ изданіи три рукописныя ея кодекса, изъ которыхъ два хранятся въ Лондонѣ, а третій принадлежитъ Берлинскому Университету. Кромѣ того, онъ приложилъ къ своему изданію тщательно пересмотранный имъ переводъ Праkritскихъ мѣстъ драмы на языкъ Санскритскій, въ критическихъ же своихъ примѣчаніяхъ помѣстилъ всѣ варианты кодексовъ, бывшихъ у него подъ рукою, а также и Калькуттскаго изданія, и еще краткій древній Санскритскій комментарий, объясняющій многія сомнительныя мѣста подлинника.

Я не замедлю издать въ свѣтъ полный переводъ этой драмы, которая съ необыкновенною вѣрностью рисуетъ и темныя и свѣтлыя стороны того времени, когда она была написана; но вполне оцѣнить это произведеніе можетъ только тотъ, кто не станетъ требовать отъ Индійскаго поэта нашихъ достоинствъ и не будетъ оскорбляться его недостатками потому только, что мы къ нимъ не привыкли. Конечно, онъ человекъ также какъ и мы; но онъ Браманистъ и Индусъ. Судъ надъ нимъ, какъ надъ человекомъ, принадлежитъ намъ не иначе, какъ съ точки зрѣнія его народности и его религіи.

Эта драма переведена съ подлинника только на одинъ изъ Европейскихъ языковъ — на Англійскій. При моемъ переводѣ я постоянно сносился съ переводомъ Вильсона, имѣя подлинникъ въ изданіи Штенцлеровомъ. Вообще переводъ Вильсона отличается необыкновеннымъ изяществомъ слога, которому переводчикъ иногда жертвуетъ строго-отчетливою вѣрностью; что же касается до меня, то я старался всегда передавать прямой смыслъ писателя: изящество изложенія для меня было дѣломъ второстепеннымъ. Независимо однако отъ изящнаго изложенія, характеризующаго переводъ Вильсона, очень часто я расхожусь съ нимъ совершенно въ пониманіи самого подлинника. Я считалъ не лишнимъ иногда обозначать такія мѣста въ примѣчаніяхъ, и представлять ихъ читателю; но предупреждаю, что торжествовать этими моими примѣчаніями я отнюдь не имѣлъ ни желанія, ни намѣренія. Кромѣ другихъ заслугъ по части Санскритовѣдѣнія, Вильсонъ, совершивъ исполинскій подвигъ составленіемъ и

изданіемъ въ свѣтъ Санскритско-Англійскаго лексикона, первый открылъ Европѣ доступъ къ богатѣйшимъ, сокровищамъ прекраснѣйшей литературы и древнѣйшаго языка въ мірѣ; слѣдовательно, если и удалось мнѣ прояснить кое-что въ сочиненіи, надъ которымъ трудился этотъ знаменитый ученый, то честь этого все-таки принадлежитъ ему и его огромнымъ трудамъ, такъ какъ безъ нихъ Санскритская литература оставалась бы надолго, если не навсегда, недоступною для насъ, не смотря на всѣ наши старанія и усилія.

К. Коссовичъ.

Москва. 1849',

Марта 4.

В А С А Н Т А Е Н А.

М О Л И Т В А ¹.

Да хранитъ васъ всемудрый промыслъ того божества, котораго колыни утопаютъ на ложь змѣй, сплетающихся и объемающихъ оныя, божества укротителя чувствъ, у котораго въ груди неподвижно дыханіе и почиетъ всякая мудрость, божества, созерцающаго окомъ истины самого себя въ себѣ самомъ, божества, которое превъше всѣхъ побужденій, которое есть само спокойствіе, чей безстрастный взоръ обладаетъ безразличіемъ, — его, погруженнаго въ Брагмъ, всемудрый промыслъ да хранитъ васъ!

Да хранитъ васъ, подобная темному облаку, выя Нилакантга, на которой вѣтвь обвѣтій Гаурин блистаетъ, какъ змѣящійся лучъ молніи!

¹ Эта молитва прославляетъ бога Сиву. Нѣтъ доказательствъ, что она принадлежитъ автору драмы, которая впрочемъ, какъ это видно изъ многихъ мѣстъ его сочиненія, представляетъ картину изъ жизни древнихъ Ивдусовъ во время преобладающаго уже въ ней Сиванизма. См. пред. къ моему переводу драмы: «Торжество свѣтлой мысли.»

ПРОЛОГЪ ².

Содержатель театра. Наконецъ приведены въ порядокъ продолжительныя приготовления, усугубившія нетерпѣливнѣе общества, которое ожидаетъ представленія драмы. Изъявляя должное почтеніе къ господамъ, собравшимся въ театръ, я могу доложить, что мы намѣрены представить теперь драму, содержаніе которой почерпнуто изъ общественной жизни.

Творецъ ея — поэтъ, котораго твердая поступь уподоблялась только поступи властителя двузубыхъ (*царя слоновъ*), а сладкій взглядъ очей его былъ взглядъ чакоры ³, и лице было подобно лику мѣсяца, когда онъ во всей полнотѣ лучей своихъ сіяетъ въ высотѣ неотуманеннаго пространства; въ движеніяхъ его, въ осанкѣ, въ складѣ тѣла былъ стройный образецъ соразмѣрности; словомъ, это былъ первенецъ возрожденных ⁴; имя его извѣстно міру: таковъ поэтъ Судракъ, бездонный глубиною своей души!

Въ продолженіе своей жизни, изучивъ Ригъ-вѣду и Сама-вѣду, усвоивъ себѣ премудрость наукъ математическихкихъ, усвоивъ себѣ всѣ науки и искусства, которыхъ тре-

² Въ подлинникѣ предшествуютъ драмѣ два пролога, изъ которыхъ ни одинъ не принадлежитъ поэту, но тотъ и другой носятъ на себѣ характеръ различныхъ сценическихъ редакцій драмы. Покуда предлагаю читателямъ только первый. Замѣчательно, что большая часть пандитовъ вѣрятъ въ подлинность обоихъ этихъ прологовъ, и даже одинъ изъ нихъ, по свидѣтельству Вильсона (см. примѣч. на стр. 15-й *Select spec. of the theatre of the Hindus, vol. 1, 2 éd.*), объясняетъ то мѣсто пролога, въ которомъ говорится о смерти автора нашей драмы, астрологическими его свѣдѣніями и пророческимъ даромъ.

³ *Чакора*, родъ куропатки, the bartavelle or Greek partridge (*Pedrix rufa* or *Tetrao rufus*), *Вильс.*

⁴ *Двиджа*, этииъ именемъ назывались два высшія сословія (брагмановъ и воиновъ). См. пред. къ Торж. свѣд. м.

бовало общественное образованіе, а также и науку управлять словами, когда, по милости къ нему бога Сарва (*Сивы*), мракъ слетѣлъ съ очей его, видѣвъ своего сына царемъ и совершивъ, въ избыткѣ счастья, жертву асвамэдгу ⁵, проживъ на землѣ сто лѣтъ и десять дней, Судракъ вступилъ на костеръ (*т. е. умеръ, насладившись всеми благами жизни*). ⁶

Онъ не щадилъ себя въ бою; но ни гнѣвъ, ни другія увлеченія никогда не находили доступа къ его сердцу; онъ былъ и свѣтиломъ разумѣющихъ вѣды, и сокровищницею благочестія. Въ бою, онъ любилъ противопоставлять хоботу непріятельскаго слона только оружіе своей руки (*т. е. руку, сражался плъшій съ противникомъ, сидящимъ на слонѣ*). Таковъ былъ Царь Судракъ.

Въ этомъ сочиненіи его первыя лица: молодой Авантинскій ⁷ брагманъ Чарудатта, бывшій въ званіи Сартга-

⁵ *Асвамэдга*, жертвоприношеніе коня. Жертвоприношеніе подъ этимъ именемъ составляло родъ нѣкотораго юблея для царей, проводшихъ свою жизнь въ довольствѣ и побѣдоносно. Къ жертвоприносителю съѣзжались цари окрестныхъ странъ, отсюда стекался народъ, художники приносили къ этому празднеству свои произведенія, театры оглашались новыми драматическими представленіями, философы спорили. Самое блестящее и подробное описаніе этого празднества находится въ Рамаянѣ, гдѣ царь Дасаратъ торжествуетъ это празднество, собираясь передать свой престолъ сыну своему Рамѣ.

⁶ Въ подлинникѣ: *агнимъ правиштѣгъ*, значить слово въ слово: вошелъ въ огонь, вступилъ на костеръ. У Индусовъ, какъ и у древнихъ Грековъ, мертвыхъ сожигали на кострахъ. Вильсонъ, переводя это мѣсто словами: *he entered the fatal fire*, думаетъ, что царь Судракъ, въ преклонныхъ лѣтахъ, добровольно сжегъ себя на кострѣ (*Introduc.* стр. 17). Обычай добровольно умирать на кострѣ дѣйствительно существовалъ отчасти въ Индіи (см. н. п. переводъ Сказанія о Ажимутавангѣ); но приведеннымъ словамъ автора пролога я не рѣшился въ моемъ переводѣ придать тотъ смыслъ, что онъ, т. е. царь Судракъ добровольно сжегъ самого себя.

⁷ *Аванти*, иначе *Уджджални*, или *Уджджани*, или *Уджджейнъ* (*Ougein, Oujein, Oujein*), древній городъ Мьялвскаго (*Ма-*

вага⁸, но угнетенный бѣдностью, и прѣтущая какъ весна (*vasanta*) Васантазена, дѣва любви, увлеченная высокими качествами Чарудатты. Въ этой драмѣ, гдѣ они героями, сосредоточились, какъ на общемъ празднествѣ, всѣ благородныя наслажденія души человеческой. Въ ней разъясненъ ходъ чистой нравственности, обнаружена недостаточность человеческого суда, разоблачена сила судьбы; все это изобразилъ въ ней царь Сѹдракъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ДРАГОЦѢННОСТЬ, ОСТАВЛЕННАЯ ПОДЪ СОХРАНЕНІЕМЪ.

Дѣйствующія лица:

ЧАРУДАТТА, обдѣнявшій купецъ изъ касты брагмановъ.
МАЙТРЕЙ, брагманъ, другъ и клиентъ Чарудатты.
САНСТГАНАКЪ, зять Уджджайнскаго царя Цаллака.

Малва, ииѣ : *Мальва*, *Malwa*) царства, отчина порта Камлаца, столица автора нашей драмы, впоследствии же, столица великаго покровителя литературы — императора Викрамадитти. Этотъ городъ принадлежитъ къ числу самыхъ знаменитыхъ городовъ древней Индіи, по множеству мнѣческихъ и историческихъ воспоминаній, которыя въ немъ сосредоточены.

⁸ *Sartagava*, собственно значить : владѣлецъ каравана, купецъ. Видно, что это званіе, по крайней мѣрѣ въ эпоху нашего поэта, бывало даже наследственнымъ, независимо отъ той или другой природной касты, къ которой каждый изъ Индусовъ долженъ былъ принадлежать по ихъ релігіознымъ законамъ. (См. Тѹрж. св. и. пред.) Чарудатта, хотя и брагманъ, удерживаетъ въ нашей драмѣ, по справедливому замѣчанію Вильсона, титуло профессіи его предковъ.

ВИТЬ ⁹, клиентъ Санстганакя.

ВАРДГАМАНАКЪ, слуга Чарудатты.

СТГАВАРАКЪ, рабъ Санстганакя.

ВАСАНТАЗЕНА, бабдера.

РАДАНИША, служанка Чарудатты.

На сцену является Майтрей съ плащемъ съ рукъ.

Пригласите другаго брагмана! Я занятъ ¹⁰. — Вотъ до чего дошло: я, Майтрей, живу приглашеніями постороннихъ людей. О, время, время! Я, который въ благословенные дни моего достопочтеннаго Чарудатты, питался, бывало, готовыми для меня, по желанію, и днемъ и ночью, душистыми, благовонными лакомствами; смжу себѣ

⁹ *Вита* почти то же, что *клиентъ*. *Вита* и *Видушакя*, котораго роль при Чарудаттѣ играетъ Майтрей, представляютъ собой въ эпоху Санскритской драмы людей бѣдныхъ, живущихъ въ домѣ богачей съ обязанностию веселить ихъ и раздѣлять ихъ забавы. Кажется, что одно только и есть существенное различіе между *Витомъ* и *Видушакомъ* то, что *Видушакъ* всегда принадлежитъ къ сословію брагмановъ, *Витъ* же всегда изъ низшихъ сословій; можетъ быть, потому и не носитъ онъ въ драмѣ собственнаго своего имени, а только имя своего ремесла. За то *Витъ* представляется обыкновенно молодымъ человѣкомъ, очень хорошо воспитаннымъ, знающимъ музыку, хорошимъ танцоромъ и т. д.; *Видушакъ* же почти всегда является шутникомъ и паяцомъ (и. п. въ *Сакунталѣ* и *Урваси*), или, хотя и съ благородными чувствами, но простякомъ, какъ и. п. въ нашей драмѣ.

¹⁰ Брагмантическій *Индусъ* обязывался не прекращать поста праздничнымъ обѣдомъ иначе, какъ пригласивъ къ этому обѣду брагмана, который долженъ былъ благословить яства и обѣдать вмѣстѣ съ хозяиномъ. Должно представить себѣ, что на улицѣ приглашаютъ Майтрея къ подобному обѣду.

бывало у дверей средней залы его дома ¹¹, и, точно какой живописецъ, окруженный сотнею сосудцевъ, ласкающихъ мое зрѣніе, передвигаю то и дѣло то одинъ, то другой; стою себѣ, бывало, какъ почтенный туръ городскихъ площадей ¹², пережевывая пищу. Теперь же, когда Чарудатта бѣденъ, бьюсь горемыкой, цѣлый божій день шляюсь туда и сюда, и, какъ голубь, вѣрный дому, въ которомъ выросъ, прилетаю только на ночь, или для отдыха. Этотъ плащъ, налитанный благовоиеніемъ жасминныхъ цвѣтовъ, присланъ къ достопочтенному Чарудатту милымъ его сверстникомъ Чурнавриддою. Онъ сказалъ мнѣ: «поднеси этотъ плащъ достопочтенному Чарудатту послѣ совершенія имъ моленій въ честь Дэвовъ.» А! вижу достопочтеннаго Чарудатту! (Подходитъ ближе къ нему и смотритъ.) Вотъ приближается достопочтенный Чарудатта! Окончивъ моленіе въ честь Дэвовъ, онъ приноситъ жертву домашнимъ богамъ.

На сцену выходятъ Чарудатта и Раданика.

ЧАРУДАТТА (поднявъ глаза вверхъ, печально и со вздохомъ). Высокая, дикая трава незаметно объемлетъ уже грудь моего дома: на нее падаетъ изъ рукъ моихъ жертва домаш-

¹¹ *Абеблитарагадуссаладуараэ.* Чатугеѣала значитъ мѣсто между четырьмя комнатами или домами. Изъ многихъ мѣстъ этой драмы видно, что это мѣсто именовалась у поэта внутренность дома. Вильсонъ переводитъ: at yonder gateway (у этихъ воротъ, у этой арки).

¹² Былъ обычай, что при свадьбахъ и при другихъ празднествахъ отпускали на волю быка. Обуздать отпущеннаго на волю быка, или обидѣть его, считалось дѣломъ невозволительнымъ. Такого рода быки расхаживали на свободѣ по большимъ улицамъ и по площадямъ Индійскихъ городовъ, питались даровою пищею и повсемѣстно оберегаемые, не дичились людей. См. примѣч. Вильс. на стр. 20-й Select specimens of the theatre of the Hindus, 2 edit.

нимъ богамъ. Бывало гуси и стада журавлей питались здѣсь этою жертвою; теперь горсточка сѣмени, падая въ почву заглохшей былинки, насытитъ развѣ только внутренность червячка.

Ходить медленными шагами и пономъ садится.

МАЙТРЕЙ. Мой достопочтенный Чарудатта! Подойду къ нему! Привѣтъ мой милостивому моему государю, желаю вамъ добраго здоровья!

ЧАРУДАТТА. А, мой постоянный другъ (митрамъ) Майтрей, пришелъ ко мнѣ. Здравствуй, другъ мой! садись!

МАЙТРЕЙ. Исполняю ваше приказаніе (садится). Послушайте, добрый мой товарищъ! Этотъ плащъ, напитанный благовоніемъ жасминовъ, присланъ вамъ отъ вашего милого сверстника Чурнавриддги. «Какъ только достопочтенный Чарудатта совершитъ моленія въ честь Дэвовъ, поднеси ему это», — вотъ что онъ мнѣ сказалъ.

Чарудатта беретъ плащъ изъ рукъ Майтрея, потомъ погружается въ раздумье.

МАЙТРЕЙ. Послушайте, скажите пожалуйста, о чемъ это вы задумались?

ЧАРУДАТТА. Если радость является вслѣдъ за вкушеніемъ горя, она отрадна, ея посвященіе светло для души, какъ появленіе свѣтильника среди густаго мрака; но кто низналъ послѣ радостей въ бѣдность, о! тому только и осталось, что передвигать тѣло, и этимъ удерживать духъ: онъ живетъ — а въ сущности онъ мертвецъ.

МАЙТРЕЙ. Слушайте, товарищъ. Хорошо: вотъ вамъ смерть, и вотъ бѣдность; что лучше?

ЧАРУДАТТА. Товарищъ! Смерть или бѣдность? Для меня смерть лучше бѣдности: мученія смерти непродолжительны, а страданія бѣдности нѣтъ конца.

МАЙТРЕЙ. Послушайте, товарищъ. Полно сокрушаться! Посмотрите, каковъ мѣсяцъ на небѣ! Развѣ онъ хуже отъ

того, что племѣ боговъ, начиная съ полнолунія, до самаго конца до послѣдней капли испиваетъ его безсмертную влагу? Развѣ, умаляясь, онъ отъ того менѣе лучезаренъ? Таковы точно и вы, Чарудатта, истратившій все свое достояніе для милыхъ сердцу. Повѣрьте мнѣ: прекрасенъ ликъ мѣсяца и въ этомъ видимомъ ущербѣ его.¹³

Чарудатта. Милые сердцу! достояніе! — Нѣтъ! я горюю не объ имуществѣ! Развѣ ты этого не замѣчаешь? Гости тщательно забѣгаютъ нашего дома, а между тѣмъ у нихъ въ умѣ одно: «въ этомъ домѣ исчезло прежнее довольствіе!» Меня терзаетъ, что они оставили мой домъ, какъ бродячіе собиратели сотовъ (пчелы) ланиту слона, когда высохнетъ на ней, въ часъ смерти, струя нектара.¹⁴

¹³ По сказанію Ваю-пураны содиде четырнадцать дней надвѣаетъ кругъ мѣсяца амритомъ (влажною безсмертія); начиная же со дня полнолунія, боги пьютъ эту влагу каждый день, доколѣ не выпьютъ всю, что продолжается также четырнадцать дней. Это, по представленію пураны, бываетъ причиною возрастанія и убыванія мѣсяца.

¹⁴ Въ извѣстное время года виски слоновъ покрываются густою влагою, называемою по-Санскр. *Мада*. Влагу эту необмысленно лобызъ пчелы и сопровождаютъ слоновъ цѣлыми роями во все время, въ которое она у нихъ отдѣляется. — Это мѣсто выражено въ подлинникѣ слѣдующими словами: *кшинартгамъ итѣй атитгагъ париварджаяти сансуксандрамададекгамъ ива бгранагтагъ калятѣлѣ мадгукарагъ кариагъ каполямъ*. Вильсонъ переводитъ его слѣдующимъ образомъ: *Like the ungrateful bees, who wanton fly the elephant's broad front, when thick congeals the dried up dew, they visit me no more*. При пропускѣ въ Англійскомъ переводѣ Санскритскаго выраженія: *калятѣлѣ*, можно подумать, что поэтъ говоритъ здѣсь о пчелахъ, улетающихъ отъ слоновъ, въ періодъ, когда ихъ щеки не струятся болѣе мадою; но смыслъ этого выраженія и еще противоположность понятій: *сансушкалѣ* (когда не стало слона) и *сандралиѣ* (когда онъ живъ); убѣждаютъ, что здѣсь говорится о *мадѣ* слова, превращенной его смертію.

МАЙТРЕЙ. Помните, добрый товарищ! Стоит ли обращать вниманіе на это низкое племя людей? Въ ближнемъ они только и видятъ, что его состояніе. У твоего богатства, а не у тебя завтракаютъ они, а пропади оно — и они продаютъ, и они бегутъ, какъ будто злое насѣкомое укусило ихъ, какъ бѣгутъ двѣ пастуховъ, преслѣдуемыхъ оводомъ. Бѣдность для нихъ хуже насѣкомаго; гдѣ она не кусается, туда бѣгутъ они.

ЧАРУДАТТА. Товарищ! Дѣйствительно, не потеря богатства приводитъ меня въ уныніе: богатство вѣдь, идя степною рока, и съ нами, и оставляетъ насъ. Мнѣ прискорбно то, что лишь только пропадъ у тебя магнитъ твоего богатства, вмѣстѣ съ тѣмъ охладѣвъ къ тебѣ и чувства другихъ людей. Къ тому же, отъ бѣдности становится человекъ несмыслымъ; при этой несмыслости, померкаетъ въ немъ блескъ его достоинствъ, а лишается онъ этого животворнаго блеска — его начинаютъ презирать, и гнетъ презрѣнія людскаго оканчивается тѣмъ, что заставляетъ его наконецъ не доверять и самому себѣ. Чтѣ же послѣ этого? Недовѣрчивость къ себѣ повергаетъ человека въ пучину горестей; когда онъ въ горь, летитъ отъ него разумъ; безъ разума — онъ погибъ. Увы! средоточіе всѣхъ несчастій въ мірѣ — бѣдность!

МАЙТРЕЙ. Стоитъ ли однако, любезнѣйшій товарищъ, такъ сокрушаться отъ того, что они не собираются уже завтракать у вашего состоянія? Оставимъ ихъ въ покоѣ!

ЧАРУДАТТА. Но вѣдь бѣдность человека, товарищъ мой, живетъ въ умѣ его, постоянно уничтожаетъ его передъ другими; она — новый неотступный врагъ, въ добавокъ къ тѣмъ, которыхъ и безъ нея онъ можетъ имѣть ¹⁵.

¹⁵ Слова подлинника: даридръя ги пурунасъя нивасаъ чинтайа парарибгаво, ваирамъ апарамъ, значать буквально: бѣдность — поселившійся въ умѣ человека уничтожитель его со стороны другихъ, она — новый врагъ. Вильсонъ перевелъ это слѣдующимъ образомъ: but poverty is aye the curse of thought. It is our enemy's reproach (но бѣдность постоянно мучитъ мысль, она укоризна со стороны нашихъ враговъ).

Она — укоризна со стороны друзей, поводъ къ ненависти со стороны родныхъ и чужихъ. Въ умѣ мнѣ двѣ противоположности: я думаю оставить все и уйти въ лѣсъ; но и тутъ другое горе — моя жена придетъ въ отчаяніе. Пусть бы огонь скорби, поселившійся въ моемъ сердцѣ, сжегъ меня; такъ нѣтъ, онъ жжетъ меня немилосердо, но не сомнигаеть! Я уже совершилъ, товарищъ, жертву богамъ домашнимъ, и ты сдѣлай что-нибудь: пойди теперь, другъ мой, туда, гдѣ сходятся четыре дороги, соверши жертвоприношеніе Праматерямъ.¹⁶

МАЙТРЕЙ. Нѣтъ, я не пойду туда.

ЧАРУДАТТА. Почему же?

МАЙТРЕЙ. Если боги, столь усердно чтимые тобою, не оказываютъ къ тебѣ своего расположенія, такъ что за особенная доблесть почитать ихъ?

ЧАРУДАТТА. Товарищъ! замолчи, не говори этого! Развѣ ты забылъ, что говорить вѣковечный законъ хозяина дома? забылъ, что «богамъ вѣчно угодно благочестіе человека, что они могутъ довольствоваться только чистотою мысли, словъ и дѣломъ жертвы смиреннаго?»¹⁷ Тутъ нечего разсуждать. Пойди, другъ мой, и принеси жертву Праматерямъ.

¹⁶ *Матри.* Этихъ именемъ чтили вѣскольکو божествъ, праматерей боговъ и людей. Поклоненіе Праматерямъ обыкновенно было общее всѣмъ имъ, а не порознь; это указываетъ на отношеніе ихъ къ владыкамъ же божествамъ мужескаго рода, къ Праотцамъ (*Питри*).

¹⁷ У Вильс.: the gods undoubtedly are pleased with what is offered in lowliness of spirit and with reverence, in thought and deed, and pious self-denial. Четыре инструментальныхъ падежа (тапасъ, данасъ, вѣдбгг — бадкаривабгг), стоящіе въ подлинникѣ рядомъ, заставляютъ думать, что слово *карманъ* имѣетъ въ этомъ мѣстѣ значеніе совершаемой жертвы, а не *дѣла вообще*, какъ понимается, подлинному, Вильсономъ, противопоставляя его *мысли (in thought and deed)*.

МАЙТРЕЙ. Пожалуйста, милый Чарудатта, не требуйте этого отъ меня, я не пойду! Возложите эту обязанность на кого-нибудь другаго; я вѣдь, сами знаете, такой брагманъ, что у меня, въ подобныхъ случаяхъ, все бываетъ наизуветь, какъ въ предметъ, который отражается въ зеркалѣ: лѣвое дѣлается правымъ, а правое лѣвымъ. Къ тому же, въ сумерки бѣгаютъ обыкновенно по большой улицѣ веселыя дѣвушки, а за ними *ситы*, рабы, вся ватага царскихъ наперсниковъ, сопровождающая ихъ. Пожалуй, попадешь еще невзначай, какъ неосторожный мышенокъ, въ зубастую пасть каласарна¹⁸, которая была приготовлена совсемъ не для тебя, а для того, чтобы проглотить лягушку; самъ наткнешься на эту пасть. Сидя здѣсь, вы что намерены дѣлать?

ЧАРУДАТТА. Ну, такъ и быть, не ходи! Я займусь покуда вечернею молитвою.

*На сценѣ показывается Васантазена, преслѣдуемая
Витомъ, Самстганакомъ и рабомъ его.*

ВИТЪ. Васантазена! остановись, востой! Зачѣмъ этою болзною искажаешь ты свою прелесть? Зачѣмъ этимъ бѣгствомъ употребляешь ты во зло бѣлые свои ножки? Онѣ вѣдь созданы для однихъ только плгнительныхъ движений, для твоихъ обаяній, которыми вся ты проникнута въ очаровательной своей пляскѣ. Очакъ твоимъ, которыя теперь смотрятъ такъ тревожно, такіе ли приличны взоры, бросаемые украдкою? Ты бѣжишь отъ насъ съ трепетнымъ, исполненнымъ онасенія и недовѣрія взоромъ, какъ пугливая серна, преслѣдуемая охотниками.

¹⁸ Одна изъ ядовитѣйшихъ породъ змѣй (*Coluber naga*, Вильс.).

Санстганакъ. Постой, Васантазена; остановись! Что ты бѣжишь, что мчишься; летишь, ускользаешь отъ насъ ¹⁹? Милая красоточка ²⁰, умоляю тебя! Вѣдь ты не удержишь отъ того, что остановишься. Любовью пламенѣетъ мое сердце къ тебѣ, дѣвушка, пылаетъ какъ мясо, которое бросаютъ на горячіе угли.

Стгаваракъ. Почтенная, постой, постой! Пораженная страхомъ, ты уходишь, сестрица моя, бѣжишь, какъ пава, со своимъ богатымъ хвостомъ, въ знойное время; господинъ мой выходитъ изъ себя и горячится, устремясь за тобою. Онъ, мой достопочтенный повелитель, несется, какъ молодой, бодрый пѣсъ, который, почувствовавъ, что онъ въ лѣсу, мчится за дикимъ звѣремъ, сладостнымъ его сердцу.

¹⁹ Читатели замѣтятъ, что въ характерѣ Санстганака представляетъ бадомникъ высшаго образованнаго круга Индійскаго общества, современнаго поэту. Видно, что его учили, между прочимъ, словесности и историческимъ преданіямъ его родины. Но риторика привила къ нему не болѣе, какъ умѣнье выражаться фразами. Отсюда эта плодovitость въ его словахъ; но — это плодovitость не мысли, а только синонимовъ. Что же касается оставшихся въ его головѣ преданій, ихъ онъ училъ наизусть въ дѣтствѣ, а не изучалъ: отъ того и нравственное и безнравственное представляются, какъ увидѣть читателю въ послѣдствіи драмы, перебиваемыми въ его головѣ; не врожденной же наклонности къ дурному; онъ, щеголяя своею ученостію, очень часто, самъ не сознавая этого, уподобляетъ себя дѣдальнымъ олицетвореніямъ моннаго зла, столь часто встрѣчаемымъ въ Ведахъ и въ Эпосѣ. Царь Сударанъ представляемъ Санстганака, смѣлко съ одной стороны тувоушимъ и произвольнымъ, смѣлко съ другой, надменнымъ, злымъ и лукавымъ.

²⁰ Какой смыслъ можетъ быть на этомъ мѣстѣ слова *vasu*, въ коренной его формѣ (безъ падежа: суф.), этого я не могъ добиться ни въ Санскритскомъ комментарий, ни въ лексиконѣ, ни въ переводѣ Вильсона. Вильсонъ пропустилъ это слово въ своемъ переводѣ; само же по себѣ оно значитъ: 1) душа, 2) божество.

Видь Васантазена, постой, постой! Что ты убьгаешь отъ насъ, трепещешь какъ листья молодого тополя, бросая игривому ветру полы своего багрянаго одьянїя, того одьянїя, которое кажется для насъ подобнымъ летучей купь яркихъ цвѣтовъ распустившагося лотоса, и которое, багрянымъ цвѣтомъ своимъ, мелькаетъ передъ нами, какъ родникъ ископаемыхъ румянъ ²¹, только что открытїй пытливою сталью, растерзавшею его багровыя недра.

Санстганакъ. Постой, Васантазена, постой! О ты, раждающая во мнѣ божество упоенїя, божество безплотное, избравшее мою грудь своимъ жилищемъ, божество мучителя сердець человѣческихъ! О ты, безжалостно повергающая меня ночью на мое уединенное, мучительное ложе! Ты уходишь отъ меня испуганная, ты скользишь въ бѣгство, ты падаешь. Напрасно! не убьжишь, не убьжишь: попадешь въ мои руки, какъ попала Кунти въ руки Раваи Равана ²².

Видь Васантазена! ты мчишься; но и отставая отъ тебя, тотъ, кто отстаеъ такъ какъ я, можетъ гордиться легкостью бѣга ²³; но зачѣмъ это неумѣстное усиліе та-

²¹ *Манасилла* букв. значить: скала сердца. По Вильс. это: red arsenic. Порошокъ этого ископаемаго былъ одною изъ принадлежностей туалета женщинъ древней Индіи.

²² *Ракши*, существа безобразныя и необычайнаго роста, враждебныя богамъ и людямъ. Одинъ изъ этихъ исполиновъ, чудовище съ десяти головами, Раванъ, успѣлъ похитить жену Рамы Ситу, за что и наказанъ примѣрно, оскорбленнымъ ея мужемъ. Похищеніе Ситы Раваномъ воспѣто въ знаменитомъ Индійскомъ эпосѣ, Рамаянѣ. Кунти мать девяти сыновей царя Панду, играетъ важную роль въ другомъ Санскритскомъ эпосѣ, именно въ Магабгаратѣ. Между Раваномъ и Кунти не было никакихъ отношеній, Санстганакъ же свелъ эти два лица вслѣдствіе причинъ, изложенныхъ мною въ примѣч. 19.

²³ Выраженіе: падайръ нама падѣни висѣшянти, буквально значить, ногами (твоими) отличающая мои ноги. Вильсонъ переводить: Why

кой быстроты? Ты бѣжишь подобно змѣ, одоляваемой царемъ пернатыхъ.²⁵ Быстротою ногъ я перегоню самый вѣтеръ; но чтобы поймать тебя, о безукоризненная красотой членовъ, для этого становятся тщетны все мои усилія²⁶.

Санстганакъ. Послушай, почтенный. Воръ любить чужое золото, но и имъ онъ жертвуетъ для подобной прелести: она—бичь-смиритель на всякаго вора. Что же она еще? она баловница, она плясавица, она погибель семьи, словесальница, она сосудъ любви, владычица любви, притонъ всѣхъ прелестей, она дѣва красоты, прелесть! Вотъ десять именъ ея! Десятью именами я называлъ ее, а все-таки она меня не хочетъ²⁶.

Vasantasatā, do you grace my steps by leaving traces for them to obliterate? (Зачѣмъ, Васантазена, ты дѣлаешь честь моимъ стопамъ, предоставляя имъ заглаживать твои слѣды, т. е. *вступать въ твои слѣды, преслѣдуя тебѣ*?) Дѣйствительно, и этотъ смыслъ можетъ быть выведенъ изъ причинительн. (*causal.*) значенія формы глагольн. кор. *visamb.*

²⁵ См. мой переводъ Сказанія о Джимутаваганѣ.

²⁶ Выраженіе: всегда аганъ прависртамъ паванамъ кирудгьямъ; тванниграго ту, варагатри, на нѣ пратнаг, можетъ имѣть двойной смыслъ *утвердительный*, или *вопросительный*, смотря по тому, съ какою интонаціею будетъ оно прочтано. Вильсонъ понимаетъ *утвердительно* и переводитъ: I could outstrip the wind in such a chase, and shall I not overtake so delicate a fugitive? (въ подобной перегонкѣ я могъ бы обогнать вѣтеръ; такъ неужели не обгону столь нѣжнаго существа, бѣгущаго отъ меня?) Понявъ въ предмыслии выраженіи *visambanti* похвалу Васантазени со стороны Вита, признающаго ея превосходство надъ собою въ бѣгѣ, я не могъ въ моемъ пер. давать этой фразѣ подобный вопросительный смыслъ. Вотъ ея переводъ буквальный: быстротою, я могъ бы остановить убѣжавшій впередъ вѣтеръ; но для поиманья тебя, о женщина съ отличными членами, не имѣ дѣлать усилія! (?)

²⁶ Этими словами Санстганакъ досадуетъ, что Васантазена неупомина. Чувствуя величіе и важность своей собственной особы, онъ, видѣвъ

Витъ. Зачѣмъ ты уходишь? Отъ чего это смущеніе, этотъ страхъ? Бьются по ланитамъ твоимъ прыгающія, звенящія твои серьги; онъ бряцаютъ какъ струны, когда по струнамъ вины ²⁷ бѣгаютъ гармоническіе пальцы искуснѣйшаго изъ витовъ. ²⁸ Ты убѣгаешь отъ насъ, какъ бѣжитъ юная

съ этигъ, хочеть чувствовать ничтожность преслѣдуемой имъ дѣвушки, и потому-то иронически изумляется ея хладнокровію къ себѣ. — *Нанакамушкѣмакашкѣ*, согласно съ объясненіемъ Санскритскаго комментатора, букв. значить: *бить любящихъ воровать кошельки*; по Вильс.: the taper lash of that filcher of broad pieces *Кама* (бить ворующій монеты, *кама* (?); — *Матггашкѣ* (въ моемъ переводѣ: баловница, букв. ѣдунья рыбы (the fish-eater, у Вильс.); это слово вѣроятно указываетъ на довольство, въ которомъ она живетъ деньгами, выручаемыми ея профессіей; *ниџаџа* замѣнено въ Санскритскомъ переводѣ словомъ *нирнаса*, значущимъ: *безноса*, и объяснено въ Санскритскомъ комментат. словомъ *нилнанаса*: съ глубокимъ, съ вдавленнымъ носомъ, т. е. курносая. По Вильсону это значить: the pug-nosed untameable shrew. Не будучи увѣренъ въ точности значенія этого слова (которому впрочемъ можно придать значеніе: *малоноса*), я пропустилъ его въ моемъ переводѣ; *аваџика* собств. значить: не признающая никакой власти надъ собою, своевольная, необузданная, по Вильс.: the walking frippery (бродящее плутовство). — Слѣдуя одному изъ Санскритскихъ комментаторовъ, Вильсонъ даетъ этому мѣсту оборотъ иронической молитвы. Онъ переводитъ: I have invoked her by ten names, I have called her the taper lash etc. (я призывалъ ее десятью именами, я ее называлъ —), потомъ заключаетъ: I have adressed her by all these pretty names — (я отнесъ къ ней всѣ эти милыя имена —). Комментаторъ не правъ уже потому, что настоящее перенесъ въ область прошедшаго: Сансганакъ не величалъ ее прежде этими именами, но величаетъ теперь только съ досады. Къ тому же, молитвенный тонъ ни сколько не прилѣгаетъ, даже и иронически, въ этихъ презрительныхъ словахъ Сансганака.

²⁷ *Вина* — Индійская лира. По Вильсону, это двухъоктавный инструментъ, обькновенно съ осьмью струнами.

²⁸ См. примѣч. 9.

самка журавля, испугавшись сладостного рокота облака, отягощенного живительными каплями.

Санстганакъ. Въ то время, какъ все звенять и звенять переливные колокольчики на твоихъ ногахъ, въ то время какъ нежный ихъ звонъ сливается въ твоёмъ шествіи съ тревожнымъ шорохомъ моря волнообразныхъ твоихъ украшеній, для чего ты бѣжишь отъ меня, какъ испуганная Драупаді²⁹ отъ Рамы? ³⁰ Я тебя догоню, такъ что ты сама этого не заметишь, увидишь, что поймаю тебя; Гануманъ ³¹ поймалъ же сестру Виссавасу Субгадру. ³²

Стгаваракъ. Погоди! остановись! Тебя ищетъ царевъ наперсникъ. Остановись, утѣшь его! Ты будешь вкушать въ изобиліи и рыбу, и мясо; а когда много рыбы и мяса, то и собака не бѣгаетъ за падалью,

Витъ. Высокопочтенная Васантазена! Зачѣмъ ты все уходишь и уходишь отъ насъ, въ то время какъ дорогія камня, унизывающія поясъ, который обхватываетъ стройный изгибъ твоего стана, блестятъ передъ нами, точно тысячи звѣздъ, слетѣвшихъ по направленію этого пояса, и,

²⁹ Драупаді, дочь Царя Панчальскаго, одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ Магабгаратъ. См. примѣч. ⁴²

³⁰ Рамы, одно изъ воплощеній Вишну, герой эпической поэмы Рамаяны. См. примѣч. 19 и 22.

³¹ Имя героической обезьяны, дѣйствующей въ Рамаянѣ.

³² Въ Магабгаратъ разсказывается, что Субгадра, дочь Кришны (воплощеннаго Вишну) была похищена однимъ изъ сыновей царя Панду, Арджуномъ. Арджуна и Гануманъ, лица принадлежація разнымъ эпохамъ — одно и то же для головы Санстганака. Еще: Санстганакъ, помня, что Субгадра — сестра бога, котораго одно изъ наименованій есть — Васудэвъ, связываетъ и это наименованіе славнаго бога брагманистовъ съ именемъ одного изъ второстепенныхъ божествъ. Вмѣсто: сестру Васудэва, онъ говоритъ — сестру Виссавасу; Виссавасу же, это одинъ изъ гандгарвовъ или музыкантовъ Индры, бога, завѣдывающаго видимою природою.

безпрестанною своею игрою, какъ будто утопаютъ одна въ другой, какъ будто поглощаютъ другъ друга. Въ тво-емъ быстромъ бѣгѣ вѣтеръ свѣялъ съ лица твоего лету-чій румянецъ; ⁵³ вся трепещущая, зачѣмъ ты бѣжишь? зачѣмъ оставляешь насъ за собою? — Нѣтъ! Она не слу-шаетъ: мчится, покидаетъ насъ, какъ покровительствующее божество оставляетъ городъ, который перестаетъ любить. ⁵⁴

Санстганакъ. Настигаемая нами на каждомъ шагу, подобно самкѣ шакала, преслѣдуемой псами, ты мчишься, спишишь, напрягаешь всѣ свои силы, и, безжалостная, въ твоёмъ полетѣ, рвешь на каждомъ шагу, рвешь съ корнемъ, со всѣмъ его основаніемъ, мое сердце, терзаемое тобою на каждомъ шагу.

Васантазена. Пальлявака! Пальлявака! Парабгри-тика! Парабгритика! ⁵⁵

Санстганакъ (*съ испугъ*). Эй! почтенный! что это, люди? люди?

⁵³ См. примѣч. 21.

⁵⁴ Въ подлинникѣ Витъ оканчиваетъ свою рѣчь слѣд. словами: *нага-радайватаватѣ праяси*, уходящъ подобно божеству (или судьбѣ) города. Это мѣсто переводитъ Вильсонъ слѣд. обр.: What should have so strangely alarmed you? Believe me you look like the guardian goddess of the city, as round your slender waist sparkles with starlike gems that tinkle you, and your countenance is pale with terror. (Что же устршило васъ такъ странно? Повѣрьте мнѣ, вы подобны покровительному божеству города, въ то время какъ гибкій вашъ станъ блеститъ звѣздоподобными драгоценностями ва-шего звонящаго пояса, и ваше лице блѣдно отъ страха.)

⁵⁵ Первое изъ этихъ двухъ собственныхъ именъ образовано изъ на-рицательн. *пальлява*, молодая вѣтвь; второе изъ *парабгритта*, названіе Индійской кукушки, оставляющей, какъ думали Индусы, свои яйца для высидаки въ гнѣздахъ воронъ, отъ чего она и полу-чила свое названіе (*парабгритта*). Самецъ этой птицы отличается но-быкновенно пріятною звучностью пѣнья, и у Индійскихъ поетовъ играетъ роль нашего соловья.

Витъ. Не бойтесь, не бойтесь!

ВАСАНТАЗЕНА. Мадгавика! Мадгавика! ³⁶

Витъ (*смлясь, про себя*). Глупецъ! — (*Вслухъ*) Она зоветъ своихъ людей.

САНСТГНАКЪ. Почтенный! почтенный! Кого зоветъ она? женщину?

Витъ. А то кого же?

САНСТГНАКЪ. Женщинъ? — подавай мнѣ ихъ хоть сто. Всѣхъ положу. Во мнѣ течетъ кровь героевъ.

ВАСАНТАЗЕНА (*озираясь, съ видомъ смущенія*). О, горе мнѣ! горе! Моя прислуга мнѣ измѣнила: надежда только на себя!

Витъ. Ну, ну! теперь приударьте-ка высокодосто-
почтеннѣйшій.

САНСТГНАКЪ. Васантазена! Сзывай, сзывай къ себѣ кукушечекъ, цвѣтушечекъ, или хоть, пожалуй, цѣлую весну твою ³⁷: ты моя, я догналъ тебя! Кто тебя вырветъ теперь изъ моихъ объятій? Не только что твои цвѣтушечки, самъ Бгимасэнъ ³⁸ или Джамидагнэевъ сынъ, ³⁹ мнѣ ни по чемъ! Вызови ты противъ меня одного изъ сыновъ Кунти, ⁴⁰ десятиглаваго Равана, ⁴¹ я и его не испугаюсь! Попадутся густыя

³⁶ Это имя, въ нарицательн. смыслѣ, имѣетъ значеніе одного чужезаднаго растенія (a kind of creeper), *Вильс.* Корень этого слова: *Мадгу, медб.*

³⁷ См. примѣч. 35 и 36. Самое слово Васантазена, въ нарицательномъ смыслѣ, значить: рать весны.

³⁸ Второй изъ пяти сыновъ царя Панду, дѣйствующихъ въ Магабгаратѣ.

³⁹ Воинственный брагманъ Рама, лице изъ Рамааны.

⁴⁰ Дочь Суры, т. е. солица, вторая жена царя Панду, мать трехъ сыновей его, дѣйствующихъ въ Магабгаратѣ.

⁴¹ *Раванб*, Ракшъ, царь острова Лянги или Сягалы (Цейлона). См. примѣч. 22.

пряди твоихъ косъ въ мои руки, и ты увидишь въ моемъ лицѣ другаго Дуссасана. ⁴² Оглянись же! посмотри, пожалуйста посмотри! Мой мечъ остеръ, я держусь уже за рукоять — онъ не шутитъ, онъ рубитъ головы! Я умерщвлю тебя! Полно бѣжать, остановись, остановись! Не забудь: кто ищетъ смерти, тотъ уже не живетъ!

ВАСАНТАЗЕНА. Но я женщина, высокопочтенный!

Витъ. Потому-то и не прилично тебѣ умереть, потому-то и хотятъ оставить тебя въ живыхъ!

САНСТГАНАКЪ. Да! Оттого-то мы и не убиваемъ тебя!

ВАСАНТАЗЕНА (*про себя*). Самая въжливость этого чело­вѣка вселяетъ ужасъ ⁴³; но пусть будетъ, чему быть! — (*Вслу­хъ*). Достопочтенный! вамъ, кажется, нужны мои украшенія.

Витъ. Ахъ, государыня Васантазена! За кого жъ ты насъ принимаешь? На то ли растетъ красивое дерево по-

⁴² *Дуссасанъ* одинъ изъ союзныхъ царей Агритарантра, въ порывѣ гнѣва, схватилъ за косу Драупади, жену племянника его Бгима. Оскорбленный этимъ, Бгимъ далъ обѣтъ до тѣхъ поръ не успокоиться, пока не напьется крови чело­вѣка, наругавшагося надъ женою его. Въ одномъ изъ сраженій онъ побѣдилъ наконецъ Дуссасана, убилъ его и исполнилъ свой страшный обѣтъ.

⁴³ Витъ, сказавъ Васантазенѣ, что ее оберегаютъ, оставляютъ въ живыхъ, имѣлъ, безъ сомнѣнн, въ виду пунктъ законовъ Ману, по которому запрещается убивать даже и преступную женщину; этотъ же пунктъ имѣла въ виду и Васантазена, ссылаясь на то, что она женщина. Витъ, указывая на этотъ законъ, какъ будто оправдываетъ прощически и себя и своего господина, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто хочетъ намекнуть ей, чтобы сама она не сдѣлалась виною нарушенія закона. Но какое средство они предлагаютъ Васантазенѣ, чтобы видимо не нарушить закона глубочайшаго уваженія къ женщинамъ? Это — отдать себя безчестно Санстгануку. Вотъ почему слова Санстганука: *мы не убьемъ тебя*, вызываютъ въ Васантазенѣ одно только обращеніе къ нему.

среди роскошнаго сада, чтобы его обрубать? Кому придет охота оборвать съ него цвѣты? О, не въ украшеніяхъ дѣло!

ВАСАНТАЗЕНА. Такъ въ чемъ же? скажите.

САНСТГНАКЪ. Вотъ въ чемъ. Я полубогъ, я вочеловѣчившійся Васудэвъ ⁴⁴: ты должна любить меня!

ВАСАНТАЗЕНА (съ сердцемъ). Фу, сантамъ ⁴⁵! Отстань, ты богохульствуешь.

САНСТГНАКЪ (смѣется и хлопаетъ въ ладоши). Любезнѣйшій! любезнѣйшій! Посмотри, пожалуйста! Наша красавица, въ самомъ дѣлѣ, очень мила. Она говоритъ: «поди домой, ты утомился, усталъ (сантэси).» А въ самомъ-то дѣлѣ я нигде не ходилъ: ни за городъ, ни по городу. Государыня моя! клянусь головою достопочтеннаго и собственными моими ногами: бродя за тобою, преслѣдуя твой ускользящій отъ меня станъ — негодная рабыня — я утомился и ослабѣлъ.

Витъ (про себя). Глупецъ! Она ему говоритъ: отстань (сантамъ)! а ему послышалось: усталъ (сантэси)! — (Вслухъ) Васантазена! Ты не такъ говоришь, какъ говорить подобныя тебѣ женщины. Послушай! Дѣву любви нельзя вообразить иначе, какъ только существомъ дружно живущимъ съ молодежью, покровительствующимъ молодымъ людямъ. Подумай! вѣдь ты дѣва любви, ты все равно, что вѣтка, цвѣтущая близъ дороги; ты обладаешь такой красотой, которую можно продать за деньги, и ты должна принадлежать тому, кто купитъ у тебя красоту. Ты одинакова должна быть, о милая, какъ съ тѣмъ, кто очарователемъ, такъ и съ тѣмъ, кто противенъ тебѣ. Да что тутъ долго разсуждать? Въ проточной струѣ умывается и разумный избранникъ между возрожденными ⁴⁶ и самый

⁴⁴ Богъ Вишну.

⁴⁵ Выраженіе негодованія: замолчи! прочь!

⁴⁶ См. примѣч. 4.

безсмысленный изъ племени отверженныхъ ; часто та же цвѣтущая вѣтвь , которая колыбалась подъ лучезарностью павлиновыхъ крыльевъ , сгибается и подъ безобразнымъ тѣломъ ворона ; часто корабль , на которомъ переплывали брагманъ , кшатри , висы ,⁴⁷ принимаетъ на себя и инородныхъ людей . И ты , милая , подобно струѣ , подобно цвѣтущей вѣтви , подобно кораблю надежному , не должна разбирать — ты вѣдь общественная дѣва — ты должна лелѣять всакого , прибѣгающаго къ тебѣ .

Васантазена . Такъ ! Но пускай привлекутъ меня къ кому-нибудь его добрыя качества , а не насиліе .

Саястганакъ . Почтенный , послушай , почтенный ! Вотъ въ чемъ дѣло : эту рабыню привлекъ къ себѣ однажды нищій Чарудатта , встрѣтись съ нею въ саду близъ храма Камадэва ;⁴⁸ потому она меня и не любитъ !... Смотри : вѣдь навво будетъ его домъ : чтобъ она какъ-нибудь туда не ускользнула изъ нашихъ рукъ — будь остороженъ пожалуйста , гляди !

Витъ (*про себя*) . Bravo ! Спасибо глупцу ! Самъ промолвился о томъ , что долженъ бы былъ хранить , какъ величайшую тайну . А ! это домъ Чарудатты ; Васантазена любитъ

⁴⁷ См. предисл. къ Торж. свѣтл. и.

⁴⁸ *Камадэва* , богъ любви . Храмы этого бога были окружены садами , по которымъ , въ извѣстныя годовыя празднества , гуляла молодежь обоюго пола . На этихъ гуляньяхъ дѣлались новыя знакомства : дѣвушки и молодые люди возвращались домой съ новыми чувствами , съ сердцемъ , пронзеннымъ , по выраженію Индійскихъ повто въ , пятью цвѣточными стрѣлами шаловливаго бога . Эти раны обыкновенно излечивались въ послѣдствіи бракомъ , сообразно съ обычаями кастъ , къ которымъ принадлежали влюбленные ; но и гетеры древней Индіи не исключались изъ подобныхъ гуляній . Гулянья по садамъ бога Камадэвы исчезли безъ слѣдовъ , по словамъ Вильсона , съ того времени какъ вторгнулся въ Индустанъ грубый и шотской Исламизмъ .

почтеннаго Чарудатту! Очень хорошо! Не даромъ говорятъ: жемчужина катится къ жемчужинѣ. И такъ, пусть будетъ чему быть! Ну его, этого глупца! — (Громко) Экой-чортъ! Такъ здѣсь его, Сарттавага, домъ? Вотъ налво-то?

САНСТГНАКЪ. А то чей же? Да, это его домъ.

ВАСАНТАЗЕНА (*про себя*). О радость! они говорятъ, что налво его домъ! Прекрасно! Эти негодяи и не воображаютъ, что они, своею наглостью, услужили мнѣ: мнѣ обязана я счастьемъ быть сегодня вмѣстѣ съ тѣмъ, кого люблю.

САНСТГНАКЪ. Почтенный, почтенный! Чортъ возьми, какая страшная тьма! Вотъ сейчасъ я видѣлъ Васантазену, а теперь она пропала, исчезла, просто какъ темный шарикъ въ кучѣ чернильныхъ орѣшковъ.

ВИТЪ. Да! Чортъ возьми, чтѣ за тьма. Въ самомъ дѣлѣ, на что это похоже? Вся область зрѣнія моего вдругъ исчезла передъ нахлынувшимъ мракомъ. Въ этой темнотѣ, чтѣ открой глаза, чтѣ закрой — все равно! Чтѣ это въ самомъ дѣлѣ? Все тѣло у меня какъ будто пропитано тьмою; точно частый дождь, такъ и льется, такъ и льется съ ээира этотъ непроницаемый мракъ: глаза теперь рѣшительно бесполезны, какъ услужливость злаго чловѣка.

САНСТГНАКЪ. Почтенный, почтенный! а я все-таки хочу искать, хочу преслѣдовать Васантазену!

ВИТЪ. У! чортовъ сынъ! — (*Вслухъ*) Замѣчаете ли вы, по крайней мѣрѣ, какой-нибудь слѣдъ, какую-нибудь примѣту, что она гдѣ-нибудь здѣсь?

САНСТГНАКЪ. Достопочтенный! скажи, скажи пожалуйста, какъ ты думаешь, по какимъ бы примѣтамъ узнать ея слѣдъ?

ВИТЪ. Примѣты? Шумъ отъ ея украшеній, или бла-

говоніе, которымъ исполнена ея душистая гирлянда. Вотъ примѣты! ⁴⁹

Санстганакъ. Да! да! слышу благоуханіе гирлянды, хотя отъ темноты, между прочимъ, и носъ у меня залегъ; но, что касается до звона ея украшеній, то я почти вовсе не вижу ихъ. ⁵⁰

Витъ (громко). Васантазена! Хотя и не видно тебя въ густомъ мракѣ опустившагося вечера, хотя ты исчезла въ немъ, какъ исчезаетъ молнія въ бездонныхъ нѣдрахъ темно-синей тучи, но я узнаю, гдѣ ты, но я настигну тебя, о милая, по тому благоуханію, которое вѣетъ отъ твоего вѣнка; намъ скажутъ, гдѣ ты, твои говорливые колокольчики, вторящіе твоимъ шагамъ! Слышала, Васантазена?

⁴⁹ Читатель могъ уже замѣтить, что Витъ, какъ только узналъ о склонности Васантазены къ Чарудаттѣ, то, съ той же поры, и перешелъ на ея сторону. Его указанія будто Санстганаку на гирлянда и на колокольчики Васантазены имѣютъ въ виду не иное что, какъ предостеречь ее, находящуюся вблизи отъ преслѣдователей и спасаемую отъ нихъ однимъ только мракомъ. Эти слова Вита, съ одной стороны, возбуждаютъ глупую радость въ Санстганакѣ, съ другой, заставляютъ Васантазену тотчасъ же сбросить съ себя украшенія, могущія открыть ее. То, что, при видной ограниченности ума, Санстганакъ счлмѣлъ уже провѣдать о любви преслѣдуемой имъ красавицы, бросаетъ свѣтъ на хитрость характера этого человѣка и обнаруживаетъ, что между хитростью и умомъ лежитъ безконечность. Замѣчательно и то, что слова: *добрѣя катества*, произнесенныя Васантазеною, напомнили Санстганаку о Чарудаттѣ.

⁵⁰ У Вильсона: Very true; J can hear with my nostrils the scent of her garland spreading through the darkness, but J do not see the sound of her ornaments. Подобно Вильсону, и я не смѣлъ сглаживать характера этихъ словъ въ подлинникѣ. Они изображаютъ человѣка, до того избалованнаго знатностію своего рода и сана, что онъ, считая себя поставленнымъ выше всѣхъ и всего, пренебрегая все, пренебрегаетъ даже и свой родной языкъ. Слѣсъ граничить съ лѣзью; ему лѣнь правильно думать, правильно выразиться: *обонять* для него все равно, что *видѣть*, *видѣть* все равно что *обонять*.

ВАСАНТАЗЕНА (про себя). Слышала и догадалась. (Снимаетъ съ ногъ колокольчики, потомъ цѣточную гирлянду, и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, оцупываетъ руками стѣну дома.) Безподобно! Идя по стѣнѣ я наткнулась на боковую дверь дома; но — что мнѣ дѣлать? Она, кажется, заперта!

ЧАРУДАТТА. Я окончилъ мои вечернія моленія; ступай же теперь, другъ мой, соверши жертвоприношеніе Праматерямъ.⁵¹

МАЙТРЕЙ. Нѣтъ, пожалуйста, не возлагайте на меня этой обязанности: я не пойду.

ЧАРУДАТТА. О горе! когда кто бѣденъ, слово его не важно даже и для самаго близкаго ему человѣка; самая нѣжная душа отвращается отъ него, все въ немъ кажется тяжелымъ и жесткимъ; потому что несчастье уже и само по себѣ тяжело. Его правота подвергается укоризнѣ, ясный мѣсяцъ права его становится тусклымъ, и подчасъ доходитъ до того, что чужія дурныя дѣла приписываются ему. Никто не дружится съ нимъ, никто его не ищетъ. Не для него слова вниманія и привѣта. Если какими-нибудь судьбами онъ и очутится гдѣ на пиршествѣ, въ домѣ богача, тамъ на него смотрятъ съ пренебреженіемъ. Онъ не имѣетъ надлежащаго прикрытія, и стыдъ издали уже заставляетъ его бѣжать при встрѣчѣ съ людьми знаменитыми. О бѣдность! Она — шестой особенный грѣхъ изъ разряда грѣховъ, на вѣкъ позорящихъ существо человѣческое! Къ тому же, объдняявъ, я и тебя жалю, мой милый Майтрей! Живши столь долго подъ кровомъ моего сердца — и то приходитъ мнѣ въ голову — бывъ моимъ другомъ, гдѣ ты теперь найдешь убѣжище, когда эта несчастная моя грудь наконецъ откажется служить мнѣ, когда я умру? Что тогда будетъ съ тобою?

⁵¹ См. прилѣч. 16.

МАЙТРЕЙ (*растроганный*). Послушайте, товарищъ. Если ужъ мнѣ должно непременно идти, то пусть Раданика будетъ мнѣ сопутницею.

ЧАРУДАТТА. Раданика, ступай за Майтреемъ.

РАДАНИКА. Готова повиноваться высокопочтенному.

МАЙТРЕЙ. Любезная Раданика, возьми жертвоприношеніе и лампаду: я отворю боковую дверь.

ВАСАНТАЗЕНА. Ахъ! отворили дверь для моего спасенія! Я войду. (*Увидя свѣтъ лампы*). Чтò это? лампада! (*Задуетъ лампаду концемъ своего платья, и потомъ входитъ*).

ЧАРУДАТТА. Майтрей! чтò съ тобою?

МАЙТРЕЙ. Сквозь отворенную дверь подулъ сильный вѣтеръ и потушилъ лампаду. Любезная Раданика! Ты ступай куда черезъ боковую дверь, а я пойду въ среднюю залу, чтобы зажечь лампаду, и потомъ догоню тебя. (*Уходитъ*).

САНСТГНАКЪ. Почтенный! почтенный! Я не отстану отъ Васантазены.

ВИТЬ. Слѣдите за нею, слѣдите!

САНСТГНАКЪ (*бродитъ по улицѣ и прислушивается*). Почтенный! почтенный! поймалъ! поймалъ!

ВИТЬ. Да вы съ ума сошли: это я!

САНСТГНАКЪ. Хорошо, такъ стой же, пожалуйста, почтенный, гдѣ теперь стоишь и не трогайся съ мѣста. (*Опять ходитъ, прислушивается и потомъ схватываетъ своего раба*). Почтенный! почтенный! поймалъ! поймалъ!

СТГАВАРАКЪ. Достопочтенный! это я, твой рабъ.

САНСТГНАКЪ. Стойте же на мѣстѣ, почтенный; стой и ты! Такъ это вы, почтенный, а это ты, рабъ! Вотъ это ты — а это вы, почтенный. Стойте же оба на своихъ мѣ-

стахъ и не шевелитесь. (Опять прислушивается, ходитъ и потомъ схватываетъ Раданику за косу.) Почтенный! почтенный! вотъ теперь такъ ужъ поймалъ я Васантазену! Въ то время какъ она пробиралась сквозь густоту мрака, запахъ отъ вѣнка открылъ мнѣ ее, голубушку, и я схватилъ ее за густой локонь ея кудрей. Вотъ она! Теперь она въ моихъ рукахъ, точно Драупаді въ рукахъ Чанакиа ⁶².

Витъ. Эге! Вотъ тебѣ! Вотъ до чего доводитъ молодая удаля, вотъ до чего доводитъ чванство и страсть къ знатной молодежи! Тебя тащутъ за волосы! Твои пышные локоны истерзаны! Богатство цвѣтовъ твоихъ измято и раскидано по землѣ! ⁶³.

Санстганакъ. Чтѣ, моя красавица, чтѣ? Наконецъ-то я держу тебя, поймалъ тебя за косы, за локоны, за волосы ⁶⁴; теперь ты у меня въ рукахъ! Кричи, сколько хочешь, молись теперь хоть во все горло, зови на помощь бога Самбгу, бога Сиву, бога Санкара, бога Исвара! ⁶⁴

⁶² О Драупаді, лицѣ Магабгараты, см. примѣч. 29. Чанакиа, государственный человекъ и политическій писатель, жилъ при Дворѣ царя Паталипутрскаго Чандрагупты, извѣстнаго у Греческихъ писателей подъ именемъ *Ξαυδρόμοπος*. Одно изъ этихъ двухъ собственныхъ именъ принадлежитъ временамъ именованіемъ, другое — исторіи; слѣдовательно между ними никакихъ отношеній быть не могло. См. примѣч. 19.

⁶³ Виту показалось, что Васантазена умышленно не воспользовалась его намеками на колокольчики у ногъ и на благоуханіе ея вѣнка, и что она, по собственной охотѣ, попала въ руки Санстганаку. Въ этомъ заключается причина негодованія Вита. Санстганакъ впрочемъ, по злобности своего характера, не долженъ былъ понять настоящаго смысла негодованія своего товарища; напротивъ, онъ въ словахъ его долженъ былъ слышать одну только радость торжествующаго насилія.

⁶⁴ См. примѣч. 19.

⁶⁵ Всѣ эти собственные имена суть наименованія одного бога Сивы. См. примѣч. 19.

Раданика (*съ ужасомъ*). Чтѣ вы хотите сдѣлать со мною, господа? Чтѣ вамъ нужно?

Витъ. У, чортъ! вѣдь это не ея голосъ.

Санстганакъ. Не ея? не ея? Нѣтъ, почтенный, нѣтъ! Вѣдь и кошка мѣняетъ голосъ, когда увидитъ вкусную смѣтану; такъ и этимъ тварямъ ничего не стѣитъ перемѣнить свой голосъ при удобномъ случаѣ! Она заговорила только другимъ голосомъ, и какъ будто ни въ чемъ не бывала!

Витъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ она перемѣнила голосъ? Это странно. Но, впрочемъ чтѣ жъ тутъ страннаго? Она постоянно посѣщаетъ театръ, она обучена съ дѣтства законамъ звуковъ, къ тому же, она и воспитана, чтобъ быть обольстительницею; следовательно, очень естественно, что она можетъ принимать такой голосъ, какой ей заблагоразсудится. ⁵⁶

На сценѣ появляется Майтрей.

Майтрей. Батюшки! Чтѣ это такое? Кажется едва, едва слышно дуновеніе вечерняго вѣтра, а между тѣмъ огонекъ лампы такъ и дрожитъ, такъ и дрожитъ въ моихъ рукахъ, точно сердце у серны, попавшейся въ лукавыя сѣти ловца. (*Подходитъ къ Раданикѣ и смотритъ на нее.*)

Санстганакъ. Почтенный! почтенный! Здѣсь чловѣкъ, чловѣкъ!

Майтрей. Чтѣ это значить? гдѣ это дѣлается? Развѣ бѣдность достопочтеннаго Чарудатты даетъ уже право чужимъ людямъ ломаться къ нему въ домъ?

⁵⁶ Вита представляетъ повѣтъ чловѣкомъ, отъ природы благороднымъ но постоянное обращеніе съ Санстганакомъ не могло не притушить въ немъ нѣсколько благородства души, которое всегда сопряжено съ полнымъ довѣріемъ къ достоинству людей; Санстганакъ, какъ увидятъ читатели, никакого достоинства ни въ комъ не признаетъ. Этимъ объясняется, отъ чего Витъ такъ легко могъ усомниться въ характеръ Васантазены.

РАДАНИКА. Достопочтенный Майтрей! Посмотрите, посмотрите, какъ меня обижаютъ!

МАЙТРЕЙ. Обижаютъ? Стало быть, и меня обижаютъ?

РАДАНИКА. Да! Обида, которую наносятъ мнѣ, не можетъ не касаться васъ, Майтрей.

МАЙТРЕЙ. Такъ что жъ это? насиліе?

РАДАНИКА. Насиліе, насиліе, достопочтенный!

МАЙТРЕЙ. Въ самомъ дѣлѣ, что ли, напалъ на тебя кто-нибудь?

РАДАНИКА. Да! напали и не пускаютъ.

МАЙТРЕЙ (*приходитъ въ гнѣвъ и приподнимаетъ палку*). Прочь отсюда! прочь, говорю. Въ своемъ домѣ и у пса является бодрость, а я не песъ, — я брагманъ! Прочь! а не то, я, братъ, вотъ этой зубочисткою, которая также крива, какъ и наше счастье, разможжу голову на твоёмъ несчастномъ туловищѣ, какъ маковку сухаго бамбука.

ВИТЪ. Успокойтесь, высокопочтенный брагманъ! успокойтесь, прошу васъ!

МАЙТРЕЙ (*вглядываясь въ Вита*). Нѣтъ, обидчикъ не онъ! (*Увидѣвъ Санстганакъ*). Вотъ кто обидчикъ! Кто ты такой? Ахъ что это? какой стыдъ! Это ты, зять Раджи, Санстганакъ, бездушный, безчеловѣчный? Пристойно ли это тебѣ? Если высокодостопочтенный господинъ Чарудатта объднялъ, такъ развѣ отъ того его доблести перестали быть украшеніемъ города Уджджаннѣ? Развѣ отъ того позволено вторгаться въ его домъ и дѣлать насиліе его людямъ? Нѣтъ! Несчастный человѣкъ, котораго судьба не блещитъ, еще не совсемъ несчастливъ; а тотъ, кто потерялъ нравственность, будь онъ и богатъ — тотъ дѣйствительно несчастливъ!

ВИТЪ (*съ чувствомъ унынія*). Высокопочтенный брагманъ! прости. Это произошло не отъ своеволія, а просто по ошибкѣ; выслушай: мы искали здѣсь одну женщину.

МАЙТРЕЙ. Ее ?

Витъ. Фу, грѣхъ какой! Нѣтъ! Намъ было нужно одну хорошенькую дѣвушку, которая принадлежитъ только самой себѣ; мы схватили эту женщину, думая, что это наша! И такъ прошу принять отъ меня всю должную вамъ покорность. (*Снимаетъ съ себя мечъ, и, въ знакъ покорности, сложивъ руки, склоняется къ ногамъ брагмана.*)

Майтрей. Добрый человекъ! встань, встань! Укоръ сдѣланъ былъ тогда, когда я тебя вовсе не зналъ, а теперь, узнавъ, я уже не способенъ укорять тебя, и самъ прошу у тебя прощенья.

Витъ. Нѣтъ! Вы должны меня простить и оказать мнѣ ваше снисхожденіе: тогда только я встану.

Майтрей. Чтѣ жъ это такое? Чтѣ угодно вамъ? Скажите!

Витъ. Дайте мнѣ слово, что объ этомъ происшествіи вы не скажете ни слова своему достопочтенному Чарудаттѣ.

Майтрей. Даю слово! Я не скажу ему объ этомъ.

Витъ. Ваше снисхожденіе, брагманъ, заставляетъ меня преклонить навсегда передъ вами мою голову. Оружіе доблести, которая живетъ въ васъ, далеко важнѣе всѣхъ нашихъ оружій.

Санстганакъ (*съ негодованіемъ*). Это чтѣ? Отъ чего это, почтенный, ты такъ жалостно складываешь руки и бросаешься къ ногамъ какого-то уличнаго бродяги?

Витъ. Да я боюсь....

Санстганакъ. Кого ты боишься?

Витъ. Я боюсь добродѣтелей Чарудатты.

Санстганакъ. Большія добродѣтели! Гмъ! Любопытно бы узнать, какія это добродѣтели у человека, къ которому когда зайдешь.... чтѣ у него? — и повѣсть-то у него нечего!

Вить. Не говорите такъ, высокопочтенный мой товарищъ, не говорите этого о Чарудаттѣ! Расточая любовь нашему брату, ближнимъ своимъ, самъ онъ истощился наконецъ. Въ благословенные дни свои онъ не оставлялъ никого; подобно свѣтлоструйному озеру, въ знойное время, онъ иссохъ, утоляя жажду людей.

Санстганакъ. О комъ это, о комъ ты такъ изволишь говорить? Онъ холопская кровь — и только! сынъ низкой рабыни! Ты про него это говоришь? Чтò жъ онъ, богатырь что ли какой? могучій потомокъ Панду?⁵⁷ или какой-нибудь Свѣтакэту?⁵⁸ или сынъ Радги?⁵⁹ ужъ не Раванъ ли онъ?⁶⁰ не Индрадатта ли?⁶¹ ужъ не Кунти⁶² ли его родила? Не Рама⁶³ ли отецъ ему? Кто онъ такой? Асваттамъ?⁶⁴ Дгармапутръ?⁶⁵ Джатаку?⁶⁶

⁵⁷ *Панду*, древній индическій царь, имѣвшій пять сыновей. Именемъ *Пандава* (смыъ Панду) въ Магабгаратѣ обозначается обыкновенно Арджуна. Вильсонъ пракритскую форму *Пандава* переводитъ названіемъ самого царя Панду (is he Pándu?)

⁵⁸ *Свѣтакэту*, одинъ изъ древнихъ мудрецовъ: объ немъ говорится въ Магабгаратѣ.

⁵⁹ Сынъ Радги — *Карнъ*, витязь, въ младенцествѣ найденный царемъ Дритараштромъ на берегу рѣки Ямуны и воспитанный при его Дворѣ.

⁶⁰ См. примѣч. 22.

⁶¹ Одинъ изъ героевъ Магабгараты.

⁶² См. примѣч. 40.

⁶³ См. примѣч. 30.

⁶⁴ *Асваттамъ*, сынъ воинственнаго брагмана *Дрона*, одинъ изъ предводителей Курудвовъ.

⁶⁵ Старѣйшій изъ пяти Пандавовъ, сынъ бога смерти *Дхарма* или *Яма*.

⁶⁶ Такъ назывался получеловѣкъ-полуорелъ, сынъ царя пернатыхъ Гаруда. Стараясь отнять у Ракша Равана похищенную имъ жену Рами, Ситу, онъ былъ убитъ десятиглавымъ похитителемъ.

Витъ. Вы съ ума сошли! Онъ просто Чарудатта, вотъ и все тутъ; онъ — дерево изобилія для несчастныхъ, согбенное подъ плодами своихъ добродѣтелей, свѣтило людей истинно благородныхъ, зеркало воспринявшихъ мудрость, камень испытанія для чистоты нравовъ. Еще кто онъ? Качества возвышенной его души — волны моря, которыхъ не перечесть никакой смертный. Онъ — творецъ добра, и никто изъ облагодѣтельствованныхъ имъ не чувствовалъ тяжести, которая, у другихъ, сопровождаетъ самое добро: его сердцу недоступны ни тщеславіе, ни гордость. Кто онъ еще? Онъ — неисчерпаемое сокровище всего благороднаго, всего, что возвышаетъ природу человѣческую; онъ — самоотверженіе, онъ — великодушіе! Вотъ онъ, вотъ его основныя стихіи! Наконецъ — онъ выше похвалъ, выше всего, что бы ни сказали объ немъ: жизнь его есть образецъ жизни такой, какою жизнь должна быть, жизни нравственной. Вся другіе — мертвецы! Если другихъ вздумаемъ сравнить съ нимъ, то увидимъ, что они только дышать, а не живутъ! И такъ пойдемъ же отсюда.

Санстганакъ. Какъ, не отыскавъ Васантазены?

Витъ. Васантазена?... Нѣтъ, ужъ она пропала для васъ.

Санстганакъ. Пропала? какъ?

Витъ. Какъ? А вотъ какъ: какъ зрѣніе пропадаетъ у того, кто ослѣпнетъ, какъ у чахоточнаго пропадаетъ цвѣтущее здоровье, у безумной головы разумъ, успѣхъ у нерадиваго, знаніе у людей безпамятныхъ и разсвѣянныхъ, какъ любовь дѣло пропащее для того, кто врагъ, такъ и Васантазена, едва встрѣтившись съ вами, невозвратно пропала для васъ.

Санстганакъ. Все-таки я не уйду отсюда, не поймавъ Васантазены!

Витъ. Послушайте! Цѣпью ловятъ слонвѣ, конь покоряется уздѣ, а женщину можно поймать только сердцемъ! Если его нѣтъ, такъ и хлопотать нечего! Лучше уйдемъ!

Санстганакъ. Если хочешь уйдти отсюда, ступай себѣ; а я не пойду!

Витъ. Ну, такъ я уйду. (*Уходитъ.*)

Санстганакъ. Ушелъ наконецъ къ чорту мой любезный! (*Обратясь къ Майтрею*). Послушай ты, воронья голова! лапа ты воронья! Пойди-ка сюда! согнись (*т. е. присядь*)!

Майтрей. Ужъ и такъ мы довольно согнуты.

Санстганакъ. Кѣмъ?

Майтрей. Рукою судьбы.

Санстганакъ. Судьбы! велика важность! — Чтѣ же тебѣ мѣшаетъ приподняться? Приподнимись, братъ, приподнимись!

Майтрей. Можетъ быть и приподнимемся.

Санстганакъ. Когда же это будетъ?

Майтрей. Когда? разувѣтся, когда опять будетъ намъ благопріятствовать судьба.

Санстганакъ. Ну, а теперь покуда плачь, несчастный, плачь!

Майтрей. Чтѣ же? Слезы для насъ не диковинка: довольно уже выжато ихъ изъ нашихъ глазъ.

Санстганакъ. Въ самомъ дѣлѣ! Кто же это выжималъ изъ васъ слезы?

Майтрей. Кто? Кто, какъ не несчастіе!

Санстганакъ. Вотъ кто выжимаетъ изъ васъ слезы! Стало быть оно, то есть несчастіе, что-нибудь да значить для васъ. Чтѣ жъ ты не смѣешься? Смѣйся, дуракъ, смѣйся.

Майтрей. Будемъ и смѣяться, быть можетъ; я уже сказалъ.

Санстганакъ. Когда же это будетъ?

Майтрей. А вотъ когда: когда снова заблестаетъ благостояніе нашего достопочтеннаго Чарудатты.

САНСТГНАКЪ. Да, Чарудатты. — Ну слушай теверь со вниманіемъ, бродяга! Вотъ что скажешь ты отъ меня этому бѣдняку Чарудаттѣ, вотъ что ему скажи: «Извѣстная всѣмъ, блистающая драгоценностями, покрытая золотомъ, точно какая нибудь актриса, изготовившаяся къ представленію новой пьесы, однимъ словомъ, одна изъ дѣвъ любви, по имени Васантазена, влюбилась, дескать, въ тебя, когда ты гулялъ въ саду бога Камадева. Сегодня же вечеромъ, когда мы хотѣли склонить ее къ себѣ силою, когда хотѣли поймать ее, она, видишь, скрылась въ твою домъ. А изъ этого, скажи ему, выходитъ то—скажи ему отъ моего имени: если онъ, добровольно, отложивъ въ сторону всякую мысль прекословить моей волѣ, самъ приведетъ ее ко мнѣ въ домъ и отдастъ въ мои руки, то, съ той самой минуты, я буду ему обязанъ за такую уступку благодарностью и дружбою; а если онъ этого не сдѣлаетъ, то есть, если вздумаетъ спорить, вражда моя будетъ преслѣдовать его до тѣхъ поръ, пока я живъ, и кончится только съ моею смертію. Замѣть ему еще въ добавокъ, что сбереженный арбузъ, высушенное *ѡака*,⁶⁷ или кусокъ жаренаго, или блюдо риса, можетъ сохранивъ свѣжесть и годиться въ употребленіе въ продолженіе однихъ только сутокъ, одной какой-нибудь холодной ночи; а когда пролежить дольше, такъ все, что бы ни было, всякое брашно переходитъ въ гниль.» Понимаешь? Все это ты долженъ пересказать своему Чарудаттѣ громко, внятно, такъ, чтобы я, сидя въ увеселительной бесѣдкѣ на террасѣ моего ближняго дворца, могъ разслышать слово въ слово. Если же ты не выскажешь ему всего этого такъ, какъ тебѣ приказано, то, знаешь ли, что тебя ожидаетъ? Я разможжу тебѣ голову: твой черепъ захруститъ у меня, какъ дикое яблоко, повѣсившее между двухъ дверей.⁶⁸ Понимаешь ли ты это?

⁶⁷ Родъ извѣстныхъ овощей; *ѡака* обыкновенно значитъ вообще овощное растеніе.

⁶⁸ Пракритское слово *мадамадаиссамб* въ переводѣ Санскритскомъ замѣнено словомъ *сепотаишбьями*, что значитъ: *разобью въ*

МАЙТРЕЙ. Извольте, я перескажу все это Чарудаттѣ.

САНСТГНАКЪ (*въ сторону*). Рабъ! Что, нашъ почтенный точно ушелъ, или нѣтъ?

СТГАВАРАКЪ. Ушелъ.

САНСТГНАКЪ. Ну такъ и мы пойдемъ отсюда!

СТГАВАРАКЪ. Благоволите взять, высокодостопочтенный, свой мечъ.

САНСТГНАКЪ. Пусть онъ останется у тебя.

СТГАВАРАКЪ. Высокодостопочтеннѣйшему господину моему подобаеъ вооружиться теперь мечемъ: благоволите взять его у меня.

САНСТГНАКЪ (*взявши мечъ за конецъ*). Хорошо! — Положивъ на плечо этотъ мечъ, который, блескомъ своимъ, подобенъ корню ободранной рѣдки, ⁶⁰ вооружась имъ, дремлющимъ въ ножнахъ, я найду къ моему жилищу, точно шакаль, сопровождаемый воемъ псовъ которые издали его почуяли. (*Уходитъ въ глубину сцены и исчезаетъ.*)

дребезги, разложжу. Праkritскій глаголъ, безъ сомнѣнiя, выражаетъ звукоподражанiе, и переводъ его Санскритскій *вѣреть*. Трудно согласиться, чтобы этотъ глаголъ имѣлъ здѣсь значенiе *грызть*, *ѣсть*, какъ понимаетъ его Вильсонъ, переводя это мѣсто слѣдующимъ образомъ: *J shall grind your head between my teeth etc.* (я разгрызу твою голову моими зубами).

⁶⁰ Подобное сравненiе мудро объяснитъ чѣмъ-либо другимъ, какъ только цинизмомъ Санстганака. Вильсонъ не рѣшился удержать его въ своемъ переводѣ; у него только: *J bear it on my shoulder, sleeping in its pink sheath* (несу его на моемъ плечѣ, спящаго въ своихъ *пестрыхъ* ножнахъ). Къ тому же, по синтаксическому порядку словъ подлинника, сравненiе съ рѣдкой относится къ самому мечу, а не къ ножнамъ. Вотъ Санскритское объясненiе праkritской фразы этого мѣста: *грттва скандгѣна (с. асимъ) нирвалькадиъ, мулакватвагварнамъ, кошасуптамъ ча.*

Майтрей. Почтенная Раданика! Не говори досто-
 чтенному Чарудаттѣ, что тебя такъ жестоко оскорбили.
 Онъ и безъ того удрученъ разстройствомъ своихъ обстоя-
 тельствъ; а этотъ случай, я увѣренъ, прибавитъ ему еще
 вдвое горя.

Раданика. Достопочтенный Майтрей! Я вѣдь Рада-
 ника, я умѣю сдерживать свой языкъ.

Майтрей. Ну, это хорошо.

Чарудатта (*обращаясь къ неузнанной имъ Васанта-
 зенѣ*). Раданика! Теперь очень вѣтрено по вечерамъ на
 дворѣ: мой Рогасэнъ прозябъ, рѣзвясь на свѣжемъ воздухѣ.
 Приведи его въ домъ. Возьми, милая, вотъ этотъ плащъ и
 окутай его хорошенько.

Васантазена (*про себя*). Вотъ что: онъ думаетъ, что
 передъ нимъ его служанка. (*Беретъ плащъ и прикладываетъ
 его къ носу, потомъ, также про себя, съ нѣкоторою равно-
 стью*.) А! этотъ плащъ напитанъ благоуханіемъ жасминныхъ
 цвѣтовъ! Видно, молодость нашего брагмана не совсѣмъ
 равнодушна ⁷⁰. (*Накидываетъ на себя поданный ей плащъ*.)

Чарудатта. Пойди же, Раданика, возьми Рогасэна и
 приведи его въ наши комнаты!

Васантазена. Нѣтъ, не мнѣ несчастной проникать въ
 твой покой.

Чарудатта. Что жъ это значить, Раданика? Я не
 слышу отъ тебя никакого отвѣта. — Нѣтъ отрады! Когда
 судьба повернетъ кого на тягостный путь потерь и бѣдно-
 сти, тогда и дружество къ нему, незамѣтно, но тѣмъ не
 менше вѣрно, переходитъ въ отвращеніе, и привязанность
 къ нему, скрѣпленная временемъ, и та ослабѣваетъ.

Приходятъ Раданика и Майтрей.

⁷⁰ Запахъ жасмина, который былъ напитанъ плащъ Чарудатты, заста-
 вляетъ думать Васантазену, что въ этомъ благоуханіи участвовала
 какая-нибудь красавица, благосклонная къ нему.

МАЙТРЕЙ. Послушайте! вотъ Раданика, которую вы звали.

ЧАРУДАТТА. Это Раданика! Кого же еще другаго я вижу у себя? Кого это, не узнавъ, я унизиль прикосво-веніемъ своего платья.⁷¹

ВАСАНТАЗЕНА (*про себя*). Унизиль! Почтиль, а не унизиль!

ЧАРУДАТТА (*вглядываясь въ Васантазена*). Чтѣ за очаровательный образъ! Какъ будто сквозь сумракъ вижу край мѣсяца, осѣненного облакомъ. Но чтѣ я? развѣ она моя? Пристойно ли мнѣ смотрѣть, быть можетъ, на чужую жену?

МАЙТРЕЙ. Послушайте! Полно-те опасаться чужихъ жѣнъ! Это Васантазена, которая влюбилась въ васъ, когда вы гуляли по саду недалеко отъ храма бога Камадѣва.

ЧАРУДАТТА. Какъ? Васантазена! (*Про себя*). О! Любовь, которую она вселила въ меня тогда, когда уже исчезло мое богатство — эта любовь все тоже, чтѣ пробудившееся негодованіе въ сердцѣ малодушнаго: какъ без-сильный гнѣвъ, эта любовь должна сокрыться въ глуби-нѣ сердца!

МАЙТРЕЙ. Послушайте, товарищъ. Вотъ чтѣ приказаль сказать тебѣ царевъ зять.

ЧАРУДАТТА. Чтѣ такое?

МАЙТРЕЙ. Одна изъ общественныхъ дѣвушекъ, имен-но та, которая вся сіяетъ золотомъ, какъ содержатель театра въ новой пѣсѣ, Васантазена, влюбилась въ тебѣ, когда ты гуляль въ саду бога Камадѣва. Въ то время, когда онъ хотѣль склонить ее къ себѣ силою, она скрылась въ твоемъ домѣ.

ВАСАНТАЗЕНА (*про себя*). Склонить къ себѣ силою — какое почтительное выраженіе.

⁷¹ По законамъ Ману, женатый мужчина не долженъ былъ прикасаться къ посторонней женщинѣ даже краемъ своей одежды.

Майтрей. Изъ этого выходитъ, говоритъ онъ, что, если ты, безъ всякихъ прекословій и безъ суда, приведешь ее къ нему и отдашь въ его руки, то онъ будетъ тебѣ обязанъ признательностью и дружбою; но если вздумаешь прекословить и не заблагодарсудивши уступить ему эту дѣвушку, такъ, онъ говоритъ, что вражда его будетъ преслѣдовать тебя, и что развѣ съ смертью его кончится это преслѣдованіе.

Чарудатта (*съ презрѣніемъ*). Глупецъ! — (*Про себя*). Эта дѣвушка непременно должна принадлежать къ неземнымъ созданіямъ. Вотъ и теперь: ее зовутъ, къ ней пристають, и нѣтъ ей покоя; но не идетъ она по призыву: «приди въ мой домъ», не глядитъ на то, что человекъ поставленъ высоко судьбою, презираетъ гордыню, и остаются безотвѣтными ея уста на зовъ надменнаго благами земли, хотя бы онъ разверзся передъ нею цѣлыми безднами словъ соблазнительныхъ. — (*Вслухъ*) Благородная Васантазена! Моя неосмотрительность виною тому, что я уже плохо сталъ отличать приближенныхъ ко мнѣ слугъ. Въ этомъ вся моя вина, вся причина сдѣланной мною вамъ неучтивости. Преклоняя мою голову къ стопамъ вашимъ, прошу васъ о прощеніи.

Васантазена. Я сама неучлива, явившись въ вашемъ домъ, въ который я недостойна вступать, и потому гораздо приличнѣе мнѣ склонить мою голову передъ вами, государь милостивый, и молить васъ простить меня.

Майтрей. Что это? Оба наклонились, точно крупные колосья риса, посаженнаго на двухъ смежныхъ грядкахъ: того и гляди, что стукнутся голова объ голову. Кстати вотъ и моя третья голова. Согнувъ ее, подобно верблюжьему колену, я умоляю васъ: приподнитесь, пожалуйста приподнитесь!

Чарудатта. Въ самомъ дѣлѣ, онъ говоритъ правду: конецъ учтивостямъ!

ВАСАНТАЗЕНА (*про себя*). Будеть съ меня и этого. Приятно для меня и очаровательно такое начало знакомства; но, являсь сюда въ такомъ видѣ и такимъ страннымъ случаемъ, я не могу оставаться здѣсь дольше! — Да! я скажу ему вотъ что. (*Подумавъ, вслухъ*) Достопочтенный! если я могу быть удостоена благосклоннаго вашего вниманія, то вотъ о чемъ я буду просить васъ: позвольте мнѣ оставить въ вашемъ домѣ подѣ сохраненіе эту драгоценность. По причинѣ ея эти негодяи преслѣдуютъ меня. ⁷²

ЧАРУДАТТА. Но весь мой обнищавшій домъ, достопочтенная Васантазена, не стѣитъ того, что вы хотите въ немъ оставить.

ВАСАНТАЗЕНА. Что вы говорите, достопочтенный Чарудатта? Залоги ввѣряются людямъ, а не домамъ!

ЧАРУДАТТА. Другъ Майтрей! прошу принять это украшеніе.

ВАСАНТАЗЕНА. Я вполне очастливлена одолженіемъ вашимъ. (*Отдаетъ украшеніе Майтрею.*)

МАЙТРЕЙ (*взявъ украшеніе*). Дай Богъ много лѣтъ здравствовать нашей милостивой государынѣ!

ЧАРУДАТТА. Съ ума ты сошелъ! вѣдь это только залогъ.

МАЙТРЕЙ (*прячетъ взятую драгоценность*). Залогъ? Ну, такъ пусть овладѣютъ этимъ залогомъ воры!

ЧАРУДАТТА. Не воры, а въ скоромъ времени....

МАЙТРЕЙ. Этотъ залогъ будетъ нашъ!

ЧАРУДАТТА. Этотъ залогъ я возвращу въ цѣлости тому, кому онъ принадлежитъ.

⁷² Явно, что Васантазена хочетъ оставить драгоценность у Чарудатты не изъ опасенія лишиться ея, но желая имѣть предлогъ дальнѣйшихъ отношеній къ своему возлюбленному.

ВАСАНТАЗЕНА. Достопочтенный! мнѣ пора уже домой. Я бы хотѣла, если только возможно, чтобы этотъ господинъ потрудился быть моимъ спутникомъ.

ЧАРУДАТТА. Майтрей! Поди, проводи, мой другъ, милостивую государыню до ея дома!

МАЙТРЕЙ. Вотъ еще что выдумали! Никому кромѣ васъ синахъ не пристало слѣдовать за этою красавицей. Она — юная калжанса, а вы подлѣ нея, красуетесь, какъ раджагансъ ⁷³. А я — вы сами знаете, я — бѣдный брагманъ, я могу погибнуть ни за что, какъ какое-нибудь мясо, пожираемое псами на распутьяхъ.

ЧАРУДАТТА. Хорошо. Я пойду самъ провожать милостивую государыню. Послушайте: зажгите походные фонари, чтобы намъ надежнѣе было идти по царственной (т. е. большой) улицѣ.

ВАРДГАМАНАКЪ (*вслухъ*). Зажгите фонари! какъ будто фонари могутъ горѣть сами собою безъ масла.

МАЙТРЕЙ. Вотъ въ чемъ дѣло, достопочтенный Чарудатта. Съ нашими фонарями сдѣлалось теперь совершенно то же, что дѣлается съ гордыми дѣвами любви, когда у ихъ любовниковъ опустѣютъ карманы: ни одной капельки свѣтоноснаго елѣя. ⁷⁴

⁷³ Равно подѣ словомъ *калжанса*, какъ и *раджаганса*, должно понимать породы прекрасныхъ гусей. Первое изъ этихъ двухъ словъ, по Вильсону, значить *гусакъ* и еще другую особую птицу (*gallinula porphygia*); второе — бѣлый гусь съ красными ногами и носомъ, а также: птица *фламинго* (*Flamingo*).

⁷⁴ Въ подлинникѣ: бо тѣо кгу амганамъ падибѣао аваманиданидгана-кѣмуѣ ви гавѣа ниссинѣгао данин самбутта. Вильсонъ переводить: *to say the truth, sir, our torches are like harlots, they shine not in poor men's houses* (если сказать правду, наши фонари подобны дѣвушкамъ, которыя не блистаютъ, т. е. не показываются въ домахъ бѣдныхъ людей). Трудность перевести точно это мѣсто подлинника состоитъ въ томъ, что въ Санскритскомъ языкѣ слово *снѣга* имѣетъ два значенія: 1) *любви*, 2) *масла*. Отсюда это сближеніе пустыхъ лампъ съ сердцами красавицъ.

Чарудатта. Нечего дѣлать, Майтрей, обойдемся и безъ фонарей! Посмотри, выходитъ мѣсяцъ, свѣтлый, какъ ланита любящей дѣвы, окруженный сонмомъ звездъ, самый лучшій свѣтильникъ для царственного пути *(для большой улицы)*. Тщетно вокругъ него густѣетъ бездонная тьма: серебристые его лучи сыплются во всѣ стороны и проникаютъ ясными каплями свѣжаго небеснаго млека въ это темное море.

Всѣ трое уходятъ.

Чарудатта *(останавливаясь съ примѣтнымъ волненіемъ)*. Милостивая государыня Васантазена! Вотъ вашъ домъ. Теперь вамъ можно безъ всякой опасности войти.

(Васантазена входитъ въ домъ, озираясь съ примѣтнымъ чувствомъ любви къ Чарудаттѣ.)

Чарудатта. Товарищъ! Васантазена уже у себя; теперь и мы пойдемъ домой! Большая улица уже совершенно пуста. Караульные обходятъ городъ, а все-таки надо быть какъ можно осторожнѣе противъ людскихъ ухищреній: много вѣдь грѣховъ зараждаетъ ночь.

(Прохаживается по сценѣ, потомъ обращаясь къ Майтрею). Послушай, другъ! Этотъ золотой ларецъ ты стереги ночью, а днемъ будетъ стеречь его Вардгаманакъ.

Майтрей. Ваша воля будетъ исполнена въ точности!

Расходятся.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ВОДЫ СПА.

ЖЮЛЬ - ЖАНЕНА.

Надо было прожить осьмнадцать мѣсяцевъ въ нашемъ горнилѣ; надо было присутствовать при совершении святотатства и всеможныхъ низостей, въ тѣ позорные дни, когда мы покорствовали призракамъ безъ добродѣтели, безъ таланта и безъ ищени; надо было пройти этимъ страшнымъ путемъ, чтобы понять спокойное, довольное, счастливое состояніе чловѣка, перенесеннаго, какъ будто по магію волшебнаго жезла, изъ ада въ прекрасную долину Спа, между горъ, осѣненныхъ лѣсами, на берега цѣлебныхъ источниковъ, въ пріюты мечты и безмолвія!

Мы въ Брюссель. Взглянемъ на него. Жизнь тутъ легка, городъ гостепріименъ. Въ продолженіе многихъ уже лѣтъ, этотъ городъ не радовался пріѣзжимъ изъ Франціи: это были люди, разоренные банкротствомъ, или потерпѣвшіе крушеніе въ ремеслѣ ростовщиковъ, бездарные писатели, безчестныя женщины и всякое отребіе, скрывавшееся отъ правосудія, или ищущее промысла и счастья на сторонѣ. Жалкіе въ самомъ дѣлѣ гости! и тѣмъ болѣе, что они съ перваго шага принимались за свои продѣлки! — Но Фе-

вральская революція, по крайней мѣрѣ, можетъ гордиться своими выходцами, и повсюду передъ изгнанниками ея рас-творятся двери. Теперь въ Бельгіи представителями Парижа благородныя души, уважаемые умы, политическіе выходцы, а не бродяги исправительной полиціи. Эта новость помирила Бельгію съ Парижемъ.

....Вы подъѣзжаете къ самой подошвѣ горы, и менѣе нежели въ два часа быстрые вагоны поднимаютъ васъ на вершину, отъененную зеленью. Въ концѣ аллеи, между живописныхъ холмовъ, начинается вамъ улыбаться и манить къ себѣ городъ. Войдите: каждый домъ открытъ для васъ, и гостепріимныя двери запираются только зимою, когда хозяева уѣзжаютъ. Если, по несчастію, вамъ нѣтъ мѣста, подождите: вамъ тотчасъ же выстроютъ виллу, — настоящее гнѣздышко, свитое на воздухъ и на солнцѣ. Работа ни по чемъ: долго ли выстроить одинъ изъ этихъ миленькихъ пріютовъ, доказывающихъ на дѣлѣ и Бельгійскую дѣятельность, и Фламандскую опрятность? Только устройтесь — и начинайте вести спокойную жизнь, жизнь вполне Аѳинскую, исключая трибуны. И слава Богу! У васъ есть и ораторъ, только этотъ ораторъ — Г. Массардъ, управляющій многочисленнымъ концертомъ, который оглашаетъ и горы и доли (собственно говоря — ключекъ долины) новѣйшими симфоніями. Вы слышите музыку во всякое время и вездѣ: то на вершинѣ холмовъ, назначенныхъ для прогулки, то въ глубинѣ долины; но чаще всего въ самой серединѣ такъ называемой «семичасовой» аллеи. «Семичасовая» аллея — любимое мѣсто прогулки обитателей празднаго города, и дамы являются туда не иначе, какъ въ самомъ полномъ и самомъ свѣжемъ нарядѣ. Вы увидите тамъ столько бѣлыхъ платьевъ, столько шелковыхъ тканей, столько новыхъ шляпокъ, столько кружевъ, выписанныхъ изъ Малинъ, столько цвѣтовъ, закупленныхъ въ Парижѣ. Даже дѣти разряжены въ пухъ и въ прахъ. Я описываю вамъ эти мелочи, потому что теперь для Парижанина любопытно взглянуть на выставку изящныхъ произведеній: Парижанинъ успѣлъ уже отвыкнуть отъ подобнаго удоволь-

ствія. Хорошо еще, что мужчины не обязаны черезъ-чуръ заниматься своимъ нарядомъ; одѣваются, какъ умѣютъ, въ платья 1847 года, и выставляютъ на показъ мать, жену, сестру или ребенка: и бережливо и мило! Въ сутки знакомятся, какъ нельзя ближе: узнаютъ и фамилію, и обстоятельства, и все касающееся до каждаго путешественника. Никогда бы не пришло мнѣ въ голову, чтобы столько «тайнъ», говоря языкомъ старыхъ гуманныхъ романовъ, могло быть открыто не только въ этой семичасовой аллеѣ, но даже въ Сен-Жерменскомъ предмѣстіи и въ предмѣстіи St. Honoré. Эта ревизія маленькихъ выходовъ и важныхъ происшествій, павшихъ на долю каждой перелетной птички, — колибри или коршуну, орлу или голубкѣ, по своей разнокачественности и своеобразности, оставляетъ далеко за собою иронию, которою нѣкогда была пропитана большая аллея въ Тюльери, гдѣ во время оно всѣ скромные горожане прислушивались съ жадностью къ сплетнямъ, распускаемымъ тогдашними свѣтскими красавицами. Удовольствіе поболтать длится часа два поутру, послѣ завтрака и часа два послѣ обѣда: благовоспитанный посѣтитель водъ такъ же неохотно рѣшится пропустить прогулку въ семичасовой аллеѣ, какъ знатный Флорентинецъ прогулку въ Кассицахъ. Здѣсь всѣ и каждый какъ у себя дома.

Бываетъ также гулянье на минеральныхъ источникахъ, гдѣ еще болѣе средствъ предаваться минутному увлеченію. Главный источникъ называется довольно неблагозвучно: «Пузонъ» какъ всѣ знаменитые источники, онъ исцѣляетъ отъ всѣхъ болѣзней: другаго свойства у него нѣтъ; но и это не дурно. Онъ посвященъ Государю Петру Великому, который во время своего путешествія останавливался въ этомъ дикомъ мѣстѣ для отдыха. Поднимаясь въ гору по извилистымъ тропинкамъ, обрамляющимъ гремучіе ручейки, вы встрѣчаете другой, не менѣе знаменитый источникъ, «Совеньеръ»; его водъ, свѣжей и прозрачной, приписываютъ много чудесъ. Не одна богиня здоровья купается въ его кристалльной струѣ, но и богиня молодости: плѣнительная богиня. Склонитесь надъ этимъ источникомъ, зачерпните вашей бѣ-

ленькой ручкой нѣсколько капель драгоценной жидкости, и едва ваши уста коснутся этого напитка благодѣтельныхъ фей, посмотритесь скорѣе въ спокойную зыбь, и вы увидите, что вамъ только-что стукнуло 20 лѣтъ. Здѣсь холмы и долины наслѣдовали счастливыя преданія, и каждая тропинка выведетъ къ мѣсту, гдѣ нѣкогда разыгралась какая-нибудь драма. Вотъ напр. слѣдъ, оставленный неизвѣстно кѣмъ: если у васъ, мой прекрасная читательница, достанетъ смѣлости ступить на него вашей маленькой ножкой, вы услышите черезъ годъ пріятную новость. Послѣ шумныхъ и кровавыхъ переворотовъ, подобная ребяческая легенда получаетъ въ моихъ глазахъ двойную прелесть.... И въ самомъ дѣлѣ! говорите вы: я вотъ здѣсь, подъ этимъ чуднымъ небомъ, въ этомъ укромномъ затишьѣ, посреди веселыхъ криковъ, сижу подъ тѣнью стараго дуба, на берегу прозрачнаго ручья, который напѣваетъ мнѣ свою игривую пѣсенку; а между тѣмъ, кто знаетъ, можетъ быть, въ это самое время наши представители бѣснуются и расточаютъ тысячи оскорбленій. Можетъ быть, въ это мгновеніе, уличная политика занимаетъ собою столько потерянныхъ умовъ, и журналисты истощаются въ нелѣпныхъ выходахъ; а я мирный гость на вѣчномъ праздникѣ природы, оживленномъ счастливыми созданіями.... Можетъ ли это быть? Могутъ ли въ одно и то же время находиться такъ близко другъ отъ друга столько удовольствій и столько страданій?

Впрочемъ надобно замѣтить, что если очарованіе и новость картины и могутъ бытъ увеличены противоположностями, то все-таки подобная перемена отразилась и на обитателяхъ этого земнаго рая. Нынѣшній посѣтитель водъ измѣнился: это уже не тотъ молчаливый эгоистъ-Англичанинъ, который прежде бродилъ на удачу съ путеводителемъ въ рукахъ и шляпой на головѣ, — нѣтъ: онъ сталъ какъ-то поучтивѣе, пообщительнѣе; сквозь его расчитанное хладнокровіе просвѣчиваетъ тайное удовольствіе, доставляемое свободой и беззаботностію. Нѣкогда лице путешественника Англичанина выражало на каждомъ шагѣ: «я богаче всѣхъ»; теперь онъ

хорошій товарищъ и веселый собесѣдникъ, теперь онъ выучился не выставлять на показъ своего довольства. Онъ проходитъ молчкомъ славу своей націи, не хвалится побѣдами, не говоритъ о Ватерлоо, о Лордѣ Веллингтонѣ, — однимъ словомъ, не хвалится ни чѣмъ и не выказываетъ желанія соперничать. Увы! у Франціи нѣтъ болѣе соперницъ: никто не оспариваетъ у Француза ни перваго мѣста въ каретѣ, ни перваго мѣста за общимъ столомъ; если онъ говоритъ, его слушаютъ, если молчитъ — жалуютъ о немъ, но вообще обходятся какъ съ больнымъ, слабонервнымъ ребенкомъ. Въ присутствіи Французовъ всѣ наперерывъ стараются скрыть свой титула, свое благосостояніе. — Передъ знаменитой нашей революціей, сколько разъ случалось мнѣ встрѣчать непреклонныхъ противниковъ Франціи! — «Куда вамъ, Французамъ, въ мыслители,» говорилъ Нѣмецъ. — «Да вы всѣ нищіе» — вторилъ Американецъ. — «Десять тысячъ Бельгійцевъ всегда управятся съ тридцатью тысячами Французовъ,» восклицала Брюссельскіе цезари. — А мы-то приходили въ ярость!... Я думаю, что точно такъ же Принцъ Черный, вечеромъ послѣ Азенкурской битвы, при-служивалъ съ салфеткой своему пльнику, Королю Іоанну.

Послѣ ванны, — а ванна великое наслажденіе, празднество Римское, празднество Греческое, торжество льва, торжество того времени года, когда золотистыя гроздія винограда склоняются надъ Тибурскимъ источникомъ, — послѣ ванны величайшее удовольствіе для насъ, писателей, зарыться по горло въ новыя книги. Наконецъ-то и у меня будутъ свои потышники, свои Трибулѣ, своя Шехеразада, свои Феи и свои гении. Наконецъ-то я узнаю — что значитъ имѣть много свободнаго времени и на придачу сколько угодно вымысловъ! Ну, невольники! забавляйте вашего повелителя, повергайте къ его стопамъ цвѣты и вѣнки, повергайте ваши неогцѣненные сокровища, и, можетъ быть, онъ останется доволенъ вами и подаритъ васъ благосклонной улыбкой! И въ самомъ дѣлѣ! Читатель — неограниченный властелинъ книги, которую держитъ въ рукахъ; величайшіе поэты міра — его паразиты и лъстецы

Конечно, никто больше меня не возставалъ на перепечатываніе нашихъ книгъ въ Бельгіи, хотя мнѣ до этого было меньше дѣла, чѣмъ другимъ. Громче всѣхъ возвышалъ я голосъ противъ этого береговаго права, которое одно и ущѣляло въ законахъ международныхъ. Перепечатываніе — это просто варварство: оно лишаетъ честнаго труженника его священной и неотъемлемой собственности, и тяготѣетъ большею частію надъ людьми небогатыми, которыхъ малѣйшій политическій переворотъ неминуемо ставитъ въ ряды нищихъ. Перепечатываніе — это стыдъ, это срамъ, живой укоръ Польской революціи, которая могла и не хотѣла пресѣчь это зло; но надобно сознаться, что при видѣ своихъ сочиненій, перепечатанныхъ, поневоля поступишь съ ними какъ собака съ объдомъ своего барина, привязаннымъ къ ея ошейнику: прїѣдешь въ Спа, и купишь ни за грошъ лучшіе плоды современной фантазіи.

Набивъ этими запрещенными плодами все карманы, прячешься съ ними за уголъ, какъ ребенокъ, которому удалось обобрать сосѣдскій огородъ. Какая куча книгъ! И шляпа, и карманы мои полны: я глжу на эти книги и роюсь въ нихъ съ жадностью игрока, считающаго втихомолку груды выиграннаго золота. Много книгъ, но съ которой начать? Смутно припоминаешь похвалы, брань, выписки, слухи и отзывы, встрѣтившіе прошлогоднее сочиненіе, и хочется дознаться — справедливъ ли приговоръ Французскихъ избалованныхъ читателей? Берегись, романистъ! Если ты споткнешься, я брошу на вѣтеръ твои безполезныя бредни, и за ту же цѣну тотчасъ найду другую. Берегись! Я здѣсь султанъ въ своемъ сералѣ, я пьяница въ винномъ погребѣ, и не боюсь, чтобы моя разборчивость оставила меня ни при чемъ. Не даромъ говорятъ, что въ Брюсселѣ найдется не одна книжная лавка, которой ничего не значитъ нагрузить нашими книгами десять тысячъ возовъ! Но что за умный народъ эти Французы: сумѣли же придумать сюжеты для столькихъ книгъ! И повѣрьте, когда нашъ вѣкъ уляжется въ могилу, и новое поколѣніе, не озабоченное, къ стыду нашему, волнуемыми насъ пе-

револютами, отдасть себя отчетъ въ трудъ своихъ предшественниковъ, много стануть дивиться наши дѣти, если даже предположить въ нихъ наследственную неблагодарность, много стануть дивиться они дѣятельности, дарованію и немовѣрному труженичеству нашихъ поэтовъ, романистовъ и художниковъ, этихъ несчастныхъ каторжниковъ искусства и литературы!

Въ одной изъ этихъ книгъ, подвергшихся всевозможнымъ перепечатываніямъ и тревоженіямъ, я прочелъ наконецъ — «кесарево—кесареви!»—первые томы «Шатобріановыхъ Записокъ.» Не хотѣлось бы мнѣ предупреждать критику, когда дѣло идетъ о такомъ важномъ памятникѣ литературы; но я не могу не изъявить восторга, съ которымъ я читалъ эти безсмертныя страницы, увы! не осилившія впечатлѣнія, производимаго современной грустной политикой. Правду сказали, что голосъ Шатобріана былъ заглушенъ грозою.... Но здѣсь, на горѣ, въ-за которой поднимается утреннее солнце, при очарованіи раскинувшейся у моихъ ногъ картины, я весь отдался обаянію поэта. И въ самомъ дѣлѣ, жизнеописаніе Шатобріана цѣлая поэма, и по моему, онъ нигдѣ не являлся, такимъ художникомъ, какъ здѣсь. Душа и умъ, иронія и доброта, негодованіе и мужество — тутъ все есть. Порою встрѣчается и призракъ любви, и не одно видѣніе проносится передъ вами, легкое, полуобнаженное, съ волосами развѣвающимися по вѣтру.

О, если бы этотъ великій писатель могъ подумать, что послѣдній отблескъ его души послужитъ минутною забавой озабоченнымъ читателямъ, едва удостоивающимъ взглядомъ нижніе столбцы журнала; если бы онъ могъ предположить, что его жизнь и дарованіе подвергнутся забвенію, наравнѣ съ обыденными явленіями, онъ содрогнулся бы отъ ужаса и скорби! Тяжкая кара для покойника, и для какого покойника! рассказывать безчувственнымъ людямъ про свои усилія, свои страсти, свои страданія и свое торжество, и помѣщать свой рассказъ наряду съ пошлыми театральными исторійками! «Духъ христіанства» между разборами какой-

нибудь драмы и какого-нибудь водевиля! Къ счастью, книга переживаетъ журналъ и вскорѣ возвратитъ безсмертному творенію почетное мѣсто, заслуженное имъ въ нашихъ воспоминаніяхъ.

Моя душа еще полна этой мелодіи, звучной, какъ шумныя волны; мой взоръ еще не можетъ оторваться отъ этихъ картинъ, набросанныхъ съ такимъ искусствомъ, что непривычный глазъ не вдругъ распознаетъ въ нихъ произведеніе великаго художника; въ моемъ сердцѣ еще дрожать отъвѣтныя струны, затронутыя страстями юности и негодованіемъ великана, который громитъ гнѣвнымъ словомъ преступленія и ужасы «терроризма.» «Мой другъ, въ Іюньскіе досуги я перечелъ книги великаго поэта, жившаго пятьсотъ лѣтъ тому, и встрѣтилъ на безсмертныхъ страницахъ поученія высочайшей человѣческой мудрости. Какъ плѣнительно и мощно выставляетъ онъ гнусность порока и прелесть добродѣтели! Подражай мнѣ, перечитывай каждый годъ эти главы, отъ которыхъ вѣетъ безсмертіемъ и геніемъ. Гдѣ найдешь ты болѣе вѣрную картину безразсудныхъ страстей?»

Вы узнаете эту выписку? Это переводъ посланія Горациа къ Доллію; Гораций перечитывалъ поэмы Гомера. Я надѣюсь, что потомство почтитъ такимъ же отзывомъ и произведеніе Шатобріана. Его «Записки»—не Илліада и не Одиссея; но въ нихъ одна и та же драма, одинъ и тѣ же основы. И здѣсь идетъ дѣло о жаркой борьбѣ образованности съ невежествомъ. Шатобріанъ караетъ ихъ тѣмъ же гнѣвомъ и презрѣніемъ, какъ и Гомеръ своихъ мятежниковъ, своихъ непокойныхъ, своихъ нарушителей священнаго гостепріимства, своихъ Терситовъ.

Вы видите, что и перепечатываніе доставляетъ иногда пріятныя минуты, и что, при маленькой охотѣ, очень не трудно сдѣлаться адвокатомъ этого проиграннаго дѣла. Но вотъ вамъ новость: Бельгія почти готова, отказаться отъ перепечатыванія! Да-съ! Бельгія прочла самой себѣ нравоученіе и доказала, что, какъ бы то ни было, неприлично

такъ жестоко обирать писателей сосѣдняго народа, что выгода все-таки меньше, чѣмъ проступокъ, что если ей непременно нужны для потребленія романы, повѣсти, драмы и поэмы, она можетъ производить ихъ сама, какъ сукна и рельсы, словомъ: наша тысяча причинъ — оставить ваши книги въ покоѣ. Въ настоящее время изготовляется проектъ новаго закона. Вотъ, какъ Бельгійскимъ палатамъ будетъ время, какъ Гг. сенаторы возвратятся изъ деревень, а Гг. представители (счастливые люди эти Гг. представители) покончатъ съ покосами, вотъ тогда и посмотрятъ — какъ бы это прекратить перепечатываніе. «Вы можете быть увѣрены, что это будетъ непременно,» говорилъ мнѣ одинъ молодой Бельгіецъ. «Я членъ комиссіи, которая ходатайствуетъ объ изданіи новаго закона.» — И охотно? спросилъ я его. «Охотно», отвѣчалъ онъ.

Оставшись одинъ (разговоръ происходилъ въ длинной аллеѣ «Марто», по которой прогуливаются въ каретахъ съ гербами красавицы, напуганныя Раштадтскими выстрѣлами), оставшись одинъ, я почувствовалъ какую-то необъяснимую неловкость.... Конечно, прекращеніе перепечатыванія — отрадная новость для бѣдной литературы здѣшней страны, но эта отрадная новость имѣетъ свою дурную сторону. Какъ! говорилъ я самому себѣ, неужели Французская литература дошла до того, что Бельгія чистосердечно отказывается отъ перепечатыванія нашихъ книгъ? О, друзья мои, друзья мои, писатели, романисты и поэты! Литература наша больна безъ надежды: Бельгія отъ нея отказывается! Бельгія отказывается отъ нашего ума, отъ нашей науки, нашего искусства; они ей не нужны, она ихъ намъ дарить назадъ. Грустный фактъ: мы не стѣимъ, чтобы насъ перепечатывали. Не думайте, что я шучу: совсѣмъ нѣтъ! Конечно, прекращеніе перепечатыванія — выигрышь въ будущемъ, но настоящая литература не выигрываетъ ничего, а прошедшая — вся въ рукахъ нашей обязательной сосѣдки. И въ этомъ случаѣ великодушіе обошлось Бельгіи даромъ. Вы отказываетесь отъ нашихъ книгъ, безкорыстные люди, въ то время, когда наша литература не даетъ ничего, кромѣ

объявленій о выборахъ и политическихъ брошюръ, этого невиннаго произведенія типографій. Вы отказываетесь отъ нашихъ драмъ, въ то время, когда мы еле-еле можемъ справиться съ трагедіями! О, какъ вы стали обязательны, для Французской литературы, Гг. Бельгійцы! И давно пора: лѣтъ двадцать! Если бы перепечатываніе было прекращено лѣтъ двадцать тому назадъ, когда нашъ умъ и воображеніе были въ полномъ цвѣту, и когда очарованная Европа вполне предавалась обалнію столькихъ чудныхъ книгъ, подсказанныхъ энергіей, юностью и силою,—о! тогда можно бы было отдать полную справедливость умѣстности новаго закона.

Такъ-то проходитъ здѣсь время: читаешь, мечтаешь, вспоминаешь, прислушиваешься — не грозитъ ли доносящійся изъ Франціи гулъ смутить твой сонъ. Приближается ночь, а съ ней и неудобство жизни на водахъ: нужно сидѣть дома, если не хочешь отправляться на праздникъ, которыми каждый вечеръ угощаютъ посѣтителей игра, великолѣпная, какъ сами игроки, которые выиграла все и которымъ нѣчего проигрывать. Порой васъ манитъ къ себѣ какой-нибудь знаменитый скиталець-пѣвецъ или пѣвица-путешественница, порой комическая опера (*opéra comique*), или водевиль, пріотившіеся въ одной изъ красивыхъ залъ, порою балъ за-просто и наконецъ большой балъ. Каждый вечеръ сверху до низу освѣщаются огромныя залы «Редута».... Время — ненастное, снѣжное—пойдемте въ Редутъ. Вы уже знаете, съ какимъ пріятнымъ изумленіемъ встрѣчаешь на краю пропасти, въ лѣсной чащѣ, подъ брызгами потоковъ, этотъ освѣщенный дворець, эти своды, украшенные живописью.... Тутъ, подъ этими сводами, съ благоуханіемъ померанцевыхъ цвѣтовъ, съ жгучими звуками оркестра, съ шелестомъ платьевъ танцовщицъ, сливается звонъ золота, перекидываемаго безтрепетными руками, давно привыкшими къ оборотамъ колеса слѣпой фортуны. Не бойтесь: я не буду вамъ читать нравоученій по случаю рулетки. Если вы не играете, можете заняться разговорами. Разговоръ, завязавшійся на берегу источника, продолжается на балъ. Пе-

редь ваши мелькаютъ въ вихрь вальса хорошенькія дѣвушки, за которыми слѣдятъ бдительные взоры матерей, потому что здѣсь таковъ ужъ обычай: на балы допускаются одні порядочныя женщины. Не одна красавица, пріѣзжающая изъ Парижа и Лондона со всеми вычурами новѣйшей моды, испытала учтивый отказъ. Вы можете быть хороши и блистательны, можете сожигать вашими взглядами, можете танцовать, какъ Тальони, но извините: вы не войдете въ эту залу. Не мы отсылаемъ васъ къ вашимъ побѣдамъ, но наши сельскія приличія, но законъ, установленный послѣднимъ епископомъ-кардиналомъ Ліэжа, который впрочемъ поставилъ въ залы «Редута» статую Венеры и Грацій, Психен и Амура. Что дѣлать? Красавицъ остается надуть губки и выгнать изъ этой несносной деревни. Въ прежніе годы она могла бы утѣшиться повздкой въ Бадень, Ахень или на Луккскія воды; но куда повдеть она въ настоящее время? Вотъ важный вопросъ!

Бельгія очень привязана къ своимъ законнымъ повелителямъ. Каждый день Король и Королева приглашаются однимъ изъ ихъ вѣрныхъ городовъ, и всѣ стараются превзойти другъ друга въ великолѣпіи и торжественности приема царственныхъ гостей. При моемъ прибытіи въ Бельгію, кончились торжества въ Ліэжъ, продолжавшіяся пятнадцать дней; въ Малинахъ они продолжались дней осемь. Гандъ объявилъ, что его празднества продлятся цѣлый мѣсяць. Цѣлый мѣсяць — это невѣроятно, а между тѣмъ — истинно. Я видѣлъ собственными глазами — съ какимъ восторгомъ чувствуетъ этотъ народъ своихъ великихъ людей, людей временъ минувшихъ: Королей, Королевъ, Императоровъ, отцовъ церкви, двигателей науки, живописцевъ, ваятелей, поэтовъ, словомъ — всѣ средніе въка съ ихъ вѣрованіями и науками, воскресенные для зрителей, которые приветствуютъ ихъ радостными рукоплесканіями, при колокольномъ звонѣ, при громѣ пушекъ и звукѣ трубъ. Это можетъ назваться чудомъ, истиннымъ чудомъ, произведеннымъ порядкомъ, миролюбіемъ, трудомъ и добрыми наклонностями этого народа, который гордится

своей благодарностью къ прошедшему и своимъ надеждами на будущее. При подобномъ празднествѣ въ Малинахъ, сердца очевидцевъ прониклись чувствомъ глубокаго уваженія къ народу, который умѣлъ не увлечься заразительнымъ примѣромъ своихъ сосѣдей, и чувствомъ состраданія къ намъ, Французамъ, которые, по приказанію самыхъ грубыхъ и неважественныхъ людей, стерли съ народныхъ памятниковъ имена нашихъ великихъ повелителей и нашихъ маститыхъ художниковъ. И развѣ это не правда? Развѣ мы не свергли съ подножія статую Герцога Орлеанскаго? Развѣ Дижонъ осмѣлился освятить изваяніе «*иезуита*» Св. Бернарда! Развѣ Шинонь не стеръ съ одной изъ своихъ набережныхъ имени «*иезуита*» Рабелё? А въ это время Брюссель воздвигалъ памятникъ Готфриду Бульонскому, и застраивалъ кварталъ Леопольда, вокругъ ново-освященной церкви, цѣлымъ рядомъ дворцовъ.

Скоро протекли эти счастливые 18 дней, дни торжественной тишины и спокойствія. Надобно проститься и надолго проститься съ этимъ новымъ міромъ, средоточіемъ порядка, покоя и невинныхъ увеселеній.

За нѣсколько часовъ до моего отъезда, я увидѣлъ о прибытіи въ Спа приближенцевъ Герцогини Орлеанской. Друзья несчастной Герцогини были еще взволнованы послѣднимъ свиданіемъ съ нею, въ минуту ея отъезда въ Англию. Благородная женщина, образецъ скромности въ благополучіи, образецъ мужества и долготерпѣнія въ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ! Отправляясь никогда къ Королю безъ престола, къ Королеви безъ вѣнца, Герцогиня Орлеанская направлялась къ берегу, ведя за руки двухъ своихъ сыновей, и все преклонилось передъ нею. Она врончалась съ своими друзьями также спокойно и величаво, какъ на лѣтвицѣ Фонтенебло. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Герцогиня говоритъ: «Франція можетъ не уважать насъ, но мы никогда не перестанемъ ее любить.»

Разговоры о Герцогинь были любимѣйшими нашими разговорами. Нужно сойтись соотечественникамъ далеко отъ родины и подъ гнетомъ недавняго ужаса, чтобы вполне цѣнить всю прелесть этихъ разговоровъ,

Люди нашего поколѣнія, юноши 1830 года, были свидетелями столькохъ проноществій; такъ хорошо знаютъ — на какихъ нитяхъ держатся современные знаменитости, что вѣроятно каждый изъ насъ, возвращаясь послѣ непродолжительнаго отсутствія въ Парижъ, содрогается, завидѣвъ издали этотъ неумолчный Везувій, «Что-то случилось тамъ сегодня? Кто былъ вчерашнимъ повелителемъ? Какой роковой законъ приговоритъ меня къ жизни или смерти?» Вотъ вопросы, представляющіеся сами собою каждому, кто удалялся на какія-нибудь сто миль отъ шумнаго города; столь опаснаго для дѣйствующихъ лицъ и столь скучнаго для простыхъ зрителей.

Однако приближеніе къ Франціи начинаетъ навѣвать на меня черныя думы, а здѣсь, въ этой мирной долинь, я былъ самымъ счастливымъ человекомъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КОЛЫБЕЛЬ И МОГИЛА.

Младенца колыбель, подъ зыбкимъ покрываломъ,
Качается легко родимю рукою,
И на чель его свѣтлѣется начало
Прекрасныхъ сновъ и думъ негаснущей звѣздой!....

Могилу, съ лаской, дѣръ пушистый покрываетъ
И кипарисъ склонилъ надъ нею сѣнь вѣтвей;
И бѣлыхъ розъ кусты, гдѣ такъ пчела играетъ,
И слѣзы, и мольбы, и птичекъ хоръ — надъ *ней*....

И равнодушію вѣшать *онѣ* мечтанья
Права любви и думъ объиговъ должно дать;
Въ нихъ сладкій сонъ, и миръ, и свѣтлость упованья:
Надъ *тою* — крестъ, надъ *этой* — мать!....

О будущей зарѣ двойная вѣсть дается
Отъ *той* — рожденному, отъ *той* — для мертвеца:
Изъ колыбели въ миръ младенецъ поведется,
Могилы — праведныхъ возводитъ до вѣнца!....

Пер. съ Фран. Авдотья Глинка.

С. Кузнецово.
25 Августа 1849.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ЛЕКЦІИ П. М. ПРЕОБРАЖЕНСКАГО.

III.

О СОЛЯХЪ , КАКЪ СОСТАВНЫХЪ НАЧАЛАХЪ ПОЧВЪ.

Вліяніе солей на прозябаніе растеній; соли доставляютъ растеніямъ неорганическія соляныя основанія. Соляныя основанія внутри растеній соединяются съ органическими кислотами и съ индифферентными веществами; соли доставляютъ растеніямъ: сѣру, фосфоръ, азотъ. — Соли сѣрной кислоты: гипсъ; его составъ и вліяніе на прозябаніе растеній. Мнѣніе Деви, Либига, Шюблера и другихъ объ этомъ предметѣ. Сѣрно-кислая магнезія; сѣрно-кислая сода; сѣрно-кислый глиноземъ; сѣрно-кислый поташъ. — Соли фосфорной кислоты: фосфорно-кислая известь; фосфорно-кислая магнезія; фосфорно-кислый глиноземъ; фосфорно-кислая закись и окись желѣза. — Селитро-кислыя соли: селитро-кислая известь; селитро-кислый поташъ. — Угле-кислыя соли: угле-кислый поташъ; угле-кислая сода; угле-кислая закись желѣза; угле-кислый амміакъ. — Хлористыя соединенія: хлористая известь; хлористая магнезія; поваренная соль. — Желѣзные колчеданы и желѣзные купоросы.

Кромѣ чернозема и его различныхъ видоизмѣненій, мы встрѣчаемъ въ почвахъ различныя неорганическія соли; онѣ

болѣе или менѣе растворимы въ водѣ; слѣдовательно и могутъ играть очень важную роль въ процессъ растительнаго питанія. Такъ какъ эти вещества попадаютъ въ почвы то въ бѣльшемъ, то въ мѣньшемъ количествѣ, а иногда даже въ совершенно незначительномъ, то многіе изъ агрономовъ и сельско-хозяйственныхъ химиковъ называютъ ихъ *веществами почвъ случайными, непостоянными.*

Соли или такъ называемыя вещества случайныя образуются въ почвахъ чрезъ выветриваніе тѣхъ же самыхъ горныхъ породъ неорганическаго происхожденія, изъ которыхъ образовалась и самая почва; большая часть изъ нихъ можетъ распускаться только въ дождевой водѣ. Хотя дождевая и обыкновенная рѣчная вода содержитъ въ себѣ соли, но не въ такомъ значительномъ количествѣ, какъ вода, которая просачивается сквозь рыхлыя слои земной поверхности, именно колодезная и ключевая. *Плиній*, одинъ изъ знаменитыхъ древнихъ естествоиспытателей, объ этомъ предметѣ говоритъ такъ: *Tales sunt aquae, qualis terra, per quam fluunt.* А это значить: воды всегда бываютъ такого же свойства, какого и материкъ, по которому онѣ протекають.

Спрашивается: какое имѣютъ назначеніе соли или вещества случайныя, входящія въ составъ почвъ? Въ послѣднее время Химія много занималась рѣшеніемъ этого вопроса, и ея изслѣдованія пролили много свѣта на этотъ довольно запутанный и темный предметъ; и мы теперь знаемъ, что назначеніе солей, находящихся въ почвѣ, довольно разнообразно; а именно:

1) Зола, получаемая послѣ сжиганія дико-прозябающихъ и сельско-хозяйственныхъ растений, содержитъ въ себѣ бѣльшее или мѣньшее количество неорганическихъ соляныхъ основаній: поташъ, соду, известь, магнезію, амміакъ и т. д. Главный источникъ, изъ котораго растенія берутъ неорганическія соляныя основанія, находимыя въ ихъ золь послѣ сжиганія, конечно есть почва; организмъ растеній не можетъ ихъ воспроизводить въ самомъ себѣ. И дѣйствительно, живое растеніе, — какъ показываютъ самыя

точные опыты *Вигмана* и *Польстрофа*, — получает неорганическія соляныя основанія изъ почвы чрезъ разложе- ніе то угле-кислыхъ, то сѣрно-кислыхъ, то фосфорно-кис- лыхъ, то селитро-кислыхъ солей, то хлористыхъ соедине- ній, въ ней находящихся. *Польстрофъ* и *Вигманъ* сѣяли сѣ- мена *Lepidii sativi* въ платиновомъ тиглѣ, который былъ набитъ мелкимъ порошкомъ, приготовленнымъ изъ плати- новой проволоки; они, защищая посѣянные сѣмена отъ осажденія на нихъ атмосферной пыли, поливали ихъ чи- стою перегнанною водою; и по окончаніи опыта, изъ раз- вившагося растенія получили при пережиганіи столько же золы, сколько содержали въ себѣ его сѣмена. Такъ какъ здѣсь къ развивающемуся растенію совершенно былъ вос- пещень доступъ неорганическихъ веществъ извнѣ; то и количество ихъ во время развитія, естественно, не могло увеличиться ни на самома́лѣйшую часть, противъ количе- ства неорганическихъ веществъ, предобразованныхъ въ са- момъ зернѣ, и въ немъ заключающихся. Но результатъ опыта былъ совершенно иной, когда *Польстрофъ* и *Вигманъ* сѣяли сѣмена тѣхъ же самыхъ растений въ песокъ, промы- томъ царскою водкою. Они получили при этомъ количество золы вдвое бѣльшее. При химическомъ анализѣ кварцовый песокъ, — не смотря на то, что онъ былъ промытъ цар- скою водкою, — содержалъ въ себѣ $3,1 \frac{0}{100}$ поташа, извести, магнезіи, глинозема и желѣзной окиси. Спустя мѣсяць, тотъ же кварцовый песокъ, при промывкѣ его водою, которая была насыщена угольною кислотою, далъ снова кремневую кислоту, поташъ, извѣсть и магнезію. Этотъ опытъ показы- ваетъ, что сухой песокъ, изъ котораго простою водою не- лзя отдѣлать ни одной составной части, можетъ, въ слѣдствіе вывѣтриванія, особенно если оно совершается подъ влияні- емъ угле-кислоты, давать изъ себя растворимыя соединенія.

Кромѣ того, *Польстрофъ* и *Вигманъ* сѣяли сѣмена *viciae sativae* (горошка), *hordei vulgaris* (обыкновеннаго ячменя), *polygони fagopyri* (гречи), *nicotianaе tabacum* (табаку), *tri- folii pratensis* (клеверу краснаго), въ почвѣ искусственно-при- готовленной, для составленія которой было взято:

Песку.....	861,26 частей.
Сѣрно-кислаго поташа.....	0,54
Хлористаго натрія.....	0,13
Безводнаго гипса.....	1,25
Промытаго мѣла.....	10,00
Угле-кислой магнезіи.....	5,00
Окиси марганца.....	2,50
Окиси желѣза.....	10,00
Глинозема (осажденнаго изъ квасцовъ).	15,00
Фосфорно-кислой извести.....	15,60
Гумино-кислаго поташа.....	3,41
— — — — натра.....	2,21
— — — — амміяка.....	10,29
— — — — извести.....	3,07
— — — — магнезіи.....	1,97
— — — — глинозема.....	4,64
— — — — окиси желѣза.....	3,32
Нерастворимаго ульмина.....	50,00
<hr/>	
Всего 1000,00	

Результатъ этого опыта былъ таковъ, что всѣ вышеисчисленныя растенія въ этой искусственно-приготовленной почвѣ развились хорошо, принесли плоды и при сжиганіи дали золы въ 5 разъ больше противъ того количества, которое заключалось въ ихъ сѣменахъ; не смотря на то, что ихъ поливали перегнанною водою и защищали, какъ и въ предъидущемъ опытѣ, отъ осажденія на нихъ пыли изъ атмосферы. Опыты Вигмана и Польстрофа положительно доказываютъ, что неорганическія вещества и въ особенности соляныя основанія приходятъ въ растеніе извнѣ, и количество ихъ во время развитія растеній значительно увеличивается противъ количества неорганическихъ веществъ, находящихся въ сѣменахъ.

2) Неорганическія соляныя основанія, которыя доставляются растеніямъ неорганическими солями, находящимися въ почвѣ, поступая въ живой организмъ, не остаются сво-

бодными, а по большей части вступаютъ въ химическое соединеніе или съ *индифферентными растительными веществами* или съ *органическими кислотами*, которыя воспроизводитъ жизненная сила въ растеніяхъ. Такъ напр. известь постоянно соединяется въ растеніяхъ съ камедью и растительною слизью, поташъ съ щавелевою и винно-каменною кислотою въ видъ щавелево-кислаго и винно-каменно-кислаго поташа. Только одна дубильная кислота и немногія другія попадаютъ въ растеніяхъ совершенно свободными; и со всею вѣроятностію можно предполагать, что дубильная кислота образуется въ растеніяхъ только тогда, когда онѣ прозябаютъ на почвахъ, въ которыхъ мало или совершенно нѣтъ соляныхъ основаній. Нѣкоторыя между соляными неорганическими основаніями, которыя мы находимъ соединенными съ органическими кислотами въ растеніяхъ, такъ сродны между собою въ химическомъ отношеніи, что онѣ совершенно или только отчасти могутъ заступать мѣсто одно другаго. Такъ поташъ можетъ быть замѣняемъ содою, амміакомъ, и наоборотъ; известь можетъ быть замѣнена магнезією, и наоборотъ. — Мы знаемъ нѣкоторыя растенія, которыя, прозябая на почвахъ совершенно различныхъ по своему химическому составу, принимаютъ въ себя изъ почвы одно соляное основаніе вмѣсто другаго. Но этотъ законъ имѣетъ свои границы и не можетъ быть примѣненъ ко всемъ растеніямъ. Такъ приморскія растенія, для совершеннаго развитія которыхъ необходимо большое присутствіе соды въ почвѣ, умираютъ, когда ихъ пересаживаютъ на почвы, содержащія въ себѣ много поташу и недостаточное количество соды. Хотя съ помощію сельско-хозяйственной обработки иногда и можно бываетъ принудить растеніе вбирать въ себя изъ почвы совершенно иныя соляныя основанія, несродныя его природѣ; но тогда уже первобытный химическій характеръ его не можетъ остаться безъ перемѣны. Сѣмена Гаванскаго табаку, вырощенныя на островѣ Явъ, даютъ въ первый годъ табакъ сходный съ Гаванскимъ; но сѣмена Гаванскаго табаку, собранныя отъ перваго урожая въ Явъ, даютъ уже табакъ отличный отъ Гаванскаго;

а по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, Гаванскій табакъ совершенно перерождается въ Явскій. Главную причину такого перерожденія табаку, конечно, мы должны отыскивать въ томъ, что неорганическія соляныя основанія, которыя содержатъ въ себѣ почва Явы и Гаванны, не сходны между собою. Въ этомъ же самомъ, какъ мнѣ кажется, заключается также и причина, почему растенія, принадлежащія по дѣленію естественныхъ испытателей къ одному и тому же виду, но прозябающія на различныхъ почвахъ относительно химическаго своего состава, имѣютъ различныя фармакологическія свойства, различную питательность, различный вкусъ, цвѣтъ, запахъ и т. д. Конечно, все это также много зависитъ, кромѣ почвы, и отъ другихъ дѣятелей природы, и въ особенности отъ бѣльшей или мѣньшей напряженности свѣта, съ которою онъ падаетъ на растенія.

3) Вещества случайныя, или неорганическія соли, которыя мы находимъ въ почвахъ при помощи химическаго анализа, доставляютъ растеніямъ кромѣ соляныхъ основаній еще и другія начала, необходимыя для ихъ полнаго и совершеннаго развитія, именно: *сѣру*, *фосфоръ*, *азотъ*. Химическій анализъ открываетъ намъ, что *растительный клей* и *растительный бѣлокъ*, которые находятся почти въ каждомъ растеніи, содержатъ въ себѣ сѣру. Сѣра въ растеніяхъ можетъ образоваться чрезъ разложеніе одной только сѣрной кислоты или купороснаго масла. Но сѣрной кислоты въ чистомъ, свободномъ состояніи мы не находимъ въ почвахъ, а всегда соединенною съ соляными основаніями въ видѣ сѣрно-кислыхъ солей. Слѣдовательно сѣру могутъ растенія получать изъ почвы только чрезъ разложеніе сѣрно-кислыхъ солей. При этомъ процессъ разложенія соляныхъ основаній сѣрно-кислыхъ солей, дѣлалась свободными, входятъ въ химическое соединеніе съ органическими кислотами. И такъ какъ растительный бѣлокъ и растительный клей, по преимуществу, содержатъ въ себѣ сѣру и входятъ въ составъ каждаго растенія, то мы и имѣемъ полное право заключать, что *процессъ*, въ слѣдствіе котораго разлагаются различнаго рода

сѣрно-кислыя соли, *общи если не въсьмь растеніямъ, то большей части изъ нихъ.* — Что дѣлается съ сѣрно-кислыми солями внутри живаго организма растеній, то же самое происходитъ и съ солями фосфорно-кислыми, селитро-кислыми и кремнево-кислыми.

Въ какомъ же видѣ входятъ неорганическія соли въ растительный организмъ? Мы знаемъ, что большая часть неорганическихъ солей, встрѣчающихся въ почвѣ, растворяются частію въ простой, и частію въ углекислой водѣ; дождевая вода, которая, какъ мы видѣли выше, содержитъ въ себѣ много угольной кислоты, всего болѣе содѣйствуетъ растворенію ихъ. Слѣдовательно эти соли, всасываясь непосредственно корневыми мочками растеній, поступаютъ внутрь растительнаго организма въ томъ самомъ видѣ, какими встрѣчаются въ почвахъ, т. е. неразложенными; и тамъ уже подѣ управленіемъ жизненной силы, въ слѣдствіе химическихъ процессовъ, или разлагаются на свои составныя начала, или, вступая въ соединеніе съ органическими веществами, образуютъ новыя соединенія.

Все сказанное доселѣ ведетъ къ тому заключенію, что неорганическія соли и всѣ другія неорганическія вещества, находящіяся въ почвѣ, необходимы для полнаго и совершеннаго развитія растеній. И дѣйствительно, растеніе начинаетъ чахнуть, когда въ почвѣ недостаетъ нужныхъ для его существованія, какихъ-либо неорганическихъ солей. Тогда растительный организмъ, въ слѣдствіе своего болѣзненнаго состоянія, не можетъ воспроизводить тѣхъ растительныхъ веществъ, какія онъ производитъ въ своемъ нормально-здоровомъ состояніи. Напротивъ, чѣмъ больше — но до извѣстныхъ только границъ — поступаетъ въ растеніе неорганическихъ соляныхъ основаній, тѣмъ лучше оно развивается, тѣмъ болѣе количество оно воспроизводитъ органическихъ соединеній свойственныхъ его роду (*species*), напр. кислотъ, и отлагаетъ ихъ въ различныхъ частяхъ своихъ. — Но отсюда еще не слѣдуетъ заключать, что нѣкоторыя вещества, которыхъ организмъ не можетъ воспроиз-

водить во время своей болезненности, имѣютъ непосредственную нужду для своего образованія въ соляныхъ основаніяхъ. Такъ напр. крахмалъ почти совершенно не содержитъ въ себѣ неорганическихъ началъ; онъ можетъ образоваться въ растеніяхъ и безъ ихъ прямаго содѣйствія; но жидкости клѣтчатки, которыхъ главное назначеніе — превращать въ крахмалъ дextrинъ, находящійся въ питательныхъ сокахъ растеній, не могутъ образоваться безъ содѣйствія неорганическихъ соляныхъ основаній; онъ теряютъ свое назначеніе, когда не бываетъ достаточнаго количества необходимыхъ для нихъ соляныхъ основаній. Слѣдовательно, тогда будетъ воспрящено образованіе крахмала, хотя для него собственно и не нужны соляныя основанія. То же самое должно сказать и о растительныхъ кислотахъ. Весьма ошибочно нѣкоторые предполагаютъ, что растеніе, которое требуетъ для своего существованія опредѣленное количество поташа, потому только не производитъ внутри своего организма ни щавелево-кислаго, ни винно-каменно-кислаго поташа, что для этихъ кислотъ недостаетъ соляныхъ основаній, съ которыми бы онъ могли соединяться химически. Конечно, какъ мы замѣтили выше, при недостаткѣ поташа растеніе заболѣетъ, его составныя начала будутъ слагаться иначе, нежели въ нормальномъ состояніи, и при недостаткѣ поташа, по причинѣ болезненности, не будетъ образовываться въ немъ ни щавелевой, ни винно-каменной кислоты. Но съ другой стороны, мы знаемъ изъ простыхъ наблюденій, что незрѣлые и кислые плоды содержатъ въ себѣ болѣе или мѣнѣе количество свободныхъ кислотъ; а это ясно намъ доказываетъ, что: 1) кислоты могутъ образоваться въ растеніяхъ прежде, нежели онъ вберутъ въ себя опредѣленное количество соляныхъ основаній; 2) количество образовавшихся кислотъ въ растеніяхъ не имѣетъ прямаго соотношенія къ количеству неорганическихъ соляныхъ основаній, поглощаемыхъ изъ почвы. А потому я и не могу согласиться съ мнѣніемъ Либига, что будто бы неорганическія соляныя основанія имѣютъ большое вліяніе на образованіе органическихъ кислотъ въ растеніяхъ; а думаю, что это зависитъ отъ совер-

иненно другихъ причинъ , намъ еще неизвѣстныхъ. Пусть Либигъ докажетъ самыми точными и несомнѣнными опытами, что корень, въ то время, когда образуются кислоты въ плодахъ , всасываетъ въ себя изъ почвы столько неорганическихъ основаній, напр. поташа , сколько нужно для осредо-соленія кислоты, образующейся въ плодъ. Пусть докажетъ, что прозябаніе растеній вообще, образованіе въ нихъ растительныхъ щелочей , эфирныхъ маслъ , красильныхъ и другихъ веществъ, обуславливается избыткомъ или недостаткомъ неорганическихъ соляныхъ основаній въ почвѣ , и мы тогда вполне согласимся съ мнѣніемъ Либига.

Къ числу неорганическихъ солей, чаще всего встречающихся въ почвѣ , принадлежать :

1. Соли сѣрной кислоты.

а) *Гипсъ*, — который у химиковъ слыветъ подъ именемъ сѣрно-кислой извести, — не есть тѣло простое, а состоитъ изъ извести и сѣрной кислоты ; онъ въ природѣ и въ почвахъ попадаетъ въ гораздо меньшемъ количествѣ сравнительно съ углекислою известью.

Сѣрно-кислая известь встрѣчается въ природѣ или а) совершенно чистою, не содержащею въ себѣ ни малѣйшаго количества воды, и называется тогда *ангидритомъ*, *муріацитомъ*, или б) въ соединеніи съ водою, и тогда получаетъ названіе *гипса*. И тотъ и другой видъ сѣрно-кислой извести встрѣчается въ новѣйшихъ формаціяхъ , на которыхъ нерѣдко покоится пахатный слой земли. При извѣстныхъ условіяхъ эта соль можетъ образоваться въ почвѣ и въ настоящее время, именно когда въ нихъ есть колчеданы (сѣрнистые металлы — сѣрнистое желѣзо) и угле-кислая известь. Сѣрнистое желѣзо , оставаясь долгое время подъ вліяніемъ воздуха, поглощаетъ изъ него кислородъ и превращается въ купоросъ или сѣрно-кислую закись желѣза. Если теперь сѣрно-кислое желѣзо и угле-кислая известь приходятъ во взаимное соприкосновеніе, то онъ въ слѣдствіе закона, извест-

наго въ Химіи подъ именемъ *избирательнаго сродства*, разлагаются. Серная кислота, входя въ соединеніе съ известію угле-кислой извести, образуетъ гипсъ; а угольная кислота угле-кислой извести, дѣлаясь свободною, вступаетъ въ химическое соединеніе съ закисью серно-кислаго желѣза, даетъ угле-кислую закись желѣза.

Въ природѣ гипсъ встрѣчается то въ видѣ отдѣльныхъ кристалловъ, то волокнистаго, то землистаго, то зернистаго строенія, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ называютъ его *алебастромъ*. Алебастръ, подъ вліяніемъ воздуха разсыдаясь, превращается въ мелкіе куски, и растворяясь въ водѣ, уносится отъ мѣста своего происхожденія. Если зернистый и волокнистый гипсъ бывають смѣшаны вмѣстѣ, то зернистый, растворяясь въ водѣ, уносится съ нею вмѣстѣ, а волокнистый остается на мѣстѣ своего происхожденія. Волокнистый гипсъ сильнѣе противостоитъ вывѣтриванію, сильно нагревается солнцемъ, и долго задерживаетъ въ себѣ теплоту, но за то меньше принимаетъ въ себя воды и скоро ее испаряетъ. — Гипсъ распускается въ водѣ (1 часть гипса въ 400 частяхъ воды). — Воды, которыхъ русло состоитъ изъ гипсовыхъ камней, всегда почти содержатъ въ себѣ нѣсколько гипса, и такая вода бываетъ негодна для фабричныхъ производствъ. Гипсъ, приходя въ соприкосновеніе съ органическими веществами, имѣетъ свойство разлагаться. Вотъ причина, почему колодцы, содержащіе въ себѣ гипсъ и другія серно-кислыя соли, всегда почти издають запахъ гнилыхъ яицъ; вотъ причина, почему вода, содержащая въ себѣ гипсъ, оставаясь известное время въ бочкахъ и деревянныхъ сосудахъ, начинаетъ портиться, издавать довольно непріятный запахъ гнилыхъ яицъ.

Различныя виды серно-кислой извести оказываютъ и различное вліяніе на прозябаніе растеній. Такъ какъ гипсъ легче распускается въ водѣ, то онъ и удобнѣе всасывается корневыми мочками растеній; напротивъ, ангидритъ труднѣе распускается въ водѣ (1 ч. его растворяется въ 800 ч. воды), то онъ труднѣе и поглощается корневыми мочками растеній.

Гипсъ съ давняго времени употребляется какъ удобряющее вещество, и преимущественно оказываетъ свое благотворное вліяніе на стручковыя растенія и кормовыя травы, принадлежащія къ породамъ клевера, люцерны эспарсета.

Спрашивается: какъ объяснить благотворное дѣйствіе гипса на прозябеніе растеній? Химики, агрономы и физиологи разногласятъ между собою относительно этого предмета. Такъ, знаменитый Деви допускаетъ, что растенія, прозябающія на искусственныхъ лугахъ, всасывая своими корневыми мочками сврно-кислую известь изъ почвы, отлагаютъ ее безъ всякой перемѣны въ своихъ тканяхъ; и въ подтвержденіе своего предположенія говоритъ, что онъ находилъ весьма большое количество этой соли въ золь растеній, которыя были посыпаны во время своего развитія торфяною золою, содержащею въ себѣ много гипса. Вотъ собственныя слова самого Деви: «Въ золь эспарсета, клевера я находилъ всегда много гипса, который, по всей вѣроятности, входитъ въ составъ древесины этихъ растеній.» Я не могу согласиться съ мнѣніемъ Деви по слѣдующимъ причинамъ: а) Мы видѣли выше, что всѣ соли, которыя поглощаются корневыми мочками растеній, поступая въ живой организмъ растеній, тотчасъ же разлагаются на свои составныя начала и вступаютъ въ новыя соединенія съ растительными органическими произведеніями; а потому и гипсъ, поступая въ живой организмъ растеній, не можетъ отлагаться въ ихъ тканяхъ въ своемъ естественномъ видѣ; онъ долженъ разложиться на свои составныя начала, которыя и должны потомъ снова вступить въ химическое соединеніе съ органическими растительными произведеніями. б) Дѣйствительно, въ золь стручковыхъ растеній и въ настоящее время находятъ гипсъ; но можетъ ли это служить доказательствомъ тому, что эта соль, поступая въ живой организмъ, остается въ немъ неразложеною? думаю, что нѣтъ, потому что во время сожиганія растеній составныя начала гипса, отъ дѣйствія огня, снова могутъ вступить между собою въ химическое соединеніе и образовать эту соль. с) Хотя соли, какъ мы замѣтили выше, и необходимы для успѣшнаго прозябенія растеній, но только въ извѣстномъ

опредѣленномъ количествѣ и до извѣстныхъ границъ. Опытъ показываетъ намъ, что соль, которая благопріятно дѣйствуетъ на проробленіе извѣстнаго растенія, будетъ вредить ему, если вода, находящаяся въ почвѣ, будетъ распускать большее количество такой соли, нежели сколько нужно. Такъ стручковые растенія на почвахъ, содержащихъ въ себѣ много гипса, пропадаютъ совершенно; а равно и при недостаткѣ прозябаютъ не очень роскошно.

Либигъ благотворныя дѣйствія гипса на проробленіе растеній объясняетъ тѣмъ, что онъ имѣетъ способность притягивать изъ воздуха и задерживать въ себѣ большое количество амміака. Вотъ собственныя его слова объ этомъ предметѣ: «Такое поразительное дѣйствіе гипса на развитіе многихъ породъ растеній, такое обильное плодородіе и роскошь полей, послѣ посыпанія гипсомъ, частію зависитъ и отъ того, что гипсъ притягиваетъ въ себя изъ воздуха амміакъ, который на почвахъ, не посыпанныхъ гипсомъ, снова испаряется въ воздухъ вмѣстѣ съ влажностію почвы. (Org. Chemie 3-te Aufl. стр. 69, стрк. 14—20).» — Угле-кислый амміакъ, который находится въ дождевой водѣ и вмѣстѣ съ нею падаетъ на землю, приходя во взаимное соприкосновеніе съ гипсомъ почвы, разлагается по тѣмъ же законамъ, по какимъ происходитъ разложеніе этихъ двухъ солей на фабрикахъ, гдѣ добывается нашатырь. Здѣсь образуется растворимая въ водѣ, но не летучая соль сѣрно-кислаго амміака и угле-кислая известь.

Такимъ образомъ гипсъ мало по малу исчезаетъ, но онъ продолжаетъ обнаруживать свое дѣйствіе до тѣхъ поръ, пока остаются хотя сама малѣйшіе слѣды его (ibid стр. 70, стрк. 1—6.). — Чтобы составить относительно этого предмета самое вѣрное понятіе, — продолжаетъ Либигъ, — то надо замѣтить, что 100 ф. гипса пережженного задерживаютъ въ себѣ и доставляютъ почвѣ столько же амміака, сколько могутъ доставить ей 6250 ф. чистой конской мочи. Если мы теперь допустимъ, — говоритъ Либигъ, — что изъ 40 ф. гипса, разсыпаннаго по полю, поглощается кор-

невыми мочками растений только $\frac{1}{4}$ часть, въ видѣ серно-кислаго амміака, то (100 ч. амміака содержать въ себѣ 25 ч. азота) должны заключить, что каждый фунтъ азота, или 40 фунтовъ гипса увеличиваютъ урожай сѣна на 100 ф., пшеницы на 80 ф., клевера на 80 ф., (ibid. стр. 71, стр. 8—21.) Разложеніе гипса посредствомъ угле-кислаго амміака совершается не вдругъ, а напротивъ, весьма медленно; чѣмъ и объясняется дѣйствіе гипса на растенія въ продолженіе многихъ лѣтъ (ibid. стр. 72, стр. 5—6.) — Польза, происходящая отъ удобренія полей пережженою глиною, плодородіе почвъ, содержащихъ въ себѣ большое количество желѣзной окиси, могутъ быть объяснены подобнымъ же образомъ, т. е. способностію вбирать въ себя изъ атмосферы амміакъ (ibid. стр. 72, стр. 7 и т. д.).

Какъ ни остроумно, какъ ни правдоподобно объясненіе Либига относительно дѣйствія гипса на прозябаніе растеній, но и оно не можетъ выдержать строгой критики, основанной на опытахъ и наблюденіяхъ. Вотъ этому доказательству.

а) Съ десятины, засеянной клеверомъ и сильно посыпанной гипсомъ, собираютъ среднимъ числомъ сухаго сѣна до 300 пуд. По замѣчанію практическихъ сельскихъ хозяевъ, послѣ посыпанія полей гипсомъ, количество клевернаго сѣна возвышается на половину; следовательно съ десятины не посыпанной гипсомъ получится не болѣе 150 пудовъ клевернаго сѣна. По изслѣдованіямъ Буссенго, клеверъ, скошенный во время цвѣта и обращенный въ сѣно, содержитъ не болѣе $\frac{2}{3}$ азота. Следовательно приростъ 150 пудовъ сѣна, полученный единственно отъ посыпанія полей гипсомъ, будетъ содержать въ себѣ до 3 пуд. азота, или до $4\frac{1}{2}$ пуд. амміака, или до $8\frac{1}{2}$ пуд. угле-кислаго амміака. Такое огромное количество амміака должна доставить каждой десятинѣ дождевая вода, чтобы увеличить, азотомъ содержащимся въ амміакѣ, приростъ клевера до 150 пудовъ. Но трудно представить себѣ, чтобы дождевая вода могла доставить такое огромное количество амміака каждой десятинѣ; если мы только припомнимъ, что большая часть дождевой воды, во

время длительного нежары, когда земля уже достаточно пропитана влажностью, стекает прочь с полей и не впитывается в почву. Кроме того, весьма трудно определить, хотя приблизительно, количество дождевой воды, поглощаемое почвою; а еще труднее найти соотношение между влажностью, поглощаемой корневыми мочками растений, и испаряющеюся прямо из земли, прежде нежели она успеет поглотиться изъ нею растеніями.

в) Допустимъ, вмѣстѣ съ Либигомъ, что дождевая вода дѣйствительно содержитъ въ себѣ достаточное количество угле-кислаго амміака; чтобы увеличить на половину приростъ одной десятины, засѣянной клеверомъ, люцерною, эспарсетомъ и другими стручковыми растеніями; допустимъ, что этотъ угле-кислый амміакъ, приходя въ соприкосновеніе съ гипсомъ почвы, разлагается; допустимъ, что при этомъ образуется не летучая, но растворимая въ водѣ соль сѣрно-кислаго амміака и угле-кислая известь; но и тогда не можно дать себѣ полнаго отчета въ плодотворныхъ дѣйствіяхъ гипса на прозябаніе растеній. Послѣ всего этого мы все еще останемся въ недоумѣніи и будемъ спрашивать самихъ себя: отъ чего посыпаніе, при всѣхъ одинаковыхъ климатическихъ условіяхъ, приноситъ только видимую пользу полямъ, засѣяннымъ клеверомъ, люцерною, эспарсетомъ и стручковыми растеніями? Отъ чего оно не приноситъ такой же пользы естественнымъ лугамъ и полямъ, засѣяннымъ корнеплодными растеніями, зерновыми хлѣбами? Отъ чего гипсъ улучшаетъ ростъ клевера, только въ томъ случаѣ, когда почва удобрена большимъ количествомъ навоза, богатаго азотомъ; а на почвахъ тощихъ посыпаніе гипсомъ даже и стручковыхъ растеній не производитъ видимыхъ послѣдствій? Если бы объясненіе Либига было справедливо, то тогда бы гипсъ былъ полезенъ въ одинаковой степени и для стручковыхъ растеній, зерновыхъ и корнеплодныхъ, и для искусственныхъ и естественныхъ луговъ; потому что сѣрно-кислый амміакъ возвышаетъ, какъ показываютъ опыты Шаттемана, прозябаніе всѣхъ растеній, на которыя гипсъ не оказываетъ никакого дѣйствія.

с) Наконецъ опыты Буссенго совершенно уничтожаютъ гипотезу Либига относительно дѣйствія гипса на прозябленіе растений. Буссенго произвелъ цѣлый рядъ опытовъ съ гипсомъ и надъ зерновыми и корнеплодными растеніями. Для полученія точныхъ результатовъ онъ привѣлъ всѣ возможныя предосторожности и отдѣлялъ подъ каждое растеніе по 4 ара (аръ=100 □ метрамъ) земли. Поле, назначаемое подъ посѣвъ какого-либо растенія, онъ раздѣлялъ на 3 ровныя загона. Первый загонъ *A* посыпалъ гипсомъ въ количествѣ 4 гектолитровъ, второй загонъ *B* и третій загонъ *C* оставались не посыпанными. Каждый загонъ былъ обсемененъ равнымъ количествомъ сѣмянъ, или былъ засаженъ одинаковымъ количествомъ корней корнеплодныхъ растеній. *A* и *C* были загонами, произведенія которыхъ сравнивались между собою; а междулежащій загонъ *B* служилъ преградой, раздѣляющею посыпанный загонъ гипсомъ отъ не посыпаннаго. — Въ 1842 г. такимъ образомъ Буссенго изслѣдовалъ дѣйствіе гипса на пшеницу, которая была посѣяна въ трехъ различныхъ клинахъ: а) на старомъ клину послѣ клевера, б) на старомъ клину послѣ свекловицы и с) на старомъ клину послѣ картофеля. Посыпаніе гипсомъ было произведено 19-го Мая; зерновые хлѣба около этого времени находились въ отличномъ видѣ. Жатва началась окого 21 Юля и кончилась 26-го Юля. Результаты этихъ опытовъ показываетъ приложенная у сего табличка :

Названіе клиновъ.	Всѣ сноповъ, сжатыхъ на данномъ кливу.		
	А) посыпанный гипсомъ.	В) не посыпанный гипсомъ.	С) не посыпанный гипсомъ.
	килограмъ.	килограмъ.	килограмъ.
Пшеница на клеверномъ клину..	145	147	149
Пшеница на свекловичномъ клину	89	80	72
Пшеница на картофельномъ клину	107	112	120
Средній выводъ.....	113,7	113,0	113,7

Но такъ какъ 1842 годъ, по причинѣ длительной засухи, былъ очень неблагопріятенъ для прозябанія пшеницы, то и опытъ былъ снова повторенъ въ 1843 г., и надо замѣтить, что въ 1843 метеорологическія условія были весьма благопріятны какъ для производства описываемаго опыта, такъ и для развитія зерновыхъ хлѣбовъ вообще. Результаты съ 3 аръ земли, изъ которыхъ одинъ клннъ былъ посыпанъ гипсомъ, помѣщены въ прилагаемой у сего таблицѣ:

1843 года.	Количество полученн. по всѣу сноповъ.	Количество полученна- го по всѣу зерна.	Количество соломы, мя- квы и не- годныхъ ча- стей по всѣу
	килограмъ.	килограмъ.	килограмъ.
Рожъ посыпанная гипсомъ.....	235	62,6	172,4
Рожъ не посыпанная гипсомъ....	215	57,8	157,2
Пшеница посыпанная гипсомъ...	210,5	67,2	143,3
Пшеница непосыпанная гипсомъ.	231,7	70,6	161,1
Пшеница не посыпанная гипсомъ.	206,2	65,1	141,1
Овесь посыпанный гипсомъ.....	150	51	99
Овесь не посыпанный гипсомъ....	167,6	51,5	116,1

Эти опыты ясно доказываютъ, что гипсъ дѣйствительно не производитъ ощутительнаго вліянія на разведеніе пшеницы, овса и ржи.

Опыты надъ посыпаніемъ гипсомъ полей, засаженныхъ свекловицею и удобренныхъ, въ 1842 г.

Буссенго послѣ посадки поливалъ свекловицу; посыпалъ поля гипсомъ во время окучиванія свекловицы; дожди во время развитія свекловицы повторялись часто, такъ что гипсъ послѣ посыпанія весь поглотился почвою. Уборка свекловицы началась 8-го Октября, слѣдовательно спустя 3 мѣсяца послѣ посыпанія гипсомъ. Сборъ свекловицы съ 2,44 аръ на клнну, посыпанномъ гипсомъ, былъ = 690 килограмамъ, а на клнну, не посыпанномъ гипсомъ = 650 килограмамъ. Слѣдовательно и въ этомъ случаѣ дѣйс-

твѣ гипса было почти=0, потому что различіе въ сборѣ свекловицы съ посыпаннаго и не посыпаннаго клина гипсомъ было такъ ничтожно, что едва ли можно приписывать оное дѣйствию гипса. Судя по этому расчету, съ каждаго гектара земли, посыпанной гипсомъ, получилось бы только 285 центнера свекловицы, а съ гектара, не посыпаннаго гипсомъ, получилось бы только 268 центнеровъ; тогда какъ въ другихъ клиньяхъ, не посыпанныхъ гипсомъ, въ тотъ же самый годъ было собрано свекловицы по 284 центнера. Оба эти опыта ясно убѣждаютъ насъ въ несправедливости предположенія, предложеннаго Либигомъ. Если бы дѣйствительно гипсъ задерживалъ въ себѣ достаточное количество амміака, то тогда бы онъ оказывалъ свое благотворное дѣйствіе не на одні только стручковыя, но и на зерновыя и корнеплодныя растенія (Die Landwirthschaft in ihren Beziehungen zur Chemie, Physik und Meteorologie, von Boussingault, übersetzt von Graeger, Th. II стр. 145—147).

Наконецъ, большая часть современныхъ агрономовъ объясняютъ благотворное дѣйствіе гипса на прозябаніе многихъ растеній тѣмъ, что онъ доставляетъ имъ существенную и необходимую составную часть — *сѣру*. Вотъ факты, на которыхъ основывается это объясненіе: а) Многія растенія, и преимущественно стручковыя, содержатъ въ себѣ большое количество сѣры. Такъ Бишовъ во время сухой перегонки стручковыхъ растеній, зерновыхъ хлѣбовъ, корней одуванчика, цикорія и многихъ другихъ растеній получалъ всегда почти небольшое количество водородо-сѣрнаго газа (Baumgaertners u. Ettinghausens Zeitschrift für Physik und Mathematik, Wien, 1827 г., стр. 157). Штанге открылъ присутствіе сѣры въ лукѣ и горькомъ миндалѣ, а Гаро (Garot) въ сѣменахъ горчицы нашелъ особаго рода соединеніе сѣры съ углеродомъ, водородомъ и азотомъ, которое въ послѣдствіи и названо было *сѣрно-горчичною кислотою* (Schwefel-senzsaure). б) Мы видѣли выше, что гипсъ или сѣрно-кислая известь имѣетъ способность, — какъ показываютъ опыты Фогеля, — отъ непосредственнаго соприкосновенія съ органическими тѣлами разлагаться, и образовать при

этомъ водородо-сѣрный газъ и угле-кислую известь. Въ слѣдствіе этого, со всею вѣроятностію можно предполагать, что гипсъ, растворяясь въ водѣ, поглощается корневыми мочками растеній, и вступая внутрь растительнаго организма, разлагается на водородо-сѣрный газъ, — изъ котораго силою жизни выделяется сѣра и отлагается въ различныхъ частяхъ растенія, — и угле-кислую известь, которая также остается въ растеніяхъ и соединяется съ органическими кислотами. Слѣдовательно, сѣрно-кислая известь ускоряетъ и усиливаетъ прозябаніе нѣкоторыхъ растеній, потому именно, что доставляетъ имъ необходимыя и существенныя начала — сѣру и известь. Это объясненіе еще болѣе имѣло бы вѣроятности, если бы было доказано самыми точными анализами, что стручковые растенія, каковы: клеверъ, люцерна, эспарсетъ, вика, горохъ, бобы, содержатъ въ себѣ больше сѣры противъ растеній зерновыхъ и корнеплодныхъ. Но Буссенго, недавно производя химическій анализъ надъ золою различнаго рода растеній, нацѣль, что клеверъ, садовые и полевые бобы содержатъ въ себѣ сѣры столько же, сколько рожь, пшеница, овесъ и картофель.

б) *Сѣрно-кислая магнезія.* — Она въ общежитіи известна по именованію *глицкой* или *горькой соли*; находится въ минеральныхъ источникахъ, въ морской водѣ, входитъ въ составъ многихъ горныхъ породъ, встрѣчается также въ почвѣ, но въ весьма незначительномъ количествѣ; легко растворяется въ водѣ; вкуса горькаго; легко разлагается щелочами и солями черноземныхъ кислотъ: и вотъ причины, почему ее такъ рѣдко находятъ въ почвахъ.

Въ процессъ прозябанія растеній она играетъ ту же самую роль, какую и гипсъ. Хотя растенія могутъ прозябать при большемъ количествѣ сѣрно-кислой магнезіи сравнительно съ гипсомъ и другими сѣрно-кислыми солями; однакожь, не смотря на это, она можетъ повредить растительности, если въ почвѣ будетъ находиться она съ преизбыткомъ. По наблюденіямъ Шпренгеля, сѣрно-кислая магнезія ускоряетъ и увеличиваетъ ростъ клевера. По Вигману, рас-

творъ этой соли (изъ 1 части соли и 16 частей воды) полезенъ для поливанія салата. По Шюблеру, растворъ изъ 1 части сѣрно-кислой магнезiи и 100 ч. воды не вредитъ ни овсу, ни кресь-салату.

Сѣрно-кислая сода. — Она въ простомъ быту известна подъ именемъ *глауберовой соли*; ее находятъ въ минеральныхъ источникахъ; можетъ образоваться въ почвѣ, когда въ ней есть квасцовые или купоросные сланцы, или гдѣ есть много гипсу и поваренной соли. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ происходитъ взаимное разложене, и при этомъ образуется сѣрно-кислая сода и хлористая известь.

Сѣрно-кислая сода легко распускается въ водѣ и кристаллизуется въ четырехъстороннiе столбики, которые на воздухѣ теряютъ изъ себя воду кристаллизованiя и распадаются на мелкiя частички. Сѣрно-кислая сода, подобно гипсу, дѣйствуетъ благотворно на прозябене растений, и многiя изъ нихъ могутъ выносить гораздо большее количество ея сравнительно съ другими солями. Около Фрейбѣрга употребляютъ сѣрно-кислую соду въ большомъ количествѣ и съ очень хорошимъ успѣхомъ для посыпанiя зерновыхъ растений. Лампадиусъ посыпалъ ею землю около вновь посаженныхъ плодовыхъ деревьевъ, на разстоянiи 1 фута отъ каждаго и въ количествѣ 5-ти фунтовъ, и повторялъ посыпанiе послѣ каждыхъ 5-ти лѣтъ. Деревья, по его замѣчанiямъ, росли гораздо лучше, а трава на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ посыпали ею землю, была гуще и провябала роскошнѣе. (Lampadius: Neue Erfahrungen im Gebiete der Chemie und Hüttenkunde, Weimar, 1816, стр. 171.)

д) *Сѣрнокислый поташъ.* — Эта соль можетъ образоваться въ почвахъ, когда въ ней находится поташъ и всѣ условiя, необходимыя для образованiя сѣрной кислоты. Шпренгель находилъ присутствiе этой соли въ плодородныхъ почвахъ. Относительно дѣйствiя на прозябене растений сходна съ гипсомъ и горькою солью, и можетъ заступать ихъ мѣсто.

е) *Сѣрно-кислый глиноземъ.* — Онъ рѣдко входитъ въ составъ почвъ, чаще всего попадаетъ въ тѣхъ почвахъ,

вблизи которыхъ находятся большія толщи колчедановъ и квасцовыхъ сланцовъ. Отъ дѣйствія воздуха сѣра, находящаяся въ сѣрнистыхъ колчеданахъ, превращается въ сѣрную кислоту, и, соединяясь съ глиноземомъ, образуетъ сѣрно-кислый глиноземъ; кромѣ того, эту соль нерѣдко находятъ въ подпочвѣ торфяниковъ и вблизи вулканическихъ горъ. — Сѣрно-кислый глиноземъ легко растворяется въ водѣ; вкуса сладковато-вяжущаго, какъ квасцы; онъ легко разлагается угле-кислыми землями и щелочами, а также органическими кислотами чернозема; поэтому-то онъ такъ рѣдко попадаетъ въ почвы. Сѣрно-кислый глиноземъ дѣйствуетъ вредно на прозябенеіе растений; и почвы, содержащія въ себѣ большое количество этой соли, могутъ быть улучшены только чрезъ прибавленіе угле-кислой извести; тогда въ нихъ образуется гипсъ, который, какъ мы видѣли выше, дѣйствуетъ благотворно на прозябенеіе растений.

2. Соли фосфорной кислоты.

а) *Фосфорно-кислая известь*. — Состоитъ изъ извести и фосфорной кислоты. Жидкости животнаго организма и преимущественно кости содержатъ въ себѣ большое количество этой соли; животные организмы получаютъ ее изъ растений, которыя они употребляютъ въ пищу. Злаки и зерновыя растенія содержатъ въ себѣ большое количество фосфорно-кислой извести; они извлекаютъ ее, безъ сомнѣнія, изъ почвы; почвамъ же доставляютъ эту соль различнаго рода животныя удобренія и преимущественно горныя породы, извѣстныя подъ именемъ *апатитовъ* и *фонолитовъ*. Апатиты, какъ механическая примѣсь, встрѣчаются въ гнейсѣ, гранитѣ и слюдистомъ сландѣ. — Фосфорно-кислая известь въ водѣ не растворима; но легко распускается въ различныхъ кислотахъ, какъ-то: соляной и селитряной, а по наблюденіямъ Шпренгеля, въ кислотахъ чернозема, и тогда она удобно поглощается корневыми мочками растений.

Химическій анализъ открылъ фосфорно-кислую известь въ золь многихъ растений. Такъ

100 част. золы овсяныхъ зеренъ даютъ фосфорно-кислой извести	39,03
— — — — — пшеничной соломы.....	6,02
— — — — — пшеничныхъ зеренъ.....	44,05
— — — — — ————— отрубей.....	46,05
— — — — — кормоваго горошка.....	27,22
— — — — — ячменной соломы.....	7,75
— — — — — ячменныхъ зеренъ.....	32,05
— — — — — гороховыхъ зеренъ.....	17,05

Все это заставляетъ насъ думать, что фосфорно-кислая известь необходима для образованія многихъ растений; и по всей вѣроятности, она снабжаетъ растительные организмы фосфоромъ и известью. Мы думаемъ, что фосфорно-кислая известь, вступая въ организмъ растений, разлагается на *фосфорно-водородный газъ*, изъ котораго выдѣляется фосфоръ и отлагается въ тканяхъ растений, и *угле-кислую известь*. Этимъ можно объяснить себѣ, почему кости и костяной порошокъ оказываютъ благотворное вліяніе на прозябаніе многихъ растений, даже и тогда, когда изъ нихъ дѣйствиємъ водяныхъ паровъ будутъ отдѣлены всѣ органическія начала, какъ-то: жиръ и студень.

б) *Фосфорно-кислая магнезія*. — Состоитъ изъ магнезіи и фосфорной кислоты; 1 часть ея растворяется въ 15 частяхъ воды по вѣсу; встрѣчается, какъ и фосфорно-кислая известь, во многихъ растеніяхъ; очень часто находятъ въ одномъ и томъ же растеніи обѣ эти соли.

в) *Фосфорно-кислый глиноземъ*. — Попадаетъ только въ тѣхъ почвахъ, которыя мало содержатъ въ себѣ угле-кислой извести, угле-кислой магнезіи и угле-кислыхъ щелочей. Если же всѣ эти вещества содержитъ почва въ достаточномъ количествѣ, то тогда вмѣсто фосфорно-кислаго глинозема образуются въ ней другія фосфорно-кислыя соли: какъ средняя соль, она даетъ порошокъ бѣлаго цвѣта, нерастворимый въ водѣ, но легко распускающійся въ органическихъ кислотахъ чернозема (Шпренгель); и въ такомъ видѣ онъ удобно можетъ поглощаться корневыми мочками растений.

д) *Фосфорно-кислая закись и окись желѣза.* — Фосфорно-кислая окись и закись желѣза попадаются преимущественно въ подпочвѣ болотъ не богатыхъ известію; онѣ обыкновенно здѣсь бывають перемѣшаны съ глиною, иногда ими бывають проникнуты и слои торфа. Фосфорно-кислая закись желѣза, будучи вырыта изъ земли, сначала имѣеть бѣлый цвѣтъ, который потомъ измѣняется въ небесный блѣдно-голубой. Если она долгое время остается на воздухѣ, то превращается въ фосфорно-кислую окись желѣза и принимаетъ совершенно бурый цвѣтъ. Фосфорно-кислая закись желѣза, по Шпренгелю, легко распускается въ кислотахъ чернозема, амміакѣ и частью въ угольной кислотѣ; а потому она можетъ поглощаться корневыми мочками растеній въ большемъ количествѣ. Фосфорно-кислая окись желѣза распускается гораздо труднѣе въ жидкостяхъ почвы, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ совершенно нерастворима; а потому она и дѣйствуетъ на прозябаніе растеній безразличнымъ образомъ, т. е. не приноситъ имъ ни пользы, ни вреда. Если въ почвѣ находится очень много фосфорно-кислой закиси желѣза, то тогда нужно бываетъ такую почву посредствомъ паханія подвергать свободному доступу воздуха; отъ чего фосфорно-кислая закись превращается въ фосфорно-кислую окись, которая, какъ мы видѣли, трудно растворима и не вредитъ прозябанію растеній. Полезно такія почвы посыпать известію и золою; тогда фосфорно-кислая закись желѣза разлагается, и вмѣсто ея образуются фосфорно-кислый поташъ, фосфорно-кислая известь. Если почва содержитъ въ себѣ фосфорно-кислыя соли желѣза въ небольшомъ количествѣ, то онѣ могутъ быть совершенно безвредны для прозябанія растеній.

ѣ. Селитра-кислыя соли.

а) *Селитро-кислая известь.* — Она состоитъ изъ извести и селитряной кислоты; можетъ образоваться въ почвахъ, когда ихъ удобряють животными туками, которые были посыпаны известію и поливаемы водою, для того чтобы ускорить ихъ гніеніе. Эту соль часто находятъ въ под-

поль конюшень, коровниковъ и овчарень, такъ же на стѣнахъ старыхъ строеній, которыя општукатурены животнымъ навозомъ. Либигъ открылъ небольшое количество селитро-кислой извести въ дождевой водѣ, которая падаетъ на землю во время грозы (Berzelius Jahresbericht 8-te Jahrgang, uebersetzt von Wohler, 1829, стр. 225). Эта соль удобо-растворима въ простой водѣ (1 часть соли растворяется въ 4 ч. воды), удобо-разлагается сѣрно-кислыми, угле-кислыми фосфорно-кислыми и черноземно-кислыми солями. — Многія растенія въ своихъ сокахъ содержатъ селитро-кислыя соли и преимущественно селитро-кислую известь. Сюда принадлежатъ крестоцвѣтныя растенія; ее находили также въ листьяхъ мака, огуречной травы, въ подсолнечникахъ, въ тысячелистникѣ, крапивѣ, въ корняхъ многихъ породъ свекловицы. Все это заставляетъ насъ думать, что селитро-кислая известь оказываетъ благотворное вліяніе на прозябаніе многихъ растеній, и преимущественно способствуетъ къ образованію азотистыхъ органическихъ веществъ въ растеніяхъ; какъ-то: клейковины, бѣлка и т. д. Со всею вѣроятностію надо предполагать, что селитро-кислая известь, вступая въ живой организмъ растеній, разлагается на аммиакъ, изъ котораго выдѣляется азотъ и отлагается въ растительныхъ веществахъ, и известь, которая вступаетъ въ соединеніе съ органическими кислотами.

б) *Селитро-кислый поташъ*. — Въ обыкновенномъ быту называется *селитрою*, состоитъ изъ поташа и селитряной кислоты; образуется въ почвѣ при тѣхъ же самыхъ условіяхъ, при какихъ и селитро-кислая известь, въ особенности же, когда животныя остатки, содержащія въ себѣ азотъ, гниютъ при достаточномъ доступѣ воздуха и достаточномъ количествѣ воды. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что и селитра можетъ способствовать прозябанію растеній, если ее употребляютъ въ надлежащемъ количествѣ, потому что азотъ и поташъ, находящіеся въ ней, доставляютъ растеніямъ начала необходимыя для ихъ существованія.

А. Соли угле-кислыя.

а) *Угле-кислый поташъ.*—Состоитъ изъ поташа и угольной кислоты; онъ входитъ въ составъ многихъ горныхъ породъ: гранита, гнейса, слюдистаго сланца, хлорита, базальта, натролита, и многихъ другихъ; его находятъ въ золахъ растений, во многихъ растительныхъ и животныхъ тукахъ; следовательно почва можетъ получать угле-кислый поташъ изъ различныхъ источниковъ. Онъ удобо-растворимъ въ водѣ, и имѣетъ сильную способность соединяться съ кислотами, находящимися въ почвѣ, и образовать удобо-растворимыя соли, которыя или поглощаются корневыми мочками растений, или, выщелачиваясь дождевою водою, уносятся вмѣстѣ съ нею въ нижніе слои почвы. Вотъ причина, почему угле-кислый поташъ находится въ почвахъ въ столь незначительномъ количествѣ; а въ неплодородныхъ почвахъ его и совершенно не находятъ. Если въ почвѣ нѣтъ кислотъ, то онъ соединяется съ угольною кислотою, которая постоянно образуется чрезъ гніеніе различныхъ органическихъ веществъ, находящихся въ почвѣ.

Угле-кислый поташъ есть главная составная часть золы, добываемой при сжиганіи растений. Прилагаемая при семъ таблица показываетъ количество золы и поташа изъ 100 частей различнаго рода растений:

Верба даетъ изъ 100 частей золы....	2,008	поташа.....	0,285
Вязъ	2,367	0,039
Дубъ	1,351	0,153
Тополь	1,234	0,074
Бѣлый букъ	1,128	0,125
Крапива	10,671	2,503
Репейникъ	3,042	0,537
Папоротникъ	4,007	0,625
Осоць	10,005	1,966
Тростникъ	3,853	0,722
Стебли кукурузы.....	8,086	1,075
Полынь	9,774	7,003
Дымянка.....	21,009	7,009
Клеверъ луговой.....	0,007
Кормовой горошекъ	2,078
Бобы съ ихъ стѣблями.....	2,000

Вообще химическія изслѣдованія показываютъ, что отъ сожиганія кустарниковъ получается втрое больше золы, чѣмъ отъ сожиганія деревъ, а отъ сожиганія травъ въ пять разъ еще болѣе того. При одномъ и томъ же вѣсѣ листья дерева даютъ болѣе золы, чѣмъ вѣтви, а вѣтви болѣе, нежели стволъ того же дерева. Зрѣлыя травы даютъ болѣе золы, нежели въ другомъ какомъ-либо періодѣ своего развитія. То же самое должно замѣтить о свѣжихъ растеніяхъ сравнительно съ сухими.

Все это заставляетъ насъ думать, что угле-кислый поташъ необходимъ для совершеннаго развитія растеній. Кроме того, его присутствіе въ почвахъ полезно и въ томъ отношеніи, что онъ трудно растворимый черноземъ почвы превращаетъ въ растворимый. По этой-то причинѣ и растительная зѣла оказываетъ такое благотворное дѣйствіе на почвахъ торфянистыхъ и болотистыхъ.

Хотя соль, получаемая отъ сожиганія растеній, не состоитъ исключительно изъ одного угле-кислаго поташа (въ ней есть и другія соляныя вещества, какъ-то: серно-кислый поташъ, хлористый поташъ, серно-кислая и фосфорно-кислая известь); но всѣ эти соли находятся въ золѣ въ меньшемъ количествѣ сравнительно съ угле-кислымъ поташемъ.

б) *Угле-кислый натръ.* — Входитъ въ составъ базальта, фонолита, натролита, цеолита и многихъ другихъ камней; слѣдовательно почва можетъ получать его чрезъ вывѣтриваніе этихъ камней; онъ встрѣчается также въ минеральныхъ источникахъ, и нерѣдко образуется въ пахатномъ слое земли, особенно, когда почва содержитъ въ себѣ поваренную соль и угле-кислую известь. Въ этомъ случаѣ отъ взаимнаго соприкосновенія оба вещества разлагаются, и образуется хлористая известь и угле-кислый натръ.

Угле-кислая сода въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Венгріи и Россіи, Египтѣ, Азій, выходитъ на поверхность земли, и падается всегда почти въ золѣ растеній, произрастающихъ въ морѣ, вблизи его береговъ, или въ мѣстахъ, находящихся

подъ его вліяніемъ. Количество щелочей, содержащихся въ морскихъ растеніяхъ, весьма значительно, сравнительно съ растеніями, воздѣлываемыми въдалекъ отъ моря. Такъ 100 ч. содовой солянки (*Salsola sola*) даютъ 19,991 часть золы, изъ которой можно добыть 1,992 ч. соды и поваренной соли. Морскія растенія, столь богатые соляными веществами, будучи употреблены въ свѣжемъ состояніи, составляютъ самое дѣйствительное изъ зеленыхъ удобреній. Гольте де Клобри, разлагая водоросли: сахарный и наперсточный морской поростъ (*Fucus saccharinus et Fucus digitatus*), употребляемая въ Шотландіи для удобренія, нашелъ въ нихъ слѣдующія вещества: сахаръ, слизь, бѣлковину, щавелево-кислый, яблочно-кислый и сѣрно-кислый поташъ, сѣрно-кислый натръ, сѣрно-кислую магнезію, угле-кислый поташъ, угле-кислый натръ, вѣкій поташъ, кремнеземъ, фосфорно-кислую известь, фосфорно-кислую магнезію, окись желѣза и щавелево-кислую известь.

Дѣйствіе угле-кислой соды (угле-кислаго натра) на прозябеніе растеній подобно угле-кислому поташу, т. е. онъ притупляетъ въ почвѣ избытокъ кислотъ, образуетъ съ ними растворимыя соли, нерастворимый черноземъ превращаетъ въ растворимый, и такимъ образомъ возвышаетъ плодородіе полей; а для многихъ морскихъ растеній, составляетъ необходимую пищу.

с) Угле-кислая закись желѣза. — Находится въ минеральныхъ источникахъ, называемыхъ желѣзистыми; такія воды, приходя въ соприкосновеніе съ воздухомъ, отлагаютъ изъ себя желтоватый илъ, который не иное что есть, какъ водная окись желѣза; угле-кислая закись желѣза попадаетъ въ руды, въ мергель, въ подпочвѣ сырыхъ мѣстъ, содержащихъ въ себѣ много чернозема и окиси желѣза; въ этомъ случаѣ окись желѣза раскисляется, и въ то же время образуется угле-кислая закись желѣза. Угле-кислая закись желѣза дѣйствуетъ вреднымъ образомъ на прозябеніе растеній; если хотимъ возвысить производительность такихъ почвъ, то надо, главнымъ образомъ, заботиться о томъ, чтобы угле-кислого закиса

железа превратить въ окись или въ водную окись железа. Шпренгель употреблялъ для удобренія полей мергель, содержащій въ себѣ много угле-кислой закиси железа, и замѣтилъ, что онъ въ первый годъ неблагопріятно дѣйствовалъ на прозябаніе растений, и только тогда началъ оказывать свое благотворное дѣйствіе, когда закись железа превратилась въ водную окись.

d) *Угле-кислый амміакъ*.—Преимущественно образуется при гніеніи животныя остатковъ, при приготовленіи животнаго навоза и навозной жижи; въ ней амміакъ соединенъ бываетъ, кромѣ угольной кислоты, такъ же и съ кислотами чернозема: ключевою и ключеваго осадка. Вотъ одна изъ причинъ, почему животный навозъ такъ сильно возвышаетъ плодородіе почвъ. Угле-кислый амміакъ образуется также при пережиганіи каменнаго угля, квасцовъ, торфа; его содержитъ въ себѣ сажа, глина и всѣ минералы, въ составъ которыхъ входятъ глина и желѣзная окись. Лябигъ открылъ селитро-кислый амміакъ въ дождевой водѣ, падающей на землю во время грозы. Въ последнее время открыли присутствіе амміака во многихъ растеніяхъ, какъ-то: въ *Chenopodium valvularia*, *ложечной травѣ* (*Cochlearia*), цвѣтахъ бузины, во многихъ породахъ грибовъ, въ сокъ березы, клена и виноградноя лозы. Такъ какъ угле-кислаго амміака находится очень много въ животномъ навозѣ, то это самое обстоятельство и заставляетъ насъ думать, что онъ дѣйствуетъ благотворно на прозябаніе растений, и есть главный источникъ, изъ котораго растенія извлекаютъ для себя азотъ или селитрородъ. Опыты *Девы* и *Шаттенмана* убѣждаютъ насъ ясно въ томъ, что угле-кислый амміакъ, если его только употребляютъ въ надлежащемъ количествѣ, превосходитъ всѣ другія соли относительно ихъ благотворнаго дѣйствія на прозябаніе растений. По наблюденіямъ *Девы*, растворъ изъ 1 ч. угле-кислаго амміака и 50 ч. воды дѣйствуетъ вредно на растенія; а растворъ изъ 1 ч. соли и 100 ч. воды дѣлается уже безвреднымъ для растений; растворъ же изъ 1 ч. соли и 500 ч. воды дѣйствуетъ благотворно, и ускоряетъ ростъ растений. Крестоцвѣтныя ра-

стенія и стручковыя по преимуществу требуютъ этой соли для своего развитія; зерновыя хлѣба на почвахъ, которыя были удобрены животнымъ навозомъ, содержащимъ въ себѣ много амміака, вылегають, даютъ много соломы и мало зерна.

ѡ. Хлористыя соединенія.

Хлористыя соединенія называются также веществами солеподобными или галогидными (haloides). Онѣ состоятъ изъ хлора и какого-либо металла; къ числу хлористыхъ соединеній, которыя мы находимъ въ почвахъ принадлежать:

а) *Хлористая известь* (называемая также хлорною известью).—Въ почвахъ встрѣчается очень рѣдко, чаще попадаетъ въ ключахъ, минеральныхъ источникахъ, солончакахъ и гипсѣ. Она легко растворяется въ водѣ, на воздухѣ расплывается; вкуса остраго, горькаго. Эту соль хвалили какъ одно изъ самыхъ лучшихъ минеральныхъ удобреній; подсолнечники вырастали вышиною въ 14—18 футовъ, а картофелины достигали вѣсомъ до нѣсколькихъ фунтовъ, если поле поливали растворомъ одной части этой соли въ 60 частяхъ воды, или когда намачивали въ немъ сѣмена. Но опыты Шюблера доказали неосновательность этихъ похвалъ; онъ замѣчаетъ, если повторяютъ поливаніе растеній этимъ растворомъ, то во время сухой погоды соль легко собирается на поверхности земли, и въ слѣдствіе этого растенія нерѣдко погибають. Цѣлый рядъ опытовъ, произведенный съ этою солью, показалъ Шюблеру, что эта соль, будучи примѣшена къ почвѣ въ количествѣ $1\frac{0}{8}$ — $\frac{10}{20}$ — $\frac{1}{4}\frac{0}{0}$, дѣйствуетъ вреднымъ образомъ на прозябаніе растеній.

б) *Хлористая магнезія*.—Находится въ минеральныхъ водахъ, въ солончакахъ и, какъ механическая примѣсь, въ гипсѣ; чаще всего встрѣчается въ почвахъ, которыя лежатъ вблизи морей; на воздухѣ расплывается; вкуса горько-солянаго; преимущественно благопріятствуетъ прозябанію растеній, дико-произрастающихъ по берегамъ морскимъ, какъ-то: *Salicorniae herbaceae*, *Glaux maritimae*, породамъ *Salsolae*; зола всѣхъ этихъ растеній содержитъ въ себѣ много хлористой магнезіи.

с) *Поваренная соль*, которую въ Химіи называютъ хлористымъ натромъ, распространена въ природѣ въ самомъ большомъ количествѣ; ее находятъ въ морской водѣ, въ горныхъ породахъ, въ минеральныхъ источникахъ, въ солончакахъ, въ дождевой водѣ, въ сокахъ животнаго организма; слѣдовательно она различными путями можетъ достигать въ составъ почвъ. Во многихъ мѣстахъ поваренную соль употребляютъ съ пользою для удобренія полей. Опыты Шюблера показали, что поваренную соль, какъ и всѣ другія, для удобренія полей надо употреблять въ надлежащемъ количествѣ; употребленная въ избытокъ, она вредитъ растеніямъ. Такъ растворъ изъ 1 части соли и 80 частей воды производитъ вредныя дѣйствія, которыя остаются незамѣтными, если 1 ч. соли будетъ распущена въ 100 ч. воды. Огородная земля отъ примѣси $1 - 1\frac{1}{2} \%$ поваренной соли дѣйствовала вредно на многія растенія; и только примѣсь соли въ количествѣ $\frac{1}{8} \%$ не оказывала вреднаго дѣйствія на прозябаніе. Впрочемъ и самыя растенія, относительно поваренной соли, показываютъ значительную разницу. Такъ морскія растенія могутъ принимать въ себя большее количество поваренной соли; другія же, напротивъ, тотчасъ умираютъ, какъ скоро они попадаютъ на почвы, содержащія въ себѣ поваренную соль.

6. Желѣзистые колчеданы и желѣзистые купоросы.

Желѣзистые колчеданы называются также сѣрнистымъ желѣзомъ, а желѣзные купоросы сѣрно-кислымъ желѣзомъ. Если сѣрнистое желѣзо находится въ почвѣ, то отъ соприкосновенія съ воздухомъ и влажностію превращается въ сѣрно-кислое желѣзо или желѣзный купоросъ. Сѣрнистое желѣзо нерастворимо въ водѣ, слѣдовательно и относительно прозябанія растеній оно играетъ безразличную роль. Напротивъ, желѣзный купоросъ растворяется въ водѣ и вредитъ растеніямъ, если почвы содержатъ въ себѣ значительное его количество, и только нѣкоторыя породы могутъ выносить его безъ вреда. Если почва содержитъ купоросъ въ ма-

ломъ количествъ , тогда онъ дѣйствуетъ на прозябеніе растений безвредно. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Англій употребляютъ для удобренія полей каменный уголь, содержащій въ себѣ купоросъ. Во Франціи съ тою же цѣлю употребляютъ торфяную золу, богатую сѣрнистымъ желѣзомъ; а въ Шварцвальдѣ въ смѣси съ купоросомъ приготавливаютъ нѣкоторыя туки. Но со всею вѣроятностію можно предполагать, что въ этихъ случаяхъ безвредность купороса зависитъ отъ присутствія другихъ сѣрно-кислыхъ солей, преимущественно гипса. Потому что если въ почвѣ находится угле-кислая известь или угле-кислая щелочь, и если къ нимъ прибавляютъ купоросъ, то тогда образуются угле-кислое желѣзо и сѣрно-кислыя соли или извести, или натра, или поташа.

Вотъ всѣ тѣ неорганическія соли, которыя мы находимъ въ почвахъ, въ бѣльшемъ или мѣньшемъ количествѣ, которыя входятъ также въ составъ растительныхъ тканей и составляютъ одно изъ главныхъ условій для прозябенія растений. Въ слѣдующей статьѣ мы перейдемъ уже къ изученію физическихъ свойствъ почвъ, отъ которыхъ также не мало зависитъ бѣльшее или мѣньшее плодородіе нашихъ полей.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ЖИЗНЬ ПЛАТОНА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

СОБСТВЕННЫЯ ЕГО ЗАПИСКИ *.

(Продолженіе.)

Вступивъ въ правленіе новыя Епархіи, нашель многос, что требовало всего его подвига. Предъ тѣмъ въ Москвѣ была жестокая моровая язва, и наибольшая часть въ Москвѣ духовенства померла; на ихъ мѣста опредѣлены по большей части изъ разныхъ Епархіи бродяги, которые, въ своихъ мѣстахъ не возмогши ужиться, бросились въ Москву. Ихъ мало по малу новый Архіепископъ переводилъ, и на ихъ мѣста лучшихъ и ученыхъ производилъ, такъ что наконецъ чрезъ 45 лѣтъ, едва не всю Москву снабдилъ учеными и добнопорядочными Свщениками. За что общее отъ всей публики заслужилъ признаніе и похвалу. Перевелъ безчестный крестецъ, который состоялъ въ томъ, что у Спасскихъ воротъ всегда собиралось поповъ по 10, по 20, и по 30. Бродяги изъ разныхъ Епархій, отрѣшенные отъ мѣстъ, а иные и запрещенные, и подъ слѣдствіями находящіеся, и занимались, стоя на крестцѣ, служить обѣдни при разныхъ церквахъ, за малѣйшую цѣну, копѣекъ по 10 и по 5. Дѣлало сіе нетерпимый соблазнъ. Богъ помогъ Архіепископу все сіе перевести, такъ что сего и слѣда не осталось, хотя оно продолжалось, можетъ быть, чрезъ нѣсколько сотъ лѣтъ, и хотя преж-

* См. Москвитяя, 1849 г. NN 4 и 14.

ніе Архіереи о томъ же старались, но не успѣли. А какимъ образомъ сіе зло переведено, о томъ все объяснять многого требуетъ труда и времени. Также уменьшилъ число домовыхъ церквей, и бывшихъ при нѣкоторыхъ приходскихъ церквахъ викарныхъ поповъ. Ибо отъ сего кромѣ того, что оно ни съ законами, ни съ правилами несходственно, происходили великія безчинія, и командъ многія затрудненія, а по уменьшеніи сего уменьшились и сообразны, облегчилась команда, Священники приходскіе стали въ бдльшемъ уваженіи, и содержаніемъ довольны.

Академія Московская поручена дирекціи Архіепископа Московскаго, почему оцъ почелъ долгомъ стараться о приведеніи ея въ лучшее совершенство; умножилъ учениковъ, коихъ прежде не болѣе было, какъ 250, а иногда до 300 человекъ, но послѣ дошло ихъ число даже до 1000 человекъ, и устроилъ въ ней для бѣдныхъ учениковъ особую бурсу. А притомъ, находя въ Перервинскомъ Монастырѣ доходы не малые, издерживаемые едва на что полезнее, и между рукъ уходящія, по указу Императрицы, въ томъ же 1778 году, устроилъ тамъ училище и содержаніе оного изъ монастырскихъ доходахъ, которое, добромъ и кѣрнымъ хозяйствомъ, весьма противу прежняго умножилъ, такъ что на одно училище исходятъ въ годъ болѣе 4000 р., и оно уже многихъ произвело успѣшныхъ учениковъ и добрыхъ Священниковъ. Притомъ устроилъ тамъ школы и кельи для Архіерея и учителей, и башни, и ограду кругомъ сада, каменные.

Также въ томъ же году завелъ малыя училища, въ Калугѣ, въ тамошнемъ Лаврентіевѣ Монастырѣ, и построилъ для школъ покои; да въ Звенигородѣ въ Саввинѣ Монастырѣ, и испросилъ у Императрицы на каждое изъ сихъ училищъ, для содержанія учителей и бѣдныхъ учениковъ, по 300 руб. въ годъ.

Между тѣмъ ревностно прилежалъ къ отправленію дѣлъ епаршескихъ судебныхъ, коихъ было великое множество, и не щадилъ онъ ни труда, ни здравія. Ибо непременно, каждый день, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ, съ

7 часовъ утра по 1-й, а иногда по 2-й часъ по полудни, упражнялся въ разбираниі прошеній, въ даваніи на нихъ рѣшеній, или письменныхъ или словесныхъ, въ разсматриваніи дѣлъ отъ Консисторіи, духовныхъ правленій и благочинныхъ (коихъ вездѣ вновь учредилъ, и далъ имъ печатныя инструкціи) и въ рѣшеніи. Доступъ къ нему былъ всѣмъ не возбраненъ; и всѣ дѣла и принималъ, и разсматривалъ, и писалъ самъ собою, безъ всякаго помощника; а подъячій только записывалъ, и куда надлежитъ отсылалъ. Особливо же ревновалъ, чтобъ сохранить правосудіе; и какъ самъ ни отъ кого ничего не бралъ, то и надъ подчиненными, сколько могъ, строго наблюдалъ, чтобъ издомства не было и злонамѣренной проволочки. Стоило ему сіе не малаго силъ истощанія; но утѣшало и одобряло то, что видѣлъ на всѣ его труды благословеніе Божіе, съ немалымъ къ лучшему порядку успѣхомъ.

Но надлежитъ сказать и о хозяйствѣ Московскаго Архіерейскаго дома. Не только нельзя было въ немъ жить, но и ничего почти въ немъ не было; и онъ принужденъ былъ жить на подворьѣ Троицкомъ, что у Сакаревой башни. Ибо во время мятежа, бывшаго въ 1771 году, и убіенія Архіерея, Архіерейскіе покои были внутри разорены и разграблены; также и конюшня и экипажъ весь. А между тѣмъ, до небытію до 1778 года конюшня, не безъ того, что и отъ другихъ, или запущено, или недостаткомъ и умноженъ. Заботило сіе Платона. Пожаловала Императрица, безъ просьбы, сама собою, на постройку новаго дома 40,000 руб. И онъ построилъ новый домъ въ томъ видѣ, въ коемъ онъ нынѣ всеміи зрится. Также и въ церквахъ Чудовскихъ все поправилъ и украсилъ; и ризницу весьма всякою утварію умножилъ, которая до того времени весьма была недостаточна, какъ то сіе всякъ видѣть можетъ, кто возлюбопытствуетъ узнать, что до Платона въ Чудовскихъ церквахъ и въ ризницѣ было, и что при немъ прибыло. При томъ, въ послѣдствіи времени, устроилъ новый деревянный домъ на подворьѣ Заборовскомъ, съ службами и оградою кругомъ каменными. Также и на другомъ подворьѣ въ Ха-

мовникахъ, деревянный домъ съ службами и оградою каменными. Но не оставилъ и загороднаго Черкизовскаго дома, который былъ крайне запущенъ, и къ паденію склоненъ. Онъ его возобновилъ во всемъ, пристроилъ, новыя построилъ службы, садъ въ порядокъ привелъ, и кругомъ обнесъ оградою каменною. Возобновилъ прорвавшійся прудъ, поставилъ мельницу и прочее, что все исчислять трудно. И все сіе производилъ коштомъ монастырскимъ. Ибо при заведеніи вѣрнаго и добраго хозяйства, доходы весьма противу прежняго умножились, и на все устроеніе съ излишкомъ доставало.

Но между всеми дѣлами весьма нерѣдко служилъ и всегда проповѣдывалъ Слово Божіе; особенно въ Четырнадцатиницу, каждое Воскресенье служба поучалъ народъ; что видно изъ поучительныхъ его и намечатанныхъ словъ.

Между тѣмъ, въ томъ же году къ Троицыну дню Императрица съ Великимъ Княземъ и съ Великою Княгинею посетила Лавру, гдѣ Архіепископъ принималъ и проводилъ сихъ Высокихъ Гостей, и милостиво награжденъ и съ обителию, получивъ на устроеніе Лавры до 30,000 рублей.

Препровождая такимъ образомъ 1778 годъ, въ началѣ 1776 года, отправился въ С.-Петербургъ для присутствія въ Синодѣ. И хотя сіе было противу его желанія, но надлежало повиноваться верховной волѣ. Скоро по пріѣздѣ, въ Апрель мѣсяцъ, открылся печальный и для Платона поразительный случай. Великая Княгиня Наталія Алексѣевна, особая его благопріятнѣйшая благотельница, приближась къ рожденію, при радостной вѣсѣхъ надеждъ, не разрѣшившейся ея утробъ, Апрель для скончалася. Платонъ ее присутствовалъ исповѣдію и Св. Причастіемъ; и при погребеніи дочтилъ ея святую память надгробнымъ словомъ.

При окончаніи года, не находя Архіепископъ удовольствія жить въ С.-Петербургѣ, въ разлукѣ съ паствою, о пользѣ коея онъ весьма ревновалъ, и скучая присутствіемъ, по теченіи дѣлъ съ его мыслями и начатами несходному, и не видя въ сотрудиннахъ своихъ въ томъ содѣяствія, которые поступали по своимъ видамъ, ница, можетъ

былъ, болѣе своихъ выгодъ, нежели общихъ, рѣшился просить Императрицу объ отпускѣ въ Епархію, и о увольненіи навсегда отъ Синода; почему и былъ отпущенъ, но токмо на годъ.

Но между тѣмъ, въ теченіе того же года, Великій Князь обручилъ себя новую Невѣсту, Приицессу Виртембергъ-Штудгартскую, Марію Феодоровну, нынѣ Государыню Императрицу. Для Платона новый подвигъ. Онъ паки къ ней опредѣленъ былъ въ учителя для наставленія въ нашемъ законѣ, и для приуготовленія къ соединенію съ Православною нашею Церковію. Что имъ и исправлено точно такимъ же порядкомъ, какъ было при покойной Великой Княгинѣ Наталіи Алексѣевнѣ. Притомъ, при совершеніи брака ихъ провозгласилъ и пристойное слово. А чтобъ быть емъ духовникомъ, отъ того отведенъ Платонъ; чему и радъ былъ оцъ. И такъ исправивъ и сію должность, такъ, какъ и при покойной Великой Княгинѣ, получивъ притомъ увольненіе, отправился въ Москву въ началъ 1777 года.

По прибытіи въ свою паству, упражнялся въ тѣхъ же самыхъ дѣлахъ, и съ тою же заботою, какъ выше сказано; и утѣшался, видя всего прихожденіе къ лучшему и уменьшеніе трудовъ. А притомъ занимался хозяйствомъ по Чудову Монастырю, приводя въ окончаніе и совершенство Архіерейскій домъ; также строя и на Перервъ и на подворьяхъ, а еще болѣе въ Троицкой Лаврѣ. Ибо получивъ на оную до 30,000 руб., построилъ, вмѣстѣ ветхой старой, новую ризничную палату, сдѣлалъ новый иконостасъ, обложилъ весь серебромъ, въ Троицкомъ Соборѣ, и росписалъ по стѣнамъ на золотѣ, то же и въ трапезной церкви, и у Никона, и у Михея, и въ Сошестввенской церкви, вездѣ новые иконостасы, и вновь росписавъ стѣннымъ писаніемъ, и въ больничной церкви новый иконостасъ, и у Смоленской вновь росписавъ по стѣнамъ, и крыльцо новое у Успенскаго Собора, и двѣ палатки новыя, Серапіоновскую и Максимовскую; и оградивъ оградою каменною Корбугу и садъ; что при Лаврѣ, и другія многія сдѣлавъ пристройки и поправки; что все исчислить подробно, не безъ трудности; да

и въ печатномъ Лавры описаніи то усмотрѣть можно. Препроводивъ такимъ образомъ 1777 годъ въ Москвѣ и въ Лаврѣ, отправился по истеченіи срока въ С.-Петербургъ, куда и прибылъ въ началѣ 1778 года. По прибытіи, упражнялся вздѣ въ Синодѣ, не рѣдко бывая у нхъ Императорскихъ Высочествъ, также получая на каждой почтѣ изъ Епархіи и изъ Лавры премногія дѣла и прошенія, и, немедленно рѣша, отправлялъ ихъ въ свои мѣста. При окончаніи года, опять скучая тамошнимъ пребываніемъ, по тѣмъ же самымъ причинамъ, о коихъ прежде сказано, просилъ Императрицу объ отпускѣ въ Епархію и о увольненіи навсегда отъ Синода, и получилъ, но только пакн на годъ.

По прибытіи въ началѣ 1779 года въ Москву, пакн принялся за тѣ же епаршескія и хозяйственныя и училищей дѣла, и съ тою же ревностію, какъ прежде о томъ объяснено. По окончаніи годоваго срока, не желая отъѣхать въ С.-Петербургъ, послалъ къ Императрицѣ прошеніе пакн о томъ же. Почему и отсрочено, но также на годъ. И такъ остался въ Епархіи и на 1780 годъ, и продолжалъ свое теченіе дѣлъ по прежнему. А сверхъ того, во всякую бытность его въ Москвѣ присутствовалъ и въ Синодальной Конторѣ, гдѣ какъ надлежало ему дѣла производить не одному, но съ другими, коихъ и виды и начала были нынѣ и не безпристрастные: то почти всегдашнее чувствовалъ отъ того неудовольствіе.

По окончаніи 1780 года и срока, покусился пакн послать въ началѣ 1781 года прошеніе къ Императрицѣ о томъ же. Но получивъ въ отвѣтъ чрезъ Князя Потемкина, что Императрица отдастъ на его волю — или вѣхать, коли нужныхъ дѣлъ нѣтъ, или не вѣхать, и разсудивъ, что лучше по такому отзыву вѣхать, отправился пакн въ С.-Петербургъ въ концѣ 1781 года. Туда прибывъ, не нашелъ тамъ перваго своего утѣшенія, Ихъ Императорскихъ Высочествъ; ибо они были въ вояжѣ по Европѣ. Препровождая время, Архіепископъ, въ вздѣ въ Синодѣ и въ епаршескихъ и другихъ вышепомянутыхъ дѣлахъ, вдругъ получилъ повелѣніе Императрицы, чтобъ отправиться въ Москву, для от-

крытія учрежденнаго тогда вновь Московскаго Намѣстничества. Сему объявленію обрадовался Платонъ, и какъ не назначено сроку къ возвращенію, то симъ случаемъ и разсудилъ онъ воспользоваться, чтобъ остаться въ Москвѣ, и болѣе не отправляться въ С.-Петербургъ.

По прибытіи въ Москву 1782 г. въ Августъ мѣсяцъ, и отправивъ обрядъ открытія Намѣстничества, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, принялся паки за тѣ же епаршескія и хозяйственныя дѣла и тѣмъ же порядкомъ. Сей годъ былъ началомъ для Архіепископа новыхъ, по удовольственныхныхъ трудовъ: заведеніемъ Виоаніи, прежде названной отъ него пустынею, а послѣ учрежденной Государемъ Императоромъ, второкласснымъ монастыремъ. Случаи къ тому были слѣдующіе.

По извѣстности Архіепископу окружностей Лавры, всегда ему сіе мѣсто, гдѣ нынѣ Виоанія, яко на красивомъ положеніи и при изобиліи водъ, но впускъ оставленное, особливо правилось. Хозяйственныя строенія и въ Чудовѣ и въ Лаврѣ и на Перервѣ и въ другихъ мѣстахъ, почти всѣ къ окончанію пришли, или приходили. А онъ особливую имѣлъ охоту къ строеніямъ. Притомъ, началъ скучать правленіемъ епаршескихъ дѣлъ, не для того, аки бы его или дѣла отягощали, или паствою былъ не доволенъ. Нѣтъ! и къ трудамъ былъ онъ неугомимъ и паствою доволенъ. Ибо хотя и были нѣкоторые недовольные, какъ то безъ сего и пробыть нельзя, но большею гораздо частію честныхъ и благонамѣренныхъ людей, таковыхъ недовольныхъ или роптанія, или отзвывы были заглушаемы; и Платону не причиняли многого смущенія, или въ трудахъ ослабленія. Но нѣкоторые въ главной его командѣ или завистию подстрекаемы, или въ его оужденіи находя свои выгоды и повышенія, или не видя въ немъ къ своему честолюбію угожденія и уваженія, а особливо примѣтя, что и Императрица, по нѣкоторымъ также внушеніямъ, хотя не совсѣмъ, однако не мало уменьшила своей благосклонности; по всѣмъ симъ причинамъ, начали по командѣ причинять Архіепископу многія затрудненія, досады, приказныя привязки, и добрыхъ его намѣреній и дѣлъ въ худую сторону толкованія. Все сіе

примѣчая и видя, Платонъ началъ скучать правленіемъ Епархіи, имѣя ко всему ревность, но руки связываемыя. Всѣми обстоятельствами бывъ побужденъ, а притомъ всегдашній уединенія любитель, разсудилъ устроить вышепомянутое ему милое мѣсто, съ тѣмъ, чтобъ еще нѣсколько продолживъ правленіе Епархіи, и приближаясь къ старости, отказаться отъ оной, и уединиться въ ту пустыню, и тамъ окончить послѣдніе свои годы въ тишинѣ. А чтобъ устройство сіе не протолковано было отъ зложелателей въ худую сторону, и не остановлено, положилъ тамъ устроить кладбище для Лаврскихъ монашествующихъ, кои въ Лавръ погребались, а указами въ знаменитыхъ мѣстахъ погребать было воспрещено. И такъ 1783 года и дѣйствительно приступилъ къ строенію во-1-хъ церкви, а потомъ своихъ покоевъ, а далѣе мало по малу и другихъ строеній, такъ какъ нынѣ все то видимо есть; и по причинѣ погребаемыхъ братій въ надежду воскресенія, по примѣру Лазаря воскресшаго, наименовалъ оную *Виванією*, и устроилъ нижній храмъ во имя четверодневнаго Лазаря. — И все строеніе Архіепископъ производилъ своимъ собственнымъ коштомъ. Таково было начало Виваніи; а что объ ней послѣдовало, о томъ ниже сказано будетъ. Между тѣмъ изрѣдка въ Лавръ бывая, въ годъ раза по два и по три, не болѣе недѣль, пребывалъ всегда въ Москвѣ, при своей обыкновенной должности, и никуда почти не выѣзжалъ, какъ только на служенія, да на Перерву, а лѣтомъ въ Черкизовскій загородный домъ, а иногда въ Саввинъ Монастырь дни на два, или на три.

Въ 1783 году, нечаянно Императрица прибыла изъ Твери въ Москву на нѣсколько дней, не оказавъ никакого Архіепископу благовоительнаго знака.

Но въ 1787 году, возымѣвъ путешествіе чрезъ Смоленскъ и Кіевъ въ Крымъ, на возвратномъ пути посѣтила и Москву, гдѣ приняла Архіепископа благосклоннѣйшимъ и ласковѣйшимъ образомъ, въ концѣ Іюня мѣсяца, гдѣ пробывъ до 10 дней, неоднократно удостоивъ его стола своего, разговаривала съ нимъ и обходилась милостивѣйшимъ обра-

зомъ. И вотъ что случилось! Прежде до того года за два, пожалованы ею Митрополитами Архіепископы Новгородскій Гавріилъ и Кіевскій Самуилъ, бывшій Архіепископъ Ростовскій, который всегда былъ Архіепископа Московскаго ниже.

Положено было тогда и его пожаловать въ Митрополита, и клобукъ бѣлый былъ приготовленъ, какъ самъ Князь Потемкинъ Платону сказывалъ: но помѣшали злые люди.... Однако, се что Судьбы Божіи устроили. Когда Платонъ о томъ не воображалъ (ибо ниже какимъ-либо слухомъ до него доходило), и приготовился служить въ день Первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла, въ Успенскомъ Соборѣ, куда и Императрица съ двумя своими внуками прибыла — Александромъ Павловичемъ и Константиномъ Павловичемъ, и совершилъ литургію; тотъ самый духовникъ, служа съ нимъ, который ему не желалъ Митрополитомъ быть, вдругъ, по Достоинствъ, по обряду поминалъ его, наименовалъ Митрополитомъ: поминани Господи Митрополита нашего имрекъ; и проч. Платонъ, сіе услышавъ, почелъ, что онъ въ насмѣяніе ему сіе говорить, воспрещаль, чтобъ онъ при совершеніи Святѣйшихъ Таинъ сего не дѣлалъ; но онъ только отвѣтствовалъ, что такъ надлежитъ, и паки тоже повторилъ. Потомъ тотчасъ придворный Проповѣдникъ, сказавъ Архіепископу, что такъ отъ Императрицы повельно, и провозгласилъ велегласно, во всю церковь, по обряду: Митрополита Московскаго и проч. Тогда узнавъ Митрополитъ волю Императрицы, обратившись, поклонился Императрицѣ изъ царскихъ дверей, а паче возблагодаривъ Господа чудодѣющаго, продолжалъ служеніе. Таковымъ же образомъ Императрица хотѣла было поступить съ нимъ и въ Твери, чтобъ нечаянно провозгласить Московскимъ Архіепископомъ; но отъменила, сказавъ, что она боится, дабы отъ внезапности таковой чего ему не приключилось, какъ сказывалъ ему Князь Потемкинъ. Удивился, и всегда потомъ продолжалъ Платонъ свое удивленіе таковому судьбъ Божіихъ неностижимыхъ устроенію. — Когда ни мало о томъ онъ не помышлялъ, среди служенія, внезапно по пропѣтіи *Достойно есть*, въ присутствіи Импе

ратрицы и всего Синодита и всего духовенства, въ первенствующей Россіи церкви, въ самый тотъ день, когда онъ родился, и совершилось 80 лѣтъ, провозглашенъ Митрополитомъ; да еще чрезъ самого того, который о томъ и слышать не хотѣлъ.

Все сіе произошло, какъ послѣ Платонъ услышалъ, такимъ образомъ, что Императрица въ самое служеніе приказала отдать указъ духовнику на имя Синода, и приказала ему и протодіакону его Митрополитомъ провозгласить; но сіе отъ Архіепископа было сокрыто. Послѣ обѣдни привѣтствовалъ Императрицу со днемъ торжественнымъ тезоименитствомъ Его Императорскаго Высочества, и возблагодаривъ за пожалованіе, приглашенъ былъ къ столу, гдѣ, благосклонно принявъ его, Императрица, и разговаривая, пожаловала ему блюдо и солонку серебряныя позлащенные и хлѣбъ, поздравивъ его съ собственными именинами. А на третій день прислала на бѣлый клубукъ богатый брилліантовый крестъ. И такъ симъ Платонъ бывъ обрадованъ, проводилъ Императрицу по надлежащему въ Петербургъ въ сель Всесвятскомъ.

Обрадованъ былъ Платонъ; но не обрадовались тѣ, кои ему не доброжелательствовали, а власть по командѣ духовной имѣли въ своихъ рукахъ. Почитали его для себя тягостнымъ, и не надѣялись себя возвысить и усилить, развѣ униженіемъ и ослабленіемъ его. Всѣ изобрѣтали способы его беспокоить. Нѣкоторые явились просители въ Синодъ, чего никогда не бывало. Ибо узнали, что есть такіе, кои тому рады и имъ помогать будутъ. И хотя сіи просители по дѣлу не могли ничего получить, ибо оказались виновными; но между тѣмъ разными спросами, справками и нарочнымъ продолженіемъ былъ Митрополитъ обезпокоиванъ. А сверхъ того и частыми отъ коликъ болѣзнями до опасности жизни доводимъ былъ; имѣя же въ виду устроенное въ Виѳаніи спокойное уединеніе, напоследокъ по многомъ размышленіи, призвалъ Бога въ помощь и совершивъ литургію, и сказавъ слово, въ какихъ случаяхъ можно отъ должности отпуску просить, послалъ прошеніе

къ Императрицѣ, 1792 года Февраля 2 дня, объ уволеніи отъ Епархіи и оставленіи его въ Лавръ.

На сіе немедленно пришелъ отвѣтъ, что Императрица признаетъ его заслуги, сожалѣетъ о его болѣзняхъ, но почитаетъ, что и безъ уволенія отъ Епархіи можетъ онъ жить въ Лавръ сколько расудить; а во время отсутствія своего можетъ поручать правленіе своему Викарію. Ибо въ 1788 году былъ опредѣленъ ему Викарій, и наименованъ Епископъ Дмитровскій, и жить ему въ Москвѣ, въ Богоявленскомъ Монастырѣ, управляя церквами, сколько ему мѣстный Архіерей опредѣлитъ.

И такъ Платонъ, въ силу сея Императрицы воли, отбылъ изъ Москвы въ Лавру, въ 1792 году, поручивъ правленіе Епархіи оному Викарію, однако такъ, что не весьма малая часть дѣлъ ему и въ Лавру были присылаемы, или на рѣшеніе, или на утвержденіе; въ чемъ онъ еще и въ Лавръ не мало занимался и беспокоился, особливо что по аппеляціямъ въ Синодъ надлежало ему одному все переносить, а не Викарію. А между тѣмъ онъ и въ Москву пріѣзжалъ въ годъ разъ, а иногда два, на мѣсяць и на два и болѣе, и всякія дѣла производилъ. Но по Синодальной Конторѣ ни въ какія дѣла не входилъ. И на семъ основаніи пребывалъ онъ въ Лавръ зимою, а лѣтомъ въ Виѣаніи, а иногда въ Москвѣ до 1796 года.

Въ семъ году, Ноября 6 числа происшелъ новый случай важный. Скончалась Императрица, и взошелъ на престолъ сынъ ея Государь Наслѣдникъ Павелъ I-й. Сія вѣсть въ Лавру пришла чрезъ приватныя письма, Ноября 11 дня, коимъ едва смѣлъ вѣрить Митрополитъ. Но чрезъ часъ по полученіи таковыхъ писемъ, явился курьеръ изъ Петербурга, съ своеручнымъ письмомъ отъ новаго Государя Императора, коимъ онъ, извѣщая Платона о кончинѣ своей матери, повелѣваетъ пріѣхать въ Петербургъ, распорядя по Епархіи.

IV.

О ФИЗИЧЕСКИХ СВОЙСТВАХ ПОЧВЪ.

Въсь почвъ: удѣльный и усобный. — Способность почвъ вбирать въ себя воду или водоемкость почвъ. — Методъ Каде де Гассикура опредѣлять плодородіе почвъ ихъ водоемкостію. — Способность почвъ задерживать въ себѣ принятую воду на болѣе долгое или короткое время. — Волосяность почвъ. — Способность почвъ поглощать изъ атмосферы влагу. Методъ Деви опредѣлять плодородіе почвъ ихъ способностію поглощать изъ атмосферы влагу. — Способность почвъ поглощать кислородъ изъ воздуха и другіе газы. Объясненіе этою способностію почвъ многихъ явленій, которыя мы замѣчаемъ на нашихъ пахатныхъ поляхъ и въ растительномъ организмѣ. — Свойство почвъ уменьшаться въ объемъ при высыханіи. — Плотность и вязкость почвъ въ сухомъ состояніи; вязкость почвъ при влажномъ ихъ состояніи и степень ихъ прилипанія къ пахатнымъ орудіямъ. — Уменьшеніе вязкости и плотности почвъ отъ дѣйствія морозовъ. — Способность почвъ нагрѣваться болѣе или менѣе отъ солнечныхъ лучей. — Способность почвъ задерживать въ себѣ принятую теплоту. — Электрическое свойство почвъ.

Мы познакомились съ составными началами почвъ, и видѣли, что онѣ играютъ болѣе или менѣе важную роль въ процессъ растительнаго питанія: теперь мы уже знаемъ, что однѣ изъ составныхъ началъ почвы вліяютъ на прозябаніе растений физически; другія же изъ нихъ входятъ въ составъ растений; слѣдовательно доставляютъ растениямъ матеріалы питанія. Но кромѣ составныхъ началъ, на развитіе

растений имѣютъ большое вліяніе такъ же и физическія свойства почвъ. Шюблеръ, бывшій Профессоръ Химіи въ Говвильскомъ Агрономическомъ Институтѣ, первый изслѣдовалъ со всею точностію физическія свойства почвъ; его изслѣдованія относительно этого предмета и до сихъ поръ еще имѣютъ авторитетъ; онъ цитуются во всѣхъ Нѣмецкихъ, Французскихъ, Англійскихъ и Русскихъ учебникахъ Сельскаго Хозяйства. А потому и я, въ моихъ лекціяхъ о физическихъ свойствахъ почвъ, буду передавать результаты изслѣдованій, предпринятыхъ Шюблеромъ, но только съ самыми незначительными измѣненіями.

Къ числу физическихъ свойствъ почвъ принадлежать :

- 1) Удельный и усобный вѣсъ почвъ.
- 2) Свойство почвъ задерживать въ себѣ воду.
- 3) ——— ——— вбирать въ себя воду.
- 4) Волосяность почвъ.
- 5) Свойство почвъ вбирать въ себя влажность изъ атмосферы.
- 6) Свойство почвъ вбирать въ себя воздухъ, кислородъ, и уплотнять ихъ въ себѣ.
- 7) Свойство почвъ уменьшаться въ объемъ отъ высыханія.
- 8) Плотность почвъ въ сухомъ и сыромъ состояніи.
- 9) Свойство почвъ нагрѣваться отъ солнечнаго свѣта и чрезъ разложеніе органическихъ веществъ, находящихся въ почвъ.
- 11) Свойство почвъ задерживать въ себѣ теплоту.
- 10) Электрическое свойство почвъ.

Позвольте мнѣ теперь обратить ваше вниманіе на эти физическія свойства почвъ, и показать, какое онѣ могутъ имѣть вліяніе на прозябаніе растений, а слѣдовательно и на количество урожая.

1) *Вѣсъ почвъ.*

При опредѣленіи вѣса почвъ, мы можемъ задать себѣ два вопроса: а) Какъ тяжело вѣснть извѣстный объемъ почвы, напр. кубическій футъ въ воздухъ, самъ по себѣ, безъ всякаго сравненія съ другими веществами? Такой вѣсъ почвъ называется *усобнымъ вѣсомъ*; б) какъ тяжело вѣснть извѣстный объемъ почвы сравнительно съ равнымъ объемомъ какого-нибудь другаго тѣла, напр. съ водою? Эготъ вѣсъ почвъ называется *удѣльнымъ специфическимъ вѣсомъ*.

а) *Усобный вѣсъ почвъ.* — Наблюденіе показываетъ, что почвы, которыя имѣютъ самый большой усобный вѣсъ, скорѣе садятся послѣ обработки, нежели почвы, которыя легче по своему усобному вѣсу. Такъ песчаныя почвы послѣ паханія осѣдаютъ скорѣе, нежели почвы черноземныя. А скорое и медленное осѣданіе почвъ послѣ ихъ обработки имѣетъ вліяніе на развитіе растений; потому что чѣмъ скорѣе и плотнѣе садится почва послѣ обработки, тѣмъ скорѣе и въ бдльшемъ количествѣ вытѣсняется изъ ея промежутковъ воздухъ, кислородъ, угольная кислота и другіе газы, которыя могутъ служить непосредственною пищею для растений. Вотъ причина, почему почвы, которыя имѣютъ большой усобный вѣсъ, при всѣхъ равныхъ условіяхъ бываютъ менѣе плодородны сравнительно съ почвами, которыхъ усобный вѣсъ легче. Вотъ одна изъ причинъ бесплодія почвъ песчаныхъ сравнительно съ почвами черноземными. Познаніе усобнаго вѣса различныхъ земель еще важно и въ томъ отношеніи, что съ помощію его можно опредѣлить, какъ много можно навьючить на возъ: песку, мергелю, навозу, обыкновенной земли, и т. д.

б) *Удѣльный вѣсъ.* — При опредѣленіи удѣльнаго вѣса почвъ берутъ за единицу сравненія воду, температура которой была бы $= 3,4^{\circ} \text{P}$, потому что при этой степени тепла вода имѣетъ самую большую плотность. Самый же

удѣльный вѣсъ почвъ опредѣляется такъ: берутъ стеклянку, наполненную водою и закупоренную стеклянною пробкою, взвѣшиваютъ ее на вѣскахъ и замѣчаютъ ея вѣсъ; стеклянку снимаютъ съ вѣсковъ и половину воды изъ нея выливаютъ вонь; за тѣмъ берутъ землю, высушенную при 50° Р., вѣсятъ ее, и замѣтивъ вѣсъ, наполняютъ ею стеклянку, въ которой находится вода; потомъ въ стеклянку приливаютъ еще воды, чтобы вытѣснить воздухъ, находящійся въ землѣ; наконецъ стеклянку, содержащую въ себѣ воду и землю, ставятъ на вѣски и снова замѣчаютъ ея вѣсъ. По количеству воды, вытѣсненной землею, опредѣляютъ удѣльный вѣсъ почвы.

Положимъ, что сухая земля, взятая для опыта вѣсила..... 300 гранъ.

Вода, находящаяся въ сосудѣ, вмѣстѣ съ стеклянкою вѣсила..... 900 гранъ.

Слѣдовательно сумма вѣса земли воды и стеклянки, вмѣстѣ взятыхъ, должна быть равна 1200 грамамъ.

Но если мы взвѣсимъ, то найдемъ, что сумма вѣса этихъ веществъ будетъ гораздо меньше, нежели сколько бы онѣ должны были вѣсить; положимъ, что общій итогъ вѣса вмѣсто 1200 гранъ будетъ равенъ только = 1000 грамамъ. Слѣдовательно земля вытѣснила изъ сосуда 200 гранъ воды. Другими словами: 300 частей земли занимаютъ собою такой же объемъ, какой занимаютъ собою 200 ч. воды; а потому вѣсъ воды къ вѣсу земли будетъ относиться какъ = $200 : 300$, или удѣльный вѣсъ земли будетъ = $\frac{200}{300} = 1,50$. Слѣдовательно, если вода будетъ принята за единицу сравненія, то удѣльный вѣсъ земли будетъ = 1,50; слѣдовательно земля въ этомъ случаѣ будетъ тяжелѣе воды въ $1\frac{1}{2}$ раза.

Если вѣсъ земли, взятой для изслѣдованія, означимъ лит. a , вѣсъ стеклянки съ водою лит. p , а вѣсъ стеклянки съ водою и землею лит. P , то удѣльный вѣсъ земли x будетъ $x = \frac{a}{p + a - P} = \frac{300}{30 + 900 - 1000} = \frac{300}{200} = 1,50$.

Прилагаемая при семъ таблица показываетъ удѣльный вѣсъ различнаго рода почвъ. Здѣсь кубическіе футы и дюймы означаютъ Парижскую мѣру; а вѣсъ принятъ аптекарскій, по коему фунтъ содержитъ въ себѣ 32 лота. Вѣсъ воды былъ опредѣляемъ при температурѣ 3,4° Р.

НАЗВАНІЕ ПОЧВЪ.	Удѣльный вѣсъ земли сравнительно съ водою, которой вѣсъ = 1.	Вѣсъ Парижскаго дюйма земли.		Вѣсъ Парижскаго фута земли.	
		Въ сухомъ состояніи.	Въ сырости состояніи.	Въ сухомъ состояніи.	Въ сырости состояніи.
Известковый песокъ	2,722	гранъ. 505	гранъ. 628	фунтовъ. 113,6	фунтовъ. 141,3
Кварцовый песокъ.....	2,653	495	605	111,3	136,1
Гипсъ.....	2,331	408	573	91,9	127,6
Тощая глина.....	2,601	435	577	97,8	129,7
Суглинокъ	2,581	393	551	88,5	124,1
Жирная глина	2,560	357	531	80,3	119,6
Чистая сѣрая глина	2,553	334	515	75,2	115,8
Трубчатая глина.....	2,440	213	454	47,9	102,1
Углекислая изв. въ пор....	2,468	244	460	53,7	103,5
— магнезія въ пор.	2,194	75	339	15,8	76,3
Черноземъ	1,370	154	346	34,8	81,7
Огородная земля	2,332	364	457	68,7	102,7
Пашатная земля.....	2,401	376	529	84,5	109,1
Тонкослойный мергель....	2,631	498	624	112,0	140,3

Вникнувъ въ эту таблицу, легко замѣтить:

1) Песокъ, изъ всѣхъ составныхъ началъ, имѣетъ самый бѣдшій удѣльный вѣсъ, какъ въ сухомъ такъ и мокромъ состояніи. Кварцовый и известковый песокъ показываютъ едва замѣтную разность относительно удѣльнаго вѣса.

2) Глинистыя почвы по вѣсу всегда будутъ тяжелѣе, чѣмъ больше въ нихъ будетъ находиться песку.

3) Перегной принадлежитъ къ числу самыхъ легкихъ веществъ почвы; а потому и почвы, чѣмъ больше будутъ содержать въ себѣ перегноя, тѣмъ онъ легче будутъ въ-

сомъ. Но по большому или меньшему удѣльному въсу почвъ нельзя дѣлать никакого заключенія относительно ихъ степени плодородія, потому что черноземъ или перегной бываетъ весьма различнаго свойства, да и другія составныя начала измѣняютъ свой вѣсъ, смотря по большей или меньшей ихъ величинѣ зеренъ.

4) Въ обыкновенномъ практическомъ быту песчанья почвы называютъ *легкими*, хотя песокъ имѣетъ и самый бѣльшій усобный вѣсъ; напротивъ, глинистыя почвы слывуть подѣ именемъ *тяжелыхъ*, хотя глина по вѣсу несравненно легче песку. Но сельскіе хозяева подѣ словами *легкій* и *тяжелый* разумѣютъ не усобный и не удѣльный вѣсъ почвъ, а только степень ихъ связности и сцѣпленія, степень ихъ прилипанія къ пахатнымъ орудіямъ; они словами: *легкій* и *тяжелый*, хотѣтъ выразить силу, которая потребна для обработки полей. Песчанья почвы не имѣютъ ни связности, ни сцѣпленія между своими частичками, а потому и во время обработки онѣ представляютъ меньше сопротивленія пахатнымъ орудіямъ; слѣдовательно въ этомъ случаѣ и меньше требуется силы влеченія для пахатныхъ орудій. Глинистыя почвы имѣютъ больше сцѣпленія между своими частичками, а потому во время обработки онѣ противопоставляютъ больше сопротивленія пахатнымъ орудіямъ; слѣдовательно во время паханія нужна будетъ и бѣльшая сила влеченія для пахатныхъ орудій.

2) *Способность почвъ вбирать въ себя воду.*

Способность почвъ вбирать въ себя воду называется также *водоємкостью почвъ*. Вода, которую принимаютъ въ себя почвы, можетъ соединяться съ ихъ составными началами или: а) *химически*, и тогда она называется *водою кристаллизованія*; или б) *механически*, и тогда она называется *капиллярною водою*.

Чѣмъ больше почва содержитъ въ себѣ черноземной кислоты, черноземно-кислыхъ солей, квасцовъ, окиси желѣза, тѣмъ больше будетъ въ ней находиться и воды кристаллизаціонной; потому что всѣ эти вещества, соединяясь съ водою химически, даютъ соединенія, извѣстныя въ Химіи подъ именемъ *гидратовъ*. Со всею вѣроятностію можно предполагать, что вода, которая химически соединяется съ составными началами почвы, играетъ въ процессъ растительнаго питанія безразличную роль; потому что корни растеній не въ силахъ разлагать гидраты, и находящуюся въ нихъ воду претворять въ растительныя произведенія. Напротивъ, вода, которая механически задерживается въ почвахъ, имѣетъ очень важное вліяніе на прозябаніе растеній; потому что она: 1) служитъ средою растворяющею питательныя начала почвъ; слѣдовательно она можетъ ихъ дѣлать способными къ поглощенію корневыми мочками растеній; 2) растенія такую воду могутъ разлагать сами и претворять составныя ея начала, т. е. кислородъ и водородъ, въ свои растительныя произведенія. Какъ избытокъ, такъ и недостатокъ влажности въ почвѣ условливаютъ собою неплодородіе полей; какъ при избыткѣ, такъ и недостаткѣ влажности органическія начала почвъ не могутъ гнить и тлѣть надлежащимъ образомъ, а слѣдовательно онѣ тогда не могутъ превращаться въ черноземъ.

Если хотите знать водоемкость почвъ, т. е. если вы хотите опредѣлить: какъ много извѣстная почва вбираетъ въ себя воды; то прежде всего возьмите землю, сушите ее при 50° Р., до тѣхъ поръ, пока она перестанетъ убавляться въ вѣсъ. Отвѣсьте теперь отъ высушенной земли 500 гранъ. Возьмите стеклянную воронку, разстелите на ней взвѣшенную и смоченную водою бумажную цѣдилку. Высыпайте осторожно на цѣдилку 500 гранъ земли, и смачивайте ее чистою перегнанною водою до тѣхъ поръ, пока процитается вся земля. Послѣ этого, какъ только вода перестанетъ капать изъ воронки, снимите осторожно съ во-

ронки цѣдилку съ землею, взвѣсьте ее снова. Теперь съ помощью самаго простаго вычисленія вы можете узнать, сколько земля поглотила воды, а вмѣстѣ съ тѣмъ выразить въ процентахъ водоемкость испытываемой вами почвы.

Положимъ, что вѣсъ сухой земли..... = 500 грамамъ

вѣсъ мокрой цѣдилки.... = 100 грамамъ

Итого = 600 гранъ.

Послѣ смачиванія земли водою вѣсъ земли

съ цѣдилкою сдѣлался равенъ..... = 800 грамамъ,

следовательно земля приняла въ себя воды = 200 гранъ.

Такъ какъ 500 гранъ земли приняли въ себя 200 гранъ воды, то хочу знать, сколько бы приняли въ себя воды 100 гранъ земли: $500:200 = 100:x$; следовательно $x = \frac{200 \cdot 100}{500} = 40$. Следовательно водоемкость испытываемой земли = 40.

Если для изслѣдованія водоемкости берутъ землю, содержащую въ себѣ много черноземныхъ кислотъ, или солей черноземныхъ кислотъ, то ее тотчасъ, какъ только возьмутъ съ поля, надо смочить водою и взвѣсить, а потомъ высушить, потому что черноземныя кислоты и ихъ соли, если онѣ бываютъ очень сухи, мало вбираютъ въ себя воды.

Слѣдующая при семъ таблица, составленная Шюбле-ромъ, показываетъ водоемкость различнаго рода почвъ:

Таблица II.

НАЗВАНІЕ ЗЕМЕЛЬ.	Водоємкость почвъ.		Парижскій кубическій дюймъ въ сыромъ состояніи содержать :		Парижскій кубическій футъ мокрой земли содержать въ собѣ воды.
	По всѣу.	По объему.	Грановъ воды.	Кубическихъ дюймовъ воды.	
	Проценты.				фунтовъ.
Кварцовый песокъ.....	25	37,9	121	655	27,3
Известковый песокъ.....	29	44,1	141	763	31,8
Гипсъ.....	27	38,2	122	660	27,4
Осадочная известь.....	47	54,5	174	941	39,1
Известь въ порошокъ.....	85	66,1	211	1142	47,5
Магнезія въ порошокъ.....	256	76,1	242	1316	62,6
Тошная глина.....	40	51,4	164	888	38,8
Суглинокъ.....	50	57,3	183	991	41,4
Жирная глина.....	61	62,9	201	1088	45,4
Чистая сѣрая глина.....	70	66,2	212	1145	48,3
Трубочная глина.....	87	66,0	211	1142	47,4
Черноземъ.....	181	69,8	223	1207	50,1
Огородная земля.....	89	67,3	215	1164	48,4
Пахатная земля.....	52	57,3	181	980	40,8
Словестый мергель.....	34	40,9	158	863	35,6

При внимательномъ разсматриваніи этой таблицы легко замѣтить, что :

- 1) Песокъ имѣетъ самую меньшую водоємкость не только по всѣу, но и по объему. Водоємкость песка измѣняется, смотря по большей или меньшей его величинѣ зеренъ; въ крупнозернистомъ пескѣ она уменьшается до 20%, а въ самомъ мелкомъ она увеличивается до 40%.
- 2) Водоємкость гипса равна почти водоємкости песка ; она даже меньше водоємкости известковаго песка.
- 3) Водоємкость извести углекислой измѣняется по величинѣ ея частицъ; поэтому весьма важно при изслѣдованіи почвъ различать между собою известь, получаемую во время отмачиванія водою, отъ известковаго песка.

4) Угле-кислая магнезія вбираетъ въ себя самое большее количество воды, но только тогда, когда она бываетъ употребляема для опыта совершенно чистою въ видъ порошка. Но почвы, какъ мы уже знаемъ, рѣдко магнезію содержать чистою, а по большей части въ соединеніи съ известію и кремнеземомъ; и въ этомъ послѣднемъ случаѣ водоемкость ея значительно уменьшается, такъ что почти равняется водоемкости песка.

5) Водоемкость чернозема мало чѣмъ уступаетъ водоемкости магнезіи и превышаетъ въ этомъ отношеніи всѣ другія составныя начала почвъ; а торфянистыя почвы могутъ вбирать въ себя воды еще больше, нежели черноземъ. По замѣчанію Шюблера, 100 частей самой мелкой земли, образующейся въ дуплахъ пней чрезъ гніеніе дерева, вбираютъ въ себя до 200 ч. воды; а торфянистыя почвы до 300—360 ч., даже и тогда, когда онѣ бываютъ высушены искусственно. Если водоемкость почвы, говоритъ Шюблеръ, бываетъ свыше $90 \frac{2}{3}$, то тогда со всею вѣроятностію можно думать, что такая почва богата органическими веществами.

6) Слоистый мергель, не смотря на то, что онъ содержитъ въ себѣ бѣльшее или мѣньшее количество глины, имѣетъ незначительную водоемкость, и чаще всего въ этомъ отношеніи подходитъ къ песку.

Каде де Гассикуръ (Cadet de Gassicourt) предлагаетъ опредѣлять водоемкостію почвъ приблизительно ихъ составныя начала и плодородіе (Bibliothèque universelle. Section Agriculture: Tom. 1 pag. 97, Gen. 1816 г.). Не входя въ подробное изложеніе Гассикурова метода, я беру на себя смѣлость замѣтить, что положеніе, на которомъ Гассикуръ основываетъ свой методъ для опредѣленія плодородія почвъ, шатко, и часто можетъ вести къ весьма неудачнымъ заключеніямъ. Такъ напр. торфянистыя и глинистыя почвы могутъ вбирать въ себя самое бѣльшее количество воды; но нельзя сказать, чтобы онѣ превосходили своимъ плодородіемъ почвы суглинистыя, мергелистыя и черноземныя. Опытъ намъ

показываетъ что для разведенія зерновыхъ хлѣбовъ всего лучше назначать почвы, водоемкость которыхъ = 40—70%; при меньшей водоемкости почвы становятся годными только для разведенія хвойныхъ лѣсовъ и подъ виноградники, а при бѣльшей водоемкости—подъ луга и пастбища. Но и тутъ, относительно водоемкости, имѣютъ значительное вліяніе на плодородіе почвъ многоразличныя условія; и именно: среднее количество падающаго дождя и температура странъ. Въ жаркихъ климатахъ, при незначительномъ среднемъ количествѣ дождя будутъ тѣ почвы плодороднѣе, которыя, при всѣхъ равныхъ условіяхъ, имѣютъ бѣльшую водоемкость, т. е. почвы глинистыя. Напротивъ, въ сырыхъ туманныхъ мѣстахъ, или гдѣ много падаетъ ежегодно дождя, плодородными будутъ тѣ почвы, которыя имѣютъ самую мѣньшую водоемкость, т. е. почвы песчаныя. Слѣдовательно, совершенно одинаковыя по своему составу почвы въ одной странѣ могутъ быть плодородными, тогда какъ въ другой странѣ, при другихъ климатическихъ условіяхъ, плодородіе ихъ можетъ совершенно уменьшаться. Вотъ одна изъ причинъ, почему какъ сухое, такъ и чрезчуръ дождливое лѣто бываетъ благотворнымъ только для какой-нибудь одной страны, и именно въ той мѣрѣ, въ какой тамошнія почвы способны вбирать въ себя и удерживать въ себѣ воду.

з) *Способность почвъ задерживать въ себѣ принятую воду на болѣе долгое или короткое время.*

Вопросъ: долго ли извѣстная почва задерживаетъ въ себѣ принятую влажность, или очень скоро испаряетъ ее въ воздухъ, весьма важенъ для земледѣльца; потому что на этомъ свойствѣ основывается способность почвъ скорѣе или медленнѣе высыхать на воздухъ. — Наблюденіе показываетъ, что одныя почвы послѣ дождя скорѣе высыхаютъ, а другія медленнѣе; слѣдовательно первыя раньше становятся годными для обработки, а вторыя позднѣе. Въ слѣдствіе этого же свойства, почвы называютъ то *горячими*, то *холодными*, то *сухими*, то *мокрыми* и *сырыми*.

Свойство почвъ задерживать въ себѣ воду на болѣе долгое или короткое время определяется слѣдующимъ образомъ. Возьми желѣзный листъ съ загнутыми отвсюду краями, отвѣсь определенное количество земли, пропитай ее водою, взвѣсь снова, и разсыпь ее, какъ можно равнѣе по желѣзному листу. Потомъ поставь листъ съ намоченною землею въ запертую комнату на нѣсколько часовъ, для того, чтобы испарилась вода; послѣ землю взвѣсь снова, и узнаешь сколько въ данное время изъ нея испарилось воды. Для болѣе точнаго исчисленія, сколько именно воды находилось въ почвъ передъ опытомъ, надо землю досушить еще въ искусственномъ жару; тогда опредѣлится количество воды, какъ испарившейся во время опыта, такъ и бывшей прежде въ почвъ.

Положимъ весь смоченной земли водою..... = 500 грамамъ;
 Весь той же земли послѣ 24 часовъ..... = 300 грантъ;
 Весь земли послѣ совершеннаго высушиванія
 въ искусственномъ жару..... = 200 грантъ;
 Слѣдовательно въ теченіе 24 часовъ земля потеряла воды..... = 200 грантъ;
 Тогда какъ въ началѣ опыта количество воды,
 содержащейся въ землѣ, было..... = 500 грамамъ.

Изъ всего этого составляю слѣдующію пропорцію: такъ какъ изъ 500 частей воды въ теченіе 24 часовъ убавилось 200, то хочу знать, сколько бы убыло воды въ то же время изъ 100 ч., $(500: 200=100: x) \quad x = \frac{200 \cdot 100}{500} = 66, 66.$

Слѣдующая таблица Шюблера показываетъ результаты опытовъ, дѣланныхъ имъ надъ разными землями въ количествѣ 200 грантъ при температурѣ въ 150° Р.

Таблица III

НАЗВАНИЕ ЗЕМЕЛЬ.	Способность почвъ испарять изъ себя принятую влажность.	
	Изъ 100,0 частей принятой воды испарились при 15 гр. Реом. въ течение 4 часовъ.	Время потребное для испаренія 90,0 частей воды при 15 гр. Реом.
Кварцовый песокъ	88,4.....	4 часа 4 минуты.
Известковый песокъ	75,9.....	4 44
Гипсъ.....	71,7.....	5 1
Тошяя глина.....	52,0.....	6 55
Суглинокъ	45,7.....	7 52
Жирная глина	34,9.....	10 19
Чистая сѣрая глина	31,9	11 17
Известь въ порошокъ.....	28,0	12 51
Черноземъ	20,5	17 33
Магнезія.....	10,8	33 20
Огородная земля.....	24,3	14 49
Пахатная земля	32,0.....	11 15
Слоистый мергель.....	68,0.....	5 53

Изъ этой таблицы видно ; что

1) Гипсъ, песокъ и слоистый мергель испаряютъ изъ себя влажность скорѣе всѣхъ прочихъ земель, а потому и называютъ такія почвы, которыя много содержатъ въ себѣ этихъ веществъ, почвами горячими.

2) Угле-кислая известь показываетъ въ этомъ отноше- нии значительное различіе, смотря потому, въ какомъ видѣ содержитъ ее въ себѣ известная почва. Такъ извест- ковый песокъ высыхаетъ очень скоро; напротивъ угле- кислая известь задерживаетъ въ себѣ влажность гораздо долѣе.

3) Свойство почвъ скорѣе или медленнѣе испарять изъ себя принятую влажность пропорціонально ихъ водоемко- сти. Но въ толстыхъ слояхъ, имѣющихъ нѣсколько дюй- мовъ глубины, земля высыхаетъ тѣмъ медленнѣе, чѣмъ она плотнѣе. Такъ напр. глина при толщинѣ 2-хъ дюй-

мовъ остается еще сырою, тогда какъ торфянистая почва при такой же глубинѣ остается совершенно сухою.

4) Способность почвъ задерживать въ себѣ воду на большее время зависитъ также: а) отъ качества подпочвы, б) отъ качества пахатнаго слоя, с) отъ способности почвъ нагрѣваться солнечными лучами, д) отъ давленія воздуха и движенія ветровъ. Почвы, которыя лежатъ на высокихъ горахъ, высыхаютъ скорѣе, потому что тамъ давленіе воздуха меньше. Если послѣ дождей поднимается вѣтръ, особенно восточный, то почвы сохнутъ скорѣе, нежели при тихой погодѣ.

5) Почвы чрезъ вывѣтриваніе теряютъ только капиллярную воду; но при замерзаніи онѣ теряютъ и химически соединенную воду съ ихъ составными началами, особенно если въ нихъ есть окись желѣза, черноземныя кислоты и ихъ соли.

6) Если почва содержитъ въ себѣ много *галоидовъ*, т. е. хлористой извести, хлористой магнезій, хлористаго натра, то тогда она долѣе задерживаетъ въ себѣ воду при всѣхъ одинакихъ условіяхъ. Такія почвы рѣдко высыхаютъ совершенно; во время ночи онѣ сильно притягиваютъ къ себѣ влажность изъ атмосферы.

4) *Волосяность почвъ.*

Подъ именемъ *волосяности* почвъ разумѣютъ ихъ способность вытягивать влажность изъ нижнихъ слоевъ въ верхніе. *Волосяность* почвъ зависитъ большею частію отъ большей или меньшей величины частицъ самой почвы. Самыя мелкія частички почвы, прилипая одна къ другой, образуютъ промежутки, которыя можно сравнить съ *волосяными* трубками. Опредѣленіе этого свойства почвъ очень важно для сельскаго хозяина, потому что оно дѣйствуетъ весьма

благодѣтельно на прозябеніе по слѣдующимъ причинамъ: а) во время длительныхъ засухъ растенія, въ слѣдствіе влажности почвъ, сберегаются отъ совершеннаго выгорания; б) въ слѣдствіе волосяности, влажность, находящаяся въ нижнихъ слояхъ почвы, поднимаясь вверхъ, сообщается корневымъ мочкамъ растеній; с) вмѣстѣ съ водою изъ нижнихъ слоевъ почвы поднимаются вверхъ и всѣ въ ней растворенныя питательныя начала, какъ-то: соли извести, магнезіи, поташа, воды и соли черноземныхъ кислотъ.

Для опредѣленія волосяности почвъ берутъ сухую землю и превращаютъ ее въ мелкій порошокъ, потомъ плотно набиваютъ ее въ стеклянную круглую трубку, открытую съ обоихъ концовъ, и ставятъ въ сосудъ, содержащій въ себѣ небольшое количество воды. Изъ скорости, съ которою поднимается вода вверхъ по землѣ, находящейся въ трубкѣ, заключаютъ о степени волосяности почвъ.

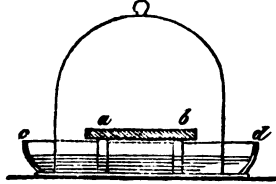
в) *Способность почвъ поглощать изъ атмосферы влагу.*

Всѣ почти начала, входящія въ составъ почвъ, имѣютъ способность поглощать большее или меньшее количество влажности изъ воздуха. Это свойство почвъ называютъ также ихъ *гигроскопичностію*, и оно имѣетъ большое вліяніе на прозябеніе растеній.

Гигроскопическое свойство почвъ опредѣляется такъ: берутъ землю предварительно высушенную, всыпать ее и разсыпаютъ на блюдо или кружокъ какъ можно ровнѣе; кружокъ съ землею ставятъ на деревянныя подставки; подставки ставятъ потомъ въ сосудъ, нѣсколько наполненный водою, и закрываютъ все стекляннымъ колпакомъ такъ, чтобы края его погружались въ воду. Прилагаемый у сего чертежъ объясняетъ производство опыта самымъ нагляднымъ обра-

зомъ: *a* и *b* означаетъ блюдо съ землею, *c* и *d* сосудъ, содержащій въ себѣ небольшое количество воды, *e* деревянную подставу, *f* стеклянный колпакъ.

Чертежъ 1.

Въ слѣдующей таблицѣ показаны результаты опытовъ, сдѣланныхъ Шюблеромъ, относительно способности почвъ поглощать влажность изъ атмосферы.

Таблица IV.

1000 гранъ земли, разсыпанные на поверхности 50 квадратныхъ дюймовъ, приняли въ себя влажности изъ воздуха въ теченіе

Названіе почвъ

12 часовъ. 24 часовъ. 48 часовъ. 72 часовъ.

	гранъ	гранъ	гранъ	гранъ
Кварцовый песокъ.....	0	0	0	0
Известковый песокъ.....	2	3	3	3
Гипсъ.....	1	1	1	1
Тощая глина.....	21	26	28	28
Суглинокъ.....	25	30	34	35
Жирная глина.....	30	36	40	41
Чистая сырая глина.....	37	42	48	49
Известъ въ порошокъ.....	26	31	35	35
Магнезія въ порошокъ.....	69	76	80	82
Черноземъ.....	80	97	110	120
Огородная земля.....	35	45	50	52
Пахатная земля.....	16	22	23	23
Слойстый мергель.....	24	29	32	33

Эта таблица ясно показываетъ :

1. Въ составныя начала почвъ, за исключеніемъ кварцоваго песка, поглощаютъ влажность изъ атмосферы. Въ глинистыхъ почвахъ способность эта увеличивается по мѣрѣ того, какъ въ ней увеличивается количество перегноя.
2. Черноземъ обладаетъ этимъ свойствомъ въ самой высшей степени ; однакожь между различными видами чернозема въ этомъ отношеніи есть разница. Такъ торфяной перегной поглощаетъ меньше влажности, нежели перегной животный.
3. Въ началѣ поглощеніе бываетъ сильнѣе, но въ послѣдствіи оно значительно уменьшается, до тѣхъ поръ, пока земля насытится совершенно. Насыщенная водою земля, будучи подвержена дѣйствию солнечныхъ лучей, испаряетъ опять въ воздухъ принятую влагу.
4. Въ природѣ относительно этого предмета происходитъ періодическая суточная переменна. Въ теченіе дня почва испаряетъ изъ себя влагу, которую она приняла изъ атмосферы почью. Безъ всякаго сомнѣнія, эта періодичность дѣйствуетъ благотворно на плодородіе полей.
5. Плодородныя пахатныя земли поглощаютъ въ себя больше атмосферной влаги, такъ что Дави (Davy's Agricultural chemistry, übersetzt von L. Wolf, Berlin, 1814. s. 200) предложилъ по этому свойству опредѣлять плодородіе почвъ. Но это предположеніе ведетъ къ весьма ложнымъ заключеніямъ; потому что многія составныя начала почвъ, безъ малѣйшей примѣси чернозема, поглощаютъ въ себя много влаги изъ воздуха. Такъ напр. бесплодная глина, какъ видно изъ таблицы, поглотила въ теченіе 12 часовъ 37 грановъ влажности; следовательно гораздо больше, нежели самая плодородная

огородная земля, которая въ теченіе 12 часовъ приняла въ себя только 35 грановъ влажности.

в) *Способность почвъ поглощать изъ атмосферы кислородъ и другіе газы.*

Свойство почвъ поглощать изъ атмосферы кислородъ и другіе газы давно уже было замѣчено Гумбольдтомъ (Gilbert's Annalen der Physik V. I. s. 312). — Цѣлый рядъ опытовъ, произведенныхъ самымъ внимательнымъ образомъ и описанныхъ въ Schweigers Journal der Chemie, im 8-ten Bande s. 141 u. s. w., подтверждаютъ также этотъ фактъ, особенно если будутъ производимы опыты съ мокрою землею. Теперь и понятно, почему способность почвъ вбирать въ себя влажность изъ атмосферы оказываетъ такое благотворное вліяніе на плодородіе полей въ сухіе годы.

Чтобы опредѣлить это свойство, берутъ различнаго рода земли, въ количествѣ 200 гранъ каждой, умеренно ихъ смачиваютъ водою и наполняютъ ими стеклянные сосуды, которые вмѣщаютъ въ себя 3—4 кубическихъ дюйма атмосфернаго воздуха; стклянки эти закупориваютъ герметически. По прошествіи опредѣленнаго числа дней испытываютъ воздухъ, содержимый въ стклянкахъ, посредствомъ вѣрнаго *эдиометра*, и такимъ образомъ узнаютъ, сколько было поглощено кислорода тою или другою землею:

Слѣдующая таблица показываетъ результаты опытовъ, произведенныхъ Шюблеромъ по этому предмету.

Таблица V.

Названіе почвъ.	Сколько по- глотили ки- слорода въ сухомъ со- стояніи.	Въ сыромъ состояніи.		
		1000 гранъ земля изъ 15 кубиче- скихъ дюйм. атмосфер. воздуха, со- держащаго въ себѣ 21 $\frac{1}{2}$ кислорода, поглотили въ 30 дней кислорода.	Процентовъ.	Кубическихъ дюймовъ.
Кварцовый песокъ.....	0	1,6	0,24	0,10
Известковый песокъ....	0	5,6	0,84	0,35
Гипсъ.....	0	2,7	0,40	0,17
Тошя глина.....	0	9,3	1,39	0,59
Суглинокъ.....	0	11,0	1,65	0,70
Жирная глина.....	0	13,6	2,04	0,86
Чистая сырая глина....	0	15,3	2,29	0,97
Известъ въ порошокъ....	0	10,8	1,62	0,69
Магnezія.....	0	17,0	2,66	1,08
Перегнои.....	0	20,3	3,04	1,29
Огородная земля.....	0	18,0	2,60	1,10
Пахатная земля.....	0	16,2	2,43	1,03
Слоистый мергель.....	0	11,0	1,65	0,70

Отсюда слѣдуетъ :

1. Всѣ земли въ сухомъ состояніи не поглощаютъ кислоро-
рода изъ воздуха; но во влажномъ состояніи начина-
ютъ его поглощать даже и тогда, если посверхъ ихъ
будетъ находиться и вода на нѣсколько линій.
2. Перегнои вбираетъ въ себя самое большое количество
кислорода, а песокъ самое меньшее, глина занимаетъ
между обѣими средину. Почвы богатая черноземомъ
вообще поглощаютъ больше кислорода, чѣмъ бѣдная
черноземомъ и глиною. Воздухъ, по замѣчанію Шюб-
лера, находящійся посверхъ чернозема и глины, такъ
бываетъ бѣденъ кислородомъ, что въ немъ гаснутъ
свѣчи, а животныя задыхаются.

3. Кислородъ, поглощаемый составными началами почвъ, частью соединяется съ ними химически, а частью задерживается ими механически. Такъ онъ соединяется химически съ черноземомъ, желѣзомъ, марганцомъ и съ колчеданами. Всѣ эти вещества переходятъ при этомъ въ высшую степень окисленія. Со всеми же прочими составными началами почвы кислородъ соединяется болѣе механически.
4. Земли промерзшія или покрытыя ледяною корою не поглощаютъ болѣе кислорода.
5. Руландъ объясняетъ довольно точными наблюденіями, что почвы поглощаютъ кислородъ въ слѣдствіе своего ноздреватаго строенія; но нельзя также отвергать и того, что перегной и желѣзная закись не мало содѣйствуютъ поглощенію кислорода изъ воздуха.

Способностию почвъ поглощать кислородъ изъ воздуха можно объяснять многія явленія, которыя мы замѣчаемъ на нашихъ пахатныхъ поляхъ и въ растительныхъ организмахъ.

1. Наблюденія Соосюра и Декандоля показываютъ, что кислородъ необходимъ для образованія ростка въ сѣменахъ, и во время самого прозябенія растеній. Главная цѣль паханія, боронованія и вообще обработыванія полей состоитъ преимущественно въ томъ, чтобы пласты земли приводить въ возможно большее соприкосновеніе съ воздухомъ, и оплодотворять ихъ чрезъ поглощеніе кислорода.

2. Вновь обороченные пласты почвы бываютъ не такъ плодородны въ началѣ, какъ въ послѣдствіи, когда подвергаются болѣшему вліянію воздуха и постепенно разрыхляются обработкою. Здѣсь кислородъ, соединяясь съ составными началами почвъ, какъ органическими, такъ и неорганическими, превращаетъ ихъ то въ вещества удоборастворимыя въ водѣ и питательныя для растеній, то притупляетъ

вредное дѣйствіе нѣкоторыхъ ядовитыхъ веществъ на развитіе растеній.

3. Кромѣ кислорода, составныя начала почвъ способны поглощать изъ воздуха и другіе газы, какъ-то: угольную кислоту, азотъ, амміакъ, осѣренннй водородъ, которые могутъ служить непосредственною пищею для растеній, и доставлять имъ то углеродъ, то сѣру, то азотъ, то водородъ.

4. На поглощеніе газовъ почвами имѣютъ также большое вліяніе давленіе воздуха, температура и влажность. Такъ если почва сильно нагревается солнечными лучами, то газы улетучиваются изъ нея; а если почва сыра, то газы въ ней не будутъ имѣть достаточнаго мѣста для своего помѣщенія.

(Продолженіе въ слѣдующемъ N.)

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

IV.

О ФИЗИЧЕСКИХ СВОЙСТВАХЪ ПОЧВЪ.

(Окончаніе.)

7. Свойство почвъ уменьшаться въ своемъ объемъ при высыханіи.

Большая часть почвъ при высыханіи своемъ сжимается и уменьшается въ объемъ; въ слѣдствіе этого на поляхъ показываются трещины то бѣльшаго, то мѣньшаго размѣра; онѣ вредятъ растеніямъ, потому что тонкіе корешки ихъ при этомъ обнажаются и нерѣдко разрываются.

Для изслѣдованія этого свойства берутъ различнаго роды почвы, смачиваютъ ихъ водою и дѣлаютъ изъ нихъ кубическіе кирпичики одинаковой величины, но не меньше одного дюйма; ихъ просушиваютъ потомъ исподволь, до тѣхъ поръ, пока весь ихъ не будетъ уменьшаться; тогда измѣряютъ ихъ опять по всемъ тремъ направленіямъ особливо линейкою, раздѣленною на десятичныя доли линий. Послѣ такого измѣренія и окажется, на сколько уменьшился каждый кирпичикъ въ своемъ объемъ во время высыханія.

Таблица VI показываетъ результаты опытовъ, произведенныхъ Шюблеромъ по этому предмету.

Названіе почвъ.	Изъ 1000 кубическихъ линій ос-талось.	Слѣдовательно изъ 100 кубическихъ линій уменьшилось въ объемѣ на :
Кварцовый и известковый песокъ.	Остал. безъ перем.	— 0
Известь въ порошокъ	950 куб. линій.	— 50 частей.
Тошья глина	940 — —	— 60 —
Суглинокъ	911 — —	— 89 —
Жирная глина.....	886 — —	— 114 —
Чистая сѣрая глина.....	817 — —	— 183 —
Углекислая магнезія.....	846 — —	— 154 —
Черноземъ	800 — —	— 200 —
Огородная земля.....	851 — —	— 149 —
Пахатная земля.....	880 — —	— 120 —
Слоистый мергель.....	965 — —	— 95 —

Отсюда слѣдуетъ , что :

1. Песокъ , гипсъ совершенно не уменьшаются въ своемъ объемѣ при высыханіи.
2. Известь гораздо меньше уменьшается въ своемъ объемѣ , нежели глина , хотя первая и имѣетъ довольно значительную водоемкость . Слѣдовательно водоемкость почвъ и способность ихъ уменьшаться въ объемѣ при высыханіи не имѣютъ между собою никакого прямого соотношенія ; равнымъ образомъ это послѣднее свойство почвъ не имѣетъ никакого соотношенія съ плотностію и вязкостію почвъ ; такъ мы знаемъ , что черноземъ имѣетъ самую меньшую плотность , но при высыханіи онъ сжимается въ весьма малый объемъ .
3. Послѣ чернозема глина уменьшается въ своемъ объемѣ сильнѣе всѣхъ другихъ составныхъ началъ почвы .
4. Если глина бываетъ перемѣшана съ пескомъ , известію и глиною , то свойство ея уменьшаться въ объемѣ значительно измѣняется .
5. Нѣкоторыя породы мергеля при высыханіи распадаются на куски и пластинки . Это можно объяснить себѣ тѣмъ , что составныя части мергеля : глина , известь и

песокъ сжимаются при высыханіи не въ одинаковой степени, отъ того и отдѣльныя частички ихъ легко распадаются.

6. Перегной, во время высыханія, уменьшается въ своей массѣ на $\frac{1}{8}$ часть, но во время смачиванія онъ и расширяется снова въ той же самой пропорціи. Этимъ свойствомъ чернозема мы можемъ объяснить себѣ, отъ чего поверхность торфяной низины въ дождливую и сырую погоду поднимается вдругъ на нѣсколько дюймовъ, а въ сухое время на столько же опускается. Такое возвышеніе и пониженіе торфянистыхъ почвъ становится еще замѣтнѣе, если послѣ дождей наступаютъ сильныя морозы; потому что тогда водяныя частицы, замерзая, увеличиваются въ своемъ объемѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваютъ и объемъ торфяниковъ.

8. Плотность и вязкость почвъ.

Плотность и вязкость почвъ, какъ въ сухомъ, такъ и мокромъ состояніи, должна обращать на себя особенное вниманіе практическихъ сельскихъ хозяевъ; потому что оба эти свойства оказываютъ вліяніе не только на прозябаніе растений, но и на обработываніе пахатныхъ полей. На основаніи этихъ свойствъ сельскіе хозяева называютъ почвы то легкими, то тяжелыми.

а) Плотность и вязкость почвъ въ сухомъ состояніи.

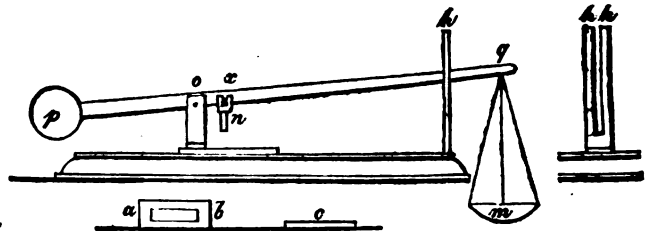
Профессоръ Фёлькеръ (Völker), для опредѣленія плотности и вязкости почвъ въ сухомъ состояніи, предложилъ особаго рода довольно сложный инструментъ въ видѣ заступа (смотри описаніе его и рисунокъ: In den neuen Möglichen Annalen der Landwirthschaft ie 4-ten Band Sp. 119). Сила, съ которою проникаетъ этотъ инструментъ въ почву на самомъ полѣ, и опредѣляетъ плотность почвъ. Но орудіе это, пригодное для изслѣдованія пашни, не можетъ быть употребляемо для изслѣдованія отдѣльныхъ составныхъ веществъ въ химическихъ лабораторіяхъ. Докторъ Майеръ

употребляетъ въ этомъ случаѣ металлическую пластинку въ 4 квадратныхъ дюйма величиною, на всѣхъ углахъ которой придѣланы стальные ножки снизу закругленные. (Смотри Mayer's Anlage zur Flora des Königreichs Hannover. Göttingen, 1822 г. Seite. 307). Такую пластинку ставитъ Майеръ на слой земли толщиною въ 3 дюйма, накладываетъ на нее тяжесть до тѣхъ поръ, пока она вдавится въ землю, и въсомъ тяжести опредѣляетъ плотность почвъ. Но и этотъ способъ неудобенъ, особенно для испытанія сухихъ почвъ, потому что для сухой глины нужно болѣе 30 фунтовъ, чтобы вдавить въ нее пластинку, а на сухихъ рыхлыхъ почвахъ пластинка погружается сама по себѣ безъ всякой тяжести въ землю на значительную глубину.

Въ слѣдствіе вышеннеложенныхъ неудобствъ, Шюблеръ придумалъ для опредѣленія плотности почвъ особаго рода инструментъ, который изображенъ на прилагаемомъ у сего чертежѣ.

Чертежъ 2.

Чертежъ 3.

Чертежъ 4.

Инструментъ этотъ состоитъ: 1) изъ коромысла *рр* длиною въ 20 дюймовъ; 2) свинцоваго шара *р*; онъ укрѣпленъ на короткомъ концѣ коромысла и уравниваетъ собою 3) чашечку въсковъ *т*, которая прикрѣпляется на другомъ концѣ коромысла; 4) изъ особой вилочки *h*, въ которой двигается коромысло. Эта вилочка изображена на черт. 3 отдѣльно подѣ лит. *hh*; 5) изъ стальной тупой лопаточки *л*, толщиною въ $\frac{1}{2}$ линіи, а шириною на нижнемъ концѣ въ 4 линіи. Лопаточка прикрѣпляется къ коромыслу въ точкѣ *х* посредствомъ особаго штифта такъ, что она всегда находится въ отвѣсномъ положеніи.

Теперь для опредѣленія плотности почвъ берутъ землю, смачиваютъ ее слегка водою, и потомъ набиваютъ ею, какъ кирпичною глиною, деревянный, а лучше металлическій станокъ, съ обѣихъ сторонъ открытый, и изображенный на черт. 4. Ширина и высота этого станка должна быть=4 Париж. линіямъ, а длина=2 дюймамъ, такъ что земля, находящаяся въ немъ, получаетъ видъ продолговатаго четырехъ-угольника или параллелепипеда. Землю въ формахъ умеренно просушиваютъ, и потомъ выбиваютъ ее, еще сырую, изъ формъ посредствомъ деревяшки, которая должна плотно входить въ форму; вынутые кирпичики сперва досушиваютъ на воздухѣ, а потомъ при 50° Р. После высушиванія кирпичики кладутъ подъ лопаточку *л*, которая изображена на черт. 2, а на чашечку *т* кладутъ разновѣски до тѣхъ поръ, пока лопаточка перерѣжетъ кирпичикъ. Разновѣски надо прибавлять понемногу и осторожно, дабы точнѣе опредѣлить плотность испытуемой земли. При испытаніи известковыхъ почвъ надо въ снарядъ вмѣсто тупой лопаточки вставлять острый стальной рѣзецъ; а за единицу сравненія при всякомъ испытаніи должно брать глину, плотность которой = 100.

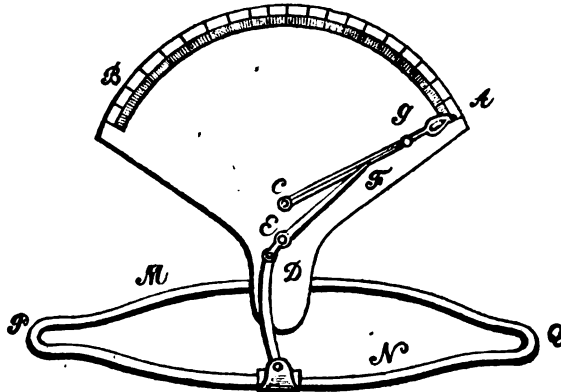
в) Вязкость почвъ при влажномъ ихъ состояніи и степень ихъ прилипанія къ пахатнымъ орудіямъ.

Когда мы обрабатываемъ землю сырую и довольно мокрую, то имѣемъ дѣло не съ одною вязкостію почвъ, или сцепленіемъ частицъ между собою, но и съ прилипаніемъ земли къ пахатнымъ орудіямъ. Въ лабораторіяхъ вязкость влажныхъ почвъ собственно опредѣляется такъ: берутъ обыкновенные вѣски, подъ одну изъ чашечекъ прикрѣпляютъ деревянный или желѣзный кружокъ, и посредствомъ разновѣсковъ возстановляютъ равновѣсіе вѣсковъ. Затѣмъ смачиваютъ землю водою, и приводятъ ее въ непосредственное соприкосновеніе съ кружкомъ, прикрѣпленнымъ подъ чашечкою вѣсковъ, а на другую чашку ихъ кладутъ разновѣски до тѣхъ поръ, пока кружокъ отстанетъ отъ

земли. Число разновѣсковъ и опредѣляетъ вязкость почвъ при влажномъ ихъ состояніи.

Степень же прилипанія почвъ къ пахатнымъ орудіямъ опредѣляется на самыхъ пахатныхъ поляхъ посредствомъ особыхъ инструментовъ, нарочито для сего придуманныхъ и называемыхъ обыкновенно *силомърами*, *динамометрами*. Къ числу самыхъ обыкновенныхъ и болѣе употребительныхъ *силомъровъ* принадлежитъ *силомъръ* Райнера, который изображенъ на прилагаемомъ у сего *чертежъ 5*.

Чертежъ 5.

Онъ состоитъ 1) изъ *стальной пружины* *M Q N P* и 2) *рычага* *D F*, который укрѣпляется подъ угломъ и обращается около неподвижной точки *E*, 3) *показателя* *C* и *A*) *металлической полукруглой пластинки* *A B*, раздѣленной на градусы, которые обозначаютъ собою силу влеченія, выраженную въ фунтахъ. Во время опытовъ динамометръ концомъ своимъ *P* прицѣпляется къ валькамъ, въ которые впрягаютъ лошадей, а концомъ своимъ *Q* прицѣпляется къ гребенкѣ плуга, такъ что весь динамометръ помѣщается въ срединѣ между лошадьми и испытуемымъ орудіемъ. Во время паханія стальная пружина въ направленіи отъ *P* къ *Q* удлинняется, а боковыя ея стороны *M N* сближаются между собою; отъ этого рычагъ *D F* начинаетъ вращаться около *E* и приводитъ въ движеніе *показатель*

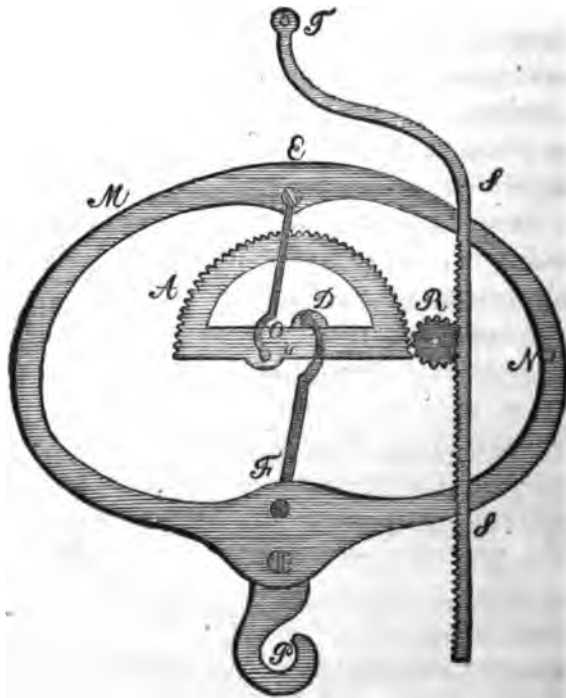
С по волюкругу металлической пластинки *ВА*, и такимъ образомъ показываетъ силу, которую обнаруживаютъ животные, для побужденія препятствія со стороны почвы, во время влеченія пахатныхъ орудій.

Конечно, этотъ силомѣръ вполне бы соответствовалъ своему назначенію, если бы во время пробы орудій, и особенно во время паханія, плугъ встрѣчалъ вездѣ одинаковое противодѣйствіе со стороны почвы. Но на самомъ дѣлѣ бываетъ не такъ; часто случается, что плугъ и всякое другое пахатное орудіе, отъ многихъ случайныхъ причинъ, идетъ то глубже, то мелче въ землѣ, слѣдовательно и сила, которую должно быть препобѣждаемо препятствіе, оказываемое почвою, также должна измѣняться: она будетъ то уменьшаться, то увеличиваться. Въ слѣдствіе того, и показатель динамометра, — особенно если онъ при уменьшеніи силы влеченія отходить назадъ — будетъ указывать неточно силу, которая была потребна для побужденія препятствія, производимаго почвою. Въ послѣдствіи времени къ показателю динамометра стали прикрѣплять металлическую пластинку *G*, и нижнюю поверхность ея подбивать суконнымъ кружкомъ; отъ этого показатель, во время своего движенія по металлической дугѣ, претерпѣваетъ такое сильное треніе, что даже, и при уменьшенномъ противодѣйствіи со стороны почвы и при ослабленіи силы влеченія со стороны животныхъ, не отходитъ назадъ, и останавливается на томъ самомъ мѣстѣ, куда онъ доведенъ былъ самою высшею силою влеченія. Хотя здѣсь уже показанія динамометра и не подвергаются никакимъ измѣненіямъ, но тогда онъ только показываютъ *maximum* силы, потребной для побужденія препятствія. Но это *maximum* силы можетъ быть потребно не во все время работы, а только иногда на нѣсколько секундъ, и можетъ зависеть не отъ связности почвы и дурнаго устройства плуга, а отъ какихъ-либо случайныхъ обстоятельствъ, отъ неловкости пахаря, отъ каменьевъ, находящихся въ пахатномъ слѣдѣ, и т. д. Слѣдовательно при опредѣленіи плотности почвъ и пробъ земледѣльческихъ орудій, мы съ ди-

динамометромъ Райнера никогда не достигнемъ до точныхъ результатовъ, и если будемъ полагаться на его показанія, то часто будемъ приходить къ ложныхъ заключеніямъ; именно: намъ тогда хорошо и правильно устроенный плугъ будетъ казаться дурнымъ, особенно, если онъ на пути своемъ встрѣтитъ со стороны почвы какое-нибудь препятствіе, хотя и мгновенное, но сильное; напротивъ худо, устроенный плугъ будетъ въ глазахъ нашихъ болѣе совершеннымъ, если онъ на пути своемъ не встрѣтитъ того препятствія, которое было встрѣчено первымъ плугомъ.

Во избѣжаніе всѣхъ этихъ неудобствъ *Сегнитцъ* (Segnitz) придумалъ динамометръ, который изображенъ на чертѣжѣ 6.

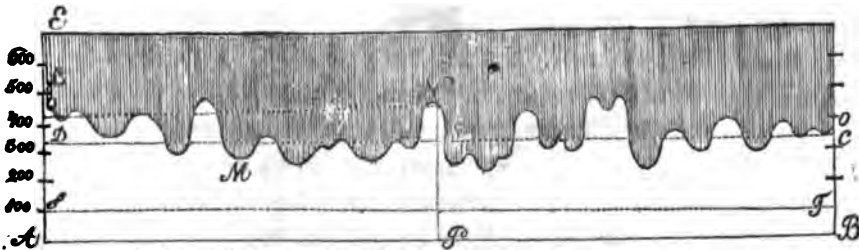
Чертѣжъ 6.

Онъ состоитъ : 1) изъ крѣпкой стальной пружины эллиптической формы *NM*, 2) крючка *P*, укрѣпленного на одной

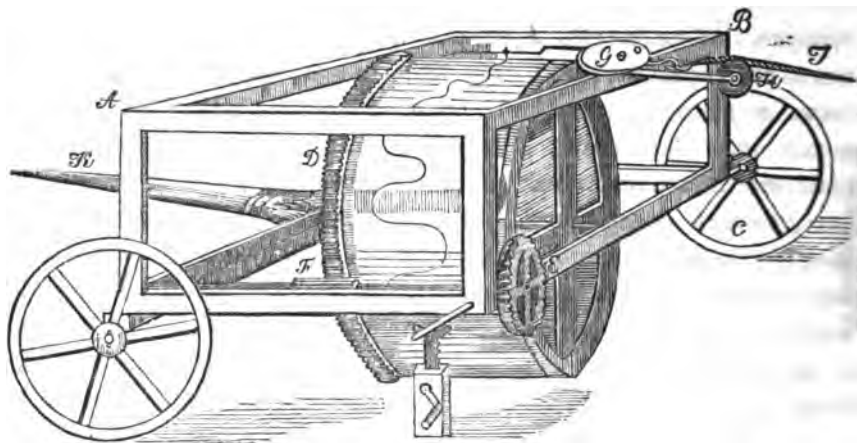
изъ сторонъ эллипсиса ; 3) мѣдной дуги AB ; верхній полукругъ ея снабженъ зубцами, а на нижнемъ концѣ въ срединѣ ея укрѣпляется 4) ось O , около которой вращается взадъ и впередъ дуга эта ; на этой же оси сосредоточивается и вся сила влеченія ; 5) шестерни R , которая во время дѣйствія приводится въ движеніе зубцами дуги AB , и всегда дѣлаетъ совершенно противоположное движеніе съ дугою ; 6) металлической пластинки SS , съ одною зазубренною стороною ; эта пластинка зубцами шестерни R поднимается то вверхъ , то опускается внизъ . На этой же пластинкѣ у верхняго конца въ точкѣ T укрѣпляется 7) карандашъ . Весь этотъ аппаратъ сверху и снизу закрывается двумя металлическими листами . На прилагаемомъ чертежѣ 7 они отняты прочь для того , чтобы можно было видѣть установъ различныхъ частей динамометра . Сквозь эти листы пропускается ось дуги O и ось шестерни R для того , чтобы разстояніе между O и R никогда не измѣнялось , иначе , если это разстояніе напр. увеличится , то тогда зубцы дуги O не будутъ забирать зубцовъ шестерни R . Къ этимъ же листамъ прикрѣпляется и металлическая зубчатая пластинка SS , но такъ , что она свободно можетъ двигаться взадъ и впередъ . Ниже карандаша T прикрѣпляется посредствомъ особаго механизма четырехъ-угольная продолговатая полоска бумажки , на которой карандашъ , во время самаго испытанія орудій , чертитъ кривую линію $LMNO$, смотри чер. 7 .

Чертежъ 7.

Динамометръ Сегнитца , во время испытанія , помѣщается не между вальками и плугомъ , какъ это дѣлается обыкновенно съ динамометромъ Райнера , а на особомъ снарядѣ , который изображенъ на прилагаемомъ у сего чертежѣ 8 .

Чертежъ 8.

Снарядъ этотъ состоитъ: 1) изъ четырехъугольнаго деревяннаго крѣпкаго брусчатаго станка: *A B C* и покоится на четырехъ колесахъ. Въ срединѣ станка вѣшается 2) барабанъ *D*, онъ имѣетъ 3) шестерню *E*. Заднее лѣвое колесо у этого станка на чертежѣ отнято прочь для того, чтобы можно было видѣть остальные части. Къ этому колесу при дѣлывается точно такая же шестерня, какая находится на заднемъ концѣ барабана. Съ шестернею *E* на одной оси находится 4) другая шестерня *F*, которая приходитъ съ непосредственнаго соприкосновенія съ шестернею *D*, находящеюся на переднемъ концѣ барабана; она приводитъ и самый барабанъ въ движеніе. Вокругъ барабана прикрѣпляется полоска бумажки, изображенная на чер. 8. Силомѣрь же привинчивается наглухо къ этому снаряду къ верхнимъ брускамъ въ точкѣ *G*. Кромѣ того силомѣрь соединяется еще посредствомъ ремня съ блокомъ *H*, который здѣсь имѣетъ назначеніе удерживать противодѣйствіе, оказываемое почвою, всегда въ горизонтальномъ направленіи къ стальной пружинѣ силомѣра. Плугъ и всякое другое пахатное орудіе, назначаемое для испытанія, во время дѣйствія прикрѣпляется къ канату *H I*; а лошади впрягаются въ дышло *K*. Правое переднее и заднее колеса должны быть установлены такъ, чтобы онѣ могли повышаться и понижаться; это необходимо для того, чтобы аппаратъ оставался въ прямомъ на-

правленіи даже и тогда, когда оба колеса будут идти по бороздѣ. Не худо также къ этому аппарату придѣлать еще два механизма такихъ, изъ которыхъ помощію одного барабанъ, послѣ каждаго отдѣльнаго оборота, останавливался бы самъ собою, и такимъ образомъ карандашъ не могъ бы чертить двухъ кривыхъ линій, между собою совпадающихъ; а съ помощію другаго было бы возбуждено обратное движеніе шестерни *F*, которое можетъ происходить въ то время, когда лошади случайно пятятся назадъ. При испытаніи орудій, — въ слѣдствіе двухъ противоположно дѣйствующихъ силъ, именно силы влеченія и противоудѣйствія, производимаго почвою, — увеличивается поперечникъ *E F* стальной пружины; отъ этого начинаетъ вращаться дуга *AB* и заставляетъ двигаться шестерню *R* въ противоположномъ направленіи, а шестерня *R* въ свою очередь приводитъ въ движеніе пластинку *SS*, въ которой укрѣпленъ карандашъ *T*. Въ это время, смотря по силѣ влеченія, карандашъ начинаетъ чертить на четырехъ-угольной полоскѣ бумаги, — которая изображена на фигур. 7, и передъ началомъ опыта укрѣпляется вокругъ барабана *D*, кривую линію *L M N O*.

По окончаніи опыта для опредѣленія силы, которая была потребна для препобѣжденія препятствія, производимаго почвою, поступаютъ такъ: бумажку съ барабана снимаютъ прочь и отрѣзаютъ отъ нея ножницами, со всѣми кривизнами по направленію кривой линіи, все, что только находится выше этой линіи, такъ что отъ нея остается только часть *ALMNOBA*, какъ это обозначено на чертежѣ 7. Послѣ этого отрѣзаютъ еще бумажную полоску одинаковой длины съ первой, но ширина ея *BS* и *AS* (чертежъ 7) должна быть равна линіи, которую проведетъ карандашъ при растяженіи динамометра, когда къ нему будетъ привѣшена стофунтовая гирька. Теперь на самыхъ чувствительныхъ вѣскахъ взвѣшиваютъ каждую полоску отдѣльно, и такимъ образомъ опредѣляютъ какъ противоудѣйствіе испытуемой почвы, такъ и силу, потребную для его препобѣжденія. Положимъ что бумажная полоска: *STBA*

вѣситъ..... 13,49 граммъ;

а бумажка, которая очерчена была, во время опыта, кривою линією, посредствомъ карандаша вѣсить..... 43,17 граммъ.

Изъ этихъ числъ составляется слѣдующая пропорція :

$$X: 100=43,17: 13,49, \text{ а это } = \frac{100-43,17}{13,49} = 320 \text{ фунтамъ.}$$

Эти 320 фунтовъ и будутъ выражать собою среднее противодѣйствіе, производимое почвою, или лучше, силу, которая была потребна для препобъжденія этого препятствія. Чѣмъ меньше будутъ кривизны кривой линіи, тѣмъ, значитъ, больше было потребно силы для препобъжденія даннаго препятствія; и наоборотъ, чѣмъ больше будутъ кривизны кривой линіи, тѣмъ значитъ меньше было потребно силы для препобъжденія извѣстнаго противодѣйствія.

Слѣдующая таблица показываетъ степень плотности и вязкости разныхъ почвъ; кромѣ того въ ней также исчислена въ фунтахъ степень липкости земель на пространство одного квадратнаго фута.

Таблица VII

Названіе почвъ.	Въ сухомъ состояніи. Плотность почвъ сравнительно съ глиною, которой плотность принята равною=100.	Въ мокромъ состояніи. Примыпаніе почвъ къ вязкатымъ орудіямъ на поверхности одного Парижскаго квадратнаго фута.	
		Къ желѣзу.	Къ дереву.
Кварцовый песокъ.....	0	3,8 фунт.	4,3 фунт.
Известковый песокъ.....	0	4,1 —	4,4 —
Известъ въ порошокъ.....	5,0	14,3 —	15,6 —
Гипсъ.....	7,3.....	10,7 —	11,8 —
Черноземъ.....	8,7.....	8,8 —	9,4 —
Магнезія.....	11,5.....	5,8 —	7,1 —
Тошя глина.....	57,3.....	7,9 —	8,9 —
Суглинокъ.....	68,8.....	10,6 —	11,4 —
Жирная глина.....	83,3.....	17,2 —	18,9 —
Чистая сѣрая глина.....	100,0.....	27,0 —	29,2 —
Огородная земля.....	7,6.....	6,4 —	7,5 —
Пахатная земля.....	33,0.....	5,8 —	6,4 —
Слоистый мергель.....	23,0.....	4,9 —	5,5 —

Эта таблица ясно показывает :

1. Вязкость и плотность почвъ, какъ въ сухомъ, такъ и мокромъ состояніи, измѣняется въ одинаковой пропорціи. Глинистыя почвы, и въ томъ и въ другомъ случаѣ, всего труднѣе обрабатывать, а песчанья и черноземныя всего легче. А потому, если плотность почвы будетъ опредѣлена въ сухомъ состояніи, то тогда со всею вѣроятностію можно дѣлать заключеніе о ея плотности и въ сыромъ видѣ.
2. Плотность и вязкость почвъ не пропорціональна способности ихъ вбирать въ себя воду. Такъ известъ, магнезія, черноземъ служатъ этому самымъ лучшимъ доказательствомъ; они имѣютъ довольно значительную водоемкость, но плотность не такъ велика сравнительно съ другими землями.
3. Самую высшую степень вязкости и плотности имѣютъ почвы глинистыя, но она измѣняется, смотря по величинѣ и плотности отдѣльныхъ частичекъ. Такъ тонкослоистый мергель, не смотря на большое количество въ немъ находящейся глины, имѣетъ малую плотность; плотность трубочной глины меньше, нежели плотность глины, находящейся въ пахатныхъ поляхъ.
4. Легкія песчанья почвы получаютъ большую плотность въ то время, когда онѣ намокнуть; такъ чистый песокъ въ сухомъ состояніи не имѣетъ совершенно никакой связности между своими частичками, и распадается въ порошокъ, но отъ смачиванія водою онъ становится плотнѣе.
5. Всѣ почвы гораздо сильнѣе прилипаютъ къ дереву, нежели къ желѣзу; потому что дерево, какъ бы ни было выполировано, всегда будетъ имѣть гораздо больше отверстій на своей поверхности; а потому оно и земля доставляетъ гораздо больше точекъ соприкосновенія, нежели желѣзо. Повидимому, это положеніе противорѣчитъ опыту: такъ практическіе сельскіе хозяева въ

сырую погоду предпочитаютъ, для борнованія полей, бороны съ деревянными зубьями боронамъ съ зубьями желѣзными. Но это они дѣлаютъ не потому, что будто бы земля сырая меньше налипаеетъ къ деревяннымъ зубьямъ, нежели къ желѣзнымъ; а скорѣе отъ того, что во время сырой погоды желѣзныя бороны по своей тяжести глубже уходятъ въ землю, нежели деревянныя.

с) *Уменьшеніе вязкости и плотности почвъ отъ дѣйствія морозовъ.*

Каждый сельскій хозяинъ, который внимательно слѣдитъ за осеннимъ паханіемъ полей, знаетъ по опыту, что сырая и мокрая земля отъ дѣйствія холода и промерзанія значительно теряетъ свою вязкость. Всего легче замѣтить это явленіе въ вязкой глинистой почвѣ; она теряетъ свою вязкость отъ дѣйствія морозовъ почти на половину. Напротивъ, въ почвахъ сухихъ отъ дѣйствія морозовъ ни мало не уменьшается ни плотность, ни вязкость. Явленіе это мы можемъ себѣ объяснять такъ: вода, замерзая въ скважинахъ земли, увеличивается въ своемъ объемѣ, разъединяетъ частички земли и видимо уменьшаетъ между ними число точекъ соприкосновенія. На этомъ дѣйствіи морозовъ рыхлить почву и уменьшать ея плотность основывается взметъ глинистыхъ тяжелыхъ почвъ съ осени подъ зиму. Но такія почвы, взметанныя съ осени, никогда не должно ни боронить, ни перепаживать рано весною; а надо ждать пока земля обсохнетъ. Иначе почва потеряетъ свою рыхлость, и ея частички, мало по малу приходя въ ближайшее соприкосновеніе, уплотнятся снова.

Если во время зимы мало выпадаетъ снѣгу, то нерѣдко случается, что, послѣ морозовъ, смѣняемыхъ оттепелями, корни растеній вытѣсняются изъ почвы, и выходятъ наружу. Это также зависитъ отъ увеличенія воды въ своемъ объемѣ при замерзаніи. Вотъ одна изъ причинъ, почему растенія съ длинными корнями рѣже вымерзаютъ.

9. *Способность почвъ нагреваться болѣе или меньше отъ солнечныхъ лучей.*

Эта способность почвъ называется также *теплоемкостью*. Опытъ и простое наблюдение показываютъ, что различнаго рода почвы и нагреваются различно отъ дѣйствія солнечныхъ лучей. Это различіе обусловливается:

а) *Цвѣтомъ почвъ.* Такъ, если взять различнаго рода земли, и одинъ изъ нихъ обсыпать бѣлою магнезіею, а другія черною сажею и выставить ихъ на солнечный свѣтъ, то замѣтна будетъ значительная разница въ степени ихъ нагреваемости на нѣсколько градусовъ: черныя почвы нагреваются сильнѣе, а бѣлыя слабѣе. Вотъ причина, почему снѣгъ весною отъ посыпанія землею, золою и сажею скорѣе таетъ.

б) *Степенью влажности почвъ.* Сухія почвы всегда нагреваются сильнѣе, а сырыя слабѣе. Сырость и влажность почвъ иногда дѣлаетъ разницу относительно ихъ нагреваемости на 5—6° Р.

в) *Составными началами почвъ.* Составныя начала почвъ хотя и имѣютъ вліяніе на ихъ нагреваемость, но гораздо мѣнѣе, нежели цвѣтъ и влажность почвы. Если мы сообщимъ различнаго рода землямъ искусственно одинаковый цвѣтъ и подвергнемъ вліянію солнечной теплоты, то разница въ ихъ температурѣ будетъ едва замѣтна.

г) *Угломъ, подѣ которымъ падаетъ солнечный лучъ на землю.* При всѣхъ одинаковыхъ данныхъ обстоятельствахъ, почвы будутъ нагреваться тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе уголъ паденія солнечныхъ лучей будетъ приближаться къ прямому углу; вотъ причина, почему въ болѣе сѣверныхъ странахъ виноградныя лозы могутъ быть разводимы на южныхъ склонахъ горъ, и то только при нѣкоторомъ возвышеніи, тогда какъ въ долинахъ онѣ совершенно не дозреваютъ.

10). *Способность почвъ задерживать въ себѣ принятую теплоту.*

Не всѣ почвы задерживаютъ одинаково принятую въ себѣ теплоту; одни изъ нихъ удерживаютъ ее въ себѣ бо-

лве долгое время, а другія въ скоромъ времени отдають ее, или воздуху, или окружающимъ предметамъ. Вообще же надо сказать, что способность почвъ задерживать въ себѣ теплоту бываетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ больше ихъ удѣльная теплота, и чѣмъ слабѣе онѣ проводятъ теплоту.

Если кто хочетъ опредѣлить эту способность почвъ, тотъ пусть возьметъ различнаго рода почвы въ одинаковыхъ качествахъ, разсыплетъ ихъ по жестянымъ коробкамъ, и нагреетъ ихъ всѣ до одинаковой степени; потомъ пусть вставитъ въ нихъ термометры и замѣчаетъ, сколько потребно было времени для охлажденія ихъ до первобытной температуры.

Шюбмеръ производилъ опыты съ 13 сортами почвъ; онъ бралъ 30 кубическихъ дюймовъ каждой и нагревалъ ихъ до 80° Р. въ затворенной комнатѣ, температура которой была $= 13^{\circ}$ Р., потомъ наблюдалъ время потребное для охлажденія земель до 17° Р. Принявъ теплоемкость известковаго песка $= 100,0$ онъ сравнивалъ съ нимъ теплоемкость всѣхъ прочихъ земель, и получилъ слѣдующіе результаты, помѣщенные въ прилагаемой у сего таблицѣ.

Таблица VIII.

Названіе почвъ.	Способность почвъ задерживать въ себѣ теплоту, сравнительно съ известковымъ пескомъ, котораго теплоемкость $= 100,0$.	Время, потребное для остыванія 30 кубическихъ дюймъ отъ 50° до 17° Р. при температурѣ воздуха въ 13° Р.	
		Часы.	минуты.
Известковый песокъ	100,0.....	3 часа.	30 минутъ.
Кварцовый песокъ.....	95,6	3 —	20 —
Гипсъ	73,8	2 —	34 —
Тощая глина	76,9	2 —	41 —
Суглинокъ	71,8	2 —	30 —
Жирная глина.....	68,4	2 —	24 —
Чистая сѣрая глина.....	66,7	2 —	19 —
Известъ въ порошокъ.....	61,3	2 —	10 —
Черноземъ	49,0	1 —	43 —
Магнезія въ порошокъ	38,0	1 —	20 —
Огородная земля.....	64,8.....	2 —	16 —
Пахатная земля	70,1	2 —	27 —
Слоистый мергель	98,1.....	3 —	26 —

Эта таблица показывает :

1. Что пески задерживаютъ въ себѣ теплоту долѣе всѣхъ другихъ земель. Это намъ объясняетъ, почему въ лѣтнее время песчанья почвы бываютъ такъ сухи и горячи, даже и послѣ заката солнца.
2. Изъ обыкновенныхъ составныхъ началъ почвы, черноземъ всего меньше удерживаетъ въ себѣ теплоту. Торфянистыя почвы нагрѣваются весьма медленно еще и потому, что онѣ имѣютъ очень большую водоемкость; вода, содержащаяся въ ихъ промежуткахъ, должна напередъ испариться прежде, нежели она нагрѣется; а при испареніи всегда пропадаетъ много теплоты.
3. При точнѣйшемъ сравненіи оказывается, что теплоемкость почвъ находится почти въ прямомъ соотношеніи съ усобнымъ вѣсомъ почвъ. Чѣмъ больше вѣса имѣетъ данная земля при одномъ и томъ же объемѣ, тѣмъ она долѣе удерживаетъ въ себѣ теплоту.
4. По своей теплоемкости всего ближе подходитъ къ пескамъ сланцовый мергель, не смотря на то, что онъ гораздо больше задерживаетъ въ себѣ воды. Отъ соединенія этихъ двухъ свойствъ онъ имѣетъ и самую высшую степень плодородія.

II. Электрическое свойство почвъ.

Извѣстно, что при каждомъ химическомъ процессѣ развивается электричество. Въ почвѣ, какъ химической лабораторіи, созданной самой природою, ежеминутно совершаются химическіе процессы. Такъ въ почвѣ происходитъ разложеніе навоза, разложеніе органическихъ остатковъ, отжившихъ свой вѣкъ; въ почвѣ безпрестанно образуются то черноземныя кислоты и ихъ соли, то безпрестанно совершается окисленіе неорганическихъ веществъ, какъ: желѣза марганца, и т. д. При всѣхъ этихъ процессахъ неминуемо должно развиваться электричество, которое также оказываетъ не малое вліяніе на качество почвъ и прозябеніе растений. Кромѣ химическихъ процессовъ, электричество можетъ развиваться въ почвахъ также и отъ тренія. Если

мы возьмемъ какой бы то ни было земли, сдѣлаемъ изъ нея кирпичикъ, высушимъ его, потомъ станемъ его скоблить ножомъ, такъ, чтобы крупинки его падали прямо на кружокъ электрметра, то при этомъ всѣ роды почвъ будутъ обнаруживать отрицательное электричество. А это заставляетъ насъ думать, что во время обработыванія почвъ пахатными орудіями развивается также электричество.— Далѣе, если растворы перегноя въ щелочахъ и земляхъ подвергнуть дѣйствию Вольтова столба, то послѣдуетъ разложеніе. Черноземныя кислоты соберутся въ видѣ темныхъ клочковъ вокругъ цинковаго или положительнаго конца, а земли расположатся вокругъ мѣднаго или отрицательнаго конца полярной проволоки. Подобныя разложенія безъ всякаго сомнѣнія происходятъ и въ почвѣ.

Чертежъ 9.

Электрическое свойство почвъ до сихъ поръ еще мало изслѣдовано. Мы знаемъ только, что отрицательное электричество производитъ въ почвахъ благотворное вліяніе на прозябаніе растеній, а положительное электричество имъ очень вредно. Справедливость этого подтверждается тѣмъ, что избытокъ щелочей въ почвѣ приноситъ пользу растеніямъ, а избытокъ кислотъ вредитъ растительности. Этимъ же самымъ явленіемъ нѣкоторые объясняютъ и благотворное дѣйствіе извести, золы, мергеля, мыловаренныхъ, солонваренныхъ остатковъ, когда ихъ употребляютъ для удобренія торфянистыхъ и болотистыхъ почвъ.

Всѣ вещества, находящіяся въ почвѣ, относительно электричества раздѣляютъ:

а) *Непроводники электричества*; сюда относятся: сухой песокъ, сухая известь, магнезія и сухой гипсъ.

б) *Полупроводники электричества*; сюда принадлежитъ чистая глина.

в) *Слабые проводники электричества*; сюда соприсчитаютъ смѣшанныя породы различнаго рода глины.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМЪ ОБУЧЕНИИ.

Quod enim munus reipublicae offerre majus meliusve possumus, quam si docemus atque eruditius juvenutem? Cicero (Div. II, 2).

Уже съ давнихъ временъ, и весьма многіе, великіе, превосходные люди предпринимали благородный трудъ надъ улучшеніемъ отдельныхъ людей или даже цѣлыхъ обществъ. Они старались того достигнуть то живымъ словомъ и литературою, то изданіемъ законовъ и основаніемъ обществъ. Но уже въ древности было сказано, что научить добродѣтели нельзя, и это изреченіе основывается на неудачахъ, весьма часто испытанныхъ тѣми, которые надѣялись подѣйствовать на нравы людей, или однимъ краснорѣчивымъ словомъ, или одной умною и сильною книгой. Еще менѣе дѣйствительно предписаніе закона быть добродѣтельнымъ: законы тамъ тщетны, гдѣ дурны нравы, и потому уже Римскіе юристы ставили себѣ цѣлю стараться сдѣлать человека не только послушнымъ закону, но и нравственнымъ (см. Fr. 7, 3 § 1. D. I, 1). Нравы цѣлаго соединенія людей могутъ быть исправлены только постояннымъ воздѣйствіемъ, постепенно приучающимъ къ лучшему. Всѣ вышеисчисленные средства имѣютъ силу, только ежели употребляются педагогически, только ежели обращаются на методическое

воспитаніе людей и ихъ постепенное возвышеніе къ лучшему. Главный и почти единственно-успѣшный путь къ тому есть путь педагогическій, а изъ этого видно, что Педагогика — главная и самая важная изъ всѣхъ практически-полезныхъ наукъ, относящихся до духовнаго состоянія человѣка. Она въ состояніи прочно готовить людей къ разумному и доброму дѣйствованію, и, увеличивая постепенно число добрыхъ людей, содѣйствовать усовершенію челоуѣчества.

Но методическое употребленіе воспитанія есть не что иное, какъ трудъ того соединенія людей, въ которомъ оно происходитъ, надъ самимъ собою, и потому требуетъ значительнаго развитія сознательности. Поэтому, когда на полѣ Исторіи еще господствовало по преимуществу безсознательное развитіе, тогда было невозможно признаніе въ Педагогикѣ ея истиннаго значенія. Такъ въ древности воспитаніе или имѣло чисто-государственное значеніе, или было дѣломъ совершенно частнымъ; въ Средніе вѣки оно происходило безсознательно, по рутинѣ, образовавшейся такъ же безсознательно; даже и въ новое время, не болѣе какъ сто лѣтъ тому назадъ, еще нигдѣ въ Европѣ не было учреждено особенныхъ вѣдомствъ по этой части, и Педагогика, какъ наука, почти вовсе не существовала. Она могла образоваться и начать пріобрѣтать то великое значеніе, которое ей предстоитъ, только вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ стали думать о разумномъ устроеніи своей будущности, и сознательное поступаніе стало заступать мѣсто слѣпаго развитія.

Первымъ побужденіемъ на Западъ пристальнѣе заняться народнымъ образованіемъ, была реформація*. Въ 1524

* Лютеръ вполне сознавалъ важность педагога въ обществѣ; онъ самъ пишетъ въ одномъ мѣстѣ: Und wenn ich vom Predigtamt und anderen Sachen ablassen könnte oder müsste, so wollte ich kein Amt lieber haben, denn Schulmeister oder Knabenlehrer sein. Denn ich weiss, dass diess Werk nächst dem Predigtamte, das *aller nützlichste, grösste und beste ist.* Th. X, S. 926 Walch.

году вышло Лютерово воззваніе къ бургомистрамъ и городамъ Нѣмецкой націи объ учрежденіи училищъ, и за тѣмъ послѣдовала дѣятельность, какъ самого Лютера, такъ въ особенности Меланхтона и Эразма. Но все это были попытки, которыя повели только, въ организуемомъ 17 столѣтіи, къ сознательному опредѣленію значенія Педагогикѣ, высказанному напр. Бакономъ въ VI книгѣ *De augmentis scientiarum*, и къ энергической дѣятельности нѣкоторыхъ практическихъ педагоговъ, заботившихся, вслѣдъ за великимъ Чехомъ *Коменіемъ*, объ улучшеніи воспитанія. Новая жизнь, явившаяся около того же времени въ Англіи, въ политическомъ отношеніи, и въ царствованіе Людовика XIV во Франціи, въ отношеніи общественномъ, сдѣлала новыя требованія Педагогикѣ и дала ей поводъ къ новымъ размышленіямъ, которыхъ представителями можно разсматривать *Локка* и *Руссо*. Въ Германіи такъ же пробудилось желаніе сдѣлать оцѣнку господствовавшихъ тогда обычаевъ относительно воспитанія, и устранить то, что въ нихъ не могло быть одобрено разумомъ. Недостатки рутинны, употребляемой машинально, по преданію, легко оказались при такой критикѣ: начали жаловаться, что дѣтей учатъ многому, чего имъ не нужно знать, чего они вовсе не понимаютъ, что изошряютъ болѣе ихъ память, нежели разумъ, что даютъ имъ въ нравственномъ отношеніи неестественное направленіе, окружая ихъ оковами принужденія, подавляя въ нихъ естественное стремленіе къ самостоятельности, и какъ бы умышленно побуждая ихъ къ этимъ необузданнымъ вспышкамъ, въ которыхъ наконецъ природа беретъ свое и отъ которыхъ многіе юноши гибнутъ вскорѣ послѣ того, какъ вырвутся на свободу. Сознаніе этихъ недостатковъ повело къ новому направленію въ Педагогикѣ, состоявшему въ облегченіи ученья, въ болѣе дружественномъ обращеніи съ дѣтьми и вообще въ учрежденіи такъ называемыхъ филантропическихъ учебныхъ заведеній; вслѣдствіе чего и самое направленіе получило названіе *филантропическаго*. Въ главѣ школы сталъ *Базедовъ*, человекъ необыкновенной дѣятельности и горячій любви къ своему

дѣлу, принесшій Педагогикѣ весьма много пользы, не смотря на свои преувеличенія и свой безпокойный характеръ. Въ то же время *Роховъ* обратилъ свое вниманіе, съ педагогической точки зрѣнія, на состояніе поселянъ и задалъ себѣ вопросъ: отъ чего сельскіе жители попадаютъ такъ часто въ руки къ кудесникамъ, ворожеямъ разнымъ шарлатанамъ и бродягамъ? Отъ чего они часто бываютъ глухи къ самымъ лучшимъ совѣтамъ и не понимаютъ самыхъ доброжелательныхъ намѣреній, а напротивъ вѣрятъ ложнымъ слухамъ и бросаются вслѣдъ за нелѣпыми обманщиками? Объясненіе этого загадочнаго явленія онъ находилъ въ невѣжествѣ и недостаткѣ истиннаго просвѣщенія у сельскихъ жителей, въ неразвитости ихъ разсудка и происходящей отсюда неспособности обсуживать вещи. Показать глубину недостатка и указать на его причину было достаточно, чтобы возбудить доброжелательныхъ людей къ дѣйствованію.

Первое ихъ вниманіе было обращено на образованіе разсудка посредствомъ чистыхъ, непосредственныхъ упражненій въ мышленіи. Цѣль была благая; но такъ какъ преподаваніе другихъ предметовъ оставалось по прежнему машинальнымъ и мертвымъ, то эти упражненія страдали большой пустотой и формализмомъ, и развивали въ ученикахъ одностороннюю дѣятельность разсудка и бесплодную привычку все критиковать. Надобно было придти къ убѣжденію въ недостаточности одного формальнаго разсудка, и позаботиться объ обогащеніи его содержаніемъ, а это повело къ распространенію улучшенной методы упражненій мышленія и на другіе предметы первоначальнаго преподаванія, что совершила школа *Песталоцци*. Съ тѣхъ поръ жизнь проникла, такъ сказать, весь организмъ воспитанія, и желаніе добра, которое великій мастеръ умѣлъ передать своимъ ученикамъ, было такъ сильно, что много улучшеній, осмысленныхъ прежде за несбыточность, были осуществлены совершенно удачно, и могутъ служить примѣромъ того, что возможно доброй волей на этомъ поприщѣ, не смотря на сопротивленія людей, привыкшихъ машинально придерживать старую рутину. Движеніе, которое *Песталоцци* далъ Педагогикѣ, было принято

очень многими изъ постороннихъ лицъ съ большимъ энтузіазмомъ, и этотъ успѣхъ ободрилъ, въ свою очередь, многихъ трудившихся въ тишинѣ надъ образованіемъ юношества. Во всѣхъ странахъ нашлись голоса, прославлявшіе Песталоцци какъ благодѣтеля человечества, и вездѣ вопросъ о воспитаніи нашелъ себѣ друзей между людьми высокопоставленными. Усовершенствованіе училищъ пошло быстрыми шагами впередъ.

Между тѣмъ приготовлялось для Педагогика твердое основіе въ психологическихъ наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ, которыя въ наше время наконецъ привели, какъ можно сказать, къ самымъ счастливымъ результатамъ. *Гербартъ* отчасти, а потомъ и во всей полнотѣ *Бенеке*, давъ Психологіи неоспоримую основу науки естественной и опытной, вмѣстѣ съ тѣмъ открыли для Педагогика новый кругъ зрѣнія и новое обиліе задачъ. Новая Психологія разрушила прежнюю, вымышленную теорію о врожденныхъ способностяхъ и показала большую сложность всѣхъ духовныхъ отправленій челоѵка и ихъ почти совершенную зависимость отъ воспитанія и жизни. Теперь ни эгоизмъ, ни другія наклонности не могутъ считаться врожденными качествами данныхъ людей, и вина въ нихъ должна быть приписываема не природѣ, а разнымъ воздѣйствіямъ, имѣющимъ мѣсто уже по рожденіи челоѵка на свѣтъ. Хотя эти вредныя воздѣйствія неизбежны ни для кого, но хорошо устроенное воспитаніе можетъ въ значительной степени ихъ устранить. Вообще несомнѣнно, что раціональное воспитаніе, распространенное на тѣ годы младенчества, которые до сихъ поръ проживались людьми только подъ вліяніемъ случая, должно принести огромные плоды. Это тѣмъ несомнѣннѣе, чѣмъ точнѣе стали теперь извѣстны законы, по которымъ образуются духовныя силы челоѵка. Съ чѣмъ прежде

* Легче всего составить себѣ понятіе о новомъ направленіи въ Психологіи изъ совершенно популярной книги Бенеке: «Die neue Psychologie. Erläuternde Aufsätze zur zürten Ausgabe meines Lehrbuche des Psychologie aus Naturwissenschaft.» 1845.

безуспѣшно боролись воспитатели, и что разрушало плоды всѣхъ ихъ усилій, теперь можетъ быть предупреждено въ своемъ явленіи, и съ помощію рациональнаго употребленія педагогическихъ мѣръ; или совершенно отвращено, или по крайней мѣрѣ значительно ослаблено.

Какъ велики должны быть послѣдствія, которыхъ можно ожидать отъ Педагогика, основанной на новѣйшихъ психологическихъ изслѣдованіяхъ, для блага человечества, въ особенности для его нравственнаго образованія, легко понять всякому, даже только по тому, что сказано выше о новой Психологіи; а какъ сильно чувствуется теперь потребность въ услугахъ Педагогика, именно относительно нравственнаго образованія, знаетъ также всякій, кто сколько-нибудь понимаетъ время, въ которое мы живемъ. Можно дѣйствительно считать благодѣяніемъ Провидѣнія, что Педагогика, именно въ наше время, по крайней мѣрѣ какъ наука, стала на такую высокую степень, на которой она въ состояніи возбуждать блестящія надежды на будущее. Уже теперешнее поколѣніе людей въ Европѣ заботится объ образованіи возрастающаго поколѣнія болѣе, нежели заботилось какое-либо изъ предшествовавшихъ ему. Педагогика, которая теперь совершенно въ состояніи обѣщать прочное улучшеніе людей, все болѣе и болѣе будетъ выполнять эти обѣщанія. Возвысившись съ практикою на ту высоту, на которой она уже стоитъ въ теоріи, и, обилѣвъ какъ умственное, такъ и нравственное образованіе, она освободится и въ практикѣ отъ своей прежней односторонности, и будетъ вмѣстѣ *просвѣщать* и *улучшать* людей, и съ каждымъ поколѣніемъ все болѣе и болѣе распространять и усиливать свою дѣятельность.

Такія надежды могли бы казаться несбыточными, если бы въ исторіи Педагогика не было примѣровъ, что часто сбывалось объявленное невозможнымъ. Что ихъ осуществленіе возможно, это доказываютъ наукообразно теперешняя Психологія и Педагогика; что оно должно имѣть мѣсто, — говоритъ въра въ будущность человечества. Но, конечно, другой вопросъ, какъ скоро и въ какихъ размѣрахъ будетъ

совершаться осуществленіе этихъ надеждъ: уже одинъ бѣглый взглядъ на состояніе воспитанія въ самыхъ образованныхъ странахъ Европы показываетъ, что успѣхи въ этомъ отношеніи могутъ быть только медленны, составлять результатъ продолжительнаго, неутомимаго труда. Въ наше время при воспитаніи, въ собственномъ смыслѣ слова, еще почти вездѣ дѣйствуютъ, такъ сказать, ошупью, по обычаю, безсознательно: показываютъ дѣтямъ что придется, даютъ игрушки, которыя удастся купить, запрещаютъ что вздумается. Замѣчая недостатки, рѣдко обращаются къ совѣту людей специальныхъ, рѣдко дѣлаютъ для духовнаго здоровья дѣтей, что всегда дѣлаютъ для ихъ здоровья физическаго. Впрочемъ и между специальными людьми не много такихъ, съ кѣмъ можно успѣшно посоветоваться, и многіе изъ предназначенныхъ себя въ наставники вовсе не заботятся о томъ, чтобы пріобрѣсти нужныя педагогическія и психологическія свѣдѣнія. Даже въ отношеніи къ обученію, предмету болѣе легкому и болѣе обработанному, нежели воспитаніе въ собственномъ смыслѣ, дѣлаются почти вездѣ самыя грубыя ошибки; плодомъ которыхъ бываетъ, что дѣти не только не любятъ училище и книгу, но получаютъ къ нимъ страхъ и отвращеніе. Между тѣмъ въ обученіи улучшенія болѣе удобны, нежели въ воспитаніи въ собственномъ смыслѣ, потому что они состоятъ по большей части въ введеніи методъ и правилъ, уже найденныхъ и испытанныхъ, и что исполнителями притомъ бываютъ люди, специально посвятившіе себя своему дѣлу, и слѣдовательно болѣе способные. Дидактика, отрасль Педагогики, относящаяся къ обученію, такъ обработана, что главный недостатокъ теперешняго обученія состоитъ не въ томъ, чтобы методы, соответствующія требованіямъ науки, не были изобрѣтены, но въ томъ, что онѣ недостаточно распространены. Ежели приемы, употребляемые при воспитаніи въ собственномъ смыслѣ, еще не вполне подвергнуты критической оцѣнкѣ, и общее мнѣніе педагоговъ о нихъ не совсѣмъ установилось, то о болѣе части приемовъ, употребляемыхъ при обученіи, должно сказать противное. Къ тому же пер-

вые, будучи одобрены, должны быть, для успешности воспитанія, распространены между всею огромною массою людей, занимающихся воспитаніемъ; тогда какъ послѣдніе должны усвоить себѣ сравнительно не многіе люди, занимающіеся обученіемъ. Поэтому улучшеніе воспитанія можетъ скорѣе начинаться съ обученія, нежели съ воспитанія въ собственномъ смыслѣ, и этому мы дѣйствительно видимъ примѣры, ибо въ наше время обыкновенное обученіе вообще стоитъ на болѣе высокой степени, нежели обыкновенное воспитаніе. Но ежели есть предметъ, который въ обыкновенномъ обученіи остался на особенно-низкой степени, такъ это — *первоначальное обученіе*, или та часть обученія, которая непосредственно соприкасается съ чистымъ воспитаніемъ и на которую, какъ кажется, распространились недостатки, вредящіе обыкновенно воспитанію въ собственномъ смыслѣ. Между тѣмъ первоначальное обученіе чрезвычайно важно, ибо отъ него зависитъ охота къ ученю и вообще понятія, составляемыя ученикомъ о наукѣ и учителѣ. Дурное первоначальное обученіе причиняетъ неудачу всѣхъ послѣдующихъ усилій и со стороны учителя и со стороны даже самого ученика, какъ дурное первоначальное воспитаніе составляетъ причину большей части недостатковъ, являющихся въ послѣдующей жизни. Поэтому-то первоначальное обученіе было особеннымъ предметомъ заботъ и заботъ великихъ педагоговъ; поэтому-то оно заслуживаетъ особенное вниманіе всѣхъ родителей и воспитателей. — Во всякомъ дѣлѣ очень важно начало; во всякомъ дѣлѣ начало признается труднымъ, и на него обращаются особенныя усилія. Начало обученія не должно быть исключено изъ этого правила, и за первыми годами ученья должно еще внимательнѣе смотреть, нежели за послѣдующими. Тогда только все ученье мальчика или дѣвочки увѣнчается успѣхомъ.

И въ наше время домашнее первоначальное обученіе страдаетъ обыкновенно большими недостатками. Оно поручается обыкновенно людямъ несвѣдущимъ, и остается въ совершенномъ пренебреженіи со стороны родителей, ожида-

ющихъ съ нетерпѣніемъ преподаванія предметовъ, болѣе любящихъ ихъ самолюбію. Между тѣмъ въ умъ дитяти часто вкореняется отвращеніе къ ученью, бывающее потомъ причиною неуспѣшности всего образованія, и развитіе его способностей подъ вліяніемъ убійственной методы получаетъ ложное направленіе. Объ улучшенныхъ же методахъ рѣдко приходится даже и слышать. — Это побудило насъ изложить здѣсь нѣсколько мыслей о практическомъ устройствѣ первоначальнаго обученія, соответственномъ современному состоянію Педагогика. Онѣ ограничиваются первымъ годомъ обученія, но впоследствии, въ случаѣ сочувствія, будутъ продолжаемы.

Начинать преподаваніе ученіемъ граматъ есть большая ошибка. Это видно уже изъ того, что самыя любопытныя и веселыя дѣти имѣютъ отъ азбуки большое отвращеніе. Но еще превратнѣе начинать ученіе граматъ ученіемъ читать, ибо всѣмъ извѣстно, что на первой степени ученья дѣти всегда охотнѣе пишутъ, нежели читаютъ, и несомнѣнно, что первые изобрѣтатели азбуки прежде писали, нежели читали, а преподаваніе должно стараться, сколько можно, идти по естественному пути изобрѣтенія, только облегчая его для учащихся своею помощію*. Чтобы рѣшить, откуда должно выходить преподаваніе и на какой предметъ быть по преимуществу направлено въ первые годы, стоить только обратить вниманіе на состояніе ребенка, начинающаго учиться. Такъ какъ обыкновенно для того опредѣляется начало седьмага года, то спрашивается: въ

* Главная заслуга введенія естественной методы при ученіи граматъ принадлежитъ въ Германіи Гразеру, который, описавъ ее въ своихъ сочиненіяхъ: «Divinität» и «Elementarschule für's Leben», осуществилъ и въ учрежденныхъ по его указаніямъ школахъ. Во Франціи она существовала и прежде Гразера, но безъ большого распространенія; Французы зовутъ ее: Scriptologie или Ecriture - lecture. Противъ ученья по складамъ болѣе всѣхъ возставалъ Стефани, извѣстный Баварскій педагогъ.

какомъ состояніи мы видимъ ребенка въ это время? на какой предметъ въ это время обращена самой природой его дѣятельность? другими словами: какое занятіе онъ въ это время особенно любитъ? Разсматривая ребенка съ общей точки воспитателя, мы находимъ его въ двусторонней дѣятельности: въ практическомъ отношеніи мы видимъ въ немъ безпорядочное смѣшеніе хотѣній, не подчиненныхъ еще разуму и находящихся по большей части въ страдательномъ отношеніи къ вліяніямъ вѣшняго міра. Эту сторону воспитатель долженъ ограничивать какъ можно болѣе: только здѣсь Руссо дозволялъ принужденіе и желалъ, чтобы оно являлось подъ формою необходимости, совершенно вѣшной, ни чѣмъ неотвратимой. Въ теоретическомъ отношеніи дѣятельность ребенка такъ же направлена на вѣшній міръ, который для него еще новъ и потому его живо занимаетъ. Шестилѣтній ребенокъ еще недавно вошелъ въ міръ, еще не совсѣмъ съ нимъ свыкся. Еще на каждомъ шагѣ его чувства поражаются новыми впечатлѣніями; даже отправления его собственнаго тѣла ему не обратились въ привычку. Сколько наблюденій соберетъ онъ о своемъ тѣлѣ, только пока выучится ходить? Какое безчисленное множество замѣчаній онъ долженъ сдѣлать объ органахъ голоса человѣческаго, пока освободится отъ картавленія? Естественно, что вѣшній міръ, съ его многоразличными вліяніями, и собственное положеніе въ немъ ребенка, привлекаютъ всю дѣятельность дѣтскихъ силъ и приводятъ въ жизнь и движеніе все, что въ немъ уже способно къ жизни. Равно естественно, что насильственно устранимый отъ общенія съ живымъ міромъ и запираемый въ одной комнатѣ съ недвижной и безжизненной книгой, ребенокъ получаетъ къ ней отращеніе. Можно ли надѣяться на успѣхъ при такой насильственности? Еще болѣе: имѣетъ ли право воспитатель отвращать ребенка отъ того, къ чему влечетъ его сила вещей, чтобы, можетъ быть, погубить его наблюдательность, и на ея мѣсто подарить его разсыянностью, впоследствии трудно искоренимою? А разсыянность есть слѣдствіе занятія тѣмъ, къ чему не призываетъ естественное развитіе

силъ. Истинный воспитатель поступаетъ иначе: онъ не идетъ наперекоръ природѣ, а слѣдуетъ за ней и ей помогаетъ. Ребенокъ любитъ разсматривать вещи, но еще не образовалъ достаточно своей наблюдательности: истинный воспитатель долженъ помогать ему, долженъ самъ съ нимъ все разсматривать. Ребенокъ любопытенъ: воспитатель долженъ питать въ немъ любопытство, но направлять его такъ, чтобы оно со временемъ перешло въ любознательность. Ребенокъ особенно любитъ самую живую часть природы — звѣрковъ и животныхъ: воспитатель долженъ начать съ нихъ рядъ своихъ методическихъ наблюденій надъ внѣшнимъ міромъ. И такъ далѣе. — Такъ же плодомъ теоретической дѣятельности ребенка, но съ практическимъ направлениемъ, бываетъ комбинація собранныхъ представленій, ихъ соединеніе въ группы (по большей части странныя, ибо мышленіе еще слабо), наконецъ практическое осуществленіе этихъ комбинацій въ играхъ. Плодъ этой же дѣятельности есть выраженіе своихъ мыслей голосовыми знаками. Воспитатель, ограничивая фантастическую дѣятельность воображенія, долженъ употреблять всѣ свои силы на развитіе и усовершенствованіе способности говорить. У шестилѣтняго ребенка нѣтъ еще ни правильности сочетанія, ни выбора словъ. Воспитатель долженъ обратить на это свое вниманіе, и помощь, подаваемая имъ въ этомъ отношеніи ребенку, будетъ принята послѣднимъ тѣмъ съ ббльшею благодарностію, что дѣти уже отъ природы очень любятъ говорить: они какъ бы сами не нарадуются новопріобрѣтенной ловкости и не надовольствуются ея употребленіемъ.

Теперь, если мы отъ этихъ общихъ требованій воспитанія перейдемъ къ болѣе частнымъ требованіямъ обученія, то намъ надобно будетъ исключить огромный кругъ вещей, которыя требуютъ непосредственнаго, индивидуальнаго руководительства, и поэтому недоступны преподаванію: для собственнаго обученія останется, съ одной стороны, помощь въ наблюденіяхъ надъ внѣшнимъ міромъ, съ другой, руководство въ правильномъ употребленіи дара слова. Съ одной

стороны, должна быть развита внимательность при созерцаніи, съ другой стороны, долженъ быть развязанъ языкъ при выраженіи результатовъ созерцанія. Даръ слова долженъ быть развязанъ; но самое слово не должно еще быть предметомъ наблюдений: для этой цѣли еще не могла быть достаточно развита наблюдательность. Обучение на первой степени должно незамѣтно отдѣляться отъ простаго воспитанія, и состоять въ разговорѣ о предметахъ внѣшняго міра, о ихъ качествахъ и взаимныхъ отношеніяхъ, при чемъ должно быть требуемо, чтобы дѣти выражались правильно, ясно и точно. Это послѣднее должно наконецъ обратиться въ привычку и впоследствии облегчить какъ обученіе грамматъ, такъ и дальнѣйшее преподаваніе теорій языка и другихъ предметовъ. Но только впоследствии: ибо на первой степени обученія правильное употребленіе языка должно быть *средствомъ* выраженія наблюдений, и потому вся первая степень обученія должна быть — *степенью наблюдений*.

Человѣкъ сообщается съ внѣшнимъ міромъ посредствомъ чувствъ. Чувства, наиболѣе плодотворныя въ этомъ отношеніи, суть зрѣніе и слухъ, изъ которыхъ послѣдній есть самое духовное чувство, ибо дѣлаетъ возможнымъ усвоеніе мыслей, выраженной въ словъ. Но для сообщенія съ внѣшнимъ міромъ имѣетъ первоклассную важность зрѣніе. По этому-то въ большей части языковъ первый теоретическій результатъ сообщенія человѣка съ внѣшнимъ міромъ — созерцаніе — получило свое имя отъ одного корня съ словами, означающими зрѣніе. Въ обширномъ смыслѣ созерцаніе есть плодъ всѣхъ чувствъ: нѣкоторые философы говорятъ даже объ интеллектуальномъ созерцаніи. Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ созерцаніе есть результатъ дѣятельности глаза, и преимущественно въ этомъ-то тѣсномъ смыслѣ оно имѣетъ значеніе въ Педагогикѣ, для первой степени обученія. У ребенка, начинающаго учиться, надобно стараться укрѣпить и развить предпочтительно предъ другими органами — глазъ, чтобы увеличить средства его знакомства съ внѣшнимъ міромъ. Ухо такъ же не должно быть пренебрегаемо; но ухо отчасти развивается само собою, отчасти его тонкое развитіе

не имѣетъ въ отношеніи къ теоретической дѣятельности духа такой всеобщей важности, какъ тонкое развитіе зрѣнія. Притомъ же, при упражненіи созерцанія, зрѣніе есть только одинъ факторъ; другая сторона, которая развивается, есть вниманіе, такъ сказать, внутреннее, способность наблюдать, первое условіе всякой теоретической дѣятельности. Цель созерцанія есть наглядность, т. е. такое знакомство съ предметомъ, которое даетъ возможность во всякое время съ точностью его воспроизвести. Средство достигнуть этой степени знакомства съ предметомъ есть повтореніе созерцанія, — наблюдение предмета. *Возбудить и развить въ ребенкѣ наблюдательность должно быть главною цѣлюю перваго обученія.* Различныя степени наблюдательности суть одно изъ главныхъ отличій грубаго и образованнаго чловѣка. Грубое созерцаніе есть то, что происходитъ невольно, когда какой-нибудь предметъ является передъ открытымъ глазомъ. Глазъ тогда долженъ видѣть. Но какъ онъ будетъ видѣть, въ этомъ. можетъ быть очень большое различіе. Ребенка и чловѣка необразованнаго поражаетъ прежде всего цвѣтъ, и изъ различныхъ цвѣтовъ прежде всего самый яркій; болѣе слабыя, болѣе преломленныя цвѣта для него теряются, и всего менѣе онъ обращаетъ вниманіе на форму предметовъ и ея изящество. Только образованное созерцаніе умѣетъ видѣть за блескомъ цвѣтовъ и различныя степени свѣтлотѣни, дающія возможность заключать о формѣ предметовъ, и гармонію линий, и правильность очертаній, дѣлающія форму предметовъ изящною. Надобно было значительно возвыситься Греку, напримѣръ, надъ Китайцемъ, чтобы получить интересъ къ формѣ предметовъ и перестать любоваться одними цвѣтами. Точно то же мы видимъ и въ отдѣльномъ чловѣкѣ. Спросите ребенка или грубаго чловѣка о предметъ, недавно имъ видѣнномъ: часто онъ не будетъ въ состояніи опредѣлить съ точностію даже его цвѣтъ, тѣмъ менѣе его форму. Образованное созерцаніе можетъ схватить предметъ точнѣе и сохранить его образъ долѣе; но и въ сферѣ образованнаго созерцанія есть много степеней: такъ, напримѣръ, весьма много людей, которыхъ

созерцаніе не можетъ быть названо грубымъ, но которое не въ состояніи воспроизвести географической карты, которую они безчисленное множество разъ созерцали въ своей жизни, тогда какъ опытный художникъ можетъ съ разительною вѣрностью изобразить лице, видѣнное имъ въ теченіе немногихъ минутъ. Какъ важно для всякаго развить свою способность созерцанія и наблюденія, не можетъ подлежать сомнѣнію. Для ребенка же созерцательное преподаваніе вдвойнѣ необходимо, ибо одно оно составляетъ естественный способъ преподаванія въ первыя времена дѣтства, и можетъ дать приличный матеріалъ для упражненій въ разговорѣ. На первой степени оно можетъ имѣть въ виду два рода наблюденій: во-первыхъ, наблюденія надъ предметами въ ихъ цѣлостномъ явленіи; во-вторыхъ, наблюденія надъ мѣрой и числомъ предметовъ — упражненія въ глазомѣрѣ и счетѣ.

I. а) *Классная комната.*

Упражненія:

1. Наименованіе предметовъ, въ ней находящихся.
2. Описаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ.
3. Сравненіе ихъ между собою; отыскиваніе сходства и различія.

Методическія замѣчанія.

Къ 1. Учитель указываетъ предметъ, который долженъ быть наименованъ. Ученикъ отвѣчаетъ: это окно; это окна; или: я вижу передъ собою окно, окна. Для разнообразія, отъ времени до времени, отвѣчаетъ цѣлая лавка хороми. Вообще учитель спрашиваетъ, обращаясь ко всему классу. Знающіе отвѣтъ даютъ условленный знакъ, напимѣръ поднимаютъ указательный палецъ правой руки немного вверхъ. Тогда учитель указываетъ того, кто долженъ отвѣчать, или цѣлую лавку. Подъ конецъ урока каждый ученикъ долженъ назвать одинъ предметъ, наименованный въ этотъ разъ. Начинаютъ слабѣйшіе; но ни одинъ предметъ не можетъ быть повторенъ два раза.

Къ 2. При описаніи обращается вниманіе на матеріалъ вещи, ея цвѣтъ, форму, части, цѣль. Метода преподаванія есть катехизисная: учитель наводитъ учениковъ своими вопросами на ответы, заставляетъ ихъ все находить самихъ. Если ученикъ выражается неправильно, учитель его поправляетъ и заставляетъ еще разъ повторить предложеніе. Въ теченіе всего урока говорится предложеніями, и каждое трудное предложеніе повторяется подъ тактъ, сначала отдѣльными лавками, потомъ хоромъ всего класса. Подъ конецъ урока каждый ученикъ долженъ припомнить одно предложеніе, проговоренное въ теченіе урока; при этомъ порядокъ тотъ же, какъ и при наименованіи предметовъ.

Къ 3. И при этомъ упражненіи, такъ же какъ при всѣхъ предшествующихъ и послѣдующихъ, господствуетъ катехизисная метода. Такъ какъ находить различіе между двумя предметами легче, чѣмъ замѣчать сходство, то сначала разсматривается различіе предметовъ. Когда находить различіе не представляетъ болѣе никакой трудности, тогда можетъ быть сдѣланъ переходъ къ опредѣленію сходства, сперва между двумя вещами, потомъ тремя, и т. д. Впрочемъ эти логическія упражненія не должны переступить умственныхъ силъ учениковъ.

б) Животныя.

Животныя уже извѣстны дѣтямъ изъ жизни, и не только извѣстны, но и возбуждаютъ въ нихъ особенное вниманіе. Но сообразно степени развитія ихъ умственныхъ способностей, дѣти какъ часто ни наблюдаютъ надъ животными, все-таки имѣютъ объ нихъ только весьма поверхностныя свѣдѣнія: весьма многого и весьма существеннаго они вовсе не замѣчаютъ; весьма много явленій въ животномъ мірѣ для нихъ вовсе неразгаданы. Ежели съ этой стороны воспользоваться любопытствомъ дѣтей, которое уже само по себѣ преимущественно направлено на царство животное, то можно быть увѣрену, что у дѣтей никакъ не будетъ недостатка во вниманіи и охотѣ учиться, и что, вводя дѣтей въ болѣе знакомство съ различными свойствами

и особенностями животныхъ, мы имъ сообщаемъ во-первыхъ, весьма полезныя естественныя познанія, которые могутъ впоследствии составить наилучшую основу для преподаванія естественныхъ наукъ; а во-вторыхъ, и это даже еще важнѣе — мы заставимъ учениковъ полюбить то училище, гдѣ можно узнавать то, что уже давно имъ самимъ хотѣлось знать. Дети будутъ съ удовольствіемъ спѣшать въ классъ, они постепенно приучатся съ постояннымъ вниманіемъ слѣдовать за словами учителя — ко благу всей остальной своей жизни и къ великой радости наставника. На такой дорогѣ учить и учиться будетъ не тягостью и бременемъ, а наслажденіемъ и весельемъ.

Методическія замѣчанія.

1. Метода, какъ для всего первоначальнаго обученія; такъ и здѣсь — мы повторимъ это однажды навсегда — состоитъ въ томъ, что учитель спрашиваетъ и наводитъ ученика на правильные отвѣты, а ученикъ отвѣчаетъ, и притомъ отвѣчаетъ правильнымъ языкомъ, и не иначе, какъ цѣлыми предложеніями.

2. Предметы, разсматриваемые здѣсь, уже знакомы ученикамъ изъ жизни; поэтому урокъ можетъ начинаться съ разспроса учениковъ о тѣхъ признакахъ, которые можетъ назвать каждый изъ нихъ о данномъ животномъ. Учитель помогаетъ, старается сдѣлать болѣе ясными неточныя образы ввоображенія, и потомъ, для окончательной поправки, представляетъ самое животное или въ живомъ видѣ или въ чучель.

3. Первое упражненіе состоитъ въ указаніи различныхъ свойствъ животнаго и въ описаніи его частей. Второе въ сравненіи животныхъ между собою. Третье можетъ ввести въ разсмотрѣніе скелета, не исключая и нѣкоторыхъ физиологическихъ замѣчаній.

II. а. Чистая форма:

Ежели предположить, что преподаваніе началось въ Августѣ, и что ученики имѣли ежедневно по одному уроку, то около времени Новаго года два предшествующія

упражненія могутъ быть окончены. Съ Новаго года преподаваніе можетъ измѣниться, чтобы приблизиться къ теоретическому школьному преподаванію и приготовить ученика къ обученію искусству писать. Для этого оно можетъ раздѣлиться на двѣ отрасли: 1) на продолженіе наблюденій надъ предметами въ ихъ цѣлостномъ видѣ, для чего должны быть взяты, вслѣдъ за животными, человекъ и растенія (4 урока въ недѣлю), и 2) на наблюденія надъ формою вещей (по 2 урока), для чего должны быть сначала взяты самыя простыя формы, которыя можно вывести изъ разсмотрѣнія куба, какъ-то: 1) прямая линія, 2) прямой уголъ, 3) квадратъ, и потомъ изъ разрывнаго куба, 4) уголъ 45 градусовъ, 5) треугольникъ, 6) четырехугольникъ, 7) призма. Свойства и различія этихъ формъ должны быть объяснены словесно. Но легчайшія изъ нихъ, именно первыя пять, должны быть воспроизводимы ученикомъ на аспидной доскѣ, какъ приготовительное упражненіе къ обученію письму и рисованью. Метода этого преподаванія должна быть слѣдующая. Учитель говоритъ: проведите мнѣ прямую линію длиною въ вершокъ. Линія проводится каждымъ ученикомъ на своей доскѣ и въ одно время всѣми. Учитель: положите грифель и поверьте, правильно ли каждый изъ васъ провелъ прямую линію. Ученики кладутъ грифель въ сдѣланное для того углубленіе въ доскѣ и накладываютъ на проведенную ими линію тоненькую роговую пластинку, на которой означенная линія нацарапана иглой. Тотъ ученикъ, у котораго грифельная линія совершенно закрыта линіей роговой пластинки, поднимаетъ на вопросъ учителя, кто провелъ правильно? — указательный палецъ правой руки. Польза этихъ упражненій состоитъ въ томъ, что рука приучается къ проведенію прямыхъ линій, и вмѣстѣ ребенокъ упражняется въ глазомѣрѣ. Употребленіе роговыхъ пластинокъ весьма полезно, какъ при этихъ, такъ и при слѣдующихъ упражненіяхъ надъ чистой формой и мѣрой. Оно введено впервые Песталоцци и признано весьма полезнымъ и удобнымъ. Когда воспроизведеніе прямой ли-

ним известной мѣры, а равнымъ образомъ двухъ главныхъ видовъ угловъ (90° и 45°) и двухъ главныхъ видовъ ограниченныхъ поверхностей (прямоугольника и квадрата), не представляетъ уже большой трудности, и когда на вопросъ учителя: кто сдѣлалъ правильно? уже многіе поднимаютъ свой палецъ; тогда можно перейти ко второму упражненію надъ формами, происходящими изъ разрезаннаго шара, какъ-то: 1) окружность, 2) половина окружности, 3) четверть окружности, 4) осьмая доля окружности, при чемъ ученики должны быть наведены на наблюденіе, что при осьмой доль окружности уголь, составленный двумя радіусами, всегда равенъ тому, который они рисовали прежде подъ именемъ 45° угла, и что уголь, составленный двумя радіусами, ограничивающими четверть окружности, всегда равенъ тому, который они рисовали прежде подъ именемъ прямого. — Для этихъ упражненій достаточно двухъ уроковъ въ недѣлю въ теченіе половины года, и результатомъ этого преподаванія должно быть, что дѣти будутъ въ состояніи провести прямую линію назначенной мѣры, нарисовать приблизительно-правильно окружность и нарисовать совершенно-правильно углы въ 90° и 45° . Дальнѣйшимъ результатомъ будетъ наблюденіе, что величина угла зависитъ отъ дуги, и это наблюденіе станетъ въ упражненіяхъ слѣдующаго года основаніемъ дальнѣйшихъ наблюденій надъ чистою формой, которая впоследствии незамѣтно перейдетъ въ ученіе рисовать*. Самая же ближайшая польза этого преподаванія будетъ состоять въ томъ, что ученики нѣсколько приготовятъ свою руку для письма буквъ.

* Превосходныя (хотя и носящія слѣды односторонняго увлеченія предметомъ) мысли объ устройствѣ постепеннаго перехода отъ наблюденій надъ чистою формой къ ученію рисовать, находятся въ сочиненіи Гербарта: *Pestalozzi's Idee eines ABC der Anschauung untersucht und wissenschaftlich ausgeführt*, von Herbart. Gött. 1802. Съ этими мыслями любопытно сравнить методу рисованія, предложенную, конечно безъ знакомства съ ними, братьями Дюпон, о которой можно видѣть статью Лейбница въ I книжкѣ Шницерова педагогическаго журнала за 1847 годъ.

6. *Человѣкъ и растенія.*

На ряду съ описаннымъ выше преподаваніемъ, въ остальныя 4 урока каждой недѣли, должны идти наблюденія надъ собственнымъ тѣломъ учащихся. Песталоцци хотѣлъ, чтобы вся умственная жизнь ребенка начиналась съ этихъ послѣднихъ наблюденій, и написалъ для того подробное руководство, которое онъ выдалъ подъ привлекательнымъ заглавіемъ: «Книга матерей.» Но опытъ показалъ, что это желаніе было недостаточно по своей односторонней исключительности. Въ самомъ дѣлѣ, точно такъ какъ несомнѣнно, что самосознаніе возрастаетъ на основѣ сознанія внѣшняго міра, точно такъ же несомнѣнно и то, что ребенокъ только вслѣдствіе наблюденій надъ внѣшнимъ міромъ, и преимущественно надъ царствомъ животнымъ, получаетъ любопытство къ своему тѣлу, которое въ первыя времена его жизни для него теоретически вовсе не занимательно. Но мы, начиная съ наблюденій надъ животными, имѣемъ возможность превосходнаго естественнаго перехода къ наблюденію надъ человѣкомъ, котораго необходимость и польза сама по себѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Наши наблюденія надъ человѣкомъ будутъ начинаться съ того, чѣмъ кончились наблюденія надъ животными, и потому первое упражненіе будетъ состоять въ сравненіи уже разсмотрѣнныхъ животныхъ съ человѣкомъ. Это сравненіе поведетъ къ заключенію, что Богъ одарилъ человѣка лучшими органами, нежели всѣхъ животныхъ, и что слѣдовательно человѣкъ долженъ быть безконечно благодаренъ Богу. Вообще наблюденія надъ человѣкомъ могутъ дать много поводовъ къ религиознымъ размышленіямъ. Если машинальность во всякомъ преподаваніи пагубна, то она еще тѣмъ болѣе должна быть изгнана изъ того преподаванія, гдѣ всякое слово должно быть полно жизни и благоговѣнія. Поэтому въ нѣжномъ возрастѣ религиозное образованіе должно быть дѣломъ не преподаванія, а воспитанія, отчасти же можетъ быть возбуждено мгновеннымъ религиознымъ вдохновеніемъ благоче-

• стиваго учителя свѣтскихъ предметовъ. Въ поводахъ къ благочестивымъ замѣчаніямъ недостатка не можетъ быть ни при наблюденіяхъ надъ животными, ни при обзорѣ дивнаго построенія человѣческаго тѣла. Сильнымъ побужденіемъ къ этимъ замѣчаніямъ будетъ обстоятельство, что Православная Церковь допускаетъ семилѣтнихъ къ таинству покаянія. Но только учитель долженъ слѣдовать главному правилу — не дѣлать ни одного религіознаго замѣчанія иначе, какъ изъ полноты души, ибо только такое слово можетъ произвести благотельное вліяніе на душу ребенка, еще неразвитуую. — Второе упражненіе состоитъ въ описаніи частей тѣла, при чемъ вниманіе можетъ быть обращено особенно на слѣдующія точки: а) положеніе частей (напр. глазъ лежитъ между вискомъ и переносицей, между лбомъ и щекой, и т. д.), б) число частей, в) форма частей, г) цвѣтъ частей, д) употребленіе частей. — Третье упражненіе будетъ заниматься духовною стороною чловѣка. Оно начнется съ разсмотрѣнія пяти чувствъ, которыми мы узнаемъ о внѣшнемъ мірѣ: Разговоры о теоретической (познающей) дѣятельности ума человѣческаго поведутъ учителя къ объясненію того, чему дѣти будутъ учиться. За теоретическою дѣятельностью слѣдуетъ практическая. Чловѣкъ понимаетъ, что *дѣлаетъ*, и тѣмъ отличается отъ животныхъ. Онъ можетъ дѣлать дурное и хорошее. Когда онъ знаетъ, что дѣлаетъ дурно, и все-таки дѣлаетъ, онъ грѣшитъ. Всякое дурное дѣло чловѣка оскорбляетъ Бога, который любитъ чловѣка болѣе, чѣмъ отецъ или мать любить своихъ дѣтей. Ежели чловѣкъ продолжаетъ оскорблять Бога, то Богъ его наказываетъ; но ежели чловѣкъ истинно раскаивается, то Богъ прощаетъ ему его грѣхи. Раскаиваться значитъ сожалѣть о томъ, что сдѣлалъ дурно, и твердо рѣшиться впередъ этого не дѣлать. Для тѣхъ, которые истиннымъ образомъ раскаиваются, установлено Богомъ таинство покаянія или исповѣдь, къ которой вы будете допущены въ этомъ году. Чтѣ дурно и чтѣ хорошо, этому васъ будетъ учить вашъ будущій священникъ-законоучитель; а пока вы до того подрастаете, чтобы

мочь учиться у священника, вамъ Богъ далъ родителей и наставниковъ, которые вамъ сказываютъ, что вы должны дѣлать и чего не должны дѣлать. Поэтому пока вы сами не узнаете совершенно Закона Божія, вы должны слушаться непрекословно какъ вашихъ родителей, такъ и вашихъ наставниковъ.—Тѣло человеческое умираетъ, но духъ не умираетъ. Духъ, живущій въ человѣкѣ, есть настоящій человѣкъ, и потому человѣкъ есть существо безсмертное. Когда тѣло человѣка умретъ, то душа тѣхъ, кто былъ на землѣ добръ и благочестивъ и исполнялъ законъ Божій, придетъ на небо, гдѣ будетъ лучше, чѣмъ здѣсь. — Такія и подобныя размышленія и разговоры должны сопровождать и заключать разсмотрѣніе человѣка въ главныхъ сторонахъ его тѣлеснаго и духовнаго явленія, и незамѣтнымъ образомъ готовить ребенка, съ одной стороны, къ таинству исповѣди и причастія, съ другой, къ благоговѣйнымъ впечатлѣніямъ Страстной и Святой недѣли, до которыхъ наблюденія надъ человѣкомъ могутъ быть окончены.

Время отъ Святой недѣли до Петрова дня, когда преподаваніе въ первоначальномъ училищѣ можетъ быть закрыто для лѣтней вакаціи, отличается необыкновенною жизнію, господствующею въ растительномъ царствѣ. Если когда занимаютъ ребенка растенія, то, безъ сомнѣнія, весной, и это дастъ первоначальному обученію указаніе, какъ оно можетъ съ пользою употребить послѣднее время своего созерцательнаго курса. Учитель будетъ приносить растенія въ классъ и заставлять учениковъ ихъ описывать; ученики будутъ сами отыскивать различныя части растеній и догадываться о ихъ назначеніи. Сначала учитель принесетъ цвѣтушій стебель растенія; черезъ нѣсколько времени онъ покажетъ ученикамъ то же растеніе въ цвѣту: дѣти сдѣлаютъ замѣчаніе, что цвѣтеть ли или не цвѣтеть растеніе, оно все остается одно и то же. Въ этомъ состоитъ первое упражненіе. Второе будетъ состоять въ сравненіи растеній, при чемъ откроется, что многіе суть виды одного рода. Такъ, напримѣръ, яблоня, груша, береза, осина — деревья; яблоня и груша плодовые деревья; овесъ, рожь — хлѣбныя растенія, и такъ далѣе.

Третье упражненіе должно состоять въ опредѣленіи того, что составляетъ общую принадлежность всѣхъ или большей части растеній — листь, стволъ, цвѣтъ, плодъ — и наконецъ сравненіе недвижающагося растенія съ животными, могущими по произволу перемѣнять мѣсто своего пребыванія.

Въ слѣдующемъ году созерцательное преподаваніе можетъ уже начать свой кругъ съ неорганической природы, и въ теченіе года дойти черезъ растенія и животныхъ до чловѣка. Это дастъ ему нѣсколько наукообразную форму и сообщить въ нѣкоторомъ смѣслѣ характеръ настоящаго учебнаго предмета. Такой же характеръ будутъ принимать постепенно и другія отрасли преподаванія, а именно во второмъ году ученія — продолженіе наблюденій надъ чистой формой въ соединеніи съ предварительными упражненіями въ рисованіи, и наконецъ письмо* и начала счета. Ученики будутъ мало по малу привыкать къ строгому образу преподаванія, ожидающему ихъ въ гимназій. — Въ продолженіе третьяго года главнымъ предметомъ занятій должно быть чтеніе, при чемъ должна употребляться книга, по возможности, повторяющая и пополняющая то, что уже пріобрѣтено въ созерцательномъ преподаваніи. На ряду съ чтеніемъ должны идти чистописаніе, рисованіе, счетъ. Наконецъ въ четвертомъ и последнемъ году первоначальнаго обученія можно приняться за начала грамматики отечественнаго языка и за ученіе читать на иностранныхъ языкахъ, при чемъ упражненія въ чтеніи на отечественномъ языкѣ (по книгѣ, расширяющей кругъ познаній и возбуждающей интересъ къ ученію), чистописаніи, рисованіи и счетъ должны продолжаться.

II. *Леонтьевъ.*

* При ученіи писать можетъ быть съ успѣхомъ употребляема такъ называемая Американская метода письма подъ тактъ.

ОБЪ ОДНОМЪ СТАРИННОМЪ РУССКОМЪ ЗАКЛИТІИ.

(Письмо къ М. Ц. Погодину.)

Перечитывая историческіе матеріалы, помѣщенные въ вашемъ журналѣ, къ немалому удивленію своему, встрѣтилъ я одно древне-Русское произведеніе, поражающее сходствомъ съ Нѣмецкимъ стихотвореніемъ мифологическаго содержания, относящимся къ VIII столѣтію. Вамъ, вѣроятно, не скучно будетъ прочесть нѣсколько строкъ, о вашемъ же собственномъ открытіи, которому вы, можетъ быть, и не придавали столько значенія, когда обнародовали его, руководствуясь единственно просвѣщенной любовью къ сохраненію нашей старины*. Произведеніе, о которомъ хочу говорить, помѣщено вами въ IV части Москвитянина за 1842 г.; это старинное Русское заклинаніе или заговоръ отъ перелома, ушиба и вызиха. Печатаая этотъ заговоръ, вы, безъ сомнѣнія, не могли знать, что въ то же самое время, въ томъ же 1842 году, Берлинской Академіи Наукъ предложенъ былъ знаменитымъ Гриммомъ отчетъ объ открытіи двухъ древне-Нѣмецкихъ стихотвореній эпохи языческой, изъ которыхъ одно, своимъ прямымъ отношеніемъ къ вашему открытію, даетъ ему немалое значеніе.

* Я получилъ этотъ заговоръ отъ Г. Профессора Саввантова, у котораго собрано множество матеріаловъ для исторіи Вологодской епархіи. Пожелаемъ опять, чтобъ этотъ дѣятельный ученый, знатокъ нашихъ древностей, получилъ средства издать свое описаніе. М. П.

Русское произведеніе такъ невелико, что мнѣ казалось приличнѣе выписать его здѣсь все сполна, нежели утрудять васъ наведеніемъ справокъ въ прежнихъ нумерахъ вашего журнала. Вотъ оно: «Пристани Госноди къ доброму сему дѣлу, Святый Петръ и Павелъ, Михайло Архангелъ, Ангелы Христовы, рабу Божию, нмярекъ; зъбасалися съпалалися двѣ высоты вмѣсто.... Сростася тѣло съ тѣломъ, кость съ костью, жила зжилою; запечаталъ самъ Христъ во всякомъ челоуѣкъ печать; запеки ту рану у раба Божія, нмярекъ, въ три дни и въ три часы, ни боли ни сверби, безъ крови, безъ раны, во вѣки аминь.» Позднѣйшій видъ этого заговора явствуетъ какъ изъ языка, такъ и изъ свойствъ рукописи, откуда онъ взятъ. Что же касается до происхожденія его, то, безъ сомнѣнія, оно скрывается въ стариннѣ исторической: доказательствомъ тому служить слѣдующее древне-Нѣмецкое стихотвореніе VIII столѣтія, открытое въ рукописи христіанскаго содержанія X вѣка, носящей названіе: Rabani expositio super missam. Предлагаю его и въ подлинникъ, и въ переводѣ:

Phol ende Wódan
 vuorun zi hobza:
 du wart demo Balderes volom
 sin vuos birenkit:
 thu biguolen Sintbgunt,
 Sunná erá suister;
 thu biguolen Frijá,
 Vollá erá suister;
 thu biguolen Wódan,
 só he wola conda,
 sóse bénrenki,
 sóse bluotrenki,
 sóse lidirenki,
 bèn zi bēna,
 bluot zi bluoda,
 lid si geliden,
 sóse gelimidá sin.

Переводъ : Фоль и Воданъ повхали въ лѣсъ , тамъ у Балдера жеребенокъ вывихнулъ себѣ ногу : и заговаривала его Зинтгунтъ и Зунна, сестра ея, заговаривала его Фрія и Фолла, сестра ея, заговаривалъ его и Воданъ , какъ только умѣлъ , и костей вывихъ , и крови вывихъ (bluotrenki ?) , и членовъ вывихъ , кость съ костью , кровь съ кровью , суставъ съ суставомъ , да будетъ спаяно .

Изъ сличенія этого древне-Нѣмецкаго стихотворенія съ нашимъ стариннымъ заговоромъ выводимъ слѣдующее . Во-первыхъ : Русскій памятникъ смѣшиваетъ идеи христіанскія съ преданіями языческими , между тѣмъ какъ Нѣмецкій является въ своемъ первобытномъ языческомъ видѣ . Во-вторыхъ : наше произведеніе , содержа въ себѣ остатокъ древнѣйшей формулы , сохранило только самый заговоръ — что и требовалось для домашняго обихода при заговариваніи переломовъ ; Нѣмецкое же къ заклѣтію присовокупило цѣлую басню о событіи , по случаю котораго будто бы возникло заклѣтіе . Отсюда мы видимъ : во-первыхъ , что заклѣнанія идутъ непосредственно отъ періода языческаго , и во-вторыхъ , стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ первобытной эпической поэзіею , входятъ въ древнѣйшій эпическій мифъ , какъ отдѣльные эпизоды . Знакомый съ нашими народными оберегами или заклѣтіями припомнить , что многіе изъ нихъ , подобно древне-Нѣмецкому стихотворенію , при самомъ заговорѣ , направленномъ къ практическому употребленію , рассказываютъ цѣлыя исторіи : или , лучше сказать , самый оберегъ часто имѣетъ характеръ повѣствовательный . Этой-то повѣствовательной частию своей и входитъ онъ въ область древней эпической поэзіи .

Указавъ на отличіе Русскаго заклѣтія отъ древне-Нѣмецкаго , при всемъ ихъ сходствѣ и родствѣ , мы должны рѣшить слѣдующіе вопросы , весьма естественно рождающіеся при сличеніи Русскаго произведенія , изъ позднѣйшей рукописи , съ Нѣмецкимъ VIII столѣтія . Эти вопросы двухъ

родовъ. Во-первыхъ : имѣемъ ли мы какое-нибудь право искать общихъ источниковъ того и другаго произведенія? не думаемъ ли Русское повѣріе вести отъ Нѣмецкаго, или же наоборотъ? Не хотимъ ли видѣть Нѣмецкое вліяніе въ нашихъ преданіяхъ? Во-вторыхъ : нѣтъ ли какого средняго термина, который связывалъ бы древне-Нѣмецкое стихотвореніе съ произведеніемъ Русскимъ, многими вѣками позднѣе его записаннымъ въ рукописи? Можно ли найти слѣды постепеннаго распространенія этого зачатія отъ древнѣйшей поры до нашихъ временъ? Нѣтъ ли слѣдовъ его у другихъ народовъ и въ промежуткахъ времени отъ VIII столѣтія до позднѣйшей эпохи, которой принадлежитъ рукопись съ Русскимъ зачатіемъ?

На вопросы перваго рода можно удовлетворительно отвѣчать слѣдующее. Такъ какъ обязательная сила повѣрія поддерживается въ народѣ глубокимъ убѣжденіемъ, что преданіе искони жило въ народѣ : то трудно предположить, чтобы народное суевѣріе могло глубоко укорениться на чуждой почвѣ и постоянно поддерживаться заимствованнымъ преданіемъ. Следовательно, ни Нѣмцы не брали у насъ, ни мы у Нѣмцевъ того вѣрованія, которое лежитъ въ основѣ сходныхъ заклинаній Русскаго и Нѣмецкаго. Какъ въ мышленіи всего человѣчества оказываются одинаковые законы логики, такъ и въ чувствованіяхъ и вѣрованіяхъ различныхъ народовъ находится не малое сходство, имѣющее своимъ источникомъ неизмѣнными основными свойствами души человеческой. По мѣрѣ того, какъ народы, независимо другъ отъ друга, развивали свои народности, — общія всему человечеству свойства болѣе и болѣе сглаживались, на мѣсто ихъ выступали тѣ характеристическія особенности, которыя, будучи взяты все вмѣстѣ, составляютъ ту физиогномію народа, которая называется національностью. Следовательно, чѣмъ глубже восходимъ въ старину, тѣмъ рѣзкнѣе выступаютъ передъ нами сходство преданій и вѣрованій народовъ, которые въ послѣдующія эпохи замѣтно удалились другъ отъ друга своими національными свойствами.

Кромѣ общечеловѣческаго родства между преданіями различныхъ народовъ, есть еще родство преданій племенное, состоящее въ связи съ родствомъ языковъ: родство грамматическихъ формъ и отдѣльныхъ словъ различныхъ языковъ обыкновенно сопровождается и согласіемъ образа мышленія и вѣрованій. Потому-то и не удивительно, что народы Индо-Европейскіе, родственные по своимъ языкамъ, являютъ замѣчательное сходство въ своихъ преданіяхъ, и тѣмъ разительнѣе, чѣмъ преданія древнѣе и первобытнѣе: точно также, какъ и родство грамматическое преимущественно оказывается въ надревнѣйшихъ формахъ языка, каковы, напримеръ, такъ называемыя неправильныя склоненія и спряженія. Въ настоящемъ случаѣ позволю себѣ ограничиться этими доводами, которые на первый разъ могутъ нѣсколько убѣдить въ возможности до-историческаго сродства преданій различныхъ народовъ, и особенно столь родственныхъ другъ другу, каковы Славяне и Нѣмцы.

Обращаясь къ послѣднимъ, предложеннымъ мною вопросамъ, я долженъ замѣтить, что для рѣшенія ихъ недостаточно одного только общаго разсужденія: потребуются факты; и потому заблаговременно прошу у васъ извиненія, если письмо мое утомитъ ваше вниманіе. Впрочемъ, предупреждаю васъ, что факты, которыхъ коснусь теперь, стоятъ въ такой тѣсной связи съ напечатаннымъ вами заклятіемъ, что при всей филологической сухости могутъ имѣть для васъ нѣкоторый интересъ.

Слѣды этого древне-Нѣмецкаго и Русскаго заклятій мы находимъ не только во всѣхъ почти Нѣмецкихъ нарѣчіяхъ, какъ-то въ Скандинавскомъ, Англійскомъ, Голландскомъ, но даже и въ средне-вѣковой Латини; и притомъ, по большей части, въ томъ полуязыческомъ, смѣшенномъ видѣ, въ какомъ оно сохранилось въ Русской формулѣ.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что уже и древне-Нѣмецкое языческое стихотвореніе, которое я привелъ вамъ

выше, хотя чисто миеологическаго содержанія; однако, вмѣстѣ съ другимъ, такимъ же миеологическимъ заговоромъ, помѣщено въ рукописи содержанія христіанскаго, заключающей въ себѣ церковныя молитвы, и носящей названіе: *Rabani expositio super missam*. Явленіе весьма обыкновенное въ Средніе вѣка! Въ старину хотя и презирали языческихъ боговъ, однако не считали ихъ вовсе безсильными. И могла ли древняя вѣра въ ихъ дѣйствительное существованіе вдругъ исчезнуть, или внезапно перейти къ просвѣщенному убѣжденію въ ихъ совершенномъ ничтожествѣ? Общее вѣрованіе отдаленныхъ Среднихъ вѣковъ признавало языческихъ боговъ, какъ классическихъ — Греческихъ и Римскихъ, такъ и сѣверныхъ — злобными демонами, древнее владычество которыхъ должно было уступить мѣсто царству Бога истиннаго. Языческія божества какъ бы отступили въ мрачное отдаленіе, потерявъ свои благотельныя для человѣка качества, и замѣнивъ ихъ, въ воображеніи народа, нѣкоторымъ дьявольскимъ могуществомъ, вражьиимъ навожденіемъ. — Какъ болѣзнь, по языческимъ преданіямъ, насмалась мстительнымъ божествомъ — оттого многія болѣзни и названы были по имени божества, вѣроятно ради своего происхожденія отъ него: такъ и врачующая сила, по всему праву, принадлежала наславшему болѣзнь божеству. Языкъ сохранилъ намъ до нашихъ временъ очевидное свидѣтельство о языческомъ понятіи о происхожденіи болѣзни отъ злобнаго божества: въ Славянскихъ нарѣчіяхъ названія болѣзней, страшныхъ и смертныхъ, происходятъ отъ слова *Богъ*: богине—оспа, божій бичъ, божа рана—чума, божіе—обморокъ, даже изувѣченный, калѣка, называется богаль. Согласно съ таковыми названіями болѣзней, до позднѣйшаго времени сохранилось въ Сербскомъ языкѣ языческое преданіе о старомъ Кровникѣ, которымъ именуется кровожадное языческое божество. Указавъ на преданія, сохранившіяся въ Славянскомъ языкѣ, обращу ваше вниманіе на связь ихъ съ преданіями другихъ Индо-Европейскихъ народовъ. У Грековъ уже въ древнѣйшую Гомерическую эпоху находимъ вѣрованіе въ

стрѣлометателя Аполлона, испосылающаго своими стрѣлами язву, какъ значится въ первой пѣснѣ Иліады. Если бы я позволилъ себѣ пуститься въ область сравнительнаго языковѣднія, то показалъ бы вамъ, какъ глубоко вкоренилось въ воззрѣніа языковъ Индо-Европейскихъ представленіе стрѣлометателя солнца и стрѣлометателя вѣтра: но, не входя въ утомительныя «лингвистическія» подробности, укажу вамъ на любопытные факты въ исторіи Славянскаго языка. Овечья язва по-Чешски называется *стржелецъ* и *божець*: что стрѣлецъ и божець здѣсь синонимы, доказывается слѣдующимъ сближеніемъ: ударъ или апоплексія по-Русски именуется: пострѣлъ, по-Чешски же: *божи рука*. То, что у Грековъ выразилось въ образъ мнѣмологическаго существа, у насъ сохранилось въ языкъ, приписывающемъ язву стрѣльцу или божецу, что какъ нельзя ближе совпадаетъ съ Греческимъ мнѣмъ о *богъ стрѣлометатель, испосылающемъ язву*. — Представленіе языческаго божества, кровожаднаго, карающаго человечество болѣзнями, могло относиться, въ исторіи нашихъ преданій, столько же къ періоду языческому, сколько и къ христіанскому, когда языческіе боги, по народному суевѣрію, перешли въ силы вражин. Потому-то и не мудрено, что въ глубокую старину языческія пѣсни съ призываніемъ божествъ могли почитаться непоследнимъ средствомъ къ изцѣленію и заговариванью; съ этой цѣлю писецъ рукописи *Rabani expositio* etc. могъ списать два стихотворныя языческія заклятія, въ простодушіи своемъ думая на всякій случай принести ими кому-нибудь пользу. Точно такъ и въ Русскихъ сборникахъ, между статьями разнообразнаго содержанія, попадаются подобныя же заклятія и заговоры для домашняго употребленія, какъ вѣрныя врачевныя пособія.

Уже въ древнѣйшую эпоху заговоръ отъ перелома и вывиха, выше предложенный, былъ приспособленъ къ понятіямъ христіанскимъ. Въ Латинской формулѣ X или XI в. преданіе, лежащее въ основѣ этого повѣрія, примѣнено къ Св. Стефану, покровителю коней: «*Petrus, Michahel et Stepha-*

nus ambulabant per viam, sic dixit Michahel: Stephani equus infusus, signet illum deus, signet illum Christus, et erbam comedat et aquam bibat.» Измѣненіе этого заговора не ограничилось только собственными именами: поэтическое изобрѣтательное воображеніе Среднихъ вѣковъ постаралось въ самыхъ преданіяхъ и образахъ христіанскихъ найти нѣкоторыя черты, которыми и украсило это старинное повѣріе. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна древне-Нѣмецкая формула, помѣщенная въ одной Ватиканской рукописи. Подлинникъ ея можете прочесть въ Гриммовой Мифологіи на стр. 1182. Для уясненія же древне-Нѣмецкаго текста я переведу вамъ ее: «четыре гвоздя вколочены Господу въ руки и ноги, оттого получилъ онъ четыре раны, вися на крестѣ. Пятую рану нанесъ ему Лонгинъ, онъ и самъ не зналъ, за что мстилъ.... На третій день повелѣлъ Господь тѣлу своему, лежавшему на землѣ, чтобы плоть была съ плотью, кровь съ кровью, жила съ жилою, кость съ костью и суставъ съ суставомъ, каждое на своемъ мѣстѣ. На томъ повелѣваю и я, чтобы плоть съ плотью,» и проч. При этомъ случаѣ замѣчу мимоходомъ, что эта формула можетъ имѣть значеніе въ исторіи христіанскаго искусства при опредѣленіи древности распятія съ четырьмя гвоздями, т. е. распятія Византійскаго, отличающагося отъ распятія Латинскаго съ тремя гвоздями.

Однако, чтобъ не утомить васъ выписками изъ старинныхъ рукописей, обращаюсь къ современности. Народная память крѣпка: часто надежныѣ хартій и памятниковъ сохраняетъ она старину. Въ Норвегіи доселѣ еще ходитъ въ народѣ заговоръ, въ которомъ удержались главныя черты какъ Русскаго заклятія, такъ и древне-Нѣмецкаго стихотворенія VIII столѣтія. Вотъ переводъ его: «Христось вхалъ по полю, жеребенокъ его вывихнулъ себѣ ногу, онъ слѣзъ съ него и его исцѣлялъ, сложилъ мозгъ съ мозгомъ, кость съ костью, мясо съ мясомъ, и прикрылъ листомъ, чтобы такъ все и осталось.» Въ преданіи, каждая, повидимому и ничтожная, мелкая черта, имѣетъ свое значеніе, и сбереглась

въ памяти не безъ достаточнаго основанія: потому и не подумайте, что я придираюсь къ словамъ, если по случаю листа, о которомъ упомянуто въ этой формулѣ, замѣчу, что какой-то листъ (какъ у насъ зелье вообще) въ Нѣмецкихъ преданіяхъ имѣетъ силу сверхъестественную: изъ одной народной Нѣмецкой сказки мы знаемъ, что листомъ, добытымъ отъ змія, можно воскрешать мертвыхъ. Выраженію, основанному на преданіи: «заложить листъ» или «прикрыть листомъ» — соответствуетъ въ Русскомъ заклятіи «запечаталъ самъ Христосъ во всякомъ чловѣкѣ печать.»

Теперь, разрѣшивъ, сколько достало моихъ средствъ, предложенные мною вопросы, обращусь къ нашему прекрасному заклятію. Сличая его со всеми приведенными выше, безо всякаго пристрастія къ своей національности, можемъ сказать, что поэзіи въ немъ больше, нежели въ родственныхъ ему чужеземныхъ заклятіяхъ, не исключая и древне-Нѣмецкаго стихотворенія VIII в. Можетъ быть, самый недостатокъ мифологическаго содержанія въ нашей формулѣ требовалъ бѣльшаго поэтическаго паренія, для того, чтобы придать изреченію надлежащую значительность и важность. Какъ бы то ни было, по крайней мѣрѣ неоспоримо то, что мифологическіе намеки и языческая басня замѣнены, въ Русскомъ заговорѣ, прекрасною поэтическою прелюдіею: «зѣбасалися сцѣпалися двѣ высоты вмѣсто.» Эта замысловатая, гиперболическая прелюдія, переносищая вѣщаго знахаря въ таинственный поэтическій міръ гаданій и чародѣйствъ, возбуждаетъ такое же поэтическое безотчетное ощущеніе, какое производитъ въ слушателя сказочникъ обыкновенною своею припѣвкою, которою начинаются многія наши старинныя стихотворенія:

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота Океанъ-море;
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты. Дѣпровскіе....

Слушатель, увлеченный такимъ высокимъ и дальнимъ полетомъ мыслей рассказчика, доверчиво отдастъ свое вниманіе его чудеснымъ сказаніямъ.

Въ заключеніе своего письма, не могу не замѣтить, что обнародованное вами Русское произведеніе, сверхъ достоинствъ, выше изложенныхъ, обогащаетъ Русскій словарь новымъ словомъ: *сбасаться*. Это слово тѣмъ важно, что оно, утраченное Русскимъ языкомъ въ продолженіе долгаго времени и только теперь вновь приобрѣтенное, доселѣ живетъ въ устахъ народа Сербскаго: *басати* по-Сербски значить: стремиться куда-нибудь безъ оглядки. Слѣдовательно: «зъбасалися двѣ высоты» значить: неудержимо стремились другъ къ другу.

Θ. Буслевъ.

ЛЕКЦІИ П. М. ПРЕОБРАЖЕНСКАГО.

V.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ОБРАЗОВАНИИ ПОЧВЪ.

Образованіе почвъ чрезъ вывѣтриваніе камней. — Силы, заставляющія вывѣтриваться камни: вода, кислородъ воздуха, угольная кислота воздуха и воды; растительность или прозябаніе растений, холодъ и теплота, свѣтъ и электричество, механическія насилія. — Признаки, которыми обозначается начало вывѣтриванія камней. — Образованіе почвъ чрезъ намокъ водою.

Въ послѣдней лекціи мы рассмотрѣли физическія свойства почвъ и видѣли, какъ важно и необходимо изученіе ихъ для практическихъ сельскихъ хозяевъ; потому что, зная физическія свойства почвъ, мы можемъ нѣкоторымъ образомъ судить и о тѣхъ веществахъ, которыя входятъ въ составъ ихъ; слѣдовательно, мы можемъ приблизительно гадать и о степени ихъ производительности. Правда, что изслѣдованіе нѣкоторыхъ физическихъ свойствъ почвы сопряжено съ небольшими затрудненіями и не каждому доступно; но мы думаемъ, что практическому рациональному сельскому хозяину нѣтъ надобности изслѣдовать всѣ физическія свой-

ства почвъ. Для него достаточно определять удѣльный и специфическій вѣсъ своихъ почвъ, ихъ водоемкость и ихъ цвѣтъ; а для этого немного требуется и времени и умѣнья. Опредѣливъ удѣльный и специфическій вѣсъ почвъ, опредѣливъ ихъ водоемкость и цвѣтъ, можно сдѣлать заключеніе и о прочихъ физическихъ свойствахъ. Такъ, чѣмъ тяжелѣ известная почва, тѣмъ значительнѣе будетъ и ея теплоемкость; чѣмъ темнѣе почва, чѣмъ меньше ея водоемкость, тѣмъ сильнѣе она будетъ нагреваться солнечными лучами; напротивъ, чѣмъ больше будетъ ея водоемкость, тѣмъ въ сухомъ состояніи она меньше будетъ поглощать въ себя влажности, кислорода и угольной кислоты изъ воздуха; тѣмъ медленнѣе она будетъ высыхать, тѣмъ она будетъ холоднѣе и сырѣе. Сообразно всему этому, сельскій хозяинъ и будетъ обрабатывать свою почву и заботиться только ей собственными растеніями.

Теперь изучивши составныя начала и физическія свойства почвъ, мы должны рѣшить вопросъ: какъ образовались почвы, и откуда взялись столь разнородныя начала, входящія въ составъ ихъ?

Почвы образовались, и въ настоящее время образуются, двоякимъ образомъ: или а) чрезъ *вывѣтриваніе камней*, или б) *чрезъ наносъ водою*. Прѣслѣдимъ же теперь и тотъ и другой способъ образованія.

а) *Объ образованіи почвъ чрезъ вывѣтриваніе камней.*

Если хотите подмѣтить, какъ образуются почвы чрезъ вывѣтриваніе камней, возьмите большую глыбу мергеля слоистаго строенія. Положите осенью ее на открытомъ воздухѣ и оставьте здѣсь на всю зиму. Весною, когда начнутся оттепели, вы замѣтите, что слои мергеля начнутъ мало по малу отдѣляться одинъ отъ другаго, и потомъ распадаться въ болѣе крупныя или мелкіе куски; подобно мергелю, не только горныя породы, но даже и простые минералы, оставаясь долгое время на воздухѣ, начинаютъ *вывѣтри-*

ваться; а это значитъ сперва мѣнять свой цвѣтъ, терять связность, потомъ мало по малу распадаться то въ крупныя, то въ мелкія куски, наконецъ превращаться въ мелкій и тонкій порошокъ; даже въ песчинку, въ пыль.

Степень вывѣтриванія какъ горныхъ породъ, такъ и простыхъ минераловъ, условливается то химическимъ ихъ составомъ, то ихъ сложеніемъ и сцѣпленіемъ. Горныя породы и простые минералы, строенія плотнаго и нерастворимые въ водѣ, измѣняются отъ дѣйствія воздуха весьма мало. Такъ въ Римѣ на Латеранской площади (Laterans-plate) стоитъ обелискъ, который сооруженъ былъ въ Сиеннѣ за 1300 лѣтъ до Р. Х., въ царствованіе Эвскаго короля; другой обелискъ, поставленный тамъ же на площади Петра, сооруженъ еще при сынѣ Сезостриса и посвященъ солнцу, следовательно онъ существуетъ болѣе 3000 лѣтъ (Daubuisson, Traité de Geognosie, Т. II р. 45). Напротивъ, горныя породы и простые минералы строенія листоваго, слоистаго, крупно-зернистаго и землястаго распадаются на части легче, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ меньше въ нихъ сила сцѣпленія, чѣмъ слабѣе связность между ихъ частичками, потому что тогда воздухъ, вода и другіе дѣятели природы легче могутъ проникать въ нихъ.

Къ главнымъ силамъ; которыя заставляютъ вывѣтриваться камни и распадаться въ мелкую пыль, принадлежатъ:

- a) Вода;
- b) Кислородъ атмосфернаго воздуха;
- c) Угольная кислота воздуха и воды;
- d) Растительность или прозябаніе растений;
- e) Холодъ и теплота
- f) Свѣтъ и электричество.

Эти силы дѣйствуютъ на камни частію механически, а частію химически. Разберемъ подробно дѣйствіе каждой изъ этихъ силъ:

1) *Вода, какъ сила, заставляющая выветриваться камни и простые минералы.* Вода, при выветриваніи камней и горныхъ скалъ, безспорно, играетъ одну изъ самыхъ важныхъ ролей. Она въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ на камни механически и химически. Механическое дѣйствіе ея состоитъ въ томъ, что она, какъ вещество жидкое, проникая въ межутки и трещины камней и скалъ, отъ дѣйствія холода замерзаетъ въ нихъ; при чемъ она, увеличиваясь въ своемъ объемѣ, начинаетъ нарушать связность между частичками, раздвигать и разъединять ихъ. Въ этомъ отношеніи дѣйствіе воды такъ сильно, что она можетъ расторгать связность не только огромныхъ камней, но даже и каменныхъ скалъ. Пока стоятъ еще морозы, то образовавшійся изъ воды ледъ держитъ въ связи разъединенныя частички; но какъ скоро наступаетъ оттепель, то достаточно самаго ничтожнаго усилія для отдѣленія разъединенныхъ водою частицъ. Камнеломы не рѣдко употребляютъ воду для разрыва камней; они продавливаютъ или просверливаютъ въ нихъ дыры, и передъ зимою или во время зимы наполняютъ ихъ водою. Химическое дѣйствіе воды состоитъ въ томъ, что она, проникая въ разсѣлины и трещины камней, растворяетъ соли и другія вещества, входящія въ составъ ихъ, и уноситъ ихъ съ собою. Понятно, что при этомъ нарушается связность, сдѣленіе между частичками; а вслѣдствіе этого и камни становятся ноздреватѣе, рыхлѣе, и съ теченіемъ времени мало по малу распадаются. — *Дождевая вода.* — Дождевая вода очень много способствуетъ выветриванію камней своею угольною кислотою; она тогда растворяетъ большое количество извести, магнезій, закиси желѣза, марганца, поташа, соды, находящихся въ камняхъ, и уноситъ ихъ съ собою въ рѣки или соседнія моря. Здѣсь снова нарушается связность частицъ, камни дѣлаются рыхлѣе и легче распадаются.

2) *Кислородъ воздуха, какъ сила, заставляющая выветриваться камни.* Послѣ воды, кислородъ воздуха принимаетъ самое дѣятельное участіе при выветриваніи камней. Онъ, соединяясь химически съ закисями желѣза и марганца,

которыя входятъ въ составъ многихъ горныхъ породъ, превращаетъ ихъ въ марганцовую и желѣзную окиси. Желѣзная и марганцовая окиси природы въ соприкосновеніи съ водою превращаются въ гидраты, при чемъ онѣ увеличиваются въ объемъ, нарушаютъ связность камней, расторгаютъ сцѣпленіе между ихъ частичками и заставляютъ ихъ распадаться. Кроме того кислородъ оказываетъ сильное вліяніе на сѣрнистые металлы (колчеданы), которые также входятъ въ составъ многихъ горныхъ породъ. Онъ, соединяясь съ сѣрнистыми металлами, превращаетъ ихъ въ купоросы. Эти купоросы или, соединяясь съ водою химически, увеличиваются въ своемъ объемъ и заставляютъ камни распадаться на части, или они, растворяясь въ водѣ, уносятся вмѣстѣ съ нею, отъ чего камни снова становятся болѣе рыхлыми.

3) *Прозябеніе растений, какъ сила, способствующая вывѣтриванію камней.* Твердыя скалы, которыя сильнѣе противостоятъ дѣйствию воздуха, распадаются на мелкія части отъ прозябенія растений. Растенія принуждаютъ вывѣтриваться камни механически и химически. Механическое ихъ дѣйствіе состоитъ въ томъ, что корни растений, особенно многолѣтнихъ, вѣдряясь въ разсѣлины и трещины скалъ, увеличиваются не только въ длину, но и въ толщину, и нарушая связность частицъ, дѣйствуютъ на подобіе клина. Химическое дѣйствіе прозябенія растений состоитъ въ томъ, что на неприступныхъ для вывѣтриванія скалахъ прежде всего появляются мхи; они во время своего прозябенія отдѣляютъ изъ себя кислоты, которыя разлагаютъ камни. Потомъ, когда эта растительная генерация отживетъ свой вѣкъ, то изъ ея остатковъ образуются кислоты чернозема, которыя могутъ растворять нѣкоторые начала, входящія въ составъ горныхъ породъ. Въ то же самое время изъ воздуха падающая пыль, соединяясь съ черноземомъ, образовавшимся изъ мховъ и лишайевъ, покрываетъ поверхность скалъ *тонкимъ налетомъ*; онъ уже больше задерживаетъ въ себѣ влажности, и можетъ уже служить мѣстомъ укорененія для злаковъ и другихъ растений. При перегниваніи ихъ остатковъ, горныя породы все болѣе и болѣе разлагаются.

Вследствие этого вода может уже удобнее проникать въ камни, и замерзая въ нихъ, разъединяетъ ихъ частицы. Такимъ образомъ отъ прозябенія растений происходитъ то, что по истеченіи столѣтій самыя твердыя скалы начинаютъ превращаться въ пыль и порошокъ. Вѣроятно, этимъ-то способомъ въ непроходимыхъ и дѣвственныхъ лѣсахъ Америки образовалась почва, которая содержитъ въ себѣ такой богатый запасъ чернозема. Вѣроятно, этимъ же самымъ способомъ скопилось такое огромное количество чернозема въ степныхъ губерніяхъ Малороссіи и Новороссійскаго края. Въ Южной Америкѣ, близъ Вега де Супіа, говоритъ Буссенго, обрушилась порфирная скала, и своими обломками засыпала совершенно богатая плантаціи сахарнаго тростника на пространствѣ половины лье. Спустя десять лѣтъ, эти обломки порфира обросли породами мимозъ, и вѣроятно, въ непродолжительномъ времени, въ этихъ мимозныхъ породахъ, говоритъ Буссенго, столько скопится чернозема, что почва сдѣлается снова годною для обработки и разведенія на ней сельско-хозяйственныхъ растений.

3) *Холодъ и теплота, какъ силы, заставляющія выветриваться камни.* Быстрыя перемены холода и тепла преимущественно способствуютъ выветриванію тѣхъ горныхъ породъ, которыя состоятъ изъ соединенія разнородныхъ минераловъ; потому что различныя минералы не въ одинаковой степени разширяются отъ дѣйствія теплоты, и неодинаково сжимаются отъ дѣйствія холода. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ нѣтъ быстрыхъ переменъ тепла и холода, гдѣ сырость и засуха не смѣняются внезапно, тамъ и горныя породы выветриваются медленнѣе. Въ нагорныхъ странахъ и на отдаленномъ сѣверѣ выветриваніе камней совершается гораздо медленнѣе, нежели въ долинахъ и равнинахъ, гдѣ перемены температуры такъ быстро слѣдуютъ одна за другой. Вотъ причина, почему на высокихъ горахъ медленно образуется пахатный слой земли, если онъ разъ былъ смытъ водою.

Свѣтъ, какъ кажется, играетъ самую незначительную роль при выветриваніи камней, потому что камни, которые

скрыты подъ пахатымъ слоемъ глубоко въ подпочвъ, куда свѣтъ почти и не ниѣтъ доступа, съ теченіемъ времени начинаютъ распадаться то въ хрящъ, то въ песокъ, то въ мельчайшія частички.

Напротивъ *электричество*, которое возбуждается отъ соприкосновенія разнородныхъ минераловъ, играетъ при вывѣтриваніи камней гораздо большую роль, нежели свѣтъ.

Кромѣ исчисленныхъ силъ, не мало также содѣйствуютъ вывѣтриванію камней механическія насилія со стороны вѣтровъ. Они своею силою сносятъ камни съ горныхъ вершинъ въ долины, и естественно, отъ сильныхъ ударовъ и толчковъ во время паденія камни распадаются въ мелкіе куски и тончайшую пыль.

Если камни вывѣтриваются не совершенно, то изъ нихъ сперва образуются большія глыбы; а при совершенномъ вывѣтриваніи они превращаются въ песокъ и пыль. Эти самомельчайшія частицы даютъ повѣ связность, а растеніямъ доставляютъ питательныя начала, потому что тогда нѣкоторыя изъ нихъ легче распускаются въ водѣ.

Начало вывѣтриванія камней обозначается слѣдующими признаками: 1) они теряютъ или, лучше, мѣняютъ свой цвѣтъ; 2) на ихъ поверхности замѣтно бываетъ образованіе солей (*efflorescence*); 3) нерѣдко на ихъ поверхности, при этомъ, появляются трещины и разсѣлины. Не всѣ камни вывѣтриваются въ одинаковый промежутокъ времени: стекло-видная лава, порфиры, кварцъ, кремнистый сланецъ, доломитъ, мраморъ, мѣль, гипсъ и базальты вывѣтриваются медленно. Напротивъ, гранитъ, сіенитъ, гнейсъ, слюдястый сланецъ, глинистый сланецъ, сѣрая вакка вывѣтриваются и скорѣе и легче. Наконецъ песчаники, мергель, сланцовая глина, вулканическіе туфы еще слабѣе противостоятъ вывѣтриванію.

Какъ скоро на какой-нибудь скалѣ образовался уже слой почвы довольно значительной толщины, то тогда дальнѣйшее вывѣтриваніе идетъ медленнымъ шагомъ; потому

что въ то время кислородъ воздуха не можетъ имѣть къ горнымъ породамъ такого свободнаго доступа, какой онъ имѣлъ при самомъ началѣ, а вода, проникающая въ ихъ трещины, не можетъ уже болѣе замерзать. Тогда только въ некоторыхъ горныхъ породахъ, содержащихъ въ себѣ поташъ, соду, известъ и магнезію, можетъ происходить раствореніе частицъ, и то только отъ дождевой воды, содержащей въ себѣ много угольной кислоты, которая ихъ растворяетъ.

Понятно, что быстрое и медленное вывѣтриваніе камней имѣетъ большое вліяніе на плодородіе пахатныхъ полей. Чѣмъ скорѣе вывѣтриваются камни, тѣмъ болѣе доставляютъ они пахатному слою неорганическихъ питательныхъ началъ; напротивъ, чѣмъ медленнѣе вывѣтриваются камни, тѣмъ менѣе пахатный слой земли будетъ содержать въ себѣ неорганическихъ питательныхъ началъ; потому что въ этомъ последнемъ случаѣ вывѣтрившіяся части или растворяются въ водѣ и уходятъ вмѣстѣ съ нею въ нижніе слои почвы, или сносятся водою механически.

Такъ какъ быстрое и медленное вывѣтриваніе камней имѣетъ большое вліяніе на прозябаніе растений, то при этомъ само собою рождается вопросъ: *Нельзя ли искусственно ускорять вывѣтриваніе горныхъ породъ, и особенно тамъ, гдѣ находится много горъ?* Выше мы видѣли, что скалы могутъ вывѣтриваться отъ прозябанія на нихъ растений; вслѣдствіе этого должно горныя скалы, изъ которыхъ хотимъ увеличить глубину пахатнаго слоя, засаживать различнаго рода деревьями; потому что корни деревьевъ, проникая въ трещины и разсѣлины скалъ, будутъ дѣйствовать на подобіе клинцевъ и такимъ образомъ разъединять ихъ частицы между собою. Далѣе, чрезъ согниваніе древесныхъ листьевъ будутъ образоваться черноземъ и кислоты, которыя химически могутъ содѣйствовать вывѣтриванію камней. Кромѣ того атмосферная пыль, осаждающаяся на внѣшнюю оболочку скалъ, въ тѣни лѣсовъ будетъ лучше задерживаться и не будетъ разноситься вѣтрами. Наконецъ лѣса, препят-

ствуя испаренію влажности изъ почвы, будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ препятствовать водѣ смывать образовавшійся пахатный слой земли.

в) *Объ образованіи почвъ чрезъ наносъ водою.*

Кромѣ вывѣтриванія камней, почвы образовались и въ настоящее время образуются чрезъ наносъ водою. Количество земли, которое несутъ рѣки и потоки во время водополей и потомъ отлагаютъ въ долинахъ, по берегамъ рѣкъ, бываетъ чрезвычайно значительно. По наблюденіямъ *Шая* (Shaw), рѣка Ниль во время своихъ разливовъ несетъ съ своими волнами $\frac{1}{11}$ часть земли противъ всего своего объема, а Рейнъ $\frac{1}{10}$. По изслѣдованіямъ доктора *Барроу* (Barrow), Желтая рѣка въ Китаѣ несетъ съ собою во время водополей $\frac{1}{66}$ частей илу противъ объема воды.

Геологи различаютъ два рода наносныхъ или наплывныхъ почвъ: а) *почвы дилювіальныя* и б) *почвы алювіальныя*. Къ дилювіальнымъ относятъ они почвы наносныя, образовавшіяся во время всемірнаго потопа; а къ алювіальнымъ наносныя почвы, образовавшіяся во время частныхъ разливовъ водъ; эти почвы образуются и въ настоящее время при каждахъ водополяхъ рѣкъ, озеръ, морей и небольшихъ потоковъ. Хотя и тѣ и другія почвы отличаются между собою рѣзкими характеристическими признаками; но мы пройдемъ ихъ молчаніемъ; потому что это составляетъ предметъ геологій, а не сельскаго хозяйства. Я только замѣчу здѣсь, что дилювіальныя почвы нигдѣ не встрѣчаются поверхъ алювіальныхъ почвъ, но всегда лежатъ подъ ними. Какъ тѣ, такъ и другія почвы состоятъ изъ разнородныхъ частей. Первыя содержатъ въ себѣ хрящъ, камни, раковины, глину, суглинокъ, супесь, мергель, песокъ, осадочную известь, песчаникъ, кости животныхъ, ископаемый уголь и торфъ древняго происхожденія; а послѣднія, кромѣ исчисленныхъ веществъ, содержатъ въ себѣ еще: охру, известковые туфы и торфъ новѣйшаго происхожденія.

VI.

КЛАССИФИКАЦІЯ ПОЧВЪ.

Почвы каменныя. — Песчаныя. — Глинистыя. — Суглинистыя. — Известковыя и жѣловыя. — Мергельныя. — Солонцоватыя. — Гипсовыя. — Желѣзистыя. — Напльвныя рѣчныя и морскія. — Черноземныя и торфяныя.

Мы знаемъ теперь, что всѣ почвы образовались и въ настоящее время образуются двоякимъ образомъ : а) чрезъ вывѣтриваніе горныхъ породъ, и б) чрезъ наносъ водою. Горныя породы бываютъ разнообразны по своему химическому составу; равнымъ образомъ и вода, во время водополей, несетъ съ своими волнами различныя, какъ органическія, такъ и неорганическія, вещества. Вслѣдствіе этого и самыя почвы, образовавшіяся какъ чрезъ наносъ водою, такъ и чрезъ вывѣтриваніе камней, представляютъ удивительное разнообразіе и по своей наружности, и по своимъ составнымъ началамъ, и по своимъ физическимъ свойствамъ, и по своей производительности, и, наконецъ, по своей растительной флорѣ. Наука и практическая опытность съумѣли въ этомъ разнообразіи отыскать общія характеристическія черты, и на нихъ основать классификацію почвъ.

Различныя сельско-хозяйственныя писатели допускаютъ и различныя основанія для классификаціи почвъ. Одни изъ нихъ основываютъ классификацію почвъ на *физическихъ свойствахъ*, другіе, какъ напр. Гаусманъ (смотри его : Specimen de rei agrariae et salutariae fundamento geologico, Goettingae 1823 г.) и Гундесгагенъ (смотри его : Beiträge zur gesammten Torstwissenschaft 1. Band 3-ter Heft, 1828, стр. 106 — 110) берутъ при этомъ за основаніе *геогностическіе* и *геологическіе признаки*; третьи, какъ напр. Тезъръ (смотри его : Versuch einer Ausmittlung des Reinertrags der productiven

Grundstücke. Berlin, 1813, и Шпренгель (смотри его: Bodenkunde oder die Lehre vom Boden. Leipzig, 1837, стр. 143) дѣлятъ почвы на различныя классы по ихъ составнымъ началамъ. Наконецъ большая часть сельско-хозяйственныхъ писателей руководствуется при классификаціи почвъ ихъ естественною производительностію и разводимыми на нихъ сельско-хозяйственными растеніями.

Если мы вспомнимъ, что, кромѣ геологическаго образованія, кромѣ физическихъ свойствъ и химическаго состава, производительность каждой почвы условливается также ея положеніемъ, климатомъ, прилежащею окрестностію, покатостію, склономъ, возвышенностію надъ уровнемъ моря, качествами подпочвы и другими многоразличными условіями, то неосновательность и односторонность всѣхъ вышеисчисленныхъ классификацій съ перваго раза ярко бросятся въ глаза.

Классификація почвъ, предложенная Теэромъ и потомъ усовершенствованная Шпренгелемъ, болѣе другихъ удовлетворяютъ современному требованію нашей науки. А потому и мы будемъ дѣлить почвы на различныя классы и виды по ихъ составнымъ началамъ; но кромѣ химическаго состава, при описаніи cadaго пласта почвъ будемъ также обращать вниманіе на ихъ геологическое образованіе, ихъ физическія свойства, ихъ производительность; и наконецъ обратимъ наше вниманіе на тѣ условія, вслѣдствіе которыхъ можетъ измѣняться производительность почвъ.

Шпренгель всѣ разнородныя почвы, встрѣчающіяся на различныхъ точкахъ земнаго шара, дѣлитъ, по ихъ составнымъ началамъ, на 12 отдѣльныхъ классовъ, а именно:

- 1) Почвы каменистыя;
- 2) ——— песчаныя;
- 3) ——— глинистыя;
- 4) ——— суглинистыя;
- 5) ——— мѣловыя и известковыя;
- 6) ——— мергелистыя;
- 7) ——— солонцоватыя;
- 8) ——— гипсовыя;

- 9) Почвы желѣзистыя ;
- 10) — — наносныя или нащлывныя ;
- 11) — — черноземныя ;
- 12) — — торфянистыя.

Каждый изъ этихъ классовъ, конечно, имѣетъ свои видоизмѣненія и отличія, которыя основываются на преизбыткѣ той или другой части. Но такъ какъ практическому сельскому хозяину трудно уловить всѣ переходы и отѣвки тончайшихъ видоизмѣненій, и такъ какъ на одномъ и томъ же полѣ, при внимательномъ изслѣдованіи, не рѣдко можно бываетъ отличить до 20 различныхъ переходовъ отъ одной почвы къ другой, то я здѣсь и ограничусь описаніемъ главныхъ классовъ почвъ, которые отличаются между собою рѣзкими характеристическими признаками.

I. Почвы каменистыя.

Почвы, состоящія изъ однихъ только камней, встрѣчаются очень рѣдко и притомъ на весьма незначительномъ пространствѣ; кромѣ камней, въ такихъ почвахъ всегда есть песокъ, или глина, или суглинокъ, и т. д.

Безъ всякаго сомнѣнія, чисто каменистыя почвы не могутъ быть плодородными; потому что вода со всеми въ ней растворенными началами процѣживаетъ сквозь камни, какъ сквозь рѣшето; отъ того-то онѣ и бываютъ всегда сухи. Такъ какъ камни не имѣютъ никакой связности между собою, то и солнечный свѣтъ сильнѣе ихъ нагреваетъ, отъ чего и влажность, въ нихъ находящаяся, скоро испаряется. Принятую изъ атмосферы теплоту задерживаютъ онѣ долго, потому-то и принадлежатъ къ класу горячихъ почвъ. Волосяность въ каменистыхъ почвахъ самая незначительная, а потому и вода, находящаяся въ подпочвѣ, не можетъ подниматься вверхъ. Это также не мало содѣйствуетъ ихъ сухости и бесплодію. Наконецъ бесплодіе каменистыхъ почвъ происходитъ и отъ того, что въ нихъ недостаетъ мелкихъ частей, въ которыхъ бы могли укореняться растенія. Отсюда слѣдуетъ, что чисто каменистыя почвы негодны для полеводства; ихъ можно развѣ только назначать подъ луга и

пастбища, когда онъ лежать вблизи рѣкъ и потоковъ, и когда есть возможность искусственно ихъ орошать. Самое лучшее — назначать каменистыя почвы подъ лѣса; на нихъ могутъ расти: сосны, береза, рябинникъ, а при умѣренно-влажномъ состояніи и ивнякъ. Корни этихъ деревьевъ, проникая въ глубь, заставляють вывѣтриваться камни, отъ чего въ послѣдствіи времени образуется хотя не глубокой пахатный слой.

При оцѣнкѣ этихъ почвъ, надо обращать вниманіе на свойство самыхъ камней. Если камни удобовывѣтриваемы, то и цѣнность почвъ возвысится, потому что съ теченіемъ времени изъ камней можетъ образоваться плодородный пахатный слой; а если камни трудно-вывѣтриваемы, то и цѣнность почвъ значительно понижается.

Для улучшенія каменистыхъ почвъ предлагаютъ различныя средства, и между прочими:

Навалку или насыль земли. Но это средство очень дорого, потому что потребуется очень много земли, чтобы посредствомъ насыпи образовать слой, въ которомъ бы могли укореняться растенія. Сдѣлавъ неглубокую насыпь, совѣтуютъ каменистыя почвы назначать подъ пастбища для овецъ. Ихъ надо засѣвать въ этомъ случаѣ только такими растеніями, которыя мало требуютъ влажности для своего развитія, принадлежать къ числу многолѣтнихъ травъ, и своими корнями могутъ необходимую для нихъ влажность вытѣгивать изъ нижнихъ слоевъ почвы. Къ числу таковыхъ растеній принадлежать: породы *костеря* (*bromus*), *дикаго овса* (*avena*), *овсяницы* (*festuca*), *мятлики* (*poa decumbens*), *осоки* (*carex arenaria*), *манника* (*hoccus mollis*), *генисты* (*genista pilosa*), *поддорожника* (*plantago arenaria*), *колокольчика* (*convolvulus arenaria*), *богородской травы* (*thymus serpillum*), *пастушьихъ сумокъ* (*thlaspi bursa pastoris*), *торицы* (*spergula arvensis*), *звѣздчатки* (*stellaria holostea*), *чернобыльника* (*artemisia vulgaris*) и некоторыхъ другихъ. — Вся эти травы особенно походятся овцамъ.

II. Почвы песчанья.

Почвами песчаньями мы будемъ называть такіа, которыя во 100 частяхъ (моложимъ 100 золотникахъ) содер-

жать 8—10% частей, уносимых водою во время промыванія, а 89—90% содержать въ себѣ песку болѣе или менѣе крупнаго. Песокъ можетъ состоять изъ кварца и изъ другихъ минераловъ.

Песчанья почвы, какъ мы теперь знаемъ, образовались въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, и въ настоящее время образуются чрезъ вывѣтриваніе камней, принадлежащихъ къ породамъ кварца и песчаника; а потому эти почвы и встрѣчаются по преимуществу въ тѣхъ странахъ, гдѣ кварцъ и другіе сродные ему камни образуютъ главную часть горныхъ кражей. Песчанья почвы чаще всего встрѣчаются въ Сѣверной Германіи, не только въ равнинахъ, но даже и на высокихъ горахъ. Въ Россіи, сколько мнѣ извѣстно, песчанья почвы попадаются около Слонима, между Кіевомъ и Батуриномъ, между Кіевомъ и Чигиринимъ, между Кременчукомъ и Полтавою, также между Харьковомъ и Чугуевымъ. Кромѣ того песчанья почвы почти всегда встрѣчаются вблизи морей и по берегамъ большихъ рѣкъ.

Главный и отличительный характеръ песчаныхъ почвъ состоитъ въ слѣдующемъ:

1. Въ нихъ мало глины, а потому онѣ и неспособны къ принятію пластическихъ формъ.

2. Отдѣльныя частички песчаныхъ почвъ не имѣютъ почти никакого сцепленія между собою, а потому онѣ не прилипаютъ къ пахатнымъ орудіямъ, даже и въ мокромъ состояніи; ихъ легко обрабатывать пахатными орудіями. По этому у земледѣльцевъ песчанья почвы и слывутъ подъ именемъ *легкихъ*.

3) Песчанья почвы мало вбираютъ въ себѣ воды и принятую влажность скоро испаряютъ изъ себя; вотъ причина, почему ихъ называютъ *почвами сухими*. Во время длительныхъ засухъ песчанья почвы сильно высыхаютъ, и тогда онѣ еще медленнѣе вбираютъ въ себѣ воду, и тѣмъ медленнѣе, чѣмъ мельче ихъ частички и пыльнѣе; тогда падающая на нихъ вода стекаетъ прочь, точно также, когда воду льютъ на сухую золу. Вотъ причина, почему песчанья почвы не должно часто пахать и боронить, не надо

ихъ также пахать свалами или загонами; потому что въ первомъ случаѣ скоро изъ нихъ испаряется влажность, а въ последнемъ вода скоро стекаетъ въ борозды.

4) Песчанья почвы мало притягиваютъ влажности изъ атмосфернаго воздуха, и если бываютъ яркаго цвѣта, то роса на нихъ не садится совершенно.

5) Отъ солнечныхъ лучей нагреваются сильно и долго задерживаютъ теплоту, а потому и называютъ ихъ почвами *горячими*.

6) Воздухъ, по причинѣ ихъ безсвязности, хотя и проникаетъ въ нихъ, но онъ не уплотняется, не задерживается въ ихъ межуткахъ; а уплотненіе воздуха въ почвахъ имѣетъ большое вліяніе на прозябаніе растеній, потому что воздухъ содержитъ въ себѣ и кислородъ, и угольную кислоту, и селитродъ, и вещества необходимыя для питанія растеній.

7) Весною песчанья почвы раньше освобождаются отъ снѣгу, раньше оттаиваютъ, раньше просыхаютъ; отъ того онъ и раньше покрываются зеленью, особенно, если онъ содержитъ въ себѣ сколько-нибудь чернозема; на песчаныхъ почвахъ, вслѣдствіе этого, и раньше вызрѣваютъ всѣ растенія сравнительно съ другими почвами.

8) Если песчанья зерна бываютъ крупны, то понятно, что и песчаная почва тогда будетъ имѣть незначительную волосняность; вся вода, падающая на почву, будетъ уходить со всѣми питательными началами, въ ней находящимися, въ подпочву. Вотъ одна изъ причинъ, почему на песчаныхъ почвахъ лучше удаются растенія съ длинными корнями, а растенія съ короткими корнями на нихъ нерѣдко выгораютъ и совершенно пропадаютъ. Вслѣдствіе этого въ некоторыхъ странахъ песчанья почвы *райолятъ* (падутъ глубоко) черезъ каждыя 3—6 лѣтъ, для того чтобы нижній слой, содержащій въ себѣ много питательныхъ началъ, выворотить наружу, и чрезъ то самое сдѣлать ихъ годными къ разведенію растеній съ мелкими корнями.

9) Производительная сила песчаныхъ почвъ незначительна, а потому онъ и требуютъ почти постояннаго удоб-

ренія. Но, при употребленіи удобряющихъ веществъ, на песчаныхъ почвахъ должно быть очень осмотрительнымъ и осторожнымъ. Ихъ никогда не должно удобрять за одинъ разъ большимъ количествомъ навоза, потому что навозъ въ нихъ очень скоро разлагается; по этому-то ихъ и называютъ почвами очень *дѣлательными*. Во время дождливаго лѣта растенія на нихъ полегаютъ, а во время знойнаго и жаркаго выгораютъ. Всего лучше удобрять ихъ малымъ количествомъ навоза, но чаще повторять удобреніе, по крайней мѣрѣ черезъ каждые 2—3 года. Такъ какъ песчаная почва сама по себѣ горячаго свойства, то удобреніе навозомъ рогатаго скота приноситъ имъ большую пользу; напротивъ, конскій и овечій навозъ, а равно и солоmistый, болѣе приноситъ вреда, нежели пользы.

10) Изъ всѣхъ сельско-хозяйственныхъ растений на песчаныхъ почвахъ всего лучше удается рожь, а потому ихъ и называютъ почвами *ржаными*. Кромѣ ржи, на нихъ хорошо рождаются: торица, земляная груша, картофель и греча. При хорошей и тщательной обработкѣ можно разводить на нихъ клеверъ, ленъ, горохъ, морковь, рѣпу, табакъ, хмѣль, рапсъ, овесъ. Пшеницею ихъ можно засѣвать только тогда, когда онѣ находятся вблизи озеръ, рѣкъ, морей, и вообще въ странахъ сырыхъ и влажныхъ.

Изъ древесныхъ растений всего лучше прозябаютъ на нихъ: береза, рябина, ясень, лиственница, сосна и можжевельникъ.

Хотя вообще на песчаныхъ почвахъ прозябаніе растений идетъ неудачно, можно сказать даже дурно, въ сравненіи съ другими почвами; не смотря на это, вслѣдствіе различныхъ условій, производительность ихъ можетъ усиливаться, следовательно можетъ возвышаться и ихъ стоимость. Такъ производительная сила песчаныхъ почвъ, а следовательно и ихъ стоимость, возвышается:

- a) Въ климатахъ холодныхъ и влажныхъ;
- b) Въ дождливые и сырые годы; потому что въ обоихъ этихъ случаяхъ растенія не могутъ выгорать на нихъ;
- c) Когда подпочва образуетъ слой трудно проходимый для воды;

- d) Когда частички песку мелки ;
- e) Въ странахъ нагорныхъ , гдѣ падаетъ много дождя ;
- f) Когда онѣ лежатъ на сѣверныхъ склонахъ горъ , или на-
ходятся въ котловинахъ , равнинахъ , въблизи морей , рѣкъ ,
лѣсовъ и озеръ ;
- g) Когда ихъ искусственно перемѣшиваютъ съ глиною и гли-
нистымъ мергелемъ .
- h) Въблизи населенныхъ и большихъ городовъ , потому что
тогда есть возможность пріобрѣтать навозъ за деше-
вую цѣну , и такимъ образомъ возвышать ихъ произво-
дительную силу .

Съ другой стороны производительныя силы песчаныхъ почвъ уменьшаются , а слѣдовательно и цѣнность ихъ понижается :

- 1) Въ климатахъ жаркихъ и сухихъ ; въ знойное и жаркое лѣто ;
- 2) Когда подпочва образуетъ слой удобопроеходимый для воды ,
и когда онѣ сами состоятъ изъ крупно-зернистаго песку ;
- 3) Когда онѣ лежатъ на южныхъ склонахъ горъ , и от-
крыты бываютъ дѣйствию солнца ;
- 4) Когда находятся далеко отъ морей , озеръ , рѣкъ и лѣсовъ ;
- 5) Когда онѣ кромѣ песку не содержатъ въ себѣ никакихъ
постороннихъ веществъ ;
- 6) Когда нѣтъ въ хозяйствѣ достаточнаго количества навоза ,
и нѣтъ возможности пріобрѣсти его за дешевую цѣну .

Для улучшенія производительной силы пѣсчаныхъ почвъ предлагаютъ различныя средства :

1) *Дѣлать насыпь изъ глины и глинистаго мергеля.* Это средство употребляется для улучшенія песчаныхъ почвъ преимущественно въ Англіи около Норфолька и Суффолька. Но подобныя улучшенія обходятся очень дорого , и ихъ можно предпринимать развѣ только въ тѣхъ мѣстахъ , гдѣ въблизи находится глина и глинистый мергель ;

2) *Унавоживать ихъ хорошо перегнившимъ навозомъ рогатаго скота и компостами ;* но и это средство не вездѣ и не всегда бываетъ доступно сельскимъ хозяевамъ ;

3) *Искусственно орошать ихъ водою и назначать подѣ искусственные луга.* Это средство въ настоящее время распространяется въ Германіи съ хорошимъ успѣхомъ и пользою ;

А) Углублять пахатный слой земли и вообще глубоко пахать ихъ. Это средство самое дешевое и болѣе дружитъ доступное для каждаго, — особенно если подпочва состоитъ изъ глины, — возвышаетъ замѣтнымъ образомъ производительныя силы почвъ. Только послѣ каждаго глубокаго паханія и углубленія пахатнаго слоя необходимо песчаная почва или укатывать каткомъ, или пасти на нихъ овецъ, для того чтобы уплотнить ихъ какъ можно болѣе;

Б) Для уплотненія песчаныхъ почвъ, совѣтуютъ ихъ также навначать подъ пастбища, засѣвать ихъ растеніями, которыя имѣютъ длинныя корни и могутъ выносить хорошо засуху;

В) Совѣтуютъ также укрывать пески посредствомъ разведенія на нихъ различнаго рода древесныхъ породъ.

Къ классу песчаныхъ почвъ должно отнести:

а) Почвы супесчаная, или такъ называемыя суглинисто-песчаная почвы. Въ 100 частяхъ онѣ содержатъ 10—20% глины, а 80—90% песку; по своимъ свойствамъ онѣ близко подходятъ къ песчанымъ почвамъ, но отличаются отъ нихъ тѣмъ, что лучше задерживаютъ въ себѣ влажность, и имѣютъ болѣе связности между своими частицами, не такъ сильно нагрѣваются, а потому и производительность ихъ несравненно лучше песчаныхъ почвъ.

б) Черноземно-песчаная почвы; онѣ содержатъ отъ 6—12% чернозема и бываютъ чернаго или чернобураго цвѣта. Черноземно-песчаная почвы, не смотря на присутствіе въ нихъ чернозема, рѣдко бываютъ плодородны.

в) Мергелисто-песчаная почвы; онѣ болѣею частію встрѣчаются вблизи горъ, которыя состоятъ изъ песчаника, связаннаго мергелистою замазкою, и бываютъ то сѣраго, то бураго, то краснаго цвѣта, то зеленаго и бурожелтаго. При хорошемъ удобреніи и тщательной обработкѣ онѣ могутъ производить различнаго рода сельско-хозяйственныя растенія и въ особенности стручковыя: горохъ, вику, бѣлый и красный клеверъ, кромѣ того картофель и ячмень, преимущественно годный для пивоваренія. Всѣ злаки и кормовыя травы, произрастающія на мергелисто-песчаныхъ почвахъ, отличаются своею питательностію.

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

**ДВА ПИСЬМА ПРИНЦА КАРЛА ВИРОНА КЪ ЯРОСЛАВСКОМУ
ВОЕВОДѢ, ПОЛКОВНИКУ ИВАНУ АЛЕКСѢВИЧУ ШУБИНУ.**

ПИСЬМО I.

Государь мой

Иванъ Алексѣвичъ.

Вто же время, какъ мы пріѣхали, то Государя небыло въ Петербургъ, а навстрѣчу ѣздилъ весь дворецъ, ибо Ея Высочество Герцогиня Голштинская прибыла. Итакъ какъ она и Принцесса ея получили орденъ Екатерининской кавалеріи, а Его Величество Король Прусской прислалъ кавалерію и нашему Императору, и Его Величество цѣлой день носили, и пальба до четвертаго часа послѣ полуночи продолжилась, и видно, что миромъ пахнетъ. Нонича новой штатъ вышелъ всей Гвардіи, и этотъ корпусъ убавится. Слышно, что штатъ новой сочиняютъ о другихъ чинахъ и будто дворянамъ воля будетъ погодно выбирать воеводъ; однако донинѣ еще неготово. Матушкѣ Ивлинѣ Максимовнѣ мой всенижайшій поклонъ; а теперь еще сутокъ нѣтъ, что пріѣхалъ, то и люди обозъ отстали; не успѣлъ послать табаку, а непременно пришлю. Сударица моего сто разъ обнимаю, то есть сына вашего. О нашемъ домѣ Шишкинѣ предъ отъѣздомъ своимъ въ Сенатъ представлялъ для Монетнаго двори, и намъ сказывали, что сперва очень насъ и васъ поносилъ, а послѣ очень хвалилъ; что снами воспослѣдуетъ, буду тебя моего друга увѣдомлять, и сердечно радъ всегда вамъ служить, только пиши и прикажи, а мнѣ время нѣтъ болѣе писать. *Карлъ Принцъ.*

ПИСЬМО II.

Государь мой
Иванъ Алексѣевичъ.

Хоша я честь имѣлъ къ вамъ писать, однако до сего времени не удостоенъ былъ отвѣтомъ; то я однако чрезъ сію оказію посылаю до васъ 25 цыгтроновъ, да шпанскаго табаку; и до этого я чрезъ почту къ вамъ посылалъ, однако не получилъ извѣстія о чемъ я весьма сожалею. Присемъ прошу оставшіе мои *щенята** къ себѣ взять и велѣть выкормить, и съ великой благодарностію эти убытки *буду возразитъ*, и всегда мою благодарность оказать; а охотъ и прочее я велѣлъ со всемъ въ Петербургъ быть, того ради я о томъ васъ хотѣлъ увѣдомить и просить, чтобъ способствовать отправленію, и которыя на моемъ коштѣ строенія, то прошу сломать Кузнецову; а куда ему перевести, о томъ отъ меня къ нему уже писано и приказано; впрочемъ уповаемъ мы еще получить Государскую милость, какъ мы о томъ уже и обнадежены, а здѣсь слухъ носился о вашей смѣнѣ; однако я почти всякой день вижу Трубецкаго, Неплюева и Воронцова, они мнѣ открыли, что вы останетесь при Ярославѣ. Прекратя письмо мое, я всегда буду именоваться, Государь мой, Иванъ Алексѣевичъ, вашъ покорной слуга, *Карлъ Принцъ*.

P. S. Вашей фамиліи мой покорной поклонъ.

Адресъ: Его Высочородію Государю моему Ивану Алексѣевичу, Полковнику и Воеводѣ Шубину (Большому), въ Ярославѣ.

Оба письма писаны на простой бумагѣ и запечатаны были гербовою фамиліи Бироновъ печатью.

(Сообщ. В. Борисовымъ.)

* Объ этой страсти К. Бирона упоминаеть и Кокинский.

КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ.

ОБЗОРЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

МОСКОВСКІЯ ИЗДАНІЯ.

*1. Временникъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Книга третья. 1849
Въ Унив. Тил. Стр. 86, 140, XVI, 48, 14.*

Эта книга не уступаетъ въ важности и занимательности двумъ первымъ. Первое мѣсто въ ней занимаетъ статья трудолюбиваго Секретаря, И. Д. Бялева, о *Болрахъ*, коею начинается его изслѣдованіе вообще о жителяхъ Московскаго государства, и о служилыхъ людяхъ въ особенности.

Эта статья исполнена многихъ дѣльныхъ мыслей и прекрасныхъ замѣчаній, какъ и весь историческіе труды Г. Бялева, — особенно, гдѣ онъ пишетъ по документамъ, по грамотамъ и лѣтописямъ, ему хорошо знакомымъ; но она не выдерживаетъ критики, когда авторъ начинаетъ гадательныя разсужденія о происхожденіи званій и первоначальныхъ ихъ отношеніяхъ, безъ документовъ. Въ этихъ разсужденіяхъ онъ бываетъ очень отваженъ, и считалъ какъ

будто грѣхомъ не рѣшить всѣхъ встрѣчающихся вопросовъ, онъ обходится съ ними произвольно, и разрубаетъ узлы, а не развязываетъ.

Въ этомъ разсужденіи, напримѣръ, онъ прямо говоритъ, что *Бояре* переименовались въ *Боярскихъ дѣтей*. Вопросъ о Боярскихъ дѣтяхъ и ихъ происхожденіи — есть одинъ изъ самыхъ мудреныхъ вопросовъ въ средней нашей Исторіи, и порѣшить его такъ вдругъ нельзя.

Если *Бояре* обратились и переименовались въ *Боярскихъ дѣтей*, то куда же, спрошу я его, дѣлись древніе *отроки* и *дѣтскіе*?

Нѣтъ, Бояре существовали и при *Боярскихъ дѣтяхъ*, а, съ другой стороны, Боярскія дѣти упоминаются въ лѣтописи еще въ 1149 г., лѣтъ за 200 и за 300 до его назначенія.

Всего страннѣе то, что авторъ думаетъ доказать такими мѣстами свое положеніе, которыя ровно ничего не доказываютъ, или доказываютъ противъ его; напр.

«Точно ли именовъ *Боярскихъ дѣтей*, со времени В. К. Василья Васильевича Темнаго, стали называться всѣ боярскіе роды, извѣстные прежде подъ общимъ названіемъ Бояръ, — въ этомъ можно удостовѣриться изъ многихъ мѣстъ лѣтописей и официальныхъ грамотъ: такъ въ Никоновской лѣтописи подъ 1446 годомъ сказано: «Бѣ же въ той мысли (объ освобожденіи В. Князя) съ нимъ Князь Иванъ Васильевичъ Стрига, да Иванъ Ощера съ братомъ Бобромъ, да Юшка Драница, и иные многіе боярскіе дѣти двора Великаго Князя; съ ними жъ въ думѣ былъ Семейъ Филимоновъ съ дѣтьми своими, да Русалко, да Руно и иные дѣти Боярскіе многіе учиниша себѣ срокъ всѣмъ быти подъ Угличемъ на Петровъ день о полудни.»

Гдѣ же тутъ превращеніе Бояръ въ Боярскихъ дѣтей! Здѣсь говорится только, что нѣсколько Боярскихъ (поименованныхъ) дѣтей были однихъ мыслей съ Княземъ.

«Еще яснѣе, продолжаетъ авторъ, въ дополнительныхъ статьяхъ къ Судебнику 1550 года, гдѣ опредѣлено: «Въ полкахъ быти княжатамъ и дѣтемъ Боярскимъ съ воеводами безъ мѣстъ, и въ томъ отечеству ихъ униженія нѣтъ, которые впредь будутъ въ Боярахъ и въ воеводахъ, и они считаются по своему отечеству.»

Здѣсь не только не смѣшаны Бояре съ Боярекими дѣтьми, но явственно различены, такъ, что это мѣсто можно обратить противъ Г. Бѣляева, ибо сказано: Боярскія дѣти не должны считаться, а когда они будутъ Боярами, тогда могутъ считаться.

Поговоримъ еще о нѣкоторыхъ вопросахъ:

«Относительно правъ (служилыхъ Князей) на вотчины, договорныя грамоты представляютъ значительное различіе отъ правъ Бояръ на свои вотчины: служилые Князья, переходя изъ службы одного Государя къ другому, лишались своихъ вотчинъ; такъ объ этомъ прямо говоритъ договорная грамота В. К. Василья Васильевича съ Юріемъ Дмитріевичемъ 1433 года: «А Князей ты моихъ служебныхъ съ вотчинами собѣ в службу непріимати, а которые Князи имуть тобѣ служити, и имъ въ вотчину свою не вступатися, вотчины лишоны.» Это правило было общимъ во всѣхъ договорныхъ грамотахъ, и повторилось даже въ дополненіи къ Судебнику 1562 года, гдѣ сказано: «которыя вотчины за Князьями Ярославскими, за Стародубскими, за Ростовскими, за Одобскими и за иными служилыми Князьями вотчины старинныя, и тѣмъ Князьямъ вотчинъ своихъ не продавати и не мѣняти, и за дочери своими и за сестрами въ приданыя не давати; а котораго Князя бездѣтна не станеть, и тѣ вотчины на Государя.» Причиной таковаго важнаго различія въ правахъ Князей и Бояръ на свои вотчины заключались въ томъ, что княжескія вотчины не были собственно вотчинами, но представляли что-то среднее между помѣстьемъ и вотчиною, они были собственно только жалованными (владѣніями, получаемыми отъ Государя за службу.»

Совершенно нѣтъ. Княжескія вотчины собственно были вотчинами по преимуществу, съ ними Князья переходили на службу въ Москву, и этихъ вотчинъ, цѣлыхъ иногда княжествъ, Московскій Великій Князь не могъ, разумется, допускать до чуждыхъ рукъ.

«Въ прежнее время, когда земщина и дружина стояли еще другъ противъ друга хотя и безъ ссоръ и вражды, но тѣмъ не менѣе, каждая съ своими правами, права бояръ, какъ представителей земщины были необходимы и законны.»

Я не знаю никакихъ земскихъ Боярь, но допуская ихъ, спрашиваю: что же сдѣлалось съ княжескими Боярами, въ какихъ отношеніяхъ они между собою были и стали?

Нѣтъ, это все гаданія. Оставимъ ихъ, и постараемся прежде привести въ ясность что есть, на что остались документы, а гадатели найдутся!

То же сказать можно и объ его удѣльной партіи, Московской партіи, иноплеменной партіи, во время Іоанна Грознаго. Напр. Г. Бѣляевъ говоритъ: «Хорошо понимая, что Московская партія хлопочеть о возобновленіи древнихъ правъ отжившей земщины Іоанна», и пр.

Да какія же были эти древнія права? Пересмотримъ ихъ по собственному счету Г. Бѣляева.

1. Переходить отъ Князя къ Князю.

Но теперь переходить было не къ кому, ибо вмѣсто Князей былъ одинъ Царь. Переходить въ Литву — это стало уже бѣгство, а не переходъ; никто и не хотѣлъ этого права, никто не хотѣлъ переходить въ Литву, развѣ кто боялся казни, и т. п.

2. Считаться службою и происхожденіемъ.

Но это право оставалось за Боярами при Грозномъ, который, по собственнымъ словамъ Г. Бѣляева, «терпѣливо выслушивалъ мѣстническіе споры, и большею частію рѣшалъ ихъ, не отступая отъ правилъ, освященныхъ обычаемъ».

3. Получать за службу помѣстья.

Они получали и при Грозномъ.

И такъ, о какихъ же «правахъ отжившей земщины» хлопотала Московская партія? Нѣтъ, дѣло было не въ томъ.

Но вотъ замѣчаніе, за которое можно благодарить много Г. Бѣляева, если оно подтвердится:

«Годуновъ, постоянно подвигаясь впередъ, по замышленному плану постепеннаго ослабленія родоваго старѣйшинства между Боярами, съ

каждый годъ строже и строже поддерживалъ служебныя росписи, составляемыя правительствомъ большею частію наперекоръ обычаямъ и правамъ мѣстничества; истцы по мѣстничеству, т. е. недовольные правительственнымъ росписаніемъ службъ, или не получали удовлетворенія за невершеніемъ суда, или строго наказывались, ежели судъ находилъ какія-либо средства къ обвиненію; здѣсь уже были въ ходу всѣ возможныя уловки и двухсмысленныя толкованія обычныхъ правилъ мѣстничества: то ссылались на разряды, согласно тому направленію, которое далъ Грозный, выдвинувши впередъ служебное, а не родовое значеніе, то утягивали другъ друга старѣйшими въ своемъ родствѣ.»

Вторая статья Г. Бѣляева имѣетъ предметомъ Великаго Князя Константина Всеволодовича Мудраго.

Память этого Князя дорога для насъ, особенно по его любви къ просвѣщенію, о коей свидѣтельствуетъ Татищевъ, имѣвшій въ своихъ рукахъ документы, коихъ не имѣемъ мы. Должно благодарить Г. Бѣляева, за то, что онъ собралъ и разобралъ всѣ извѣстія, хотя и съ нѣкоторымъ пристрастіемъ, упоминая очень снисходительно о непослушаніи Константина, и забывая, какъ сей послѣдній воздвигнулъ брови на брата Георгія, когда отецъ отдавалъ тому Ростовъ.

О содержаніи моей статьи: Междоусобныя войны, говорено въ прежней рецензій. Замѣчу здѣсь, что въ ней, какъ и въ прежнихъ, есть нѣсколько пропусковъ, обозначившихся для меня, когда онъ уже были напечатаны. Въ такихъ сложныхъ и запутанныхъ разсужденіяхъ не могло быть иначе.

Разрядная книга 7123 г. очень важна, особенно по своимъ наказамъ, объясняющимъ всего лучше наше старинное управленіе.

Списокъ съ чертежа Сибирской земли, объясненный примѣчаніями Г. И. Спасскаго, отличается тѣми же учеными достоинствами, обстоятельностью, точностію, начитанностію, какъ и другіе труды этого заслуженнаго нашего ученаго,—кромя, только, его мнѣнія о Тмутораканскомъ княжествѣ,

съ коимъ никакъ согласиться не могу. Мы ждемъ отъ него неумытнанаго сужденія о примѣчательномъ сочиненіи Г. Небольсина, къ которому скоро обратимся. Въ Сибирской исторіи, Г. Спасскій — законный судья.

Въ Смѣси напечатаны :

Два письма Іоны Митрополита Ростовскаго и Ярославскаго и казначея его іеромонаха Вассіана, писанныя, въ 1673 году, въ Ярославль священнику Дмитріевской церкви Іовяникію. Соб. П. А. *Серебренковъ*. Дополненіе къ вопросу о Несторѣ. Соч. Д. Ч. П. С. *Казанскаго*. Грамота Великаго Князя Витовта 1390 года. Сооб. Предсѣдателемъ А. Д. *Чертковъ*. Роспись воеводамъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ прежде были судьи и губные старосты. Свѣдѣнія о древностяхъ въ Оренбургской и Казанской губерніяхъ. Сооб. Сорев. А. Н. *Котуевъ*. Поправка въ чтеніи одного мѣста лѣтописи. Соч. Д. Ч. Князя М. А. *Оболенскаго*. Выписка изъ денежнаго приказу прислана въ Розрядъ. Памятникъ покорителю Сибири Ермаку съ рисункомъ. Сооб. Д. Ч. Г. И. *Спасскимъ*.

М. Погодинъ.

2. *Шекспиръ. Съ Англійскаго, П. Кетчера. Выпускъ шестнадцатый: Отелло. 1849.*

Г. Кетчеръ настойчиво совершаетъ предпринятый трудъ передать на Русскій языкъ всѣ творенія Шекспира. Трудъ великъ, но мы увѣрены, что затрудненія для изданія его еще больше, особенно въ такое время, когда цѣлыя компаніи, напримѣръ компаніи переводчиковъ и издателей сочиненій Валтеръ-Скотта и сочиненій Гёте, кончили свои предпріятія не концомъ, а началомъ. Отъ чего? — Мы толковать не будемъ; скажемъ только главное: для каждаго труда, дѣла, предпріятія, необходимо единодушіе; а одинъ — всегда единодушенъ. По нашему мнѣнію, для перевода одного автора, не должно совокупляться нѣсколькимъ душамъ во едино: при всемъ ихъ единодушій у нихъ не можетъ быть необходимаго единства. Компанія не можетъ спокойно, осно-

вательно перевести: она крикнетъ : ура—разомъ ! ухватится какъ попало и—перетащить. Но духъ автора , смыслъ его и соотвѣтственность выраженій, не бревна и не камни.

Переводъ Г. Кетчера , какъ переводъ въ прозѣ, давно уже оцѣненъ, какъ переводъ прекрасный. Кто бы не желалъ, чтобъ Шекспиръ былъ переданъ стихами соотвѣтственно подлиннику : у прозы , какъ бы она хорошо выкована ни была, нѣтъ тѣхъ металлическихъ звуковъ, которые образуютъ необычайную силу гармоніи и плѣнительную мелодіи. Проза ударяетъ, стучитъ, но не звучитъ, не производитъ того невестижимаго отголоска въ струнахъ души. Страсти не говорили никогда, не говорятъ и не могутъ говорить прозой.

Но кто жъ взялся бы за переводъ Шекспира стихами ? Нельзя достойно возблагодарить Г. Кетчера и за то, что онъ передалъ его хорошею прозой. Не знающему Англійскаго Шекспировскаго языка, безъ сомнѣнія, пріятнѣе будетъ читать Шекспира въ Русской прозѣ, нежели въ прозѣ Французской. Французскій языкъ безподобный языкъ ; но онъ однотонный—монотонный, похожъ на флейту, — аккордовъ на немъ нельзя брать.

З. Смѣсь. Соч. А. С. 1849.

Это тетрадка , заключающая въ себѣ листъ печатной бумаги — и больше ничего, въ стихахъ.

Представьте себѣ, что еслибъ кто-нибудь скушалъ цѣлую мѣру словъ и желалъ переварить ихъ въ стихи , — чтѣ бы изъ этого было ?—Смѣсь, въ родѣ предлагаемой за 35 копѣекъ серебромъ на оберткѣ, а за 20 въ объявленіи. Но, кто же ее купитъ, кто будетъ разсматривать и рассказывать, изъ чего она состоитъ ?

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ИЗДАНІЯ.}

1. Сказанія Русскаго народа, собранныя И. Сахаровымъ.
Т. II. Книги V. VI. VII и VIII. 1849.

2. Бытъ Русскаго народа. А. Терещенко, въ VII частяхъ,
1848 года.

Во II томъ сказаній Г. Сахарова содержатся: а) Старые словари, какъ-то: aa) Лексиконъ Памвы Беринды; bb) Литовско-Русскій словарь Зизанія; cc) Азбуковникъ; dd) Новгородскій словарь XIII в.

б) Русскія древнія свадьбы вообще и въ особенности: aa) извѣстія о свадьбахъ княжескихъ; bb) свадьбы частныхъ людей въ XVII в. и cc) Русскія свадебныя чиноволоженія.

с) Народный дневникъ, и именно: aa) Наблюденія, примѣты и старые обычаи въ разныя числа мѣсяцевъ; bb) Народные праздники и обычаи. Авторъ отдѣлилъ одни отъ другихъ по причинѣ неподвижности первыхъ и подвижности послѣднихъ.

д) Путешествія Русскихъ людей, именно: 1) Игумена Данила; 2) Стефана Новгородца; 3) Геродиакона Зосимы; 4) Діакона Арсенія Селунскаго; 5) Дьяка Александра; 6) Инока Симеона Суздальскаго; 7) Легенда о путешествіи Игуменіи Евфросиніи; 8) Діакона Игнатія; 9) Василія Ггары; 10) Θεодора Байкова; 11) Трифона Коробейникова и Юрія Грекова; 12) Инока Іоны; 13) Аванасія Никитина; 14) Ивана Петрова и Бурнаша Ельчева; 15) Арсенія Суханова.

Въ сочиненіи Г. Терещенко содержится большое собраніе матеріаловъ нашей народной жизни, именно все, что авторъ нашелъ или счелъ любопытнымъ въ обычаяхъ, въ обрядахъ, въ праздникахъ, въ повѣрьяхъ, въ играхъ Русскаго

народа, и пр. и пр. (Мы указываемъ теперь только на хорошую сторону.)

Заслуги Г. Сахарова въ изданіи древнихъ памятниковъ извѣстны всѣмъ и каждому. Изданіемъ словарей и путешествій онъ дѣлаетъ намъ новый, драгоценный подарокъ. Спасибо отъ души.

Для насъ были всего любопытнѣе матеріалы, собранные Гг. Сахаровымъ и Терещенко касательно Русскаго народнаго календаря. Г. Сахаровъ общаетъ особенный трактатъ о русской демонологіи. Г. Терещенко, съ своей стороны, высказываетъ въ разныхъ мѣстахъ разныя отрывочныя мнѣнія, съ которыми конечно можно соглашаться и не соглашаться. Тѣмъ не менѣе, матеріалы сохраняютъ всю свою важность. Надѣясь со временемъ представить на судъ читателей полнѣйшее критическое изслѣдованіе этого предмета, скажемъ теперь объ немъ только нѣсколько словъ изъ которыхъ видна будетъ вся важность, какую онъ имѣетъ, по нашему мнѣнію.

Въ народномъ календарѣ заключаются остатки всей древней мудрости нашего народа, т. е. его религіи, его свѣдѣній и наблюдений, его обычаевъ. Изъ него можно извлечь множество данныхъ касательно древней связи нашего народа съ другими, соседними народами, относительно мыслей и вѣрованій, даже относительно древней хронологіи и географіи.

Но изученіе нашего народнаго календаря должно быть тѣсно связано съ изученіемъ календарей: астрономическаго, церковнаго и календарей древнихъ языческихъ. Сличивъ ихъ, мы находимъ одно общее начало, довольно строго проведенное во всѣхъ и чрезвычайно обильное послѣдствіями. Укажемъ нѣкоторые.

Разсчитывая по календарю астрономическому, мы находимъ, что праздники Благовѣщенія, Рождества Претечи, преставленія Св. Іоанна Богослова и Рождества Христова

соответствуют началу времени года; т. е. Благовѣщеніе и преставленіе Богослова соответствуют равноденствіямъ, а Рождество Христово и Рождество Предтечи солнцестояніямъ. Въ обычаяхъ народа есть казанія на тѣ же праздники. Съ Благовѣщенія перестаютъ, а съ Ивана дня осенью начинаютъ сидѣть вечера. Рождеству Христову и Рождеству Предтечи соответствуютъ Коледа и Купала. Если мы сравнимъ съ этимъ обычай тушенія огней и зажиганія новаго огня изъ дерева, дѣвицами въ Мартъ и Сентябрь, то увидимъ ясно указанія на Римскіе праздники весны.

Подобнымъ образомъ мы находимъ, что въ концѣ Февраля у Римлянъ былъ праздникъ Плутона — праздникъ, соответствующій нашей масляницѣ и повѣрью о кумахъ,

Начало и конецъ полевыхъ работъ соответствуютъ у насъ двумъ праздникамъ: Егорьеву дню (23 Апрѣля) и Дмитріеву дню (26 Октября) или Параскевы Пятницы (28 Октября). Съ обоими праздниками соединено помяновеніе усопшихъ — Радунца и Дмитріевская суббота. Съ Егорьева дня начинаются хороводы, а съ Дмитріева посидѣлки.

Разительное сходство съ этимъ представляютъ языческіе праздники Цереры и Прозерпины — на календы Мая и Ноября. Вообще всѣ календы Цезаревскихъ временъ обозначены у насъ церковными и народными праздниками.

Праздникъ Пасхи на первомъ Вселенскомъ Соборѣ установлено праздновать, какъ онъ празднуется нынѣ. Онъ сдѣлался подвижнымъ. Вѣроятно, прежде было иначе. Евреи празднуютъ его въ половицѣ перваго мѣсяца. Первый весенній мѣсяцъ по Римскому календарю есть Апрѣль. Такимъ образомъ возможно, что первобытная христіанская Пасха соответствовала 15-го Апрѣля. На этотъ день положено праздновать мученицамъ *Анастасіи* (воскресеніе) и *Василиссы* (царское) — имена очень замѣчательныя. Пчельники въ этотъ день осматриваютъ *пасики* и *амшечки*.

Если это такъ, то Великій четвергъ приходится на 19 Апрѣля, память Св. Василія Парійскаго, когда весна землю *парить*. Купанья, омыванья и примѣты соединяются у насъ и съ Великимъ четвергомъ и съ памятью Св. Василія. Разлитіе воды полагается на 11 Апрѣля. Въ среду на Страстной недѣль обливають водою домашнихъ животныхъ, собирая воду для этого изъ чистаго снѣга.

Вербное воскресенье по этому разсчету приходится на 8 Апрѣля. По замѣчанію Г. Сахарова, въ Тульской губерніи вѣрили, что *солнце* 8 Апрѣля *встрѣчается съ мѣсяцемъ*, и что встрѣчи бывають *добрыя и худыя*. Мѣсяць *гордъ и задоренъ*; оттого у него бывають съ солнцемъ осоры, обыкновенно оканчивающіяся землетрясеніемъ.

Пятое воскресенье Великаго поста по этому разсчету приходится на 1 Апрѣля, на память Св. Маріи Египетской. Въ пятое воскресенье Великаго поста Церковь празднуетъ *по тріоди* Св. Маріи Египетской.

По тому же разсчету приходится весенній Юрьевъ день, *красный Егорьевъ день* — на Фоминъ понедельникъ, т. е. на *красную горку*. Замѣчательно, что на красную горку и Егорьевъ день обычаи и обряды очень сходны; особенно должно обратить вниманіе на ягненка. Г. Сахаровъ говоритъ: Болгары на Юрьевъ день *закалають агнца безъ пролитія крови на землю*. Этою кровью они мажутъ у дѣтей чело, ланиты и бороду и пр. пр. Ясный остатокъ Еврейской Пасхи.

Праздникъ Преполовенія соответствуетъ 9 Мая—памяти Св. Николая Чудотворца. Никола Мокрый, освященіе воды и пр. На 13 Мая по нашему разсчету приходится недѣля Самарянки. На Дѣвичьемъ полѣ, 13 Мая прежде было весеннее гулянье, нынѣ празднуемое въ пятницу на Св. недѣль въ память *Живоноснаго источника*. Это напоминаетъ источникъ Іакова и *живую воду*.

Семикъ соответствуетъ Еврейской пятидесятницѣ (полагая на Великій четвергъ первый день Евр. Пасхи) и по нашему разсчету соответствуетъ 31 Мая.

Оставляя до времени подробности этого сближенія, заметимъ только, что, судя по множеству данныхъ, нашъ календарь былъ издавна общій съ другими народами, и слѣдов. нашъ народъ издавна былъ съ ними въ родствѣ.

Г. Сахаровъ очень опрометчиво думаетъ, что имена мѣсяцевъ зашли къ намъ изъ Византіи. Почему не изъ Рима? Встрѣчаются такъ же и у него, какъ у Г. Терещенко, произвольныя толкованія. Напр. названіе Сборнаго воскресенья онъ объясняетъ тѣмъ, что въ этотъ день собираются горожане на торгъ. Сборнымъ воскресеньемъ называется въ некоторыхъ мѣстахъ, кромѣ первой недѣли Великаго поста, седьмая недѣля по Пасхѣ. Замѣтимъ, что судя по этому, названіе *Сборнаго* воскресенья происходило отъ того, что въ первую недѣлю Великаго поста Церковь празднуетъ воспоминаніе седьмого, а въ седьмую по Пасхѣ — перваго Вселенскаго Собора

Въ числѣ матеріаловъ Г. Сахарова, мы замѣтимъ нѣсколько любопытныхъ сказокъ, какъ-то: о Крупеничкѣ, Купальницѣ, Удаломъ мужикѣ и сказаніе о Георгіи Храбромъ. Въ книгѣ Г. Терещенко много любопытныхъ для критики пѣсень.

А. С.

3. Сочиненія Кн. Ивана Михайловича Долгорукаго. 2 части.

Въ числѣ полного собранія сочиненій Русскихъ авторовъ, издаваемого Смирдинымъ, на дняхъ вышли и сочиненія К. Ивана Михайловича Долгорукаго.

Кн. И. М. Долгорукой принадлежитъ къ малому числу *исбраанныхъ*, которые, съ полнымъ увлекательнымъ восторженіемъ, выдвигаютъ свои ощущенія, не заботясь ни сколько объ украшеніи выраженій чувствъ ослѣпъ и мнѣній условнымъ нарядомъ слога.

«Угоденъ — пусть меня читаютъ, — говоритъ Князь: — противенъ — пусть въ огонь бросаютъ; трубы похвальной не ищутъ.» И дѣйствительно, все, что мы написали Долгорукой,

написано подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, безъ отдѣлки и лоска, но вмѣстѣ съ тѣмъ исполнено ума, жизни и чувства. Современники помнятъ и любятъ Долгорукаго. Многие изъ его стиховъ и куплетовъ вошли въ свѣтскія поговорки, присловья, эпитеты, эпитафы, которые нѣкогда въ общественныхъ разговорахъ приводились въ доказательство ума или чувства, какъ поклонниками Магомета тексты изъ Алкорана. Долгорукой былъ у насъ резервуаромъ этихъ свѣтскихъ текстовъ, подобно Вольтеру и Буало во Франціи. Бывало, вмѣсто того чтобъ описывать чьи-нибудь честолюбивые происки, слѣдовало только сказать текстъ :

Шель пошелъ нашъ воевода
Вдоль по Клязьмѣ погулять —

и всякій понималъ тщетныя покушенія честолюбца.

Спорщику съ прекрасной дамой, всегда напоминали :

Впередъ не спорь, да будь умѣе,
И знай, вустая голова,
Что всякой логики сильѣе
Любезной женщины слова.

Бывало, покушавъ въ сласть, завалившись на софу и погладивъ животъ за его исправность, тучный гастрономъ и эпикуреецъ, проговаривалъ стихъ :

Было бѣ сыто, да тепло,
Дѣло бы на умъ не шло;
А тамъ — любви лабушки,
Становъ дѣлать дрѣмушки —

и — засыпалъ.

4. *Очерки Архангельской губерніи. В. Верещагина. 1849.*
409 стр.

Не смотря на то, что авторъ немножко говорливъ, и сначала, вмѣсто Архангельской губерніи, читаетъ маленькую

лекцію о патриотизмѣ, съ чѣмъ-то новымъ правописаніемъ этого слова, его рассказы, почти безъ отдыха, очень занимательны, и доказываютъ, что онъ углубляется и въ древнюю Исторію, въ сѣверныя сказанія о Біарміи, и говоритъ, что изъ Сагъ мы узнаемъ, что вся страна къ востоку отъ Сѣверной Двины до Уральскихъ горъ называлась Біарміею, а къ западу до нынѣшней Финляндіи—*Кириаландіею*, будто бы отъ слова *Kigeland*, — что по-Норвежски значить «земля раздора, или земля войны.» На это можно ему сказать, что *Кириаландія* была всегда на томъ же мѣстѣ, гдѣ *Курландія*, и значенія ея на Норвежскомъ языкѣ не для чего искать.—*Кални* (женской земли) по западнымъ берегамъ *Благо моря*, къ сѣверу отъ *Кириаландіи*, мы не знаемъ. *Kopaland*, или *Kunaland*, хотя по смыслу слова *kopa* или *kupa* значить земля женъ, но существенно *Kunland* значило скорѣе земля Куновъ или Комановъ. *Югунгеймъ* (а не *Етгунгеймъ*) не то же, что *Рисаландія*. *Югунгеймъ*—*Julia*, *Ютландія*; а *Рисаландіей* или *Ругиландіей* — въ то время называлось при-Балтійское поморье, простиравшееся отъ острова Ругена до Нѣмана. Это при-Балтійскую Русь и покорилъ Датскій Король Рогнеръ Лодброкъ, въ VIII столѣтіи.

Приступая къ описанію Новой земли, авторъ говоритъ: «Бурно катятся волны Ледовитаго океана и плещутъ въ берега трехъ частей свѣта. Вѣчно-движущіяся, вѣчно-тревожныя волны не знаютъ спокойствія, не знаютъ тишины (бѣдныя!), все шумятъ онѣ (экія!), все говорятъ о чемъ-то для насъ непонятномъ. Не любитъ Океанъ людей, не хочетъ носить ихъ на себѣ; подружился лишь съ двумя вриітелями,—первый другъ его—вѣтеръ, а второй—ледъ; нравится Океану ледъ....» и т. д. Эти поэтическія волны составляютъ однакоже только пробу пера, приступъ къ существенному дѣльному разсказу, который нельзя оставить безъ вниманія и благодарности за трудъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

ОБЗОРЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

МОСКОВСКІЯ ИЗДАНІЯ.

1. Памятники Древности въ Владимірѣ Кляземскомъ. Соборы: Каѳедральный Успенскій и бывшій придворнымъ В. К. Всеволода — Дмитріевскій. Сочиненіе В. Доброхотова: 1849 Въ 8-ку с. 174.

Радуемся появленію этой дѣльной любопытной книги. Москвитянинъ давно уже и часто изъявлялъ желаніе, чтобъ всѣ наши историческіе города были описаны. Это необходимо и для Исторіи и для народа. Можно любить только то, что знаемъ. Мы проѣзжаемъ теперь историческія мѣста мимо, холодные и равнодушные, потому что не имѣемъ порядочнаго понятія о томъ, что гдѣ происходило, какіе гдѣ остались слѣды отъ примѣчательныхъ лицъ нашей Исторіи, не знаемъ, что свидѣтельствуетъ краснорѣчивые летописей о временахъ минувшихъ, о событіяхъ, имѣвшихъ вліяніе на судьбу отечества. Скажите, многіе ли изъ проѣзжавшихъ черезъ Владиміръ всходили на полати въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ, во время приступа Татарскаго, приобщившись Святыхъ Таинъ, сгорѣло семейство Великаго Князя Георгія Всеволодовича, вмѣстѣ съ Епископомъ Митро-

фаномъ, благословлявшимъ отшествіе ихъ изъ этого міра въ другой? Кто спрашивалъ, гдѣ погребена благочестивая Княгиня Марія, супруга Всеволода, коей столько преданъ былъ весь народъ? Гдѣ лежалъ Александръ Невскій предъ пренесеніемъ мощей его въ Петербургъ? Есть ли какое-нибудь преданіе о несчастной Ксеніи, прекрасной дочери Бориса Годунова? Кто хотѣлъ приложиться къ иконѣ Знаменія—благословенію матери Александра Невского? Многіе ли прогуливались по берегу Нерли, гдѣ Андрей Боголюбскій основалъ свое мѣстопробываніе, перейдя изъ странъ Днѣпровскихъ? Не многіе, не многіе, потому что не знаютъ ничего почти объ этихъ происшествіяхъ, объ этихъ лицахъ; потому что ничто не напоминаетъ намъ объ этихъ происшествіяхъ. Нѣтъ никакихъ описаній, никакихъ рисунковъ, никакихъ картинъ. А о литературѣ и говорить нечего: ни драма, ни повѣсть, ни изслѣдованіе не касались священныхъ, драгоцѣнныхъ для всякаго Русскаго предметовъ. Еженъ Сю, Александръ Дюма, Фредерикъ Сулье, ничего не писали о Золотыхъ воротахъ, о Рождественскомъ монастырѣ, о селѣ Кидекшѣ. Какой городишко въ Германіи, Франціи, Англіи, не имѣетъ своей Исторіи, своего живописнаго альбома, своего описанія, и *лонбединтера*, который въ минуту вашего проѣзда является къ вашимъ услугамъ, предлагаетъ вамъ нѣсколько книжекъ, и начинаетъ водить по городу, останавливаясь на каждахъ десяти шагахъ: здѣсь родился Лейбницъ, здѣсь жилъ Руссо, здѣсь любилъ отдыхать Гёте, здѣсь прогуливался Шиллеръ, здѣсь останавливался Гердеръ, и проч. А скажите, въ какомъ домѣ родился Суворовъ, Румянцовъ, Карамзинъ, Державинъ, Филаретъ?... Но возвратимся къ Памятникамъ Г. Доброхотова, который пополняетъ отчасти этотъ недостатокъ, т. е. въ отношеніи къ двумъ Владимірскимъ Соборамъ.

Въ Успенскомъ почиваютъ мощи и похоронены тѣла Князей: Андрея Боголюбскаго, Михаила и Всеволода его брата, родоначальника всѣхъ Князей Владимірскихъ и Московскихъ до Грознаго, и его сына, злополучнаго Георгія,

павшаго въ сраженіи при Сити, подъ ударомъ Татаръ, Митрополита Максима, перенесшаго свою кафедру изъ Кіева во Владиміръ, и проч. — Сколько воспоминаній пробуждаютъ эти имена!

Въ первой главѣ авторъ излагаетъ подробно исторію Собора, во второй нынѣшнее его состояніе. Вотъ какъ оно описывается :

«Древняя архитектура Собора обезображена расширеніемъ нѣсколькихъ оконъ и кирпичными накладками вверху стѣвъ, оканчивавшихся полукружіями. На стѣнахъ, съ наружной стороны, украшенныхъ въ срединѣ полуколоннами, а по угламъ колоннами, и донныя сохранилось еще нѣсколько человѣческихъ лицъ, вырѣзанныхъ на камняхъ. Стѣны по всѣмъ четыремъ угламъ поддерживаются контрфорсами, обложенными бѣлымъ камнемъ. Если отнять отъ храма эти контрфорсы и кирпичныя накладки со стѣвъ, и привести всѣ окна въ первобытный видъ, — то Успенскій Соборъ будетъ имѣть совершенное сходство съ Дмитріевскимъ Соборомъ *, который, безъ сомнѣнія, построенъ по образцу Успенскаго. По расположенію стѣвъ Андреевскихъ, оканчивающихся также полукружіями, видно, что стѣны, пристроенныя Всеволодомъ, не измѣнили прежней фисіономіи храма, даже по срединѣ ихъ точно какія же колонки, какъ и на стѣнахъ Андреевскихъ, и самыя окна совершенно одинаковы. Подъ плоскою нынѣ возвышенною кровлею его, около средняго обширнаго lanternы, увѣчаннаго вызолоченною главою, видны слѣды страшныхъ пожаровъ, которые затмили блескъ этой древней, массивной главы. Въ храмѣ не видно и признаковъ древняго пола, равнявшагося конечно великолѣпному убранству стѣвъ, остатки котораго, хотя въ обломкахъ, можетъ быть, и хранятся еще подъ нынѣшнимъ поломъ, составленнымъ изъ квадратныхъ чугуинныхъ плитъ. Такъ при разрытіи разваливъ Десятинной церкви въ Кіевѣ, построенной Владиміромъ Великимъ, найдены обломки мраморныхъ колоннъ ея и части прекраснаго мозаическаго пола, съ гробницами и другими любопытными вещами.»

* Разница будетъ только въ томъ, что на Успенскомъ Соборѣ пять главъ, а на Дмитріевскомъ одна; но четыре главы на томъ Соборѣ придѣланы уже позднѣе.

Рецензентъ самъ былъ недавно въ Владимірѣ, и можетъ засвидѣтельствовать, что описаніе сдѣлано вѣрно. Мьяль — лютейшій врагъ нашей археологіи: такъ густо покрываетъ онъ внѣшность и внутренность нашихъ древнихъ зданій, что дѣлаетъ ихъ совершенно похожими на выстроенные накануне. Я увѣренъ, что стѣны Успенскаго Собора во Владимірѣ скрываютъ на себѣ древнюю иконопись, подъ нѣсколькими слоями известки, точно какъ стѣны Собора Дмитріевскаго и Софійскаго Кіевскаго. * Мы смѣло можемъ надѣяться, что найдемъ много еще памятниковъ древней стѣнописи: въ Суздаль, Ростовъ, Черниговъ, Боголюбовъ, и проч. — Г. Солнцевъ возстановляетъ, говорятъ, успѣшно стѣнопись Кіевскую. Мы слышали отъ путешественниковъ, что превосходные опыты сдѣлалъ еще какой-то Французскій художникъ, при открытіи фресковъ на стѣнахъ Св. Софій въ Константинополѣ. Любопытно было бы познакомиться и съ его процедурою, основанною на химическихъ изслѣдованіяхъ. Много палимпсестовъ пропало, прежде нежели Анжело Майо нашелъ свой секретъ. Стѣны тѣ же палимпсесты, только не бумажные, а каменные.

Надъ всѣми вообще Княжескими и Святительскими могилами, возмѣщавшимися около стѣвъ храма, положены надгробные памятники изъ бѣлыхъ камней, четырехугольныхъ и длинныхъ, которые поставлены внутри дугообразныхъ нишъ, устроенныхъ въ стѣнахъ, безъ сомнѣнія, еще при Всеволодѣ Георгіевичѣ, распространившемъ Успенскій храмъ. Почти всѣ эти надгробные камни покрыты деревянными накладками, имѣющими видъ гробовыхъ крышъ, съ надписями на нихъ почившихъ

* Подъ одной аркой сохранилась еще часть старинной стѣнописи, работы, какъ полагаетъ академикъ Солнцевъ, художниковъ Даниила иконника и Рублева, росписавшихъ стѣны Успенскаго храма въ началѣ XV столѣтія. Фрески изображаютъ Праотцевъ Авраама, Исаака и Іакова, сѣдящихъ въ райскомъ саду; позади Авраама видно еще нѣсколько лицъ. Они писаны, безъ сомнѣнія, по образцу фресковъ Собора Дмитріевскаго, и какъ утверждаетъ г. Солнцевъ, въ XII вѣкѣ. Рассказываютъ, что при отбѣленіи стѣвъ иногда обнаруживается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ древняя живопись. Такъ случайное открытіе части древнихъ фресковъ Кіево-Софійскаго Собора было причиною полнаго открытія и возобновенія ихъ.

лицъ. Надписи прежде изображены были на стѣнахъ противъ каждой могилы; но нынѣ оны, по большей части, заблѣны. Рассказываютъ, что встарину нѣкоторые изъ гробовъ и надгробныхъ камней лежали внутри храма на поверхности пола, какъ и въ Московскомъ Архангельскомъ Соборѣ, но для безпрепятственного хода они опущены въ землю, — а можетъ быть, нѣкоторые употреблены и на разныя поправки, что прежде случалось нерѣдко.

Приведемъ еще одно любопытное мѣсто.

«Въ Успенскомъ Соборѣ хранится любопытная выписка изъ книгъ о поминовеніи лицъ, погребенныхъ какъ въ самомъ Соборѣ, такъ въ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ и въ Георгіевскомъ мужскомъ (нынѣ приходская церковь). Въ этой выпискѣ упоминается и Ильяславъ Глѣбовичъ.

«По Государеву Цареву и Великаго Князя Іоанна Васильевича всея Русіи указу по книгамъ пѣти понахиды Архимандриту и пропомъ и діакономъ и протопопу Пречистенскому * збратѣю и игуменомъ и попомъ и діакономъ соборнымъ и ружнымъ всѣмъ 84 человекомъ, и заупокойные обѣдни служити соборомъ же.

«По Великому Князѣ Ярославѣ Θεодорѣ (по крещеніи) Всеволодичѣ на его память въ годъ Сентября 30 дня одна понахида большая съ ужиною. По Великому Князѣ Дмитріѣ Всеволодѣ Георгіевичѣ (Дмитріѣ по крещеніи) въ годъ пѣтъ 2 понахиды большіе съ ужинами, на представленіе его Апрѣля въ 15 день, а другая на память его Октября 26 дня.

«Понахиды же безъ ужины :

«По Великому Князѣ Андреѣ Боголюбскомъ въ годъ 2 понахиды, одна на убіеніе его Іюня въ 29 день, а другая Ноября 30 дня на память Апостола Андрея Первозваннаго.

«По Великому Князѣ Михаилѣ Георгіевичѣ пѣти въ годъ одна понахида Ноября въ 8 день; по Великому Князѣ Константиѣ Всеволодовичѣ пѣти въ годъ 2 понахиды, одна на преставленіе его Февраля во 2 день, а другая Мая въ 21 день.

«По Максимѣ Митрополитѣ пѣти въ годъ 2 понахиды, одна на преставленіе его Декабря въ 6 день, другая Августа въ 13 день.

* То есть протоіерею Успенскаго Собора, ибо въ нѣкоторыхъ старинныхъ запискахъ этотъ соборъ назывался соборною церковію Успенія Пречистыя Богородицы,

«Великаго Князя Георгія Всеволодича по Великой Княгинѣ Агаѣ и по дѣтахъ его и по свохъхъ пѣти понахидъ одна въ годъ Февраля въ 8 день.

«Великаго Князя Дмитрія Всеволода по Княгинѣ Марѣ во инокиняхъ Марѣ пѣтъ въ годъ одна понахидъ Марта въ 19 день. По другой Княгинѣ Аннѣ пѣти въ годъ одна понахидъ Февраля въ 3 день.

«Великаго Князя Александра Ярославича по Княгинѣ Вассѣ пѣти въ годъ одна понахидъ Августа въ 21 день.

«По Великой Княжинѣ Евдокеѣ пѣти въ годъ одна понахидъ Марта въ 1 день.*

«Великаго Князя Ярослава Всеволодича отца Великаго Князя Александра Невскаго по Княгинѣ Феодосіѣ во инокиняхъ Евросинѣ, по матери Великаго Князя Александра, пѣти въ годъ одна понахидъ Сентября въ 23 день, а лежитъ она въ Георгіевскомъ монастырѣ.

«И всего Архимандриту и протопопу збратію и протодьякому и игумену и попомъ и діакону всѣмъ 84 человекомъ больникъ и средникъ служить понахиды всѣмъ соборомъ, туто, гдѣ кто лежитъ.

«А по сѣхъ Архимандритъ не служить:

«По Владимірскихъ же Князѣхъ и Владыкахъ правити по Государеву указу средніе понахиды противъ того, какъ на Москѣ во Удѣльныхъ Князехъ по одной понахидѣ въ годъ по ихъ памяти безъ ужиць. По Великому Князѣ Ярославлѣ Георгіевичѣ Боголюбскаго Андрея по братѣ одна понахидъ Октября въ 9 день. Великаго Князя Андрея Боголюбскаго по дѣтехъ по одной въ годъ.

«По Князѣ Изяславлѣ Сентября 28 дня.

«По Князѣ Мстиславлѣ Марта въ 28 день.

«По Князѣ Глѣбѣ Іюля въ 24 день.

«По Князѣ Борисѣ Даниловичѣ по внуку Великаго Князя Александра Невскаго одна понахидъ Октября въ 15 день.

«По Князѣ Владимірѣ Всеволодовичѣ одна понахидъ Генваря въ 6 день на его память. По Князѣ Изяславлѣ Глѣбовичѣ Всеволоже внуку одна понахидъ Сентября въ 8 день.

* Супруга Всеволода Георгіевича — первая Марія, а вторая Анна, вторая супруга Александра Невскаго Васса и дочь ихъ княжна Евдокія, погребены во Владимірскомъ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, основанномъ супругою Всеволода—Марією.

«По Князѣ Михаилѣ Ярославичѣ по внуку Всеволоже одна понахида въ годъ Генваря въ 13 день.

«По Великомъ Князѣ Константиѣ Ярославичѣ одна понахида въ годъ Августа въ 8 день. Великаго Князя Георгія Всеволодича по дѣтяхъ по Владимірѣ, по Всеволодѣ, по Мстиславѣ въ годъ по всѣхъ одна понахида на ихъ память Февраля въ 7 день.

«По Государеву же указу велѣно по Князѣ Борисѣ Михайловичѣ да Великаго Князя Дмитрія * по дѣтяхъ: по Святославѣ да по Иванѣ на ихъ память пѣти въ годъ три понахиды, а прежь сего поминали ихъ въ рядовыхъ понахидахъ, а на памяти ихъ понахидъ по нихъ не пѣли.

«По Владимірскихъ по пяти Владыкахъ пѣти въ годъ по одной понахидѣ на ихъ памяти.

«По Лукѣ Епископѣ Октября въ 8 день.

«По Симонѣ Епископѣ Мая въ 28 день.

«По Митрофанѣ Епископѣ Іюня въ 4 день.

«По Серапіонѣ Епископѣ Іюня въ 12 день.

«По Θεодорѣ Епископѣ Ноября въ 26 день.

«И всего по Владимірскихъ Князѣхъ и Владыкахъ въ годъ правити на ихъ памяти 19 понахидъ среднихъ и тѣ 19 понахидъ по Князѣхъ и Владыкахъ правити въ соборной церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, а пѣти на ихъ памяти понахиды и обѣдни служити за упокой Пречистенскому Протопопу со всѣмъ соборомъ да Боголюбвскому соборному попу да дьякону перемежняясь, да Царевыхъ и Великаго Князя ружныхъ церквей 15 поповъ Воздвиженскому, Троицкому, Рождественскому и инымъ, а всего служити 33 человекомъ.

«А по Великомъ Князѣ Θεодорѣ Ярославичѣ по братѣ Великаго Князя Александра Невскаго пѣти понахида въ Георгіевскомъ монастырѣ, ** литургія служити протопопу да протодіакону да дьякону да Боголюбвскому попу съ дьякономъ да Митрополичьихъ церквей 15 попомъ да двумъ дьякономъ, а всего двадцати шести человекомъ Апрелья въ 8 день.»

Въ третьей главѣ описаны достопримѣчательности Собора: иконы, сосуды кресты, Евангелія и другія драгоценности.

* Всеволодъ Георгіевичъ, по крещеніи — Дмитрій.

** Въ немъ погребено тѣло Кн. Θεодора Ярославича.

При описаніи Евангелія , при Мазепѣ въ 1707 г. напечатаннаго , надобно бы замѣтить, что оно есть апракосъ , то есть заключаетъ чтенія по порядку дней отъ Свѣтлыи Пасхи, а не по Евангеліямъ. Въ этомъ отношеніи оно есть библиографическая рѣдкость, коей нѣтъ ни въ одной библіотекѣ.

Въ 4 главѣ описана соборная ограда и колоколыня.

Къ описанію приложено извѣстіе о Владимірской Іерархіи и потомъ описаніе Дмитріевскаго Собора, который нынѣ, возстановленный въ древнемъ видѣ, составляетъ важнѣйшую достопримѣчательность города Владиміра. Жаль , что росписанъ онъ внутри очень дурно.

Мы не станемъ дѣлать выписокъ, советуя нашимъ читателямъ записаться самою книгою.

Замѣтимъ нѣкоторыя неточности.

Андрей Боголюбскій никогда не думалъ (с. 2) переносить столицы изъ Кіева во Владиміръ, а онъ остался жить въ Владимірѣ, который при немъ сталъ сильнѣе Кіева.

Несмѣтныхъ сокровищъ нельзя приписывать ни Всеволоду, ни Андрею, хотя они и были богаты.

Какіе писатели (с. 3) говорятъ о Нѣмецкихъ мастерахъ отъ Императора Фридриха для построения Андрея Собора ?

Рѣка Сить не близъ города Ростова (с. 11), а очень далеко.

Ипатьевскій есть списокъ, а лѣтопись Кіевская, которую неправильно называютъ Ипатьевской, и слѣдовать такому примѣру никто, понимающій дѣло, не долженъ (с. 3).

Не надо бы ссылаться на Никоновъ Сборникъ и Степенную книгу, а только на первые источники, откуда извѣстія попали во все сборники. Вообще, въ цитатахъ авторъ не наблюдаетъ строгаго выбора : на Эмина (с. 3 и проч.), точно какъ и на Полеваго, въ какой же ученой книгѣ ссылаться можно ?

Изъ этого описанія, часто слишкомъ подробнаго, надо бы сдѣлать сокращеніе для простаго народа, чтобъ можно было его имѣть всякому по самой дешевой цѣнѣ.

Мы надѣмся, что Г. Доброхотовъ приступитъ къ описанію и прочихъ достопамятностей Владиміра, столько богатаго ими, и подаритъ насъ скоро продолженіями своего прекраснаго труда. Пожелаемъ, чтобъ онъ получилъ ободреніе во вниманіи публики къ его общеплезнымъ занятіямъ. Пожелаемъ, чтобъ къ описанію прикладывались рисунки, какіе далъ намъ Г. Кіевскій Гражданскій Губернаторъ И. М. Фундуклей для города Кіева. Владиміръ счастливъ, имѣя очень много дѣльныхъ людей и охотниковъ до древностей: мы съ особеннымъ удовольствіемъ читали всегда въ тамошнихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ статьи Гг. Протопопова, Тихонравова и Добронравова. Имѣя эти труженники средства, и Исторія Владимірскаго Княжества получила бы такое обогащеніе, что немногаго бы желать историкамъ осталось.

М. Погодинъ.

2. Историческое свѣдѣніе о Городецкомъ монастырѣ Пресв. Богородицы Феодоровскія. 1849. Въ 18 д. л. 31 стр.

Монастырь этотъ находится Нижегородской губерніи, Балахнинскаго уѣзда, въ 50 верстахъ отъ Нижняго, и есть одинъ изъ древнѣйшихъ въ Россіи. Основателемъ его былъ Великій Князь Георгій Псковскій, въ 1164 году. Чудотворная икона Феодоровскія Божія Матери, находящаяся нынѣ въ Костромѣ, была прежде здѣсь, до нашествія Батыева, во время котораго вся обитель сгорѣла. По возобновленіи ея, въ 1263 году, она видѣла въ стѣнахъ своихъ Св. Князя Александра Невскаго, который на пути изъ Орды заболѣлъ, остановился въ Городецкомъ монастырѣ, принялъ здѣсь иноческій чинъ и преставился. Въ послѣдствіи времени обитель съ каждымъ годомъ приходила въ запустѣніе, наконецъ была обращена въ приходскую церковь, и только въ началѣ XVIII столѣтія, по просьбѣ мѣстныхъ жителей, снова сдѣлана монастыремъ. Пожаръ опять обратилъ въ пепелъ все строеніе обители, и скудость средствъ ея сдѣлалась такова, что большія свѣчи передъ иконами были деревянныя,

окрашенные подъ цвѣтъ воска, а облаченіе церковное было изъ простой бумажной матеріи. Въ 1767 году, шествуя Волгою въ Казань, Императрица Екатерина II посетила за-пустыльнй монастырь, и съ этого времени положеніе его улучшилось.

Благодарность неизвѣстному издателю за сообщеніе этихъ краткихъ свѣдѣній, заимствованныхъ нами изъ его описанія Городецкаго монастыря.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ИЗДАНІЯ.

1. *Учебныя руководства для военно-учебныхъ заведеній. Естественная Исторія. Ботаника В. Далл. 1849 г.*

«Военно-учебныя заведенія» — говоритъ Авторъ въ предисловіи, «не образуютъ ботаниковъ, и преподаваніе этой науки поставлено не цѣлю, а только средствомъ, для болѣе общаго умственнаго и нравственнаго развитія. Основываясь на этомъ, предлагаемая книга не составляетъ *ботанику* въ ученомъ смыслѣ этого слова, но книгу условнаго объема, которая могла бы дать понятіе о строеніи и жизни растений; о необходимости ихъ распредѣленія и средствахъ къ тому; о единствѣ, которое природа сохранила по всему растительному царству; о подчиненіи этого разнообразія еще другимъ частнымъ законамъ, по коимъ вся растительность можетъ быть собрана въ родственныя кружки, называемыя семействами; и наконецъ, ознакомитъ съ нѣсколькими болѣе важными для человека растеніями.»

Описавъ законы, условія и подраздѣленія растительности природы, авторъ приступаетъ къ описанію видовъ, къ семействамъ, и это не одни очертанія наружности и свойствъ растительныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и изложеніе свойствъ и качествъ растений, служащихъ на пользу человеку.

Ясность, простота, сжатость изложенія, дельныя и необходимые замѣтки, истекающія изъ опытности и объемлен

ности созданий не одной науки, но и примененія ея къ жизни, — вотъ задача для всѣхъ учебныхъ книгъ.

Авторъ предлагаемой ботаники, для военно-учебныхъ заведеній, исполняетъ какъ нельзя болѣе эти условія.

2. Русская Фауна, или описаніе и изображеніе животныхъ, водящихся въ Имперіи Россійской. Тетради 1—8. Юліана Симашко.

Издатель Русской Фауны имѣетъ въ виду не одну только ученую цѣль, но желаетъ сдѣлать изданіе свое «по возможности удобопонятнымъ и завлекательнымъ для каждаго читателя.»

Въ это изданіе входитъ :

1-е Естественная исторія челоѵка, раздѣленіе людей на племена и описаніе племенъ, населяющихъ Россію, съ присовокупленіемъ необходимыхъ рисунковъ и портретовъ.

2-е Описаніе всѣхъ животныхъ, водящихся внутри Россіи и въ моряхъ, ея окружающихъ.

Все изданіе будетъ состоять изъ 12 томовъ.

Желая полного успѣха издателю, а главное, окончанія труда, мы, признаемся, теряемся въ смутномъ порядкѣ выхода тетрадей и заключающихся въ нихъ листикахъ текста на выдержку изъ различныхъ предметовъ описанія. Это составляетъ причину, что, при всей завлекательности изданія, его невозможно еще читать и обсудить до окончанія труда.

Довольствуемся до тѣхъ поръ отзывомъ Г. Академика Бера. Но во всякомъ случаѣ полагаемъ, что заглавіе ни сколько неприлично изданію: исчислять и описывать племена, населяющія Россію, подъ фирмой животныхъ, водящихся въ Имперіи Россійской, — что-то, кажется, какъ будто не ловко.

3. *Природа съ ея тайнствами и богатствами. Астрономія, для всѣхъ образованныхъ читателей. Изложенная М. Хотинскимъ. Томъ 1.*

10-мъ выпускомъ заключился 1-й томъ Астрономіи, изложенной Г. Хотинскимъ не въ видѣ учебной книги, но для чтенія каждому желающему имѣть понятіе объ Астрономіи. Авторъ въ предисловіи, написанномъ *вмѣсто предисловія*, говоритъ, что его Астрономія не содержитъ въ себѣ полного, систематическаго руководства къ изученію этой науки. Онъ не беретъ сдѣлать своихъ читателей астрономами, но постарается, чтобъ они безъ труда усвоили себѣ важнѣйшіе результаты науки о небесныхъ тѣлахъ, въ томъ развитіи, до котораго она достигла въ наше время.

Нельзя не благодарить его за это доставленіе полезнаго чтенія не только для ума, но и для сердца. Исконно ведется повѣрье, что Астрономія возвышаетъ душу; но мы скажемъ, кажется, вѣрнѣе: смиряетъ душу. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ лучше заставить челоуѣка сознать себя, какъ не созерцаніе природы? Безпредѣльность премудраго созданія вселенной, бытіе всего, движеніе и жизнь, проникнутыя непреложными законами Промысла, чудное народженіе опредѣленнаго времени изъ безпредѣльной вѣчности, всего видимаго изъ незримаго, дивный, плавный, спокойный потокъ бытія, съ измѣнчивой, шумной поверхностью клубящихся волнъ, кипящихъ жизни, переливающихся изъ вида въ видъ, изъ цвѣта въ цвѣтъ, то быстро напорающихся впередъ, то откатывающихся назадъ, то воздымающихся горой, то образующихъ бездну — и въ этомъ-то потокѣ всемірнаго бытія челоуѣкъ, и его, дѣла и его силы, и его надежды... Не заставитъ ли сознаніе всего этого смириться духомъ, поникнуть головой предъ Святымъ Промысломъ и данными Имъ всему законами — ихъ же никто не преидеть?

ПИСЬМА ПО ПОВОДУ РЕЦЕНЗИИ НА ИСТОРИЮ РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

II.*

Изъ всего, что доселѣ намъ извѣстно о религіи Славянъ-язычниковъ, мы не можемъ вывести опредѣленныхъ и точныхъ заключеній о томъ, что въ ней способствовало къ скорому принятію христіанства. Опытъ показываетъ, что деизмъ, даже въ самомъ строгомъ представленіи, какъ онъ является у магометанъ, не дѣлаетъ еще душу способною къ принятію христіанства. Главное чувство, первое убѣжденіе, которое скорѣе всего приводитъ къ христіанству,— это чувство нашего поврежденія, нашей виновности предъ Богомъ, убѣжденіе въ необходимости искупленія, примиренія съ Богомъ. Было ли что въ религіи Славянъ предласпагающее, приготовляющее къ этому, опредѣленно нельзя указать. Конечно, всѣ жертвы, закалаемые въ честь языческихъ боговъ, всѣ молитвы, обряды, приношенія, идутъ изъ этого чувства нужды примиренія съ Богомъ. Оно никогда не можетъ быть забыто; оно прирождено душѣ челоука, такъ что нѣкоторые Отцы Церкви называютъ душу по природѣ христіанкою. Но въ обращеніи Славянъ Русскихъ въ христіанство мы видимъ явленіе особое. Оно принято не путемъ убѣжденія (мы разумемъ цѣлую массу народа), а вдругъ, по волю Князя. Это явленіе сходно съ тѣмъ, что представляетъ исторія обращенія къ христіанству поклонниковъ Одина. У этихъ послѣднихъ частныя обращенія были рѣдки; но если высшій классъ народа, который былъ вмѣстѣ и классъ жреческій, принималъ христіанство,

* Первое письмо было напечатано въ 11 N.

то оно вдругъ становилось народной религіей. Такъ, по сказанію нашей лѣтописи, Князь и бояре разсуждаютъ о религіи, избираютъ ее по убѣжденію, послѣ разсмотрѣнія; но народъ не думаетъ, не судитъ самъ: онъ указываетъ только на примѣръ Князей и бояръ: «аще бы се не добро было, не бы сего Князь и бояре пріяли;» а своего убѣжденія нѣтъ и не могло быть; ибо они не знали еще, что это за религія. Поплакали по Перунъ, а съ радостью пошли креститься по приказу Князя. Происходила ли такая готовность къ повиновенію воли Князя отъ малой привязанности къ прежней религіи, отъ того, что она не глубоко проникала въ жизнь нашихъ предковъ, не была религіей ихъ сердца, не сопровождалась живымъ убѣжденіемъ, — или отъ того, что новал религія, казалось, еще не исключала прежней — этого нельзя положительно рѣшить. Но то несомнѣнно, что многіе, и очень многіе, таинствомъ крещенія вступая въ число членовъ Церкви Христовой, подобно младенцамъ, не понимали еще своего новаго обязательства, и вѣра другихъ служила порукою ихъ вѣрности святой религіи, и будущему времени предоставлялось утверждать ихъ въ истинахъ вѣры.

Сожалѣть ли о томъ, что Церковь постоянно изглаждала слѣды язычества? Съ какимъ-то упрекомъ и сожалѣніемъ нѣкоторые говорятъ, что вмѣстѣ съ слѣдами язычества Церковь стерла слѣды древней нашей національности. Но эта жалоба напоминаетъ намъ стихотвореніе Шиллера: «Боги Греціи», гдѣ Шиллеръ, въ поэтическомъ увлеченіи, сожалѣетъ о временахъ языческой Греціи. Пѣвецъ утонченной чувственности не понималъ всей высоты и изящества духовной поэзіи христіанства, и недостатокъ въ своей душѣ расположенія къ принятію впечатлѣній изящнаго въ христіанствѣ, ставилъ въ упрекъ самой религіи. Дурныя стороны народнаго характера, несогласныя съ истинною вѣрою, противныя закону нравственному, обычаи и празднества, не составляютъ еще національности народной. Это не болѣе, какъ вредный наростъ, который нужно отдѣлать отъ здороваго тѣла. Вывранія язычества, обычаи и празднества на-

номинали прежнюю жизнь язычества, нечистую и развратную, совершенно несогласную съ духомъ святой, христіанской религіи; и потому, Церковь почла своимъ священнымъ долгомъ истреблять эти памятники язычества. Не силою, не принужденіемъ она изглаживала эти вредныя съмена, но живымъ словомъ убяжденія, замѣною языческихъ празднествъ христіанскими, давая другой духъ и смыслъ тому, что осталось отъ временъ язычества. Такъ дѣйствовали и великіе Отцы Греческой Церкви: Григорій, Ефремъ и другіе. Давно ли силою своею краснорѣчія гремѣлъ противъ безстуднаго Ярила святитель Тиконъ Воронежскій? Такъ продолжительна эта борьба остатковъ язычества съ христіанствомъ! Между тѣмъ Церковь наша всегда была вѣрною хранительницею истинной народности. И во времена Монгольскаго ига, и въ смутныя времена междуцарствія, и послѣ, она охраняла Русскую народность отъ поглощенія ея вліаніемъ иноземнымъ. Тогда какъ Западная Церковь обыкновенно олатинивала народы, принадлежащіе къ ней, вводя свой языкъ, свои формы, отдѣляя интересы свои отъ интересовъ государства, Русская Церковь сохранила языкъ народный, пробуждала образованіе, всюю оцкою своего вліанія поддерживала коренныя основы Русскаго общества, страдала и благоденствовала вмѣстѣ съ государствомъ, всегда заботясь единственно о томъ, чтобы существенныя стѣхія, изъ коихъ слагается благоденствіе Руси, остались неприкосновенными. — Такъ смотрю я на отношеніе нашей Церкви къ народности нашей — не знаю, будете ли или нѣтъ вы на это согласны. Скажу болѣе: Церковь такъ тѣсно соединилась съ народностию, что Русскій перестанетъ быть Русскимъ, если не будетъ православнымъ. Разумется, наше замѣчаніе не простирается на другія національности, составляющія Русскую Имперію, но не принадлежащія къ коренному племени Славянокому, которыя религіей и языкомъ отличаются отъ главнаго племени. Хорошо выражаетъ эту связь народности съ православіемъ голосъ народа. О чловѣкѣ, который зналъ въ вольнодумство, обыкновенно говорить: онъ онемчился, или офранцузился и т. под.; его не

хотять уже считать Русскимъ. А въ какой-нибудь Германіи — тамъ и католикъ и лютеранинъ и реформатъ и деистъ и атеистъ — всѣ равны въ дѣлѣ народности. — Но извините! Съ такими уклоненіями, вамъ, пожалуй, не дожидаться конца письму. Обратимся къ самой Исторіи.

Во второмъ отдѣленіи: «Ученіе» авторъ говоритъ о состояніи духовной образованности въ Россіи. Вполнѣ представляется намъ справедливою мысль о значительномъ развитіи духовнаго образованія въ Россіи. Авторъ даже не полно, на стр. 53-й и 54-й, исчисляетъ извѣстные въ до-Монгольскія времена переводы. Одно разсмотрѣніе Патерика Печерскаго можетъ указать еще на нѣкоторыя писанія отеческія, бывшія въ переводѣ. Вчитываясь въ памятники литературы, дошедшіе до насъ отъ того времени, невольно убеждаешься въ мысли, что это время было однимъ изъ лучшихъ духовной образованности. И это явленіе ни сколько не удивительно. Свѣтъ Христова ученія, озарившій Русскую землю, долженъ былъ воззвать къ новой жизни дремлющія силы народа свѣжаго, не испорченнаго, и подѣ благотворнымъ вліяніемъ христіанства, онѣ должны были принести богатые плоды просвѣщенія.... Житіе Бориса и Глѣба, житіе Преп. Θεодосія, летопись, Патерикъ Печерскій, слова Иларіона и Кирилла — это такія высокія произведенія, которымъ подобныхъ долго, долго послѣ того не видала Земля Русская. — Замѣтимъ здѣсь, что въ сужденіи о Патерикѣ Печерскомъ напрасно авторъ слѣдуетъ Г. Кубареву. Имѣя въ рукахъ только три списка Патерика Печерскаго полнаго, а другія зная по одному описанію, мы и то почитаемъ себя въ правѣ сказать, что оцѣнка списковъ сдѣлана Г. Кубаревымъ не вѣрно, и дѣленіе ихъ на рецензіи не оправдывается самыми списками. До сихъ поръ не удалось намъ ни видѣть, ни слышать о посланіи Симона и Поликарпа въ томъ видѣ, въ какомъ они, по нашему предположенію, вышли изъ ихъ рукъ. Обвинять печатавшихъ Патерикъ въ 1861 г. мы тѣмъ болѣе не имѣемъ права, что они, какъ доказываютъ настоящіе свиски, сами не дѣлали почти никакихъ измѣненій; и если бы кто вздумалъ и въ настоящее

время напечатать посланія Симона и Поликарпа, то вѣрно призадумался бы, съ какого списка печатать, и послѣ долгой думы пришло бы самому составлять текстъ изъ разныхъ списковъ. Патерикъ Печерскій имѣетъ еще нужду въ основательномъ историко-критическомъ изслѣдованіи.

Третье отдѣленіе: «Богослуженіе» въ Исторіи Русской Церкви, по своей полнотѣ и основательности, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Исторія вѣшняго богослуженія нашей Церкви, по причинѣ расколовъ, получила особую важность. Начавъ отъ буквы, невѣжественные защитники старины отдѣлились отъ духа Церкви, отъ общенія съ нею, и по сему духомъ гордости и самомнѣнія губятъ то, что есть въ нихъ добраго. Не буква спасаетъ, не вѣшніе обряды, но духъ смиренія, духъ покорности законамъ церковнымъ, живое общеніе съ нею въ святыхъ таинствахъ, въ молитвахъ.

Въ изслѣдованіи «О правленіи церковномъ», особенное вниманіе обращаютъ на себя вопросы объ отношеніи Русскаго Митрополита къ Константинопольскому Патріарху, и объ отношеніи власти гражданской къ церковной. Рѣшеніе этихъ вопросовъ казалось рецензентамъ Исторіи Русской Церкви недостаточнымъ. Что касается до послѣдняго вопроса, то надобно замѣтить, что у насъ никогда не было спора о предѣлахъ взаимныхъ той или другой власти. Постановленія Вселенскихъ Соборовъ, принятія вмѣстѣ съ христіанствомъ въ Россію, остаются во всей силѣ и досель. Какіе-либо частныя факты не имѣютъ тутъ большой важности. Поэтому несправедливъ, даже болѣе чѣмъ несправедливъ, упрекъ Г. Аванасьева автору Исторіи Русской Церкви, что онъ излагаетъ исторію отношенія Епископовъ не потому, чтобы дѣло было такъ, а потому, что авторъ того хочетъ. Не произволь авторъ, но соборныя постановленія утвердили права пастырей. Не видно также, почему бы непременно нужно было допустить, что избраніе Митрополита Русскаго въ самой Россіи было слѣдствіемъ стремленія Князей утвердить свою самостоятельность въ дѣлахъ церковныхъ. Изби-

рался ли Митрополитъ въ Россіи или въ Константинополѣ, отношеніе Князей къ Церкви всегда оставалось одинаково. Такъ какъ мы видимъ только два опыта избранія Митрополита въ Россіи, безъ отношенія къ Патріарху, между тѣмъ, какъ Князья Русскіе могли бы всегда это дѣлать, то и должны заключать, что единственно по случайнымъ причинамъ произошло такое нарушеніе общаго правила. Эти-то частныя причины и раскрываетъ авторъ Исторіи Русской Церкви. Если бы скрывались тутъ политическіе расчеты нашихъ Князей, если бы это было слѣдствіемъ какой-либо одной идеи, то должно бы обнаружиться рядомъ нѣсколькихъ попытокъ. Да и что могло бы препятствовать Князьямъ нашимъ достигнуть этого? Патріархъ Константинопольскій и не могъ и не захотѣлъ бы противиться имъ. Въ Персіи, въ Кипрѣ, въ Охридѣ, въ Грузіи, и нѣсколько позднѣе въ Сербіи, Архіепископы были независимы отъ Патріарховъ. Авторъ не входитъ въ подробное разсмотрѣніе законовъ церковнаго управленія; потому что они готовы уже заимствованы были изъ Греціи. А то, что составляло особенность Русскаго церковнаго управленія, новыя постановленія, сдѣланныя въ Россіи, это полно, сколько позволяли дошодшія до насъ свѣдѣнія, представлено въ Исторіи Русской Церкви. Упрекъ въ неполнотѣ можетъ дѣлать только тотъ, кто не знаетъ, какія дошли до насъ свѣдѣнія объ этомъ предметѣ.

Скучны также доселѣ обнаруженные извѣстія о жизни частной, о нравственномъ характерѣ нашихъ предковъ. Одни изъ лучшихъ источниковъ должны служить житія святыхъ не только потому, что въ нихъ изображается жизнь святыхъ подвижниковъ, но и потому, что при разсказѣ о жизни, при повѣствованіи о чудесахъ ихъ, описатель житія обыкновенно разсказываетъ много частныхъ событій, которыя часто лучше и вѣрнѣе, чѣмъ наши летописи знакомятъ съ духомъ, характеромъ вѣка, съ его добрыми и дурными сторонами. Изданія житій Русскихъ святыхъ съ древнихъ записей требуетъ не одна нужда въ новыхъ памятникахъ Исторіи, которые бы болѣе знакомили съ внутреннимъ бытомъ Руси, но болѣе всего честь самой Церкви нашей.

Мы должны передъ всѣмъ христіанствомъ показать, что наша Церковь всегда имѣла великихъ подвижниковъ, на которыхъ ясно почивала благодать Божественная, обнаруживающаяся въ знаменіяхъ и чудесахъ. Сей рядъ угодниковъ Божіихъ и чудотворцевъ былъ бы живымъ свидѣтелемъ и православія нашей Церкви. Житія святыхъ Русскихъ и какъ памятникъ литературы Русской достойны обнародованія. Это главный и почти единственный родъ литературы, оставленный намъ предками. Лѣтописи наши — это короткія только записи. Но при составленіи житій святыхъ всегда прилагаема была забота объ изложеніи, объ языкѣ. — Эти замѣчанія наши клонятся къ тому, что нельзя строго судить автора Исторіи Русской Церкви за неполноту изображенія жизни христіанской. Онъ собралъ много фактовъ, указывающихъ ту или другую черту народнаго характера. Какъ въ настоящее время, такъ и въ прежнее, жизнь была различна. Нынѣ уже менѣе мы можемъ найти еще рѣдкаго различія; потому что образованность подводитъ всѣхъ, болѣе или менѣе, подъ одинъ общій уровень, и высшняя жизнь людей, именно то, что подлежитъ всеобщему наблюденію, дѣлается единообразнѣе. Но и теперь сколько мы встрѣтимъ различія въ понятіяхъ о жизни, въ правилахъ, которыми руководствуются? Тѣмъ болѣе существовало такое различіе въ древнія времена. Поэтому нечего дивиться противоположности тѣхъ чертъ, подъ какими являются намъ люди прежняго времени.

Въ изслѣдованіи объ иноческой жизни въ первомъ періодѣ своей Исторіи, ограничивая уставъ Студійскій, принятый Θεодосіемъ, однимъ порядкомъ церковной службы; авторъ, по нашему мнѣнію, указываетъ на уставъ Студійскій, хранящійся въ Синодальной Библиотекѣ, думая, что онъ переведенъ на Славянскій для Новгородскаго Богородичнаго монастыря. Но этого ни откуда не видно; и такъ, почему же не думать намъ, что именно этотъ уставъ, списанный Патріархомъ Алексіемъ, и былъ списанъ для Θεодосія. Кромѣ сего устава, другаго письменнаго устава Студійскаго монастыря намъ неизвѣстно. Слова лѣтописи показываютъ об-

ширность устава. Изъ житія самого Феодосія видно, что онъ именно руководствовался въ своемъ управленіи монастыремъ уставомъ Студійскимъ.

Съ особеннымъ усиленіемъ старается авторъ доказать, что Антоній и Феодосій поселились въ пещерахъ ранѣе 1081 года. Доказательства его основываются на исторіи Моисея Утрина. Но въ этой исторіи есть хронологическія несообразности очень сильныя; нужно только обратиться къ Польской Исторіи, и тогда мы увидимъ неточность сказанія Поликарпа. Потомъ авторъ ссылается на Феодосіево житіе. 14 лѣтъ началъ Феодосій печь просфоры у священника. Пергаминный XII в. списокъ житія Феодосія, находящійся въ Москов. Успен. Соборѣ, свидѣтельствуетъ, что Феодосій 12 лѣтъ пекъ просфоры, и это число написано буквами. И въ позднѣйшихъ спискахъ, не знаю, вездѣ ли, но въ нѣкоторыхъ есть вмѣсто двухъ число 12, которое ставится иногда въ скобахъ.

Мы кончимъ этими замѣчаніями свое письмо о первомъ томѣ Исторіи Русской Церкви — сочиненія превосходнаго.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

ОБЗОРЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

МОСКОВСКІЯ ИЗДАНІЯ.

1. *Доказательства непоколебимости и важности Святой Соборной и Апостольской Каѳолической Церкви Восточной, собранныя Иеросхимонахомъ Іоанномъ. 1849. 214 стр.*

Книга весьма замѣчательная какъ по цѣли, такъ и по составу своему. О той и другомъ авторъ самъ такъ пишетъ въ предисловіи: «Я, многогрѣшный, живши между раскольниками не малое время, испыталъ вздоры ихъ, о каковыхъ прилично сказать словами царственнаго Пророка: *Видѣхъ неразумѣвающія и истаяхъ. Пс. 118. 158.* Посему, побуждаясь сердечнымъ сокрушеніемъ о душевной гибели сихъ бѣдныхъ, я разсудилъ, по обязанности Христіанской любви, сочинить сію книгу, подъ названіемъ: *Доказательства непоколебимости и важности Святой Соборной и Апостольской Каѳолической Церкви Восточной*, въ пользу тѣхъ людей, которые отлучились отъ Святыя Церкви, желая имъ возвращенія къ оной. Въ книгу сей я стараюсь показать, что есть Церковь и въ чемъ состоитъ существо ея, по 9-му члену Символа Вѣры, читаемому во вся дни: *Вѣрую во единую Святую Соборную и Апостольскую Церковь*, въ составъ ко-

торыя содержится и наша Православная Великороссійская Церковь. По сему предмету я собралъ достовѣрныя доказательства изъ уважаемыхъ старообрядцами старопечатныхъ книгъ, какъ-то: отъ Священнаго Писанія: Евангелія, Апостола, Апокалипсиса; отъ Великаго Катихизиса; отъ книги именуемой: Кириллова, отъ Маргарита Св. Иоанна Златоустаго, отъ Священномученика Игнатія Богоносца и отъ другихъ православныхъ церковныхъ писателей, увѣряющихъ о святости и важности Церкви Исусъ Христовой и о важности епископскаго сана и власти Епископовъ, поелику безъ Епископа Церковь и Христіанство быть не можетъ, равно какъ и о душепагубномъ состояніи находящихся внѣ сего священнаго ковчега.»

Сообразно съ этою цѣлю, доказать раскольникамъ святость Православной Церкви, равно какъ древность и непоколебимость всѣхъ ея установленій, книга и состоитъ преимущественно изъ выписокъ изъ старинныхъ, уважаемыхъ самими раскольниками книгъ. Такія доказательства должны имѣть для нихъ полную силу. Кроме того, книга эта замѣчательна и тѣмъ, что сообщаетъ много свѣдѣній о различныхъ невѣжественныхъ мнѣніяхъ и суевѣрныхъ обрадахъ различныхъ раскольническихъ сектъ.

2. *Flora Mosquensis exsiccata, curante N. Annenow. Centuria I et II. Mosqua. 1848 et 1849.*

Подъ этимъ именемъ Г. Анненковъ издаетъ отдельными выпусками всѣ растенія дико-прозябающія въ окрестностяхъ Москвы и въ Московской губерніи. Каждый выпускъ содержитъ въ себѣ 100 видовъ (species) засушенныхъ растеній, и каждое растеніе высушено съ особенною тщательностію; это доказывается тѣмъ, что многія растенія въ засушенномъ видѣ удержали свою естественную зелень, а нѣкоторыя сохранили даже естественный колеръ своихъ цвѣтовъ. Листы разложены и расправлены такъ, какъ они представляются въ натурѣ. Кто занимался собираніемъ и сушеніемъ растеній, тотъ пойметъ, какаго труда стоила

Г-ну Анненкову эта многотрудная работа; каждое растение уложено на поллисть белой бумаги большого формата, и снабжено печатною сигнатуркою, на которой означено Латинское название растенія; а при нѣкоторыхъ, рѣдко встрѣчающихся въ Московской губ., растеніяхъ обозначено также и мѣсто ихъ нахожденія. Не малое достоинство этого гербаріума составляетъ и то, что въ каждую центурию издатель вкладываетъ около одной трети растений тайнобрачныхъ, которыя очень хорошо опредѣлены и собраны были Г-мъ Чермакомъ, бывшимъ Инспекторомъ 3-й Московской Гимназіи. И такъ гербаріумъ Г. Анненкова по наружности своей имѣетъ всѣ необходимыя достоинства. Развѣ можно бы было упрекнуть его только въ томъ, зачѣмъ онъ раскладываетъ засушенныя растенія безъ всякаго порядка, т. е. не по системѣ Линнея, Жюсье или Декандоля. Но этого нельзя и требовать при такомъ общіиномъ, если не колоссальномъ трудѣ. Вообразите себѣ, что число видовъ растеній, дико-прозябающихъ въ Московской губерніи будетъ = 4000; представьте потомъ, что число экземпляровъ гербаріума будетъ = 50; то и тогда, не смотря на эти ограниченныя числа, Г. Анненкову должно будетъ цайдти, выкопать, высушить и разложить 50,000 растеній. А сколько растеній дурно высохнутъ, дурно сохранятся и испортятся во время укладки! Кромѣ того, Г. Анненковъ нѣкоторыя очень мелкія растенія кладетъ по два и по три экземпляра, особенно, если нужно бываетъ показать различное состояніе ихъ цвѣтка. Все это издателю гербаріума даетъ полное право раскладывать растенія и издавать въ свѣтъ свои центурии въ не систематическомъ порядкѣ. Но съ другой стороны, и мы также имѣемъ полное право ожидать отъ Г. Анненкова, что онъ, по окончаніи всего изданія, приложить къ своему гербарію всѣмъ растеніямъ списокъ, расположенный по искусственной или естественной системѣ; и тогда по этому списку каждый, сличая съ нимъ сигнатурки, можетъ разложить самъ высушенныя растенія систематически по семействамъ, родамъ и даже видамъ.

Разсмотрѣвъ внѣшнія достоинства труда предпринятаго Г. Анненковымъ, обратимъ наше вниманіе на его внутреннюю сторону. Кто имѣеть у себя двѣ центуриіи Московской флоры, тотъ вѣроятно согласится съ нами, что этотъ трудъ предпринять нашимъ молодымъ естествоиспытателемъ въ слѣдствіе полнаго убѣжденія въ пользѣ, важности и необходимости его, какъ для тѣхъ, которые только что начинаютъ заниматься ботаникой, такъ и для тѣхъ, которые хотя и знакомы съ наукой, но не имѣють ни средствъ, ни возможности достать Московскія растенія. Слѣдовательно трудъ Г. Анненкова носить на себѣ характеръ и учебнаго пособія и ученаго изданія.

Какъ учебное пособіе, Московская флора особенно полезна и необходима для начинающихъ, и именно въ настоящее время, при недостаточныхъ средствахъ и весьма неудовлетворительномъ состояніи нашей ботанической литературы. До сихъ поръ мы не имѣли ничего о растеніяхъ Московской губерніи, чтб бы могло служить руководствомъ для начинающихъ изучать ботанику, кромѣ небольшой книжечки, изданной покойнымъ Профессоромъ Двигубскимъ, подъ названіемъ Московской флоры. Но начинающій заниматься ботаникою едва ли можетъ по этой книжечкѣ съ точностію опредѣлить каждое растеніе; потому что въ ней терминологія изложена сбивчиво и запутанно. Ботаническіе сады наши также мало приносятъ пользы начинающимъ изучать ботанику, потому что въ ботаническихъ садахъ по преимуществу занимаются разведеніемъ растеній экзотическихъ (чужеземныхъ); а о гербаріумахъ нѣтъ и помъна. Что же остается дѣлать начинающему? Быть самоучкой, безпрестанно ошибаться, и не видать средствъ поправить своихъ ошибокъ, недоразумѣвать при видѣ каждаго новаго растенія, и не видать возможности разрѣшить свои недомыслія. Послѣ всего этого мы должны согласиться, что Московская флора, издаваемая Г. Анненковымъ, принесетъ большую и несомнѣнную пользу начинающимъ заниматься ботаникою; потому что она представляетъ все растеніе со всѣми его органами, т. е. корнемъ, стеблями, листьями, цвѣт-

ками и плодами; слѣдовательно она даетъ возможность начинающему повѣрить нагляднымъ образомъ то, что кажется сомнительнымъ и непонятнымъ въ книгѣ. А наглядность въ наукахъ естественныхъ также необходима, какъ необходимо и книжное ученіе. Различные органы растенія до того разнообразны по своему сложенію, строенію и наружной формѣ, что часто недостаетъ словъ выразить этого разнообразія удобопонятнымъ образомъ, и передать ихъ другому, если этотъ другой не видалъ различныхъ оттѣнковъ видоизмѣненій, часто едва уловимыхъ, на живомъ или засушенномъ растеніи. Кроме того, Московская флора можетъ быть весьма полезнымъ пособіемъ для сельскихъ хозяевъ, аптекарей и медиковъ.

Какъ ученое изданіе, Московская флора Г. Анненкова представляетъ матеріалъ для составленія полной флоры всей Россіи. Въ этомъ отношеніи ее можно разсматривать какъ документъ существованія растенія. Занимающіеся ботанической географіей могутъ также извлечь для себя не малую пользу. Они будутъ имѣть случай познакомиться съ тѣмъ вліяніемъ, которое климатъ оказываетъ на произрастаніе растеній.

Въ заключеніе мы желаемъ Г. Анненкову съ счастливымъ успѣхомъ привести къ окончанію хорошо начатое дѣло.

П. П—ий.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ИЗДАНІЯ.

1. *Бесѣды сельскаго священника къ прихожанамъ. Изданіе Ректора Кіевской Семинаріи Д. Б. Архим. Антонія. 1849. 214 стр.*

Важная задача — быть сельскимъ проповѣдникомъ, духовнымъ учителемъ поселянъ, быть можетъ, не важнѣе ли, чѣмъ быть проповѣдникомъ образованнѣйшаго класса. Книга Архим. Антонія показываетъ сельскимъ проповѣдникамъ частію и самыя предметы для проповѣди простому

народу, а болѣе всего способъ духовныхъ наставленій, для простаго народа самый удобнѣйшій. Языкъ, способы выводовъ и доказательствъ, способы обращенія къ народу, чтобы заставить его быть внимательнымъ и послушнымъ. — Вотъ что обращаетъ на себя вниманіе въ бесѣдахъ Арх. Антонія, и на что онъ самъ хотѣлъ обратить вниманіе сельскихъ проповѣдниковъ. Языкъ простой, Русскій, нечуждающійся такихъ выраженій, которыя на простой народъ дѣйствуютъ сильнее выраженій облагороженныхъ и искусственныхъ; выводы ясные и короткіе изъ началъ близкихъ и очевидныхъ для простаго народа; обращеніе къ народу, съ одной стороны, самое естественное въ сельскомъ быту, съ другой, достойное пастырской власти и священной кафедры: вотъ, по нашему мнѣнію, характеристическія черты этихъ прекрасныхъ бесѣдъ. Сельскіе проповѣдники въ этой книгѣ найдутъ и пособіе себѣ, а вмѣстѣ руководство и образецъ для подражанія. Мы, впрочемъ, желали бы читать, пожалуй, еще нѣсколько книгъ такихъ же бесѣдъ самаго Архим. Антонія; желали бы, чтобы авторъ не показалъ только примѣръ а самъ взялъ бы на себя высокій трудъ, къ которому онъ столько способенъ. Такія прекрасныя бесѣды, какъ примѣръ *о пьянствѣ, о познаніи Бога изъ природы*, и другія, показываютъ, что авторъ хорошо понимаетъ духовныя нужды простаго народа, а вмѣстѣ и способъ удовлетворять имъ. Взоръ его падаетъ именно на такіе предметы, которые нужнее всего изъяснить простому народу.

2. *Записки Археологическо-Нумизматическаго Общества въ С.-Петербургѣ. Книжка IV. 1849, Въ 8 д. л.*

Младшее изъ Русскихъ ученыхъ Обществъ, Археологическо-Нумизматическое успѣло уже означенать полезную свою дѣятельность изданіемъ перваго Тома своихъ «Записокъ», обильныхъ важными для археологіи статьями, и особаго изслѣдованія одного изъ своихъ Членовъ, *Б. В. Кёне*, объ Исторіи и Древностяхъ города Херсониса Таври-

ческаго*. Мы надеемся видѣть въ Москвитянинѣ подробный разборъ перваго тома его «Записокъ», — и потому ограничиваемся однимъ исчисленіемъ статей, содержащихся въ 4-й книжкѣ этого тома. Вотъ онъ: Серебряныя монеты Компиновъ съ изображеніемъ Св. Евгенія (Б. В. Кёне). Монеты Западныхъ Славянъ: Сербскія, Болгарскія, Боснійскія, Далматинскія, Рагузинскія, Помьскія (Я. Я. Рейхеля). Примѣчаніе о Славянскихъ монетахъ Владимира, Ярослава и Святослава (П. С. Савельева). О происхожденіи герба города Варшавы (Г. Фоссберга). Примѣчанія о Литовскихъ гербахъ (Г. Кречмера и Кёне). Новыя монеты Мусульманской Азіи (П. С. Савельева). Матеріалы для Исторіи Русской Нумизматики (С. А. Еремьева).

Въ большинствѣ публики у насъ распространено странное предубѣжденіе противъ изученія археологіи. Съ любопытствомъ, даже съ наслажденіемъ пересчитываютъ возстановленія (restaurations) первозданныхъ животныхъ, интересуются судьбою мастодонта, ихтиозаура, плезиозаура съ товарищами; и пугаются возсозданія минувшей судьбы царствъ и народовъ по уцѣлѣвшимъ памятникамъ ихъ бытія.... «Сухо!» твердятъ непосвященные: «пылью вѣетъ отъ этихъ изысканій». Одушевитесь любовію, и тогда въ источникъ знанія все будетъ живо и одушевленно. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ одинъ изъ почтенныхъ Русскихъ нумизматовъ, С. А. Еремьевъ**.

«Много пережилъ я нумизматовъ, много видалъ знатоковъ и охотниковъ; но старыхъ нумизматовъ ни съ чѣмъ сравнить нельзя. Это была одушевленная страсть юноши при сѣдинѣ, съ душою пылкою и кипучею. Намъ ничего тогда не значило проскакать тысячу верстъ, чтобы только достать монету. Мы не могли засыпать ночью, если появля-

* См. 6 N Москвитянина.

** Статья его, напечатанная въ послѣдней книжкѣ Записокъ Археологическаго Общества, появилась въ первый разъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Сѣв. Пчелѣ.

лась доселѣ не выданная. А ревности, ревности сколько было! Мы то враждовали и мирились; то были открытые друзья, то заклятые враги, и все это лишь до первой радостной минуты, до первой новой монеты. То ли нынѣ? Правда, нынѣ болѣе опытности, болѣе расчетливости; но, что выиграла нумизматика? Опытность перешла отъ насъ, искупленная нашими невыразимыми страданіями, а расчетливость породилась отъ скудости средствъ. Тамъ, гдѣ бы у насъ кипѣла бурная страсть, нынѣ повсюду видишь холодный расчетъ, грустное ожиданіе случая. У насъ не было случаевъ; мы сами создавали случаи. Нужно было только захотѣть невиданнаго, и сотни людей ищутъ во всѣхъ городахъ невиданнаго, чтобы удовлетворить нашей страсти. Страсть нельзя было обольстить поддѣльностью, чѣмъ страдаетъ нынѣшняя нумизматика. А сколько жизни было потеряно нами, когда молва гласила о невиданной рѣдкости! Съ ревности, съ отчаянія, чтобы рѣдкость не досталась другому, мы гонялись за летучею молвою по горячимъ следамъ. Мы терзались и мучились, когда рѣдкость появлялась во-очію. Кровь клокотала въ груди при взглядѣ на сокровище; душа съ отчаянія замирала, если наше ненаглядное сокровище содѣлывалось добычею охотника. Нѣтъ, старой страсти нынѣ уже не возобновить!»

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

ОБЗОРЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

МОСКОВСКІЯ ИЗДАНІЯ.

1. *Правила и формы о производствѣ слѣдствій, составленныя по Своду Законовъ Коллежскимъ Ассессоромъ Е. Колоколовымъ. 1849. Стр. 148 въ 8-ю д. л.*

Въ продолженіе нынѣшняго года мы имѣемъ удовольствіе извѣщать нашихъ читателей уже о второмъ руководствѣ для уголовныхъ слѣдствій. Г. Колоколовъ въ своей книгѣ собралъ всѣ постановленія о слѣдствіяхъ изъ разныхъ томовъ Свода Законовъ, приложилъ къ нимъ формы, слѣд. услуга его несомнѣнна, и ее вполнѣ могутъ оцѣнить только слѣдователи, которые бывають принуждены часто возить съ собою весь Сводъ. Со стороны Г. Колоколова видно желаніе принести пользу, видѣнь трудъ, для котораго впрочемъ не нужно особеннаго искусства; въ этомъ отношеніи авторъ сдѣлалъ все.... Но чтобъ оцѣнить по достоинству его книгу, нужно сравнить ее съ прежде вышедшимъ сочиненіемъ Г. Калайдовича, и показать, какое она имѣетъ значеніе при существованіи послѣдняго. Г. Колоколову, какъ видно, была неизвѣстна книга Г. Калайдовича, потому что,

говоря о руководствах для следователей, онъ упоминаетъ только о книгахъ Гг. Орлова и Долгорукова, «послѣ появленія которыхъ, въ предостереженіе следователей отъ ошибокъ, которыя могли бы они дѣлать, следуя тѣмъ книгамъ, — вышла въ 1847 году небольшая книжка, изданная извѣстнымъ своею опытностью и знаніемъ въ юридической части (!) Г. Наливкинымъ; но здѣсь авторъ, согласно цѣли своей, указалъ лишь только на одни неправильности и недостатки книги Г. Долгова; слѣд. до сего времени нѣтъ еще такой книги, которую бы можно было принять при производствѣ слѣдствій полнымъ руководствомъ, съ увѣренностью въ правильномъ ея составленіи.» (Пред.) Мы думаемъ, что составитель не сказалъ бы этого, еслибъ потрудился познакомиться съ книгою Г. Калайдовича такъ же хорошо, какъ онъ знаетъ о достоинствахъ произведеній Г. Наливкина.

Новое руководство имѣетъ свое значеніе и при существованіи книги Г. Калайдовича; оно дополняетъ ее. Г. Калайдовичъ больше практикъ: онъ, какъ видно, производилъ самъ много слѣдствій, видѣлъ всѣ трудности ихъ; такой книги, какъ его, не напишешь въ кабинетъ: это больше бесѣды чело­вѣка опытнаго, чѣмъ положительныя постановленія законовъ. Напротивъ, такая книга, какъ Г. Колоколова, можетъ быть составлена безъ всякой опытности, на основаніи одного знакомства съ Сводомъ Законовъ: рассмотрите новую книгу, и вы увидите, что въ ней статьи 15-го тома Свода слѣдуютъ одна за другою, съ выпискою всѣхъ ссылокъ на другіе томы. Въ самыхъ формахъ, приложенныхъ Г. Колоколовымъ, мы замѣтили, если можно такъ выразиться, какую-то отвлеченность, безтѣлесность, тогда какъ въ тѣхъ же формахъ Г. Калайдовича видна наглядность, драматичность. Для примѣра возьмемъ хотя форму подъ № 7: «Такого-то года, мѣсяца и числа, слѣдователь такой-то, при депутатъ и стряпчемъ такихъ-то, спрашивалъ такого-то о такомъ-то преступленіи, и онъ показалъ слѣдующее....» Такую форму можно составить и безъ 949 ст. XV Т. Св. Зак.; развѣ необходимо было равное число 40 формъ? Впрочемъ, повторимъ, книга Г. Колоколова можетъ быть полезна для слѣдо-

вателей; составитель можетъ вполне считать себя «за трудъ свой награжденнымъ,—зная, какъ усладительно для каждаго соотечественника приносить обществу полезное, въ какой бы оно мѣрѣ ни заключалось.» Къ сожалѣнію, мы не можемъ безошибочно опредѣлить эту мѣру... М. К.

2. *Два жениха и одна невеста. Водевиль въ I-мъ. (?) дѣйствіи. Соч. К. П. Ефремова. 1849.*

Водевиль въ I-мъ дѣйствіи. Отъ чего жъ въ I-мъ дѣйствіи? спросимъ мы, въ подражаніе Осипу Филимоновичу Верхушкину, родителю прекрасной Наташи, въ которую влюбленъ промотавшійся Иванъ Петровичъ Горликовъ, и умный и трезвый Нилъ Трофимовичъ Пьянюшкинъ? Отъ чего въ I-мъ дѣйствіи? водевиль въ первомъ дѣйствіи?

ВЕРХУШКИНЪ (поетъ).

Отъ чего же это въ первомъ?

Отъ чего не во второмъ?

ПЬЯНЮШКИНЪ.

Какъ сказать бы наприхвръ-вамъ,

Это то же что *въ однолѣ.*

А! теперь понятно. Водевиль также понятенъ и забавенъ на сценѣ, отъ одного явленія до послѣдняго, гдѣ Наташа, какъ благовоспитанная дѣвушка, подходитъ къ публикѣ, дѣлаетъ книксенъ и покорнѣе просить всѣхъ *mesieurs* и *mesdames* къ себѣ на свадьбу. Она выходитъ за Пьянюшкина. Да не подумаютъ однако же, что онъ въ самомъ дѣлѣ Пьянюшкинъ, — ни сколько. Сначала онъ что-то въ родѣ Пьянюшкина, но это метаморфоза: въ послѣдней сценѣ *«всѣ движенія его, говоритъ авторъ, курсивомъ, т. е. всѣ движенія Пьянюшкина важны, благородны; онъ уже не похожъ на мелкаго чпновника.»*

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ИЗДАНІЯ.

1. Женская правда, или еще нѣсколько совѣтовъ молодымъ
мужчинамъ, холостымъ и женатымъ.

Что-то очень давно, кажется въ 1848 году, вышли въ свѣтъ «Совѣты молодымъ дамамъ и дѣвщинамъ, касательно сохраненія красоты, сбереженія здоровья, умнѣнья одѣваться и образованія себя,» и «Нѣсколько совѣтовъ молодымъ мужчинамъ — необходимая книжка для мужскаго туалета.» Не успѣли еще ни молодыя дамы и дѣвицы, ни молодые мужчины, воспользоваться этими совѣтами, какъ уже вышла, въ противоположность «Русской правдѣ» — «Женская правда», въ которой, въ противоположность «Слову о полку Игоревѣ», мы нашли «Слово о полку брачномъ.»

«Женидѣба, — говоритъ «Женская правда,» — есть такой шагъ, который совершенно измѣняетъ всю прошедшую, холостую, беззаботную жизнь, и ведетъ уже до гроба такимъ путемъ, гдѣ много заботъ, любви, труда, лишеній, наелажденій, слезъ, изнеможенія, обмана, обидъ, терпѣнія, хладнокровія, зависти, горькой истины, разочарованія, болѣзненности, грусти, обогащенія, бѣдности, нищеты, обмана (вторичнаго?), радостей, счастія, дѣтей, воспитанія, образованія, и пр. и пр.» словомъ, всѣхъ словъ заключающихся въ полномъ Русскомъ Словарѣ.

«Женская правда» большой критикъ по призванію, что видно изъ первой главы о необходимости критики на времена и нравы, говоритъ горькія и голыя истины про наше время. Она говоритъ (стр. 44), что «въ наше время, кромѣ брака, нигдѣ почти дружбы не существуетъ; есть нѣкоторая привязанность, симпатія, а прочее — расчетъ и прикрытый пошлою маскою эгоизмъ.» Потомъ представляетъ слѣдующую ужасную картину: «Если какой-нибудь недоучка, или обтершійся о выпуклые (?) углы свѣтской, ходячей,

такъ называемой «образованности», который скучая жизненными неудачами, заслуженнымъ полупрезрѣниемъ, одиночествомъ и бѣдностію, живущій гдѣ-то и какъ-то на хлѣбахъ, чистящій свои сапоги и платье и почиивающій нерѣдко то и другое при свѣтъ сальной свѣчки, принимающій по собственному рецепту «очищенную», и насыщающійся 20-копечнымъ (серебромъ?) объемомъ, котораго часть оставляется на завѣдки и ужинъ, — если этотъ человекъ затѣветъ жениться, и для того, подобно улиткѣ, на нѣсколько времени сожмется до того, что изъ этихъ выжимокъ сошьетъ себѣ новое платье, и даже перестанетъ на время бесѣдовать съ «очищеннымъ» — чего можно ожидать отъ подобнаго брачнаго союза ?»

Чего же въ самомъ дѣлѣ ожидать отъ такого брака и такого длиннаго періода? — Можно ожидать слѣдующаго періода :

«Дети этого брака будутъ расти, расти, только расти....» и такъ далѣе; а когда выростутъ, то, между прочимъ, «въ головкахъ ихъ что-то непонятное порою будетъ тревожить ихъ нѣкогда безмятежный сонъ....» — Что жъ это такое заведется у нихъ въ головкахъ ?

И кромѣ головокъ, въ душахъ у дѣвушекъ, происшедшихъ отъ подобнаго брака, «заерошится тоска, тоска сладкая, поэтическая....»

Но все это погибнетъ, потому что онѣ «столкнутся съ развратниками.»

VIII глава заключаетъ въ себѣ статью о клубахъ и подобныхъ имъ мѣстахъ, въ которой «Женская правда» сама восклицаетъ :

«О, глава эта слишкомъ коротка»; а между тѣмъ усердно проситъ молодыхъ мужчинъ подумать о VIII главѣ.

Въ IX главѣ «Женская правда» говоритъ о женщинахъ вообще, и спрашиваетъ читателей, понимаютъ ли они жен-

щину, уважаютъ ли они *общую* свою мать, *черезъ которую* явились они въ міръ, и стремятся въ вѣчность, на вѣчную жизнь, въ безпредѣльныхъ пространствахъ райскихъ селеній?

XI глава толкуетъ молодымъ людямъ о торговомъ классѣ и правильной торговлѣ. Тутъ также тѣмъ любовнымъ свидѣній. Напримѣръ, что «было время, и таки давненько, въ которое классъ торговый, во мнѣніи высшаго общества, считался плебейскимъ званіемъ, съ примѣсью общаго полупрезрѣнія (*новое слово*). Просвѣщеніе и *цивилизация* разсыяли этотъ туманный предрасудокъ, и т. д. Потомъ о любителяхъ *поторговаться* сказано: «любителямъ *поторговаться*, уже остаются плебейскіе рынки.»

Въ XII главѣ «о писателяхъ вообще» (?) «Женская правда», между прочимъ, требуетъ уваженія къ званію писателя; и потому мы заключаемъ нашъ взглядъ на «Женскую правду» благодарностію.

2. Псовая охота вообще, составленная служившимъ Государевымъ стреляннымъ въ придворной охотѣ, А. Вяземскимъ. Съ картинками. 1849. Въ 8-ю д. л. 116 стр.

Пора, пора! Рога трубятъ!
 Цари въ охотничьихъ уборахъ
 Чѣмъ свѣтъ ужъ на коняхъ сидятъ,
 Борзые прыгаютъ на сворахъ....

Пора! Минуло первое Сентября, отпраздновано начало охоты: что же сидѣть-сиднемъ, скучать дурною погодою, житейскими заботами, или безвозвратно губить дорогое время за преферансомъ, да наживать себя геморрой? На коня — и въ поле, въ отъѣзжее поле! Помчимся по чернотопу, въ ожиданіи пороши, съ ватагою бодрыхъ товарищей да стаею вѣрныхъ псовъ, — какъ рукою снимешь скуку со всѣми болястями, помолодеть ослабѣвшее тѣло, освѣжится утомленный духъ.... Вспомнимъ славное дѣдовское время, великолѣпные охотничьи пѣзды Екате-

ринипскаго вѣка, вызовемъ изъ забвѣтъ отечественный спортъ, ревнители котораго рѣдьютъ съ каждымъ годомъ, слушаемъ одушевленной рѣчи заслуженнаго охотника :

«Опредѣлять: что такое охота — было бы дѣломъ если не излишнимъ, то почти не нужнымъ. Она не есть наука, о которой можно бы читать лекціи положительныя, неизмѣнныя, а страсть, извѣстная сердцу только однихъ охотниковъ. Но имъ и безъ опредѣленія все понятно; для нихъ при словѣ: охота, вся теорія — если только охота можетъ имѣть теорію — и практика, главное условіе охоты, не опредѣляется въ сухихъ, безжизненныхъ словахъ; но рисуется въ воображеніи ихъ картинно, восторженно, и всегда почти неразлучно съ воспоминаніями различныхъ случаевъ, восхитившихъ ихъ за нѣсколько десятковъ лѣтъ.

«Страсть эта не можетъ быть подвергнута осужденію: она столько же благородна, какъ любовь къ музыкѣ и къ живописи; это — любовь къ поэтическимъ картинамъ, выражающимъ быстроту, гибкость и ловкость.

«Охота раздѣляется на два главные вида: псовую и ружейную; или охоту съ борзыми и гончими, и охоту съ ружьемъ и лагавою собакою.

«Псовая охота можетъ привести къ восторженности въ высшей степени, увлекать до самозабвенія; ружейная составляетъ удовольствіе, болѣе умѣренное, хотя впрочемъ также доходящее до восхищенія. Случалось свалиться съ лошади по уши въ снѣгъ, но все не переставать отъ души восклицать: *ату его! ату его!* точно такъ же, выкарабкиваясь изъ трясины, и освободивъ одну ногу, когда другая уходитъ по полясъ, — протяжно полутономъ произносить: *тубо, Гарсонъ! тубо Трезоръ!* Обѣ охоты увлекательны; но охота псовая, безспорно, стоитъ выше ружейной: первую можно назвать повѣзій въ своемъ родѣ, тогда какъ другая — чистая проза. Въ этомъ легко убѣдиться изъ бѣлаго взгляда на отгѣнки той и другой: мчатся на лихомъ конѣ — картина; скакъ борзой собаки — другая; угонка звѣря, рисующаяся Гогартовской линіей — третья; гоньба стаи гончихъ — музыка сладостная для слуха охотника, а это еще далеко не все.

«Наслажденіе охотника съ лягавою собакой — болѣе прозаическое. Начну съ наряда егерскаго: ягдташъ, патронташъ, различнаго устройства дробовникъ, пороковница, пистолетница и другія мелочи, хотя, при хорошихъ болотныхъ сапогахъ и дорогомъ ружьѣ, и рисуются своей нестротой; но все вмѣстѣ отзывается немного тяжестью; самая охота, гдѣ егеръ, взвѣрляясь чутью своей собаки, долженъ слѣдовать за нею неотступно и слѣдить постоянно за ея движеніями, уже обнаруживаетъ какую-то утомительность; если не безпрестанныя, то весьма частыя, а иногда и съ сердцемъ произносимыя восклицанія: *Zugis, ici!* и тому подобное, показываютъ нѣкоторое безпокойство.

«Удовольствіе егеря на охотѣ, зависящее отъ собаки, которая, прихвативъ чутьемъ птицу, подводитъ на авансахъ, переставляя осторожно ногу за ногой, хотя и дѣлаетъ этимъ картину живописною, но нерѣдко оканчивается тѣмъ, что, если послѣ выстрѣла птица не попала въ ягдташъ, одинъ, другой и третій разъ, то ужъ Трезоръ не смѣй идти домой впереди хозяина, а слѣдуя, поджавши хвостъ, назадъ, и, вмѣсто того, чтобы по прежнему порядку получить во время обѣда кусочекъ хлѣба изъ рукъ своего господина, изволь лежать на кухнѣ подъ столомъ, или же, если не совсѣмъ вышелъ изъ милости, съ грустной мордой облизывайся около стола, ожидая каждую секунду пріятнаго приказа: пошелъ вонъ!

«Не завидна въ этомъ случаѣ участь Трезора, тогда какъ Голубка или Доскачъ, и не поймавъ русака въ погѣ, во распотѣшивъ своего барина лѣхими угонками, имѣютъ право, поѣвши до-сыта, небрежно разбросаться на любомъ диванѣ, даже въ самыхъ богатыхъ и опрятно убранныхъ комнатахъ своего барина. Вотъ различіе псовой и ружейной охоты! Не говоримъ уже о томъ, что самая статья борзой собаки выигрываетъ передъ лягавою: это благородное, легкое животное, въ которомъ, кажется, каждый членъ вымѣренъ циркулемъ, мясо вывѣшено золотниками, стоя на цыпочкахъ, какъ бы едва касается поверхности земли; тогда какъ лягавая собака, какъ бы ни была хороша и красива, все тяжела, и статья ея не можетъ выражать ни легкости, ни быстроты борзой собаки.»

Разумется, послѣ этого краснорѣчиваго объясненія не можетъ быть никакого спора о мѣстничествѣ между псовою и ружейною охотою. Первая выражаетъ собою раздолье, жизнь; послѣдняя — жметса въ тѣсныхъ предѣлахъ, порождена расчетомъ. Почтенный авторъ принялъ на себя трудъ описать охоту псовую, и исполнилъ его съ совершеннымъ знаніемъ дѣла и рѣдкимъ мастерствомъ. Въ его книгѣ, написанной увлекательно, богатой охотничьими анекдотами, заключается полный сводъ всего, что надлежитъ знать охотнику. Послѣ общихъ замѣчаній о главныхъ любимцахъ охотниковъ — зайцѣ, волкѣ и лисицѣ, — и описанія обыкновенной охоты на нихъ, садки, пороши, онъ говоритъ о духовыхъ собакахъ, объ охотѣ на медвѣдей, на лосей, на дикихъ козъ по насту, на лядръ, на кабановъ и на рысей; потомъ описываетъ ночную охоту съ поросенкомъ на волковъ, и вообще притравы на этого сѣраго плута; далѣе излагаются: составленіе псовыхъ охотъ и выборъ собакъ по мѣстности; полеванье и правила производить охоты, начиная съ первыхъ полей; притравливаніе охотничьихъ собакъ къ красному звѣрю; таксы (особенная порода собакъ) и охота съ ними на лисицъ и барсуковъ; воспитаніе щенковъ; лучшія пособія отъ чумы у собакъ; примѣрный составъ псовой охоты и способъ содержанія ея; лучшее вооруженіе псовыхъ охотниковъ; устройство псаренъ, и наконецъ терминологія псовой охоты. Словомъ, для охотниковъ не можетъ быть надежнѣе руководства, какъ книга Г. Внцеславскаго, и имѣя ее, они уже, вѣроятно, не почувствуютъ надобности въ сочиненіяхъ Генриха Блаза, этого оракула современныхъ sportsman'овъ.

Для не охотниковъ, которые, можетъ быть, улыбнутся, читая эти строки, замѣтимъ, что охота не всегда служить только развлеченіемъ. У насъ, гдѣ дремучіе лѣса занимаютъ огромныя пространства, гдѣ почти ежедневно слышишь о несчастіяхъ, причиняемыхъ то волками, то медвѣдями, — у насъ, со времени учрежденія званія *почетныхъ губернскихъ ловчихъ*, она получаетъ особенное значеніе, и пользу,

доставляемая ею, можетъ сильно ходатайствовать въ защиту ея противъ названія «забавою празднаго досуга.»

Изящное изданіе «Псовой охоты» украшено отпечатанными въ три тона картинками, изображающими разныя охотничьи сцены.

ОДЕССКІЯ ИЗДАНИЯ.

1. *Опытъ историческихъ розысканій о слѣдственномъ уголовномъ судопроизводствѣ въ Россіи. Сочиненіе Владимира Линовскаго. 1849. Въ 8-ю д. л. стр. 262 и VI.*

Г. Линовскій уже извѣстенъ въ нашей придаточной литературѣ своимъ сочиненіемъ объ уголовномъ правѣ по Уложенію 1649 года; новый трудъ его, какъ намъ кажется, отличается тѣми же достоинствами и недостатками, какъ и прежній: та же добросовѣстность, то же трудолюбіе, и, къ сожалѣнію, то же отсутствіе общихъ началъ, неумѣнье воспользоваться богатыми матеріалами, трудомъ добытыми. Какъ сборникъ фактовъ, «Опытъ» имѣетъ весьма важное достоинство; но не ищите въ немъ строгой системы, группированія фактовъ, такъ чтобъ каждый изъ нихъ выдавался рельефно, говорилъ самъ за себя. Читая книгу Г. Линовскаго, вы видите въ ней какую-то вялость, какъ будто извѣстный законъ попалъ сюда случайно и не знаетъ, какъ ему пріютиться. Мы слышали, что готовится къ выходу въ свѣтъ новое историческое изслѣдованіе по Русскому уголовному праву, а потому удерживаемся теперь отъ подробнаго разбора всѣхъ положеній Г. Линовскаго.

Но чтобы мнѣніе наше не показалось несправедливымъ и бездоказательнымъ, мы остановимся только на томъ раздѣленіи судопроизводства, которое принято авторомъ и которое должно было вылиться изъ всякаго изученія и разумѣнія всего движенія нашего уголовного права. «Исторія уголовного судопроизводства, говоритъ Г. Линовскій, находится въ тѣсной связи съ понятіями, характеристическими на-

чала уголовного права.» Нѣсколько далѣе, авторъ находитъ слѣдующія явленія въ нашемъ уголовномъ судопроизводствѣ: «Вообще же уголовное судопроизводство въ своемъ развитіи проходитъ четыре ступени. На первой ступени является сперва мсть обиженного, которая признается закономъ» (стр. 7). «При господствѣ такихъ началъ *нельзя встрѣтить и слѣдовъ судопроизводства*» (стр. 8). Характеристическимъ явленіемъ 2-го періода авторъ принимаетъ окупы: «въ этомъ періодѣ, кто хочетъ получить удовлетвореніе, долженъ жаловаться, и этимъ путемъ образуется обвинительное судопроизводство, въ которомъ только тотъ, кто жалуется, получаетъ удовлетвореніе.» Въ 3-мъ періодѣ преступленіе получаетъ характеръ государственный. «Но какъ въ этомъ періодѣ понятіе, что оскорбленіе частнаго лица есть нарушение правъ цѣлаго государства, только начинаетъ развиваться, но не вполне еще развилось; поэтому многія преступленія еще остаются безъ преслѣдованія, если нѣтъ обвинителя.» Наконецъ въ 4-мъ періодѣ «Уголовное право получаетъ двѣ цѣли: чтобы преступленія, уже совершенныя, были наказаны, а будущія, ожидаемыя, были предупреждены; изъ этихъ двухъ цѣлей первая есть старое начало, вторая же, какъ новое начало, ведетъ къ новымъ выводамъ,» и проч. (стр. 11 и 12). Мы собственными словами Г. Линовскаго обозначали его періоды судопроизводства; теперь спрашиваемъ: если въ первомъ періодѣ судопроизводства нѣтъ никакого судопроизводства, во второмъ нѣтъ слѣдственнаго судопроизводства, въ третьемъ оно является исключеніемъ, наконецъ въ четвертомъ отдѣляется отъ обвинительнаго — спрашиваемъ, какое значеніе могутъ имѣть эти періоды въ изслѣдованіи о слѣдственномъ процессѣ?....

Наконецъ намъ показалась весьма странною и неудобною для такого изслѣдованія, какъ «Опытъ», необыкновенная дробность. Авторъ ошибочно принялъ за руководство въ своемъ дѣленіи настоящее теоретическое раздѣленіе уголовного судопроизводства: недостатокъ фактовъ, отысканныхъ Г. Линовскимъ, заставляетъ его часто замѣнять цѣлые от-

дѣлы полнымъ пробѣломъ, если не считать нѣсколькихъ фразъ, ничего недоказывающихъ и необъясняющихъ. Такой способъ изслѣдованія необходимо ведетъ къ натяжкамъ, потому что, какъ намъ кажется, авторъ сначала составилъ себѣ систему, а потомъ уже пріискивалъ и подгонялъ факты къ каждой рубрикѣ. Напр., чтобъ наполнить отдѣлъ объ извѣщеніи (стр. 137), авторъ, вмѣсто историческихъ разысканій объ этомъ поводѣ къ началу слѣдствія у насъ, долженъ былъ пуститься въ разсужденія и разборъ постановленій каноническаго права и мнѣній глоссаторовъ и новѣйшихъ криминалистовъ. Весь отдѣлъ объ исполненіи приговоровъ не заключаетъ въ себѣ ни одного историческаго факта, а цѣликомъ составленъ по Своду Законовъ. Заранѣе принятая система способна уничтожить и необходимо уничтожаетъ всѣ прекрасные результаты, которые можно добыть простымъ, безхитрымъ изученіемъ исторіи нашего уголовнаго права; а это изученіе должно бы, кажется, дати новую систему. Мы и надѣялись этого отъ Г. Линовскаго; къ сожалѣнію, ошиблись.

М. К.

ОБЪ «ИСТОРИИ РУССОВЪ» ГЕОРГІЯ КОНИСКАГО.

Исторія Руссовъ, Архіепископа Бѣлорусскаго Георгія Конискаго, содержитъ въ себѣ исторію Малой Россіи отъ временъ основанія Кіева до 1769 года. Въ *Предисловіи* къ *Исторіи Руссовъ*, писанномъ, вѣроятно, самимъ Конискимъ, о ея происхожденіи говорится: «взята сія исторія изъ лѣтописей и записокъ Бѣлорусскихъ»; а ниже: «извѣстный ученостью и знатностью Депутатъ Шляхетства Малороссійскаго, господинъ Полетыка, отправляясь по должности Депутатства въ великую оную Имперскую Коммиссію для сочиненія проекта новаго уложенія, имѣлъ надобность необходимую отыскать отечественную исторію. Онъ относился о семъ къ первоначальному учителю своему, Архіепископу Бѣлорусскому Григорію Конискому, который былъ природный Малороссіянинъ и долготѣно находился въ Кіевской Академіи Префектомъ и Ректоромъ. И сей-то Архіерей сообщилъ господину Полетыкѣ лѣтопись или исторію сію, увѣряя архипастырски, что она ведена съ давнихъ лѣтъ въ каедральномъ Могилевскомъ монастырѣ искусными людьми, сносившимися о нужныхъ свѣдѣніяхъ съ учеными мужами Кіевской Академіи и разныхъ знатнѣйшихъ Малороссійскихъ монастырей, а паче тѣхъ, въ коихъ проживалъ монахомъ Юрій Хмельницкій, прежде бывшій Гетманъ Малороссійскій, оставившій въ нихъ многія записки и бумаги отца своего Гетмана Зиновія Хмель-

ническаго и самые журналы достопамятностей и дѣяній національныхъ и что она притомъ вновь имъ пересмотрѣна и исправлена.»

Начало *Исторіи Руссовъ* до разсказа о милостяхъ, оказанныхъ Козакамъ Королемъ Польскимъ Стефаномъ Баторіемъ, — ниже всякой критики: это безпрерывная цѣпь басней и несправедливыхъ мнѣній; такъ напр. можно ли безъ улыбки читать, что Преподоб. Несторъ и продолжатели его лѣтописи: «всѣ были Академики или члены того главнаго училища, которое во Славянахъ заведено было въ городѣ Кіевѣ Кирилломъ Философомъ Греческимъ скоро по введеніи туда религіи христіанской.» Извѣстія о баснословныхъ походахъ Козаковъ на Меченосцевъ и о ихъ битвахъ съ ними суть пустыя сказки; всего забавнѣе то, что разсказывается о нихъ съ такою подробностью, какъ бы авторъ былъ ихъ свидѣтелемъ.

Въ первой части своего труда Конискій постоянно старается доказать, что Южная Русь никогда не была покорена Литовцами; онъ безпрестанно возвращается къ этой мысли: Гедиминъ у него является освободителемъ жителей Южной Руси отъ Татаръ; въ благодарность за то, жители Ю. Руси признаютъ надъ собою его владычество (стр. 5): «по самимъ трактатамъ, привилегіямъ и пактамъ, соединяющимъ Русскій народъ съ Литвою и Польшею, видимо есть, что онъ соединился и договаривался, яко вольный и свободный, отнюдь не завоеванный.» Въ доказательство этого Конискій приводитъ мѣста изъ болѣею частью подложныхъ грамотъ Великихъ Князей Литовскихъ и Королей Польскихъ. Первымъ Гетманомъ Русскимъ Конискій называетъ Пренцлава Лицкоронскаго (1506 г.), вторымъ Дмитрія Вишневецкаго, третьимъ Князя Евстафія Ружинскаго (избранъ въ 1514 г.); всѣмъ имъ онъ приписываетъ блестящіе походы и сообщаетъ намъ всѣ подробности о битвахъ, въ коихъ они находились, ни на чемъ неоснованныя. Четвертымъ Гетманомъ по Конискому былъ Венжикъ Хмельницкій (избранъ въ 1554 г.); пятымъ Князь Михайло Вишневецкій: «онъ, въ 1569 году, имѣлъ

повелѣніе отъ Короля Сигизмунда Августа идти съ войскомъ Малороссійскимъ на оборону отъ Турковъ и Татаръ осажденнаго ими города Астрахани, въ помощь войскамъ Царя Московскаго, Ивана Васильевича Грознаго, которому Король одолженъ былъ возвращеніемъ Польшѣ завоеваннаго Царемъ города Полоцка съ его окрестностями.» Все это совершенно ложно; но всего хуже, что далѣе весьма подробно разсказывается поражение Турецко-Татарскихъ войскъ Княземъ Вишневецкимъ, гдѣ нѣтъ ни одного слова правды. За Княземъ М. Вишневецкимъ, по Конискому, слѣдуетъ Гетманъ Свирговскій (въ 1574 году); за нимъ (въ 1576 г.) Феодоръ Богданъ. Много разсказываетъ объ ихъ подвигахъ Конискій; но то, что онъ приписываетъ Феодору Богдану, до такой степени нелѣпо, что трудно повѣрить, какъ Конискій могъ внести столь явную сказку въ свою исторію: Богданъ съ Козацкимъ во йскомъ прошелъ какъ непріятель отъ береговъ Днѣпра, черезъ Донъ, Кавказскій перешеекъ, въ Малую Азію, черезъ всю Анатолію, дошелъ до Мраморнаго моря; переправившись черезъ проливъ, сжегъ предмѣстія Константинополя, и черезъ Булгарію спокойно возвратился во-сво-яси. Разсказывать подобныя нелѣпости значить или самому быть черезчуръ легковѣрнымъ, или во зло употреблять вниманіе читателя. Не будемъ говорить о Гетманахъ Подковъ, Шахъ и Скалозубъ, которые у Конискаго были всѣ люди необыкновенные, и остановимся на Косинскомъ, избранномъ въ 1592 году; въ правленіе этого Гетмана учрежденіе Уніи въ 1595 г. приготовило подвѣтшія волненія Малороссіи, которая отъ того самаго времени уже находилась въ состояніи то тайнаго, то явнаго возстанія противъ Польши. Все, что говоритъ Конискій объ Уніи, основательно; но онъ, представивъ ее единственною причиною послѣдовавшихъ волненій Козацкихъ, уклонился отъ истины. Посягательство на свободу совѣсти Русскихъ, задуманное Польскимъ духовенствомъ, было въ тѣсной связи съ планами Пановъ Польскихъ, которые раздѣляли всю Малороссію на помѣстья себѣ; такъ Князя Вишне-

ведкіе присвоили въ свое собственное владѣніе почти всю нынѣшнюю Черниговскую губернію; другіе Паны также не забыли о себѣ, и вообще заодно съ католич. духовенствомъ домогались совершеннаго порабоженія Малороссіи. Они встрѣтили сопротивленіе въ Козакахъ и всячески старались ихъ уничтожить, потому что поселяне безоружные не могли бы оказать имъ существеннаго сопротивленія. Сначала всѣ попытки Козаковъ были неудачны; на причину указываетъ Хмельницкій въ своемъ Универсалѣ. Извиняясь предъ всею Малороссіею въ томъ, что онъ какъ бы своевольно началъ войну съ Поляками, Хмельницкій говоритъ, что онъ дѣйствовалъ осторожно и втихомолку, наученный опытности гибельнымъ примѣромъ прежнихъ Гетмановъ, защитниковъ независимости Малороссіи, которые, повѣстивъ Универсалами всей Украинѣ о своихъ замыслахъ, открывали Полякамъ всѣ свои намѣренія. Бѣдствія, которыя терпѣла Малороссія въ первой половинѣ XVII-го вѣка, безспорно самомъ тяжелою ея времени, изображены у Конискаго живо и даже слишкомъ живо; особенно ожесточеніе его противъ Жидовъ не знаетъ предѣловъ.

Описывая войны Конискаго, Наливайки и другихъ съ Поляками, Конискій вездѣ выставляетъ ихъ побѣдителями и жертвами коварства Поляковъ; на дѣлѣ было не такъ; до возстанія Хмельницкаго, Поляки постоянно торжествовали надъ Козаками, и не удивительно: то было самое цвѣтущее время Польши, когда язвы ея внутреннихъ неустойчивъ еще не приняли опаснаго характера. Замѣтимъ огромную ошибку Конискаго: читателю, безъ сомнѣнія, памятна, изъ Исторіи Карамзина, геройская защита Новгорода Сѣверскаго Басмановымъ отъ войскъ Лжедмитрія; Конискій съ великою важною рассказываетъ, какъ Отрепьевъ съ Поляками и Козаками разбилъ подъ стѣнами Новгорода Сѣверскаго Московское войско, часть котораго бѣжала, и другая была впущена въ городъ его жителями, градоначальникъ коихъ, Березуйскій, далъ возможность Русскимъ безопасно переправиться на другой бе-

режь Десны и спастися. Отрепьевъ взялъ тогда же городъ, и въ отщепеніе жителямъ, ихъ изрубилъ; а въ городъ не оставилъ камня на камнѣ.... Удивительно, какъ далеко протеръ свой вымысль Конискій! Въ его разсказѣ не только нѣтъ ни одного слова правды, но онъ явно противорѣчитъ истинѣ; о походахъ и дѣйствіяхъ Сагайдачнаго Конискій говоритъ съ такою же неосновательностью. — Положеніе Малороссіянъ подъ правленіемъ Польскихъ Пановъ становилось день ото дня невыносимѣе; они сами не жили въ своихъ владѣніяхъ, а управляли имъ чрезъ арендаторовъ, большею частью Жидовъ, которые, подобно пиявицамъ, высасывали съ имуществомъ кровь несчастнаго народа. Кто могъ, уходилъ на острова, которые Днѣпръ образовалъ въ своемъ теченіи у пороговъ и ниже ихъ; мало по малу здѣсь образовалась цѣлая Малороссійская колонія, сюда стекались всѣ недовольные, и можно было предвидѣть, что отсюда-то ударитъ гроза на Поляковъ. Послѣдніе старались основаніемъ крѣпости Кодака разобщить Малороссіянъ съ Запорожскими Козаками. Но въ то самое время, когда владычество Поляковъ, повидимому, было утверждено уже въ Малороссіи самымъ прочнымъ образомъ, великій человекъ задумалъ освобожденіе отечества.

Конечно, всего менѣе Поляки могли предполагать врага своимъ замысламъ въ Хмельницкомъ, осыпанномъ милостями Короля Сигизмунда и сына его Владислава. Въ самой Польшѣ власть королевская, бывшая долгое время въ спорѣ съ притязаніями Пановъ, унижена была наконецъ до того, что естественно видѣла въ нихъ своихъ враговъ. Владиславу IV и особенно его Канцлеру Оссолинскому приписывали современники замысль, опираясь на Козаковъ и вообще на простой народъ, дать коронѣ болѣе существенной власти. Существовалъ ли этотъ замысль дѣйствительно — трудно рѣшить; какъ бы то ни было, но антагонія между властью королевскою и Пановъ существовала, и Хмельницкій не безъ основанія старался прикрыть свое воостаніе и въ глазахъ Поляковъ предлогомъ законности, говоря,

что онъ хочетъ Королю возвратить слѣдующую ему власть и воюеть не съ Королемъ, а съ Панами. Можетъ быть, Хмельницкій и не подумалъ бы освободить отечество, если бы личная обида, нанесенная ему Чаплинскимъ, на котораго онъ тщетно искалъ управы у Польскихъ властей, не принудила его прибѣгнуть къ самоуправству. Хмельницкій бѣжалъ въ Сѣчу Запорожскую; здѣсь около него собралась скоро значительная толпа смѣльчаковъ; однако съ ними только осторожный Хмельницкій не рѣшался вступить въ борьбу съ Поляками, и прибѣгнулъ къ помощи Татаръ. Ханъ Крымскій охотно согласился на союзъ съ Хмельницкимъ. Дѣйствуя съ чрезвычайною поспѣшностью, Хмельницкій воротился въ Запорожье, прежде нежели туда прибыли войска, шедшія подъ начальствомъ Стефана Потоцкаго. Разбивъ ихъ при урочищѣ Желтыхъ Водъ, Хмельницкій умножилъ свое войско перешедшими на его сторону Малороссіянами, и не давая отдыха непріятелю, настигъ у Корсуня обоихъ Гетмановъ, отступавшихъ съ своимъ войскомъ въ безпорядкѣ. Польскія войска были разбиты на голову; почти всѣ Поляки, спасшіеся отъ убійства, съ обоими своими военачальниками, попали въ плѣнъ Хмельницкому. Съ торжествомъ вошелъ онъ въ Кіевъ. По всей Малороссіи взволновались жители, слыша объ успехахъ Хмельницкаго, поселяне поднялись и становились Казаками; скоро ихъ стало столько же, сколько въ Малороссіи было людей, способныхъ носить оружіе. Чѣмъ угнетеніе Малороссіи было сильнѣе, тѣмъ скорѣе озлобленіе жителей не знало мѣры. Свирѣпый Князь Іеремія Вишневецкій спѣшилъ оставить свои владѣнія на В. берегу Днѣпра, и скоро Малороссія на З. по р. Горынь была уже снова независимою: самые слѣды панскихъ помѣстьевъ исчезли вмѣстѣ съ своими владѣльцами. Переворотъ былъ совершенный. Между Малороссіею и Польшею началась борьба смертельная; при безначалии, господствовавшемъ въ Польска, не скоро приняли въ ней дѣятельныя мѣры къ утушенію возстанія, которое, не ограничиваясь уже болѣе предѣлами собственно Малороссіи, вспыхнуло въ значительной части

Литвы. Владиславъ IV, не любимый Панами и духовенствомъ, слышалъ, какъ необузданные, своевольные магнаты съ угрозами называли его тайнымъ виновникомъ Козацкаго восстанія, и скоро сошелъ въ могилу, преждевременно и не своею смертью, какъ думали тогда на Украинѣ. Во все время отъ смерти Владислава IV-го до избранія Королемъ Польскимъ брата его Казимира, Хмельницкій не предпринималъ противъ Польши ничего рѣшительнаго; онъ занимался внутреннимъ устройствомъ Малороссіи и переговорами съ Польшею; посредникомъ въ этомъ случаѣ служилъ ему бывший воевода Кіевскій, Адамъ Кисель. Переговоры эти не кончились ничѣмъ, благодаря взаимному ожесточенію; оно было такъ велико, что военныя дѣйствія не прекращались и во все время веденія переговоровъ. Князь Іеремія Вишневецкій съ одной стороны, разные Козацкіе полковники съ другой, опустошали страну и какъ бы спорили другъ передъ другомъ въ свирѣпости. Призвавъ на помощь Татарскаго Хана, Хмельницкій съ огромнымъ войскомъ двинулся на Польшу чрезъ Галицію, страшно опустошилъ страну; но укрѣпленные города Каменецъ, Львовъ, Люблинъ, Замостье не сдавались. Хмельницкій дошелъ до береговъ р. Вислы, но не могъ сдѣлать никакихъ прочныхъ завоеваній. Вообще, во все продолженіе Козацкихъ войнъ, жители городовъ держали сторону Поляковъ, между тѣмъ какъ сельское народонаселеніе и въ чисто Польскихъ областяхъ было болѣе расположено въ пользу Малороссіянъ. Новоизбранный Король Польскій Казимиръ, вѣроятно, чтобы выиграть время, завязалъ мирные переговоры съ Хмельницкимъ и утвердилъ его въ Гетманскомъ достоинствѣ; однако требованія съ обѣихъ сторонъ были такъ несовмѣстны, что война началась съ новою силою. Дѣйствуя съ поспѣшностью, Хмельницкій съ огромнымъ войскомъ Козаковъ и Татаръ осадилъ въ Збаражѣ Князя Іеремію Вишневецкаго съ Польскою арміею, и сильно тѣснилъ ихъ. Король Казимиръ долженъ былъ съ небольшимъ войскомъ поспѣшить на выручку осажденныхъ, доведенныхъ до послѣдней крайности. Хмельницкій не только не

допустилъ Короля соединиться съ осажденными, но и окружилъ его самого со всѣмъ его войскомъ. Положеніе Короля было отчаянное; онъ непремѣнно долженъ былъ сдаться; во избѣжаніе этой гибельной крайности, Король вступилъ въ переговоры съ Хмельницкимъ и Ханомъ и вынужденъ былъ подписать предложенныя ими условія, извѣстныя подъ именемъ *Зборовскихъ*. Эти условія, весьма благопріятныя для Козаковъ, возбудили всеобщее негодованіе Поляковъ на Короля и не были утверждены сеймомъ. Съ обѣихъ сторонъ готовились къ войнѣ болѣе упорной. На этотъ разъ военное счастье оставило Хмельницкаго; Татары, дотошъ вѣрные его союзники, измѣнили ему. Двумя многочисленными арміями Поляки двинулись на Украину; первую начальствовалъ самъ Король, вторую Литовскій Гетманъ Радзивиль. Хмельницкій съ Ханомъ двинулся на встрѣчу Королю и сошелся съ нимъ у Берестечка; при первомъ нападеніи Поляковъ Татары, вѣроятно ими подкупленные, обратились въ бѣгство. Козаки, оставленные при собственныхъ силахъ, были разбиты Польскимъ войскомъ, превосходившимъ ихъ числомъ. Казимиръ двинулся къ Киеву. Радзивиль дѣйствовалъ успѣшно, и, разбивъ противупоставленныя ему Козацкія войска, взялъ и сжегъ Кіевъ. Хмельницкій собралъ войско, но не могъ сопротивляться соединеннымъ Польско-Литовскимъ силамъ, и вынужденъ былъ подъ Бѣлою Церковью заключить условія, столь же невыгодныя для Козаковъ, сколь выгодны были для нихъ Зборовскія: число Козаковъ ограничено 20,000; они могутъ жить только на коронной землѣ; всѣ же помѣстья возвращаются прежнимъ владѣльцамъ. Войско Польское вступило въ Украину и расположилось въ ней на квартирахъ. Тяжко было состояніе бѣдной Украины; надменные своею удачею, Поляки обходились съ ея жителями какъ съ народомъ завоеваннымъ. Не терпя ихъ насильствъ, послѣдніе толпами бѣжали въ пограничныя мѣста Велико-россіи. Нѣтъ сомнѣнія, что вслѣдствіе Бѣло-церковской кампаніи Хмельницкій рѣшился отдаться [въ подданство Велико-россіи; онъ узналъ наконецъ совершенно, что съ

Поляками прочнаго мира имѣть невозможно, и что на Татаръ полагаться крайне опасно, если не безразсудно. Хмельницкій съ своей стороны исполнилъ свято всѣ условія Бѣло-церковскаго договора; но Поляки явно старались ихъ сдѣлать болѣе тяжкими, и привести Украину въ то положеніе, въ какомъ она была до возстанія Хмельницкаго. Этотъ великій человекъ могъ всего опасаться не только за участь отечества, но и за участь себя и своего семейства. Такъ какъ Государь Московскій до времени не рѣшался явно заступиться за Украину, то Хмельницкій вступилъ въ тѣсный союзъ съ Портою, которая очень рада была случаю унижить Польшу. Обольщенный надеждою видѣть всю Украину въ своемъ подданствѣ, Турецкій Султанъ велѣлъ не только Татарскому Хану, но и Пашѣ Силистрійскому, всѣми силами помогать Хмельницкому. Желая вступить въ непосредственныя сношенія съ Портою, а также заботясь и о возвышеніи собственнаго своего дома, Хмельницкій задумалъ женить старшаго сына своего Тимоея на дочери Молдавскаго господара Лупулы. Тимоеемъ отправился въ Молдавію съ небольшимъ отрядомъ; за нимъ слѣдомъ пошелъ и Хмельницкій съ Козацкимъ и Татарскимъ войсками, зная, что Поляки не преминутъ помѣшать его замыслу. Дѣйствительно, Гетманъ Калиновскій заступилъ дорогу Тимоеею; но дорого за то поплатился: при урочищѣ Батогъ ударилъ на него Хмельницкій и разбилъ на голову; самъ Калиновскій погибъ. Батогская побѣда была сигналомъ новаго возстанія на Поляковъ; Паны и шляхта были частью изгнаны, частью побиты. Примиреніе стало рѣшительно невозможнымъ; ожесточенная борьба возобновилась: Казимиръ вступилъ со многочисленнымъ войскомъ въ Украину; но при селеніи Жванцахъ полки Татаръ и Козаковъ облегли со всѣхъ сторонъ Польскій станъ. Доведенный до крайности, Казимиръ долженъ былъ вступить въ переговоры; они были ведены съ Ханомъ; Хмельницкій не принималъ въ нихъ никакого участія, какъ бы показывая тѣмъ, что не полагается болѣе на

клятвы Поляковъ, извѣдавъ столько разъ ихъ вѣроломство. Впрочемъ Ханъ выговорилъ въ договорѣ въ пользу Козаковъ возобновленіе Зборовскихъ условій. Воюющія стороны разошлись, недовольныя одна другою; Татары опустошили Польскія области, не получивъ слѣдовавшей имъ по Жванецкому договору суммы, и на пути въ Крымъ свирѣпствовали, какъ непріятеля, въ Украинскихъ селлахъ. Ясно, что Ханъ и Хмельницкій не были уже болѣе друзьями между собою. Послѣдній рѣшился на важный шагъ; онъ со всею Малороссіею отдался въ подданство Царю Алексію Михайловичу, который и утвердилъ клятвенно за Малороссіею статьи несравненно выгоднѣе и самыхъ Зборовскихъ. Великороссія не усомнилась начать войну съ Польшею; она была въ высшей степени счастлива; въ короткое время вся Бѣлоруссія и значительная часть Литвы подпала подъ власть Царя Алексія Михайловича, не столько вслѣдствіе успѣха оружія, сколько по внутреннему благорасположенію жителей. Хмельницкій съ Русскими войсками, подъ начальствомъ Шереметева, проникъ во глубину Галиціи. Присоединеніемъ къ Россіи, Гетманъ нашилъ себѣ смертельнаго врага въ Ханъ. Вообще дѣйствія Хмельницкаго, послѣ его рѣшительнаго шага, лишены прежней энергіи; послѣдніе годы его жизни были отравлены съ одной стороны неудовольствіями съ Русскими воеводами, а съ другой, криками еще многочисленной Польской партіи между Козацкими старшинами. Впрочемъ Хмельницкій скончался (15-го Авг. 1657 года) вѣрнымъ подданнымъ Русскаго Государя, предвидя на смертномъ одрѣ бѣдственную судьбу Украины, вслѣдствіе притязаній державъ сосѣдственныхъ, которыя сдѣлаютъ изъ нея, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, поприще своихъ войнъ.

Представивъ здѣсь, на основаніи достоверныхъ источниковъ, бѣглый очеркъ событій борьбы Козаковъ съ Поляками до смерти Хмельницкаго, посмотримъ, какъ они изложены у Конискаго. Онъ, излагая подробно неважныя событія, приводитъ анекдоты, вставляя вымышленныя рѣчи, о многихъ важныхъ происшествіяхъ говоритъ вскользь;

такъ у Конискаго Жванецкая побѣда слѣдуетъ тотчасъ за пораженіемъ при Берестечкѣ; хотя послѣднее случилось 26 Сентября 1651 года, а первая въ 1653 году. Этого мало: пользуясь, вѣроятно, источниками недостоверными, Конискій рассказываетъ многое, чего вовсе не бывало; такъ онъ заставляетъ Хмельницкаго взять укрѣпленный городъ Каменецъ-Подольскій и подъ стѣнами его разбить Полковъ, а Короля Казимира отнять у Козаковъ Каменецъ послѣ несчастной для нихъ Берестекской битвы. Что касается до рѣчей Хмельницкаго и другихъ лицъ, которыя Конискій вставляетъ въ свой рассказъ, то онѣ столь же подлины, какъ такого же рода рѣчи у Фукидида или Тита Ливія. Вообще съ точки зрѣнія своего ложнаго мѣстнаго патриотизма Конискій вездѣ слишкомъ и противъ истины выхваляетъ Козаковъ, а по тогдашнимъ понятіямъ объ исторіи, жертвуетъ истинною интересу разсказа или слога. Вообще *Исторія Руссовъ* никакъ не можетъ быть источникомъ для исторіи Малой Россіи; авторъ ея слишкомъ далъ ей характеръ полемическій, и потому допущено въ нее много неосновательнаго. Конечно, сочиненіе Конискаго читается охотно; но сухой и безыскусственный разсказъ Великаго или Ригельмана несравненно драгоцѣннѣе для желающаго узнать любопытныя событія исторіи Малой Россіи такъ, какъ они были, а не такъ, какъ они расположились подъ перомъ писателя, желавшаго сочинить панегирикъ своему отечеству и его героямъ.

Смерть Хмельницкаго была сигналомъ безпокойствъ въ южной Россіи. Своевольные охотно смотрѣли, что Великороссія старается о томъ, чтобы слово: подданство не было съ ихъ стороны терминомъ безъ значенія: одни оставались вѣрными Россіи, другіе клонились на сторону Польши, которой амархія была имъ болѣе по вкусу. Вообще Малороссія на В. сторонѣ Днѣпра считала въ себѣ болѣе первыхъ, а Малороссія на З. сторонѣ — вторыхъ: весьма естественно, что при такомъ раздѣленіи умовъ, должно было явиться и двумъ Гетманамъ. По смерти Богдана

Хмельницкаго, Гетманомъ сдѣлался Виговскій, устранивъ притязанія юнаго Богданова сына Юрія; однако полки восточной Малороссіи отказались признать Виговскаго, зная его благорасположеніе къ Полякамъ, и подѣ начальствомъ Полтавскаго полковника Пушкаря упорствовали въ сопротивленіи Виговскому, хотя тотъ успѣлъ личною смиреніемъ исходатайствовать свое утвержденіе въ Гетманскомъ достоинствѣ. Сносясь съ Москвою, Виговскій въ то же время заключилъ въ г. Гадячѣ съ Польскими уполномоченными условія крайне-выгодныя для Малороссіи, а еще болѣе для фамиліи Виговскихъ и ихъ сообщниковъ. Со вспомогательнымъ Татарскимъ войскомъ Виговскій разбилъ Пушкаря, потерявшаго жизнь въ бою, опустошилъ Полтаву и многіе другіе города. Но въ то самое время, когда Виговскій считалъ себя на верху своихъ желаній, всѣ Малороссійане оставили его сторону и признали Гетманомъ Юрія Хмельницкаго. Новый Гетманъ призналъ надъ собою власть Россіи; онъ заключилъ съ нею Переяславскія статьи; гдѣ было много прибавлено противъ таковыхъ жестатей Богдана Хмельницкаго. Многіе Козаки питали за то тайное неудовольствіе, которое не замедлило высказаться. Гетманъ Юрій съ Русскимъ войскомъ, состоявшимъ подѣ начальствомъ Шереметева, двинулся въ глубь Польши: у Любартова (17-го Сент. 1660 г.) соединенныя силы Русскія и козацкія были разбиты. Юрій по договору въ Чудновѣ передался Полякамъ на основаніи Гадяцкихъ статей, а Шереметевъ отвѣденъ въ Крымъ плѣнникомъ. Впрочемъ слѣдствія этихъ событій не были такъ важны, какъ можно бы ожидать; всѣ попытки Юрія овладѣть Кіевомъ и восточною Малороссіею были тщетны; послѣдняя подѣ начальствомъ храбрыхъ полковниковъ Самка и Васюты оставалась вѣрною Великой Россіи.

Когда Юрій Хмельницкій, вслѣдствіе бѣдъ, удался въ монастырь, Гетманомъ западной Малороссіи, подѣ верховною властью Польши, сдѣлался Павелъ Тетеря. Въ восточной Малороссіи получили силу Запорожскіе Козаки; одинъ изъ нихъ, Иванъ Брюховецкій, былъ признанъ Рос-

сією въ достоинствѣ Гетмана. Первымъ дѣломъ его было погубить соискателей булавы — Самку и Васюту. Желая утвердить прочнѣе свою власть въ Малороссіи, Русское Правительство воспользовалось прибытіемъ въ Москву Гетмана Ивана Брюховецкаго, и склонило его на значительныя уступки, какъ на то, чтобы каждый Малороссійскій городъ имѣлъ Русскаго воеводу, и т. п. Узнавъ объ этомъ, своевольные Козаки начали роптать и не скрывали своего неудовольствія. Брюховецкій, осыпанный въ Москвѣ Царскими милостями и возвышенный въ санъ Русскаго боярина, заплатилъ за все это самою черною неблагодарностью. Павелъ Тетера, Гетманъ западной Малороссіи, лишился своего достоинства, за то, что безъ суда казнилъ смертью бывшаго Гетмана Виговскаго. Мѣсто Тетери занялъ Дорошенко, человекъ весьма замѣчательный. Обладая великимъ умомъ, Дорошенко былъ до крайности честолюбивъ; первою и любимую его мыслью было стать Гетманомъ всей Малороссіи; чтобы осуществить ее, онъ не отступалъ ни передъ какимъ средствомъ; главными союзниками его были Татары. Пользуясь смутами восточной Малороссіи, вслѣдствіе прибытія въ нее Русскихъ воеводъ, Дорошенко хитро умѣлъ подвинуть Брюховецкаго возстать противъ Россіи, и когда тотъ дерзнулъ на это, Дорошенко съ своими Татарами лишилъ его Гетманства и жизни, а самъ сдѣлался Гетманомъ всей Малороссіи, но не надолго. Полковникъ Демьянъ Многогрѣшный, которому Дорошенко вѣрилъ на время управленіе Малороссією на В. берегу Днѣпра, воспользовавшись удаленіемъ Дорошенка на З. его берегъ, поддался Россіи и за то былъ сдѣланъ Гетманомъ. Дорошенко, не довольствуясь союзомъ съ Запорожскими Козаками и Крымскими Татарами, убѣждалъ Турецкаго Султана Магомета IV овладѣть Украиною. Въ то время Турки домогались завоеванія острова Кандіи и пока не овладѣли имъ, не хотѣли принять дѣятельнаго участія въ дѣлахъ Украинскихъ. Предоставленный собственнымъ силамъ, Дорошенко съ трудомъ отбивался отъ Польскихъ войскъ. Овладѣвъ Кандією, Ма-

гометъ IV съ многочисленнымъ войскомъ, къ коему присоединился и Дорошенко съ своими Козаками, вошелъ въ Подолю, овладѣлъ Каменцомъ и проникъ въ Галицію. Устрашенный Король Польскій Михаилъ, сынъ Князя Іереміи Вишневецкаго, заключилъ съ Турками постыдный договоръ, по которому уступилъ имъ Подолю. Могущество Турковъ въ то время было такъ велико, что внимательство ихъ въ дѣла Украины заставило Россію и Польшу, забывъ давнишнюю вражду, соединиться между собою тѣснымъ союзомъ противъ общихъ враговъ христіанства. Порта нѣсколько разъ возобновляла нападеніе на Украину, овладѣла почти всею ея частью, лежащею на З. берегу Днѣпра, и пыталась даже проникнуть въ восточную. Возобновляя безпрестанно свои вторженія, Турки не прежде отказались отъ всякихъ притязаній на Украину, какъ по Карловицкому договору (въ 1699 г.). Мужественный Король Польскій Іоаннъ, изъ роду Собѣскихъ, не допустившій Турковъ овладѣть Вѣною, не могъ отразить ихъ отъ собственныхъ предѣловъ, и по договору въ Журавно, скоро впрочемъ прерванному, уступилъ было формально Украину Туркамъ. Видя невозможность собственными силами совладать съ страшнымъ врагомъ, Король Іоаннъ, 6-го Мая 1686 года, подписалъ договоръ вѣчнаго оборонительнаго и наступательнаго союза съ Россіею; по этому договору Польша отказалась въ пользу Россіи отъ всѣхъ правъ на всю Украину, лежащую по обѣимъ берегамъ Днѣпра. Соединенныя силы Россіи и Польши противопоставили прочный оплотъ разрушительному потоку Турецкаго завоеванія. Впрочемъ Турки образомъ своихъ дѣйствій сами себѣ приготовили неуспѣхъ; они не довольствовались только тѣмъ, чтобы управлять страню сначала чрезъ Дорошенку, потомъ чрезъ Юрія Хмельницкаго, но старались совершенно утвердиться въ Подоліи и Украинѣ, сажали по городамъ и селамъ своихъ чиновниковъ, отнимали у жителей церкви подъ мечети и дѣлали всякаго рода насильства. Несчастные жители западной Украины, продливая своихъ Гетмановъ, личное честолюбіе которыхъ открыло нестр-

нымъ путь въ христіанскія области, бросали все и толпами стремились въ восточную Украину, наслаждавшуюся спокойствіемъ подъ владычествомъ Московскимъ: западная Украина почти совершенно обезлюдѣла. Кромѣ нелюбви жителей, замысламъ Турковъ на Украину много противудѣйствовало и двусмысленное въ отношенія къ нимъ поведеніе Татаръ Крымскихъ, которые, дорожа своею независимостью, не хотѣли дать Туркамъ возможность утвердиться прочною ногою въ ихъ сосѣдствѣ, и потому всячески старались тайно вредить Туркамъ. Изъ всѣхъ жителей Украины наиболѣе къ Туркамъ благорасположенія оказывали Запорожскіе Козаки; въ землѣ ихъ Турки заложили нѣсколько укрѣпленій. Многогрѣшный былъ Гетманомъ не болѣе 4-хъ лѣтъ; собственная его Малороссійская старшина, обвинивъ его въ какихъ-то замыслахъ, лишила сана и отослала въ Москву. Мѣсто Многогрѣшнаго заступилъ Иванъ Самуїловичъ; онъ былъ родомъ изъ духовнаго званія, и происходилъ изъ г. Зинькова. Конецъ Самуїловича былъ также неблагополучный. Исполняя союзный договоръ съ Польшею, Россіа, которою тогда правила отъ имени своихъ братьевъ, Іоанна и Петра, Царевна Софія Алексѣевна, рѣшилась предпринять рѣшительный походъ на Крымскихъ Татаръ, которыхъ считали вѣрными союзниками Порты. Князь Василій Голицынъ, правая рука Царевны, предводительствовалъ Русскимъ войскомъ; приготовленія были сдѣланы огромныя. Гетманъ Самуїловичъ соединилъ съ Русскими войсками Козацкіе полки; огромная армія двинулась къ Крыму, но, не достигши его, вынуждена была воротиться, потерявъ множество людей отъ голода и жажды. Главною причиною неудачи похода было то обстоятельство, что Татары выжгли степь. Князь Голицынъ сложилъ всю вину на несчастнаго Самуїловича, оподозрѣвая его въ тайномъ единомысліи съ Татарами. Лѣтописи Малороссіи говорятъ, что Гетманъ Самуїловичъ и его братья навлекли на себя всеобщее изгодозаніе неприличною ихъ происхожденію гордостью, и что гибели Самуїловичей не мало содѣйствовали происки старшинъ Малороссійскихъ, между которыми лѣтописи

именуютъ и Иванъ Мазепу. Этотъ человѣкъ, опозорившій свое имя гнуснымъ предательствомъ, успѣлъ происками приобрести для себя Гетманское мѣсто; онъ снискалъ милость Князя Голицына и сопровождалъ его съ Малороссійскими полками во второй Крымскій походъ, окончившійся удачнѣе прежняго, хотя равно бесполезный. Между тѣмъ какъ Князь Голицынъ тщеславно гонялся въ степяхъ за славою полководца, въ Москвѣ совершился переворотъ: Царевна Софія, благодѣтельница Князя Голицына, удалилась отъ дѣлъ; Великій Петръ твердою и искусною рукою взялся за кормило правленія. Князь Василій Голицынъ отправленъ былъ въ Сибирь, но созданіе его, хитрый Мазепа, не только ничего не потерпѣлъ, но умѣлъ снискать благорасположеніе Петра Великаго. Этотъ Государь замыслилъ овладѣть Азовомъ, передовымъ постомъ Турковъ, изъ котораго они безпрестанно грозили Астрахани и Казани, волновали нашихъ Татаръ и Козаковъ и пр. Въ этомъ-то отношеніи, и какъ ключъ къ господству на Азовскомъ морѣ, Азовъ обратилъ на себя вниманіе Петра Великаго и силы Россіи. Мазепа и Малороссійскіе полки оказывали дѣятельную помощь во время двукратной осады Азова и содѣйствовали его покоренію. Кромѣ того разныя крѣпостцы, основанныя Турками на островахъ рѣки Днѣпра, впади въ власть Россіи и Козаковъ; всѣ усилія Турковъ возвратить себѣ какъ ихъ, такъ и Азовъ, были тщетны, и можно смѣло сказать, что успѣхи Петра Великаго въ войнѣ съ Турціею наиболѣе содѣйствовали къ заключенію Карловичскаго договора, которымъ могуществу Порты нанесенъ былъ первый значительный уцербъ.

Періодъ времени отъ смерти Богдана Хмельницкаго до Карловичскаго мира описанъ въ исторіи Конискаго не такъ подробно, какъ дѣйствія самого Хмельницкаго. И здѣсь о многомъ разсказъ Конискаго не сходствуетъ съ свидѣніями, какія мы имѣемъ изъ болѣе достоверныхъ источниковъ. Если вѣрить Конискому, то событія въ Малороссіи послѣ смерти Гетмана Богдана слѣдовали такимъ порядкомъ: Виговскій коварно склонилъ юнаго Юрія Хмельницкаго, во-

того онъ былъ опекуномъ, сблизиться съ Польшей; и когда тотъ заключеніемъ съ нею Заславскихъ (иначе Гадяцкихъ) условій оттолкнулъ отъ себя сердца Малороссіянъ, то Виговскій увѣрилъ Царя Московскаго въ преданности своей къ Россіи и былъ отъ него сдѣланъ Гетманомъ, съ явнымъ нарушеніемъ Козацкихъ правъ и обѣщаній, данныхъ Хмельницкому. Это совершенно несправедливо: не Царь, но сами Козаки избрали себя Виговскаго, а Царь только утвердилъ его. Въ описаніи борьбы Виговскаго, съ Пушкаремъ, Полтавскимъ полковникомъ, Конискій говоритъ, что полки Нѣжинскій и Стародубскій, посланные Виговскимъ для усмиренія Пушкаря, были этимъ послѣднимъ разбиты, а по достовѣрнѣйшимъ свѣдѣніямъ, эти полки отказались сражаться за Виговскаго. Юрій Хмельницкій, сдѣлавшись Гетманомъ (при помощи Россіи, съ воеводою Русскимъ Шереметевымъ, двинулся во глубину Польши; походъ этотъ, какъ выше было видно, окончился весьма несчастливо; по свидѣтельству достовѣрныхъ источниковъ, Юрій Хмельницкій и Шереметевъ шли разными дорогами; у Любартова вождь Польскій Янъ Собьскій окружилъ перваго превосходными силами и заставилъ перейти на сторону Польши; тогда Собьскій у Чуднова заставилъ Шереметева положить оружіе. Конискій же рассказываетъ такъ: Шереметевъ и солдаты, которыми онъ начальствовалъ, обходились съ Малороссіянами очень дурно, не щадили для нихъ ни насмѣшекъ только, но и насильствъ. Хмельницкій жаловался Царю на поведеніе Шереметева, не получилъ удовлетворенія, злобился на Русскихъ и ждалъ только случая отомстить своему личному врагу Шереметеву. Случай этотъ представился во время общаго похода въ Польшу; Хмельницкій соединился заодно съ Поляками и содѣйствовалъ взятію въ плѣнъ Шереметева со всѣмъ его войскомъ. Конискій часто вставляетъ въ свой рассказъ яко бы выписки изъ подлинныхъ документовъ, но эти выписки или просто сочинены имъ самимъ, или измѣнены до того, что нѣтъ возможности ихъ узнать. Возможно ли, чтобы бояринъ Хлоповъ доносилъ въ *рапортѣ своемъ* къ

Царю о Гетманѣ Брюховецкомъ такъ: «Иванъ Мартыновичъ есть *гестный* человекъ и годится быть Гетманомъ, «понеже онъ хотя неучень, да уменъ и ужасъ какъ *вороватъ и исправенъ*. Посады его на границахъ, *можно спать въ Москвѣ безъ торопливости.*» Замѣтимъ, что у Конискаго замѣтно постоянно усиліе острить, во многихъ мѣстахъ крайне неумѣстное. Представленіе, которое Брюховецкій сдѣлалъ будто бы Царю, явно сочинено Конискимъ. Въ жестокую ошибку впалъ Конискій говоря о Гетманѣ Многогрѣшномъ; вотъ слова его: «въ 1672 году, Февраля 7-го дня, Гетманъ Многогрѣшный отъ ранъ своихъ умеръ и съ великими почестями, военными и церковными, въ Батурынѣ погребенъ. Всѣ чины и народъ съ чистосердечнымъ сокрушеніемъ оплакивали сего достойнаго ихъ начальника и пр.» Послушаемъ теперь Ригельмана: «въ сіе же время въ половину Великаго Поста, то есть въ Мартѣ мѣсяцѣ, по недозвѣркѣ на Гетмана Многогрѣшнаго, войсковый генеральный писарь Карпъ Мокріевичъ, согласясь съ прочею генеральною старшиною, за примѣченную яко бы отъ Гетмана противу Царя измѣну, вдругъ и нечаянно ночью, напавъ тайно въ замкъ Батуринскомъ, спящаго съ постели его взяли, и связавъ въ сани положили, и накрывъ кожею, поспѣшно въ Москву повезли... съ чѣмъ и Хетманство его окончилось.» Ригельмана извѣстіе подтверждается современными актами.

При Петрѣ Великомъ Малороссія окончательно вошла въ составъ Россіи, и хотя Гетманское достоинство и раздѣленіе на полки оставалось въ Украинѣ до половины XVIII вѣка; однако смуть уже не было болѣе въ Малороссіи, вслѣдствіе рѣшительныхъ и умныхъ мѣръ Петра Великаго. Съ самаго начала своего царствованія, онъ старался мало по малу подчинить Малороссію одинакимъ съ Великороссіею постановленіямъ; Петръ Великій не хотѣлъ, чтобы Малороссія, по имени состоя подъ покровительствомъ Россіи, на дѣлѣ была бы ей совершенно бесполезна; но требовалъ, чтобы она дѣлила всѣ труды и издержки съ прочими областями Русскаго государства. Хитрый Мазепа понялъ планъ Великаго Государя — безъ войны, мирными мѣрами

уничтожить особенности правленія Малороссіи, по которымъ она была *status in statu*, и сдѣлать ее интегральною провинціею Имперіи; весьма много, при настоящей степени историческихъ свѣдѣній объ этомъ вопросѣ, для насъ необъяснимаго въ поведеніи Мазепы. Измѣна его походить болѣе на дѣйствіе, внушенное отчаяніемъ, опасностью подвергнуться участи Самойловича, чѣмъ слѣдствіемъ заранее и глубоко обдуманнаго плана. Переходъ Мазепы къ Шведскому Королю Карлу XII походить болѣе на бѣгство отъ гнѣва Петра Великаго, чѣмъ на свободное присоединеніе Малороссійскаго Гетмана къ войску непріятеля. Мазена, не смотря на любовь къ духовенству, не пользовался расположеніемъ народа; могущественная партія въ старшинѣ Малороссійской искала уже давно его гибели. Хотя Кочубей и Искра были принесены въ жертву Мазепѣ, однако Скоропадскій, полковникъ Стародубскій, не скрывалъ своего зложелательства Мазепѣ. Послѣдній усомнился въ силѣ Россіи, полагалъ, что она будетъ побѣждена въ борьбѣ съ Карломъ XII, слава котораго уже пронеслась по всей Европѣ, и потому заранее передался той сторонѣ, которую считалъ сильнѣйшею. Провидѣніе судило иначе, чѣмъ предполагалъ Мазена: Карлъ XII, потерявъ у Полтавы и Переловчины все свое войско, вынужденъ былъ искать убѣжища у Турковъ. Судьба Малороссіи рѣшилась; примѣръ Мазепы ясно показалъ, какъ опасна можетъ быть власть Гетманская въ рукахъ хитраго и скрытнаго человѣка. Петръ Великій не вдругъ ее уничтожилъ, но, сдѣлавъ Гетманомъ Скоропадскаго, оставилъ ему только тѣнь власти; Малороссія была занята Русскими войсками; при выборѣ Скоропадскаго въ Гетманы, Петръ Великій началъ распоряжаться въ Малороссіи также независимо, какъ и въ древнихъ областяхъ своего государства. Народъ Малороссійскій охотно покорился волѣ Государя. Правда, было еще послѣ Мазепы три Гетмана: Скоропадскій, Апостоль и Разумовскій; но въ ихъ особѣ Гетманское достоинство было болѣе почетнымъ; власть же равнялась власти воеводъ и губернаторовъ въ прочихъ областяхъ Имперіи.

Любопытнѣе взглядъ Конискаго на изложенныя выше событія; не только спорбъ, но и досада ясно видна въ его словахъ. Правда, онъ поноситъ Мазепу, но и на дѣйствія Петра Великаго смотритъ очень неблагоклонно. Вообще конецъ исторіи Конискаго анекдотическій; онъ собираетъ неважные анекдоты; онъ прошелъ молчаніемъ тѣ выгоды, какія произошли для нея отъ соединенія съ могущественною Великою Русью, сердцемъ Россійской державы; для безпристрастнаго же наследователя, желающаго познакомиться съ событіями Малороссійской исторіи съ истинной точки зрѣнія, *Исторія Руссовъ* представить очень мало основательныхъ свѣдѣній. Конечно, любопытно познакомиться и со взглядомъ Конискаго; но кто хочетъ имѣть истинное понятіе о Малороссійской исторіи, пусть обратится лучше къ летописи Велички, къ исторіи Ригельмана, къ актамъ, изданнымъ Кіевскою Коммиссією. *Amicus Plato, sed magis amica veritas.*

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДЦЕИХМЕЙСТЕРЪ БАРОНЪ ГАЙНАУ. —

Юлій Баронъ Гайнау происходитъ отъ одного изъ древнѣйшихъ дворянскихъ родовъ Германіи. Онъ родился въ 1786 году, въ Кассель, городъ Гессенскаго курфирстерства; получилъ тщательное образованіе въ родительскомъ домѣ, и съ самыхъ юныхъ лѣтъ чувствуя призваніе къ военной службѣ, вступилъ въ 1801 году лейтенантомъ въ Австрійскую службу. Находясь въ кампаніи 1805 года, молодой Гайнау привлекъ на себя вниманіе начальства усерднымъ выполненіемъ своихъ обязанностей и мужествомъ; вслѣдствіе этого, въ 1806 году, онъ произведенъ былъ прямо (черезъ чинъ оберъ-лейтенанта) въ капитанъ-поручики; въ началъ похода 1813 года не въ очередь произведенъ въ майоры. Тутъ получилъ онъ приказаніе сформировать такъ называемый *легкій Нѣмецкій батальонъ*, состоявшій изъ иностранцевъ. Гайнау исполнилъ это порученіе съ такимъ знаніемъ дѣла и усердіемъ, что въ продолженіе шести недѣль батальонъ былъ обученъ, снабженъ всѣмъ нужнымъ, могъ быть немедленно отправленъ въ Италію, гдѣ и совершилъ кампаніи 1813 и 1814 годовъ. Въ 1815 году, этому отряду предписано было войти въ составъ Россійской арміи, а Майору Гайнау, показавшему въ Италіи неоднократно опыты своихъ воинскихъ дарованій, ввѣрено было начальство надъ авангардомъ корпуса Графа Коллоредо. Тутъ Барону Гайнау открылся случай развить рвительный, предприимчивый духъ, неутомимую дѣятельность и терпѣніе, настойчивость и постоянство — таланты, которыми онъ не перестаетъ отличатся и до настоящаго времени. По заключеніи мира, Гайнау съ войскомъ

возвратился въ Австрію. Въ 1824 году онъ произведенъ за выслугу лѣтъ въ подполковники, а въ 1827 г. получилъ подъ свою команду полкъ; въ 1830 г. Гайнау произведенъ въ полковники и сдѣланъ начальникомъ пѣхотнаго Графа Нугента полка; въ 1835 г. онъ былъ Генералъ-Майоромъ и начальникомъ бригады въ Италіи; въ 1844 г. Фельдмаршалъ-Лейтенантомъ и начальникомъ дивизіи въ Грецъ; въ 1847 г. переведенъ въ Банатъ, въ городъ Темешваръ, и командовалъ здѣсь дивизіею. Когда весною 1848 г. вспыхнулъ мятежъ въ Ломбардіи и Венеціи и началась война съ Пиемонтомъ, Гайнау открылось тогда новое поприще дѣятельности. По собственному желанію, Гайнау получилъ подъ свое начальство уже знакомый ему полкъ N 57; скоро потомъ назначенъ начальникомъ Веронской крѣпости съ неограниченною надъ нею властью, а въ слѣдъ за тѣмъ и предводителемъ третьяго пѣхотнаго корпуса. Сколько Гайнау содѣйствовалъ блистательной побѣдѣ при Кустоцѣ, въ качествѣ коменданта крѣпости Вероны — извѣстно всѣмъ. Не менѣе извѣстны подвиги Гайнау въ походѣ 1849 года; Итальянцы прозвали тутъ его Einhu (рубака) чрезвычайно мѣтко. Начальствуя вторымъ резервнымъ армейскимъ корпусомъ въ Италіи, Гайнау съ удивительною рѣшительностію и быстротою подавилъ мятежъ, вспыхнувшій въ г. Брешии, и съ того времени имя его стало ужаснымъ для всѣхъ возмутителей общественнаго порядка и спокойствія. Барону Гайнау ввѣрена была осада крѣпости Мальгеры (что у Венеціи); онъ довелъ ее до послѣдней крайности, но не былъ свидѣтелемъ ея паденія: лестное довѣріе его Государя, Императора Австрійскаго, призвало его на болѣе обширное поприще дѣятельности — быть главнокомандующимъ Австрійскихъ войскъ въ Венгріи.

Гайнау нынѣ 63-й годъ отъ рожденія; онъ высокъ ростомъ, сухъ и худъ собою, но удивительно бодръ и силенъ не по лѣтамъ; голову держитъ онъ нѣсколько наклоненную впередъ; она покрыта сѣдоватыми, коротко остриженными и не очень частыми волосами; подъ густыми сѣрыми бровями блестятъ голубовато-сѣрые глаза; выраженіе ихъ обыкновенно дружелюбно, но когда онъ занятъ испол-

неніемъ обязанностей своего званія, строго и важно. Манеры его самыя непринужденныя, образъ жизни самый простой; тонъ его голоса пріятный и возбуждающій до-
вѣріе. Онъ никогда не теряетъ веселаго и спокойнаго распо-
ложенія духа, и ободряющимъ образомъ дѣйствуетъ на
окружающихъ. Вообще, вся наружность его внушаетъ ува-
женіе, и кто однажды смотрѣлъ на него со вниманіемъ,
тотъ никогда его не забудетъ.

АДМИРАЛЪ ВИЛЛОУБИ. — Недавно, въ Англіи умеръ престарѣлый Адмиралъ Виллоуби; онъ можетъ служить лучшимъ примѣромъ, какія опасности въ состояніи вы-
держать человекъ при помощи мужества и терпѣнія. Три
раза претерпѣлъ онъ кораблекрушеніе; однажды лодка, на
которой онъ плылъ, опрокинулась, и въ продолженіе 10
часовъ Виллоуби держался на водѣ съ помощію одного
весла. Въ продолженіе двухъ лѣтъ былъ невольни-
комъ въ Триполѣ; отсюда онъ бѣжалъ, умертвивъ въ от-
крытомъ бою двухъ Мавровъ; двѣ мили проплылъ онъ по
морю, пока не былъ принятъ на встрѣтившій его Фран-
цузскій корабль. Командуя однимъ только фрегатомъ, про-
никъ онъ силою въ гавань Иль-де-Франса, защищенную
60 пушками, и изъ-подъ батарей крѣпости увелъ два бо-
гато нагруженныхъ корабля. Вообще Виллоуби имѣлъ на
своемъ тѣлѣ 71 рану отъ огнестрѣльнаго оружія, три раны
отъ осколковъ, безчисленное множество слѣдовъ, остав-
ленныхъ саблями и томагачаками; лицо его было обожжено;
глазъ, часть подбородка и руку онъ потерялъ въ сраже-
ніяхъ. Послѣднія свои раны пріобрѣлъ онъ въ походѣ
1812 года, когда въ качествѣ волонтера находился при
Русской арміи; руку потерялъ онъ въ битвѣ подъ Лейп-
цигомъ. Въ качествѣ Полковника Русской службы, Вил-
лоуби до кончины своей получалъ пенсію; между Англій-
скими моряками ему не было другаго названія, какъ „че-
ловѣкъ, которому нѣтъ смерти.“ Одна Англійская газета
закъчиваетъ: „однимъ словомъ, Виллоуби заключалъ въ себѣ
болѣе живучести, чѣмъ кошка, и болѣе мужества, чѣмъ
Африканскій левъ.“

ГЕНРИЕТТА ЗОНТАГЪ. — Любители пѣнія имѣютъ основательный поводъ радоваться: талантъ Генриетты Зонтагъ возвращенъ свѣту. Известно, что эта знаменитая пѣвица въ 1829 году вышла замужъ за Графа Росси, и съ того времени отказалась отъ усилъховъ на сценѣ; это случилось именно тогда, когда талантъ ея сіялъ звѣздою; первой величины въ Берлинѣ, Парижѣ, Лондонѣ. Нынѣ, въ слѣдствіе политическихъ переворотовъ, Графъ Росси лишился должности и помѣстій; онъ перенесъ этотъ ударъ съ удивительнымъ великодушіемъ и не согласился даже принять пенсію, которую Король Прусскій хотѣлъ было ему назначить. Графъ началъ совѣтоваться о положеніи даль съ супругою, и вѣроятно, воспоминаніе о прежнихъ торжествахъ, а можетъ быть, и воскресшая въ душѣ потребность артистической жизни имѣли вліяніе на ея рѣшеніе; какъ бы то ни было, по зрѣломъ обсужденіи на домашнемъ совѣтѣ Графовъ Росси, было положено, что Графиня Росси явится снова пѣвицею, и Генриетта Зонтагъ вторично начнетъ свое художественное поприще.

Узнавъ объ этомъ рѣшеніи, Г. Лумлей, навѣстный директоръ Королевской Оперы въ Лондонѣ, отправился немедленно въ Берлинъ (чего не даль бы онъ, опасаясь, чтобы кто-нибудь не перебилъ у него славной пѣвицы, за коврикъ-самолетъ!), чтобы пригласить царицу пѣнія на сцену Ея Великобританскаго Величества. Онъ успѣлъ въ своемъ желаніи, и контрактъ былъ подписанъ съ обѣихъ сторонъ. Чрезъ нѣсколько дней Графиня Росси покинула Берлинъ, а въ Лондонъ вѣзжала дѣвица Генриетта Зонтагъ. Ей предложили для дебюта пѣть въ *Севильскомъ цирюльничѣ*; но она отказалась, замѣтивъ; „Я не пассажная пѣвица, чтобы мнѣ пѣть все одно и то же.“ Зонтагъ предпочла испытать свои силы въ новой для нея оперѣ — *Ланда-ди-Шамуни*. Назначены были пробы; Лаблашъ, мыслящій художникъ и вѣрный другъ, просилъ у пѣвицы чести быть ея судьей и помощникомъ. Въ субботу 7-го Іюля было первое представленіе; можно по справедливости сказать, что весь Лондонъ пришелъ въ движеніе, и вечерокъ зала Оперы была переполнена.

Во время поднятiя занавѣса уже каждый зритель занималъ свое мѣсто. Ожиданiе было всеобщее. Да и чье сердце не билось сильнѣе при мысли: вотъ явится пѣвица, нѣкогда считавшаяся одною изъ первыхъ въ своемъ родѣ. И для самой пѣвицы безпокойство было велико: она ставила на одну карту въ этотъ вечеръ и свою будущность и прошедшую славу! Я, говорить одинъ изъ очевидцевъ, Французъ, рассказъ котораго послужилъ источникомъ для нашего, видѣлъ въ Парижѣ у Графа Пурталеса портретъ дѣв. Зонтагъ во весь ростъ, нарисованный Павломъ Деларошею; это портретъ дѣв. Зонтагъ въ первой ея молодости, сдѣланный въ самомъ началѣ дебюта ея въ Парижѣ; съ того времени она относительно наружности перемѣнилась мало, сдѣлалась только полнѣе; но это ни сколько не уменьшило ни ея величественнаго вида, ни благородства манеръ, которыми уже тогда она привлекла всеобщее вниманiе. Это все тѣ же нѣжныя, исполненныя выраженiя черты лица, прекрасная гармонiя формъ и то врожденное ей благородство движенiй, которое, конечно, она могла развить еще болѣе посреди придворной жизни въ Берлинѣ.

Содержанiе оперы *Линда-ди-Шалуни* извѣстно. Правда, дѣйствiе здѣсь не столь живо, игриво, какъ въ *Севильскомъ цирюльникѣ*, котораго можно назвать самымъ лучшимъ произведенiемъ таланта Россини; но за то важное, чувствительное, трогательное, рѣполагающее скорѣе къ грусти, чѣмъ къ веселости. Тѣмъ не менѣе, пѣвица, для которой, казалось, создана была роль Розины, избранiемъ для себя роли совершенно противоположнаго характера, по-видимому, обнаружила притязанiя на успѣхи въ другомъ родѣ, чѣмъ прежде. За нѣсколько дней до появленiя знаменитой пѣвицы на сценѣ, многiя особы изъ высшаго Англiйскаго общества лично засвидѣтельствовали ей уваженiе къ ея таланту; сама Королева, предъ отъѣздомъ своимъ на островъ Вайтъ, удостоила принять милостивое участiе въ судьбѣ Германской пѣвицы и заинтересовалась появленiемъ ея въ свѣтъ. Въ такихъ обстоятельствахъ дѣв. Зонтагъ могла рассчитывать на слушателей благосклонныхъ; но тѣмъ не менѣе, удовлетворить ожиданiямъ, возбужден-

нымъ ея именемъ и прежнею славою, было не легко; всего опаснѣе для впечатлѣнія, которое Зонтагъ произвела на слушателей, было свѣжее воспоминаніе, оставленное въ нихъ очаровательнымъ голосомъ прелестной Дженни Линдъ. Когда Зонтагъ явилась на сценѣ, ее привѣтствовали оглушительныя рукоплесканія, возобновлявшіяся пять или шесть разъ. Она начала пѣть, и истинно волшебные звуки приковали до такой степени вниманіе слушателей, что въ огромной залѣ господствовала могильная тишина. Грація, нѣжность, простота, переливы голоса, вѣрно передававшіе въ звукахъ малѣйшіе отбѣжки чувства, выразительность, приличіе жестовъ — все въ ней обличало первоклассную пѣвицу. Можно сказать, что изъ этой Линды, столь пренебрегаемой многими обыкновенными пѣвицами, дѣв. Зонтагъ создала совершенно новую роль. Она вполне очаровала слушателей: одна арія, одинъ дуэтъ, финаль и каватина были, по настоящему требованію публики, повторены; девять или двѣнадцать разъ вызывали пѣвицу, и каждый разъ при появленіи на сцену она была встрѣчена громкими рукоплесканіями и дождемъ цвѣтовъ. Кажется, что Лумлей не будетъ имѣть причинъ раскаиваться, что обѣщаль по контракту заплатить дѣв. Зонтагъ огромное годовое содержаніе въ 8,000 ф. ст. (48,000 р. сер.).

СОЧИНЕНІЕ ЧИКОНИ О ВЕНЕЦІАНСКОЙ БИБЛІОГРАФІИ.* — Въ Сентябрѣ 1847-го года, въ Венеціи былъ знаменитый съѣздъ ученыхъ. То была для Венеціи прекрасная, блестящая, исполненная надеждъ и дѣятельности пора; правда, что уже и тогда многіе значительно покачивали, головою, слыша въ дворцѣ Дожей восторженныя рѣчи Манина, Канту и другихъ; однако большая часть надѣялись еще на благополучное процвѣтаніе своего отечества подъ скипетромъ Австріи; никто не могъ предвидѣть, какаѣ грозная туча собиралась надъ Венеціею. Среди многихъ замѣчательныхъ ученыхъ твореній, представленныхъ на съѣздѣ, недоставало одного: Эммануиль Чиконья надѣялся окончить къ тому

* Saggio di Bibliografia Veneziana.

времени свой капитальный трудъ о Венеціанской библіографіи, но по множеству матеріаловъ не успѣлъ. Издержки изданія принялъ на себя Графъ Бенедетто Вальмарана, питавшій горячую любовь къ наукъ и искусству; онъ, какъ и Чиконья, надѣялся, что *Исторія Венеціанской библіографіи* будетъ окончена къ съѣзду ученыхъ; но она вышла въ свѣтъ только теперь, когда уже Графа Вальмарана нѣтъ въ живыхъ, когда Венеція стоитъ, по своему легкомыслию, на краю заслуженной гибели. Какъ бы то ни было, но сочиненіе Чиконьи, прибывшее въ Европу окольными путями изъ осажденнаго города, есть весьма важный и добросовѣстно составленный трудъ, какового и должно было ожидать отъ автора «*Iscrizioni Veneziane*». Толстый томъ, въ большую осьмушку, на 970 страницахъ, содержитъ въ себѣ извѣстія о 6,000 книгъ, навѣчанныхъ въ Венеціи. Нельзя сказать, чтобы въ сочиненіи Чиконьи не было пропусковъ; но оно—полнѣйшее, какое мы до сихъ поръ имѣемъ, обзорніе печатной литературной дѣятельности Венеціи. Рукописи не вошли въ составъ сочиненія Чиконьи, и обзорніе ихъ составило бы столь же толстый томъ; число ихъ очень велико, какъ можно судить по хранящимся въ одной Фоскариніевой библіотекѣ: списокъ ея рукописей, сдѣланный Томасомъ Гарою, помѣщенъ въ вышедшемъ во Флоренціи *Archivio storico*. Въ сочиненіи Чиконьи вы встрѣчаете сначала списокъ сочиненій, вышедшихъ въ Венеціи по предмету церковной исторіи, раздѣленный на 10 отдѣловъ; за тѣмъ, въ 17 отдѣлахъ, списокъ сочиненій по части свѣтской исторіи; онъ отрывается спискомъ произведеній объ исторіи Венеціи, писанныхъ по повелѣнію ея правительства Маркомъ Антоіемъ Сабеллико, Петромъ Бембо, Павломъ Парутою, Андреемъ Морозини, Батистою Нани, Михаиломъ Фоскарини, Петромъ Гарзоци; за тѣмъ слѣдуютъ списки генеалогическихъ и біографическихъ, по части исторіи литературъ и искусствъ; наконецъ спеціальныя сочиненія о разныхъ наукахъ. Авторъ говоритъ здѣсь о сочиненіяхъ, вышедшихъ не только въ Венеціи, но и въ разныхъ городахъ бывшей ея области, во время ея самостоятельнаго существованія.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ОБЩЕСТВО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ РОССИИ. — По ходатайству Пеназенскаго Гражданскаго Губернатора, А. А. Панчулидзева, основанному на желаніи Гг. помѣщиковъ Пензенской и Саратовской губерній, Высочайше разрѣшено, 28 Августа прошлаго года, учредить въ Пензѣ Общество Сельскаго Хозяйства Юго-Восточной Россіи. Въ текущемъ году, Іюня 16, это младшее изъ отечественныхъ Сельско-Хозяйственныхъ Обществъ имѣло первое публичное засѣданіе, въ которомъ избранный Президентомъ его, Городищенскій помѣщикъ *П. Т. Морозовъ*, произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Мм. Гг.! Часть Россіи между Волгою, Сурою, границами губерній Симбирской и Астраханской, давно славится богатствомъ сельскихъ пособій. На гербѣ нашемъ * не безъ основательной причины блистаетъ произведеніе, которое народъ Русскій, въ благочестивомъ умѣннѣи вѣрно цѣнять и называть вещи, именуеть *даромъ Божиимъ* по преимуществу. Въ столицахъ столы богачей и бѣдняковъ украшаются нашими произведеніями. Мы посылаемъ имъ первую необходимость и самую изящную роскошь: съ одной стороны, хлѣбъ, съ другой — рѣдкихъ рыбъ, хрусталь и даже дорогія шали.

«Къ этимъ богатствамъ присоединяются выгоды, какихъ лишены большая часть хлѣбородныхъ нашихъ губерній. Мы имѣемъ лѣса и въ нихъ огромное количество сожигаемаго строительнаго и даже питательнаго вещества. Они даютъ возможность употреблять наши долгиа зимы на обработываніе разныхъ вѣтвей мануфактурной промышленности, и во время скудныхъ урожаевъ, доставляютъ въ листьяхъ своихъ превосходный кормъ.

* Въ гербѣ Пензенской губ. изображены три снопа.

«Садъ при Пензенскомъ училищѣ доказываетъ, что у насъ можно съ успѣхомъ разводить большее число плодовыхъ деревьевъ и даже растенія, почти исключительно принадлежащія Югу, каковы шелковица и пирамидальный тополь.

«Если мы богаты запасами для огневыхъ заведеній, то и другая стихія, необходимая земледѣлю и промышленности, изобильно дана намъ Всещедрымъ Богомъ. Вода орошаетъ нашъ край множествомъ рѣкъ, озеръ и источниковъ. Въ одномъ Городищенскомъ уѣздѣ 400 мельничныхъ колесъ, представляющихъ силу 17,000 работниковъ.

«Богатые естественными произведеніями, губерніи Саратовская и Пензенская составляютъ въ земледѣльческомъ и торговомъ отношеніяхъ цѣлое, связанное взаимными нуждами и пособіями. Онѣ назначены Провидѣніемъ для выгодной мѣны своихъ произведеній. Въ Саратовѣ пшеница, у насъ мельницы для передѣлки ея въ муку; тамъ обширное скотоводство, у насъ матеріалы для выдѣлки кожъ.

«Столь важныя земледѣльческія пособія не могли не привлечь вниманія сельскихъ хозяевъ. У насъ многое описано и еще большее разработано. Но труды отдѣльные не могутъ привести къ такимъ слѣдствіямъ, какъ усилія соединенныя. Наука, которая современемъ убѣдится въ томъ, что для знанія необходимы любовь и чистота сердца, основательно поняла, по крайней мѣрѣ, пользу общительности и дружнаго разработыванія при изысканіяхъ. Отсюда учрежденіе многочисленныхъ ученыхъ обществъ и съѣздовъ, принесшихъ несомнѣнную пользу. Въ Петербургѣ болѣе 80 лѣтъ существуетъ Вольное Экономическое Общество, наполнившее Россію полезными книгами. Московское Общество Сельскаго Хозяйства уже отпраздновало 25-лѣтній юбилей, и съ сердечнымъ довольствомъ пересмотрѣло многополезные труды свои, совершенные силою, имъ разлитую изъ благодатнаго средоточія нашего Отечества, изъ этого вѣчнаго города Русской земли, который возникаетъ послѣ всѣхъ бѣдствій съ новою жизнію. Одесское Общество,

открывшееся въ городѣ, окруженномъ степями и посреди хозяйства полудикаго, видитъ теперь вблизи отъ себя превосходные виноградники, обширный лѣсъ, вырощенный на сыпучихъ пескахъ, съ невѣроятною быстротою, присутствующимъ въ нашемъ собраніи Г. Директоромъ Департамента Сельскаго Хозяйства, и разнообразнымъ произведеніямъ усовершенствованнаго земледѣлія. Недавно возникшее въ сосѣдствѣ нашемъ, Лебедянское Общество издае уже два тома трудовъ своихъ, весьма замѣчательныхъ по разнообразію и практическому направленію. Для сельскихъ хозяевъ Общества еще полезнѣе, чѣмъ для ученыхъ. Намъ необходимо мѣсто, гдѣ бы могли побесѣдовать о нашихъ нуждахъ, помѣняться не только мыслями и свѣдѣніями, но даже произведеніями. Намъ недостаетъ средоточія для этихъ бесѣдъ и для этой мѣны. Съѣзды на выборахъ бывають рѣдко и имѣють специальное назначеніе.

«Наконецъ, въ земледѣльческихъ Обществахъ соединяются двигатели хозяйства на двухъ главныхъ его отдѣлахъ: лица управляющія государственными крестьянами и владѣльцы частныхъ недвижимыхъ имѣній.

«Для отвращенія описанныхъ неудобствъ, по желанію владѣльцовъ губерній Пензенской и Саратовской, учреждено наше Общество. Изслѣдованіе хозяйственныхъ средствъ Юго-Восточнаго края Россіи и указаніе лучшаго пользованія ими—вотъ главная цель трудовъ нашихъ. Вступимъ на путь, намъ указанный, съ твердою рѣшимостію дѣйствовать для общаго блага, и заняться самыми существенными потребностями нашего хозяйства. Пусть раздѣленіе будетъ у насъ извѣстно въ одномъ раздѣленіи труда: здѣсь только оно у мѣста; но во всемъ прочемъ да будетъ единство и согласіе. Для успѣха во всякомъ дѣлѣ необходимо предварительный чертежъ дѣйствій. Составимъ этотъ чертежъ и будемъ идти по предначертанному пути, не уклоняясь отъ него и не колеблясь. Зададимъ себѣ задачи и уроки, и будемъ разрѣшать и исполнять ихъ по мѣрѣ силъ и возможности. Будемъ дѣлать и передавать сдѣланное другими. Да будетъ свѣтъ и отраженіе свѣта, заимствованнаго извнѣ для пользы сельскаго хозяйства.

«Мы не можемъ многого сдѣлать при нынѣшнемъ сѣздѣ. Положимъ, по крайней мѣрѣ, основаніе дальнѣйшимъ занятіямъ. Хорошее начало, говорили отцы наши, половина дѣла».

«Мы имѣемъ много причинъ надѣяться на счастливую будущность Общества. Въ немъ приняли участіе просвѣщенные владѣльцы, съ пользою потрудившіеся на поприщѣ сельскаго хозяйства, словомъ и дѣломъ. Одни изъ нихъ заслужили почетное имя въ хозяйственной литературѣ; другіе довели до высокой степени совершенства свекловичный сахаръ, хрусталь, овцеводство и сельскія постройкі. Г. Министръ Государственныхъ Имуществъ объявилъ готовность оказывать Обществу всякое пособіе и покровительство. Почтивъ своимъ присутствіемъ день нашего торжества, Гг. Директоръ Департамента Сельскаго Хозяйства Алексѣй Ираклѣвичъ Левшинъ и Степанъ Алексѣевичъ Масловъ приняли живое сердечное участіе въ судьбѣ трудовъ нашихъ. Они не откажутъ намъ въ подпорѣ и руководствѣ».

«Но главныя надежды, по неизмѣнному правилу Русской земли, возложимъ на Всещедраго Бога. Онъ не оставилъ безъ награды пришедшихъ въ виноградникъ въ девятый часъ дня: не оставитъ своего милостію и насъ, позднихъ пришельцевъ на поприщѣ общественнаго дѣланія» *.

ПОЖЕРТВОВАНІЕ ВЪ ПОЛЬЗУ Г. ДМИТРОВА. — Почетный гражданинъ Михаилъ Ивановичъ Крашенинниковъ назначилъ въ духовномъ своемъ завѣщаніи *тридцать тысячъ рублей серебромъ* въ пользу города Дмитрова, съ тѣмъ, чтобы изъ процентовъ этого капитала выдавать ежегодно осьми дѣвицамъ на приданое, при выходѣ ихъ въ замужество, по 150 р. с. каждой. Миръ праху благодетеля!

* Съ благодарностію помѣщая эту рѣчь почтеннаго Президента, мы душевно желаемъ всякихъ благъ усѣбныхъ полезнымъ начинаніямъ Общества, во главѣ котораго стоитъ онъ. Ред.

МОСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПРИЗРѢНІЕ СИРОТЪ ПОСЛѢ ХОЛЕРЫ.

Въ первой книгѣ Москвитянина мы подробно говорили о мѣрахъ, какія приняло попечительное Правительство для обезпеченія участи дѣтей, осиротѣвшихъ во время эпидеміи. Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ, сообщаемъ слѣдующее.

Сумма, собранная изъ добровольныхъ приношеній, для вспоможенія пострадавшимъ отъ холеры, въ совокупности съ 12 т. р. с., Всемиловѣйше пожалованными на тотъ же предметъ отъ Государя Императора и Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государя Наслѣдника Цесаревича и Государыни Цесаревны, простиралась слѣдующимъ до *семидесяти трехъ тысячъ руб. сер.* Изъ этого числа роздано было въ разное время необходимыхъ пособій до 4 т. р. с., и такъ какъ капиталъ находился, для обращенія процентами, въ Сохранной Казнѣ Опекунскаго Совѣта, то на лицо остается еще до 72 т. р. с. Желая дать полезное назначеніе этому капиталу и находя его недостаточнымъ на устройство особаго заведенія для призрѣнія пострадавшихъ отъ холеры и на обезпеченіе содержанія этого заведенія въ будущемъ, Московскій Военный Генераль-Губернаторъ Графъ А. А. Закревскій призналъ совершенно сообразнымъ съ цѣлю пожертвованій составить особый капиталъ (70 т. р. с.), и на проценты съ него содержать холерныхъ сиротъ пансіонерами въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. По примѣрному разсчету, капиталъ этотъ даетъ средства со второй половины будущаго года содержать ежегодно въ учебныхъ заведеніяхъ 15 мальчиковъ и 21 дѣвочку; въ настоящемъ же году, сообразно суммѣ, отчисленной отъ главнаго капитала, опредѣлено помѣстить на первый разъ 9 мальчиковъ и 14 дѣвочекъ.

ПОЖЕРТВОВАНІЕ ВЪ ПОЛЬЗУ МОСКВЫ. — Неизвѣстныя лица представили, въ Августъ мѣсяцъ этого года, въ распоряженіе Московскаго Военнаго Генераль-Губернатора *шестьдесятъ тысячъ рублей серебра* на разные благотворительные предметы.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПОСЛѢДНІЙ ВЕЧЕРЪ АНДЖЕЛИКИ КАТАЛАНИ. — Знаменитая пѣвица Каталани, смутами своего отечества, вынуждена была переѣхать съ семействомъ изъ Сѣверной Италіи въ Парижъ; здѣсь она скончалась, въ Іюнь нынѣшняго года, отъ холеры, на 70 году отъ рожденія. Нѣсколько разъ проносились слухи о ея кончинѣ, и прежде газеты съ такою увѣренностью извѣщали объ этомъ событіи, что когда оно и дѣйствительно случилось, многіе отказывались вѣрить, надѣясь, что это опять ложный слухъ. Каталани скончалась не въ своей красивой виллѣ на берегу Комскаго озера, гдѣ она почивала на лаврахъ послѣ долговременнаго служенія искусству, не въ своемъ отечествѣ, но въ городѣ, съ которымъ она такъ рано познакомилась и въ которомъ жила такъ долго, гдѣ приобрѣла себѣ славу во время владычества Наполеона, и по возстановленіи Бурбоновъ была главною опорою Итальянской оперы.

Въ воскресенье 17-го Іюня, говоритъ Парижская Музыкальная Газета, Каталани находилась одна, когда къ ней пріѣхали ея соотечественницы: мать и дочь, обѣ жрицы искусства. Бесѣда была веселая, но мало по малу приняла мрачное направленіе; предметомъ ея стала холера и жестокость, съ какою она въ то время свирѣствовала, Каталани говорила и о Маршалѣ Бюжо, лично знакомомъ ей, и смерть котораго, ея ровесника, произвела на нее сильное и тягостное впечатлѣніе. Желая положить конецъ столь грустному разговору, обѣ собесѣдницы обратили его на предметы искусства; онъ коснулся самой пѣвицы и ея блестящихъ успѣховъ; тутъ гости обнаружили желаніе изъ собственныхъ устъ Каталани слышать, какъ пробудилось въ ней призваніе и при какихъ обстоятельствахъ. Рѣдко престарѣлыя жрицы искусства противустоятъ такому искушенію; воспоминаніе о прежнемъ блестящемъ, увѣнчанномъ славою и успѣхами, періодѣ жизни — есть для нихъ истинное на-

слаженіе; онъ какъ бы оживаютъ въ прошедшемъ, и въ такомъ случаѣ рады каждому внимательному и благорасположенному слушателю. Притомъ извѣстно, какъ въ особенности Каталани любила рассказывать анекдоты, относящіяся къ юношескому періоду ея жизни и съ какою пріятностію она дѣлала это, сохраняя истинно-Итальянскую непринужденность съ внутреннимъ достоинствомъ.

И на этотъ разъ Каталани не заставила себя просить нисколько разъ. «Мнѣ было осемь лѣтъ отъ роду, — начала она рассказывать, — когда моя сестра, вдвое старше меня и довольно свѣдущая въ пѣніи, была приглашена на одинъ блестящій вечеръ, чтобы занять слушателей своимъ талантомъ; я просила родителей отпустить меня съ сестрою. Сначала они не соглашались, но я, съ помощію дѣтскихъ ласкъ и неоднократныхъ обѣщаній вести себя прилично и не подать ни малѣйшаго повода къ жалобамъ, успѣла наконецъ поставить на своемъ. Сестра моя пропѣла арію, довольно трудную, съ большимъ искусствомъ. Лишь только она окончила, я, забывъ дѣтскую робость, выступила впередъ и вызвалась спѣть еще лучше сестры, какъ ни хорошо она выполнила свое дѣло. Удивленные моею смѣлостію, всѣ присутствовавшіе просили моихъ родителей удовлетворить моему желанію; тогда я спѣла арію, только что попрытую громкими рукоплесканіями въ устахъ моей сестры; съ необыкновенною для моихъ лѣтъ правильностію голоса и съ большимъ чувствомъ. Съ той же минуты обратили вниманіе на мои музыкальныя способности и старались развить ихъ тщательнымъ образованіемъ. На семнадцатомъ году отъ роду; въ слѣдствіе несчастій; постигшихъ наше семейство, я была принуждена искать въ своемъ дранованіи источника дохода; въ первый разъ я выступила на сцену въ Венеціи, въ Оперномъ домѣ Фениче, вмѣстѣ съ знаменитымъ Маркези, который былъ моимъ учителемъ и подпорюю и которому я обязана всѣмъ, чѣмъ сдѣлалась въ послѣдствіи.»

Въ продолженіе разговора рѣчь обратилась на Джени Линдъ. Каталани слышала ея пѣніе въ домѣ Лорда Норменби, и созналась, что онъ произвело на нее глубокое впечатлѣніе. «Я замѣтила въ Джени Линдъ, говорила Ката-

слани, истинный талантъ, всѣ признаки настоящаго художника, не имѣющаго ни въ чемъ недостатка». При первомъ ихъ свиданіи знаменитая Шведская пѣвица явилась прямо, безъ дальнихъ церемоній, къ Каталани, рекомендовала ей сама себя, и въ обращеніи съ нею показала столько милой искренности, непринужденаго смиренія и истиннаго уваженія, что Каталани была очарована ею. Подобный поступокъ совершенно сообразенъ съ характеромъ Джени Линдъ: онъ легко объясняется съ одной стороны сознаниемъ ея собственнаго таланта, а съ другой, удивительною скромностью и совершеннымъ отсутствіемъ тщеславія.

Говорили также и о многочисленныхъ странствованіяхъ Каталани; тутъ Каталани замѣтила съ грустною улыбкою: «совѣтую не перемѣнять часто климата и привычекъ, а впрочемъ какъ бы я желала быть во Флоренціи! Правда, тамъ не было холеры, но за то возникли внутреннія неустройства, избѣгая которыхъ, я прибыла съ дѣтьми во Францію. Какъ бы я желала, чтобы все поскорѣе успокоилось и позволило бы мнѣ возвратиться на родину. Окончивъ свои здѣшнія странствования, я начала бы готовиться къ послѣднему, самому продолжительному...» При этихъ словахъ Каталани, объ ея гости изъявили удивленіе, какъ она, пользуясь совершеннымъ здоровьемъ и крепостью силъ, позволяетъ овладѣвать собою такимъ печальнымъ мыслямъ, и тотчасъ обратили разговоръ на другіе предметы. Путешествія знаменитой пѣвицы по всей Европѣ, ея пребываніе въ различныхъ столицахъ, появленіе при различныхъ Дворахъ, почести, здѣсь ей оказанныя, вообще всѣ стороны блестящей и исполненной успѣховъ ея жизни — все это было предметомъ разговора и доставило Каталани нѣсколько минутъ пріятнаго воспоминанія. Жизнь ея, походившая на непрерывный рядъ торжествъ, столь обильная происшествіями, была богата и великодушными поступками. Не смотря на многочисленные клеветы, порочившія характеръ Каталани въ началѣ ея художческаго поприща, благотворительность ея не подвержена сомнѣнію, и одинъ досужій Парижскій журналистъ вычислилъ, что, не считая тайныхъ благодѣяній Каталани,

о которыхъ впрочемъ говорятъ много, она одними своими концертами для благотворительныхъ цѣлей пріобрѣла для бѣдныхъ и роздала имъ болѣе двухъ милліоновъ рублей.

Ровно въ десять часовъ, въ гостиную Каталани вошла ея дочь, баронесса Деландъ, съ одною подругою, обрадованная извѣстіемъ, что мать ея такъ пріятно провела вечеръ. Обѣ прежде прибывшія гостѣи встали и простились съ хозяйкою; она, не смотря на ихъ сопротивленіе, проводила ихъ до дверей и поцѣловала при прощаньи.

День спустя послѣ описаннаго вечера, Каталани заболѣла холерою, и въ нѣсколько часовъ испустила духъ.

ИСТОРИЯ НѢМЕЦКАГО ТЕАТРА, ЭДУАРДА ДЭВРИЕНТА.* —

Въ разныя, весьма отдаленныя между собою, времена, одні и тѣ же идеи возстаютъ въ душѣ человѣка. Если обозрѣть исторію всего рода человѣческаго, то увидимъ, что одно поколѣніе нерѣдко собственною дѣятельностью доходило до истины, уже извѣстной предшествующему поколѣнію. Такъ древніе классическіе народы имѣли у себя драматическое искусство на совершенно народныхъ началахъ и на высокой степени совершенства; это же искусство явилось и въ Европѣ совершенно независимо отъ древняго, и само-бытнымъ путемъ развилось и процвѣло. Аристотель говорить, что искусство есть одна изъ врожденныхъ способностей человѣка, что онъ есть существо наиболѣе способное къ подражанію, и можетъ изъ этой способности дѣлать источникъ изящнаго наслажденія; по словамъ Аристотеля, подражаніе, первый учитель человѣка, въ дикомъ состояніи и главный источникъ его познаній, отличаетъ человѣка отъ животныхъ, изъ которыхъ каждое заключено безысходно въ извѣстномъ кругу привычекъ и способностей, иногда обличающихъ высокій инстинктъ. Какъ только народъ достигаетъ извѣстной степени умственной зрѣлости, то у него является театръ, и наоборотъ, о степени нравственнаго развитія народа можно судить по состоянію у него драматическаго искусства. Отъ потребности

* *Geschichte der Deutschen Schauspielkuns'. Von Eduard Devrient. Drei Bände. Leipzig.*

человѣка — представить наглядно все то, что говоритъ болѣе воображенію, чѣмъ уму, — возникли святочныя игры, и первый зародышъ драматическаго искусства видѣтъ уже въ толпѣ, собравшейся на ярмарочныя представленія. Въ Средніе вѣка, на Западѣ Европы они дѣйствительно стали источникомъ самостоятельнаго развитія. Степеню выше являются мистеріи, гдѣ разныя событія Священной Истории были представляемы въ лицахъ. Мало по малу мистеріи приняли свѣтскій характеръ; рядомъ съ ними явились *масляничныя игры*; здѣсь мы видимъ уже чисто драматическія сцены, большею частію комическаго характера, но сцены отдѣльныя, не связанныя единствомъ идеи. Ее далъ Гансъ Саксъ, котораго, по справедливости, считаютъ отцемъ народной Нѣмецкой драмы; съ нимъ она разомъ достигла значительной степени совершенства, но послѣ него опять пришла въ упадокъ. Жажда зрелищъ существовала въ обществѣ и требовала удовлетворенія; такъ какъ геніевъ не было, то посредственность взялась за драму; тогда исчезла простота содержанія и формы произведеній Гансъ Сакса, и мѣсто ихъ заступили чудовищныя произведенія, писанныя безъ всякихъ правилъ, съ содержаніемъ, заимствованнымъ изъ сказокъ. Съ этого же времени показались въ Германіи первыя толпы странствующихъ актеровъ, и мало по малу между ними начали являться люди съ призваніемъ.

Исторія театра у какого нибудь народа есть исторія главныхъ актеровъ, наиболѣе содѣйствовавшихъ развитію искусства; такъ и въ сочиненіи Девріента найдя историческіе и біографическіе очерки всѣхъ главнѣйшихъ дѣятелей Германской сцены. Изъ артистовъ ничье положеніе такъ не затруднительно, какъ положеніе актера: всякій другой есть творецъ собственнаго счастья или несчастья; актеръ же зависитъ отъ поэта, къ произведенію котораго онъ долженъ приноровляться. Драматическое искусство требуетъ содѣйствія нѣсколькихъ художниковъ для своего выполненія; вотъ еще новая трудность. Любовь къ славѣ управляетъ каждымъ, и если она не умѣряется умѣніемъ находить ее въ совершенствѣ цѣлаго, то оди́нъ актеръ всегда является помѣхою развитію другаго. Притомъ, къ сожалѣнію, образъ жизни актера нерѣдко

нарушаетъ законы общественной жизни; его занятія, требуя отъ него постоянной и высокой напряженности нервовъ, дѣлаютъ его воспримчивѣе ко всѣмъ порывамъ хорошихъ и дурныхъ страстей. Нерѣдко также искусству драматическому посвящаютъ себя люди нравственно изгнанные изъ порядочнаго общества; въ этомъ смыслѣ Девриентъ называетъ Германскую сцену «Ботанибеемъ» общества. Это обстоятельство существенно вредитъ успѣху драматическаго искусства; хорошему актеру необходимо сознаніе великой нравственной силы, ибо порокъ унижаетъ чловѣка, дѣлаетъ его не только неспособнымъ самому открыть важную мысль, но и передать ее въ дѣйствіи другимъ; можетъ ли хорошо представить благородные порывы чловѣческаго сердца тотъ, кто имъ чуждъ въ душѣ! Хорошему актеру необходимо имѣть душу открытую для всѣхъ благихъ впечатлѣній; въ противномъ случаѣ его игра лишена будетъ естественности. Еще невыгода драматическаго искусства: актеръ необходимо предполагаетъ существованіе публики способной оцѣнить его талантъ. Для него вовсе нѣтъ возможности отдѣлится отъ себя свое созданіе; во время представленія онъ самъ является нераздѣльною его частью, и удовольствіе, имъ доставляемое, есть самое невинное. Если для существованія актера необходимо существованіе образованной публики, то ни одинъ артистъ не зависитъ столько отъ ея прихоти, отъ случайныхъ обстоятельствъ времени; для него невозможна апелляція къ потомству на современниковъ; вся его будущая слава должна возникнуть изъ настоящей дѣятельности въ окружающей сферѣ, какова бы она ни была. Публика покупаетъ отъ актера его трудъ, и случается, что между тѣмъ, какъ первая ищетъ только минутнаго разсвѣнія и легкаго препровожденія времени, второй желалъ бы ей доставить своею игрою художественное наслажденіе, требующее и съ ея стороны напряженнаго вниманія; еще чаще самая пошлость пьесы, соединенная съ равнодушіемъ публики, совершенно убиваетъ всякій талантъ въ душѣ актера и обращаетъ его въ простаго работника. Въ этомъ-то отношеніи наиболѣе состояніе драматическаго искусства свидѣтельствуетъ о степени эстетическаго образованія народа.

На Германской сценѣ первый, исторически замѣчательный актеръ — это Экгофъ; съ великимъ усиленіемъ и талантомъ боролся онъ противъ многочисленныхъ препятствій; онъ еще не чуждъ декламации, и излишняя скромность много вредила его славы. Не таковъ Шредеръ! Смѣлый, предприимчивый, вполне увѣренный въ своемъ талантѣ, онъ привыкъ повелѣвать и своими товарищами и самою публикою; онъ оставилъ глубокіе слѣды въ исторіи современнаго драматическаго искусства. За нимъ слѣдуетъ осторожный и благоразумный Ифгофъ; онъ пытался быть хорошимъ актеромъ, не переставая быть порядочнымъ членомъ общества, и если Шредеръ нравился массѣ публики, то Ифгофъ составилъ себѣ славное имя на придворныхъ театрахъ. Наконецъ вниманіе наше останавливается на непостоянномъ, фантастическомъ характерѣ — Людвигъ Девриента, равно извѣстномъ своимъ талантомъ и пороками.

Сочиненіе Эдуарда Девриента, какъ мы выше сазали, состоитъ главнымъ образомъ, изъ историческаго содержанія; но въ отступленіяхъ авторъ очень благоразумно рассуждаетъ о разныхъ общихъ вопросахъ. Такъ онъ коснулся важнѣйшаго изъ нихъ — отношенія театра къ обществу. Онъ говоритъ, что общество человѣческое созданіемъ драмы хотѣло безсознательно удовлетворить своей эстетической потребности. Еще Сократъ замѣтилъ, что ничто столько не способствуетъ къ исправленію порочнаго человѣка, какъ представленіе ему въ дѣйствіи всей гнусности его дѣйствій; театръ долженъ имѣть въ виду способствовать нравственному и эстетическому образованію общества, долженъ представлять, что пошлое — пошло, что порочное — дурно и омерзительно, долженъ осмѣивать достойное осмѣянія, и все благородное показывать въ его настоящемъ видѣ. Но ни въ какомъ случаѣ театръ не имѣетъ права вмѣшиваться въ общественные вопросы, ни касаться личности гражданъ. Къ сожалѣнію, въ Германіи, по собственному признанію ея жителей, театръ сталъ каруселью для взрослыхъ дѣтей, и полиція смотритъ только за тѣмъ, чтобы въ театрѣ не сдѣлалось какого-либо шума или безпорядка; объ эстетическомъ же назначеніи театра никто не заботится.

Сб Нѣм.

ИЗЪ С. - ПЕТЕРБУРГА.

Среди радостныхъ ликованій Россіи, восторженной славою своего Государя и подвигами войскъ Его, поразила всѣхъ вѣрныхъ сыновъ ея глубокою, искреннею, невыразимою печалію вѣсть о кончинѣ Великаго Князя Михаила Павловича. Государь лишается въ Немъ единственнаго брата, первѣйшаго друга, усерднѣйшаго сотрудника Отечества вѣрнѣйшаго своего сына, Бойско Русское царственнаго вождя и сподвижника, челоувѣчество — добрѣйшаго изъ людей.

Великій Князь Михаилъ Павловичъ, въ самый день Своего рожденія, назначенъ былъ Своимъ Августѣйшимъ Родителемъ на то поприще, которое совершилъ съ безпримѣрнымъ усердіемъ и постоянствомъ, на которомъ заслужилъ почетное и блистательное имя. Не было въ Россіи челоувѣка, который бы съ такою неутомимою ревностью, добросовѣстностью и самоотверженіемъ исполнялъ всѣ свои обязанности. Начальствуя Гвардейскимъ и Гренадерскимъ Корпусами, которые, по составу и числу своему, могутъ назваться цѣлою Арміею, Онъ управлялъ еще частію инженерною и артиллерійскою, возведенными въ последнее время на высокую степень совершенства. Въ званіи Генераль-Фельдцейхмейстера, Онъ довелъ артиллерию нашу до того блистательнаго состоянія, въ которомъ она, въ послѣднее время, дивила и изумляла и союзниковъ, и враговъ, и рѣшительнымъ вліяніемъ своимъ на успѣхи войны, радовала сердце своего Августѣйшаго Начальника, платя громкою славою за постоянные Его труды. Но самое дорогое для сердца Его занятіе заключалось не въ попеченіи о настоящемъ, а въ заботѣ о будущемъ, въ сѣяніи благотворныхъ сѣмянъ, которыхъ плоды пожнетъ потомство: въ управленіи Военно-Учебными Заведеніями. Въ этомъ отношеніи Великій Князь поставилъ Себѣ незыблемый, несокрушимый памятникъ въ рядахъ Русской Арміи, въ сердцахъ всѣхъ Россіянъ. Подъ Его благодѣтельнымъ начальствомъ, при неусыпномъ Его раднѣнн, заведенія сіи, возрастая числомъ, безпрестанно подвигались къ совершенству, и уже приносили Отечеству драгоценные плоды, даруя ему храбрыхъ, искусныхъ, образе-

ванныхъ воиновъ, которые, кончивъ служеніе на поляхъ брани, становились бы добрыми и полезными гражданами. Доблести начальника, добраго супруга, нѣжнаго отца, вѣрнаго сына Отечества и слуги Государева, скромнаго, неутомимаго исполнителя своихъ обязанностей, служили примѣромъ подчиненнымъ, запечатлѣвались въ сердцахъ юныхъ питомцевъ, и сѣяли нравственное облагороженіе грядущихъ поколѣній. Пять тысячъ отроковъ и юношей, съ родителями и родными своими, плачутъ надъ раннею могилою своего Благодѣтеля, смѣшивая слезы свои съ слезами Августѣйшей Его Фамиліи; Ея же горести не беремса выразить словами; едва можемъ вѣрить Ея и нашей потерь.

Видимъ Великаго Князя, какъ Онъ (14-го Декабря 1825 года) поспѣшаетъ, съ вѣрными полками Гвардіи на помощь къ Августѣйшему Своему Брату; какъ онъ (въ 1828 году) подставляетъ грудь Свою Турецкимъ ядрамъ при осадѣ Браилова; какъ Онъ (17-го Декабря 1837 года), устремляется съ войсками Гвардейскаго Корпуса на спасеніе дома Государева, внезапно объятаго пламенемъ, подавая Собою примѣръ неустрашимости и самоотверженія, по чувству долга поощряя Своихъ подчиненныхъ, по влеченію благой и сострадательной души удерживая идущихъ на явную гибель. Видимъ Его предъ блистательною Гвардіею Россійскою, Его попеченіемъ и славою; видимъ въ тѣсномъ кругу веселыхъ, рѣзвыхъ дѣтей, Его питомцевъ и созданий, среди которыхъ Онъ благотвореніемъ врачевалъ раны, нанесенныя, по волю Неисповѣдимаго Промысла, Его сердцу потерей милыхъ родныхъ дѣтей. Слышимъ возносящіяся къ Богу, за упокой души Его, тихія молитвы несчастныхъ и бѣдныхъ, которымъ Онъ благотворилъ втайнѣ. Слышимъ вздохи и стенанія всѣхъ Его подчиненныхъ, которымъ Онъ былъ отцемъ и благотворителемъ.

Богъ справедливъ: въ лучшемъ мірѣ ожидаетъ почившаго награда вѣчная; въ здѣшнемъ память о Немъ останется въ благословеніи, переходя изъ рода въ родъ. И отдаленные потомки, правнуки призрѣнныхъ и осчастливленныхъ Имъ, будутъ съ благоговѣніемъ произносить имя Его, любезное и священное всей Россіи. (Слв. Пч.)

КРЕСТНЫЙ ХОДЪ ВЪ ПАМЯТЬ ОСНОВАНІЯ ОДЕССЫ. — Столица Новой Россіи положила ежегодно торжествовать день своего основанія—22-е Августа — крестнымъ ходомъ. Церемонія этого священнаго праздника, которое совершилось нынѣ въ первый разъ, проникнута высокою мыслію. Наканунъ торжества Преосвященный Иннокентій, Архіепископъ Херсонскій и Таврическій, совершилъ въ мѣстномъ кафедральномъ Соборѣ, послѣ заупокойной литургіи, панихиду о упокоеніи души почившихъ въ Бозѣ основателей и благодѣтелей города; на эктеньяхъ въ этотъ день возглашены были имена ихъ. При панихидѣ, среди многочисленнаго стеченія всѣхъ сословія, присутствовало нѣсколько маститыхъ старцевъ, свидѣтелей великаго царствованія Екатерины, переселившихся въ Новороссійскій край въ 1793—94 гг. и видѣвшихъ основаніе Одессы. 22-го Августа, предъ окончаніемъ литургіи въ Михайловскомъ женскомъ монастырѣ, Преосвященный витія произнесъ краснорѣчивое слово, гдѣ, вспомянувъ молитву, которую за 55 лѣтъ предъ симъ, одиѣ изъ предшествовавшихъ ему Архипастырей прочелъ при основаніи Одессы, онъ ясно очерталъ неимоверно-быстрое преуспѣяніе юнаго города, такъ скоро превзошедшаго старшихъ братьевъ своихъ. Слово свое онъ заключилъ указаніемъ на неожиданныхъ Гостей, коихъ появленіе придадо особенно важное значеніе торжеству, на священныя иконы Пресвятыя Дѣвы и Св. угодниковъ Россійскихъ, принесенныя въ даръ Одесѣ отъ церквей и обителей всей земли Русской, начиная отъ самыхъ сѣверныхъ ея предѣловъ до знаменитыхъ обителей Печерскихъ: въ этихъ святыхъ иконахъ являлись,

какъ бы осязательно, и привѣтъ и благословеніе древнихъ городовъ Русскихъ младшему изъ нихъ, явилась новая нераздѣльная связь между Одессою и всесчитимыми святынями древняго Русскаго православія *.

Послѣ литургіи крестный ходъ двинулся къ приморскому бульвару. Никогда еще Одесса не видала въ стѣнахъ своихъ столь величественной процессіи.... По прибытіи къ памятнику Герцога Ришелье, Преосв. Иннокентій, взошедъ на амвонъ, осыненный св. хоругвями и окруженный духовенствомъ и гражданами, преклонилъ колѣна, прочелъ нарочито составленную на сей случай молитву ко Всевышнему о ниспосланіи благословенія свыше на юный городъ и его жителей. Колѣнопреклоненныя тысячи народа на широкомъ бульварѣ, на колоссальной лѣстницѣ, внизу на берегу моря, густыя массы зрителей на окнахъ, балконахъ, крышахъ великолѣпныхъ домовъ бульвара, въ виду свѣтлаго моря съ его разцвѣтенными судами, и посреди всего и надъ всѣмъ сонмъ духовенства, въ богатыхъ облаченіяхъ, надъ свѣтло сияющихъ хоругвей, внимавшія молитвѣ Архипастыря — представляли высокое и торжественное зрѣлище.... Съ бульвара крестный ходъ слѣдовалъ въ Соборъ, гдѣ было совершено благодарственное Господу Богу молебствіе о здравіи и долгоденствіи Государа Императора и всего Августѣйшаго Царскаго Дома.

Симъ заключилось православное торжество Одессы....

ПИСЬМО ОЧЕВИДЦА О КОНЧИНѢ ГРАФИНѢ АННЫ АЛЕКСѢВНЫ ОРЛОВОЙ *. — Къ сожалѣнію, правда. И я долженъ подтвердить сію горестную вѣсть, достигшую до васъ, о кончинѣ благодѣтельницы, Графини Анны Алексѣвны; по дѣламъ ея да будетъ ей вѣчная память! Она почила сномъ

* Этими драгоцѣннѣйшми и, можно сказать, единственнымъ собраніемъ Одесса обязана благочестию попеченію своего Архипастыря.

* Въ прибавленіяхъ къ Твореніямъ Святыхъ Отцовъ (кн. 2) напечатано краткое извѣстіе о знаменитой благотворительницѣ. Надѣмся угодить читателямъ сообщеніемъ этихъ строкъ, гдѣ описаны послѣднія ея минуты.

мирнѣе. Кончина ея была тихая, безболѣзненная; собиралась ѣхать въ шумную столицу, и въ тотъ же день, т. е. 5-го Октября (1848 г.), переселилась въ Обители Небесныя. Я былъ свидѣтелемъ ея кончины и читалъ отходную; простите, если пишу нескладно и неудовлетворительно.. Скажу вамъ кратко, что Анна Алексѣевна совершенно уложила, чтобъ 5-го числа ѣхать въ С.-Петербургъ; въ день памяти ея родителя, слушала раннюю обѣдню, приобщалась Св. Христовыхъ Таинъ, послѣ обѣдни служила панихиду по отцу Фотію, послѣ которой простилась съ братією, пошла скорыми шагами къ своему больному духовнику, у котораго тогда былъ и докторъ; отъ духовника пришла за благословеніемъ на путь къ отцу Архимандриту, гдѣ былъ и я; вошедъ къ нему, жаловалась на усталость, приложилась къ нѣкоторымъ иконамъ, и сѣвъ на диванъ, стала кашлять и жаловаться на боль въ груди, — и чрезъ десять минутъ, въ присутствіи о. Архимандрита, доктора и меня, тихо, не испустивъ ни единого вздоха, переселилась въ Обители Отца Небеснаго! 10-го были похороны...

ПОДВИГЪ САМООТВЕРЖЕНІЯ. — 16 Августа 1849 года останется надолго памятнымъ жителямъ города Острогжска (Воронежской губ.), по событію, которое, вѣроятно, во всѣхъ очевидцахъ произвело неизгладимое впечатлѣніе. Во 2-мъ часу ночи жители пробуждены были пожарною тревогою: у Ильинской церкви, въ надворномъ строеніи одного дома показалось пламя, которое быстро обхватило камышевую крышу этого строенія и грозило близкою опасностію самому дому. Хозяинъ его, бѣдный отставной чиновникъ, больной, болѣе 12 лѣтъ нероставлявшій постели, неминуемо долженъ былъ погибнуть безъ посторонней помощи. Помощь эта не замедлила: нѣсколько отважныхъ удалцовъ, не смотря на явную опасность, бросились въ домъ и вынесли больного на рукахъ изъ комнатъ, которыя уже начинали наполняться дымомъ. Сохранивъ жизнь несчастному страдальцу, люди эти хотѣли снасти и убогое его имущество; малѣе помитки начали выбрасывать чрезъ

скна, крупную мебель стали выносить чрезъ единственную дверь, выходящую наружу. Многое такимъ образомъ было спасено — дошло дѣло до большого шкафа, за который, по тяжести его привалось нѣсколько человекъ; вотъ уже часть его просунута въ дверь; стараются вытащить наружу, но шкафъ неидетъ dalje; напрягаютъ все усилія, чтобы вдвинуть его по крайней мѣрѣ обратно въ комнату, но онъ такъ крѣпко завязъ между косяками, что остался совершенно неподвиженъ. Въ комнатахъ было всего 18 человекъ: храбрены оглянулись вокругъ; мысль, что они будутъ еще имѣть время выскочить чрезъ окна, заставляла ихъ продолжать бесполезную попытку. Въ это время камышевая крыша, бывшая снаружи уже вся въ огнѣ, потерявъ связь, которая прикрѣпляла ее къ стропиламъ, мгновенно спускается внизъ и закрываетъ домъ со всѣхъ четырехъ сторонъ. Въ комнатахъ наступаетъ страшная тьма, и несчастнымъ узникамъ остается думать только о своемъ собственномъ спасеніи: одинъ изъ нихъ выскакиваетъ въ окно, пробиваетъ огненную стѣну, образовавшуюся изъ горящаго камыша, — онъ думаетъ уже, что избѣгъ опасности, но передъ нимъ новая преграда: передъ домомъ крѣпкая палисада, недавно построенная, и также въ огнѣ; къ счастью, люди, бывшіе на улицѣ, замѣчаютъ его и вытаскиваютъ изъ пламени полуобгорѣлаго, полуживаго; двое другихъ спасаются какимъ-то чудомъ съ мѣньшими поврежденіями. Между тѣмъ, чрезъ растворенныя окна, пламя врывается внутрь дома, и проникнуть въ него нѣтъ уже никакой возможности.... Мѣрами полиціи и помощью народа разрушительное дѣйствіе огня скоро было остановлено.

Ужасно было зрѣлище по разсвѣтѣ дня: на мѣстѣ, гдѣ происходила описанная сцена, подъ грудю пепла находятъ *пятнадцать* обгорѣвшихъ тѣлъ, не имѣющихъ подобія человѣческаго; у четверыхъ еще сохранились туловища и головы, а руки по локоть и ступни ногъ обгорѣли; отъ прочихъ же остались одни туловища [безъ головъ, безъ рукъ, безъ ногъ.

Родственники и знакомые могли распознать несчастныхъ жертвъ лишь по остаткамъ платья и по нѣкоторымъ вещамъ, которыя уцѣлѣли около нихъ: такимъ образомъ у одного нашли въ боковомъ карманѣ 200 р. сер. кредитными билетами, оставшіеся невредимыми, потому что владыцѣ ихъ упалъ грудью на полъ. Это доказываетъ, что люди эти были не искатели приключеній, бѣдняки, которымъ нечего терять, и которые иногда подъ видомъ пособія ищутъ собственной поживы, — но люди достаточные, вызванные на геройскій подвигъ единственнымъ желаніемъ помочь ближнему.

Мы не знаемъ еще именъ всѣхъ этихъ героевъ; извѣстно лишь, что большая часть ихъ принадлежала къ купеческому сословію и ремесленникамъ, а изъ именъ ихъ дошли до насъ только три: купца *Лимарева*, *Азарова* и *Синельникова*, сына Куротоякскаго бургомистра.

На другой день послѣ этого страшнаго событія, 17 Августа, было другое зрѣлище, трогательное и умиленное. Въ соборной церкви города, при многочисленномъ стеченіи народа, совершена была Епископомъ Феогностомъ и всѣмъ мѣстнымъ духовенствомъ божественная литургія и за тѣмъ отпѣваніе несчастныхъ жертвъ. По окончаніи священнаго обряда, печальная процессія отправилась на кладбище, по большой улицѣ Острогужска; впереди несли огромный крестъ, который предназначался къ постановкѣ на общей могилѣ усопшихъ; за крестомъ слѣдовали пятнадцать гробовыхъ крышекъ и столько же гробовъ, двойной хоръ пѣвчихъ, множество хоругвей и образовъ, духовенство и за тѣмъ почти все населеніе города.

Миръ вамъ; мученики добраго дѣла! Поразителенъ былъ конецъ вашего жизненнаго поприща, но прекрасна слава именъ вашихъ, которыя навсегда останутся въ памяти тѣхъ, кто узнаетъ о вашемъ безкорыстномъ самоотверженіи изъ любви къ ближнему; а *больши сея любве никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя....* (*Изъ Воронеж. Г. В.*)

ЯВЛЕНІЕ НА ВОДАХЪ КЕРЧЕНСКАГО ЗАЛИВА. — Не лишнимъ считаю увѣдомить васъ о любопытномъ явленіи. Недѣлю тому назадъ, кто-то рассказывалъ мнѣ, что около Ростова выбросило на берегъ множество красной дохлой рыбы; этотъ же слухъ потомъ повторился и о Бердянскѣ, только тамъ берсгъ покрылся бычками. — Не бывъ никогда свидѣтелемъ подобныхъ явленій, я сначала не повѣрилъ имъ, но вскорѣ увидалъ такое же явленіе въ Керчи. Отправившись 14-го Августа поутру купаться, я увидалъ вдоль всего берега множество народа, который собиралъ бычковъ, устлавшихъ своими трупами весь берегъ, прилежащій къ западной части города. Явленіе это, какъ впервые мною видѣнное, заняло меня, и я рѣшился по возможности наблюдать и изслѣдовать оное.

Бѣдныя рыбки спѣшили на берегъ, и достигнувъ его, старались поглощать воздухъ; изъ этого я заключилъ, что причина ихъ смерти заключалась въ недостатокъ матеріала дыханія; послѣдующія наблюденія еще болѣе утвердили меня въ этомъ предположеніи; а именно:

1. Я уже сказалъ, что рыбки спѣшили на берегъ, съ жадностію поглощали воздухъ *ртомъ*, и тотчасъ же закрывали его, когда прибой морской заливалъ ихъ волною; тѣ же, которыя не успѣли еще достигнуть до берега, поминутно выскакивали на поверхность воды, — что совершенно не въ натурѣ бычковъ — любителей дна, гдѣ они даже и вьютъ свои гнѣзда; вообще у несчастныхъ было замѣтно какое-то отвращеніе отъ ихъ родной стихіи.

2. Въ купальнѣ я вскрылъ одного бычка: тѣло его одеревенѣло, какъ бы замерзшее; сердце, желудокъ и половые органы были въ нормальномъ положеніи, между тѣмъ какъ жабры синевато-багроваго цвѣта, какъ бы пораженные воспаленіемъ. Притомъ, чѣмъ въ бычкѣ было болѣе живости, тѣмъ жабры его были краснѣе, нежели у пораженныхъ эпидеміею.

3. Въ это же утро вода приняла сильный запахъ тухлаго яйца (чего прежде не было); присутствіе сѣрнистаго водорода было слышно въ ней очень явственно, особенно

послѣ погруженія въ воду, что показывало сильную степень насыщенія воды газомъ, который не могъ пройти отъ гніенія самыхъ бычковъ: они еще не начали гнить, потому что эпидемія распространилась часа 4 тому назадъ, ночью, когда было довольно прохладно; притомъ же я самъ нюхалъ мертвыхъ бычковъ — они не издавали гнилаго запаха.

4. Предъ 14-мъ числомъ я купался ночью въ 1½ часовъ, и меня удивила необыкновенная фосфоричность воды: брызги, производимые всплесками руки, или весла, разбрасывались искрами фосфорическаго, блѣднаго свѣта. Имѣя такія данныя, не трудно прийти къ заключенію, что причину подобнаго явленія должно отыскивать въ ненормальномъ состояніи воды. Вотъ уже полмѣсяца прошло со времени моего пребыванія въ Керчи, жары стояли несносныя — терм. ни разу не спускался ниже +25° въ полдень въ тѣни, въ продолженіе всего этого времени вовсе не было дождя; даже морская вода, доставлявшая единственное убѣжище отъ жаровъ, и та нагрѣлась до такой степени что, не приносила уже той освѣжительной прохлады, которая слѣдуетъ обыкновенно за морскимъ купаніемъ; вслѣдствіе такой теплоты, морская трава и мохъ, вѣроятно, подверглись гніенію (какъ бываетъ иногда въ Одессѣ на берегу Гаджибейскаго залива, въ Іюль и Августъ, когда выбрасывается эта трава со дна морскаго); сѣрнисто-водородный газъ напиталъ собой воду, слѣдствіемъ же съ тѣмъ матеріаломъ для дыханія рыбъ; газъ же сѣры, какъ извѣстно, оказываетъ разрушительное вліяніе на органы дыханія; въ слѣдствіе чего рыба должна была задохнуться; бѣгство на берегъ не могло спасти ее отъ смерти, потому что, поглощая атмосферный воздухъ *ртель*, она не могла разложить его (какъ это дѣлается жабрами), т. е. отдѣлить изъ него только необходимый для окисленія крови кислородъ. — 15-е числа берегъ опять былъ заваленъ бычками, но все уже молодыми; вѣроятно, юное поколѣніе потому и погибло позднѣ своихъ родителей, что молодыя бычки въ меньшемъ количествѣ потребуютъ кислородъ, чѣмъ рыбамъ взрослымъ, у которыхъ жабры большаго объема.

Замѣчательно при этомъ, что жертвами болѣзни дѣлались одни бычки; такъ что изъ другихъ породъ рыбъ я видѣлъ только камбулу и судака, но обѣ были столь малы, что болѣе казались зародышами, и потому не имѣли силы уйти на большую глубину, а вмѣстѣ съ своими неблагоразумными соседями искали спасенія на берегу; морь же бычковъ преимущественно можно объяснить тѣмъ, что они, по образу и условіямъ жизни, жители прибрежныя, такъ что вдали отъ берега уже не встрѣчаются; между тѣмъ какъ камбула и судакъ могутъ плавать по большимъ глубинамъ, гдѣ вода гораздо холоднѣе прибрежной, и гдѣ поэтому не могло произойти вышесказаннаго растительнаго разложенія.

Въ дни этого мора я еще замѣтилъ, что поверхность морской воды (все-таки прибрежной) была подернута какъ бы тонкимъ слоемъ масла, которое окрашивалось различными цвѣтами, такъ что, намѣреваясь окунуться, сперва должно было руками развести эту плену. Число умирающихъ къ вечеру постепенно уменьшалось, съ этимъ же вмѣстѣ и уничтожался запахъ сѣрнистаго водорода, такъ, что къ ночи вода не заключала въ себѣ никакого зловонія.

Вотъ все, что я успѣлъ замѣтить въ два дни надъ этою страшною болѣзнію рыбъ. Р. З.

Керчь.

1849.

НИЖЕГОРОДСКАЯ ВЫСТАВКА. — Почти въ то самое время, какъ въ Петербургѣ оканчивалась обширная выставка произведеній промышленности со всей Россіи, въ Нижнемъ Новгородѣ, который можетъ назваться столицей нашей торговли, также была открыта выставка. И мѣсто и время (самый развалъ ярмарки) были избраны какъ нельзя удачнѣе. Болѣе 300 производителей (большею частію изъ Нижегородской губерніи) представили на выставку до 2000 произведеній, судьями которыхъ были и государственные

сановники, и ученые, и Европейскіе путешественники, и первостепенные производители торговли, и фабриканты, и прѣзжіе со всѣхъ концовъ Россіи, и жители Бухаріи, Кавказа, Персіи. Особенное вниманіе посѣтителей обращали на себя (кромѣ множества разнообразныхъ произведеній мануфактуръ и ремеслъ), войлочные набивные ковры, дѣлаемые въ Арзамасскомъ уѣздѣ у Г. Евреинова; до сихъ поръ такіе ковры дѣлались только во Флоренціи, Манчестерѣ и Берлинѣ, — теперь они явились и въ Россіи; потомъ вывезенная въ 1846 году изъ Пекина кормовая трава *му-суй-цао-цзы*, и разведенная въ Васильскомъ уѣздѣ Г. Каратаевымъ; она даетъ два скоса въ годъ, и многіе сельскіе хозяева успѣли заготовить запасы сѣменами этого полезнаго растенія.

ВЕНГЕРСКІЕ ТРОФЕИ ВЪ МОСКВѢ.

Слава Богу силъ , дарующему победы , слава Миротворному Царю Русскому и побѣдоносному Его воинству , слава Россіи ! Въ началъ лѣта двинулись полки Русскіе на подвигъ противъ кромольнаго Венгерскаго возстанія ; въ концѣ лѣта всѣ знамена мятежныхъ легіоновъ обратились въ трофеи Русскаго воинства , и Государь возблагодарилъ его отрадными для Русскаго сердца словами :

«Богъ благословилъ, ребята, ваше усердіе, вашу неутомимую бодрость въ трудахъ. Вы совершили долгъ вашъ, ребята, и мятежъ погнанъ. Гдѣ враги смѣли васъ ждать, вы ихъ побѣждали, и слѣдя за бѣгущими, шагъ за шагомъ узрѣли наконецъ рѣдко бывающее событіе: вражеская сила повергла предъ вами оружіе, безусловно предаваясь милосердію Нашему. Въ два мѣсяца взято и сдано намъ до 140 знаменъ и штандартовъ и до 400 орудій, и оружіе, положило болѣе 80-ти тысячъ мятежниковъ. Честь и слава вамъ, честь и слава вашему побѣдоносному вождю! Вы себя, какъ и всегда, показали достойными прозванія Всероссійскаго побѣдоноснаго воинства. Благодарю васъ всѣхъ и каждого. Я вами доволенъ, вами горжусь.»

Трофеи побѣдъ, возстановляющихъ спокойствіе въ Европѣ, теперь въ Москвѣ.

Государь Императоръ, въ изъявленіе постоянного вниманія Своего къ первопрестольной Столицѣ, соревнующей всегда славѣ Россійскаго оружія и испытанной въ пламенной преданности къ Августѣйшему Престолу, Высочайше повелѣть соизволилъ: отбитыя у мятежныхъ Венгровъ и сданныя ими при сложеніи оружія предъ Россійскими войсками знамена и штандарты, препроводить въ Москву, сложить въ Георгіевской залѣ Дворца, откуда передать Жан-

дармскому дивизиону, и возить по главнымъ улицамъ, для показанія жителямъ столицы; послѣ чего препроводить на храненіе въ Московскую Оружейную Палату.

Во исполненіе Высочайшей воли, Военный Генераль-Губернаторъ, Генераль-Адьютантъ Графъ Арсеній Андреевичъ, назначилъ возить трофеи по улицамъ Москвы, въ воскресенье, 11-го Сентября, съ 12 часовъ утра: отъ Дворца, чрезъ Троицкія ворота, по Моховой и Тверской до площади старыхъ Триумфальныхъ воротъ; оттуда по Садовой до Сухаревой башни; потомъ по Лубликъ, Кузнецкому мосту и Театральной площади чрезъ Иверскія ворота; далѣе чрезъ Красную площадь по Ильинкѣ къ Варварской площади и по Солянкѣ къ Таганскому рынку; потомъ чрезъ Краснохолмскій мостъ, Садовою улицею къ Серпуховскимъ и Калужскимъ воротамъ, и чрезъ Крымскій бродъ, по Садовой же, до Смоленскаго рынка; наконецъ по Арбату къ Арбатскимъ воротамъ и по Знаменкѣ чрезъ Боровицкія ворота обратно въ Кремль.

«Знамена везуть! непріятельскія знамена везуть!» раздавались повсюду возгласы бѣгущаго народа на объявленный путь. «Ура! знай нашихъ!» — раздавалось въ толпахъ, преслѣдующихъ распущенныя на показъ — флагъ крепости Мункача и 63 знамя крамольныхъ Венгерскихъ легіоновъ Гёргея, Бема, Вечеля, Бенкера и Косинчи.

Ура! Слава Богу силъ, дарующему победы! Слава Миротворцу Царю Русскому и Его побѣдоносному воинству! Слава Россіи!

И кто скажетъ, что не въ Его рукъ мечъ победы? что не Россія отстояла Западъ отъ Монгольской грозы Востока; Востокъ отъ Гальской грозы Запада? что не Россія дунула на пожаръ мятежа Европейскаго и потушила его?

А. В.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

МЕГЕМЕТЪ-АЛИ. — Второго Августа, въ половинѣ двѣнадцатаго часа по полуночи, Мегеметь-Али, окончившій свое политическое существованіе уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, испустилъ наконецъ духъ, послѣ упорныхъ предсмертныхъ страданій. Египетское министерство дало знать циркуляромъ всѣмъ иностраннымъ консуламъ, чтобы они явились на другой день, при восхожденіи солнца, къ перенесенію тѣла умершаго Паши изъ дворца Рассетинъ, лежащаго на узкой полосѣ земли, что между обѣими гаванями, на судно, дожидавшееся его въ Махмудовомъ каналѣ. Почти всѣ Европейцы разныхъ состояній, сколько ихъ ни находилось въ Александріи, явились, съ разсвѣтомъ дня, вмѣстѣ съ иностранными консулами, въ назначенномъ мѣстѣ. Глубокая, безмолвная грусть изображалась на лицахъ Европейцевъ, особенно съ давняго времени живущихъ въ Египтѣ; для нихъ крайне прискорбна была кончина человѣка, котораго милостью они такъ долго пользовались, и благосклонности котораго они одолжены всѣмъ имуществомъ своимъ и состояніемъ; можетъ быть, въ нѣкоторыхъ нѣсколько пробудилась долго дремавшая совѣсть, и они почувствовали сознаніе, что употребляли во зло столь великодушно оказанное имъ довѣріе, пользовались имъ не ко благу страны, а къ своему личному обогащенію. Такія ли, иныя ли мысли возникли въ умахъ присутствовавшихъ — какъ бы то ни было, но видъ бранныхъ

Остатковъ Мегемета-Али произвелъ на всѣхъ присутствовавшихъ Европейцевъ сильное впечатлѣніе. Гробъ былъ накрытъ весьма просто, только кускомъ пестраго кашемира; сверху лежали кривая сабля и Коранъ; а въ головахъ, на небольшомъ возвышеніи, находилась чалма. Даже катафалка не было воздвигнуто; гробъ лежалъ по срединѣ приемной залы на составленныхъ стульяхъ; въ головахъ и въ ногахъ гроба стояло по большой серебряной курильницѣ, откуда неслись благовонія. На диванахъ сидѣли, поджавъ подъ себя обнаженные ноги, 22 шейха (улема); головы ихъ были покрыты большими бѣлыми тюрбанами; они читали нараспѣвъ различные стихи изъ Корана. Когда вошли Саидъ-Паша, старшій изъ оставшихся въ живыхъ сыновей умершаго Паши, и Измаиль-Бей, главный правитель города Александріи, то гробъ былъ поднятъ на плеча, нѣсколькими бѣлыми невольниками, теперь отпущенными на волю и занимающими разныя должности, и вынесенъ на дворъ; тутъ улемъ прочелъ еще молитву, въ заключеніе которой всѣ присутствовавшіе магометане воскликнули: «Аллахъ!» За тѣмъ печальная процессія потянулась впередъ между рядами солдатъ, разставленными въ видѣ шпалеръ на обѣ стороны, въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала шли пятнадцать верблюдовъ, навьюченныхъ хлѣбомъ, сушеными финиками и другими предметами, назначенными для раздачи убогимъ; за верблюдами шли улемы, а за ними нѣсколько человекъ несли серебряные сосуды и кропили изъ нихъ народъ благовонною водою; позади двѣнадцать отпущенныхъ на волю рабовъ несли гробъ Паши, который сопровождалъ Саидъ-Паша съ Измаиломъ и Шеримомъ-Бейми, наконецъ слѣдовали консулы, каждый съ своею свитою, множество Европейцевъ, къ нимъ присоединились въ значительномъ числѣ и жители Леванта. Безчисленное множество жителей Александріи и другихъ окрестныхъ мѣстъ тѣснилось по обѣ стороны рядовъ, составленныхъ изъ солдатъ. Изъ лежащаго насупротивъ дворца, гарема, гдѣ наканунѣ скончался Мегеметь-Али, раздавался раздрающій слухъ, если не сердце, оглушительный вопль женщинъ. Три часа съ половиною

продолжалось шествіе печальной процессіи чрезъ городъ до Махмудова канала; во все это время не прекращался страшный вой и визгъ женщинъ, раздававшійся изъ всѣхъ оконъ и террасъ улицъ, по которымъ несли гробъ; эти изъясненія скорби были довольно однообразны; текстомъ имъ служили главнымъ образомъ слѣдующія фразы: «О Мегеметь-Али, отецъ нашъ, онъ идетъ отъ насъ и уже болѣе никогда къ намъ не возвратится! О благодѣтель нашего города, зачѣмъ ты хочешь насъ покинуть? О ты, который осыпалъ моего мужа почестями и богатствами, зачѣмъ ты съ нами разлучаешься? Если мы проживемъ и еще сто лѣтъ, то другаго Мегемета-Али не увидимъ болѣе! Увы! Левъ нашъ, отецъ нашей земли умеръ!» Произнося эти фразы, женскіе голоса оканчивали ихъ столь продолжительными и рѣзкими завываніями, что страшно было слушать. Въ Европѣ нѣтъ возможности составить себѣ понятіе о той оглушительной музыкѣ, которая сопровождала Мегемета-Али въ его послѣднее жилище: развѣ если въ продолженіе 2½ часовъ заставить безпрерывно пѣть тысячу или полторы старыхъ и молодыхъ пѣтуховъ, собранныхъ на небольшое пространство. — Безпристрастный наблюдатель печальной церемоніи могъ бы сдѣлать весьма любопытныя наблюденія о нѣкоторыхъ изъ лицъ, принимавшихъ въ ней участіе; такъ напр. извѣстно, что еще недавно и въ теченіе долгаго времени Французскій врачъ Клотъ-Бей пользовался совершенною благосклонностью Мегемета-Али; теперь и Клотъ-Бей явился при перенесеніи тѣла своего благодѣтеля на судно, должествующее отвезти его въ Каиръ, но явился уже изгнанникомъ изъ столицы Египта. Печально и смиренно этотъ, нѣкогда могущественный, сановникъ присоединился къ толпѣ сопровождавшей тѣло Паши, и шелъ за нимъ до Махмудова канала. {Sic transit gloria mundi! Нынѣшнее Египетское правительство видитъ въ Клотъ-Бей одного изъ главныхъ начальниковъ такъ называемой Французской партіи, которая, будучи устранена отъ дѣлъ со времени впаденія Мегемета-Али въ умственное разстройство, высказываетъ свое неудовольствіе статьями въ разныхъ Французскихъ газе-

тахъ и журналахъ, въ которыхъ чернить нынѣшнихъ правителей Египта. Они за то предписали Клотъ-Бею, уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ получившему отставку отъ всѣхъ должностей, оставить совсѣмъ Египетъ; впрочемъ Клотъ-Бею предоставили ежегодный пансіонъ въ 15,000 франковъ, съ которымъ онъ и располагаетъ поселиться въ Марсели. Притомъ Клотъ-Бей скопилъ уже себѣ порядочное состояніе; онъ оставляетъ теперь Египетъ, увозя съ собою 80 сундуковъ, исправно набитыхъ, а у того же Клотъ-Бея, когда онъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, прибылъ въ Египетъ, былъ все на всего одинъ чемоданчикъ съ платьемъ.

По извѣстіямъ, полученнымъ изъ Каира, похороны Мегемета-Али, имѣвшія мѣсто въ крѣпости, въ Алебастровой мечети, были совершены очень просто и безъ всякой пышности; на похоронахъ Саидъ-Паши не присутствовалъ; онъ возвратился назадъ отъ города Булава, недовольный скуднымъ приѣмомъ, который готовился брѣннымъ остаткамъ его отца. На похоронахъ Мегемета-Али находился и извѣстный Нѣмецкій путешественникъ Докторъ Рюппель.

Въ продолженіе длиннаго ряда годовъ, имя Мегемета-Али было извѣстно не только на Востокъ, но и всему Европейскому свѣту. Если бы Мегеметь-Али умеръ въ 1839 или 1840 году, то кончина его, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, была бы великимъ историческимъ событіемъ; но нынѣ, когда вниманіе Европейскаго свѣта обращено главнымъ образомъ на внутреннія дѣла, оно прошло бы незамѣченнымъ и въ томъ случаѣ, если бы Мегеметь-Али до послѣдней минуты пользовался всѣми своими умственными способностями. Не удаляясь отъ истины, можно сказать, что роль Мегемета-Али совершенно окончилась уже въ 1841 году. Судь Исторіи надъ поступками Паши Египетскаго, какъ владѣтеля земли, можно считать уже окончательно произнесеннымъ; никто не откажетъ признать за нимъ необыкновенныя способности духа, смѣлую предприимчивость и рѣшительность; но онъ не разбиралъ путей и средствъ, какими могъ достигнуть своихъ цѣлей, и при

осуществленіи своихъ замысловъ поступалъ постоянно съ жестокостью и безчеловѣчностью, которая надолго сдѣлаетъ имя его грозой Египта. Впрочемъ жестокость и корыстолюбіе такъ обыкновенны между Турецкими Пашами, что вовсе не удивительно, если многіе Европейцы, которыхъ Паша Египетскій охотно вызывалъ къ себѣ и осыпалъ наградами, считали его за человѣколюбиваго повелителя и такимъ выставляли его въ глазахъ Европы. Притомъ, съ удаленіемъ Мегемета-Али отъ дѣлъ, Египетъ едва ли что-либо выигралъ; новые его повелители не уступая умершему Паши въ суровости, уничтоживъ почти всѣ его полезныя нововведенія. Мегеметь-Али, хотя на короткое время, возстановилъ было царство Фараоновъ, и притомъ въ предѣлахъ, какихъ оно не имѣло ни въ Греческую, ни въ Римскую эпоху и даже въ самое блестящее время господства Арабовъ. Особенная заслуга Мегемета-Али въ Исторіи та, что онъ спасъ владычество Турковъ въ Азіи отъ угрожавшей ему великой опасности; безъ него Вехабиты Арабскіе были бы нынѣ, можетъ быть, повелителями Египта и Малой Азіи. Но Мегеметь-Али сдержалъ только на время разрушительный потокъ этихъ пуританъ Исламизма; рано или поздно, онъ снова можетъ выступить изъ береговъ. Побѣда надъ Вехабитами дала особенный вѣсъ и значеніе Мегемету-Али; дотолъ онъ былъ не болѣе какъ простымъ Пашею. Возстаніе Грековъ подало поводъ Мегемету-Али явиться на театрѣ событій Европейскихъ; но за участіе въ немъ Паша Египетскій заплатилъ дорого въ сраженіи Наваринскомъ почти весь флотъ его былъ истребленъ. Съ той минуты Мегеметь-Али питалъ злобу на Турцію, полагая, что она умышленно ослабила его силы. Во время войны Россіи съ Турціею въ 1828 и 1829 году, Мегеметь-Али не только не помогалъ Султану, но и готовился къ явной войнѣ съ нимъ. Со времени Адрианопольскаго мира главное событіе Турецкой исторіи есть борьба Мегемета-Али съ Султаномъ Махмудомъ-Предвидя, что Махмудъ и Хозревъ-Паша не оставятъ безнаказаннымъ его поведенія, Мегеметь-Али, еще до окончанія Русско-

Турецкой войны, вступилъ въ союзъ съ возставшимъ на Султана Мустафою-Бушатли, Пашею города Скодры въ сѣверной Албаніи, и съ Даудъ-Пашею, правителемъ города Багдада, бывшимъ также въ ссорѣ съ Цареградскимъ правительствомъ, и помогая первому значительными денежными суммами, такъ, что тотъ собралъ большое войско изъ Албанцевъ. Но Мустафа-Бушатли, въ наслѣдственномъ владѣніи рода котораго пашалыкъ Скодрскій находился болѣе 200 лѣтъ, не имѣлъ ни надлежащей дѣятельности, ни рѣшительности; такимъ образомъ онъ, лѣтомъ 1831 года, вмѣстѣ съ своими союзниками, вождями племенъ южной Албаніи, былъ побѣжденъ высланнымъ противъ него съ войскомъ Решидъ-Мехмедомъ, который въ борьбѣ съ Греками извѣстенъ былъ подъ именемъ Кутай-Паши. Другое Турецкое войско было послано въ Сирію противъ Дауда-Паши и усмирило его. Мегеметъ-Али увидѣлъ, что теперь очередь остается за нимъ; но, зная, что Решидъ-Мехмедъ, получившій между тѣмъ достоинство Великаго Визиря, долженъ напередъ собрать войско, Мегеметъ-Али вступилъ въ борьбу съ Пашею Штоломанды (Сенъ-Жанъ д'Акра), Абдаллахомъ, и взявъ крѣпость, которую безъ успѣха осаждалъ Наполеонъ, овладѣлъ всею Сиріею и Малою Азіею. Только присутствіе Русскаго флота въ Буюкдере спасло Константинополь и остановило успѣхи Ибрагима-Паши, который уже готовился переплыть проливъ, низложить Махмуда и посадить на тронъ Султановъ тогда малолѣтнаго Абдуль-Меджида, разумѣется, подъ опекою Мегемета-Али. Последняго можно по справедливости упрекнуть, что онъ не умѣлъ воспользоваться своимъ положеніемъ и, возгордясь успѣхомъ своего оружія, предписалъ Портѣ слишкомъ тяжкія для нея условія. Слѣдствіемъ было то, что Порта ждала только случая, чтобы уничтожить гордаго Пашу Египетскаго. Конечно, и Мегемету-Али для прочнаго владѣнія Египтомъ, нужна была Сирія, а чтобы ее удержать во власти, ему нужно было занять тѣсныя Таврскихъ горъ. Порта же, уступивъ Таврскіе проходы, лишила себя вліянія на верхнюю Месопотамію, и провинція Багдада была совершенно отрѣзана отъ прочихъ ея владѣ-

ній. Оттого Турки и старались покорить непроходимый Курдистанъ, чтобы чрезъ Діарбекиръ и Моссуль имѣть сообщеніе съ Багдадомъ. Попытка Мегемета-Али уничтожить и послѣднюю тѣнь зависимости отъ Турецкаго Султана, побудила главныя Европейскія державы смирить его замыслы. Махмудъ, свидѣтель Низибійскаго пораженія, не дожилъ до удовольствія—видѣть, какъ гордый Египетскій Паша просилъ о пощаду.

Съ той минуты могущество и гордость Мегемета-Али были навсегда сокрушены; своимъ гениемъ и своими собственными силами онъ пріобрѣлъ чрезвычайные успѣхи надъ силами Востока, ему противопоставленными; но всѣ его усилія не устояли противъ малѣйшей части войскъ Европейскихъ державъ, и безсиліе Востока при столкновеніи съ Западомъ открылось вполнѣ. Что касается до Европейскихъ учрежденій и гражданственности, перенесенныхъ Мегеметомъ-Али въ Египетъ, то они утверждены здѣсь на слишкомъ подвижной почвѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что скоро изъ всего, созданнаго Мегеметомъ-Али, останется очень немногое.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПИСЬМО ИЗЪ НИЖНЯГО НОВГОРОДА. — 9-го Августа, 1849 г. Не ожидаете ли вы отъ меня извѣстій, сколько привезено чаю, чтобъ судить, вздорожаетъ ли онъ, вслѣдствіе малаго привоза, или подешевѣтъ, вслѣдствіе большаго? Не хотите ли вы знать, на сколько милліоновъ купилъ его нашъ знаменитый Усачевъ, и пришла ль въ движеніе ярмарка: приступили ль Кяхтинцы къ покупкѣ и заказу фабричныхъ произведеній, которые идутъ для мѣны съ Китайцами? Для васъ любопытно, услышать, не было ли въ нынѣшнемъ году такой же смѣлой и умной операціи съ желѣзомъ, какую въ запрошломъ году сдѣлалъ одинъ Московскій купецъ, получивъ вдругъ огромной барышъ? Напрасно! Нѣтъ не въ ту сторону, не къ каменнымъ богатымъ магазинамъ, не къ многоцѣннымъ товарамъ, не къ милліонщикамъ-негоціантамъ направились сами собою шаги мои, когда пріѣхалъ я по новой прекрасной насыпной дорогѣ (настилкѣ, насыпкѣ, гати, мостовой, лишь только не шоссе) въ Нижній Новгородъ, — нѣтъ! меня привлекали прежде всего низменные лубочные балаганы, въ которыхъ сидятъ мои пріатели-антикваріи, съ древними рукописями, старопечатными книгами, старинными образами, рѣзными крестами, шитыми пеленами. Съ грустію я шелъ къ нимъ, опасаясь не найти еще кого-нибудь изъ моихъ пріателей: послѣдніе два года съ холерою были особенно тяжелы для археологіи: мы похоронили нашего добраго *Трамонина*, который любилъ древность, искренно, хлопо-

талъ о сохраненіи разныхъ памятниковъ, срисовывалъ, ходя пѣшкомъ, списывалъ, печаталъ, и, къ сожалѣнію, авторствовалъ. *Никита Петровичъ Филиповъ*, добрый Московскій купецъ, приказалъ долго жить, ревностный, въ свое хорошее время, собиратель, уступившій мнѣ свою бібліотеку, которая состояла изъ сотни рукописей и сотни старопечатныхъ книгъ. За нимъ послѣдовалъ *Алексѣй Ивановичъ Костеринъ*, Петербургскій купецъ, охотникъ горячій, который давалъ за книгу все, что съ него спрашивали, лишь бы понравилась ему, такъ что, по его смерти, дорогія книги упали по крайней мѣрѣ на 30 процентовъ.* Наконецъ отправились на тотъ свѣтъ и нѣсколько продавцевъ: Нижегородскій мѣщанинъ *Михайло Зубовъ*, отъ котораго я, въ 1848 году, приобрѣлъ Славянскій Скорининской акаѳистникъ, неизвѣстную азбуку Виленскую и часословъ, печатанный въ Евю, да двѣ отличныя пищали, а Г. Лобковъ, въ 1841 году, отличный харатейный Апостолъ и Евангеліе. Но кого мнѣ всего болѣе жаль, такъ это Вязниковскаго крестьянина *Василья Федорова Мържакова*, который, не умѣя ни читать ни писать, торговалъ рукописями и старыми книгами, и такъ былъ счастливъ, такъ былъ ловокъ, что всякую ярмарку привозилъ множество отличныхъ вещей, да пріѣзжалъ еще въ Москву раза по два въ годъ, и всегда не съ пустыми руками. Мои собранія одолжены ему много. Это былъ Русскій человекъ въ полномъ смыслѣ слова: не зная грамоты, онъ взглянетъ на книгу, и скажетъ вамъ, бывало, гдѣ она печатана — въ Острогѣ или Львовѣ, Кіевѣ или Венеціи. Этого мало — онъ узнаетъ: какаѣ это книга — триодъ или псалтирь, часовникъ или толковое Евангеліе. Въ рукописи, дорогою, онъ заставитъ какого-нибудь дьячка прочесть себѣ страничекъ пять, которыя откроются, и потомъ назначитъ ей цѣну, всегда безъ ошибки. Въ прошломъ году онъ пріѣхалъ изъ Твери въ Москву, и занемогъ здѣсь хо-

* Его драгоценное собраніе старопечатныхъ книгъ сохранилось въ цѣлости, и досталось Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ. Ее пожертвовалъ, пріобрѣтъ, Сибирскій купецъ Соловьевъ.

лерю. Мы помѣстили его въ Рогожскую больницу; я просилъ начальство о вниманіи къ странствующему антикварію, — и онъ началъ выздоравливать; вдругъ, ночью онъ увидѣлъ у уснувшей сидѣлки жбанъ съ квасомъ, подползъ съ своей кровати, выпилъ на лобъ и чрезъ нѣсколько часовъ умеръ. Передъ этой послѣдней его поѣздкой, онъ привезъ въ Москву прекрасный транспортъ, изъ котораго мнѣ достался Апостолъ Митрополита Филиппа за 200 р., а прочее Князю Оболенскому за 1,200 руб. — псалтирь Скорины, прекрасная палея, харатейная триодъ, и проч. Но поспѣшимъ скорѣе въ ряды: Головастикова Нижегородскій, Иванъ Никонъ Изергинъ изъ Вятки, Федоръ Герасимовъ изъ-подъ Володимира, Тюлинъ изъ Мстеры, и наконецъ наши Московскіе старые заслуженные торговцы, Пискаревъ и Лопухины, — здравствуютъ и благоденствуютъ. Вотъ они. Ну есть ли что? Есть кое-что, хоть и не такъ чтобы очень.—Показывайте...

Я приобрѣлъ: 1) прекрасный списокъ Домостроя, съ посланіемъ Сильвестра къ сыну, которое въ первой разъ было найдено, прошлаго года, Г. Коншинымъ, и сообщено Г. Голохвастовымъ Историческому Обществу. Въ приобретенномъ мною спискѣ имя Сильвестра находится и при началѣ Домостроя, изъ чего ясно уже заключить должно, что все это сочиненіе принадлежитъ знаменитому опекуну и совѣтнику Ивана Грознаго. Чего бы не далъ я за эту рукопись, понадеясь она мнѣ прежде! Теперь уступилъ мнѣ ее одинъ нашъ Московскій охотникъ, И. В. Стрѣлковъ, за цѣну, имъ данную, 10 руб. сер. — При Домостроѣ находится еще хорошій списокъ устава Іосифова (Волоцкаго) и нѣкоторыхъ его грамотъ.

2) Прекрасный списокъ посланія Ивана Грознаго къ Кириловскому игумену Козмѣ въ одномъ сборникѣ.

3) Огромный сборникъ полемическій, съ разными возраженіями старообрядцевъ, въ началѣ прошедшаго столѣтія, чуть ли не самымъ знаменитымъ Андреемъ Денисовымъ (Княземъ Мышецкимъ) собранный, съ его собственноручными отмѣтками.

4) Нѣсколько сочиненій Максима Грека.

5) Сокращенный подлинникъ, и проч.

У одного серебряника купилъ я 30 старыхъ монетъ, такъ называемыхъ у Черткова неопредѣленныхъ. Завертывая ихъ въ бумажку, продавецъ проговорилъ: «ну — послѣднія продалъ я теперь!» Отъ чего послѣднія? спросилъ я. Да у меня ихъ было 18 фунтовъ, отвѣчалъ онъ, и я продавалъ ихъ шесть лѣтъ! 16 фунтовъ серебра — монетъ одного времени. Въ 1845 году изъ этого собранія досталось мнѣ уже монетъ 200.

Д. В. Пискаревъ доставилъ мнѣ прекрасный образъ Св. Николая Чудотворца, рѣзной изъ одного камня съ рамою. Лицо кажется очень древнимъ, а форма рамы новою. Отъ него же получилъ отличный мѣдный воздвизальный крестъ „съ предстоящими,“ безъ буквъ, вѣроятно Греческій; изображеніе Божіей Матери съ пучкомъ змѣй, на другой сторонѣ; три креста, которыхъ не доставало въ моемъ собраніи, и проч.

Еще купилъ я нѣсколько разныхъ деревянныхъ образовъ—Троицы, Знаменія, серебряный крестъ съ изображеніемъ С. Никиты побѣждающаго дьявола, а о прочемъ послѣ. *М. П.*

НЕРЕХОТСКОЕ ДѢВИЧЬЕ УЧИЛИЩЕ. — Въ ознаменованіе посѣщенія, которымъ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ изволилъ, 13 Мая 1837 года, удостоить городъ Нерехту, тамошній Градскій Глава купецъ Дьяконовъ и Титулярный Совѣтникъ Зилинскій, первые возымѣли мысль учредить училище, въ которомъ бы дѣвицы всѣхъ сословій могли получать приличное образованіе, и нашли ревностнаго содѣйствителя себѣ въ Дворянскомъ Нерехотскомъ Предводителѣ, Г. Бошнякѣ. По городу и уѣзду его открыта была подписка добровольныхъ пожертвованій для этой цѣли. Но сильный пожаръ, постигшій въ слѣдующемъ году

Нерехту, замедлилъ на нѣсколько времени осуществленіе прекраснаго намѣренія, и только въ 1839 году достигло оно желаннаго успѣха. Училище торжественно было открыто 13 Мая 1840 года. Къ этому времени, въ немъ уже находилось до 30 ученицъ, и число ихъ возростало съ каждымъ годомъ; въ прошедшемъ было 92 (въ томъ числѣ 23 дѣвицы, воспитываемыя на счетъ заведенія).

Сообразно утвержденному Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія положенію, Нерехотское Дѣвичье Училище раздѣляется на два отдѣленія. Въ первомъ, предназначенномъ для дѣвицъ всѣхъ сословій, преподаются предметы ученія, положенные для приходскихъ училищъ, сверхъ того руководлія; во второмъ, назначенномъ исключительно для дѣвицъ свободныхъ сословій, курсъ ученія тотъ же самый, что въ уѣздныхъ училищахъ; но кромѣ того, введено, для желающихъ, дополнительное обученіе языкамъ Французскому и Нѣмецкому, музыкѣ и танцованію. Въ оба отдѣленія принимаются ученицы отъ 9 и 8 лѣтъ до 14, и посѣщаютъ училище въ качествѣ вольно-приходящихъ, безъ всякой платы; за дополнительное же обученіе платится по 50 р. асс. ежегодно. При училищѣ учрежденъ и пансіонъ для дѣвицъ благороднаго сословія, съ платою по 250 р. асс. въ годъ и 25 р. асс. на музыкальныя пособія*. При каждомъ двухъ платящихъ воспитанницахъ положено содержать по одной безъ платы, изъ дѣтей бѣдныхъ благородныхъ родителей. Непосредственное наблюденіе, собственно за учебною частію, возложено на мѣстное училищное начальство, а во всемъ прочемъ Училище управляется особымъ Попечительнымъ Совѣтомъ.

Съ увеличеніемъ средствъ заведенія, которыя состоятъ почти единственно изъ добровольныхъ пожертвованій, предполагается довольствовать приходящихъ бѣдныхъ ученицъ обѣденнымъ столомъ, по примѣру дѣтскихъ приютовъ; а при выпускѣ изъ училища недостаточныхъ пансіонерокъ,

* Съ пансіонерокъ, родители которыхъ имѣютъ жительство въ другихъ губерніяхъ, а не въ Костромской, положена плата 107 р. 48 к. сер. въ годъ.

выдавать имъ денежныя награды. Устройство домовоѣ церкви также входитъ въ кругъ предположеній Совѣта Училища, и кто не пожелаетъ ему обильныхъ средствъ для скорѣйшаго осуществленія ихъ! *.

ИМЕНА ЖЕРТВЪ САМООТВЕРЖЕНІЯ, ПОГИВШИХЪ ВЪ ОСТРОГОЖСКѢ. — (См. предъидущій N Москвитянина). Дмитрій Павловъ *Риларевъ*, сынъ Острогомскаго купца, 22 лѣтъ; Ѳедоръ Ивановъ *Синельниковъ*, Коротоякскій купеческій племянникъ, 19 л.; Степанъ Филиповъ *Еслановъ*, Острогом. мѣщан., 22 л.; Василій и Антонъ *Деденковы*, госуд. крестьяне Острогомска, первый 35, послѣдній 27 л.; Лаврентій Трофимовъ *Ялопольскій*, Бирюченскій мѣщан., 19 л.; Григорій Тимошеевъ *Кретовъ*, Курскій мѣщанин, 40 л.; Петръ Григорьевъ *Круптенковъ*, госуд. крестьян. Острогомска, 30 л.; Иванъ Ивановъ *Щегловцовъ*, Острогом. мѣщан., 35 л.; Иванъ Алексеевъ *Мартенковъ*, госуд. крестьян. Острогом., 23 л.; Матвѣй Александровъ *Ломовъ*, госуд. крестьян. Острогом., 25 л., Степанъ Филиповъ *Ломовъ*, Острог. мѣщ. 22 л.; Алексѣй Николаевъ *Павловъ* мѣщан. г. Павловска, 21 г.; Касьянъ Андреевъ *Мозгинъ*, кантонистъ, 25 л.; Александръ Ивановъ *Прокудинъ*, Старооскольскій мѣщ., 17 л. Сверхъ того обгорѣлъ и вскорѣ умеръ Андрей Степановъ *Селединъ*, вольно-отпущенный Курской губ. Тарусскаго у., 34 л. Имя же *Азарова* помѣщено въ числѣ несчастныхъ жертвъ ошибочно.

Лица, принявшія участіе въ этомъ подвигѣ, но невредимо спасшіяся отъ огня, были: учитель рисованія Остро-

* Сообщеніемъ этихъ свѣдѣній мы обязаны Г. Члену Совѣта К. О. Юрьеву. Съ особеннымъ удовольствіемъ передаемъ имена ежегодныхъ жертвователей заведенія, которымъ Совѣтъ свидѣтельствуетъ искреннюю благодарность отъ лица всѣхъ воспитанницъ: Кн. Мещерскій, Графъ Сень-При, Гг. Апраксинъ, Карповичъ, Смирновъ, Дѣвочкинъ и Уткинъ. Единновременное пособіе для помѣщенія одной безродной сироты оказали: Гг. Бошнякъ, Токмачева, Лихутинъ, Высотская, Розовъ, Симоновъ, Сыроматниковъ, Порошкинъ, Звѣревъ, Бѣдлевъ, Дуровъ, Гергеръ, Грибуанинъ и Шихматова.

гомскаго уѣзднаго училища, Губ. Секретарь Александръ Ефимовъ *Чикунѳ* и Острог. мѣщанинъ Василій Григорьевъ *Кожезниковѳ*. Послѣ погибшихъ: Щеглова, Крупченкова и Деденковыхъ остались семейства, — вдовы съ малолѣтними дѣтьми, совершенно безъ всякаго состоянія.... Желающіе сдѣлать какое-либо вспомошествованіе сиротамъ друзей челоуѣчества могутъ адресоваться къ Г. Острогомскому Городничему, Маіору Михаилу Петровичу Каблукову.

РОМЕНСКАЯ ИЛЬИНСКАЯ ЯРМАРКА. — Въ настоящемъ году привезено было на нее товаровъ: Русскихъ слишкомъ на 9½ мил. р. сер., а иностранныхъ болѣе нежели на 700 т. р. с., всѣхъ же вообще * слишкомъ на 9 720,500 р. с. Изъ Русскихъ товаровъ первое мѣсто по привозу и сбыту занимаютъ *булажные* (привезено на 3¼ мил. р. с., осталось непроданныхъ менѣе ¼), изъ иностранныхъ *шерстяные*. *Книгѳ* привезено было съ небольшимъ на 6½ т. р. с., а продана едва четвертая часть этого количества.... Обороты ярмарки превышали прошлогоднюю, по привозу, слишкомъ на 1,200,000 р. с., а по сбыту на 2,370,000 р.

* Въ исчисленіе Русскихъ и иностранныхъ товаровъ не вошла шерсть.

МОСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ГРИГОРІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ ВЫСОТСКІЙ.

(Некрологъ.)

Августа 24-го дня, въ 1½ по полудни, скончался, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, на 67-мъ году отъ рожденія, достойный и всѣми уважаемый врачъ нашей столицы, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ, Григорій Яковлевичъ Высотскій. Вся жизнь этого старца была неутомимое служеніе обществу, полная преданность благу челоѵчества и безирерывное стремленіе къ облагороживанію самого себя и христіанскому самосовершенствованію. Отсюда, изъ такихъ началъ, вытекали всѣ дѣла его, подвиги, мысли, чувства и желанія. Изъ нихъ-то произошла вся его слава, которою онъ пользовался заслуженно до конца жизни, вся любовь къ нему и уваженіе, которыя провожали его до могилы, и останутся на всегда въ душѣ каждаго, его близко знавшаго. Заслуживаетъ особаго вниманія знакомство съ жизнью и дѣлами этого подвижника, и тѣмъ болѣе еще, что всѣми достоинствами своими и всею славою своей онъ обязанъ единственно себѣ самому, своему труду и счастливой природѣ, надѣлившей его завидными дарами. Будучи сыномъ небогатыхъ родителей духовнаго званія, онъ взросъ въ нуждѣ безъ пѣтуновъ, безъ приставниковъ; руководимый одними материнскими заботами, наставляемый одними примѣрами христіан-

ской жизни отца своего — служителя алтаря. Отъ нихъ достались въ удѣлъ его души нѣжность сердечная къ роднымъ и близкимъ, которою отличался постоянно покойный, и твердыя правила христіанскихъ добродѣтелей, которыми всегда украшался онъ. И счастливъ человекъ, чье младенчество напоено этою любовію и такими правилами. Первоначальное образованіе свое онъ получилъ въ Московской Духовной Академіи, откуда вышло много замѣчательныхъ людей, и куда дитятей онъ пѣшкомъ ходилъ изъ дома родительскаго, за Прѣсенскими прудами, возвращаясь отсюда только къ вечеру. Училище еще болѣе развило въ немъ посвятныя дома сѣмена добродѣтелей. Проходя съ лишениями это ученическое поприще и развиваясь въ силахъ, онъ, въ самомъ началѣ сознанія ихъ, выразилъ возвышенное направленіе своей юношеской души въ неутомимомъ и пламенномъ стремленіи быть полезнымъ своей семьѣ, для чего не щадилъ онъ ни здоровья, ни силъ, и благодаря способностямъ и труду, сдѣлался вскорѣ ея утѣшеніемъ и опорой. Эта заботливость о родныхъ осталась до конца его жизни при немъ. Будучи старцемъ, онъ съ особымъ удовольствіемъ вспоминалъ объ этихъ попеченіяхъ молодости своей и о чувствѣ наслажденія, которымъ они вознаграждались. Съ развитіемъ ума и силъ развивались и вкоренялись высокія добродѣтели христіанина, которыя всю жизнь выражались въ немъ постояннымъ усердіемъ къ храмамъ, и ихъ благолѣпію, любовію къ общественному богослуженію и уваженіемъ къ служителямъ алтаря. Подъ конецъ жизни, когда всѣ житейскія попеченія были оставляемы имъ въ слѣдствіе утомленія, онъ всѣ думы, всѣ заботы устремилъ на созиданіе храма въ своемъ имѣніи, и надобно было видѣть старца, съ какимъ умиленнымъ восторгомъ, съ какимъ благоговѣйнымъ чувствомъ онъ радовался тому, что Господь наконецъ сподобилъ создать ему оный, и въ немъ, среди семьи своей молиться Всеблагому.

Медицинское образованіе свое получилъ онъ въ С.-Петербургской Медико - Хирургической Академіи, между 1804 и 1808 годами, подъ руководствомъ знаменитыхъ учи-

телей, между которыми имена Франка и Буша чаще всѣхъ, съ особымъ благоговѣніемъ, были приводимы на память покойнымъ, когда онъ только лишь касался этого предмета, о которомъ не могъ говорить безъ любви и одушевленія. Сладко было, ему вспоминать о своихъ наставникахъ любимыхъ, о дняхъ этой жизни юной, трудолюбивой, льстившей ему успѣхами и надеждами. Любилъ онъ говорить о товарищахъ этой жизни, изъ которыхъ многіе составляютъ теперь славу и украшеніе наше, и къ которымъ до могилы онъ сохранилъ высокую дружбу и уваженіе. Изъ наукъ медицинскихъ, изучаемыхъ имъ съ любовью и ревностію, онъ преимущественно занимался хирургіею, какъ предметомъ, болѣе другихъ, сообразнымъ съ его положительнымъ характеромъ. Одаренный отъ природы умомъ быстрымъ, взглядомъ острымъ, изумительно находчивостію и необыкновеннымъ присутствіемъ духа, свойственнымъ твердости его характера, онъ былъ созданъ для этого занятія. За то хирургическій ножъ очень скоро сдѣлался славнымъ въ рукѣ молодаго оператора. Еще студентомъ, онъ уже совершалъ труднѣйшія операціи, и въ 1808 году удостоенъ былъ за нихъ Высочайшаго подарка. Это былъ изъ первыхъ Русскихъ врачей, который въ молодости своей на хирургическомъ поприщѣ стяжалъ вѣнокъ и обратилъ на себя высокое вниманіе. Не смотря на молодость, ему поручаютъ исполненіе всѣхъ трудныхъ операцій во всѣхъ гошпиталяхъ, командируютъ въ Ревель, какъ достойнѣйшаго для подаванія хирургической помощи раненому Генералу Лаврову, бывшему Адъютантомъ Суворова; поручаютъ осмотры больницъ, удостоиваютъ перваго изъ Русскихъ врачей, въ 1810 году, степени медико-хирурга, только что созданной, утверждаютъ Адъюнктъ-Профессоромъ при кафедрѣ хирургіи и поручаютъ исправленіе кличскихъ обязанностей учителя его, Буша. И все это совершено въ одинъ или два года его первоначальной медицинскою дѣятельности. Сколько блестящихъ надеждъ открывалось впереди. Столица Сѣвера уже начинала знакомиться съ именемъ молодаго хирурга; еще нѣсколько усилій, и имя его стало бы на ряду съ извѣстнѣйшими. Но Провидѣ-

нію угодно было другое. Тяжкая болѣзнь, постигшая его въ эти годы, разстроивъ здоровье, навсегда прервала его дѣятельность. Климатъ Сѣвера не благопріятствовалъ ей. Нужно было искать мѣста подъ небомъ, болѣе умѣреннымъ, и вотъ нашъ хирургъ является, въ 1812 году, скромнымъ операторомъ въ Воронежѣ. Такая переменна, при разстроенномъ навсегда здоровьѣ тѣла, могла бы погасить и любовь къ труду, и бодрость, и усердіе, но не таковъ характеръ поминаемаго нами, не таковы основы его души. Принявъ все за испытаніе Промысла и давъ обѣтъ посвятить на пользу человѣчества все, что получилъ отъ Бога, онъ, не смотря на недуги, перенесъ сюда ту же дѣятельность, то же усердіе, и подвизаясь неусыпно и съ такими правилами на поприщѣ новомъ, скорѣй возстановилъ и славу, и уваженіе, и любовь. Въ эпоху бѣдствій 1812 и 1813 годовъ, самоотверженіе, съ которымъ дѣйствовалъ покойный въ Воронежѣ, врачъ раненныхъ сыновъ Отечества, спонившихся тамъ въ большомъ числѣ, показываетъ съ прекрасной стороны его, какъ человѣка, патріота и христіанина. Трудясь неутомимо, онъ, въ 4 года жизни въ Воронежѣ, упрочилъ за собою навсегда и первенство, а слѣдовательно и средства, и былъ счастливъ, доволенъ и благодарилъ Бога за мирную жизнь. Но назначеніе его къ высшему не оставило его здѣсь. Созданному для сподвижничества нужно опять новое поле подвиговъ.

Московская Медико-Хирургическая Академія, недавно только возникшая и нуждавшаяся въ преподавателяхъ, вспомнила имя, которое въ другой разъ и въ другой странѣ опять начинало дѣлаться извѣстнымъ. Въ 1816 году отъ имени всѣхъ Членовъ, она призываетъ его къ себѣ, предлагая ему занять, по всему праву достойное его, мѣсто преподавателя. На голосъ представителей науки не могъ не отозваться одинъ изъ безкорыстнѣйшихъ подвижниковъ ея. И вотъ нашъ операторъ въ Столицѣ, гдѣ силы всѣхъ находятся въ напряженной дѣятельности соревнованія, гдѣ слава одного предвосхищается другимъ, и гдѣ новому подвижнику трудна борьба за первенство; Адъюнктъ-Профессоромъ, на каедрѣ, передъ судомъ критикующаго сонма слушателей, ищущихъ иногда не научиться, а какъ бы уло-

вить наставника. Оба пути трудные, равно и тяжелые; но ему, неутомимому, все подъ силу. Онъ проходитъ ихъ съ тѣмъ же спокойствіемъ, съ тою же любовію, дѣятельно, съ достоинствомъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, его назначеніе — слава—не покидаетъ его. На кафедрѣ онъ является достойнымъ служителемъ науки, наставникомъ уважаемымъ, полезнымъ. Ученики его, изъ которыхъ многіе занимаютъ теперь высокія мѣста и ученые должности; помнятъ уроки его, прямые, безъ оболъстительныхъ умозрѣній, добросовѣстные и полезные, чисто практическіе, что составляло вѣличительный характеръ его преподаванія. Проходя ревностно, въ теченіе 15 лѣтъ, обязанность Адъюнкта, потомъ Профессора, онъ не покидалъ и литературныхъ занятій. Чувствуя недостатокъ въ практическомъ руководствѣ для врачей, онъ предпринялъ трудъ перевести одно изъ самыхъ полныхъ сочиненій по этому предмету — Частную Терапію Рихтера, и не щадя ни времени, ни издержекъ, издалъ въ 1821 году этотъ переводъ, состоящій въ 10 томахъ. Скромность не позволяла ему издавать собственныхъ наблюденій, въ которыхъ содержалось много драгоценнаго; за то онъ, не скупясь, передавалъ все достойное замѣчанія медицинскимъ обществамъ. Въ воздаяніе за эти труды, Общества Медиковъ Академіи и Университета удостоили его почетнаго титла Члена въ 1819 году, въ 1837 поручили обязанность Президента. Академія Медико-Хирургическая, въ воздаяніе его ревности и успѣховъ въ отправленіи обязанности Профессора, удостоила рѣдкой чести—поднести ему дипломъ Доктора Медицины и Хирургіи въ 1822 году, а Правительство наградило въ томъ же году орденомъ Св. Владимира 4-й степени. Въ 1830 году болѣзнь отвлекла его отъ ученой дѣятельности. Онъ оставилъ должность Профессора, удержавъ титулъ Почетнаго Члена Академіи. Поприще врачеванія онъ проходилъ съ такою же дѣятельностію и славою. Среди врачей, какъ врачъ талантливый, опытный и скромный, онъ скоро снискалъ и расположеніе и уваженіе ихъ. Въ обществѣ необыкновенною рачительностію къ дѣлу, вниманіемъ и рѣдкими успѣхами въ леченіи самыхъ тяжкихъ, заброшенныхъ болѣзней; снискалъ

себя известность и доверенность и почетное место во главѣ врачебнаго сословія; эту известность, снисканную добросовѣстнымъ трудомъ и истинными достоинствами, онъ сохранилъ до послѣднихъ дней своей жизни, и никто не могъ оспорить у него первенство, ему по праву принадлежащее. Почти двадцать пять лѣтъ онъ постоянно пользовался самою высокою доверенностію общества, самою непоколебимою привязанностію, общимъ уваженіемъ и любовью. Примеры такой прочной славы не часты, и стоить особеннаго вниманія знакомство съ средствами пріобрѣтенія оной. Все дѣло въ томъ, что покойный обладалъ въ высокой степени талантами и знаніями врача и человѣка. Имѣя полное медицинское образованіе, онъ былъ рѣдкій діагностикъ. Владѣлъ вполне этимъ необыкновеннымъ даромъ прозорливости и ясновидѣнія, который составляетъ самую существенную основу въ дѣлѣ врачеванія, и пріобрѣтеніемъ котораго онъ обязанъ былъ тщательному изученію тайнъ науки въ самомъ источникѣ ея, не вдаваясь соблазну однихъ теорій и умозрѣній. Къ этому присоединились наблюдательность, богатство опыта, обиліе фармацевтическихъ свѣдѣній и то особое, рѣдкое искусство въ приложеніи оныхъ, такъ называемая находчивость, которою вообще покойный изумлялъ всѣхъ. Отсюда-то происходила та необыкновенная стойкость, которая въ другомъ составляетъ упорство, а у него составляла достоинство, то величавое спокойствіе и увѣренность въ поступкахъ, то ненарушимое присутствіе духа въ самыхъ опасныхъ случаяхъ, которыя такъ благотворно дѣйствуютъ на больныхъ, такъ много значатъ въ дѣлѣ врачеванія и такъ вѣрно упрочиваютъ и славу врача и общее довѣріе къ нему. Эта-то вѣрность знанія дѣла, неутомимость постоянная, высокая качества души, о которыхъ мы скажемъ нѣсколько словъ послѣ, а частію высокое знаніе жизни, утвердили на неизблемомъ основаніи его практическую известность, удержанную имъ до конца жизни. Оставивъ занятія Профессора, онъ исключительно занялся служеніемъ страждущимъ. Многія больницы приглашали его принять завѣдываніе оными; но онъ принималъ эти обязанности только на короткое время. Во время эпидеміи 1830 года, онъ являлся повсюду

безстрашнымъ, дѣятельнымъ и однимъ изъ счастливейшихъ въ борьбѣ съ нею, и былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 2 степени, украшеннымъ Императорскою короною. Исполненный днѣй и мудрости, посѣдѣвшій на полѣ медицинской дѣятельности, въ 1857 году онъ призванъ былъ въ Медицинскій Совѣтъ, какъ мужъ совѣта, Членомъ онаго и съ честью носилъ титуло это. Въ 1838 году награжденъ орденомъ Владимира 3-й степени. Въ 1839 вновь призванъ къ должности Профессора, еще разъ явился на кафедрѣ, украшенный новыми опытами и знаніями, прослужилъ еще пять лѣтъ, получилъ знакъ безпорочной службы за XXX лѣтъ въ 1840 году, чинъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника въ 1842, и потомъ въ 1844 году, вмѣстѣ съ закрытіемъ Академіи, при немъ начавшейся и при немъ кончившей свое существованіе, сошелъ съ поприща ученаго дѣятеля съ наградю полного пенсіона. Съ этого времени, истощенный въ непрерывномъ трудѣ, уставшій на дорогѣ служенія, онъ оставялъ мало по малу всѣ обязанности, и заключилъ въ мирный семейный кругъ, гдѣ не долго наслаждался покоемъ и счастіемъ неутомимый подвижникъ. Одно только общественное служеніе не покидалъ онъ до конца жизни, одну обязанность, сладкую, отрадную для него, не оставялъ нѣ: обязанность Предсѣдателя Медико-Фармацевтическаго Общества. Это благотворительное Общество, для вспоможенія бѣднымъ и сиротамъ изъ врачебнаго сословія, озданное по его идеѣ, утвержденное его трудами, было днѣмъ изъ самыхъ близкихъ его сердцу дѣлъ, которому нѣ посвятилъ всѣ мысли свои, всѣ усилія своего благотворительнаго исканія; это былъ самый высокій подвигъ его добродѣтельной души, который даетъ ему право на вѣчную память, благословенія и слезы благодарности. Сколько труда пламеннаго, сколько всегдашнихъ, безпрестанныхъ работъ употреблялъ онъ для основанія и упроченія его! всегда и вездѣ онъ носилъ съ собою любимую думу о немъ и сердечную попечительность. До послѣдняго истощенія силъ онъ трудился на пользу его, и умеръ съ мыслию, о думою о немъ и его будущности. Помянуть врачи будущихъ временъ благодѣтеля ихъ семействъ и не забудутъ потомствѣ, съ слезою благодарности, имя его сироты ихъ.

Таковъ путь, пройденный покойнымъ, таковы труды, поднятые имъ, таковы подвиги, совершенные имъ. Не легка была дорога. Нашъ подвижникъ, на задатъ дней наслаждался кратковременнымъ отдыхомъ, обозрѣвая путь пройденный, благодарилъ всегда Небо и за труды и за силы для перенесенія ихъ, но всегда прибавлялъ, что еслибъ нужно было воротиться назадъ, то онъ со слезами молилъ бы Бога отклонить отъ него этотъ путь... Такъ легко вѣрно было для него это поприще безконечнаго труда безъ отдыха, безъ радости.

А онъ прошелъ его, прошелъ со славою, крѣпко, неуклонно и сохранилъ добродѣтели христіанина, уберегъ всѣ прекрасныя качества чловека, отца и гражданина. Выше всѣхъ подвиговъ его это — добродѣтели, имъ сохраненныя и его украсившія. Пользуясь огромною славою, удостоенный возможныхъ почестей, онъ сохранилъ истинно христіанское смиреніе и строгость къ самому себѣ. Не кичился гордостію на блестящемъ поприщѣ, но съ рѣдкою скромностію проходилъ его, тщательно избѣгая всякаго пополазованія. Нигдѣ, никогда онъ не вовывшалъ голоса, даже косвенно, на прославленіе самого себя. Только въ откровенныхъ, домашнихъ бесѣдахъ, съ товарищами своей молодости, всегдашними друзьями, вспоминая о минувшихъ дняхъ подвиговъ и славы, съ особеннымъ чувствомъ внутренняго самоуслажденія говорилъ: «да, и мы кое-что дѣлали и хорошо дѣлали.» Въ это время вѣоръ его загорался одушевленіемъ, рѣчь принимала возвышенный тонъ. Такъ въ душѣ истиннаго художника прорывается иногда чувство утѣшенія и довольства при видѣ дѣлъ своихъ, которымъ онъ передалъ и мысль, и чувство, и всю жизнь свою. Съ этою строгостію къ себѣ соединялась удивительнаянисходительность ко всѣмъ, ходатайство и заступничество за другихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ полное безпристрастіе и самая высокая добросовѣстность. Высочайшимъ образцомъ его добросовѣстности и безпристрастія служить и то, что, обладая большимъ авторитетомъ, употребляя его охотно на пользу нуждающимся и ищущимъ, онъ никогда не домогался ничего, не искалъ ничего ни для себя, ни для своихъ дѣтей. Пожертвовавъ всѣмъ для ихъ образованія, онъ впоследствии требовалъ отъ нихъ труд

самобытнаго и никогда не прибѣгалъ къ мѣрамъ покровительства. Только на одрѣ смерти, покидая навсегда семью свою, скорбя о трудности жизни, имъ испытанной, онъ рѣшался, и то съ величайшею застѣнчивостію, возвысить голосъ свой передъ друзьями своими за покидаемыхъ. Вездѣ во всемъ онъ искалъ пути истиннаго, и шель по нему смѣло, открыто, безъ опасенія. Ни для него никогда онъ не могъ унижить души своей до подозрительнаго двоедушія и ласкательства. Убѣжденный въ чистотѣ и возвышенности своихъ побужденій, онъ былъ всегда прямъ и крѣпокъ въ убѣжденіяхъ, чувствахъ и поступкахъ. Для правды онъ иногда жертвовалъ личностію, что соблазняло близорукныхъ; для сохраненія своихъ чувствъ и убѣжденій, для поддержанія общаго блага, изгонялъ изъ среды союза мирнаго строптивыхъ съ нѣкоторымъ ущербомъ для своей памяти. Постоянство проглядывало во всемъ, въ жизни, въ вѣрѣ, въ поступкахъ, въ леченіи; но нигдѣ такимъ отраднымъ качествомъ не представлялось оно, какъ въ постоянной заботливости о родныхъ, столько лѣтъ имъ поддерживаемыхъ благодѣтельствуемыхъ; какъ въ святомъ соблюденіи самой искренней сердечной привязанности, дружбы и уваженія къ друзьямъ юности своей, своимъ товарищамъ, и вообще ко всемъ, къ кому расположена была душа его, не увлекавшаяся однимъ внѣшнимъ блескомъ. Какъ часто, съ какимъ одушевленіемъ вспоминалъ онъ объ нихъ, какъ свято завѣщавалъ остававшимся сохранить эти чувства къ нимъ, какъ память объ немъ. Къ этимъ качествамъ присоединялась еще одна изъ рѣдкихъ добродѣтелей—храненіе чужихъ тайнъ, которыхъ такъ много носила душа его. Онъ умѣлъ ихъ беречь, какъ святыню. Ни передъ кѣмъ, нигдѣ не касался онъ этихъ завѣтовъ и безмолвно таилъ ихъ отъ всѣхъ, удаляя съ заботливостію всякое попомозненіе къ ихъ обнаруженію. Въ послѣдній день своей жизни, вышедши изъ обычнаго забытья, онъ слабымъ голосомъ протребовалъ ящикъ, въ которомъ хранились бумаги и письма, содержавшія тайны его. Слабющею рукою перебиралъ каждую бумагу, и одну за другою истреблялъ, желая еще разъ показать примѣръ уваженія къ чужимъ тайнамъ.

Говорить ли о пріятныхъ качествахъ собесѣдника о высокихъ чувствахъ отца и добродѣтеляхъ христіанина? Обладая умомъ яснымъ, живымъ, свѣдѣніями во всемъ, онъ всегда былъ собесѣдникомъ увлекательнымъ, пріятнымъ. Бесѣды его собирали вокругъ него слушателей, которые съ удовольствіемъ проводили съ нимъ время.

Отца попечительнаго, чадолюбиваго трудно найти. Весь трудъ его былъ направленъ къ этой цѣли, и если онъ не устроилъ слишкомъ блистательно состояніе дѣтей, причина этого лежала въ другой высокой его добродѣтели, въ стремленіи помогать бѣднымъ и нуждающимся, для которыхъ онъ никогда и ни въ чемъ не отказывалъ. Христіанъ, преданныхъ волѣ Божіей не много сыщешь такихъ, какъ покойный. Нельзя было знавшимъ его близко не подивиться высокому, христіанскому терпѣнію его во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Ни перенороты, ни случайности, ни недуги не колебали вѣры его въ Провидѣніе. Объ одномъ въ послѣднее время скорбѣла душа его, что онъ не успѣлъ долже насладиться мирною жизнію среди семьи своей. Страдалъ болѣе года болѣзнію, которая заключалась въ неизлечимомъ органическомъ поврежденіи, видя ея постоянное усиліе и чувствуя необходимость разстаться съ міромъ, онъ съ душевною скорбію говорилъ послѣднее прости каждому, кто только случайно навѣщалъ старца въ его печальномъ состояніи. Сколько разъ, останавливая взоръ на дѣтяхъ своихъ, онъ съ тоскою говорилъ: «другъ мой, не долго я буду любоваться тобою, не долго вы будете радовать меня.» Сколько страданій душевныхъ и съ какимъ терпѣніемъ перенесъ онъ въ цѣлый годъ болѣзнь, отъ которой избавленія не видѣлъ нигдѣ, хотя самъ употреблялъ всѣ усилія свои, всѣ соображенія практическаго ума своего и знакомство съ собственною болѣзнію. Нѣтъ, повторялъ онъ, не уйти отъ губительнаго недуга, и терпѣливо ждалъ конца, сдѣлавъ предварительно всѣ распоряженія и исполнивъ весь долгъ христіанина. Въ послѣдніе только дни самыхъ мучительныхъ припадковъ онъ уже терялъ силу, и мыслию желалъ скорѣе успокоенія. Эти страданія были тѣмъ тяжелѣе, что страдалецъ до конца жизни сохра-

нилъ и умъ, и память, и чувство; только часовъ за шесть до кончины онъ потерялъ сознание и тихо перешелъ въ вѣчность, среди окружавшихъ его плачущихъ дѣтей и родныхъ. Много слезъ льется на могильный холмъ его, куда онъ прежде самъ приходилъ по дѣтямъ и супругѣ. Много вздоховъ и благословеній со всѣхъ сторонъ присоединяется къ поминовению объ немъ его близкихъ; ибо дѣятельность усопшаго имѣетъ право на памятникъ ему общій....

А. Ор — ий.

Сообщимъ читателямъ начало рѣчи извѣстнаго нашего духовнаго оратора, Отца Архимандрита Митрофана, предъ гробомъ покойнаго. Очень удачно взялъ онъ текстъ изъ Сираха:

«Почитай врача противу потреббъ тѣстїю его: ибо Господь созда его. (Сирах. 38. 1.)

Благословенъ Всевышній Творецъ всяческихъ въ дѣлахъ Всеблагаго Своего Промысла о бѣдномъ, немощномъ и брennomъ человѣчествѣ! Когда первымъ *теловѣкомъ грѣхъ* *внѣде въ мїръ*, а *грѣхоломъ* болѣзни и самая *смерть* (Рим. 6. 12), тогда милосердый *человѣколюбецъ* Господь, дабы пользе явить намъ сію истину, что *Богъ смерти не сотворилъ*, *ниже веселится о погибели живыхъ* (Прем. 1. 13), Всепромыслительною премудростію Своею *создалъ* на землѣ врача, т. е. *далъ теловѣкамъ художество*, или мудрое познание и употребленіе благотворныхъ силъ видимой природы, *да славится ими въ тудесѣхъ своихъ*. (Сир. 38. 6.) Великая милость, безцѣнный даръ для бѣдной твари, растлѣнной грѣхомъ и осужденной на болѣзни, страданія и смерть — имѣть *отъ Вышняго исцѣленіе* (ст. 2) при посредствѣ врача, *Имъ созданнаго*! Испытавшіе крестъ болѣзненныхъ скорбей и злостраданій знаютъ всю тяготу его, а получившіе, по благи Божіей, даръ изцѣленія, при врачебномъ пособіи, вполнѣ чувствуютъ всю драгоцѣнность онаго. И кто въ семъ случаѣ не признаетъ врача благотворнымъ орудіемъ въ десницѣ Всевышняго? Кто не почтитъ его *тѣстїю*? Кто не дастъ мѣсто врачу, по великой для насъ въ немъ потребности, когда жизнь наша подвержена столь многоразличнымъ скорбямъ и недугамъ, что,

по выраженію Праведн. Іова, *аще бы кто вся извѣсилъ, и всѣ болѣзни взлѣб. бы на лѣрило вкупѣ, то песка морскаго плетайшии были бы.* (Іов. 6. 1. 2.) Но добрый и мудрый врачъ въ семь случаевъ есть, по истинѣ, благодѣтельный тѣлохранитель нашъ; это пѣстунъ, другъ и дорогой сопутникъ намъ въ многобѣдственномъ земномъ странствіи отъ чрева матерняго, отъ колыбели до гроба. Его служеніе человѣчеству всегда и вездѣ столь многопотребно, столь общеплезно и благотворно, что, по изреченію Писанія, *не сконтаются дѣла его и миръ отъ него есть на лицѣ земли* (Сир. 38. 8). А посему мудрое и благое наставленіе преподаетъ благочестивый сынъ Сираховъ, когда говорить: *похитай врага противу потребѣ тѣстію его: ибо Господь созда его.*

И мы, сѣтующіе братія! съ полнымъ сознаниемъ сей поучительной истины собрались при семь печальномъ зрѣлищѣ, чтобы почтить *тѣстію врага* добраго, мудраго и доблестнаго, новопреставленнаго Григорія.

Ей, врачу добрый, возлюбленный Богомъ и людьми! Мы и по смерти не оставляемъ чтить тебя честью истинною, неслестною, — какою чтили всегда и въ земномъ житіи твоёмъ. Прими отъ насъ въ сіи печальныя минуты послѣднюю, напутственную дань нашей любви и благодарности. Она есть нашъ душевный долгъ, — а твое неотъемлемое достояніе. Она — справедливый даръ нашего уваженія къ твоей мудрости, — а твое неоспоримое право на сіе воздаяніе!.. Не напрасно вѣщаль Премудрый, что *зудожество врага вознесетъ главу его, и отъ Царя прииметъ даръ, и предъ вельможамии удивилъ будетъ.* (Сир. 38. 3. 4.) Ты стяжалъ и заслужилъ сей земной вѣнецъ, проложивъ себѣ въ вѣчность красный путь чести, оставивъ по себѣ свѣтлую стезю дѣлъ общеплезныхъ, благотворныхъ! Ты исполнилъ на себѣ сіи слова Писанія: *мужъ премудръ исполнитъ благословенія и ублажитъ его вси зрѣщии. Премудрый во своихъ людехъ наслѣдитъ вѣру, и имя его живо будетъ во вѣкъ* (Сир. 37. 27. 29).»

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ХРАМЪ СВ. СОФІИ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ. * — 24-е Декабря 538 года по Р. Хр. былъ день торжества и ликова- нія въ древней Византіи. Въ великолѣпной одеждѣ, окру- женный многочисленною и блестящею свитою, Императоръ Юстиніанъ отправился изъ своего дворца, чрезъ пло- щадь въ новый, только что оконченный и Божіей Пре- мудрости посвященный, храмъ. Сопровождаемый Патріар- хомъ Евтихіемъ, Юстиніанъ вступилъ въ церковь, и, поражен- ный величественною ея красотою, бросился къ алтарю, и упавъ предъ нимъ на колѣни, произнесъ, поднявъ руки къ небу, слѣдующія слова: «Да будетъ благословенъ Господь, удостоившій меня совершить счастливо такое дѣло! Я по- бѣдилъ тебя, Соломонъ!» Тысячи животныхъ были прине- сены въ жертву на площади передъ храмомъ; 30,000 мѣръ пшеницы и 10 пудовъ золота были розданы народу, без- численною толпою стекшемуся на торжество.

Совсѣмъ иной, роковой для Византіи день было 29 в Мая 1453-го года. Послѣ осады, продолжавшейся семь не- дѣль, Султанъ Турецкій Магометъ II силою оружія во- шелъ въ городъ. Духовенство, монахины, несмѣтное множе- ство гражданъ наполняли внутренность храма, послѣдняго своего убѣжища на землѣ; вдругъ на порогъ храма является

* Въ 13-й книгѣ Москвитинна мы помѣстили статьи о возобновленіи этого знаменитаго памятника христіанства; въ предлагаемой теперь содержится нѣкоторыя новыя подробности объ немъ.

на конѣ самъ Султанъ, окруженный своими дикими полчищами; съ окровавленнымъ мечемъ въ рукѣ, завоеватель проникъ во внутренность храма до самаго алтаря, и здѣсь громко воскликнулъ: »Нѣтъ Бога кромѣ Бога, а Магометъ пророкъ его!« Этими словами Султанъ далъ знакъ своимъ свирѣпымъ воинамъ къ неистовствамъ всякаго рода, и стѣны храма Св. Софіи увидѣли въ себѣ тѣ же омерзительныя сцены, которыя, по словамъ Пророковъ, обезчестили храмъ Соломона задолго до его паденія.

Четыре столѣтія прошло уже съ тѣхъ поръ. 13-го Іюня 1849 года храмъ Св. Софіи былъ свидѣтелемъ мусульманскаго торжества, менѣе блестящаго, чѣмъ совершившееся при Юстиніанѣ, и болѣе мирнаго, чѣмъ Магометово; во всякомъ случаѣ оно останется незабвеннымъ въ лѣтописяхъ величественнаго храма. Абдуль-Меджидъ, двадцать четвертый Султанъ со времени Магомета II-го и тридцать первый Османскаго поколѣнія, обновилъ храмъ Св. Софіи и возвратилъ ему отчасти прежній блестящій видъ. Разрушительное время коснулось всеокрушающею рукою своею и Юстиніанова созданія: нѣкоторыя колонны покосились, своды опустились, въ стѣнахъ оказались трещины; все это давно требовало необходимой починки, тѣмъ болѣе, что храмъ Св. Софіи всегда отличался своими воздушными сводами, и паденіе ихъ грозило совершеннымъ разрушеніемъ всего храма. Наконецъ, въ 1847 году Турецкое правительство рѣшилось приступить къ перестройкѣ; на этотъ разъ оно пренебрегло закоренѣлыя предразсудки своего народа и ввѣрило главное управленіе надъ работами не какому-нибудь невѣжественному Турецкому *калфъ* (подрядчику-плотнику), но свѣдущему въ своемъ дѣлѣ Европейскому архитектору, не смотря на то, что онъ христіанинъ. Выборъ палъ на Г. Фоссати, художника, воздвигнушаго великолѣпный дворецъ Русскаго Посольства въ Перѣ. Фоссати родомъ изъ Швейцаріи, изъ Тессинскаго кантона; образованіе художественное и техническое получилъ онъ въ Миланской Академіи. Фоссати предложилъ Турецкому правительству не ограничиться въ работахъ одною

починкою, но возстановить, сколько то позволять время и обстоятельства, блестящую внутренность храма. Мысль эта очень понравилась Султану, и по его приказанію, лѣтомъ 1847 года, было приступлено къ починкѣ. При обновленіи храма главное дѣло состояло въ томъ, чтобы обнажить стѣны и потолочь отъ толстаго слоя известки, которыми строгіе ревнители Исламизма хотѣли уничтожить христіанскія живопись и украшенія, и такимъ образомъ отарыть снова для свѣта мраморную обшивку стѣнъ и мозаику, которою украшены своды; къ сожалѣнію, та и другая найдены въ весьма поврежденномъ состояніи. Недостающія мраморныя доски были замѣнены другими каменьями, наиболее по наружному виду подходящими подъ мраморъ, и штукатурною работою; поврежденная мозаика была исправлена, сколько то было возможно, при помощи маленькихъ камешковъ (позолоченныхъ кусочковъ стекла), упавшихъ внизъ и разбросанныхъ по землѣ. Впрочемъ, такъ какъ число этихъ послѣднихъ было очень не велико, а мозаики недоставало весьма много, такъ напр. стѣны женскихъ хоровъ были совершенно обнажены отъ нея,—то оставалось пополнить этотъ недостатокъ живописью и передать, сколько можно вѣрнѣе, съ помощью красокъ, какъ золотой грунтъ, такъ и разсѣянные по немъ розы и арабески Византійскаго орнаментальнаго стиля. Живопись употреблена была при этомъ же случаѣ и для истинно мусульманскихъ цѣлей. Нужно было мозаическія изображенія, открытыя Фоссати и несовмѣстныя съ вѣрованіями мусульманъ, какъ-то образа святыхъ и безчисленное множество крестовъ, разсѣянныхъ во глубинѣ картины, скрыть отъ взора Турковъ, какъ предметы, осуждаемые Кораномъ. Фоссати, вслѣдствіе этого, приказалъ ихъ замазать, и на тонкомъ слой грунта разрисовать розы и арабески въ Византійскомъ вкусѣ. Если бы нужно было со временемъ совершенно открыть мозаики, то это не трудно сдѣлать: тонкій слой краски легко можетъ быть смытъ, а находящаяся подъ нею мозаика ничего отъ того не потерпитъ вслѣдствіе своей стекловидной поверхности. Говорятъ, что когда Султану показали мозаики, онъ сказалъ,

что надѣется еще при жизни своей видѣть эти остатки древняго искусства совершенно открытыми, и уничтожить предрасудки мусульманъ, тому препятствующіе. Между тѣмъ, съ этихъ мозаикъ сдѣланы подъ руководствомъ Фосати вѣрные снимки; онъ надѣется приложить ихъ къ сочиненію, которое предполагаетъ издать объ обновленномъ храмѣ. По рассказамъ очевидцевъ, изъ мозаическихъ картинъ лучшія: изображеніе Богородицы въ куполѣ надъ главнымъ алтаремъ, Апостоловъ между окнами большого свода, лежащаго въ сѣверной сторонѣ храма, и особенно картина надъ южнымъ входомъ въ храмъ: по срединѣ ея представленъ Спаситель; по одну сторону Его находится Константинъ Великій, а по другую Юстиніанъ, колѣнопреклоненный, подноситъ на рукъ Господу храмъ Св. Софіи. Головы четырехъ колоссальныхъ серафимовъ, по четыремъ угламъ главнаго свода подъ куполомъ, крылья коихъ оставались и прежде наружи, были нынѣ скрыты съ помощію звѣздъ изъ цинка. Въ притворѣ открыли отчасти хорошо сохранившіяся чугуныя двери; онѣ съ одной стороны ведутъ въ храмъ, а съ другой въ придѣлъ. Надъ средними дверями, ведущими въ храмъ, по снятіи штукатурки, нашли большой мѣдной рельефъ; онъ изображаетъ Евангеліе, раскрытое на началѣ Іоаннова благовѣстія, а надъ нимъ паритъ голубь, символъ Св. Духа; такъ какъ въ этомъ барельефѣ нѣтъ человѣческой фигуры, то онъ и оставленъ неприкосновеннымъ. Совершенно вновь нужно было выстроить для Султана особое мѣсто; оно воздвигнуто подлѣ алтаря и снабжено позолоченными рѣшетками. Находясь въ немъ, Султанъ совершенно невидимъ для всѣхъ присутствующихъ въ храмѣ; входъ въ это мѣсто проведенъ съ площади Серальской, чрезъ притворъ, стѣны котораго Венеціанскій художникъ Форнари (который при обновленіи храма завѣдывалъ всею живописною частью работъ), по приказанію Султана, долженъ былъ украсить видами священныхъ для мусульманъ городовъ Мекки и Медины. Помость храма первоначально устланъ былъ превосходными мраморными плитами, уже почти изгладившимися; на первый разъ нынѣ устлали помость рогажками изъ соломы;

но предположено покрыть его превосходными коврами, и для этой цѣли заказано ихъ въ Смирнѣ 30,000 кусковъ, цѣною въ 600,000 піастровъ. Вообще же всѣ издержки по обновленію храма простираются до 15,000 кошельковъ, или $7\frac{1}{2}$ милліоновъ піастровъ.

Сумма эта почти вся взята изъ запаснаго капитала богоугодныхъ заведеній (по-Турецки Ewkaf). Каждая мечеть имѣетъ доходы, обеспеченные вкладами правительства и частныхъ лицъ и назначенные для содержанія мечети и состоящихъ при ней школъ, богадѣлень и проч. Завѣдываніе всѣми доходами, принадлежащими духовнымъ и богоугодныхъ заведеніямъ, находится въ рукахъ одного сановника, именуемаго Ewkaf-nasiri. Если нужно возобновить мечеть, какъ напр. это случилось съ храмомъ Св. Софіи, то для этого употребляются всѣ собственно ей принадлежащіе доходы; если ихъ недостаточно, то Ewkaf-nasiri беретъ изъ доходовъ другихъ мечетей; взятые изъ нихъ суммы вносятся въ долговую книгу возстановляемой мечети, и должны быть уплачиваемы мало по малу изъ ея доходовъ.

Открытіе обновленнаго храма Св. Софіи происходило 13-го Іюля; оно состояло въ торжественномъ шествіи Султана изъ Серая въ храмъ, чрезъ ряды войскъ, къ сопровожденію всего своего Двора. На площади предъ храмомъ стояло нѣсколько экипажей, откуда смотрѣли на торжество мать и дѣти Султана и нѣсколько его женъ. По окончаніи молитвы, Султанъ осматривалъ зданіе, хвалилъ его и роздалъ награды художникамъ и работникамъ, принимавшимъ участіе въ его обновленіи.

ЛЕДИ БЛЕССИНГТОНЪ. — Леди Блессингтонъ, скончавшаяся въ Парижѣ, 4-го Іюня этого года, принадлежитъ къ числу знаменитостей своего времени. Знакомства и бесѣды съ нею искали многіе даровитѣйшіе люди; въ письмахъ умершихъ ея современниковъ находимъ похвалы красотѣ, уму, высокому образованію и остроумно-веселому обраще-

нію этой известной Англійской писательницы. Но и не имѣя она даже этой привлекательной личности, возвышенной еще знатностью и богатствомъ, то достаточно было бы одного таланта ея, какъ писательницы, чтобы дать ей право на признательность и уваженіе ея современниковъ. Леди Блессингтонъ родомъ была Ирландка, изъ графства Ватерфордъ. Въ 1818 году вышла она замужъ за Графа Блессингтона, который, послѣ своей смерти, въ 1829 году, отказалъ ей значительное состояніе, съ какимъ она постоянно могла поддерживать знакомство съ высшимъ кругомъ Лондонскаго общества. О лѣтахъ Графини Блессингтонъ положительныхъ свидѣній мы не имѣемъ; въ многочисленныхъ ея сочиненіяхъ тоже нѣтъ объ этомъ никакихъ данныхъ. При жизни супруга и вмѣстѣ съ нимъ она много путешествовала по различнымъ странамъ материка Европы. Кто прочиталъ записки и письма Лорда Байрона, тотъ найдетъ въ нихъ лестные отзывы о достоинствахъ Леди Блессингтонъ; а въ числѣ стихотвореній его находится не одно, гдѣ онъ приноситъ дань своего уваженія знаменитой соотечественницѣ. Исторію своего знакомства съ Лордомъ Байрономъ и содержаніе бесѣдъ своихъ съ нимъ Леди Блессингтонъ изложила въ сочиненіи *Conversations* *, одномъ изъ интереснѣйшихъ произведеній ея пера. Другія два сочиненія Леди Блессингтонъ: *Idler in France* и *Idler in Italy*, содержатъ въ себѣ много любопытныхъ подробностей о состояніи общества въ этихъ странахъ, во время посѣщенія ихъ сочинительницею. Кромѣ Байронова, она пользовалась короткимъ знакомствомъ съ Шелли и Томасомъ Муромъ; также со всеми членами Бонапартовой фамиліи она постоянно находилась въ дружескихъ связяхъ.

* Поразительно какъ описанное послѣднее свиданіе Леди Блессингтонъ съ Л. Байрономъ, отъшедшимъ въ Грецію. Оно было въ Генуѣ, весной 1823 года: «Теперь, говорилъ Байронъ, вотъ всѣ мы здѣсь въ одномъ мѣстѣ; но кто знаетъ, когда и гдѣ мы встрѣтимся. Предполагаю, что мы увидимся въ послѣдній разъ; что-то говорить мнѣ, что я не возвращусь живымъ изъ Греціи.»

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, Леди Блессингтонъ выступила въ свѣтъ какъ писательница. Первое сочиненіе ея изданное, было подъ заглавіемъ: «Волшебный фонарь, или нѣкоторыя сцены столичной жизни.» За тѣмъ слѣдовала: «Повѣдка въ Нидерланды.» Далѣе, небольшое сочиненіе, тѣперь уже и въ Англіи почти забытое: *Desultory Thoughts and Reflexions* (Разныя мысли и разсужденія), замѣчательное какъ опытъ философскихъ трудовъ Леди Блессингтонъ, открывающій намъ внутреннюю ея жизнь, исторію ея мыслей и понятій. По наружной формѣ это сочиненіе походитъ на *Maximes* Ларошфука, но обличаетъ впрочемъ болѣе чувства, болѣе любви, чѣмъ сколько видно ихъ въ возрѣніи этого строгаго мыслителя на человѣческую природу. Потомъ быстро послѣдовали одинъ за другимъ романы и повѣсти: Признанія пожилой дамы; Признанія пожилаго кавалера; Гувернантка; Гресь Кассиди или Риналеры (относится къ исторіи Ирландской политики); Два друга; Жертва общества; Мередитъ; Лоттерей жизни; Записки служанки; Красавица одного сезона; Страттернъ; Очерки и отрывки; сверхъ того множество мелкихъ статей въ журналахъ и обзорнѣяхъ. Притомъ Леди Блессингтонъ завѣдывала многими иллюстрированными изданіями. Ея повѣсти отличаются болѣе нѣжностью чувства и остроумными размышленіями, чѣмъ художественною обработкою плана; но во всѣхъ ея сочиненіяхъ можно сказать, что она внушена здравымъ смысломъ, а въ разсказахъ ея женскіе характеры очерчены мастерски.

ВАНЪ - РИЗИКЪ. — Недавно смерть похитила одного изъ людей, служащихъ украшеніемъ Фламандской литературы. Теодоръ Ванъ-Ризикъ скончался въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ отъ тяжкой внутренней болѣзни, источившей въ продолженіе двухъ лѣтъ его душевныя силы, и причинившей наконецъ совершенное разстройство умственныхъ способностей. Ризикъ былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ поборниковъ народной Фламандской литературы. Ему удалось своими сочиненіями пробудить въ на-

родъ привязанность къ древнему родному языку; впрочемъ это удалось ему не безъ большихъ затрудненій. Первое сочиненіе Ризвика вышло, въ 1837 году, подъ заглавіемъ : »Eigenaerdi de Verhaelen;« оно указало ему мѣсто перваго Фламандскаго поэта, ибо никогда еще этотъ языкъ не достигалъ такого совершенства, какъ здѣсь. Три года спустя, Ризвикъ издалъ героическую поэму »Erpenstein,« показавшую, что Ризвикъ столько же умѣетъ обращаться съ важнымъ, аписческимъ родомъ поэзіи, сколько и съ лирическимъ, простымъ; дѣйствіе заимствовано изъ одного стариннаго преданія и происходитъ на берегахъ Рейна. Впрочемъ «Эппенштейнъ», произведеніе, какъ и по содержанию, такъ и по изысканнымъ выраженіямъ, доступное только тѣсному кругу образованной публики, доставило автору менѣ славы, чѣмъ первое его сочиненіе. Поэма встрѣтила неумолимаго и злонамѣреннаго критика въ Ванъ-Керкговенъ, которому Ризвикъ отвѣчалъ, въ 1842 году, сочиненіемъ Poetische Luimen; въ этомъ томѣ стихотвореній Ризвикъ возвратился къ своей простодушной манерѣ, и успѣхъ превзошелъ всѣ его ожиданія. Еще до появленія въ свѣтъ сочиненія Poetische Luimen, Ризвикъ издалъ »Антигону,« гдѣ въ звучныхъ сѣкахъ изложилъ три, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ въ Бельгіи, системы правительства. Въ слѣдъ за Poetische Luimen, вышло еще сочиненіе Ризвика *Баллады*, гдѣ онъ, по мнѣнію знатоковъ, превзошелъ самого себя; это сочиненіе, изданное въ 1843 году, составляетъ лучшее и вмѣстѣ самое народное произведеніе Ризвика.

Къ сожалѣнію, и самый успѣхъ Ризвика мало содѣйствовалъ его благосостоянію; всю жизнь онъ долженъ былъ бороться съ нищетою и лишеніями. Область Фламандская, считающая всего 2 милліона жителей, не въ состояніи была и самому лучшему своему поэту дать приличное содержаніе. Обыкновенно одни только Фламандцы и несуть на себѣ издержки печатаемыхъ у нихъ сочиненій; притомъ, въ Голландіи ихъ перепечатываютъ, и тѣмъ лишаютъ авторовъ и издателей всякой надежды на порядочное вознагражденіе. Ризвикъ отказывался отъ должностей; такимъ образомъ

онъ постоянно долженъ былъ бороться съ недостаточностью своихъ средствъ, несоотвѣтствовавшихъ ни его нуждамъ, ни его склонностямъ; такимъ образомъ жизнь его была самая несчастная и привела его наконецъ къ плачевному концу. Послѣдніе два года жизни его были бесполезны и для его собственной славы и для его отечества; уже въ началѣ этого года его друзья должны были сложиться, чтобы доставить ему уголокъ въ домѣ умалишенныхъ; смерть скоро окончила его страдальческую, не не бесполезную жизнь.

Послѣднія его сочиненія, еще свидѣтельствующія о силѣ его таланта, суть: *Politische Refereinen* (1844) и народныя Фламандскія пѣсни (1846); нѣкоторыя изъ нихъ превосходятны.

Физиономія Ризвика дышала умомъ и чувствомъ; въ частной жизни онъ былъ самый веселый товарищъ, самый нѣжный другъ. Въ обществѣ онъ былъ неистощимъ на остроуміе и веселость. Онъ любилъ жизнь и ея наслажденія, и это не мало ускорило гибельный исходъ его болѣзни. Какъ бы то ни было, онъ оставилъ по себѣ глубокое сожалѣніе во всѣхъ коротко его знавшихъ и незанятое мѣсто черваго Фламандскаго поэта.

ВНУТРЕННІЯ НѢВѢСТІА.

АБШЕРОНСКІЙ ПОЛУОСТРОВЪ.

(Изъ записокъ К. Ф. Стаскаго-Автономова.)

(Статья I.)

Названіе Абшеронскаго полуострова происходитъ отъ мыса Абшеронъ, а слово Абшеронъ отъ Персидскихъ словъ: *аба-ширитъ* — сладкая вода. Вообще на Абшеронѣ очень мало хорошей воды, нѣтъ ни одной рѣчки, а есть только въ иныхъ мѣстахъ родники, которые составляютъ особенную, такъ сказать, замѣчательность. По этой причинѣ, вѣроятно, родникъ прѣсной воды, находящейся у подошвы Абшеронской возвышенности, далъ названіе всему полуострову.

Абшеронскій полуостровъ имѣетъ продолговатую фигуру: у самой крѣпости Баку, между мысомъ Шиховой деревни и мысомъ Султаномъ (по народному названію Солынымъ), образуется довольно глубокой заливъ съ юга на сѣверъ, который составляетъ Бакинскую пристань. Отъ мыса Султана берегъ полуострова идетъ отъ запада на востокъ, и, склоняясь на югъ, оканчивается песчаной Шаховою косою; отсюда поворачиваетъ на сѣверъ, простираясь почти совершенно равною чертою до Лебжьего камня и самаго мыса Абшерона; отъ Абшерона онъ уклоняется къ сѣверо-западу до мыса б. Амбурана, а отсюда идетъ прямо на западъ до селенія Джората и далѣе до Сумгаитской долины. Селеніе Джоратъ и кр. Баку составляютъ крайнія точки

самаго короткаго поперечника и основанія Абшеронскаго полуострова: такъ какъ отъ селенія Джорать берегъ поворачиваетъ постепенно на сѣверъ и отъ мр. Баку на югъ; поэтому и мѣстность, очень значительно расширивъ, оканчиваетъ полуостровъ, соединяя его съ общимъ материкомъ. Впрочемъ можно принять за основаніе полуострова глубокую долину, начинающуюся у такъ называемыхъ «Бакинскихъ ушей», или двухъ скалъ, съ южной стороны, и оканчивающуюся устьями р. Сумгаита съ сѣверной; въ такомъ случаѣ линію основанія надобно отнести далѣе на западъ отъ Баку, и полуостровъ сдѣлается длиннѣе верстъ на 15-ть. Баку находится подъ $40^{\circ} 21' 41''$ сѣверной широты и $49^{\circ} 54'$ восточной долготы отъ Гривича. Селеніе Джорать, находясь подъ тою же долготою, лежитъ подъ $40^{\circ} 34' 15''$ широты, а мысъ Абшеронъ подъ $40^{\circ} 21' 45''$ с. ш. и $50^{\circ} 25' 30''$ в. дол. Длина полуострова простирается отъ 50 до 60 верстъ, а ширина отъ 25—30 верстъ.

Поверхность полуострова весьма неровная. Она состоитъ изъ невысокихъ каменистыхъ горъ, тянущихся съ разными уклоненіями отъ запада къ востоку, т. е. вдоль полуострова. Эти гряды горъ отдѣляются между собою бесплодными глубокими долинами, изъ которыхъ однѣ совершенно сухи, а другія заключаютъ въ себѣ соляныя озера. Скаты горъ большею частію плоски и весьма пространны, покрыты довольно плодороднымъ слоемъ глинисто-песчаной почвы; гребни ихъ состоятъ изъ плитъ ракушечнаго камня. Съ середины до оконечности полуострова гряды горъ, постепенно понижаясь, переходятъ почти въ совершенную степную равнину, и только у самаго моря восточный берегъ опять подымается и образуетъ значительную возвышенность, что и называется Абшеронскимъ мысомъ.

Вообще растительность на полуостровѣ не сильна: всѣ берега его состоятъ изъ песковъ и бесплодныхъ скалъ; но въ срединѣ есть, какъ выше сказано, много плодородныхъ горныхъ скатовъ, спускающихся иногда и къ са-

мымъ русламъ долинъ. На этихъ мѣстахъ, при хорошей и благорастворенной погодѣ, въ извѣстныя времена года весьма хорошо рождаются пшеница, ячмень, хлопчатая бумага и шафранъ. Вдоль южнаго берега, среди сыпучихъ песковъ, ежегодно устраивается множество *багчей*, или особеннаго рода огородовъ, для огурцовъ, арбузовъ и преимущественно для дынь; а по сѣверному берегу, среди такихъ же песковъ, тянутся виноградные и другихъ плодовыхъ деревьевъ сады. Долины и овраги изобилуютъ солью; нефть добывается въ разныхъ мѣстахъ, особенно же на Балаханской возвышенности. Отсюда же недалеко къ востоку находится селеніе Сораханы, гдѣ струится угле-водородный газъ и горятъ неугасимые огни; это почти въ центрѣ полуострова.

Такимъ образомъ, не смотря на внѣшнюю пустыньность и безплодіе, Абшеронскій полуостровъ заключаетъ въ себѣ много весьма цѣнныхъ произведеній; изъ нихъ шафранъ, соль, нефть и дыни составляютъ особенную принадлежность его, а угле-водородный газъ, пылающій неугасимыми огнями, представляетъ чрезвычайную рѣдкость. Но для глазъ, повторяю, весь полуостровъ являетъ дикую и довольно грустную картину; самые багчи и сады кажутся жалкою насмѣшкою природы. Это однако же доказываетъ, какъ природа многообразна въ своихъ дарахъ.

Выше уже сказано, что, начиная отъ устья р. Самгаита, находящагося у сѣвернаго берега до *Прорани* (весьма мелкаго залива), съ южной стороны у Бакинскихъ ушей, полуостровъ отдѣляется еще болѣе глубокими и бесплодными долинами, оконечности которыхъ раздѣляются между собою только незначительною холмистою возвышенностію, — такъ что при болѣемъ развитіи промышленности и мѣстныхъ капиталовъ, можно будетъ здѣсь провести каналъ, и такимъ образомъ избавить суда, идущія изъ Баку и Сальяни въ Астрахань, отъ довольно затруднительнаго обхода всего полуострова.

Абшеронскій полуостровъ населенъ съ самой глубокой древности, и вѣроятно составлялъ значительную провинцію сперва Мидійской монархіи, а потомъ Персидской. Теперь

все народонаселеніе Абшерона раздѣляется на два отдѣла. Къ востоку и морю живетъ древнее поколѣніе, говорящее Персидскимъ нарѣчіемъ, извѣстнымъ подъ особеннымъ названіемъ *Tamx*. Впрочемъ это поколѣніе знаетъ и общеупотребительный въ мусульманскихъ нашихъ провинціяхъ Татарскій языкъ, или *Туркx*. Другое поколѣніе живетъ къ западной части полуострова, гдѣ оны сливаются съ материкомъ. Оно говоритъ однимъ языкомъ Татарскимъ и вовсе не понимаетъ ни общаго Персидскаго, *Фарси*, ни нарѣчія его *Tamx*. По всей вѣроятности, этотъ народъ Монголо-Туркменскаго происхожденія, а первый Персо-Мидійскаго.

Не только историческія сказанія, но даже мѣстные преданія и сказки Абшеронскаго полуострова не восходятъ далѣе времени Александра Великаго. Бакинская бухта образуетъ хорошую пристань; поэтому, конечно, и сосредоточилось здѣсь народонаселеніе полуострова, и устроился городъ Баку. Названіе это производятъ и отъ Фарсійскаго слова *Батку* (порывъ вѣтра), и отъ собственнаго имени Монгольскаго Хана *Баку*. Первое кажется вѣрнѣе: такъ какъ городъ долженъ быть древнѣе Хана Баку. Мѣстная народная фантазія умѣла связать судьбу своего роднаго города съ дѣяніями Македонскаго героя. Вотъ какъ рассказываетъ одна Фарсійская книга о самомъ происхожденіи Бакинскаго залива. «До прихода Искендера, т. е. Александра Великаго, г. Баку стоялъ далеко отъ морскаго берега и былъ гораздо многочисленнѣе теперешняго; граждане его не хотѣли покориться Александру. Между тѣмъ и войско знаменитаго воителя не могло взять Баку, потому что оно прибыло на корабляхъ, а корабли не могли пристать къ крѣпости. Искендеръ обратился къ наставнику своему Аристу (Аристотелю) за совѣтомъ, что дѣлать въ такихъ обстоятельствахъ? Аристу посоветовалъ вылить въ море нѣсколько бочекъ масла. Сказано — сдѣлано, отъ этого море хлынуло на берегъ до самыхъ стѣнъ города, и образовало нынѣшнюю Бакинскую бухту, по которой Искендеръ дошелъ съ своими кораблями до крѣпости, и безъ большихъ затрудненій взялъ ее.» Дальнѣйшія преданія Абшеронскія

исчезаютъ во мракъ неизвѣстности до временъ Исламизма, или правосѣрія, Шитскаго толка. Въ эти времена, Фатъма, дочь одного изъ первыхъ имамовъ, бывъ гонима за свои добродѣтели въ предѣлахъ Персіи, прибыла къ южнымъ берегамъ Каспійскаго моря, бросила свой коверъ на волны, и онъ стихалъ. Фатъма сѣла на коверъ, и приняла въ то мѣсто, гдѣ нынѣ находится Шиховская деревня; здѣсь вышла она на берегъ, основала свое жилище, и провела всю остальную жизнь. На мѣстѣ ея гроба вполнѣдствіи воздвигнута мечеть, въ которую Бакинцы и жители окрестныхъ деревень обращаются на богомолье, въ каждыя четвертокъ.

Изъ надписей, на языкѣ Фарси, находящихся на многихъ зданіяхъ Абшеронскаго полуострова, только одна, найденная въ селеніи Бузовны, на камнѣ, выпавшемъ изъ старой башни, принадлежитъ будто бы 53 году гиджры, что впрочемъ болѣе нежели сомнительно; она такъ читается въ переводѣ: «строилъ сіе зданіе великій и благородный человекъ, знающій все до тонкости, свѣтлая авѣда вѣры, наилучшій изъ мусульманъ, Падишахъ Меликъ-Соларъ, 53 года.» * Точнѣйшія надписи не восходятъ ранѣе первой половины XV вѣка христіанской эры.

Шиховская деревня находится въ семи верстахъ отъ Баку, на югъ между мысомъ Баилова рынка и Бакинскими ушами; отъ этого мѣста начичается Бакинскій заливъ. Каменистая Шиховская гряда далеко идетъ въ море, какъ разъ противъ острова Наргена, который, находясь на одной почти линіи съ двумя меньшими островами: Вульфомъ и Песчанымъ, ограждаетъ Бакинскій рейдъ съ моря отъ южныхъ вѣтровъ и оканчиваетъ его у Солянаго мыса, оставляя для кораблей три довольно значительныхъ прохода. Бакинскій портъ есть лучший на Каспійскомъ морѣ въ нашихъ предѣлахъ, будучи огражденъ со всѣхъ сторонъ зна-

* Я не имѣю подъ рукою справки о времени жизни Мелика-Солара. Вѣроятно, предъидущія цифры стерлись, а эта означаютъ только десятки и единицы; подобная же ошибка открыта въ спискѣ надписей съ юго-восточной стѣны Шиховской мечети.

чительными возвышенностями, и если бы къ сѣверу берегъ былъ гораздо выше, то портъ много бы отъ этого выигралъ.

Баку, составляя средоточіе Абшеронскаго народонаселенія, есть вмѣстѣ складочное мѣсто для всего Дагестана и отчасти для всей восточной половины Закавказскаго края, и особенно для товаровъ, идущихъ сюда изъ внутреннихъ губерній по р. Волгѣ чрезъ Астрахань. Крѣпость Бакинская выстроена первоначально Персами въ IV вѣкѣ нашего лѣтосчисленія, Ширванъ-Шахами; усилена постройкою другихъ стѣнъ Турками въ позднѣйшія времена, а окончательно приведена въ настоящее положеніе Русскими въ текущемъ столѣтіи. Она состоитъ изъ двойныхъ стѣнъ, съ башнями, рвомъ и двумя отдѣльными батареями; имѣетъ двое воротъ: на сѣверъ и западъ; первыя называются Шемахинскими, вторыя Горными. Крѣпость эта, можетъ выдержать сильную осаду, какъ это и случилось въ послѣднюю Персидскую войну. Стѣны крѣпости огибаютъ значительный холмъ неправильнымъ полукругомъ, параллельно заливу, большой поперечникъ котораго имѣетъ около версты. На самой вершинѣ холма находятся развалины шахскаго дворца съ довольно хорошо уцѣлѣвшими мечетями и минаретами. Всѣ эти зданія представляютъ изящный памятникъ и образецъ Персидско-Арабской архитектуры. Они сложены изъ мелко-зернистыхъ камней, весьма чисто вытесанныхъ и такъ плотно спаянныхъ чрезвычайно тонкимъ слоемъ подмаски, что и теперь въ иныхъ мѣстахъ трудно замѣтить спай: камни обратились отъ времени какъ бы въ одну массу темножелтоватой бронзы. Дворецъ построенъ Ширванъ-Шахомъ Халиль-Улла, какъ видно изъ надписей, около середины пятнадцатаго вѣка по христіанскому лѣтосчисленію, а разрушенъ Аббасомъ Великимъ, подчинившимъ себѣ и вовсе уничтожившимъ династію Ширванъ-Шаховъ. Кромѣ этихъ зданій, составляющихъ пергый памятникъ Бакинскихъ древностей, есть въ крѣпости огромная башня, называемая Дѣвичьею, и нѣскольکو мечетей. На южной сторонѣ Дѣвичей башни находится полустертая кувическая надпись, которая гласитъ оставшимися словами: *во время царствованія Джайту Худабенде*. Но

что это показываетъ — время ли постройки башни, или время возобновленія ея, или еще что другое, — рѣшить трудно. Башня эта вышиною 100 футовъ, построена изъ темнаго ракушечнаго камня; въ настоящее время, въ извѣстные дни, на ней поднимается крѣпостной флагъ.

ЕРМАКОВА ИКОНА ВЪ ТОБОЛЬСКОМЪ СОБОРѢ. — Изъ описанія замѣчательныхъ иконъ въ Тобольскомъ соборѣ, составленнаго трудами Протоіерея Ласточкина и Священника Сулоцкаго, видно, что въ числѣ ихъ находится икона Христа Спасителя съ предстоящими, взятая изъ *Ермаковой* часовни, и слѣдовательно, можетъ быть, принадлежавшая самому завоевателю Сибири. При соборѣ, какъ говоритъ преданіе, прежде и много было *Ермаковыхъ* иконъ; но Пресвященные Тобольскіе частію переслали ихъ къ царственнымъ особамъ, при важныхъ случаяхъ, напримѣръ при коронаціяхъ, и пр., частію подносили въ даръ знатымъ лицамъ, какъ-то: воеводамъ и Генераль-Губернаторамъ Сибирскимъ.

МОСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

КРЕСТНОЕ ХОЖДЕНІЕ ВЪ ПАМЯТЬ ОСВОБОЖДЕНІЯ МОСКВЫ ОТЪ НЕПРІЯТЕЛЕЙ, ВЪ 1812 ГОДУ.

Въ воскресенье, 9-го Октября, Москва была свидѣтельницею крестнаго хожденія, въ воспоминаніе исхода Наполеоновыхъ войскъ на 11-е Октября 1812 года.

Самый день сего торжественнаго священнодѣйствія памятенъ для Москвичей-старожиловъ удаленіемъ непріятелей изъ Новодѣвичьяго монастыря, обреченнаго ими на разрушеніе, но спасеннаго мужествомъ старицы его Сарры. Уже подведены были пороховыя мины подъ соборъ, колокольню и другія зданія, уже догорѣли скоропалительныя фитили, приставленные къ бочкамъ съ порохомъ; но Сарра, съ крѣпкимъ упованіемъ на помощь Божію, не взирая на очевидную опасность, смѣлою рукою сорвала и загасила водой фитили, и тѣмъ предупредила истребительныя взрывы. Въ память этого событія, тамъ 1813 года устроенъ придѣлъ во имя св. Апостола Іакова Алфеова, празднуемаго Церковію 9 Октября, и установленъ крестный ходъ вокругъ стѣнъ монастырскихъ.

Такимъ образомъ въ этотъ достопамятный день соединились два крестные хода, напоминающіе намъ начало и конецъ выхода враговъ изъ Москвы, пострадавшей за всю Россію.

Если такое напоминаніе важно для нашихъ современниковъ новаго поколѣнія: то сколь же оно должно быть близко къ сердцу тѣхъ, которые пережили ужасы 1812 года испытали всѣ бѣдствія въ столицѣ и видѣли лицомъ къ лицу грозившую имъ смерть! Теперь чувства сердца ихъ проявлялись въ молитвенныхъ воззваніяхъ и слезахъ умиленія при видѣ святолѣпнаго шествія вокругъ Кремлевскихъ стѣнъ, которыя въ этотъ день 1812 года дрожали отъ страшныхъ взрывовъ въ Кремль. Нынѣ съ утра день былъ туманный; но среди крестнаго хожденія туманъ разсѣялся, небо просвѣтлѣло и лучи осенняго солнца отразились

на золотѣ св. иконъ и хоругвей. Казалось, въ самой природѣ выразилась намъ истина, что молитва разсвѣтаетъ туманы бѣдствій и скорбей, такъ какъ сила ея отвела отъ Россіи и разогнала тучу, грозившую ей гибелью въ 1812 году.

Все пространство, около четырехъ верстѣ, которое протекалъ крестный ходъ, усвѣяно было народомъ, встрѣчавшимъ святѣни молитвенными поклонами; толпы его сопутствовали священному шествію, въ коемъ, кромѣ чудотворной иконы Всемилостиваго Спаса, Владимирской Богоматери и другихъ, несена была Устюжская Икона Благовѣщенія Богоматери, современная св. Прокошію Христородиородивому, въ предшествіи 30 хоругвей изъ соборовъ и монастырей Кремлевскихъ. Сіи отечественныя святѣни сопровождалъ Митрополитъ Московскій Филаретъ, нынѣ старшій изъ Россійскихъ Іерарховъ, предстоятель духовныхъ витій, уже 28 годъ правящій Московскою папствою, потомъ Викарій его Епископъ Дмитровскій Іосифъ, Архимандриты старопопигіальныхъ и епархіальныхъ монастырей, наконецъ и духовенство всѣхъ шести сороковъ Москвы. Въ рядахъ его встрѣчались немногіе уже свидѣтели бытій 1812 года, украшенные и крестными знаками и почтенными сѣдинами. По установленному порядку, шествіе имѣло направленіе изъ Спасскихъ воротъ къ Воскресенскимъ, и тамъ въ часовнѣ, совершивъ молебствіе предъ чудотворною иконою Иверскія Богоматери, слѣдовало съ нею по Моховой и набережной до Лобнаго мѣста. На пути хода, изъ ближайшихъ церквей священники съ причетомъ выносили храмовыя иконы; къ нимъ принадлежалъ Преосв. Митрополитъ. На Спасской башнѣ пробіло часъ по полудни какъ вознесены были св. иконы на Лобное мѣсто, обставленное хоругвями; по окончаніи тамъ молебствія, ходъ возвратился въ Успенскій соборъ при колокольномъ звонѣ.

Такимъ образомъ въ 36 разъ съ 1813 г. повторилось это крестное хожденіе, установленное Московскимъ Архіепископомъ Авустиномъ.

СМѢСЬ.

15-е июля 1849 въ вуюкдере. — Въ числѣ праздниковъ, установленныхъ Русскою Церковью въ память и честь святымъ, день Святаго и Равноапостольнаго Князя Владимира имѣеть для насъ особенное значеніе и особенную важность. Этотъ день есть для насъ не только праздникъ христіанскій и церковный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и праздникъ гражданскій и государственный. Онъ принадлежитъ равно и Церкви и Исторіи народной. Приобщивъ себя и свой народъ къ Церкви православной, Владимиръ указалъ путь Россіи. Съ перваго слѣда, на немъ означеннаго, положилъ онъ неизблемое начало ея историческихъ судьбъ. Всѣ наши событія, все, что образуетъ нашу народную личность, нашу силу духовную, нравственную и политическую, всѣ наши успѣхи и пріобрѣтенія, очистительныя и многоплодныя испытанія, чрезъ которыя Промыслъ цѣлбно и спасительно провелъ насъ по пути бореній, жертвъ, преуспѣянія и славы, все истекаетъ изъ свѣтлой и святой купели, въ которую Владимиръ погрузилъ съ собою младенческую Россію. Отъ него зачалось и окрѣпло наше духовное воспитаніе и гражданское образованіе. Имъ опредѣлено наше мѣсто въ Исторіи человѣчества. Событія нашей старины, событія нашей новѣйшей Исторіи, явленія настоящаго времени и, безъ сомнѣнія, событія будущаго связаны, и будутъ связаны союзомъ нашимъ съ Восточною Церковью. Здѣсь должно искать и точку исхода нашего, и цѣль, въ которой направляетъ насъ Провидѣніе темными, но вѣрными путями. Направленія, данныя обществамъ по соображеніямъ человѣческой мудрости и рзсчетамъ политическаго честолюбія, — и свидѣтелямъ тому служить Исторія, — часто бывають подвержены измѣненіямъ, обличая въ слѣ-

нотѣ человѣческую предусмотрительность. Но начала, въ которыхъ явно знаменуется вышательство Божія Провидѣнія, пребываютъ неизблемы и твердо переносятъ напоры и потрясенія житейскихъ волненій и бурь. Лѣтописи наши выставляютъ въ яркомъ свѣтѣ непреложность сей истины. Имъ же, безъ сомнѣнія, предстоитъ въ будущемъ подтвердить ее новыми и убедительнѣйшими дозательствами. Многое у насъ измѣнилось и многое можетъ измѣниться въ частностяхъ нашего народнаго быта; но призваніе и судьба Россіи преимущественно заключаются въ святинѣ ея православія. Въ прошломъ — оно нашъ основной, краеугольный камень; въ настоящемъ — наша опора и сила; въ будущемъ — нашъ свѣтильникъ и двигатель.

Эти мысли промелькнули въ умъ моему, при слушаніи святой литургіи въ день 15-го Іюля, въ церкви посольскаго дома нашего въ Буюкдере. Чувство духовнаго благоговѣнія предъ совершеніемъ святыхъ таинствъ и обычныхъ обрядовъ Церкви нашей незольно сливалось съ историческими воспоминаніями, которыя пробуждаетъ этотъ праздникъ. Эти воспоминанія, если не совершенно чужды житейскимъ попеченіямъ, имѣли однакожъ свою торжественность. Они не отвлекали ни мысли, ни чувства молящагося отъ чистой и святой цѣли, предназначенной молитвѣ. Они не смущали, не охлаждали умиленія: напротивъ, эти воспоминанія придавали настоящему священнодѣйствію новое значеніе, болѣе доступное слабымъ понятіямъ нашимъ: они яснѣе выражали на языкѣ человѣческомъ дѣло Божія Промысла на Русской землѣ. Особенно на берегу Босфора, вблизи источника, откуда брызнула на предковъ нашихъ живородящая и спасительная струя, давно уже изсыхавшая на родинѣ, и нынѣ у насъ единичъ сохранившая свою первобытную и независимую чистоту, нельзя безъ тайнаго умиленія внимать словамъ пѣснопѣнія, которыми Церковь наша славословитъ Святаго Владимира. «Уподобился еси купцу, ищущему добраго бисера, Славнодержавный Владимире, сва высотѣ стола сѣды матере градовъ, Богоспасомаго Кіева, испытуя же и посылая къ царскому граду увидѣти православную вѣру, и обрѣвъ еси безцѣнный бисеръ Христа, избраннаго кта, яко втораго Павла, и отрешаго слѣпоту во святой купели, душевную купи и тѣлесную.» Первобытная, благочестивая и поэтическая простота этихъ выраженій вездѣ трогательна

и умишительна; но здсь она проникаетъ въ душу съ особенною прелестью и силою. Давно-минушее живо въ глазахъ олицетворяется. Нить этого *добраго бисера*, безпрерывно и цльно протянутая сквозъ многія и многія столетія, очевидно, ощутительно связываетъ прошедшее съ настоящимъ. Здсь священное преданіе возвратилось къ мету колыбели своей. Возрожденное, оживленное воздушемъ родины своей, оно облачается первобытною свѣжестію. Слова обетшанія юнются и звучать крыча и знаменательнѣе: въ нихъ слышится и святая память прошедшаго, и какое-то пророческое предчувствіе будущаго.

Для насъ, Русскихъ, случайныхъ и временныхъ переселенцевъ на берега Босфора, заброшенныхъ сюда стеченіемъ разныхъ обстоятельствъ, общій праздникъ имѣлъ еще на этотъ разъ особенный, частный оттънокъ. Мы въ этотъ день праздновали именины нашего посланника, Владимира Павловича Титова. По Русскому обычаю, онъ угостилъ единоземцевъ своихъ радушнымъ обѣдомъ въ Русскихъ палатахъ, красиво устроенныхъ между обширнымъ садомъ, живописно расположеннымъ на уступамъ высокой горы, и роскошнымъ, величественнымъ Босфоромъ. За обѣдомъ пропѣты были, въ честь именинника, нѣкоторыми изъ собесѣдниковъ и собесѣдницъ, слѣдующіе стихи, положенные на музыку маэстро Моріоне:

Предъ минаретами Пророка,
Здсь, гдѣ объятый цлью горь,
Предъ небомъ голубымъ Востока,
Свѣтлѣть голубой Босфоръ:
Мы, дѣти Руси православной,
Единодушною семьей
Поемъ тебѣ привѣтъ заздравный,
Нашъ именинникъ дорогой.

Въ дому твоёмъ — для насъ Россія!
Здсь все, чѣмъ намъ она мила:
Креста преданія святя,
И слава Русскаго Ора,
И языка роднаго звуки,
Чтобъ сердцу сердца вѣсть подать,
И Русскія сердца и руки,
Чтобъ брата съ вѣжностью объять.

Вечеръ кончился, какъ обыкновенно кончаются Буюндерскіе вечера, многолюднымъ *раутолибъ* подъ открытымъ небомъ на Буюндерской набережной. Послѣ знойнаго, душваго дня, ~~неожиданно~~ точно прохлаждаемаго навѣваніями Черваго моря, теплая, прозрачная ночь вызываетъ всѣхъ жителей изъ домовъ и угощаетъ зрѣлищемъ и нѣгою наслажденій, невыразимо-сладостныхъ. Небо, воздухъ, вода, земля, каждая часть отдѣльно красуется своею собственною ей прелестью, и все вмѣстѣ сливается въ одну стройную и чудную картину. Извивистый Босфоръ широкими, лазурными отраслями раскидывается въ разные стороны. Суда, стоящія на якоряхъ, темными отбѣнками рисуются на его поверхности. Легкіе, продолговатые *кайки* скользятъ по немъ, какъ будто безплотные призраки, не возмущая тишины его, ни движеніемъ своимъ, едва замѣтнымъ, ни плескомъ весель, безъ шума въ воду опускающихся. Передъ домомъ посланника, Русскій театръ празднично свѣтится веселыми огнями. На противоположномъ, Азіятскомъ берегу, перерѣзанныя глубокими долинами, возвышаются горы, образуя величественную раму обширной и роскошной картины. Здѣсь гора, *могила великана*, увѣнчанная развалинами зданія, въ которомъ гнѣздятся дервиши. Не далеко отъ нея мѣста, уже заочно намъ знакомыя памятнымъ для насъ событіемъ. Тутъ въ 1838 г. расположенъ былъ Русскій станъ, и прованіе *ункдаръ-скелесси* внесено въ страницы нашей современной Исторіи. Вправо выглядываетъ изъ сумрака *Теранія* съ красивыми домами посольствъ Англійскаго и Французскаго. Здѣсь на набережной пестрѣетъ и кипитъ настоящій Венеціанскій карнавалъ. Мимо насъ проходитъ, свивается и развивается разноплеменная толпа въ разнообразныхъ одеждахъ. Тутъ Грекъ, Армянинъ, Турокъ, Славянинъ, каждый, отличающійся особеннымъ отпечаткомъ въ чертахъ, въ походкѣ, рисуется предъ вами и придаетъ общей картинѣ отдѣльный образъ, отдѣльную жизнь и краску. Весь Востокъ въ лицахъ, и стройный, однообразный Западъ терзается въ этомъ радужномъ смѣшеніи красокъ, разностей и народностей. Вотъ Турокъ-разнощикъ съ фонаремъ въ рукѣ, съ лоткомъ на головѣ, дикимъ крикомъ приглашаетъ прохожихъ полакомиться его неприхотливыми сластями. Тутъ расположена при блескѣ огней вечерняя выставка мороженаго; около нея важно и созерцательно сидятъ безпечные

поклонники праздниці и глѣн. Изъ сѣней открытаго дома вылетаютъ дикіе напѣвы Армянской пѣсни подъ строй чего-то, похожаго на многострунную балалайку; предъ дверьми тѣснится кружокъ болѣе внимательныхъ, нежели взыскательныхъ слушателей. Эти пѣсни однѣ нарушаютъ повтически-безмолвную гармонію ночи. Но и онѣ, при всей своей странности, не вовсе лишены относительной прелести, какъ все то, что самобытно и носить на себѣ печать мѣстности и особенности народной.

Но вскорѣ мысленно уклоняешься отъ всѣхъ этихъ пестрыхъ видѣній и забываешь присутствіе людей. Немольно уединяешься въ себя и, отрѣшившись отъ толпы, погружаешься въ свои чувствами въ зрѣлище окружающей тебя природы. Только и видишь, только и слышишь, что небо и море. Только имъ сочувствуешь и любишься ими.

Вотъ вамъ, далекіе друзья, наскоро наброшенный очеркъ одного изъ дней, проведенныхъ мною на берегу Босфора.

Кл. Вяземскій.

РАЗСКАЗЫ КЯХТИНСКАГО СТАРОЖИЛА.

(Статья II.)

ФОНАРНЫЙ ПРАЗДНИКЪ. — ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ОБЪѢДЪ У ДЗАРГУЧЕЯ. —
ОБРАЗЦЪ КЯХТИНСКАГО ЯЗЫКА.

Самые парадные обѣды у Дзаргучея бывають въ *Фонарный праздникъ*, въ Бѣлый мѣсяцъ, то есть, въ первое новолуніе Нового года.

Наканунъ * нарожденія луны, Дзаргучей *закрываетъ пегать*, то есть прекращаетъ дѣла на цѣлый мѣсяцъ, и жители Маймачина выходятъ изъ домовъ своихъ на религіозную ночную процессію, по известному обряду. Символическая религія ихъ, олицетворяющая каждую идею въ отдѣльное божество, представляетъ многочисленный пантеонъ кумировъ, изъ которыхъ оказавшагося, въ продолженіе стараго года, неисправнымъ по своей части, какъ виновнаго, несутъ съ торжествомъ къ нейтраль-

* Этотъ канунъ есть Китайскій постъ, въ который Китайцы ѣдятъ только одинъ рисъ.

ной землѣ, на границѣ, и бросаютъ въ груды всякаго сора, вывозимаго изъ города. *

На обратномъ шествіи они сжигаютъ фейерверки — безчисленное множество ракетъ, и при счастливыхъ предзнаменованіяхъ, поздравляютъ другъ друга.

Рано утромъ все кучество идетъ съ поздравленіями къ Дзаргучею, который ведетъ ихъ, съ военной роговой музыкой, на поклонъ *царскому имени*, въ нарочно выстроенный для этого случая особенный храмъ, близъ его дома.

Внутренность этого храма украшена роскошной желтой драпировкой и арматурой; на возвышеніи нѣсколькихъ ступеней, подъ великолѣпнымъ баддахинномъ, прикрѣплена, въ видѣ фанаря, рамочка, на которой, по синему яркому полю, написано золотыми буквами имя Богдыхана. У входа въ храмъ, Дзаргучей первый кланяется три раза съ величайшимъ благоговѣніемъ и вѣрою, что Царь духомъ сочувствуетъ его усердію. Вся другіе Китайцы совершаютъ поклоненіе на дворѣ.

Въ этотъ важный день Богдыханъ въ Пекинѣ оказываетъ народу щедрый милости. Ему подають списокъ приговоренныхъ къ казни, и онъ послѣ торжественной молитвы о томъ, чтобы въ слѣдующіе годы не имѣть въ царствѣ своемъ преступниковъ, приказываетъ завязать себѣ глаза, и вычеркиваетъ изъ списка на удачу имена тѣхъ, которыхъ, такимъ образомъ, спасаетъ Провидѣніе отъ казни.

Послѣ поклоненія имени Богдыхана, весь народъ расходится, и три дня продолжаются богослуженія и усердное моленіе, такъ что во все время, торговый народъ не выходитъ на Русскую сторону.

По окончаніи своихъ духовныхъ церемоній, Китайцы выбираютъ по своимъ книгамъ первый *счастливый день* (этотъ выборъ счастливаго дня и часа тщательно наблюдается у нихъ

* Изъ этого описанія мы узнаемъ обрядъ *проводовъ* стараго года и *встрѣчи* новаго, обрядъ, существовавшій у многихъ древнихъ народовъ. Олицетвореніе при этомъ случаѣ значило *счастье*, часть или участь прошедшаго года. Недобрую часть выбрасывали вонъ изъ памяти, и встрѣчали новый годъ съ новымъ счастьемъ. *Ред.*

при возможъ начинаніи). Они надѣваютъ лучшія свои платья, и идутъ на Русскую сторону, въ гости къ нашимъ купцамъ, которые дарятъ ихъ по обычаю, а также и въ нашъ Новый годъ получаютъ взаимно подарки. Въ первый день Бѣлаго мѣсяца, отъ пограничнаго начальника посылаются къ Дзаргучею богатые подарки: сукна, бархаты, хрусталь, мѣха, вина и конфеты. До пятнадцатаго числа, то есть до полнолунія, слѣдуютъ непрерывные пиры и обѣды на Кяхтѣ; но дни за три до 15-го Января Дзаргучей посылаетъ своихъ чиновниковъ къ пограничному начальнику и къ Директору Кяхтинской таможни, проситъ ихъ съ женами и гостями своими въ себѣ въ полнолуніе на обѣдъ и фонарную иллюминацію.

Въ назначенный день, поутру все собираются у Маіора и у Директора, и пославъ передоваго, отправляются двумя поѣздами до Кяхтинскихъ воротъ, гдѣ каждому изъ нихъ дѣлается особенная встрѣча. Въ воротахъ выходятъ изъ окишакей, потому что въ этотъ день нѣтъ проѣзда по улицамъ, украшеннымъ разной бумагой, безчисленнымъ множествомъ разноцвѣтныхъ фонарей и богатой драпировкой, въ которой Китайцы ослыжутъ великими художниками. На всѣхъ перекресткахъ устроены кумирни, также драпированныя, украшенныя и увѣннанныя фонарями.

У воротъ слободы встрѣчаетъ гостей Монгольская стража. (Все Китайскія ворота въ городѣ и каждыя двери въ комнаты обыкновенно загорожены щитомъ въ видѣ экрана.) Одинъ изъ полицейскихъ чиновниковъ подходитъ къ Маіору и говоритъ, что Дзаргучей ожидаетъ ихъ съ нетерпѣніемъ. Въ воротахъ же Дзаргучей встрѣчаютъ плясуны и труппа уличныхъ актеровъ, которые съ танцами и музыкой провожаютъ до двора.

Домъ Дзаргучея называется *Яланомб*. *Яланомб* же есть мѣсто заключенія преступниковъ; и потому, при входѣ въ первый дворъ, направо видны орудія пытки, а надѣво тюрьма. Тутъ же стоятъ маленькія вкопанныя въ землю пушки и два очень высокіе шеста, на которыхъ поднимаютъ фонари, дающіе сигналъ для зажженія фонарей во всемъ городѣ. Во второмъ дворѣ устроены по сторонамъ домики для канцеляріи Дзаргучея. Третій дворъ весь крытъ навѣсомъ; въ глубинѣ его большія судейскія ворота, а по бокамъ ихъ двое меньшихъ, ведущихъ, небольшими корридорами, на ма-

ленькій дворикъ передъ крыльцомъ дома. Передъ судейскими воротами по одну сторону стоятъ столы, на которомъ лежитъ печать, а по другую кресла, накрытыя барсовой кожей. Тутъ же въ одномъ изъ корридоровъ стоитъ Дзаргучеева повозка и сѣло его.

Въ парадные дни хозяинъ встрѣчаетъ въ судейскихъ воротахъ, въ которыя входитъ съ одними Русскими властями; прочіе гости проходятъ по корридорамъ на маленькій дворъ, и оттуда на крыльце, ведущее въ комнаты, гдѣ бываетъ невообразимая тѣснота.

Маіоръ и Директоръ обыкновенно извиняются, что пришли съ такимъ множествомъ гостей. Дзаргучей отвѣчаетъ, что, по ихъ обычаю, *«гостилъ въ гостяхъ никогда не бываетъ тѣсно, сто для хозяина тѣмъ больше гостей, тѣмъ пріятнѣе, и сто если не достанетъ мѣста, то достанетъ угощенія.»* Тутъ размышляются даже по окнамъ; но никто не занимаетъ кресель Дзаргучей передъ его письменнымъ столомъ.

Тотчасъ же идутъ къ обѣду: садятся къ небольшимъ въ четыре и въ осемь приборовъ столикамъ, безъ скатертей, обвѣшаннымъ только по бокамъ вышитой шелкомъ каемкой. Скамейки у столовъ очавъ узенькія. Хозяинъ всѣхъ усаживаетъ непременно по чинамъ, и самъ садится между пограничнымъ начальникомъ и женой его.

Русскіе приносятъ съ собой свои салфетки, приборы, черныи и бѣлыи хлѣбъ; потому что Китайцы не пекутъ кислаго хлѣба, и употребляютъ вмѣсто салфетокъ бумажки, а вмѣсто ножей и вилочекъ, какъ извѣстно, костяныя палочки.

Прежде всего отавать на нѣсколькихъ блюдахъ десертъ: рабинную пастилу, сухіе фрукты, разваренные въ видѣ компотовъ, пирожное Пекинскаго приготовления на прекрасномъ кунжутномъ маслѣ,* и другія сласти. (Китайцы въ кушаньяхъ своихъ не употребляютъ коровьяго масла, но кунжутное масло или свиное сало.) Тутъ же подаютъ чай и вина.

Хозяинъ спрашиваетъ, не время ли кушать, что обыкновенно гости предоставляютъ на его волю.

* Изъ коночи кунжутнаго масла дѣлается лучшая тушь.

Первымъ сервизомъ подаютъ закуску, и предварительно передъ всякимъ гостемъ ставятъ блюдечко съ отличнымъ Китайскимъ укусомъ, приготовленнымъ изъ простаго пшена. Въ этомъ укусь, въ продолженіе всего обѣда, обмакиваютъ всѣ жирныя аства, къ чему Русскіе такъ привыкають, что уже не могутъ и дома безъ того обойтись. Тарелокъ же не ставятъ передъ каждымъ лицомъ, и гости берутъ съ блюдцевъ что и сколько имъ угодно. Закуска состоитъ изъ маринованныхъ припасовъ: раковыхъ шеекъ, разныхъ полиповъ, бамбуковыхъ кореньевъ, свиной шинкованной кожи, кровяныхъ колбасъ, копченой утки, сала со сморчками; все необыкновенно узорно разложено, и въ ознаменованіе праздника и особеннаго удовольствія хозяина, каждое блюдо увѣнчано окрашеннымъ алымъ абрикосовымъ ядрышкомъ.

Блюда, слѣдующія одинъ за другимъ, ставятся на опустошаемые, пирамидой; иногда горячія блюда подаются въ оловянныхъ чашахъ на треножничкахъ, подъ которыми горитъ спиртъ, и эти ставятся прямо на столъ промежъ другихъ.

На второй смѣнѣ подаются разварныя: утка съ каракатицей, похожей видомъ и вкусомъ на пѣтушья гребешки, свиной фаршъ съ рисомъ, птичьи гнѣзда, свинина съ грибами и съ перьями какой-то рыбы, на подобіе визиги; все съ чеснокомъ и чрезвычайно чисто, художественно и вкусно приготовлено. Китайцы во время обѣда не пьютъ ничего холоднаго, и весь этотъ жиръ запиваютъ чаемъ и виномъ.

Между каждымъ мяснымъ блюдомъ ставится сладкое: рисъ съ вареньемъ, миндальныя и мучныя пряженья въ маслѣ и залитыя леденцомъ, также кедровыя крупныя въ леденцѣ орѣшки, и множество другихъ.

Послѣ того слѣдуютъ жаркія: куры, цыплята, утки, фазаны, бараній шашлыкъ, свиной фаршъ, обжаренный катышками въ величину грецкаго орѣха, и прочее.

За жаркими подаются разные мясныя пироги, судя по времени года, лѣтомъ половина съ зеленью, зимой изъ одного мяса; пироги изъ прозрачнаго гороховаго тѣста съ начинкой, изъ тоненькаго тѣста съ жидкимъ бульономъ, изъ рисоваго тѣста съ начинкой изъ розоваго сухаго варенья, скатанныя правильными кружечками, какъ пули, Китайскіе пельмени съ свинымъ мясомъ и чеснокомъ.

За пирогами приносятся на столы кипящіе низенькіе самовары, въ которыхъ положены искрошенные лучшіе образцы всѣхъ припасовъ, которые подавались на столъ. Этотъ экстрактъ всего обѣда засыпанъ гороховой лапшой, необыкновенно длинной, которая тянется какъ ленточка, и которую искусно глотаютъ Китайцы. Къ ней подаютъ стружками мороженое фазанье мясо. Китайцы и Русскіе очень ловко опускаютъ палочками эти стружки въ кипящій бульонъ, и тотчасъ вынимаютъ оттуда совсѣмъ готовые.

Китайцы накладываютъ въ чашечки изъ самовара порядочное количество бульона, крошеного мяса и лапши, и тѣмъ закрываютъ первую половину стола, обѣдъ собственно Китайскій, за которымъ тотчасъ же слѣдуетъ вторая половина — обѣдъ Монгольскій. Со стола подымается верхняя доска въ видѣ подноса, со всею кучей блюдовъ и приборовъ, которые уносятъ прочь, оставляя передъ гостями чистую лакированную исподнюю доску стола, на которую тотчасъ ставится вторая закуска, уже не изъ маринованныхъ, а изъ соленыхъ овощей, соленыхъ крошечныхъ огурчиковъ, маленькой брюквы, моркови, чесноку и разныхъ сой, прекрасно приготовляемыхъ въ Китаѣ.

Послѣ закуски, трапезующіе тѣснятъ, чтобы дать дорогу поварамъ, одѣтымъ очень чисто, съ засученными рукавами и съ завитыми вокругъ головы косами, подъ шелковые колпаки. Эти повара вносятъ на маленькихъ деревянныхъ столикахъ цѣлыхъ жареныхъ барановъ, жареныхъ свиныхъ части и головы цѣлыхъ жареныхъ поросятъ, утокъ и куръ. Хозяинъ хвастаетъ передъ гостями роскошью своей провизіи, и показавъ ее всѣмъ, велитъ поварамъ разсѣкать мяса. Тутъ является все анатомическое искусство мастеровъ. Они разнимаютъ свинину на самые правильные квадраты, кожу крошатъ на особые блюда, самое же мясо, разбирая по сортамъ, складываютъ на особые блюда, все съ необыкновенной быстротою и наблюденіемъ наружнаго узорнаго вида.

Въ это время разносятъ всѣмъ прѣсныя лепешки изъ тѣста, сложенные въ родѣ мѣшечковъ, въ которыя Китайцы накладываютъ по вкусу крошеннаго мяса, чеснокъ, подливаютъ разныхъ сой и бульоновъ, завертываютъ и неподражаемо глотаютъ, чего еще до сихъ поръ не выучились дѣлать Русскіе.

Наконецъ являются похлебки отъ шести до осьми чашъ : похлебки изъ курицы со спеціями и каракатицами , изъ утки съ грибами, изъ капусты, въ родѣ нашихъ щей , съ жирной баяншой , и разные бульоны съ птичьими гяздами и съ свинымъ фаршемъ.

Въ заключеніе вмѣсто магнезіи, подается отварный рисъ, и за нимъ, на большихъ и великолѣпныхъ обѣдахъ, сладкій бульонъ изъ неньюфара.

Неньюфаръ есть водяное съ великолѣпнымъ большимъ цвѣткомъ растеніе, которымъ покрываются озера; изъ корня его, похожаго на картофель, готовится мука на подобіе крахмала. Она имѣетъ необыкновенное свойство никогда не киснуть, сколько бы ни было положено въ него сахару, и какъ магнезія уничтожаетъ всякую кислоту; этимъ бульономъ кормятъ маленькихъ дѣтей, для того чтобъ не было въ желудкѣ ихъ никакого броженія.

Во время торжественныхъ обѣдовъ, пьютъ здоровье Русскаго Царя и Китайскаго Богдыхана, подъ громъ барабанной музыки, которая въ комнатѣ до того оглушительна, что вынуждаетъ гостей потпхоньку затыкать уши хлѣбомъ. Хозяинъ все время неоступно внимателенъ къ гостямъ.

Вина, которыя безпрерывно подаются, представляютъ большое разнообразіе: рисовыя Пекинскія водки, подогрѣтыя на огнѣ, и подаваемыя въ чайникахъ; *шау-синѵ*, рисовое же вино, похожее вкусомъ на сотернъ; *уджа-пи* — водка изъ пяти фруктовыхъ корокъ — лимонной, апельсинной и другихъ; и всѣ Русскія и иностранныя вина, также въ большомъ количествѣ шампанское. Куреніе трубки и питье чаю не прекращается во время обѣда, который продолжается четыре и пять часовъ сряду.

Тотчасъ послѣ обѣда, по приглашенію Дзаргучея, общество отправляется въ театръ, устроенный на дворѣ подъ открытымъ небомъ, не смотря на то, что бываетъ иногда до 30 градусовъ мороза. Посѣтители садятся въ войлочные балаганчики, гдѣ разведены жаровни.

Піесу играютъ всегда одну и ту же, на древнемъ языкѣ, котораго не понимаютъ ни актеры, ни зрители. Дѣйствующія лица кричатъ страшно-пронзительнымъ голосомъ; а смыслъ игры

состоитъ въ томъ, что какой-то властелинъ съ расписаннымъ лицомъ и съдою бородою, одѣтый въ богатый костюмъ, посылаетъ четырехъ вельможъ своихъ на четыре стороны свѣта искать волшебницу, которая тревожитъ его царство. При Царѣ остается свита его и придворный шутъ. Всѣ они надрываются крикомъ, куда посланники отыскиваютъ и приводятъ виновную, которая объявляетъ ему войну. Начинается бой царской стражи съ ея амазонками, при чемъ вспыхиваютъ огни и представляютъ превращенія волшебницы въ птицу и въ раковину.

Дзаргучей увѣряетъ гостей своихъ, что театръ его ни чѣмъ не уступаетъ Пекинскому, и Маюръ изъясляетъ ему свое удовольствие; но вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ хозяину, что онъ уже долженъ быть утомленъ, и имѣть необходимость въ отдыхѣ. Тогда всѣ возвращаются опять въ домъ хозяина, гдѣ Китайскіе купцы приступаютъ съ просьбою навѣстить ихъ *фузы* или лавки, на этотъ день убранныя, драпированныя и освѣщенныя фонарями, съ удивительною роскошью.

Въ это же время врывается въ комнату и падаетъ передъ Дзаргучеемъ на колѣна глава уличныхъ плясунѣвъ, и проситъ позволенія начать забавлять городскихъ жителей уличной музыкой и плясками. Начальникъ даетъ позволеніе, и всѣ гости, въ сопровожденіи этихъ музыкантовъ и плясунѣвъ, идутъ съ визитами къ компаньонамъ по блистающимъ ослѣпительно-разноцвѣтными огнями и пестрымъ убранствомъ улицамъ.

Подходя къ каждой *фузѣ*, слѣдуетъ непременно остановиться у роскошно освѣщенныхъ воротъ, гдѣ въ честь посѣтителей сжигается маленькій фейерверкъ, и пускаютъ снопы ракетъ.

На дворѣ *фузы* плясуны забавляютъ своимъ искусствомъ.

Фонарное освѣщеніе и драпировка лавокъ почти баснословны; вкусъ и соблюденіе симметріи невообразимы. Одинъ фонарь изъ сайгачьяго рога, обдѣланный чернымъ деревомъ, стоитъ иногда до 150 цѣлковыхъ; фонари стеклянные, расписные и флеровые, съ рисованными и вышитыми фигурами, украшенныя кистями, бисеромъ и колокольчиками, представляютъ очаровательное разнообразіе. Тутъ накрыты столы съ богатой закуской, всадъ готовъ для посѣтителей роскошный ужинъ, чай и вино.

Такимъ образомъ совершается обходъ до послѣдней лавки, откуда и расходятся по домамъ; а Русскіе уѣзжаютъ на свою сторону.

Черный народъ гуляетъ и пьянствуетъ по улицамъ до разсвѣта.

На другой день посылають благодарить хозяевъ, и щедрые подарки актерамъ.

Въ заключеніе, передаемъ нѣсколько обычныхъ разговоровъ, на томъ странномъ языкѣ, на которомъ говорятъ Русскіе купцы съ Китайскими. Они живутъ очень пріязненно и называютъ другъ друга общимъ именемъ *пріятель*. Странно, что къ настоящему имени каждаго, какъ тѣ, такъ и другіе, прибавляютъ усвоенное ему прозвище — *козлы*, *малютки*, *святаго телодѣлка*, и проч. Многихъ Китайцевъ, съ женоподобными лицами, Русскіе называютъ женскими именами: какъ, на примѣръ, одного по фамиліи *Синло-Ченѣ*, съ прибавленіемъ въ письмѣ *дзы*, они называютъ *Машенька-Чеченѣ*.

Вотъ какъ говоритъ Русскій купецъ Китайцу, что онъ собирается къ нему съ пріѣзжими людьми обѣдать:

Русскій: Машенька-Чеченъ, кауда можно за твоя кушину? Пожалуй, пожалуй, моя нова люди пришель есть; заутра можно?

Китаецѣ: Ни погнидайся, пліятель, ни кака ни можна. Пяти сота мѣсяца цай пришель. Рабоза многа; два день все кончу буда. (Подумавъ) Сыше, пліятель, послѣ заутра, милоси просимъ, приготова буду. Сколькo люди буду? Хыче пяти сотъ люди можно.

Русскій: Нѣтъ, пріятель, и пятидесята люди не буду, двадесята люди мала, мала лишка буду.

Китаецѣ: Ничаго можно. Дванадцати часа подожди буду. Прощай-ба.

Русскій: Машенька-Чеченъ когда можно къ тебѣ обѣдать? Сдѣлай одолженіе, у меня пріѣзжіе люди; можно ли завтра?

Китаецѣ: Не прогнивайся, пріятель, ни какъ нельзя. Пятъ-сотъ цыбиковъ чаю пришло. Много работы; черезъ два дня все кончу. (Подумавъ). Слышишь, пріятель, послѣ завтра милоси просимъ, все приготова. Сколькo будетъ людей? Хотъ пять-сотъ такъ можно.

Русскій: Нѣтъ, пріятель, и пятидесяти гостей не будетъ, а двадцать съ небольшимъ будутъ.

Китаецѣ: Ничаго, можно. Въ двѣнадцать часовъ ждатель буду. Прощай.

Въ назначенный часъ хозяинъ встрѣчаетъ гостей у воротъ фузы (по-Китайски. пузы) и спрашиваетъ купчиху:

Здрѣстуй хозяйшка! што одна пришла? Сунушки буду ни буду? Посылай наду.	Здравствуй хозяйшка! что одна пришла? Дети будутъ или не будутъ? Надо послать.
---	--

Столъ уже по обыкновенію бываетъ накрытъ и уставленъ холодными кушаньями. Но прежде всего подносятъ чай, обыкновенно самый дрянной не по добротѣ, а по приготовленію. Китайцы, или, какъ они себя называютъ, *Никанцы*, кладутъ въ чайникъ чай, наливаютъ его водой и оставляютъ прѣть въ продолженіе цѣлаго дня, потому что пьютъ его безпрестанно, безъ сахара. Когда гости спрашиваютъ свѣжаго, то его завариваютъ въ чашкѣ съ крышечкой, и подаютъ другую, чтобъ сливать.

Это мало мало хорошанки чай, ссывоа фамиль, не погнидайся, другой манерь луче нету-ля. Тута чай кажный день пиху буду, брюхо одали вѣрно буду.	Это хорошій чай, своей фамили, не прогнивайся, другого нѣтъ. Если этотъ чай будешь пить всякій день, желудокъ очень исправенъ (вѣренъ) будетъ.
--	--

Самый скорый обѣдъ продолжается болѣе двухъ часовъ; наши купцы всегда просятъ, чтобъ скорый подавали; они говорятъ:

Пожалуй, пріятель, кушаху ярово поноси.	Пожалуста, пріятель, кушать скорый подавай.
---	---

Китаецъ отвѣчаетъ:

Эй, пріятель, нильзя, мажуръ одна.	Э, пріятель, нельзя, поваръ одинъ.
------------------------------------	------------------------------------

Хозяинъ не садится почти никогда за столъ, потому во-первыхъ, что занять подчиваніемъ гостей, и потому, что онъ заранѣе порядочно пообѣдалъ, что и слышно всегда по его громкимъ отрыжкамъ. Этимъ доказываетъ онъ, что живетъ въ довольствѣ. Такой сытый хозяинъ, часто подходитъ къ гостямъ, и кланяясь, говоритъ:

Пожалуй, пожалуй, безъ цылимоній, кушаху наду, сама воля, сколько хычи. Адали своя юрь кушаху? Приготови ничего не было.	Сдѣлай одолженіе, безъ церемоній, кушать надо, своя воля, сколько хочешь. Или дома пообѣдалъ? У меня ничего не готовилось по домашнему.
--	---

Подчивая винами, Китаецъ говоритъ:

<p>Пожалуй, пожалуй, пліятель, вина пиху буду, какой манерь угодно? Пичински водки, мадель, ссяка есть. Шіампански, тута вина шибка сурова. Я по-думай, какой манерь его, въ бутылочки посади було. Ваша люди одали масерна. Наша такой манерь вина нѣту.</p>	<p>Сдѣлай одолженіе, пріятель, пей вино, какого сорта хочешь. Пекинской водки, или мадеры, всякое есть, и шампанское; это вино очень рѣзко; я думаю, какъ это его въ бутылку заперли. Ваши люди большіе мастера; у насъ такого вина нѣтъ.</p>
---	---

Китайцы вообще очень гостепріимный народъ. Ни въ какое время онъ не выпуститъ отъ себя посѣтителя безъ чаю и сластей, которыя у нихъ никогда не снимаютъ со стола. Для десерта дѣлаются у нихъ особенные подносы, съ перегородочками подъ большой крышкой. Въ этихъ перегородочкахъ разложены сухіе фрукты, орѣхи и проч. Зимой подаютъ мороженныя яблоки, груши и виноградъ. Груши, вѣсомъ не менѣ фунта, чрезвычайно вкусны. Ихъ привозятъ въ Кяхту ревенные поставщики. Груши по большой части черныя отъ мороза, а иногда и свѣжія. На мороженомъ виноградъ образуется заледенѣлая сахарная кора, и тамошними жителями онъ предпочитается свѣжему.

В. П.

ПАЛЬТО. — Не болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, явилось въ Москвѣ въ первый разъ *пальто*. Оно пріѣхало прямо изъ Парижа на машинкахъ. Не смотря на это, господина, который носилъ его на плечахъ своихъ, считали за дикаго, и не смотря на это, безобразная, нестатная одежда, въ родѣ Китайской курмы, или шкуры гиппопотама, вошла въ моду: явилась какая-то необходимость въ мѣшкѣ, годномъ безъ разбору на всякій станъ, на всѣ возрасты, на всѣ званія и состоянія, кому по чресла, кому по колено; явилась необходимость въ одеждѣ—*много кармановъ да нечего класть*. Для робинхъ, боявшихся облечь себя мѣшкомъ, придуманъ былъ сюртукъ-пальто и пальто-сюртукъ. И вотъ всѣ носятъ пальто, пальто-сакъ.

Бѣду покупать готовое пальто, примѣриваю.

— Безподобно! — говоритъ портной, осматривая меня.

— Помилуй, — говорю я, смотрясь въ зеркало, — это чортъ знаетъ что!

— Безподобно, — повторяетъ портной; — застегнитесь.

— Помилуй, карманы на самой стаяжкѣ стана, въ нихъ нельзя ничего положить.

— О, эти только для рукъ.

— Только для рукъ? прятать руки отъ холода? да тутъ и руки не просунешь.

— Вотъ еще карманы.

— У самыхъ плечъ, — это для чего же?

— Это такъ ужъ шьется.

— Куда же я положу платокъ?

— А, платокъ можно положить вотъ въ эти карманы.

— Гдѣ? въ складкахъ подола? рука не достанетъ, надо приподнимать полу. Ну, скажи пожалуйста, для чего эти нелые карманы?

— Но такъ шьютъ, это мода.

— Зачѣмъ же слѣдовать глупой модѣ?

— Нельзя; кто жъ будетъ носить не по модѣ?

— А бѣговаго, внутренняго кармана, сердечнаго моего кармана нѣтъ?

— Какъ нѣтъ, — есть.

— Господи! вмѣсто горизонтальнаго перпендикулярное отверстие въ карманѣ, подъ подкладку; да это выломить руку, какимъ образомъ ходить въ карманѣ?

— О, ничего, вотъ видите — это очень удобно.

— Да, я вижу, что во всѣ эти карманы надо ходить чужой рукой.

— Что жъ, не угодно купить?

— Нѣтъ, я такого уродливаго пальто не куплю.

— Но вѣдь вы спрашивали пальто, — какое же другое бываетъ пальто? Вы лучше моихъ пальто нигдѣ не найдете. Посмотрите, какая матерія, какой шовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, матерія — какъ кожа, шовъ — какъ кованный. Нельзя не купить въ пользу индустріи.

ПАРИЖСКІЯ ЗРѢЛИЩА: ТАВРОМАХІЯ, ИЛИ БОИ БЫКОВЪ, И ПРЕДСТАВЛЕНІЕ АРАВСКИХЪ ФАНТАЗІЙ. — Въ Парижѣ театры пали, вкусъ на зрѣлища посреди театральной арены прошелъ, настали иные вкусы, иныя зрѣлища. 16-го Августа (н. с.) въ Парижѣ была въ первый разъ тавромахія или бой быковъ. — По словамъ объявленія, въ этомъ *драматическомъ* и *привлекательномъ зрѣлищѣ*, отстранено все, что составляетъ *ужасное зрѣлище*: ни одной капли пролитой крови. На рогахъ быковъ надѣты кожаные шары, по обычаю Испанскихъ боевъ, называемыхъ *novillos*, когда не хотятъ жертвовать быкомъ; и потому Парижъ безъ страха и трепета можетъ отправляться въ ипподромъ, смотрѣть на храбрость Монтаса, де Хикланера и другихъ славныхъ *тореросѣ*, а также на ловкихъ и смѣлыхъ Басковъ, въ своемъ національномъ костюмѣ.

17 Августа, приглашенъ былъ весь Парижъ въ сады Шато-ружъ также на невиданное и неслыханное еще зрѣлище; тамъ Арабы степи Сахары, *подъ дирекцію* Сиди-Мухамѣдъ-Бей-Саида, представляли большія свои фантазіи (*leurs grandes fantaisies*.)

Это преинтересная вещь; потому что Арабы оазисовъ *Сахры* (т. е. степи), гдѣ изъ растительнаго царства ничего нѣтъ, кромѣ пальмъ, а изъ животнаго кромѣ *кораблей пустыни*, должны быть ужасные фантазеры. Сидя на берегу песчанаго моря, и воспѣвая заунывнымъ голосомъ свои *моали*, имъ удобно и спокойно мечтать и создавать то, чего ни въ сказкахъ сказать, ни перомъ описать. А рассказы, а преданія о древнихъ временахъ счастливой Аравіи? — Послушайте что говорить объ ней Діодоръ Сицилійскій: — «Арабы, говоритъ онъ, превосходятъ богатствомъ не только варваровъ, но и всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ. Въ ихъ главномъ городѣ Сабъ груды золота и серебра, не говоря уже о разныхъ сосудахъ, домашнихъ утваряхъ и ложахъ, которыя всѣ изъ чистаго золота. Перистили ихъ домовъ окованы золотомъ, на капителяхъ колоннъ статуи изъ чистаго цѣльнаго серебра. Двери и фронтисписы симметрически украшены золотомъ, серебромъ, слоновою костью и драгоценностями. Вся страна покрыта благовонными растеніями. Цѣлые лѣса дышутъ миррой и еиміамомъ.»

Таковы были Арабы; а теперь они истинные *ббдумы*, особенно, когда принуждены разыгрывать большія фантазіи въ Парижѣ, подъ дирекціею Сиди-Мухамедъ-Бей-Саида.

БИТВА ТИГРА СЪ БЫКОМЪ. * — Въ Мадридскихъ журналахъ помѣщенъ слѣдующій любопытный рассказъ о битвѣ тигра съ быкомъ, которая надѣлала въ Мадридѣ много шума.

Недавно Мадридъ былъ свидѣтелемъ необыкновеннаго зрѣлища, приготовленія къ которому занимали его въ теченіе двухъ недѣль. Въ циркѣ былъ бой Бенгальскаго тигра, принадлежащаго звѣринцу Г. *Шарля*, съ быкомъ, выбраннымъ изъ числа знаменитѣйшихъ быковъ Испаніи. Держали значительные пари въ пользу обоихъ бойцовъ, около 20,000 дуру (25,000 серебромъ). Обширный циркъ площади быковъ былъ совершенно полонъ, и даже снаружи толпа народа ожидала окончанія боя: для большей части присутствовавшихъ, эта битва была дѣломъ національнымъ. Представленіе началось оленью охотою, потомъ слѣдовали упражненія Г. *Шарля* съ ручными гіенами, потомъ травля бѣлаго медвѣдя собаками, и наконецъ началась великая драма, занимавшая весь Мадридъ.

Дверь кѣтки, въ которой былъ заключенъ тигръ, и дверь стойла, въ которомъ былъ запертъ быкъ, отворились въ одно время. Быкъ появился первый. Формы, сила и красота ногъ Андалузскаго быка произвели на зрителей пріятное впечатлѣніе. Минуту спустя, вышелъ и тигръ, но унылый и неповоротливый, какъ узникъ, выходящій изъ долгаго заключенія. Онъ сдѣлалъ четыре шага впередъ, потомъ сѣлъ на заднія лапы и приготовился къ битвѣ. Онъ завидѣлъ быка. Быкъ также увидѣлъ своего противника и шелъ на него съ опущенной головой, твердымъ шагомъ. Онъ остановился, оглянулъ его, потомъ съ бѣшенствомъ бросился на него. Тигръ прыгнулъ и приготовился сдвинуть смѣлаго Андалузца въ коготки своихъ, но судьба рѣшила, что благородство восторжествуетъ надъ хищностію. Бенгальскій герой былъ побѣжденъ, — быкъ разнесъ ему черепъ ударомъ рога.

* Изъ журнала Коннозаводства и Охоты.

Послѣ этого подвига, побѣдитель вышелъ на средину цирка, обзрѣвая публику торжествующимъ взглядомъ; побѣжденнаго же тигра, по просьбѣ зрителей, отдали на растерзаніе собакамъ. Потомъ толпа ворвалась въ циркъ и раздѣлила между собой остатки побѣжденнаго. Зрителей было множество не только изъ окрестностей Мадрита, но даже изъ другихъ Испанскихъ и Европейскихъ городовъ. Разсчитываютъ, что присутствовавшихъ при этомъ представленіи было 90,000 человекъ; несчастій никакихъ не случилось.

Послѣ побѣды быкъ былъ убитъ. Голова его будетъ сохранена въ національномъ музеумѣ.

ДЕРЕВО СТА ВСАДНИКОВЪ. — Всѣ слышали о знаменитомъ огромномъ каштанѣ на горѣ Этнѣ; но многимъ ли извѣстно, что у насъ въ Крыму, въ Ялтинскомъ уездѣ, въ деревнѣ Мшатка (имѣніе Графа Гурьева) растетъ вѣковой волошскій орѣшникъ, посаженный, вѣроятно, еще Греками, и извѣстный подъ именемъ дерева ста всадниковъ (*cento cavalli*), потому что, дѣйствительно, подъ его тѣнью можетъ помѣститься столько человекъ. Въ урожайный годъ оно даетъ отъ 60 до 100 руб. сер. дохода. Другое подобное дерево, только меньшаго объема, находится въ томъ же уездѣ, возлѣ самой Ялты, въ имѣніи Графа Мордвинова.

ОБЪЯВЛЕНИЕ
О ПОДПИСКЪ
НА
МОСКВИТЯНИНЪ

въ 1850 году.

24 КНИГИ.

Москвитянинъ будетъ издаваться въ слѣдующемъ 1850 году по нынѣшней программѣ. Ежемѣсячно будетъ выходить по двѣ книги, отъ 12 до 15 печатныхъ листовъ въ каждой, съ тою же исправностію, какъ нынѣ, въ 1-е и 15-е число. Касательно содержанія публика можетъ судить по этому году, какое стараніе прилагается Редакціей для сообщенія статей, достойныхъ ея вниманія.

Подписчики 1850 года получаютъ 1 Января безденежно ДВА АЛЬМАНАХА, одинъ литературный, другой дѣтскій. Къ Москвитянину 1850 года будутъ прилагаться извѣстія о МОДАХЪ, съ картинками.

Въ слѣдующемъ номерѣ помѣстится подробное объявленіе.

СМѢСЬ.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАЛЕСТИНЫ, 1848 ГОДА. — Вы желали имѣть очеркъ моихъ впечатлѣній во время краткаго пребыванія моего въ Палестинѣ, по объѣту; исполняю желаніе ваше, на сколько торопливость путешественника и объемъ письма, даютъ возможность исполнить ваше желаніе.

Въ Каирѣ зной становился нестерпимъ; въ Мартѣ я оставилъ этотъ городъ, отправился въ Палестину, и совершилъ это путешествіе въ пятнадцать дней, на дромадерахъ, до Іерусалима, гдѣ нашелъ температуру совершенно иперборейскую. Къ пятнадцатидневному сроку слѣдуетъ присовокупить еще пять дней, проведенныхъ въ карантинѣ, въ Газѣ, пограничномъ городѣ между Египетской и Турецкой землею, лежащемъ на дорогѣ моей при выходѣ изъ пустыни *Эль-Арика*. Со мною были удобныя палатки, служившія мнѣ всегда жилищемъ въ пустынѣ, представляющей море песку, гдѣ изрѣдка попадаются кочующіе Бедуины, которыхъ слѣдуетъ или тщательно избѣгать, или платить небольшую подать, требуемую ими довольно настоятельно.

Въ продолженіе шестидневнаго шествія по пустынѣ, подъ палящимъ зноемъ, кожа лица моего стала какъ печеное яблоко, не смотря на зонтикъ, который я таскалъ съ собою, но не всегда могъ распускать, по причинѣ вѣтра. Однажды ночью хамсинъ былъ такъ силенъ, что палатка опрокинулась на меня и раздробила желѣзную мою кровать. Съ трудомъ я могъ выбраться изъ-подъ нег. Засвѣтили фонарь, и я нашелъ всѣ свои вещи разбросанными по песку. Почти все отыскалось, кромѣ кошелька съ нѣсколькими ливдорами, который лежалъ на столѣ. Едва я улегоя снова въ поставленной кое-какъ палаткѣ, другой порывъ вѣтра опрокинулъ ее вторично. Палатка людей моихъ

потерпѣла ту же участь, хотя нѣсколько поздне, потому что была не такъ велика въ объемѣ. Не оставалось другаго средства, какъ завернуться въ войлокъ и лечь на песку посреди этого разрушенія, причиненнаго ураганомъ, который продолжался до утра. Это былъ единственный несчастный случай.

Въ этой поѣздкѣ со мной было 7 верблюдовъ и 4 дромадера. Дромадеры, какъ извѣстно, составляютъ особую породу верблюдовъ; не различаясь горбами, они гораздо быстрее на бѣгу, и ихъ можно бы было назвать верховыми верблюдами.

Окрестности Иерусалима такъ каменисты и неровны, какъ только можно себя вообразить. Здѣсь уже для пути необходимы лошади, и именно Арабскія, которыя карабкаются и прыгаютъ, какъ дикія козы. Верблюдовъ оставляютъ обыкновенно въ Рамлѣ, откуда только одинъ день пути до *Святаго города* (по-Арабски *Эль-удзъ*, по-Турецки *Кудусъ*). Иерусалимъ чрезвычайно печаленъ съ вида, тускло-сѣраго цвѣта, окруженъ зубчатыми стѣнами, воздвигнутыми Саладиномъ. Въ отношеніи наружности рѣдко разочарованіе бываетъ сильнѣе, какъ бы ни было слабо ожиданіе. Можно вообразить себя въ отдаленномъ Русскомъ городѣ, и тѣмъ болѣе, что Русскій языкъ звучно раздается на сумрачныхъ улицахъ, гдѣ встрѣчаешь много Русскихъ богомольцевъ, бабъ и мужиковъ. Я засталъ здѣсь около 800 соотечественниковъ, по словамъ Греческихъ монаховъ, которые ведутъ счетъ имъ по приношеніямъ богатыхъ и по расходамъ на бѣдныхъ, которыхъ обязанъ содержать монастырь. Я провелъ 15 дней въ Греческомъ монастырѣ, въ кельѣ, не покидая шубы въ комнату, откуда видъ открывался прямо на отлогій Византійскій свинцовый куполъ надъ гробомъ Спасителя. За нимъ Масличная гора въ соединеніи съ другими, которыхъ очеркъ однообразенъ, песочнаго цвѣта. Эта цѣпь окружаетъ грустную и печальную равнину Иерусалима.

Но совершая это странствіе по обѣту, я, въ продолженіе пятнадцати дней моего говнія, добровольно покорился пищѣ, состоявшей изъ вареной чечевицы, Турецкихъ бобовъ и улитокъ съ окрестныхъ скалъ, въ которыхъ впрочемъ я не находилъ большаго вкуса. Заутрени, обѣдни, вечерни и благочестивыя бесѣды съ Патріархомъ и Епископами смѣнялись одинъ другими. Однажды я сѣлъ на лошадь и поѣхалъ въ Иерихонъ, по-Арабски *Риха*. Я

искупался въ Иорданѣ, холодной и тинистой рѣкѣ, быстро стремящейся между лѣсомъ. Едва едва не былъ я увлеченъ неукротимымъ потокомъ и протидся бы съ жизнью, если бъ не спасла меня древесная вѣтвь склонившейся надъ водой опушки лѣса. Въ Мертвомъ морѣ я не пожелалъ купаться, потому что, окунувъ въ него руку, я вынулъ ее какъ будто закорузлую.

Я посѣтилъ дикій и живописный монастырь Св. Саввы, гдѣ угощали меня Русской кислой капустой. Въ Виелеемѣ Митрополитъ предложилъ мнѣ еще болѣе превосходной капусты съ рассоломъ и чеснокомъ. Эти простые яства орошаются монастырскимъ виномъ, похожимъ на *Шираское*.

Окончивъ говніе, я отправился къ Наплузу и долиной Эсдрелона, чрезъ гору Фаворъ (по-Арабски Гебель-Туръ), въ Назаретъ и въ Тиверіаду (по-Арабски Табарію) Еврейскій городъ. Мы ѣхали, въ сопровожденіи Бедуиновъ, по проливному дождю. Я не преминулъ выкупаться въ плѣнительномъ Тиверіадскомъ озерѣ, также въ близъ лежащемъ горячемъ ключѣ, устроенномъ большимъ бассейномъ, въ которомъ можно плавать на подобіе раковъ въ кострюль.

Отсюда я продолжалъ путь къ Дамаску черезъ страшные обрывы и сквозь мрачныя становища Бедуиновъ, по нестерпимой стужѣ, холодному вѣтру и безпрестанному дождю. Въ дополненіе Ливанъ, покрытый снѣгомъ, сбивчивость дороги, и ночи, которыя проводили мы въ отыскиваніи среди стремнинъ, безпрестанно отстающихъ обозовъ, окликаая другъ друга. Мой проводникъ Бедуинъ долженъ былъ приникать ухомъ къ землѣ, чтобы вслушиваться въ отклики людей моихъ.

Послѣ этого долгаго тяжкаго странствованія передъ нами открылась необозримая зеленая долина, въ которой извивались свѣтлые источники и въ глубинѣ которой едва были видны издали густые сады и роци съ возвышающимися бѣлыми точками. Это былъ Дамаскъ. По мѣрѣ моего приближенія Арабы собирались вокругъ меня толпами болѣе и болѣе плотными. Я соскочилъ съ лошади и вмѣстѣ съ проводникомъ моимъ пріятно позавтракалъ подъ древнимъ оливковымъ, деревомъ на лугу, на берегу студеного и чистаго ручья, со стаканомъ добраго Іерусалимскаго вина. Мы продолжали путь къ Дамаску. Пересѣкающія во всѣхъ направленіяхъ дорогу рѣчки становятся все быстрее, а зелень

все гуще. Мы проѣзжали мимо деревень, кофейныхъ домовъ и фонтановъ.

Рынки, окаймленные чистыми потоками, были полны, когда я вступилъ въ городъ. Я остановился въ гостинницѣ Пальмирѣ. На мощенномъ плитами дворѣ былъ фонтанъ, обставленный цвѣтами и кустарниками; стѣны и кіоски испещрены яркими тысячецвѣтными арабесками. Меня ввели въ обширный залъ въ два свѣта, Арабскаго наряднаго вкуса. Мраморный полъ мѣстами возвышенъ уступами, одни надъ другими, гдѣ устроены диваны и ложа. Этотъ покой составленъ изъ средней и трехъ боковыхъ комнатъ, возвышенныхъ нѣсколькими ступенями и не раздѣленныхъ стѣнами. Большой фонтанъ былъ въ центрѣ этой Арабской залы, представлявшей нѣсколько таинственной отъ полусвѣта, сквозь который не ясно видна была позолота и мелкіе рисунки высокихъ сводовъ этихъ обширныхъ покоевъ, образующихъ одно величественное и прекрасное цѣлое. Я уснулъ при лунномъ свѣтѣ и подъ журчаніе водомета; но вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ было такъ холодно и сыро, что на другой же день я поспѣшилъ промѣнять это романическое убѣжище не на столь сказочное, гдѣ согревала меня теплота солнца и *мангала* (камина), устроеннаго по срединѣ вмѣсто фонтана.

Прощайте. Я нахожу лишнимъ говорить вамъ о другомъ зданіи, не менѣ великолѣпномъ, и о его 48 одалискахъ, одна другой отвратительнѣе, а раздѣ только упомяну о страшной изъ скалъ—лѣстницѣ, по которой скакалъ я, Богъ знаетъ какимъ образомъ въ Баалбекъ, гдѣ титаны воздвигнули изъ величайшихъ въ мірѣ камней громадный храмъ, и въ Дерелкамарѣ монастырь Луны, какъ будто висящій на скалахъ, дикое жилище Друзовъ, таинственнаго народа, гдѣ я видѣлъ мертвое тѣло мужчины, пронзенное двѣнадцатью ударами ножа и вокругъ него женщинъ, свирѣпой наружности, съ серебряными въ поларшина рогами на лбу, пѣвшихъ погребальныя гимны. Потомъ я спустился въ Бейрутъ, веселое прекрасное убѣжище на берегу моря, окруженное садами и сосновыми рощами, у подошвы величественнаго Ливана.

Вотъ путь мой въ краткихъ словахъ.

К. А. Салтыковъ.

ВОЗОВНОВЛЕНІЕ МЕЧЕТИ СВЯТОЙ СОФІИ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ МАСТЕРАМИ ФОСГАТИ. — Полное возстановленіе мечети Святой Софіи приведено къ концу умно и смѣло; это даетъ намъ случай поговорить еще объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ зданій міра, и воздать хвалу возстановителямъ, которымъ надо было употребить въ дѣйствіе столько же дипломатическаго таланта, сколько и архитектурной науки.

«Айя-Софія» Святая Софія, основанная въ 325 году Константиномъ Великимъ, была перестроена вновь, тринадцать лѣтъ спустя, сыномъ его Констанціемъ. Черезъ сто лѣтъ негодование Адриана за приговоръ къ ссылкѣ Святаго Іоанна Златоуста было причиною возстанія и обращенія въ пепель новаго храма, который вскорѣ былъ воздвигнутъ изъ развалинъ Феодосіемъ и Аркадіемъ.

Наконецъ безплодныя распри Гипподрома, въ которыхъ безумно истощали свои силы выродки Римлянъ, были также виною смуть, отъ которыхъ страдала Византійская метрополія. Въ то время шайки «голубыхъ и зеленыхъ», состоящія изъ любителей игръ цирка, состязались по пустому, и возмущенія, эта общественная язва, проявлялись всегда варварскимъ разрушеніемъ образцовъ искусства и памятниковъ. Святая Софія въ четвертый разъ подверглась совершенному разрушенію страшными крамолами 532, въ которыхъ погибло 30,000 человекъ.

Черезъ мѣсяць послѣ того, говорить преданіе, Императоръ Юстиніанъ видѣлъ сонъ, въ которомъ явился ему ангель, сіяющій небеснымъ свѣтомъ, и повелѣлъ ему воздвигнуть храмъ Премудрости Господней, обѣщая вдохновить строителей и послать имъ драгоценныя матеріалы и золото, необходимое для зданія, достойнаго быть посвященнымъ Богу. Повинуясь этому велѣнію, Юстиніанъ избралъ строителей Антемія Тролла и Исидора Милета, которые, съ помощію 10,000 работниковъ, приступили къ дѣлу. Храмы Греціи, Италіи и Египта доставили драгоценныя столпы и изваянія; порфиромъ Малой Азіи одѣлись стѣны, террасы и портики; золотомъ и цвѣтнымъ хрусталемъ, уложенными въ яркую и неизгладимую мозаику, украсились своды куполовъ; и для всѣхъ этихъ сложныхъ работъ употребилось только осемь лѣтъ. Тогда, съ великою пышностію, въ день Рождества

Христовъ, Императоръ похвалъ къ храму, который былъ воздвигнутъ имъ Вѣчной Премудрости Божіей. Ступивъ у порога на землю, онъ поспѣшилъ къ алтарю и воскликнулъ: «Слава Господу, избравшему меня совершить такое дѣло. О, Соломонъ, ты побѣжденъ!!!»

Съ тѣхъ поръ базилика Святой Софіи осталась почти нарушаемо, въ томъ же положеніи. И слава Магомету II, этому вождю варваровъ, какъ называютъ его западные народы, который послѣ шестидесяти-дневной осады, войдя побѣдителемъ, умѣлъ предохранить этотъ храмъ отъ грабительства воиновъ. Онъ преобразовалъ его въ мечеть, и въ тотъ же вечеръ муззынъ созвалъ магометанъ на молитву. Христіанскіе символы были тотчасъ покрыты новой живописью или слоемъ извести, и алтарь замѣнили *мирабомъ* священнымъ вертепомъ, обращеннымъ къ Меккѣ, каедрой или *манбаромъ*, и трибуной имамовъ. Все остальное было тщательно сохранено и съ тѣхъ поръ не было учинено ни какого разрушенія; во дворахъ нѣсколько строеній, отдѣленныхъ отъ мечети, были отданы магометанамъ для помѣщенія училищъ; водометы и купы деревьевъ, прекрасныя гробницы въ Арабскомъ вкусѣ, выложенныя дорогою финифтью, украшали живописное мѣстоположеніе.

Крестовые походы могли бы отвѣчать на эти вопросы; но и не въ столь отдаленное время, не болѣе какъ за полстолѣтіе, не болѣе даже какъ за два года, народъ, именующій себя главою образованныхъ народовъ, что сдѣлалъ онъ съ своими роскошными соборами, столько разъ крушимыми и поругаемыми? Гдѣ его народныя музеи и лучшія произведенія его художниковъ!

Но опустимъ завѣсу на эти святотатства, и обратимся къ торжествующему искусству, подъ тѣ очастливыя небеса, гдѣ оно еще раждается и процвѣтаетъ.

Было бы слишкомъ долго распространяться о всѣхъ многочисленныхъ бѣдствіяхъ, постигавшихъ Святую Софію со временъ Юстиніана. Землетрясенія, пожары, бури и наконецъ слѣды четырнадцати вѣковъ вынуждали поддерживать и подпирать куполь такой изумительной высоты; но эти отводы и подпоры, необходимые для маститаго зданія, препятствовали глазу слѣдить за правильною красотою его линій: храмъ походилъ на тѣло, обзображенное годами, но сохранившее свою стройность и ве-

личіе. Проникая внутрь, тотчасъ убѣждаешься, что слава этой святыни вполнѣ заслужена.

Давно уже, какъ извѣстно намъ, Фоссати обдумывалъ важное дѣло возстановленія Святой Софіи. Для достиженія этой цѣли, надо было бороться съ Турецкимъ вѣрованіемъ въ предопредѣленіе, на основаніи котораго мусульманинъ, сказавъ: *Иншъ-Аллахъ! Хотеть Богъ!* оставляетъ горѣть домъ свой, и представляло еще труднѣйшее одолѣніе религіознаго изуверства, по которому присутствіе христіанина въ святъицахъ почитается оскверненіемъ. — Но настойчивость художника восторжествовала надъ предубѣжденіемъ и заготовила ему прекрасную страницу въ лѣтописи искусства. Фоссати—не только зодчій, но и живописецъ, также какъ и братъ его; слѣдовательно онъ соединяетъ съ великимъ знаніемъ дѣла высокое сознаніе красоты, что, увы! встрѣчается весьма рѣдко въ современномъ зодчествѣ.

Мы можемъ только по весьма недостаточнымъ указаніямъ дать отчетъ въ работахъ Фоссати, продолжавшихся цѣлые два года; мы предоставляемъ ему самому увѣдомить любителей искусства о подробностяхъ этого громаднаго труда и соображенія для сжатія купола, раздавагося такими трещинами, въ которыхъ могъ проходить человекъ. Чтобы предупредить разрушеніе и освободить куполь отъ наружныхъ подпорокъ, безобразившихъ видъ, Фоссати долженъ былъ опоясать его двойнымъ желѣзнымъ обручемъ. Ему слѣдовало выпрямить четырнадцать столбовъ верхней галлерей, уклонившихся отъ перпендикуляра разступленіемъ купола, и перестроить почти сѣзнова четыре главные столба, грозившіе паденіемъ. Всякій, кто знаетъ Св. Софію, понимаетъ—какого труда стоило приведеніе къ концу этого предпріятія. Извѣстные строители храма, Антемій и Исидоръ, соорудили чудо зодчества. Они поставили куполь на четырехъ-угольных столпахъ, обращенныхъ углами въ центрѣ церкви, такъ что они казались выступами стѣны, образующими между собою промежутки. Отъ наружныхъ угловъ, какъ отъ тонкихъ нитей, тянулись сводныя дуги этого купола, имѣющаго болѣе 120 ф. въ діаметрѣ, и весь огромный куполь, утвержденный на 4 столпахъ, казался висящимъ на воздухѣ. — Это была только попытка, и притомъ слишкомъ смѣлая, потому что какъ бы ни легокъ былъ куполь, сила его подпорокъ слишкомъ была удалена отъ центра окружности, и такимъ образомъ получала косвенное давленіе.

ніе. По этому вскорѣ замѣчены были признаки близкаго паденія; не нашли другаго средства предупредить его, какъ сжать снаружи куполь вислыми сводами, которые и придали зданію маститый и своеобразный видъ. Но внутренность храма осталась неприкосновенно — волшебною, и воображеніе, очарованное и запуганное, свело этотъ куполь съ самаго неба и повѣсило его надъ землею.

Какъ видите, очень трудная была задача укрѣпить на невыблемомъ основаніи это зданіе, котораго смѣлость посмѣвается надъ всѣми законами статики, и вмѣстѣ съ тѣмъ оставить наружныя подпорки, такъ, чтобы онѣ не скрывали отъ глазъ величественнаго купола. Честь и слава Фоссати, ежели онъ успѣлъ привести въ исполненіе свое предпріятіе; ласкаемъ себя надеждою, что это ему удалось, но только одно время можетъ оправдать справедливость нашего предположенія. Во всякомъ случаѣ, благодаримъ художника отъ чистаго сердца, что онъ ничего не измѣнилъ въ наружности этого очаровательнаго зданія, которое не кажется дѣломъ рукъ человеческихъ, но созданиемъ, вдохновеннымъ свыше.

Не говоря о тысячѣ поправокъ, безукоризненно выполненныхъ братьями Фоссати, скажемъ только, что, отрывъ на сводахъ, подъ Турецкимъ мазаньемъ, знаменитыя Византійскія мозаики, они сняли съ нихъ отчетливыя слѣпки и возобновили ихъ на долго. Теперь смѣло можно предположить, что эти мозаики утратятся только съ самимъ зданіемъ.

При помощи осьмисотъ работниковъ, изъ которыхъ главные были образованы братьями Фоссати, въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, даровитые художники могли выполнить эту почти неодолимую работу.

Значительная часть благодарности народа и художческаго міра за возобновеніе храма Св. Софіи падаетъ также на долю Султана Абдуль-Меджида. Нужно было имѣть много и разумной воли, и непреклоннаго желанія сохранить этотъ памятникъ древности, чтобы выдержать борьбу съ предрасудками правотверныхъ, не хотѣвшихъ допустить гяуровъ къ своей святынь. Абдуль-Меджидъ показалъ себя въ этотъ случаѣ достойнымъ потомкомъ Магомета II, который сохранилъ этотъ дивный христіанскій храмъ, не смотря на упорное изуверство. Исторія должна вносить такіе подвиги на свои страницы.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ объ обрядѣ обновленія.

Послѣ двухлѣтнихъ непрерывныхъ работъ, мечеть была открыта 13 Іюля нынѣшняго года. Обрядъ совершенъ со всею восточною торжественностію, въ присутствіи всего народонаселенія Стамбула, Галлаты и Скутари. Для набожныхъ Турокъ это было происшествіемъ безпримѣрной важности. При церемоніи присутствовалъ самъ Султанъ, со всѣмъ дворомъ и представителями магометанскаго духовенства, какъ владыка свѣтскій и духовный и прямой наслѣдникъ Калифовъ. Въ полдень берега Босфора огласились пушечными выстрѣлами. Это былъ знакъ, что Султанъ выходитъ изъ главныхъ воротъ сераля «Бабъ-Эль-Гумаюнъ» на площадь Св. Софіи. Въ парадной мантии, осыпанной алмазами, съ алмазнымъ перомъ на чалмѣ, Султанъ ѣхалъ на бѣлой лошади, покрытой чепракомъ съ золотыми узорами и жемчужнымъ шитьемъ; за нимъ шли пѣшкомъ, въ знакъ благоговѣнія, Великій Визиръ Решидъ-Паша, потомъ Капуданъ-Паша, военный министръ и прочіе сановники. Войска сдерживали народныя волюны, а гвардейская музыка играла народные напѣвы. Съ лѣвой стороны конюхи держали въ поводу лошадей, украшенныхъ богатыми чепраками. У главныхъ воротъ стояла золоченная арба, запряженная четверней; въ арбѣ сидѣла мать-Султанна, Валиде, окруженная своими придворными женщинами; около арбы стояли дѣти Султана, братъ его и весь гаремъ.

У порога мечети Султанъ былъ встрѣченъ улемами и обоими братьями Фоссати: почестъ безпримѣрная для глауровъ. Султанъ понялъ, что художники, оказавшіе ему такую услугу, не могутъ быть исключены изъ обряда. Повинуясь влеченію своего сердца, онъ подозвалъ къ себѣ двухъ художниковъ и благодарилъ ихъ отъ своего лица и отъ лица народа: *вы возвратили намъ*, сказалъ онъ имъ, *нашу дивную мечеть съ ея первоначальномъ видѣ*. По окончаніи церемоніи, Султанъ, по обычаю, отправился въ смежныя съ мечетью покои, вновь великолѣпно отдѣланные. Тамъ ему приготовлено было неожиданное удовольствіе. Форнари, искусный декораторъ, участвовавшій въ обновленіи храма, написалъ на задней стѣнѣ садовой ограды два вида Мекки и Медины въ перспективѣ. Это зрѣлище произвело на Султана глубокое впечатлѣніе. *Вы доставляете мнѣ случай*, сказалъ онъ художнику, *совершить священное путешество-*

ствіе, котораю я, какъ глава государства, не смѣлъ бы предпринять: благодарю васъ!

Для полноты торжественной церемоніи, кончившейся освещеніемъ, потѣшными огнями и всевозможными увеселеніями, недоставало только памятной медали, заказанной въ Парижѣ и, къ сожалѣнію, еще не готовой.

Вотъ краткій очеркъ возобновленія и освященія Св. Софіи. Ожидаемъ съ нетерпѣніемъ появленія въ печати полнаго описанія мечети, заготовляемаго Гаспаромъ и Жозефомъ Фоссати. Этотъ трудъ, проникнутый знаніемъ исторіи и искусства, послужитъ драгоценнымъ руководствомъ для знатоковъ древности и художниковъ и придастъ еще болѣе блеска достоинству даровитыхъ зодчихъ.

Адальбертъ де Боменъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ИКОНА.— Послѣ Полтавской битвы, Петръ Великій, 3-го Іюля, осматривалъ добычу. При разборѣ вещей найдено было нѣсколько св. иконъ, обращенныхъ непріателемъ въ шахматныя доски. Тронутый этимъ, Монархъ, въ вѣду всего войска, смотрѣвшаго на это со слезами, съ крестнымъ знаменіемъ облобызавъ иконы и поклонився до земли. Одна изъ такихъ истерченныхъ для шахматной игры иконъ находится недалеко отъ Полтавы, въ церкви селенія Жуки. Подъ нею на ходѣ изображена слѣдующая современная надпись :

Впепелъ забвенія все насъ погребаетъ,
 О чесомъ писаніе намъ не возвыщаетъ.
 Сего ради судихомъ въ память написать,
 Кто? и когда сей образъ дерзнулъ обругати.
 Недостойнъ имени добраго Мазепа,
 Ивашко пришелъ отъ адскаго заклепа.
 Той оставивъ Господня Христа Всероссійска
 Петра Великаго, той самъ Короле Свѣйска
 Приведе съ оружіемъ въ Россію малую,
 Имѣя въ сердцѣ своемъ коварный мысль злую.
 О кто исповѣсть тогда пролитія крови,
 Бѣды, страхъ, гоненія и ужасъ суровый.
 Лютри церкви святыя внутри превращаху,
 Подножія и дамы съ Іконъ сочинаху;
 Съ Іконъ подъ гнѣти котламъ и до грубъ Іконы,
 Съ Іконъ, увы, помости дѣлали подъ кони.
 Тогда и та Ікона пострада святая,
 Юже въ дамы пречерта рука проклятая

(Изъ Полтав. Г. В.).

ЖУРНАЛЪ АЛЬФОНСА ДЕ-ЛАМАРТИНА. — Въ Парижской газетѣ la Presse, по системѣ взаимнаго восхваленія, напечатано, литеррами, которыя можно читать только въ уменьшительныя очки, слѣдующее объявленіе:

*«Поэма, журналъ, исторія, книга,
чрезъ (старый стиль) пераго
изъ нашихъ поэтовъ, изъ нашихъ историковъ, изъ нашихъ
публицистовъ.»*

Девънадцать публикацій, въ 48 страницъ, роскошное изданіе.

Все за 6 франковъ въ годъ.

*Вотъ что даетъ своимъ подписчикамъ администрація
историческаго и политическаго журнала:*

*Народный Советникъ,
издаваемый чрезъ Альфонса де-Ламартина.»*

Такимъ образомъ, это и поэма, и журналъ, и исторія, и книга; и слѣдовательно ни поэма, ни журналъ, ни исторія, ни книга, и то и се, и въ то же время ни того, ни сего.

ЖИВОПИСНЫЙ ПИКЪ-НИКЪ. — До сихъ поръ были складки только въ музыкѣ и литературѣ; въ нѣсколько рукъ сочиняли партіи на оперы, въ нѣсколько рукъ писали романы, водевили и тому подобныя вещи: теперь въ нѣсколько рукъ будетъ писаться огромнѣйшая, какой еще не было отъ созданія міра, картина. Эта артистическая арлекинада, эта странная мозаика будетъ исполнена членами сообщества, извѣстными артистами-живописцами Парижа, съ цѣлію филантропическою. Вотъ объявленіе: «Наши артисты-живописцы, члены ассоціаціи, предпринимаютъ величайшій трудъ, единственный въ своемъ родѣ, гигантскую картину, представляющую «Пожаръ Базара Bonne nouvelle;» каждый артистъ обязался работать въ этой картинѣ, и работа будетъ производиться въ галлерей выставки Базара.»

Такимъ образомъ нѣсколько кистей, сочтаясь въ одну, составляютъ огромную мазилку; это-то и неподобно для изображенія пожара. Толпясь около холста, они, по командѣ главнаго живописца Леона Куанье, будутъ разливать пожаръ: одинъ вытянетъ длинный огненный языкъ, другой головешку, третій летя-

щую *галку*, четвертый наматывает сыплющіяся искры, пятый клубъ дыма, шестой пожарную трубу, седьмой пожарную кишку, и т. д. Каждый на своей работѣ выставить: *fecit-fecit-fecit* такой-то; потомъ выставятъ труды свои на показъ, за деньги, и такимъ образомъ составятъ, въ соответствіе гигантской картинѣ, гигантскую сумму на вспомошествованіе бѣдному человечеству. Это по-Парижски; тамъ не думаютъ о себѣ, а думаютъ о бѣдномъ человечествѣ; тамъ, въ числѣ прочихъ благотѣльныхъ предпріятій, учредился конгрессъ о всемирномъ мирѣ, и идутъ уже споры о мирѣ, а вѣроятно скоро будетъ и драка.

НИКОВАЯ ДАМА, ПОВѢСТЬ ПУШКИНА. DAME DE PIQUE, PAR PROSPER MÉRIMEE. — *Пушкинъ*: «Молодые игроки удвоили вниманіе. Томскій закурилъ трубку, *замкнулся*, и продолжалъ.»

Мериме (переводитъ): Tous les jeunes officiers étaient attentifs. Tomski s'arrêta pour allumer une pipe, *resserra sa ceinture*, et continua de la sorte.

Этотъ переводъ не хуже слѣдующаго: «Le pape Jean XV, ordonna la canonisation de l'abbé S. Uldéric.»

«Пана Иванъ XV повелѣлъ растрѣлять пушками аббата Улдерика.»

А Н Е К Д О Т Ы.

Одинъ записной грамматикъ, замѣтивъ хорошенькую дѣвушку подлѣ блокураго парика и вставныхъ челюстей, спросилъ: кто это такіе?

— Это будущій супругъ, а это будущая его супруга.

— Стало быть, — замѣтилъ грамматикъ, — *будущее совершенное* женится на *будущемъ несовершенномъ*.

Во время случившейся грозы, ученый эллинистъ, нюхая табакъ, разчихался и кстати упомянулъ къ свѣдѣнію, что древніе Греки приписывали грозу чиханію отца боговъ.

— Какъ же счастливы были древніе Греки, — сказала одна дама, — что Юпитеръ не нюхалъ табаку!

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

Г. Куникъ, который еще въ Москвѣ занимался много собраніемъ матеріаловъ для Литературы Русской Исторіи, получилъ въ свои руки бумаги покойныхъ Буле и Аделунга, и продолжаетъ трудиться надъ полнымъ сочиненіемъ по этой части. Мы имѣемъ полное право надѣяться, что оно будетъ отличное.

О второй половинѣ жизни знаменитаго Курбскаго найдено на Вольнѣи столько документовъ, что они составятъ цѣлый томъ въ изданіи Кіевской Археографической Коммиссіи.

Такая же Коммиссія учреждается и въ Нижнемъ Новгородѣ для изданія актовъ, относящихся къ этому историческому городу, по представленію Г. Военнаго Губернатора, Генераль-Маіора Князя М. А. Урусова, который оказываетъ ревностное пособіе къ объясненію тамошнихъ древностей. Г. Мельниковъ принимаетъ въ Коммиссіи дѣятельное участіе. — Примѣръ Г. Виленскаго, а потомъ Минскаго Гражданскаго Губернатора, В. С. Семенова, нашель достойныхъ послѣдователей. Желательно, чтобъ и описаніе Кіева, съ рисунками, такъ превосходно изданное Г. Кіевскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ И. М. Фундуклеемъ, нашло себѣ подражаніе: Новгородъ, Владиміръ, Тверь, Суздаль, Ростовъ, Ярославль, Рязань, ожидаютъ описателей, и сколько любопытнаго найдутъ они для друзей Исторіи! — При этомъ же мы можемъ порадовать читателей извѣстіемъ, что Нижегородскій Соборъ подробно описанъ стараніемъ Высокопреосвященнаго Іакова.

Н. М. Мурзакевичъ, въ Одессѣ, приготовляетъ къ изданію въ свѣтъ собраніе подлинныхъ собственноручныхъ писемъ Царевича Алексѣя Петровича къ его родителю, Петру Великому, и другимъ лицамъ. Всѣхъ писемъ съ разными приложеніями будетъ до 160 номеровъ.

Гансенъ, privat docentъ въ Дерптѣ, сочинитель «Восточной Европы по Продоту», другъ и родственникъ Прейсу по духу, скончался во цвѣтѣ лѣтъ. Онъ намѣревался обработать Исторію Восточной Европы до Константина Порфиророднаго, и сдѣлалъ для того обширныя филологическія и историческія приготовленія. Онъ хотѣлъ было писать также и на задачу нашей Академіи Наукъ о Византійской хронологіи.

Молодой Русской ученый *П. И. Леонтьевъ* занимается сочиненіемъ о поклоненіи Зевсу.

Ө. И. Буслаевъ, Адъюнктъ-Профессоръ Московскаго Университета, приготовляетъ сравнительную грамматику.

П. Н. Кудрявцевъ написалъ разсужденіе о Италіи.

Смутный періодъ получилъ еще талантливаго и трудолюбиваго дѣлателя, *П. В. Павлова*, который скоро издастъ свое сочиненіе о Борисѣ Годуновѣ.

Н. П. Новиковъ собралъ огромное количество матеріаловъ о Гусѣ, предшественникѣ Лютеру.

С. П. Шевыревъ приступаетъ къ печатанію своего путешествія, котораго съ такимъ нетерпѣніемъ ждутъ истинные друзья Русской Словесности и древностей.

И. Т. Кокоревъ готовитъ собраніе Московскихъ очерковъ и небольшихъ разсказовъ, отчасти уже извѣстныхъ читателямъ Москвитянина.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Сентября 14-го 1849 года.

Ценсоръ *В. Ланской*.

СМѢСЬ.

ВОЗДУШНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ.

(РАССКАЗЪ К. КРАМЕРА.)

Старинная поговорка гласитъ : «кто дерзко брасается въ опасность, тотъ погибаетъ,» — совершенно справедливо. Но кто не забываетъ этого мудраго изреченія старины ! А вѣсь слѣдующій плачевный случай изъ моихъ приключеній удержитъ кого-нибудь отъ смѣлости бесполезной и опасной.

Давно было во мнѣ желаніе посмотреть съ заоблачной вышины на землю и на все, что на ней есть. Единственно для этого я сдѣлался литераторомъ и поэтомъ, парилъ въ вышину, но тщетно. «Расторгни узы, которыя привязываютъ тебя къ земному,» говорилъ мнѣ внутренней гласъ, «и тогда только ты въ этомъ успеешь.» И вотъ — я расторгнулъ эти узы слѣдующимъ образомъ.

Въ Слонгеймъ прибылъ знаменитый воздухоплаватель мистеръ Блэкъ, и, объявивъ о своихъ 163-хъ воздушныхъ путешествіяхъ, предлагалъ желающимъ ему сопутствовать съ платомъ ста талеровъ. Что значать для поэта какіе-нибудь сто талеровъ, если дѣло идетъ объ исполненіи его давнишняго страстнаго желанія ! Случай былъ очень удобенъ, и первый, явившійся на вызовъ, былъ я.

Это было 3-го Августа 1947 года. Въ три часа послѣ обѣда, въ страшный жаръ, вышелъ я изъ мяховаго магазюна на по-

омышице уличнымъ мальчишкамъ, закутанный въ шубу, какъ Эскимось; иначе нельзя было: я собирался въ заоблачныя страны. Мистеръ Блакъ предпринималъ нынѣшнее путешествіе съ ученою цѣлію: онъ хотѣлъ испытать, будетъ ли согласно измѣреніе высотъ посредствомъ барометра съ геометрическимъ измѣреніемъ.

Когда я при входѣ на мѣсто собранія отдѣлился отъ своей безпечной свиты, на встрѣчу мнѣ раздались громкіе звуки трубъ, трескъ барабановъ и оглушительное ура. Въ первый разъ отъ роду была мнѣ такая почестъ. Счастливая минута! Но увы! она была слишкомъ коротка: громкій смѣхъ надъ моимъ нарядомъ покрылъ вскричанія и сопровождалъ шаги мои.

Вся мѣста и окна сосѣднихъ домовъ были заняты зрителями, даже крыши были усыяны любопытными. Шаръ, до половины наполненный углеродомъ, порывался въ верхъ, качался въ воздухъ.

Любопытное зрѣлище представили собою сборы въ дорогу втораго нашего сопутника, привлекшаго на себя любопытство толпы. Гольдманъ, богатѣйшій капиталистъ и первый гастрономъ Спонгейма, разгоряченный за роскошнымъ обѣдомъ шампанскимъ, объявилъ, что онъ въ моемъ намѣреніи не видитъ ничего удивительнаго, и еслибъ дѣло пошло на значительный закладъ, то онъ самъ былъ бы готовъ предпринять это путешествіе. Онъ дошелъ даже до того, что поставилъ на споръ одно небольшое загородное имѣніе. Многіе изъ присутствующихъ, которые не очень довѣряли его мужеству, ухватились за слово, и предложили отъ себя закладъ, состоявшій изъ самыхъ дорогихъ винъ.

Въ тотъ же вечеръ замѣтили, что Гольдманъ охотно бы отступился; но чтобы не допустить до этого, его принудили заключить письменное условіе. Его противники были такъ увѣрены въ своей побѣдѣ, что заранѣе осыпали его насмѣшками, не воображая, что этимъ-то именно и подзадорили его къ исполненію своей дерзкой попытки.

Шаръ наполнялся болѣе и болѣе; часъ приближался, а Гольдмана еще не было. Между зрителями бились объ закладъ, ставили три противъ одного, что онъ не придетъ. Оставалось еще нѣсколько минутъ. Вдругъ при входѣ послышался шумъ: «Вотъ,

вотъ онъ въ крикнула толпа, и снова зазвучали трубы и литавры, загремѣло ура, у всѣхъ зрителей вытянулись шеи, дамы замахали платками.

Но и его явленіе сопровождалось громкимъ смѣхомъ. Хотя Гольдманъ не былъ закутанъ въ шубу, какъ я, — слуга несъ ее за нимъ, — но онъ шелъ, покачиваясь изъ сторсны въ сторону, какъ шаръ между веревками. Онъ, вѣроятно, выпилъ лишній стаканъ для большей храбрости.

Второй слуга тащилъ за нимъ тяжелую корзину. Мистеръ Блякъ удивился такой необыкновенной покладѣ.

— Это кое-что для закуски, — сказала Гольдманъ. И въ самомъ дѣлѣ, по изслѣдованіи содержанія корзины, въ ней оказалось слѣдующее: фазанъ подъ желе, Страсбургскій пастеть, начиненный гусь, нѣсколько колбасъ, сыръ изъ дичины и нѣсколько хлѣбовъ. Изъ напитковъ: 2 бутылки гофгеймскаго, 2 б. іоганнисбергскаго, 1 б. мадеры, 2 б. Bordeaux St. Julien, 4 б. шампанскаго veuve Cliquot и 2 б. токайскаго. Онъ, казалось, были назначены для подкрѣпленія силъ пассажира въ его смѣломъ подвигѣ.

Мистеръ Блякъ замѣтилъ, что это слишкомъ обременить шаръ. Но Гольдманъ старался объяснить ему, что это будетъ служить вмѣсто балласта, что пища и питье въ желудкѣ отолько же мало вѣсятъ, сколько рыба въ водѣ.

Мистеръ Блякъ улыбнулся этому замѣчанію, и возразилъ, что онъ уничтожаетъ всю математику.

Въ надеждѣ, что на воздухѣ у насъ будетъ все общее, я старался склонить его въ пользу Гольдмана, объяснивъ ему, что въ случаѣ нужды мы можемъ выбросить весь излишекъ вмѣсто балласта.

Послѣ нѣсколькихъ качаній головою, при чемъ онъ замѣтилъ намъ, что и мы всѣ трое довольно увѣсisty, онъ вынулъ наконецъ изъ гондолы нѣсколько мѣшковъ съ пескомъ и замѣнилъ ихъ этимъ благороднымъ балластомъ.

Въ отношеніи нашей личности онъ былъ совершенно правъ. Самъ мистеръ Блякъ былъ ростомъ шести футовъ, и хотя былъ не толстъ, но крѣпокъ мускулами и широкъ костями. Гольдманъ былъ пониже его, но за то такъ распространялся въ ширину, что объемъ его былъ длиннѣе его роста. Моя же особа

хоть и не былъ такъ высокъ, какъ мистеръ Блэкъ; и такъ толста, какъ Гольдманъ, но все-таки не сухопара, и вѣсилъ не меньше двухъ центнеровъ.

Шаръ наполнился; намъ обонимъ дали по флагу, и мы помѣстились въ гондолѣ. Мой *vis-à-vis* былъ нѣскольکو бѣднѣе; и заранѣе изо всѣхъ силъ махалъ флагомъ.

Наконецъ обрѣзали всѣ веревки, кромѣ одной: Мистеръ Блэкъ въобразя въ сѣтку надъ вѣнцомъ, и осмотрѣлъ всѣ свои карманы, чтобъ удостовѣриться, не забылъ ли какіаго-нибудь изъ нужныхъ инструментовъ, посмотрѣлъ на часы съ секундами, и развязалъ узелъ послѣдней веревки, которая держала шаръ, — и вотъ мы понеслись къ облакамъ, при усиленномъ звукѣ трубы и литавръ и при всеобщемъ восторгѣ зрителей. Мы увидѣли себя выше всѣхъ крышъ, откуда махали намъ бѣлыми и острыми платками.

Сначала наша гондола сильно закачалась. Отъ этого у меня въ желудкѣ такъ что-то закопошилось, какъ будто онъ обрѣтлся въ коробку, наполненную жуками; мнѣ сдѣлалось дурно, и я сильнѣе замахалъ флагомъ. Вдругъ я замѣтилъ, что мой товарищъ уронилъ свой флагъ; я взглянулъ на него, и Воже! что я увидѣлъ! Гольдманъ былъ рѣе себя и хотѣлъ выскочить, хотя мы были надъ городомъ на высотѣ нѣсколькихъ колоколенъ. Я ухватилъ его за сюртукъ, и отащилъ на дно гондолы; мистеръ Блэкъ также къ намъ спустился, и мы съ трудомъ могли объяснить Гольдману ту вышину, на которой находились. Никовецъ онъ угомонился и сѣлъ на свое мѣсто, но уперся локтями въ колѣна, закрылъ руками лицо и, дрожа, стучалъ зубами.

Хотя мы располагали выпить и закусить по окончаніи нашего путешествія, потому что спѣшили воспользоваться дневною теплотою; но я не утерпѣлъ, и откупорилъ бутылку гостеймскаго. Напрасно предлагали мы Гольдману этотъ ароматный напитокъ; онъ только трясъ головою и не трогался съ мѣста; тѣмъ временемъ мы принялись за осушеніе бутылки.

Гондола висѣла совершенно спокойно, отвѣсно подъ шаромъ. На этой высотѣ было такъ пріятно прохладно, вокругъ ни вѣтерка; на душѣ у меня было такъ отрадно и покойно; взоръ мой блуждалъ по горамъ и долинамъ, и любовался отдаленнымъ го-

ризонтомъ, гдѣ открывались ему новые города и деревни, новые рѣки и горы.

Но воздухъ мало по малу становился легче, что можно было замѣтить какъ по ускоренному нашему дыханію, такъ и по паденію барометра; чтобъ облегчить шаръ и ускорить полетъ его, мистеръ Блакъ высыпалъ нѣсколько мѣшковъ песку. Глубоко подъ нами земля стала принимать видъ рельефной ландшафты. Кругъ все было тихо. Ни одной птицы не было видно.

Мы достигли наконецъ того маленькаго облачка, которое видѣли снизу. Оно охватило насъ своимъ туманомъ, и на нѣсколько времени скрыло отъ насъ землю. Мы почувствовали сырость. Я завернулся въ шубу и откупорилъ бутылку бордо.

Это было кстати. Даже Гольдманъ рѣшился взглянуть на свѣтъ Божій, когда ужъ ничего не было видно, и выпилъ стаканъ вина, но потомъ опять закрылъ руками лицо, между тѣмъ какъ мы наслаждались его запасомъ.

Вскорѣ мы опять пронеслись сквозь облако, при чемъ мнѣ показалось, что я лечу по леднику. Холодъ сталъ очень ощущателенъ. Гольдманъ безпрекословно далъ надѣть на себя шубу. Удовольствіе путешествія кончилось. Боже! что насъ ожидаетъ!

Все выше летѣлъ шаръ; все сильнѣе становился холодъ. Мы на днѣ гондолы облили нѣсколько негашенной извести, чтобъ согрѣть окружающій насъ воздухъ, при чемъ не забыли придвинуть къ извести бутылки съ благороднымъ напиткомъ, чтобъ онъ не обратился въ ледъ. Бутылка мадеры дала намъ внутреннюю теплоту.

Между тѣмъ наше путешествіе становилось все несприятнѣе. Дыханіе ускорилося. Не смотря на извести и шубы, я почувствовалъ сильное колотье въ ушахъ. Больдманъ громко стучалъ зубами.

Видя, что мистеръ Блакъ высыпалъ еще мѣшокъ песку, я спросилъ его съ безпокойствомъ, не довольно ли высоко мы залетѣли?

— Мы находимся теперь, отвѣчалъ мистеръ Блакъ, взглянувъ на барометръ, на высотѣ почти пятнадцати тысячъ футовъ, следовательно почти наравнѣ съ вершиною Монблана; а при теперешнемъ облегченіи шара мы поднимемся еще на тысячу фу-

товъ, и тогда довольно. Ляшь только шаръ тамъ остановится, я приступлю къ моимъ наблюдѣнiямъ.

Это по крайней мѣрѣ подавало надежду. Но шаръ все поднимался выше и выше. А между тѣмъ изъ всѣхъ поръ моего тѣла стали выступать кровавыя капли, и какъ будто тысячи булавокъ кололи кожу. Стрѣльба въ ухахъ обратилась въ сильную боль.

Наконецъ шаръ остановился. Мистеръ Блакъ принялся за телескопъ, сличилъ его положенiе съ ватерпасомъ, отмѣтилъ на бумагѣ уголъ, который образовали оба эти инструмента, чтобъ въ послѣдствiи дѣлать по этому свои вычисленiя. Потомъ взобрался въ сѣтку и дернулъ за шнурокъ, проведенный сквозь шаръ къ верхнему клапану, чтобъ открыть его.

Но клапанъ не открывался: отсырѣвъ въ облакахъ, онъ примерзъ въ этой странѣ вѣчнаго мороза. Послѣ долгихъ и тщетныхъ попытокъ, онъ наконецъ открылся; но отъ сильнаго дерганья испортилась пружина, и клапанъ не закрывался.

По мистеръ Блакъ былъ человекъ рѣшительный. Съ проворствомъ кошки взобрался онъ по наружной сѣти на верхъ шара; но отъ тяжести его тѣла верхняя половина шара, лишенная газа, ввалилась, между тѣмъ, какъ нижнее его отверстiе стало выпускать газъ съ большою силою. Однакожъ неустрашимому воздухоплавателю удалось достать клапанъ и закрыть его.

Отуманенный углеродомъ, съ сильнымъ кашлемъ, онъ почти инстинктивно спустился опять внизъ, и сѣлъ въ сѣткѣ надъ кольцомъ.

Въ это же время, по быстрому движенiю воздуха снизу вверхъ, замѣтилъ я, что шаръ падаетъ съ ужасною быстротою; такъ какъ нашъ воздухоплаватель еще не пришелъ въ себя, а времени терять было нельзя, то я принялся за мѣшки съ пескомъ, и сталъ ихъ выбрасывать.

Мистеръ Блакъ, замѣтивъ это, кивнулъ мнѣ одобрительно головою, и далъ знакъ, чтобъ я выбросилъ и все остальное. Такъ полетѣли внизъ колбасы, бутылки съ виномъ, паштеты, гусь и фазанъ. Можно себѣ представить, какъ удивились мужички, работавшіе въ полѣ, когда къ нимъ изъ облаковъ полетѣли, такъ

сказать, въ ротъ жареные гуси и фазаны и бутылки съ напшткомъ, о потерѣ котораго въ особенности сокрушалось мое сердце.

Между тѣмъ мистеръ Блакъ спустился въ гондолу. Паденіе шара все усиливалось. Мы бросили даже шубы и почти все верхнее платье.

Мистеръ Блакъ слыхилъ возвышеніе барометра съ ходомъ секундной стрѣлки, и поблѣднѣлъ.

— Сто пятьдесятъ футовъ въ секунду! — вскричалъ онъ, и, посмотрѣвъ на насъ обоихъ, подошелъ вдругъ ко мнѣ и сказалъ глухимъ голосомъ: — «вы кажется, человекъ разсудительный; здѣсь нужна жертва, или мы всѣ трое погибнемъ!»

— Какъ! — отвѣчалъ я, — и вы требуете, чтобъ я былъ этою жертвою?

Я бросилъ взглядъ въ неизмѣримую глубину надо мною, и волосы стали у меня дыбомъ,

— Нѣтъ! васъ было бы мало. Вонъ его! — тутъ онъ показалъ на Гольдмана: — медлить нечего; принимайтесь!

— Ни за что на свѣтъ! — вскричалъ я въ ужасъ.

— Вы не хотите? — сказалъ онъ съ ужасною усмѣшкой, — Goddam! такъ лучше двое, чѣмъ трое!

Сказавъ эти слова, онъ вскочилъ въ сѣтку, вынулъ ножъ, и хотѣлъ отрѣзать гондолу.

— Стойте, ради Бога! — вскричалъ я, — я согласенъ!

— Ну такъ не мѣшайте, — сказалъ онъ и соскочилъ опять въ гондолу.

Гольдманъ все еще сидѣлъ въ прежнемъ положеніи. Изъ страха къ опасности онъ не замѣтилъ, какъ она наступила. Но кто опишетъ его отчаяніе, когда онъ увидѣлъ, что мы хотимъ его выбросить. Какаго труда стоило намъ прежде удержать его, такого теперъ — его спровадить. Онъ прицѣплялся къ чему только могъ и умолялъ о пощадѣ. Но чувство самосохраненія сдѣлало насъ дикими звѣрьми, и мы были глухи къ его просьбамъ. Видя, что не можемъ намъ противустоять, онъ въ отчаяніи ухватился за якорную веревку: тщетная надежда! Онъ былъ выброшенъ черезъ край гондолы вмѣстѣ съ веревкою и съ якоремъ!

Я упалъ въ изнеможеніи на дно. Холодный потъ выступилъ у меня на лицѣ. Я въ первый разъ сдѣлался убійцею!

Но, не смотря на эту жертву, быстрота нашего паденія не уменьшалась. Мистеръ Блэкъ выбросилъ нѣсколько доскутковъ бумаги; они, какъ стрѣлы, умчались въ верхъ, и скрылись изъ виду.

Снова посмотрѣлъ онъ на часы и на барометръ. Я внимательно слѣдилъ за всѣми его движеніями. Онъ былъ беспокоенъ; бросилъ на меня странный взглядъ и хотѣлъ вспрыгнуть въ кольцо.

Я замѣтилъ его умыселъ, и удѣпившись за его ноги, стащилъ его внизъ. Тогда, охвативъ его руками, я скрестилъ ихъ на его спинѣ. Началась смертная борьба. Гондола такъ страшно качалась, что я до сихъ поръ не вонимаю, какъ мы оба изъ нея не выпали.

Но я не могъ сопротивляться исполинскимъ силамъ Англичанина. Онъ перегнулъ меня черезъ край гондолы, и освободивъ одну свою руку, замахнулся на меня ножомъ. Не знаю, отъ страха или отъ истощенія силъ, выпустилъ я его изъ рукъ, и — черезъ голову полетѣлъ внизъ.

Дорогою пролетѣлъ я мимо Гольдмана, который сидѣлъ на якорѣ глубоко подъ шаромъ. Потомъ я почувствовалъ ужасную боль во всѣхъ членахъ и лишился чувствъ,

Пришедъ въ себя, я увидѣлъ, что лежу въ своей комнатѣ, передъ софою, подъ столомъ. Всѣ члены у меня болѣли.

Какъ я попалъ сюда съ шара, я сначала никакъ не могъ припомнить; во мало по малу пробудилось во мнѣ воспоминаніе.

Утромъ былъ я въ погребкѣ подъ вывѣскою *Възгла лампа*, гдѣ было очень пріятное общество. Тамъ говорили про одного молодого человека, который, въ слѣдствіе заклада, рѣшился летѣть съ Гринномъ и благополучно исполнилъ этотъ подвигъ. Отуманенный, вѣроятно, лишнимъ стаканомъ, я, пришедъ домой, легъ на софу, и какъ полагаю, впалъ все это во снѣ.

Вставъ съ полу, я потянулся, и взглянувъ въ зеркало, погрозилъ пальцомъ своему двойнику, который также погрозилъ мнѣ только другою рукою. „Карлъ, Карлъ! — сказалъ я: сколько разъ я говорилъ тебѣ, чтобъ ты не ходилъ утромъ въ *Възгую лампу*! Пиво утромъ ладъ и вино также ладъ; а если

хочешь ходить туда, то ставь по крайней мѣрѣ стулъ передъ софюю, когда ляжешь на нее послѣ обѣда.“

Это наставленіе, которое далъ я самъ себѣ, не пропало даромъ. Хотя иногда и ходилъ я по утрамъ въ *Выжнюю лампу*, но всегда приставлялъ стулъ къ софѣ, и съ тѣхъ поръ со мною не случалось ничего подобнаго.

ПѢСНЬ ВАННЕМУННЕ (Эстонское сказаніе). — У людей и у звѣрей былъ одинъ языкъ. И до сихъ поръ есть еще люди, которые понимаютъ языкъ звѣрей, и звѣри имъ повинуются. Но языкъ этотъ служилъ для будничнаго употребленія, для нуждъ жизни. Но однажды всѣ твари были позваны на общій сборъ, чтобы поучиться праздничному языку, то есть пѣснямъ — въ отраду себѣ и для прославленія боговъ. И собралось все, въ чемъ была жизнь и дыханіе, собралось вокругъ сборной горы, гдѣ была священная роща. Вдругъ раздался въ воздухѣ шумъ, потрясающій сердце, и сошелъ Ваннемунне, богъ пѣнія. Онъ раскинулъ свои кудри, поправилъ тѣлодвиженіемъ платье, разгладилъ бороду, крикнулъ и попробовалъ струны. Тутъ запѣлъ онъ прелюдію, а потомъ гимнъ: все было въ восторгѣ, и самъ онъ всѣхъ больше. Тишина воцарилась въ собраніи: все внимало пѣнію. Эмбахъ остановилъ свое теченіе, вѣтеръ забылъ свою рѣзвость, деревья, звѣри и птицы напрягали слухъ свой, и передразнивающее эхо притаилось за деревьями. Но слушавшіе не всѣ равно понимали. Деревья рощи почували шумъ при нисхожденіи бога, и если вы, идя по рощѣ, услышите шумъ, то знайте что близъ васъ богъ. Эмбахъ вслушался въ шелестъ платья, и каждую весну, когда онъ празднуетъ возвратъ своей юности, онъ шумитъ точно такъ же. Вѣтеръ поймалъ самые рѣзкіе звуки; изъ звѣрей же однихъ поразилъ скрипъ колковъ, а другихъ звонъ струнъ. Пѣвчія птицы, особенно соловей и жаворонокъ, переняли

* Она помѣщена въ „Чтеніяхъ Ученаго Эстонскаго Общества въ Дерптѣ“, (Verhandlungen der Gelehrten Ehstnischen Gesellschaft zu Dorpat), съ которыми насъ познакомила прекрасная рецензія, помѣщенная въ 5 кн. Ж. М. Н. П. Желательно бы навѣрно знать, не прикрашено ли, въ Нѣмецкомъ переводѣ, это проникнутое глубокою мыслью сказаніе?

прелюдію. Всѣхъ меньше досталось рыбамъ: высунувъ изъ воды свои головы по уши, которыя оставались въ водѣ, онѣ видѣли только движенія устъ Ваннемунне, и научились подражать имъ но остались нѣмы. Только человекъ понялъ все; отъ того и пѣснь его доходить до глубины души и до жилища боговъ. И старецъ пѣлъ о величіи неба, о великолѣпіи земли, о красотѣ Эмбахскаго края и о прежней его очаровательности, о счастіи и несчастіи человеческого рода. Онъ такъ былъ растроганъ своею пѣснью, что длакалъ горючими слезами, отъ которыхъ промокли на немъ всѣ шесть кафтановъ и семь рубашекъ. Потомъ отлетѣлъ онъ въ жилище Всеотца, чтобы пѣть и играть предъ нимъ, и посвященному слуху дано внимать иногда далекимъ отголоскамъ, несущимся свыше. Чтобы люди не забыли пѣсней, отъ времени до времени онъ посылаетъ на землю своихъ посланниковъ. И самъ онъ опять придетъ къ намъ, когда на наши поля снова взглянуть око счастія.

НОРВЕЖСКАЯ ЛИТЕРАТУРА, почти вовсе неизвѣстная въ Европѣ, кромѣ предѣловъ Скандинавскаго полуострова, богата и писателями и книгами. Съ 1814 по 1847 годъ она насчитываетъ у себя болѣе 600 литераторовъ и слишкомъ 2,800 сочиненій. Самый плодовитый изъ писателей — *Генрихъ Вереландъ*, написавшій 70 оригинальныхъ сочиненій. Книгъ болѣе всего выходятъ по части богословія; сочиненія объ умеренности тоже въ большомъ ходу: такъ, Андерсенова «Катихизиса умеренности» разошлось до 80 т. экземпляровъ. Журналистика также расширяется съ каждымъ годомъ, и число типографій растетъ на пользу образованности: въ 1814 году Норвежцы довольствовались 6 листками ежедневныхъ газетъ и такимъ же числомъ типографій; а черезъ двадцать лѣтъ число первыхъ почти уменьшилось, послѣднихъ же стало шестеро болѣе.

НАДЕЖДЫ АРХЕОЛОГИИ. — Во время осады Рима Французами, Италіяны кричали, что памятникамъ «Вѣчнаго города» грозитъ неминуемая гибель; что выстрѣлы орудій нарочно направляются на вѣковые остатки древности. Къ счастію, все обо-

шло благополучно, и не оказалось никакихъ значительныхъ поврежденій. Мало того: временные гости въ Римѣ, Французы хотятъ теперь приступить къ разрытіямъ классической почвы города, и предполагаютъ начать разработку съ знаменитаго Форума. Для надзора за разрытіями составлена особая коммиссія изъ Итальянскихъ и Французскихъ ученыхъ и инженеровъ. Предполагаемыя находки будутъ дѣлиться пополамъ: художественная часть предоставляется на долю Франціи, а монументальная останется въ Римѣ. Замѣтимъ, что лѣтъ тридцать тому, нашъ соотечественникъ П. Н. Демидовъ, извѣстный любовью къ искусствамъ, думалъ произвести подобныя разрытія на Коровьемъ Поля (Campo Vaccino) и на площади Форума; но планъ этотъ не состоялся. — Находокъ можно ожидать богатыхъ, и нѣтъ сомнѣній, что не мало будетъ дѣла и фабрикантамъ искусственныхъ древностей.

КАЛИФОРНИЙСКОЕ ЗОЛОТО. — Извѣстія о Калифорніи, которая сдѣлалась обѣтованною страной всѣхъ искателей приключеній, не перестаютъ появляться въ газетахъ. Но теперь уже не говорятъ объ ней, какъ о какомъ-то мифѣ, не пугаютъ ужасами „золотой лихорадки“, а коротко и ясно увѣдомляютъ, что такого-то числа прибылъ въ Лондонъ корабль съ Калифорнійскимъ золотомъ на сумму столькихъ-то милліоновъ рублей; что недавно было внесено этого золота въ Банкъ на такую же сумму; что въ такомъ-то мѣстѣ, какъ рѣдкость, показывается 6-фунтовый самородокъ Калифорнійскаго золота; что ученые уже изслѣдовали благородный металлъ новыхъ рудниковъ, и нашли, что онъ ни чѣмъ не хуже старшихъ своихъ собратьевъ.... Обаятельно дѣйствуютъ на воображеніе эти вѣсти, и сильнѣе, чѣмъ прежде, раздается въ толпѣ кличъ: ho! for California!

ВОЛѢЗНЬ КАРТОФЕЛЯ. — Два знаменитыхъ растенія подарила намъ Америка: табакъ и картофель, одно полезное, подспорье хлѣбу, другое — почти вредное, прихоть балованнаго вкуса. Оба они быстро распространились по Европѣ, сдѣлались словно родными ея почвѣ и климату; вдругъ, ни съ того ни съ

сего, картофель захворалъ, сперва въ Ирландіи, потомъ въ Германіи, потомъ въ нашихъ Остзейскихъ губерніяхъ; а теперь болѣзнь появилась и въ Ярославль, и въ настоящее время составляетъ немаловажный предметъ разговора между хозяевами. Отчего эта хворость, чѣмъ помочь ей — никто не знаетъ, и наука до сихъ поръ не придумала рѣшенія. Нѣкоторые умные люди приговорили, что болѣзнь происходитъ отъ того, что сѣмена картофеля *выродились, обезсильли* (1?), что надо послать въ Америку за новыми. Хорошо. Послали за свѣжими сѣменами, послали — картофель уродился такой же тщедушный, какъ и отъ обыкновенныхъ доморощенныхъ, и такъ же заболѣлъ.... Что будетъ далѣе, чѣмъ кончится эпидемія — не знаемъ; но для разъясненія дѣла помѣстимъ въ слѣдующей книгѣ Москвитянина мнѣніе объ этомъ предметѣ одного изъ ученыхъ нашихъ хозяевъ, который самъ производилъ опыты съ больнымъ растеніемъ. Неужели намъ суждено не ѣсть въ слѣдующемъ году картофеля? Грустно и думать!....

СМѢСЬ.

САЛЫНСКИЙ КОЛОДЕЦЬ. — Каждый испыталъ, какъ радостно смотреть на чистое, голубое небо, или украшенное непчислимыми звѣздами, или прекраснымъ свѣтлымъ солнцемъ, которое лучами своими приносить жизнь Божьему творенью. Однакожь, каждому извѣстно, что этотъ животворный лучъ не всегда и лѣтомъ живетъ на Русской землѣ, а осенью онъ очень рѣдко ее посѣщаетъ; но за то, какъ радостно тогда его встрѣтить, какъ весело при его свѣтѣ пробѣжать тѣ мѣста, по которымъ нога привыкла бродить лѣтомъ. Въ моей жизни былъ одинъ такой чудный день, и въ моей памяти онъ сдѣлалъ неизгладимое впечатлѣніе.

18... года, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, ѣхалъ я по грязной Тульской дорогѣ въ Москву (тогда шоссе еще не существовало): нога за ногу тройка почтовыхъ лошадей привезла меня на станцію въ небольшую деревеньку *Волоть*, не красивую и стоящую около небольшой рѣчки, тоже Волоти. Я хотѣлъ передвинуться далѣе, но станціонный смотритель съ извѣстнымъ хладнокровіемъ объявилъ мнѣ, что за неизмѣнимъ лошадей нужно сдѣлать порядочное отдохновеніе отъ далекаго и долгаго пути. Странно однакожь, я вовсе не оскорбился этимъ чрезвычайнымъ объявленіемъ, можетъ быть въ самомъ дѣлѣ отъ того, что усталъ день и ночь сидѣть, дремать и покачиваться въ очень спокойномъ тарантасѣ; можетъ быть, отъ того, что мнѣ захотѣлось поразмять ноги, которыя нѣмѣли безъ моціона; какъ бы то ни было, но я съ нѣкоторымъ удовольствіемъ согласился ждать лошадей, и чтобы вполне воспользоваться случаемъ, — надѣлъ шапку и пошелъ смотреть окрестности Волоти. Тихо и прескромно катилась маленькая рѣчка около низкихъ береговъ, окруженная небольшими холмами, засѣянными озимымъ хлѣбомъ; я шелъ по ея берегу, и непримѣтно очутился передъ небольшимъ, полукруглымъ прудомъ съ плотиною, на которой стояла хорошо устроенная мельница; колеса ея вертѣлись нагорною водою, которой ключъ, выходясь изъ-подъ небольшого холма, наполнялъ прозрачную струей прудокъ, гдѣ рѣзвилась мелкая рыба. Мнѣ очень захо-

тѣлось узнать, кому принадлежало это прекрасное мѣсто, — но, къ несчастію, мельница была заперта, и ни одного живаго существа, кромѣ нѣмой рыбы и докучливой цѣпной сабаки, не являлось моимъ глазамъ. Я стоялъ на плотинѣ, смотрѣлъ задумчиво въ воду, и любопытство мое, по необходимости, начало уже укладываться на мѣсто, какъ при однотонномъ журчаніи ручья мнѣ послышались шаги человѣка, идущаго на плотину по узенькой тропинкѣ. По одеждѣ его я видѣлъ, что это былъ священникъ, и любопытство еще сильнѣе появилось во мнѣ. — Вѣроятно, вы очень удивлены, нашедши меня въ этомъ одинокомъ мѣстѣ? — сказала я священнику, испросивъ его благословенія. — «Нѣтъ! Милостивый Государь,» отвѣчалъ онъ, «мы не рѣдко видимъ незнакомыхъ, посѣщающихъ нашъ *Салынский колодезь*.» — Гдѣ же этотъ Салынский колодезь о которомъ вы говорите? — «Да вотъ онъ передъ вами; прудъ, который вы видите, по распоряженію помѣщика, запруженъ весьма недавно, и тотчасъ наполнился водою довольно быстро источника, слывущаго, не безъ причины, *Салынскимъ* колодеземъ; и теперь мельница доставляетъ значительную пользу мѣстному владѣльцу.» — Позвольте беспокоить васъ еще вопросомъ: какая была причина назвать этотъ нагорный ключъ Салынскимъ колодеземъ? — «Потрудитесь взойти на этотъ холмъ; тамъ на равнинѣ вы увидите нѣсколько бѣлыхъ камней: это остатки отъ бывшей нѣкогда церкви, во имя Дмитрія Селунскаго чудотворца. Ее окружали кельи иноковъ, которые, можетъ быть, довольствуясь скудной монастырской трапезой, утоляли жажду изъ свѣтлаго ручья, текущаго передъ вашими глазами; святые люди перешли въ вѣчность; кельи ихъ раскопаны, ограда развалилась; а храмъ, одинокій, еще долго служилъ для околныхъ крестьянъ приходскою церковью; наконецъ и онъ уничтоженъ рукою могущаго времени, и только день мученика, празднуемый, по преданію, въ здѣшней окрестности, да Дмитрова суббота — напоминаютъ о построеніи Дмитріемъ Донскимъ обители *Селунской*.» — Дмитріемъ Донскимъ, сказали вы; но почему же известно, что Дмитрій Донской построилъ здѣсь обитель? — И я узналъ, что объ этомъ издревле существуетъ преданіе.

Въ 1380 году, разбивъ Мамай, Дмитрій Донской возвращался съ Куликова поля въ свою столицу, и въ день своего

ангела, Октября 21-го числа, остановился на этомъ мѣстѣ. Совершивъ память о храбрыхъ, падшихъ на полѣ брани, онъ повелѣлъ устроить обитель въ честь своего знаменитаго покровителя, и съ того времени указала Русской Церкви творить общее поминове- ніе въ Дмитрову субботу, что потомъ подтвердилъ и въ Троиц- вомъ монастырѣ угодника Божія Сергія. Это преданіе вѣрно; но, кажется, не записано исторіею. Можно пожалѣть, что археоло- гія у насъ идетъ не довольно быстро, а между тѣмъ памятники истребляются временемъ, и вслѣдъ за ними гибнетъ и само преданье.

Я поблагодарилъ благороднаго, образованнаго священника, и съ неизъяснимымъ удовольствіемъ пошелъ на указанное мѣсто разсматривать остатки Селунскаго храма. Пять или шесть бѣ- лыхъ камней, собранныхъ на межахъ, вѣроятно крестьянами, что- бы не препятствовали пахотѣ, — вотъ все, что осталось отъ па- мятника, который строился на долгія, можетъ быть, на вѣчныя времена. Восторгъ мой смѣнился глубокою мыслию о судьбахъ человѣчества, и я почти съ грустію возвратился въ деревню....

В. Т.

СТАТИСТИЧЕСКІЯ ИСЧИСЛЕНІЯ *. — Ежели принять, что почти тысяча милліоновъ людей живутъ на земномъ шарѣ, и что 33 года составляютъ поколѣніе, то въ теченіе сего вре- мени умираетъ 1000 милл. человѣкъ. Слѣдовательно въ каждый годъ умираетъ 30 милл., въ каждый часъ 3400, въ каждую ми- нуту 60, и въ каждую секунду одинъ человѣкъ. Но какъ число умирающихъ къ числу рождаемыхъ содержится какъ 10 къ 12, то въ каждый годъ рождается 36 милліоновъ, въ каждый день 98,400, въ каждую минуту 72, и въ каждую секунду 1,0.

Еслибъ не умирали люди, то бы теперь жило на землѣ 473 тысячи милліоновъ человѣкъ. А такъ какъ твердой земли находится 1587 билліоновъ квадратныхъ шаговъ, то на каждого изъ сихъ людей досталось бы по 9110 таковыхъ шаговъ земли.

Ежели на 100 лѣтъ положить три поколѣнія, и принять, по Греческимъ хронографамъ, что отъ сотворенія міра протекло

* Въ одномъ сборникѣ прошлаго столѣтія, коимъ Редація одолжена бла- госклонности А. А. Ягелямана, попались намъ эти исчисленія. Вѣроятно, наука имѣетъ теперь гораздо вѣрнѣйшія показанія, но нигдѣ не встрѣ- чали мы ихъ съ такими подробностями. *Ред.*

слишкомъ 5700 лѣтъ, то со времени сотворенія міра выйдетъ 171 поколѣніе, отъ потопа 124, а отъ Рождества Христова 53. Поелику же нѣтъ теперь ни одной фамиліи, которая могла бы доказать происхожденіе свое далѣе времени Карла Великаго, то изъ сего и слѣдуетъ, что самые старшіе въ Европѣ дома не могутъ счесть болѣе 30 поколѣній, да и изъ тѣхъ большая часть должны брать приближище свое къ баснямъ. Но что такое есть блескъ 30 предковъ противу 124, о которыхъ даже и не знаютъ, кто они таковы были?

Число жителей въ государствѣ или въ городѣ возобновляется чрезъ каждыя 30 лѣтъ; а во 100 лѣтъ возобновляется человѣческій родъ $3\frac{1}{4}$ раза.

Изъ всѣхъ жителей въ государствѣ четвертая доля живетъ обыкновенно въ городахъ, прочія же части находятся въ деревняхъ.

Изъ 200 рожденныхъ младенцевъ нельзя полагать ни одного, который бы умиралъ при самомъ рожденіи.

Изъ 100 рожденныхъ младенцевъ не можно полагать ни одного, который бы умиралъ въ первыя 6 недѣль.

Изъ 1000 дѣтей, коихъ кормятъ грудью сами матери, умираетъ не болѣе 300; а изъ 1000 дѣтей, которыхъ наемныя кормилицы кормятъ, умираетъ 500.

Въ нынѣшній роскошный вѣкъ увеличилось чрезвычайно число умирающихъ дѣтей; большую же часть оныхъ умерщвляютъ конвульсіи и зубныя болѣзни.

На 115 умирающихъ полагаютъ одну женщину, которая умираетъ вскорѣ послѣ родовъ; а на 400 умершихъ полагаютъ одну, которая замучивается родами.

Примѣчено, что отъ натуральной оспы умираетъ больше дѣвочекъ, нежели мальчиковъ.

Въ 3125 умершихъ находится только одинъ, который прожилъ болѣе 100 лѣтъ. Престарѣлые люди бывають болѣе въ гористыхъ, нежели въ низкихъ сторонахъ.

Соразмѣрность прекраснаго пола къ мужескому въ смерти есть, какъ: 100, 110, 108. Вѣроятное и среднее продолженіе жизни у женщинъ есть до шестидесятаго года болѣе, нежели у мужчинъ. Но послѣ того времени оно благопріятствуетъ болѣе мужескому полу.

Между женщинами замужнія живутъ долѣе, нежели незамужнія.

Изъ пятидесятилѣтнихъ наблюденій оказалось, что большая часть людей умираетъ въ Мартъ, въ Августъ и въ Сентябрь, а меньшая часть, напротивъ того, въ Ноябрь, въ Декабрь и въ Февраль.

Половина рождаемыхъ умираетъ до 17 лѣтъ, такъ что тѣ, кои не доживаютъ, или переживаютъ оное время, пользуются преимуществомъ, до котораго цѣлая половина рода человеческого не достигаетъ.

Число замужнихъ женщинъ ко всему женскому полу въ государствѣ содержится, какъ 1 къ 3, а число женатыхъ мужчинъ къ мужскому полу, какъ 3 къ 5.

Число мальчиковъ, рождающихся ежегодно, содержится къ числу дѣвочекъ, какъ 21 къ 20, или какъ 104 ко 100; такъ что ежели въ государствѣ родилось 100 дѣвочекъ, то обыкновенно мальчиковъ рождается 104, и слѣдовательно 4 мальчика болѣе. Но какъ во время малолѣтства умираетъ больше мальчиковъ, нежели дѣвочекъ, то число мужчинъ и женщинъ въ совершенныхъ лѣтахъ бываетъ равно въ обоихъ полахъ.

Изъ 65 или 70 рожденныхъ младенцевъ одна только пара бываетъ близнецовъ.

Число браковъ къ числу жителей въ государствѣ есть, какъ 175 къ 1000.

Изъ всего женскаго пола въ государствѣ рождаетъ ежегодно только осмнадцатая женщина, изъ всѣхъ женщинъ, какъ замужнихъ, такъ и незамужнихъ, кои старѣе 12 лѣтъ, рождаетъ двѣнадцатая, а изъ замужнихъ шестая.

Во цѣломъ государствѣ не можно полагать болѣе 4 дѣтей на мужа съ женою; въ городахъ же считаютъ на 10 семей только по 35 дѣтей.

Число вдовъ содержится обыкновенно къ числу вдовцевъ, какъ 3 къ 1. Но число вдовъ, выходящихъ вторично замужъ, содержится къ числу тѣхъ вдовцевъ, кои опять женятся, какъ 100 къ 116, или какъ 4 къ 6.

По наблюденіямъ врачей, изъ 100 лицъ въ городахъ во весь годъ никогда не бываетъ болѣе 20, кои лежатъ больны цѣлый мѣсяцъ, а больше 14 такихъ, кои лежатъ болѣе двухъ недѣль.

СУДОРОГИ ВЪ РУЧНЫХЪ ПАЛЬЦАХЪ ОТЪ ПРЕФЕРАНСА.—

Въ общепользующей газетѣ »Другъ здравія« нашли мы слѣдующее извѣстіе, которое не мѣшаетъ принять къ свѣдѣнію всѣмъ любителямъ картъ. «Въ теченіе моей немноголѣтней практики, случилось мнѣ видѣть нѣсколько разъ особенныя судороги въ ручныхъ пальцахъ. Судороги эти, то ограничивались одними верхушками трехъ первыхъ пальцевъ, то, завявъ все пальцы, распространялись по ручной кисти и отражались иногда даже около локтеваго сгиба. Онѣ, то беспокоили постоянно; то съ нѣкоторою перемежкой, то обнаруживались легкимъ, безболѣзненнымъ подергиваніемъ, то сопровождались значительною болью. Подвергнушіеся этому припадку люди были различныхъ лѣтъ (начиная съ юношескаго возраста), темперамента почти всегда нервнаго, тѣлосложенія слабаго, изнуреннаго. Разспрашивая о прежней и настоящей ихъ жизни, я каждый разъ узнавалъ, что они не портные, не музыканты, и даже не пишутъ металлическими перьями, да и гусиными развѣ изрѣдка. По странному, можетъ быть, стеченію обстоятельствъ, всѣ они были любители преферанса и другихъ коммерческихъ карточныхъ игоръ, которыми охотно посвящали все досужное время. Не находя ничего особеннаго, что могло бы служить причиною этого страданія, ни въ занятіяхъ служебныхъ и домашнихъ, ни въ образѣ жизни, ни даже въ сложеніи обращавшихся ко мнѣ за совѣтомъ лицъ, я невольно приписываю эти припадки особенному, непомѣрно частому движенію пальцевъ за картами; дѣйствіе мѣла здѣсь также не должно оставаться безвреднымъ : онъ, истираясь около разогрѣтыхъ, съ истонченною наружною кожею пальцевъ, всасывалась, раздражаетъ. Безпрерывное напряженіе вниманія все на одинъ предметъ, тревожное состояніе духа въ случаѣ проигрыша, сильныя порывы удовольствія при выигрышѣ, и т. п., приводятъ все тѣло въ судорожное состояніе, а тѣмъ болѣе руки и пальцы. Это дѣлалось тѣмъ болѣе несомнѣннымъ, когда больные сами чистосердечно сознавались, что судороги эти проявлялись и усиливались именно во время, или послѣ учащенной карточной игры. Мѣстомъ этой болѣзни въ легкихъ случаяхъ должна быть оболочка нервной оконечной мякоти, въ болѣе сильныхъ случаяхъ — это болѣзненное состояніе переходитъ на концы сухожильей мышцъ, сгибающихъ и разгибающихъ ручные персты,

а отсюда сообщается и самымъ мышечнымъ волокнамъ на неопредѣленное разстояніе. Лечение вполне утвердило меня въ причинѣ болѣзни: — иногда одно воздержаніе отъ карточной игры, а иногда при этомъ обмыванія изъ кельнской воды (Eau de Cologne), камфорн. спирта, аромат. спирта, приносили совершенное исцѣленіе отъ болѣзни, которая легко возобновлялась всякій разъ, когда скущающіе больные, предпочитая мнимое, невѣрное удовольствіе здоровью, садились опять за зеленый столъ.»

ПРОГРЕССЪ ВЪ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ. — Въ Парижѣ вышла книжка, подъ заглавіемъ *»Богатство земледѣльца«* (Richesse du cultivateur et de l'instituteur primaire). Цѣль ея изданія благотворительная: вырученныя за продажу деньги назначены на вспомошествованіе бѣднымъ.

Представьте себѣ, что вы живете въ деревнѣ (понимается, что мѣсто дѣйствія — Франція), любите помогать ближнему, но денегъ у васъ мало; любите также поиграть въ вистъ, а играете плохо: пренепріятное положеніе! Сидите вы вечеркомъ, раздумываете о своемъ горѣ, вдругъ отворяется дверь, входитъ *»comptis-voyageur«* и подаетъ вамъ *»Богатство земледѣльца.«* Вы обрадовались случаю — сдѣлать доброе дѣло, и покупаете книгу. Доброе дѣло никогда не остается безъ вознагражденія! Вмѣстѣ съ *»Богатствомъ земледѣльца«* вы получаете отъ общества благотворителей подарокъ: безденежно приложенный *»Трактата о вистѣ.«* *»Богатство земледѣльца«* вы дарите какому-нибудь земледѣльцу, а сами принимаетесь за *»Трактатъ о вистѣ«* и начинаете выигрывать.... Земледѣліе процвѣтаетъ, бѣдные богатыютъ, вы также! — Какая безконечная цѣль добрыхъ дѣлъ!

ЖИВОПИСНЫЙ КАВКАЗЪ. — Вотъ что пишутъ во Французской Иллюстраціи: *»Книгопродавцы Жидъ (Gide) и Жюль Бодри объявляютъ о выходѣ четырехъ первыхъ выпусковъ одного изъ великолѣпнѣйшихъ иллюстрированныхъ изданій, котораго когда-либо производила Франція. Это изданіе — живописный Кавказъ: оно будетъ состоять изъ 20 выпусковъ и заключать въ себѣ 100 большихъ вѣтвей in-folio, литографированныхъ нашими лучшими художниками. Эстампы, подъ которыми мы читаемъ имена Гг. Бошенъ, Барона, Байо, Эжена Сисері, Эжена Леру, Мульерола, Целестина Понтель и Сабатье, отпе-*

чатаны съ роскошью въ мастерской Г. Демерсье,—въ два цвѣта, по новому литографическому способу, на бристольской бумагѣ. Но главное ихъ достоинство въ томъ, что ими со всевозможною вѣрностью воспроизведены неподобныя акварели Кн. Григорія Гагарина, привезенныя имъ изъ его путешествій.

»Никогда, можетъ быть, ни одинъ путешественникъ не успѣлъ съ такимъ вкусомъ выбрать самыя характерическія и самыя мало-извѣстныя сцены, изъ видѣнныхъ имъ; но главное, никогда ни одинъ не воспроизвелъ ихъ такъ удачно. Всѣ акварели, служившія моделями эстампамъ *«Живописнаго Кавказа»*, не уступаютъ картинамъ самыхъ славныхъ мастеровъ: онѣ тѣмъ болѣе достойны любознательнаго вниманія, что знакомятъ насъ съ страной, менѣе другихъ извѣстной и извѣданной. Это — или виды мѣстностей, городовъ и памятниковъ, — или снимки съ туземныхъ костюмовъ, или наконецъ цѣлыя сцены.... |

»Кн. Григорій Гагаринъ долго жилъ въ странахъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ Кавказа, и тщательно изучалъ ихъ обычаи. Онъ объѣздилъ и нарисовалъ Кавкаскій берегъ Чернаго моря, Мингрелію, Ахалцыхъ, Арменію, Грузію, Кахетію, области, окаймляющія военную дорогу отъ Владикавказа до Тифлиса, Ширванъ, Дагестанъ южный, средний и сѣверный, все протяженіе Терека....

»Живописный Кавказъ« отнюдь не собраніе однихъ рисунковъ: соотечественникъ Князя, Графъ Эрнстъ Штакельбергъ, вызвался напечатать текстъ, въ который войдетъ много новыхъ данныхъ по предмету исторіи, нравовъ, обычаевъ и вѣроисповѣданія племенъ, населяющихъ Кавказъ. Текстъ будетъ состоять изъ введенія (оно уже явилось съ первымъ выпускомъ) и изъ ряда статей, которыя послужатъ истолкованіемъ и поясненіемъ эстамповъ.»

Спѣша подѣлиться этою новостью съ нашими читателями, мы не можемъ не изъявить полной признательности Кн. Гагарину за прекрасную мысль — ознакомить Европу съ одной изъ интереснѣйшихъ странъ нашего обширнаго отечества. Въ свое время мы поговоримъ объ этомъ изданіи подробно.

КНИГА ДЛЯ НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ. — На конкурсъ, объявленный Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, на сочиненіе простонародныхъ книгъ, представлено было къ составленію

нѣю 33 рукописи. Изъ нихъ только *одно* сочиненіе, съ девизомъ: *У каждой пташки своя пьсенка*. Ученый Комитетъ Министерства призналъ заслуживающимъ награды. »Въ этомъ сочиненіи (сказано въ отчетѣ Комитета), состоящемъ изъ 22 бесѣдъ крестьянина Миронова и его жены съ крестьянами и ихъ дѣтьми, авторъ разсматриваетъ разнообразныя стороны быта поселянъ и разные предметы нравственнаго міра, простолюдину доступные. Въ оживленномъ разсказѣ, принимающемъ часто драматическія стороны, сочинитель старается развить понятія крестьянина, указать ему его ошибки, происходящія отъ невниманія или отъ силы привычки, имѣя притомъ постоянно цѣлю заставить крестьянина думать о томъ, *какъ онъ что дѣлаетъ и какъ съ чѣмъ долженъ поступать*. Развитие понятій почти вездѣ просто, послѣдовательно, и потому доступно способностямъ крестьянъ, даже мало приготовленныхъ къ усвоенію читаемаго. Вообще предметъ и форма сочиненія обнаруживаютъ въ авторѣ просвѣщенную начитанность, знаніе быта и подробностей Русскихъ поселянъ, и талантъ бесѣдовать съ простолюдинами понятнымъ и занимательнымъ для нихъ образомъ. Языкъ рукописи правленъ, простъ и вполне соответствуетъ назначенію труда.» Основываясь на такой оцѣнкѣ сочиненія, Ученый Комитетъ присудилъ автору его золотую медаль въ 50 червонныхъ. По вскрытіи конверта, заключавашаго въ себѣ имя автора увѣнчанной рукописи, оказалось, что она написана Г-жею *М. Ф. Голембовскою* (въ Москвѣ).

Увѣнчанное сочиненіе будетъ издано на счетъ Министерства, и мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ появленія его.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

Г. Коласевъ приготовляетъ Историко-юридическій Сборникъ, который выйдеть въ свѣтъ въ нынѣшнемъ году. Нельзя не порадоваться этому предпріятію: до сихъ поръ у насъ не было изданія, посвященнаго исключительно Русскому праву.

Описаніе Музея почтеннаго собирателя нашихъ древностей, *П. Ф. Каранова*, составленное *Г. Филимоновымъ*, скоро поступитъ въ продажу.

Вышла 7-я тетрадь «Русской Старины» *Г. Мартынова*; а первая шесть тетрадей этого изданія появились вновь, въ маломъ форматѣ.

Г. Тихонравовъ, во Владимирѣ, описалъ подробно монастыри Успенскій и Рождественскій. Это будетъ прекрасное дополненіе къ книгѣ Господина Доброхотова, который (поправимъ кстатъ нашу опечатку) въ числѣ авторовъ, украшающихъ Владимирскія Губернскія Вѣдомости въ 18 номерѣ названъ былъ Доброхотовымъ.

Мы говорили, что Г. Профессоръ Савванитовъ собралъ богатое количество запасовъ для Исторіи Вологодской Иерархіи, а Г. Профессоръ Певоструевъ — Симбирской. Теперь можемъ присоединить къ нимъ еще имя достопочтеннаго Профессора, Отца Иеромонаха Макарія, который занимается пространнѣмъ сочиненіемъ объ Иерархіи Нижегородской.

Дѣтскій журналъ «Звѣздочка,» уже семь лѣтъ съ честію издаваемый извѣстною нашею писательницею А. О. Шишковой, съ слѣдующаго года будетъ выходить въ двухъ независимыхъ одинъ отъ другаго видахъ, подъ особыми названіями: «Лучи», журналъ для дѣвицъ, и вообще для юношества, и «Звѣздочка,» назначаемый собственно для дѣтства. Мысль, лежащая въ основѣ такого раздѣленія, прекрасна, а въ томъ, что исполненіе ея достигнетъ своей цѣли — ручается имя издательницы. При книжкахъ «Звѣздочки» будутъ выходить иногда картинки; при книжкахъ «Лучей» каждый мѣсяцъ — листъ съ узорами вышиванья и выкроекъ.*

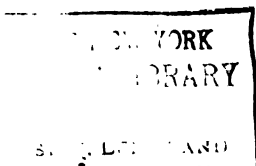
МОСКВА. ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ законенное число экземпляровъ. Москва, Октября 14-го 1849 года.

Ценсоръ В. Лешковъ.

* Подписываться можно на каждый журналъ и на оба вмѣстѣ. Цѣна за «Звѣздочку» 5 руб. сер.; за «Лучи» 6 руб. сер.

APR 17 1955

